Отто Скорцени и секретные операции абвера

К А Залесский

SHOUT
SHARE
IT

- Залесский К А

Залесский К А
Отто Скорцени и секретные операции абвера

Залесский К. А.

Отто Скорцени и секретные операции абвера

Предисловие

В этом сборнике читатель сможет познакомиться с тремя произведениями разного жанра, но при этом логически и фактически связанными одной сквозной темой, не потерявшей своей актуальности до наших дней. Тема эта - ведшаяся накануне и в ходе Второй мировой войны подрывная деятельность абвера военной разведки и контрразведки гитлеровского вермахта, которая возглавлялась небезызвестным специалистом этого дела - адмиралом Вильгельмом Канарисом. Немаловажную роль играли здесь и два других постоянно конкурировавших между собой террористическо-карательных ведомства (оба они входили в состав зловещего гиммлеровского Главного управления имперской безопасности (РСХА*): управление внешнеполитической разведки Вальтера Шелленберга и гестапо "папаши" Мюллера.

Все эти разведывательно-диверсионные и террористические органы Третьего рейха в той или иной, прямой или косвенной форме были накрепко связаны с именем автора первой включенной в сборник книги - весьма удачливого, дерзкого и (употребляя новомодное словцо) крутого эсэсовского обер-бандита. Исполосованная шрамами (отнюдь не в бою, а в пьяных студенческих стычках) наглая физиономия этого любимца Гитлера уже давно стала визитной карточкой оберштурмбаннфюрера СС (подполковника) Отто Скорцени - одного из главных головорезов "черного ордена" с эмблемой "мертвой головы". Несмотря на то, что Международный военный трибунал в Нюрнберге признал СС преступной организацией, Скорцени - руководитель ее военной спецслужбы - избежал заслуженного возмездия, вовремя перейдя на службу к новым хозяевам, которым мог пригодиться в начавшейся "холодной войне" между Западом и Востоком. А потому он цинично решился поведать миру о своих "геройствах" на службе фюреру и рейху.

Уже в 1950 году он выпустил свою книгу "Секретная команда Скорцени", где с "правдивостью" незабвенного барона Мюнхгаузена и хлестаковской "легкостью в мыслях

необыкновенной" живописует свои военные "подвиги", стараясь отмыться от собственных кровавых дел и попытаться сохранить "в подлости оттенок благородства", что ему, разумеется, не удалось. Этот "плутовской роман" эсэсовского авантюриста был издан во многих странах Запада, выпущен также на французском языке, с которого и сделан публикуемый в данном сборнике русский перевод.

Но никак нельзя при этом пройти мимо того, что в предисловии к французскому изданию его публикаторы "нечаянно" (а может быть, намеренно?) забывают, что Скорцени - отнюдь не безобидный мемуарист, ностальгически повествующий о событиях дней минувших, а официально признанный немецкий военный преступник. Они даже "простодушно" (?) восхищаются теми "невероятными приключениями... что выпали на долю этого офицера СС личности, признаемся откровенно, так и не сумевшей реализовать себя до конца". К счастью для человечества, разгром гитлеровской Германии помешал этому эсэсовскому мерзавцу полностью реализовать свои гнусные качества террориста и мастера кровавых дел, что дорого обошлось бы свободолюбивым народам, в том числе и французскому... И все же, при объективной, весьма критической оценке дышащих самовлюбленностью и самоупоением писаний Скорцени интересующийся историей Второй мировой войны и обогащенный современным политическим опытом читатель сможет узнать немало любопытных подробностей о подготовке и проведении различных диверсионных и террористических актов (в частности, о похищении свергнутого в 1943 году Муссолини, о противоречащих международному праву диверсионных действиях "команды Скорцени" во время последней попытки Гитлера в декабре 1944 года предпринять контрнаступление в Арденнах и о многом другом). Но при этом не надо забывать, что книга Скорцени - не покаяние, а панегирик военного преступника самому себе. К его воспоминаниям, как уже сказано, следует подходить критически, не забывая, что это - попытка набить себе цену и извратить преступный смысл своей деятельности.

Вот почему читателю будет полезно и поучительно с большим вниманием прочесть документальный и строго научный (что отнюдь не делает его сухим и скучным) рассказ немецкого публициста и историка Юлиуса Мадера, который в буквальном и переносном смысле слов как следопыт в дебрях секретности шел по следам этого человека со шрамами. (Кстати, именно Мадер дал ему эту прилипшую к его облику кличку.) Этот документальный рассказ служит как бы своеобразным контрапунктом к апологетическому жизнеописанию, вышедшему

из-под пера самого Скорцени, и проливает истинный свет на его "геройства". Достаточно напомнить слова Скорцени, сказанные им даже в 1960 году: "Будь Гитлер жив, я был бы рядом с ним!" (что отнюдь не помешало ему вступить в активное сотрудничество со спецслужбами США и участвовать в реакционных, профашистских и неонацистских движениях различных стран). А под конец Скорцени, действовавший под личиной коммерсанта, нашел покровительство у испанского каудильо Франко и вместо того, чтобы быть вздернутым на виселице, спокойно скончался в Мадриде 5 июля 1975 года в собственной постели.

"Войны возникают не случайно и не вдруг, их заблаговременно планируют и тщательно готовят", - со знанием дела констатирует в заключающем сборник документальном очерке Юлиуса Мадера "Говорят генералы шпионажа" один из руководителей абвера. В очерке на большом документальном материале (главным образом на основе письменных показаний этих генералов в советском плену) освещаются история, структура, методы деятельности и важнейшие шпионско-диверсионные операции этого секретного ведомства гитлеровского вермахта, а также его крупные просчеты в оценке военной мощи и экономического потенциала Советского Союза. Мадер доводит повествование об абвере до конца февраля 1944 года, когда эта спецслужба была за свои неудачи и из-за недоверия к ней Гитлера и Гиммлера расформирована, включена в состав Главного управления имперской безопасности и таким образом полностью подчинена своему злейшему конкуренту - СС. Сам же "двуликий адмирал" Канарис (уже давно осознавший, что война проиграна, и стремившийся к сепаратному миру с Западом) после провала антигитлеровского Июльского заговора 1944 года вместе со своим заместителем генерал-майором Гансом Остером за причастность к этому заговору был повешен в концлагере Флоссенбюрг.

Целесообразно обратить внимание читателя на то, что обе книги Юлиуса Мадера были написаны в период обостренной "холодной войны" между двумя противостоявшими на мировой арене военно-политическими блоками. Это были годы, когда Западная Германия при содействии западных держав, прежде всего США, используя при создании бундесвера старые военные кадры (включая в ряде случаев одиозных эсэсовских преступников), усиленно ремилитаризировалась и перевооружалась с целью вступления в НАТО, чему категорически противились СССР и ГДР. Поэтому обе книги написаны в резко полемических тонах, что, однако, нисколько не снижает их фактологической и познавательной ценности. С тех пор, как

известно, военно-политическая обстановка в Европе и во всем мире кардинальным образом изменилась, а потому некоторые прежние критерии, суждения, понятия и пропагандистские клише устарели.

Григорий Рудой

Отто Скорцени

Мои секретные задания

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

По трем причинам взялись мы за публикацию мемуаров Отто Скорцени, родоначальника нацистских коммандос. Прежде всего, очень сложно найти как в реальной жизни, так и в художественной литературе более невероятные приключения, чем те, что выпали на долю этого офицера СС - личности, признаемся откровенно, так и не сумевшей реализовать себя до конца. Освобождение Муссолини и занятие Замка на горе в Будапеште сделали бы честь героям Дюма и гангстерских романов 30-х годов. Редкий кинобоевик содержит в себе столько приключений, сколько их пережил Скорцени, выполняя секретные задания в разных странах Европы.

Во-вторых, редко когда человек, не занимавший каких-либо значительных постов ни в иерархии государственной власти, ни в армии, играл такую роль в истории Второй мировой войны. Скорцени, один из сотен тысяч обычных немецких офицеров, на какое-то время сковал действия целой армии союзников!

И вместе с тем Скорцени не герой в "чистом виде", это самый настоящий эсэсовец, фанатично преданный фюреру и рейху. И это - третья причина, по которой мы взялись публиковать эту книгу. Феномен Скорцени - кристаллизация духа национал-социализма в самой опасной и заразной форме. Военная машина рейха, работающая, казалось бы, как часы, как вы увидите, читая книгу, ничто без таких людей, как Отто Скорцени.

РОЖДЕНИЕ КОММАНДОС

Вот уже больше года, как я был не у дел. Ослабевший после дизентерии, подхваченной в последнюю русскую кампанию, я смирился с приговором врачей, признавших меня негодным, во всяком случае сейчас, к службе в боевых частях. В должности военного инженера я прозябал в тыловой части под Берлином. Когда осенью 1942 года я узнал, что дивизии СС будут превращены в танковые, то направил рапорт с просьбой разрешить мне пройти курсы танковых офицеров. Затем мне удалось получить назначение в 3-ю танковую дивизию СС. Вскоре, однако, новый приступ дизентерии показал, что мое состояние не позволяет выдерживать чрезмерные нагрузки. После нескольких недель, проведенных в госпитале, я был снова отправлен в свою

берлинскую часть. К счастью, не надолго.

В начале апреля 1943 года я был вызван в Главный штаб войск СС. Там один из высокопоставленных офицеров сообщил мне, что требуется офицер с хорошим техническим образованием для организации "специальной части". Чтобы уточнить задачу, которую собирались поставить перед этим подразделением, мой собеседник коротко обрисовал схему различных спецслужб, собранных под крылом абвера (секретная служба вермахта). Так я первый раз прикоснулся к совершенно секретной области, о которой знали только посвященные. Надо сказать, что я имел о ней самое поверхностное представление. Чтобы вам стал понятен круг проблем, которыми я должен был отныне заниматься, расскажу об общей структуре этой организации.

Абвер подчиняется непосредственно Верховному главнокомандованию вермахта (ОКВ). Он состоит из трех служб. Первый отдел занимается собственно военной разведкой. Второй отдел активно действует только в военное время. Он занимается подготовкой и проведением диверсионных и террористических актов в тылу противника, а также осуществляет мероприятия по деморализации войск врага посредством соответствующей пропаганды. Третий отдел ведет контрразведку, то есть организует борьбу против шпионов и диверсантов противника в собственных тылах.

(Я допускаю, что слова "шпионаж", "террористический акт" и "диверсия" кажутся пугающими и отвратительными многим обывателям, поэтому должен напомнить, что подобные службы, хотя бы и замаскированные под разными благозвучными названиями, существуют во всех странах. В настоящее время все великие державы вынуждены содержать свою Интеллидженс сервис или, как это скромно называют французы, Второе бюро.)

В начале войны Верховное главнокомандование создало в подчинении руководителей секретных служб ударный батальон "Бранденбург". Мало-помалу этот батальон вырос и превратился к январю 1943 года в штурмовую дивизию "Бранденбург". На это соединение были возложены задачи по проведению некоторых секретных операций, в том числе разрабатывавшихся Службами безопасности. Вокруг этих операций висела такая плотная завеса секретности, что большинство населения не знало даже о существовании этой дивизии. Но вот уже почти год, как Главное командование войск СС решило создать вторую подобную часть, она получила кодовое название "Специальный учебный лагерь Ораниенбург". И руководство СС искало офицера, обладающего знаниями по всем военным специальностям, а также разбирающегося в технике, чтобы поручить ему возглавить это

подразделение и ускорить его подготовку.

Этот пост и был мне предложен моим собеседником. Я сразу же представил себе все последствия этого назначения. Приняв неожиданное предложение, я решительно покончу с обычной военной жизнью, чтобы занять особое место, которое предназначено не для всех. Мне пришел на память девиз Ницше: "Жить надо в опасности!". "Может быть, в этом качестве я смогу послужить моей родине наиболее эффективным образом в момент, когда Германия вступила в тяжелый и жестокий период своей истории", - подумал я. Это последнее соображение в конце концов, вероятно, и повлияло на мое решение. Я принял предложение, оставив за собой право на отставку, если моих возможностей и способностей окажется недостаточно для такой деликатной миссии.

20 апреля 1943 года я получил новое назначение вместе со званием капитана запаса. Перед тем как приступить к своим обязанностям, я был представлен шефу отдела политической разведки Службы безопасности, генералу СС Вальтеру Шелленбергу. Это был еще достаточно молодой человек, весьма элегантный, казавшийся очень любезным. По правде говоря, я не очень много понял из его объяснений. В конце концов, я только что переступил порог области деятельности, с которой до этого был совсем незнаком. Я понял только, что подразделение, которым мне предстояло командовать, должно было быть готовым совершать рейды по тылам противника и что первая группа уже готова к отправке. Вот о чем шла речь.

Нефтедобывающие районы южного Ирана были оккупированы почти с самого начала войны английскими войсками, в то же время север страны находился под "защитой" нескольких русских дивизий. С другой стороны, союзники максимально использовали иранские железные дороги для перевозки в Россию все возрастающего количества военного снаряжения. Особенно это относилось к США, которые с момента вступления в войну, 1 декабря 1941 года, своими массированными поставками значительно укрепили способность Советского Союза к сопротивлению. Это в общих чертах было уже мне знакомо, но только теперь я понял, в каких гигантских объемах выражалась эта помощь. Я стал отдавать себе отчет в чрезвычайной важности помощи союзников для России. Тогда передо мной ставилась задача перерезать или, по крайней мере, постоянно угрожать этим путям сообщения, атакуя их прямо в центре страны. Шелленберг надеялся достичь этой цели, оказав поддержку мятежным горным племенам, которые отказывались подчиняться центральным иранским властям. Небольшие

специально подготовленные группы немецких солдат должны были снабжать оружием восставшие племена кашгайцев и других мятежников и работать с ними в качестве инструкторов. На месте они будут принимать по радио приказы, указывающие, по мере развития событий и в зависимости от необходимости и возможностей, цели для атак.

Уже несколько месяцев два десятка человек из "Специального лагеря" это временное наименование моего будущего подразделения - изучали под руководством иранского инструктора персидский язык. Кроме того, каждой группе будет придан иранец, который станет сопровождать солдат, когда они отправятся на операцию. Первая команда была в целом готова, и оставалось только получить сигнал от немецкого агента, находившегося - естественно, нелегально - в Тегеране.

Для маскировки этого предприятия секретные службы дали ей название "операция "Француз". Место приземления парашютистов - берег соленого озера юго-восточнее Тегерана. Группа в составе двух офицеров, трех унтер-офицеров и одного иранца ждала приказа на вылет. После бесконечных переговоров с люфтваффе* 200-я истребительная эскадрилья согласилась предоставить в наше распоряжение один "Юнкерс-290", единственный немецкий самолет, обладавший необходимым радиусом действия. Пришлось до килограмма рассчитывать вес снаряжения, чтобы самолету хватило топлива на полет туда и обратно. Только тот, кто участвовал в подобных предприятиях, знает, сколько раз надо взвесить, изменить, снова просмотреть каждую деталь, каждую позицию из списка снаряжения. С какой тщательностью надо отбирать каждый предмет: оружие, одежду, боеприпасы и продовольствие, взрывчатку и, плюс ко всему, подарки вождям мятежных племен. Что касается последних, я всегда с ужасом вспоминаю, как лихорадочно искали мы охотничьи ружья с серебряной инкрустацией и пистолеты с золотыми орнаментами на рукоятках!

Местом старта был выбран аэродром в Крыму. К несчастью, взлетная полоса была так коротка, что потребовалось еще облегчить самолет, естественно за счет снаряжения. Затем несколько дней ждали благоприятной погоды, с безлунной ночью, чтобы без проблем пролететь над русской территорией. Когда наконец наступил момент отправки, снова оказалось, что самолет слишком перегружен, поскольку к тому времени ливневые дожди размыли и привели в негодность летное поле. В который раз мы вынуждены были отказываться от части снаряжения. Но было принято решение позднее послать дополнительный самолет, который сбросит на парашютах все, что не смог взять первый.

Наконец все готово. На этот раз взлет состоялся. Через четырнадцать часов тревожного ожидания мы получили первое сообщение, что наши люди благополучно приземлились, живые и здоровые, на иранской территории.

Наступило лето 1943 года. Положение на различных театрах военных действий было неблестящим. Это я мог почувствовать, даже не читая сводок, ибо на каждом этапе организационной работы я наталкивался на упорное сопротивление чиновников. Ни одна из служб, к которым я обращался, не спешила предоставлять в мое распоряжение людей или необходимое оборудование и снаряжение. Все приходилось буквально выдавливать по капле.

Вначале группа, заброшенная в Иран, добилась кое-каких результатов, по правде сказать, достаточно скромных. Им удалось установить связь с отрядом мятежников и выполнить несколько мелких диверсий, в пределах своих возможностей, которые, правда, были не очень значительны, поскольку нам не удалось отправить им обещанное подкрепление. У нас не было достаточного количества самолетов "Юнкерс-290" - это единственный немецкий самолет, способный выполнить такой полет без промежуточной посадки.

Между тем "Специальный лагерь Ораниенбург" сформировал вторую группу в составе шести солдат и одного офицера. В последний момент их отлет задержался из-за аварии самолета при разбеге. Аварии, ниспосланной провидением, как мы узнали на следующий день. Один из наших агентов в Тегеране неожиданно появился в Турции после скоропалительного бегства. Из Константинополя он сообщил - и вовремя, - что наша разведывательная сеть в Тегеране разгромлена, все агенты арестованы. Ему одному удалось спастись.

В этих условиях было бы безумием посылать вторую группу, которая попала бы в полную изоляцию, без всякой связи с Тегераном или с первой группой. Поэтому нам пришлось отказаться от продолжения операции "Француз". К тому же через некоторое время мятежные племена прекратили вооруженную борьбу и сложили оружие, предоставив нашим солдатам выбор: остаться с ними или уйти. Но для наших людей, не владеющих местным языком в совершенстве, добраться до границы с ближайшим нейтральным государством - Турцией было безнадежным делом. Вскоре предводители мятежников были вынуждены выдать немцев английским войскам. Перед угрозой плена один из офицеров покончил жизнь самоубийством, другой вместе с тремя унтер-офицерами был интернирован в лагере на Ближнем Востоке. Эти четверо вернулись в Германию только в

1948 году.

222

В конечном счете операция "Француз" закончилась провалом. Но я должен сказать, что в то время другие задачи казались мне более интересными. Однажды техническая служба VI управления Главного управления имперской безопасности (РСХА) предоставила мне для ознакомления планы, касавшиеся промышленного развития СССР. Так как нельзя было найти никаких сведений об этом ни в прессе, ни даже в работах по географии или политической экономии, этот ворох статистических выкладок, карт, планов и т. п. меня особенно заинтересовал. Сотрудники VI управления выработали и план - под названием "операция "Ульм"" - диверсий, который предусматривал нападение на некоторые оборонные заводы и их полное или частичное уничтожение. Я сразу же понял, что есть возможность значительно ослабить промышленный потенциал врага и эта цель может быть достигнута силами всего одного хорошо подготовленного и умело действующего подразделения коммандос. Но в то время у нас такого еще не было. Организационный этап в создании моего подразделения был еще далек от завершения, и я сознавал, что мне самому надо еще многое узнать.

Я УЧУСЬ

Перед тем как принять на себя командование новым подразделением управления политической разведки, я погрузился с головой в довольно специфическую работу: стал изучать все сообщения и доклады, касающиеся деятельности британских коммандос. Еще в России я увидел, что можно извлечь полезные уроки, критически осмысливая действия противника. Почему нельзя воспользоваться этим методом и в моем нынешнем положении? Признаюсь, я был буквально поражен, изучая операции британских "специальных подразделений", находившихся под командованием лорда Маунтбеттена. Доклады об их дерзких вылазках открыли мне совершенно новые перспективы в нашей деятельности. Было совершенно очевидно, что пресловутая Интеллидженс сервис, всегда окруженная завесой таинственности, с самого начала войны значительно активизировала свои действия.

С другой стороны, я внимательно прочитал рапорты об операциях нашей дивизии "Бранденбург". Мне сразу бросилось в глаза, что это соединение имело в своем распоряжении средства гораздо более скромные, чем у противника, - но это обстоятельство не мешало, однако, часто достигать замечательных результатов.

Последующий анализ того, что я смог узнать, корпя как каторжник - по крайней мере в течение двух недель я прочитал, просматривая и делая выписки, горы документов, - дал мне уверенность, что командование подразделением коммандос предоставит мне великолепную и неожиданную возможность внести мощный вклад в победу Германии. Наши противники не больше нас могли защитить все огромное пространство своих тылов. Нашей задачей было определить среди жизненно важных центров врага те, которые немногочисленные, но хорошо подготовленные и решительно действующие специальные разведывательно-диверсионные подразделения могли подвергнуть нападению с разумным и немалым шансом на успех. Тогда, при соответствующей тщательной подготовке каждой операции и при наличии необходимых средств, мы могли бы достичь важных результатов. С другой стороны, эта задача мне казалась тем более увлекательной, что до сего дня военные усилия Германии почти не обращались к этому направлению.

Именно в те дни я окончательно решил принять на себя руководство подразделением коммандос, существующим или вновь создаваемым. До меня "Специальным лагерем" командовал голландский капитан, член СС. Командирами отделений единственной роты были солдаты, прекрасно знавшие свое дело, приобретавшие свой боевой опыт в течение нескольких лет войны, - это была люди, на которых я мог положиться. У меня была базовая команда, вполне достаточная для начала работы. Напротив, что касается учебного курса и тренировочных занятий, мне не хватало опытных инструкторов. На помощь пришел случай. Во время одного из визитов в штаб-квартиру управления политической разведки я встретил там своего старого товарища, руководившего одним из подразделений СС, Карла Радля, который сразу же принял мое предложение помочь в формировании новой части. Он также представил мне двух офицеров, только что прибывших в распоряжение VI управления, от которых я легко добился согласия перейти ко мне.

Затем я энергично принялся за работу. Я получил приказ развернуть "Специальный лагерь" численностью до батальона. Кроме того, главное командование войск СС поручило мне организовать новый ударный отряд, батальон "Фриденталь". Благодаря хорошим отношениям с офицерами многих армейских частей мне удалось быстро собрать под своим командованием достаточное количество офицеров, унтер-офицеров и солдат, чтобы сформировать второе подразделение. С другой стороны, мы нашли идеальное место для расположения нового подразделения. В местечке Фриденталь, недалеко от Ораниенбурга, среди

гигантского, постепенно возвращавшегося в дикое состояние парка тихо дремал небольшой замок времен Фридриха Великого. Просторные поля в его окрестностях также прекрасно отвечали нашим потребностям. Я сразу же приступил к организации тренировочных полигонов и постройке казарм, складских помещений и других необходимых построек. Претворение в жизнь разработанных планов - замечательное занятие. Напротив, бесконечные демарши, которые приходилось предпринимать, чтобы буквально вырывать в различных конторах и службах средства для осуществления этих планов, почти сводили на нет всю работу. Вынужденный драться с пресвятой администрацией и ее апостолами, этими канцелярскими крысами, я приобрел даже некоторый опыт в этой не видимой миру войне. В конце концов я стал даже находить в этих лабиринтах выходы. Но, должен признаться, Карл Радль намного превзошел меня в этом искусстве, став настоящим асом в этом трудном и неблагодарном деле.

И вот утверждена программа обучения и тренировок. Сделано большое дело. Я приступил к подготовке личного состава нового подразделения, настолько полной, насколько было возможно. Нашей целью было настроиться на выполнение любого задания в любой точке земли. Каждый солдат проходил сначала обычную подготовку солдата пехоты, затем он должен был освоить, более или менее подробно, навыки гранатометчика, артиллериста полевого орудия, танкиста. Естественно, все должны были уметь водить не только мотоцикл или автомобиль, но также катер и даже паровоз. Плюс к этому я зарезервировал много времени для занятий спортом, в частности плаванием. Кроме того, мы организовали краткосрочные курсы парашютистов.

Одновременно в специализированных классах проходили подготовку люди, отобранные для особых операций. Они изучали иностранные языки и, в общих чертах, тактику нападения на промышленные объекты противника. В то время я считал нашей главной задачей борьбу против Советского Союза, с одной стороны, и против англо-американского присутствия на Ближнем Востоке - с другой. К сожалению, я не отдавал себе достаточного отчета в том, что шел 1943 год, то есть уже четвертый год войны. Возможно, я инстинктивно гнал от себя эту мысль, стараясь сконцентрироваться только на достижении ближайших результатов, которых еще можно было достигнуть, постоянно говоря себе, что выражение "слишком поздно" не должно фигурировать в словаре солдата. Никогда не поздно осуществить важную операцию. Чем меньше времени нам отпущено, тем быстрее мы должны готовиться... Вот и все.

НАШИ АНГЛИЙСКИЕ "ДРУЗЬЯ"

Перед самым моим назначением служба политической разведки уже начала организовывать в Голландии разведкурсы. Эта несколько необычная школа располагалась в имении одного голландского аристократа. Там готовились в основном радисты и диверсанты. Однажды, оставив мою работу в Фридентале, я отправился туда. С первого взгляда я понял, что они работают более масштабно, чем мог позволить себе я в Германии. Учебным центром руководил полковник секретных служб. Неудобство для меня состояло в том, что хотя он не служил в регулярной армии, звание у него было гораздо выше моего. К счастью, он сразу же сам предложил перейти под мое командование.

Почти все, что я узнал в эту поездку о деятельности наших контрразведывательных служб, было для меня новым. С другой стороны, я смог воочию представить себе ту активность, с которой союзники, особенно англичане, действовали в этом направлении. Каждую ночь скоростные самолеты пролетали над оккупированной нашими войсками территорией Франции, Голландии, Бельгии, сбрасывая парашютистов, шпионов и диверсантов, а также оружие, радиостанции, взрывчатку и снаряжение для уже действующих агентов.

По оценкам наших спецслужб, почти пятьдесят процентов вражеских агентов попадали в плен через несколько дней или даже часов после приземления. Кроме того, 75 процентов снаряжения, сброшенного на парашютах, регулярно оказывалось в наших руках. Я попросил и получил разрешение собирать эти трофеи, и теперь наши враги любезно приняли на себя заботу о снабжении моего подразделения необходимыми материальными ресурсами. Этот не очень дорогостоящий метод я рекомендую взять на вооружение всем будущим командирам отрядов коммандос.

Я ознакомился и со многими рапортами, сделанными на основании результатов допросов арестованных английских агентов. Изучив их ответы, я смог уяснить огромную пропасть нашего отставания в этой области, которую нам предстояло преодолеть. Меня особенно интересовали методы формирования и подготовки специальных подразделений, применявшиеся нашим противником из-за Ла-Манша. По моей просьбе при допросах на этом было сконцентрировано внимание, и вскоре я обладал ценной, достаточно подробной информацией.

Так, мы узнали, что большинство разведывательно-диверсионных школ английских секретных служб находится в Шотландии, в запретной, тщательно охраняемой зоне, где они были искусно разбросаны по изолированным усадьбам. Многие

арестованные агенты добровольно рисовали нам детальные планы этих мест и подъездных путей к ним. С другой стороны, мы теперь знали британские программы обучения и подготовки и имели представление, в каком направлении нам работать.

Там же в Голландии, я познакомился с несколькими так называемыми двойными агентами. Некоторые наши пленники - люди, для которых деятельность секретного агента была только возможностью заработать на кусок хлеба, легко позволяли убедить себя "сменить форму" и работать в качестве секретного агента против своих бывших хозяев. Этот факт - гораздо более распространенный, чем об этом думают, - убедил меня в том, что действительно важные и опасные задания необходимо поручать только добровольцам. Совершенно очевидно, что искренний энтузиазм и готовность рисковать жизнью за правое дело, за честь родины находятся среди основных слагаемых элементов успеха, который, при отсутствии этих двух побудительных причин, становится проблематичным. От наемника, подсчитавшего стоимость своей шкуры, нельзя ждать нерушимой преданности. Редкие исключения, которые я знаю, скорее подтверждают это правило, чем опровергают его.

Во время этой поездки я также узнал, что голландское отделение нашей секретной службы установило с нашими английскими "коллегами" замечательные отношения по радио и вело настоящую радиоигру. Нашим службам удалось завладеть дюжиной радиопередатчиков, сброшенных на парашютах, и, что особенно ценно, шифрами, позволяющими читать и кодировать сообщения. С помощью агентов, для которых эти передатчики и шифры были предназначены, мы установили регулярный диалог с Англией. По полученным таким образом сведениям была уже обнаружена целая подпольная сеть Сопротивления, состоявшая из нескольких сотен голландцев. В настоящее время эта организация не проявляла никакой активности, поэтому было решено отложить аресты в надежде, продолжая нашу игру, достичь более существенных результатов.

Помимо прочих сведений пленные агенты сообщили нам, что в английских спецшколах используются для тренировок в стрельбе бесшумные револьверы. В Германии до сих пор не производился этот вид оружия, и нам не удавалось получить его образец в "посылках", попадавших в наши руки. Мне в голову пришла дерзкая мысль: а если воспользоваться нашей радиоигрой и просто попросить прислать один такой револьвер? Наше голландское отделение сразу же изъявило готовность передать этот "заказ".

Через две недели, когда я снова приехал в Гаагу, мне действительно передали образец этого оружия, револьвер калибра 7,65, несколько примитивной конструкции, что, возможно, делает его более надежным и менее подверженным капризам механизмом. Если бы он был только более совершенным! (Получилось, что после получения радиограммы, посланной от имени агента по кличке Клад, англичане прислали револьвер - естественно, на самолете, - а нашим службам удалось перехватить груз, в котором он находился.) Я немедленно провел испытание, выстрелив прямо в раскрытое окно нашей голландской конторы, по стае уток, прогуливавшихся вдоль канала. Я мог засвидетельствовать, что выстрела почти не было слышно, на улице никто из прохожих даже не повернул голову.

Среди снаряжения, которое английские самолеты регулярно сбрасывали на территорию Франции, Бельгии и Голландии для своих агентов и отрядов Сопротивления, были и пистолеты-пулеметы "стэн". Едва увидев это оружие, я был буквально поражен простотой его конструкции, позволявшей - и это было совершенно очевидно - быстрое его изготовление и надежную работу. По нашим сведениям, у англичан имелся глушитель и к этому автомату, но они еще держали его в строгом секрете. Обстоятельство, которое, конечно, только подстегнуло меня, и я решил попробовать добыть в свое распоряжение это таинственное оружие. Но как это сделать? На этот раз наша милая система "заказов по радио" не сработала. Или англичане что-то заподозрили, или они решили придержать секретное оружие в резерве.

По случаю я узнал, что один голландский капитан должен вот-вот отправиться в Англию с другой секретной миссией. Он должен был на небольшой яхте достичь сначала Швеции, а затем направиться в один из шотландских портов, где ему предстояло принять почту для английских агентов, работавших в Голландии. По моей просьбе ему поручили дополнительно, если будет возможность, попытаться получить от английских военных и один глушитель для автомата "стэн".

Благодаря этой уловке я, к своей радости, в конце июля 1943 года уже держал в руках образец этого устройства, первого из попавших в Германию. Перед моим мысленным взором пронеслись сцены бесшумного боя, в котором можно было использовать это оружие. Группа в тылу врага, вооруженная автоматами с глушителями, могла избежать потерь при непредвиденной встрече с патрулем противника, она не рисковала - при стрельбе - привлечь внимание других вражеских подразделений, которые могли прийти на помощь. Я был

убежден, что любой солдат диверсионного отряда или просто армейской разведгруппы должен иметь подобное оружие.

Но руководство лаборатории вооружений в Берлине было другого мнения. Вернувшись во Фриденталь, я показал этот глушитель нескольким высокопоставленным офицерам; чтобы придать демонстрации особо яркий характер, я разыграл маленький спектакль. Пока мы прогуливались по парку был уже поздний вечер, - солдат, который шел за нами в отдалении, выпустил несколько очередей в воздух, опустошив целый магазин. Надо было видеть удивление ошеломленных офицеров, когда я показал им гильзы, усеявшие землю. Они выдвинули, однако, множество возражений. Убойная сила им, видите ли, показалась недостаточной, и точность стрельбы вроде бы уменьшалась при применении глушителя.

Тогда я предложил им скопировать сам пистолет-пулемет "стэн" - оружие очень простое и в тоже время очень надежное - и поставить его на вооружение немецкой армии. Этот автомат можно было вывалять в грязи, топтать его ногами и затем снова использовать, немецкий же аналог не мог вынести подобного обращения. Кроме того, производство "стэна" требовало только части времени и материалов, необходимых для изготовления немецкого автомата.

Тогда наши дорогие бюрократы нашли другие причины, чтобы отклонить мое предложение. На этот раз они использовали авторитет самого Адольфа Гитлера: фюрер когда-то сказал, что у немецкого солдата должно быть лучшее оружие из существующих в мире. Действительно, точность стрельбы "стэна" была несколько хуже, чем у немецкого автомата. Эти господа забыли только, что автомат или пистолет-пулемет являются оружием ближнего боя, и никакой солдат не использует его для поражения дальней цели.

ВСТРЕЧА С КАНАРИСОМ

Однажды ко мне обратился лейтенант штурмовой дивизии "Бранденбург" Адриан фон Фолькерсам. Этот потомок старинного балтийского рода был прекрасным солдатом и уже в 1941 году доказал это, получив Железный крест за дерзкий прорыв на Восточном фронте. Мой гость рассказал о недовольстве, которое царит среди ветеранов "Бранденбурга". Уже давно, объяснил он мне, дивизия не выполняла никаких специальных задач. Напротив, она все чаще становилась пожарной командой и была вынуждена вести бои там, где могло справиться любое другое армейское соединение. Понесенные во время этих боев потери были очень высокими и, что особенно важно, практически невосполнимыми, ведь дивизия была сформирована почти только из людей, владеющих иностранными языками и готовых

добровольно пойти на любую "специальную" операцию. После такого вступления он перешел к основной цели своего визита: сам он, как и другие офицеры его батальона, случайно услышал о новом подразделении, к формированию которого я приступил, и они были бы счастливы вступить в него. Они хотели узнать, не помогу ли я им в этом. Фон Фолькерсам с первого взгляда произвел на меня приятное впечатление, и я пообещал ему использовать для этой цели все мои возможности.

Это обещание вскоре привело меня к моей первой и единственной встрече с адмиралом Канарисом, шефом абвера. Я случайно узнал, что доктор Кальтенбруннер, в то время шеф Службы безопасности и мой непосредственный начальник, и руководитель политической разведки Шелленберг собирались встретиться с Канарисом для обсуждения более тесной координации действий абвера и секретных служб СС. Я попросил разрешения присутствовать на этой встрече и заручился их поддержкой в моей попытке вырвать у адмирала разрешение на переход одиннадцати офицеров "Бранденбурга" в мое подразделение.

Нас проводили в скупо освещенный кабинет, где мы расположились в глубоких креслах. Любопытный факт: несмотря на мою прекрасную память на лица, я сейчас не могу точно вспомнить лицо адмирала Канариса. Я помню только человека среднего роста, массивного, с лысым черепом, одетого в морскую форму. От его лица в памяти остались лишь бесцветные глаза, бесстрастный взгляд которых непрерывно перебегал с одного собеседника на другого или же застывал, иногда на несколько минут, на какой-то воображаемой точке на стене.

Но мне никогда не забыть адмирала Канариса как моего противника, если не сказать - врага. Вот человек, который в совершенстве овладел искусством оставаться неуязвимым. Его можно было сравнить с медузой: палец легко погружается в желеобразную массу, но потом ее форма полностью восстанавливается, как будто ничего не случилось. С замечательной ловкостью Канарис пытался нам помешать, разнообразными искусственными препятствиями стараясь свести на нет наши планы, которые ему не нравились.

Однако когда надо было, я тоже умел быть упрямым. На этом пункте нашего визита дело застопорилось. Целых три часа мы пытались различными ухищрениями добиться его согласия на перевод одиннадцати его офицеров к нам. Постоянно Канарис находил, я бы даже сказал сильнее - изобретал все новые причины для отказа. Как только мы находили аргументы против одних его возражений, он тут же выдвигал другие.

Наконец он все же разрешил переход одиннадцати офицеров дивизии "Бранденбург" в мое подразделение. Я облегченно вздохнул и покинул кабинет, стараясь не очень выказывать свой триумф и не чувствовать себя победителем после ожесточенного боя. Но в момент, когда его начальник штаба уже готов был подписать необходимые бумаги, адмирал, к нашему удивлению, нашел дополнительные возражения и в конце концов перенес свое решение на "потом", то есть на совершенно неопределенное время, а может быть, на "никогда". Перед этим последним проявлением его злой воли я предпочел временно отступить; с меня было достаточно. И только через несколько месяцев, в ноябре 1943 года, мне удалось окольными путями достичь успеха в этом деле.

РОЖДЕНИЕ ГРАНДИОЗНОГО ПЛАНА И ЕГО ПОХОРОНЫ

В то время я также установил отношения с "Организацией курфюрста", под этим кодовым названием скрывалась разведслужба люфтваффе. Очень быстро я понял, что они работают почти образцово и очень эффективно. Наш первый же контакт дал толчок рождению более тесного и плодотворного сотрудничества. Архивные службы этой организации обладали ошеломляющим количеством сведений практически по всем странам, которые могли нас интересовать. В частности, у них имелись аэрофотоснимки обширных пространств на восток до Волги, на юго-восток до Аральского моря, на юг - до Месопотамии и Суэцкого канала. К сожалению, все эти фотографии относились к 1940-1941 годам, то есть были еще тех времен, когда люфтваффе господствовала в воздухе на всех фронтах.

В этих обширных архивах я также нашел богатую документацию о промышленном потенциале наших противников. Углубляясь в свои новые обязанности, я уже ознакомился с разведданными, касающимися военной промышленности Советского Союза, собранными в рамках подготовки операции "Ульм". Но только получив доступ к картотекам архива люфтваффе, я начал понимать, как мало мы до тех пор знали и какую гигантскую задачу поставило передо мной руководство.

Мы знали, что русские перевезли большинство своих важнейших военных заводов на восток и перепрофилировали находившиеся там предприятия. За Уралом появился промышленный район, превышающий по площади территорию рейха в то время. Поскольку люфтваффе могла совершить лишь ограниченное число разведывательных полетов над этими районами, нам пришлось искать другие источники информации. Мы собрали и систематизировали тысячи показаний советских военнопленных, которые дополняли сведениями, полученными от

некоторых фирм - особенно немецких и французских, - выполнявших в свое время работы в этих регионах. Таким образом, мы вскоре могли нарисовать достаточно детальную картину промышленной структуры в этом индустриальном конгломерате. И тогда я воочию увидел, какой объем подготовительной работы нам еще предстояло выполнить, перед тем как приступить к диверсионным операциям, которые имели бы разумные шансы на успех.

Совершенно очевидно: невозможно разрушить как авиационными налетами, так и диверсионными актами все заводы, разбросанные на такой обширной территории. Мы должны были прежде всего выделить "нервные центры". Каждый индустриальный район, особенно если он построен всего за несколько лет по какому-то официальному, единому и строго выполняемому плану, неизбежно имеет слабые места. В этом конкретном случае "ахиллесовой пятой" были электростанции, строительство которых предусмотрено тем же общим планом, что и возведение заводов. Русские инженеры буквально вытащили их из земли. Как и везде, они удовлетворяли максимальные потребности в электроэнергии, но из-за быстрого развития региона не существовало никакой резервной системы электроснабжения. Значительное снижение выработки электроэнергии на электростанциях должно было привести к пропорциональному снижению производства. С другой стороны, системы связи сети также могли быть слабым звеном, если бы их временный вывод из строя привел к перерыву в работе заводов.

Мы ориентировали нашу подготовку в этом направлении. С помощью специалистов люфтваффе, которые тоже очень заинтересовались нашим проектом, мы сконцентрировали наши усилия на этих двух целях и вскоре могли с удовлетворением констатировать, что дело быстро продвигается вперед. К сожалению, наша систематическая, целенаправленная подготовка была внезапно прервана - и на многие месяцы - по приказу, преследовавшему, естественно, благие цели, но плохо продуманному, который был спущен из "высоких сфер". Вот что произошло: один из чиновников министерства вооружения направил Гиммлеру меморандум по поводу гигантских доменных печей Магнитогорска, на Урале. Импульсивный, как всегда, Гиммлер сразу же издает приказ: "Специальной группе "Фриденталь" немедленно подготовить диверсионную операцию против доменных печей Магнитогорска с целью их полного разрушения. Командиру "Специальной группы" докладывать мне ежемесячно о ходе подготовки и представить мне, как только будет возможно, вероятную дату начала операции". Этот приказ я

нашел однажды утром на столе своего кабинета.

После консультаций со многими экспертами мы пришли к следующим двум выводам. Первое - о самом Магнитогорске и об окружающих его промышленных районах у нас нет никакой достоверной, документированной информации. Поэтому нам будет необходимо, в первую очередь, провести необходимую разведку, что потребует месяцев и месяцев напряженной работы. Второе - нам есть над чем поломать голову: совершенно непонятно, как "бедные диверсанты" смогут доставить такое огромное, необходимое для этой цели количество взрывчатки так близко к объектам диверсии, которые, к тому же, тщательно охраняются.

Немедленное проведение операции выглядело совершенно нереальным. Но каким образом довести эту информацию до рейхсфюрера? Когда, по своей наивности, я хотел просто послать в адрес этих "высоких сфер" объективное и подробно аргументированное объяснение непреодолимых препятствий, с которыми мы столкнулись, надо мной просто посмеялись. Шелленберг прочитал мне настоящую лекцию по методике действий в подобной ситуации: по его словам, прежде всего следовало продемонстрировать крайний энтузиазм по поводу любого проекта - даже самого бессмысленного, исходящего от начальства, и постоянно говорить, что подготовка идет ускоренными темпами. И только позднее можно постепенно начинать приоткрывать истинное положение дел, но все еще по каплям. Чтобы оставаться хозяином положения в этих играх, необходимо научиться хоронить подобные проекты так, чтобы сам их автор о них больше не вспоминал. Тогда высокое начальство будет считать вас идеальным исполнителем, достойным их доверия и поддержки.

Так и произошло. Мы потратили почти полтора года, чтобы "похоронить" эту грандиозную, но совершенно бессмысленную и невыполнимую идею.

В СТАВКЕ ФЮРЕРА

26 июля 1943 года я завтракал в гостинице "Эдем", расположенной в центре Берлина, со своим старым другом, в то время профессором Венского университета. После превосходной трапезы мы с чашечками кофе, или, скорее, того неопределенного напитка, который должен был играть роль кофе, сидели в холле, болтали, вспоминали Вену и общих знакомых. Это короткое бегство в гражданскую жизнь - я даже был не в военной форме - давало мне ощущение отдыха, разрядки. Однако с течением времени какое-то странное, неясное чувство тревоги и беспокойства охватывало меня. Хотя я заранее предупредил

телефониста гостиницы, где меня можно найти, тревога не проходила.

Наконец, не в силах больше терпеть, я позвонил в свою контору. Оказалось, моя секретарша уже сбилась с ног в поисках меня. Почти два часа меня искали везде, где только можно.

- Шеф, вас вызывают в ставку фюрера, - возбужденно прокричала она в трубку. - До 17 часов самолет будет ждать вас на аэродроме Темпельхоф.

Я понимал весь этот ажиотаж, ведь до сих пор меня никогда не вызывали в ставку. Скрывая, насколько можно, волнение, охватившее меня, я только сказал:

- Передайте Радлю, пусть немедленно идет ко мне в комнату, уложит мою форму и туалетные принадлежности в чемодан и привезет все на аэродром. Я туда отправляюсь прямо сейчас. Вы не знаете, о чем может идти речь?

- Нет, шеф. Мы ничего не знаем.

Я торопливо попрощался со своим другом, который был явно взволнован, узнав, что меня вызвали в ставку, и прыгнул в такси. По дороге я пытался догадаться о причине столь неожиданного вызова. Может, речь пойдет об операции "Француз" (диверсии на иранских железных дорогах)? Или о проекте "Ульм" (нападение на военные заводы Урала)? Все возможно, хотя я плохо представлял, как мое присутствие в ставке фюрера могло ускорить подготовку к этим операциям. "Ну что ж, - сказал я себе, - поживем - увидим!"

На аэродроме Радль, мой адъютант, уже ждал меня с чемоданом и портфелем. Я быстро переоделся. Радль рассказал мне последние новости. По радио только что объявили о смене режима в Италии, но ни я, ни он не видели никакой связи между этим событием и моим вызовом в ставку.

Когда мы направились к летному полю, я увидел, что винты "Юнкерса-52" начали медленно вращаться. "Какой комфорт, - успел подумать я, - этот огромный самолет для меня одного!" В последний момент я вспомнил, что забыл сказать главное.

- Надо, чтобы я мог с вами связаться в любой момент, - крикнул я Радлю. - Как только я узнаю, о чем идет речь, я вам позвоню. Две роты пусть находятся в полной боевой готовности! Это главное.

Самолет взлетел, развернулся и начал набирать высоту. Я снова принялся гадать. Что меня ждет в ставке фюрера? С кем я встречусь? Чем больше я размышлял, тем меньше понимал. В конце концов я прекратил попытки разрешить эту загадку и принялся рассматривать самолет, в котором был единственным пассажиром. Прямо перед моим креслом я обнаружил небольшой шкафчик с напитками. Набравшись наглости, я через

приоткрытую дверь спросил у летчиков, имеет ли право пассажир пользоваться его содержимым. Двух рюмок коньяка оказалось достаточно, чтобы успокоить мои нервы, и я смог с высоты полюбоваться живописными видами земли, над которой мы пролетали.

Вскоре мы пересекли Одер и под нами поплыла зеленая шахматная доска новых территорий в чередовании лесов и полей. Мне любопытно было, где мы приземлимся, ведь до сих пор я не знал о ставке фюрера, как и большинство смертных, больше того, что она расположена в Восточной Пруссии и носит кодовое название "Волчье логово". К счастью, мой адъютант позаботился обо всем и положил в портфель карту Германии, по которой я мог проследить наш маршрут. Через полтора часа после взлета с берлинского аэродрома мы пролетели, на высоте километра, над городом Шнейдемюль, затем пилот, в кабину которого я к тому времени перебрался, показал мне внизу зеркало большого озера и перекресток железных дорог Варшава-Данциг и Инстенбург-Познань. Железнодорожные пути выделялись на земле с ясностью геометрического чертежа, и я подумал, какую прекрасную цель представляет этот перекресток железных дорог для авиации противника. Через секунду эта мысль разозлила меня. Я переживаю прекрасный час, мощный самолет несет меня в волшебно сияющем небе над прекрасной страной, а я не могу забыть, хотя бы на минуту, об этой проклятой войне.

За нашей спиной солнце все больше клонилось к горизонту. Постепенно самолет снизился до высоты 300 метров. Пейзаж внизу начал меняться, превращаясь в плоскую равнину, перерезанную многочисленными речушками и испещренную пятнами озер. Я бросил взгляд на карту и понял, что, пролетев почти 500 километров, мы оказались над Мазурскими болотами. В этих местах, под Танненбергом, в начале Первой мировой войны старый Гинденбург нанес жестокое поражение русским войскам. С радостью и гордостью я подумал, что сегодня фронт находится далеко на востоке, где-то под Смоленском, за сотни километров от границ Германии.

Самолет начал снижаться по широкой спирали. В неясном свете сумерек я различил на берегу озера большой аэродром. "Юнкерс" еще опустился, коснулся колесами земли и, пробежав по бетонной дорожке посадочной полосы, остановился. Перед бараком, маскировавшим здание аэродромных служб, меня ждал "мерседес".

- Гаупштурмфюрер СС Скорцени? - осведомился унтер-офицер. - У меня приказ немедленно доставить вас в ставку.

По прекрасной дороге, проложенной через лес, мы вскоре

достигли первого пояса безопасности - охраняемого шлагбаума. Унтер-офицер подал мне пропуск, который я должен был предъявить вместе с личными документами офицеру поста. Он записал мое имя в журнал, я расписался, шлагбаум поднялся, и мы снова поехали. Теперь дорога стала немного эже. Мы пересекли березовый лес, переехали через железнодорожные пути и достигли второго поста. Снова проверка документов. Я вышел из машины, офицер опять записал мое имя, потом попросил подождать и стал звонить по телефону. Положив трубку, он спросил, знаю ли я, кто меня вызывает. Я, естественно, чувствуя себя неловко, ответил, что не имею ни малейшего понятия.

- Вас вызвал Главный штаб ставки фюрера, которая расположена в Чайном домике, - сказал тогда он, явно находясь под впечатлением того, что услышал с другого конца провода от своего собеседника. Я же не знал, что и подумать. Даже это уточнение ничего мне не говорило. Какого черта мне делать в Главном штабе фюрера? Озадаченный и изрядно заинтригованный, я снова сел в машину.

Через несколько метров мы проехали нечто вроде портала - единственный вход на обширную территорию, окруженную высоким забором из колючей проволоки. Можно было подумать, что мы оказались в старинном парке, обустроенном с большим вкусом, с березовыми рощами, прорезанными капризно переплетающимися тропинками. Вскоре я смог различить несколько строений, на первый взгляд расположенных без всякого порядка. На крышах некоторых строений росла трава и даже небольшие деревца. Над другими зданиями и над подъездными дорогами была натянута маскировочная сеть, скрывавшая ставку от вражеской авиации. С воздуха местность должна была казаться, вероятно, заросшей лесом и необитаемой.

Совсем стемнело, когда мы наконец остановились перед Чайным домиком. Это было простое деревянное одноэтажное строение, состоящее из двух крыльев, соединенных чем-то вроде закрытого перехода. Позднее я узнал, что левое крыло занимала столовая, где фельдмаршал Кейтель, начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта, обедал в окружении своих ближайших сотрудников. Собственно, Чайный домик находился в правом крыле здания. Я вошел в просторный вестибюль, меблированный удобными креслами и несколькими столами. Пол был застелен толстым ковром. Меня встретил гаупштурмфюрер СС и представил пяти другим офицерам - подполковнику и майору сухопутных войск, двум подполковникам люфтваффе и штурмбаннфюреру СС. Вероятно, ждали только меня, поскольку сразу после представления гаупштурмфюрер вышел, чтобы через

минуту вернуться.

- Господа, - объявил он, - я провожу вас к фюреру. Каждый из вас коротко изложит свою военную биографию. Затем фюрер, возможно, задаст вам несколько вопросов. Следуйте за мной...

Сначала мне показалось, что я плохо понял. Потом безотчетный страх почти парализовал мои ноги. Через несколько мгновений я должен был, в первый раз в моей жизни, предстать перед Адольфом Гитлером, фюрером Великой Германии и Верховным главнокомандующим вооруженных сил рейха! Вот уж, действительно, сюрприз из сюрпризов! "В волнении я, наверное, наделаю непростительных ошибок и буду вести себя как последний дурак! Только бы все прошло нормально", - думал я, следуя за другими офицерами. Мы прошли метров сто, прежде чем я начал соображать, в каком направлении мы идем.

Мы вошли в другое здание, тоже деревянное, и оказались в просторном вестибюле, похожем на тот, что был в "Чайном домике". Я успел лишь заметить светильники, рассеивающие мягкий свет, и на противоположной стене небольшую картину в скромной рамке: "Фиалка" Дюрера. Затем наш провожатый распахнул одну из дверей, и мы прошли в большую комнату, размером примерно шесть на девять метров. Справа от меня была стена со множеством окон, закрытых простыми занавесками. На середине стоял массивный стол, покрытый картами. Перед монументальным камином, занимавшим почти всю левую стену, находился маленький столик и вокруг четыре или пять кресел. В глубине - свободное пространство, на котором и остановилась наша группа. Как самый младший по чину, я занял место на левом фланге ряда. На бюро, расположенном между двумя окнами, я заметил безукоризненный частокол множества остро заточенных карандашей. "Именно здесь вырабатываются величайшие решения нашей эпохи", успел только подумать я, как прямо перед нами распахнулась дверь.

В едином порыве мы застыли, головы повернулись в сторону двери. И вот я переживаю незабываемое мгновение: появляется человек, который больше, чем любой другой государственный деятель, решительно повернул судьбу Германии, мой господин, которому я безраздельно предан уже много лет и которому я абсолютно доверяю. Какое странное ощущение солдата, внезапно представшего перед своим главнокомандующим! (Я полагаю, что в тот момент, когда пишу эти строки, более поздние чувства смешиваются с теми, менее точными и менее связными, что мой мозг смог зарегистрировать в тот момент.)

Подойдя размеренным шагом, фюрер приветствовал нас, вскинув руку тем характерным жестом, который мы так хорошо

знали по газетным фотографиям. Одет он был очень просто: мундир офицера вермахта без знаков различия, белая сорочка и черный галстук. На левой стороне мундира я различил Железный крест I степени, награду великой войны, и черную нашивку за ранение.

Пока гаупштурмфюрер СС представлял офицеров на другом краю нашего строя, я не мог рассмотреть фюрера так хорошо, как того желал. Нужно было сдерживать себя, чтобы не сделать шаг вперед, ибо я не хотел упустить из вида малейший его жест. Сначала я только слышал его деловой голос, задававший короткие вопросы. Особенный тембр этого голоса был мне уже хорошо знаком из радиопередач. Но я с удивлением обнаружил в нем мягкую и немного протяжную интонацию, которая придавала некий шарм его австрийскому акценту. Какой странный каприз человеческой природы, подумал я. Этот человек, которого слушают миллионы, который хотел бы олицетворять собой в глазах общества идеал прусского духа, не может скрыть своего происхождения, хотя давно уже и не живет на родине! Сохранил ли он в себе что-нибудь от миролюбивой приветливости австрийцев? Остался ли он подвержен зову сердца? Затем я опомнился! "Господи, что за неуместные вопросы, совершенно праздные мысли в такой момент!"

Другие офицеры уже кратко представились. Теперь Адольф Гитлер стоял передо мной. Когда он протянул мне руку, я сконцентрировался на единственной мысли: "Только без чрезмерной угодливости". Несмотря на волнение, мне удалось кивнуть головой почти идеально с точки зрения военной этики, то есть коротко и сухо. Затем я кратко сообщил место рождения, где учился, этапы моей жизни офицера резерва и мое настоящее положение. Пока я говорил, фюрер смотрел мне прямо в глаза своим знаменитым взглядом, наполненным непреодолимой силой.

Затем Адольф Гитлер отступил на шаг и резко задал первый вопрос:

- Кто из вас знает Италию?

Я один ответил утвердительно:

- Я два раза был в Италии перед войной, мой фюрер. Я проехал на мотоцикле до Неаполя.

Сразу же последовал второй вопрос, опять ко всем нам:

- Что вы думаете об Италии?

С растерянным видом, поколебавшись, офицеры начали отвечать, с трудом подбирая слова:

- Италия... партнер по "оси"... наш союзник... подписала Антикоминтерновский пакт...

Наконец моя очередь.

- Я австриец, мой фюрер. - сказал я просто.

Я действительно считал этот ответ достаточным, чтобы выразить мою точку зрения. Всякий истинный австриец глубоко переживает потерю Южного Тироля, самого прекрасного района, который у нас когда-либо был.

Гитлер долго и задумчиво (по крайней мере, мне так показалось) на меня смотрел, потом сказал:

- Все могут идти. А вы, гаупштурмфюрер СС Скорцени, останьтесь. Я хочу с вами поговорить.

И вот мы одни. Фюрер по-прежнему стоял передо мной. Роста он был ниже среднего, плечи немного сутулились. Когда он со мной говорил, он был весь в движении. Жесты его были короткими и сдержанными, но, однако, они имели огромную убеждающую силу.

- У меня для вас есть задание чрезвычайной важности. - начал он, Муссолини, мой друг и наш верный соратник по борьбе, был вчера предан своим королем и арестован своими собственными соотечественниками. Я не могу, я не хочу бросить в момент самой большой опасности величайшего из всех итальянцев. Для меня дуче олицетворяет последнего римского Цезаря. Италия, или, скорее, ее новое правительство, несомненно, перейдет в лагерь противника. Но я не отступлю от своего слова; надо, чтобы Муссолини был спасен, и как можно быстрее. Если мы не вмешаемся, они сдадут его союзникам. Я поручаю вам эту миссию, счастливое окончание которой будет иметь неоценимое значение для будущих военных операций на фронтах. Если вы, как я вам говорю, не остановитесь перед любым препятствием, не испугаетесь любого риска, чтобы достигнуть цели, вы добьетесь ее!

Он замолчал, чтобы совладать с волнением, которое выдавал его дрожащий голос.

- Еще один важный пункт, - продолжал он. - Вы должны сохранять чрезвычайную секретность. Кроме вас только еще пять человек будут знать об этой операции. Вы будете действовать под видом офицера люфтваффе и поступаете в подчинение генерала Штудента. Я его уже ввел в курс дела. Впрочем, вы сейчас с ним встретитесь. Он ознакомит вас с некоторыми деталями. Вам придется самому собрать необходимую информацию. Что касается командования наших войск в Италии и германского посольства, не надо ставить их в известность. Они не владеют положением и своими действиями могут только все испортить. Я повторяю, вы отвечаете за абсолютную секретность операции. Я надеюсь, что скоро вы сможете мне сообщить хорошие новости.

Желаю вам удачи!

Чем больше фюрер говорил, тем больше росла во мне уверенность. Его слова казались мне столь убедительными, что в тот момент у меня не возникло ни капли сомнения в благополучном исходе дела. В то же время в его голосе дрожали нотки такой теплоты, такого волнения, особенно когда он говорил о непоколебимой верности своему итальянскому другу, что я был буквально потрясен.

- Я все прекрасно понял, мой фюрер, и сделаю все, что в моих силах, только и смог я ответить.

Энергичное рукопожатие обозначило конец нашей беседы. За эти несколько минут - которые мне, однако, показались очень долгими - взгляд фюрера непрерывно буравил мои глаза. Даже когда, развернувшись, я направился к двери, то чувствовал его взгляд на своей спине. Пересекая порог, я еще раз вскинул руку в приветствии, что позволило мне убедиться, что я не ошибся: он не отводил от меня взгляда до последнего момента.

За дверью меня ждал адъютант. Пока он вел меня к "Чайному домику", я думал о том великом событии, которое я только что пережил. Я пытался вспомнить цвет глаз фюрера. Серые? Карие? Серо-карие? Странно, но я не мог точно вспомнить. А ведь мне казалось, я еще ощущал его взгляд на себе. Взгляд невыносимой силы, почти как у гипнотизера. Я заметил, что выражение его глаз за все время разговора почти не менялось; думаю, этот человек полностью владел собой и прекрасно мог контролировать свои эмоции. С другой стороны, он буквально излучал ту огромную энергию, которая сконцентрирована в нем, это видно с первого взгляда.

В вестибюле "Чайного домика" я закурил сигарету и жадно затянулся. Только когда ординарец осведомился о моих "желаниях", я почувствовал, что ужасно голоден. Я заказал чашку кофе и еще "чего-нибудь". Через одну или две минуты мне уже принесли плотный ужин. Но едва я успел снять портупею и поднести чашку ко рту, как ординарец вернулся.

- Генерал Штудент ожидает вас в соседней комнате, господин капитан.

Дверь открыли, я вошел в небольшой кабинет и представился генералу, полноватому человеку с жизнерадостным выражением лица. Глубокий шрам пересекал лоб, напоминая о тяжелом ранении, полученном в 1940 году под Роттердамом, где он командовал авиадесантной дивизией. Я сообщил, что фюрер только что объяснил, в общих чертах, мою задачу. Генерал не успел ответить, как в дверь постучали, и - еще один сюрприз, но, как оказалось, не последний в этот день - в комнату вошел

Гиммлер, шеф СС. Он, наверное, хорошо знал генерала, поскольку они обменялись дружеским приветствием, пока я ждал, когда меня представят. Короткое рукопожатие, и рейхсфюрер СС предлагает нам сесть.

Самое заметное на лице Гиммлера - его старомодное пенсне. Выражение его неподвижного лица не выдает ни одной мысли, которые рождаются в мозгу этого всесильного человека. Он вежливо улыбнулся нам и стал обрисовывать политическую ситуацию в Италии. Так же как и Гитлер, он не верил, что правительство Бадольо останется в лагере "оси". Анализируя события, которые привели к падению Муссолини, Гиммлер перечислил несколько имен, ни одного из которых я не знал, - офицеров, политических деятелей, аристократов. Одних он называл предателями, других - колеблющимися, третьих - верными друзьями. Когда я достал бумагу и ручку, чтобы сделать некоторые пометки, он с внезапным раздражением, почти с бешенством меня остановил:

- Вы с ума сошли, честное слово. Это должно остаться в строжайшей тайне, запомните все так, черт возьми!

Конечно, я немедленно убрал ручку. Хорошенькое начало, подумал я. Если мне повезет, то в суматохе этого дня, дай бог, смогу запомнить пять или шесть имен из сотни упомянутых им. Тем хуже - посмотрим, что будет дальше.

- Измена Италии не вызывает сомнений, - говорил между тем Гиммлер. Единственный вопрос - когда это произойдет. Возможно, уже завтра. Итальянские эмиссары уже ведут в Португалии закулисные переговоры с союзниками.

И снова он сыпал именами, названиями. Затем поменял тему и стал обсуждать с генералом Штудентом некоторые вопросы, которые меня не касались. Вспомнив, что мои товарищи в Берлине должны с нетерпением ждать от меня вестей, я спросил разрешение отойти позвонить. Пока я в коридоре ждал связи, решил закурить и вытащил сигарету. В этот момент из комнаты вышел Гиммлер и накинулся на меня:

- Опять эти проклятые сигареты! Вы разве не можете хотя бы несколько часов не курить? Я уже вижу, вы не тот человек, который нужен для этой миссии!

Он бросил на меня последний испепеляющий взгляд и удалился.

Вот это дела! Второй раз за вечер он набрасывается на меня. Видно, я не очень-то понравился господину Гиммлеру. Может, следует считать себя уже отстраненным от проведения операции, порученной мне Гитлером? Раздавив сигарету каблуком сапога, я, немного ошеломленный, думал, что же мне делать дальше. К

счастью, на помощь пришел адъютант фюрера, он все слышал.

- Все не так страшно, - сказал он. - Рейхсфюрер распекает всех подряд, а через несколько минут он уже и не помнит. Он, очевидно, сейчас взвинчен чем-нибудь, а когда он в этом состоянии, никогда не знаешь, как себя с ним вести. Идите спокойно к генералу Штуденту и обговорите с ним свои дальнейшие действия.

Я последовал его совету и вернулся в кабинет. За несколько минут все было решено: утром я вылетаю с генералом в Рим. Официально я буду его адъютантом. В это же время полсотни бойцов моего ударного отряда вылетят с берлинского аэродрома на юг Франции, а оттуда отправятся в Рим с частями первой авиадесантной дивизии, которая должна прибыть на итальянский фронт.

- Остальное решим на месте, - подытожил нашу встречу генерал. Надеюсь, что наше сотрудничество принесет хорошие результаты. До завтра.

Сначала телефонный звонок. У аппарата унтерштурмфюрер Радль.

- Что происходит? - кричит он возбужденно. - Мы с нетерпением ждем вестей от вас...

- Нам поручена важная операция. Отправление завтра утром. Я не могу объяснить подробнее по телефону. Я должен еще подумать, свяжусь с вами позже. А сейчас мой первый приказ: в эту ночь чтобы никто не спал. Все автомашины должны быть готовы к отправлению, надо будет перевезти кое-какое снаряжение. Я беру с собой пятьдесят человек, только самых лучших, особенно тех, кто знает итальянский язык. Сейчас составлю список, вы сделайте такой же со своей стороны, потом сравним. Приготовьте колониальное обмундирование для всех и сухие пайки для парашютистов. Все должно быть готово к пяти часам утра. Как только приму решение, сообщу.

В Чайном домике я попросил дежурного офицера предоставить мне кабинет и прислать секретаршу, которая будет немедленно передавать мои приказы моему отряду. Эти требования были немедленно выполнены. С чашкой крепкого черного кофе в руках - я был слишком взволнован, чтобы есть, - я попытался спокойно обдумать положение. Какое оружие, какое снаряжение, сколько взрывчатки необходимо взять для пятидесяти человек? Рассмотрев подробно каждый пункт, я составил длинный список. Мой небольшой отряд должен обладать максимальной огневой мощью при минимальном весе груза. Возможно, нам придется десантироваться с самолетов. Я предусмотрел по два пулемета на группу из десяти человек,

остальные солдаты группы будут вооружены автоматами. Конечно, гранаты, но не с длинными ручками, а маленькие, так называемые "лимонки", которые можно положить в карманы. Кроме того, мы возьмем с собой взрывчатку; килограммов тридцать будет, наверное, достаточно - мы возьмем английскую взрывчатку, привезенную из Голландии, она превосходит по качеству немецкую. Плюс различные детонаторы и взрыватели, в том числе и замедленного действия. Необходимы каски колониального варианта, белье, продовольствие на неделю и сухие пайки на три дня пути. Я немедленно передал этот первый список в Берлин, затем начал выбирать из своих людей тех, кто любой ценой должен принять участие в операции. Вскоре список был готов. Я вызвал на связь Берлин. Ответил Радль.

- Мы здесь все в мыле, - начал жаловаться он. - Каким образом вы хотите, чтобы мы успели к трем часам утра? Ваш список слишком велик...

Я его решительно оборвал.

- Это еще не все. Я отправляю вам дополнительный перечень. Я тоже тут не загораю. Я только что говорил с самим фюрером и с рейхсфюрером СС. - Я почувствовал, что это сообщение заставило его прикусить язык, и добавил: Сам фюрер поручил мне проведение этой операции. Хорошо, теперь сравним наши варианты кандидатов в отряд.

За исключением одного или двух человек мы назвали одни и те же фамилии.

- Тут настоящий бунт, - сказал мне Радль, - все без исключения хотят участвовать в операции. Никто не хочет отстать.

- Сообщите всем немедленно имена отобранных, это успокоит и тех, и других. И не теряйте времени. Заканчивайте подготовку.

Я положил трубку и спросил себя, что я еще мог забыть. Ах, да! Мне нужны еще радиостанции и особенно надежная радиотелефонная связь. Значит, необходимо оставить человека в Берлине для связи, получить шифры, по крайней мере, на месяц, установить несколько сеансов для связи, чем больше, тем лучше, как днем, так и ночью. Я отправил еще одну телеграмму. Наши сообщения передавались под грифом "Совершенно секретно, дело особой государственной важности". Мы должны были соблюдать очень большую осторожность. Если бы итальянцы или их секретные службы узнали о наших планах, все наши усилия оказались бы напрасными.

Но это был еще не конец. Постоянно на ум приходили новые детали: необходимо взять трассирующие пули, на случай если придется вести бой ночью, ракетницы, медикаменты для больных

и раненых, а также одного или двух фельдшеров. Может быть, нам понадобится и гражданская одежда для офицеров. Таким образом, список постоянно пополнялся, и я много раз звонил в свою штаб-квартиру в Берлине, где царила атмосфера лихорадочной активности.

Только к трем часам утра я смог подумать об отдыхе. Ординарец проводил меня в подвальное помещение, которое служило бомбоубежищем. С двух сторон центрального коридора тянулись ряды помещений в виде ниш, похожие на каюты парохода. Хотя кровать была удобна, я не смог заснуть. В этом подвале я чувствовал себя неуютно, и шум вентиляторов действовал на нервы. Но, по крайней мере, я мог спокойно подумать. Первый раз за день я в полном объеме оценил трудности, которые мне предстояло преодолеть. Во-первых, необходимо было обнаружить местопребывание дуче. Но, допустим, мы успешно разрешили первую проблему. Что делать дальше? Без сомнения, Муссолини содержится в надежном месте и строго охраняется. Будем ли мы вынуждены штурмовать крепость или тюрьму? Это второе. Мое перевозбужденное воображение уже рисовало разные яркие картины; я ворочался на постели, пытаясь отогнать эти мысли, но они возвращались снова и снова. Неужели мне поручили миссию, которая приведет меня прямо в рай (или в ад)? Как бы то ни было, это возможность показать, на что я способен, - не бежать от риска или, в крайнем случае, достойно покинуть сей прекрасный мир.

Внезапно мне пришла мысль, что я еще и отец семейства. А я ввязался в серьезную авантюру, даже не подумав о завещании. Я включил свет и занес на бумагу свою "последнюю волю". Затем, поняв, что уснуть все равно не смогу к тому же было уже почти шесть часов, - я вышел, все еще в пижаме, из своей "каюты" и спросил у ординарца - эти бедняги, кажется, никогда не спят, где я могу принять душ. Добрый шотландский контрастный душ - то ледяная вода, то почти кипяток - унес все мои заботы. Без пятнадцати семь я уже сидел за завтраком в Чайном домике. Теперь у меня проснулся зверский аппетит, ординарец сновал как челнок между кухней и обеденным залом за блюдами, которые я заказывал. За окнами влажные от росы поля начинали куриться под первыми лучами восходящего солнца.

Наконец, утолив голод, я взял свой портфель, составлявший теперь весь мой багаж, и прыгнул в автомобиль, заказанный накануне, чтобы ехать на аэродром. Там я должен был встретиться с генералом Штудентом. Телеграмма, только что полученная мной, подтвердила отправление моих пятидесяти человек. Аэродром, с которого мы должны были улетать, был

другой, не тот, на который я прилетел. Он находился почти на вершине высокого холма прекрасная цель для вражеской авиации. Удивительно, но он еще ни разу не подвергался нападению. Генерал прибыл через несколько минут. "Хейнкель-111" - самолет более быстрый, чем старый добрый "Юнкерс", на котором я прилетел, - стоял уже готовый к полету. Генерал Штудент представил меня своему личному пилоту, капитану Герлаху. Затем меня втиснули в летный комбинезон, который оказался немного мал, и увенчали голову пилоткой офицера люфтваффе. Погода стояла прекрасная, и я радовался мысли, что мне предстоит великолепное путешествие.

Мы разместились в чреве самолета. Стрелок, второй пилот и радист были уже на местах. Самолет взлетел, набрал высоту и взял курс строго на юг. Из-за шума двигателей всякий разговор был невозможен. Генерал задремал, и я, воспользовавшись этим, пробрался в кабину летчиков и устроился в кресле второго пилота. С этого места передо мной открывался чудесный вид.

Сначала мы летели над бывшей Польшей. Примерно через полчаса на горизонте, с левой стороны, появилось темное пятно; вскоре я различил несколько остроконечных шпилей - Варшава. Немного позднее мы пролетели над индустриальным районом Верхней Силезии, над бесчисленными трубами заводов, выплевывавших в небо черные клубы дыма.

Затем мы пересекли бывшую Чехословакию, ставшую протекторатом Германии. Внизу проплывала уже не монотонная польская равнина. Под крылом простиралась сильно пересеченная местность. Плодородные равнины по берегам чистых рек окружали поросшие лесом горные вершины. Я понял, что мы пролетим прямо над Веной. Вскоре старая столица империи появилась и заскользила под крыльями нашего самолета. Затем настала очередь альпийских виадуков Земмеринга, проплыла зеленеющая Штирия, Грац со своим гордым замком. К полудню мы пересекли Хорватию и через некоторое время я заметил вдали отблеск солнечных лучей на поверхности моря. Вот и Пола, теперь военно-морская база Италии, а когда-то, подумал я с грустью, до Сен-Жерменского договора, все это побережье принадлежало австро-венгерской монархии. Адриатическое море было невыразимой голубизны, просто великолепно. Мы достигли итальянской территории; под нашим левым крылом промелькнула Алькона, затем мы поднялись, чтобы перелететь Апеннины. Лишь только мы их миновали, нам пришлось снизиться до 300 метров, воздушное пространство севернее Рима находилось под контролем истребителей союзников.

И вот наконец Вечный город со своими семью холмами, Колизеем и площадью св. Петра. Самолет начал снижаться и скоро приземлился на аэродроме почти на границе города. Было полвторого, за пять с половиной часов мы пролетели почти 1500 километров.

Черт возьми, какая жара! Настоящее пекло. Выйдя из самолета, я инстинктивно хотел снять меховой комбинезон и только в последний момент вспомнил, что еще не получил формы люфтваффе. Офицер войск СС в качестве адъютанта генерала авиадесантной дивизии - это заинтриговало бы многих. Мне пришлось обливаться путом. В течение двух или трех последующих часов я чувствовал себя мучеником. Даже поездка в открытом автомобиле не освежила меня.

Мы прибыли в Фраскати - маленький, прелестный, типично итальянский городок, в котором фельдмаршал Кессельринг расположил главный штаб немецких войск в Италии.

12 мая 1943 года война в Африке закончилась полной победой союзников. Итало-германский экспедиционный корпус, одержавший в начале войны столько блестящих побед, больше не существовал. Основной причиной его поражения была неспособность морских и воздушных сил "оси" обеспечить доставку необходимого пополнения и снаряжения. 10 июля союзным войскам удалось в первый раз вступить на территорию Европы, они высадились на Сицилии. Немецкие и итальянские войска дрались с англо-американцами за каждую пядь земли. Несколько недель они вели ожесточенные бои за обладание небольшой деревушкой Кафалу на северном побережье Сицилии.

Такова была, в общих чертах, ситуация на фронте в день нашего прибытия в Рим. В тот же вечер генерал Штудент привел меня, в качестве адъютанта, к фельдмаршалу Кессельрингу, который пригласил нас на обед. Между тем мне удалось раздобыть колониальную форму офицера-десантника, и я наконец смог снять меховой комбинезон, прямо скажем, немного неуместный в этой жаре. После обеда, когда мы пили кофе, один из офицеров из окружения фельдмаршала рассказал, как он спросил у итальянского генерала, знает ли тот место, где содержится интернированный дуче. Конечно, я насторожил уши. Генерал якобы дал честное слово, что ни он сам, ни кто-либо из руководства итальянской армии не имеют об этом ни малейшего понятия. Как всегда импульсивный, я не смог сдержаться и заметил:

- Остается узнать, можно ли верить этому заявлению.

Однако фельдмаршал Кессельринг, который сидел сзади, казалось, не очень оценил этот комментарий.

- Лично я, - сказал он гневным тоном, - я абсолютно ему верю. У меня нет никаких оснований сомневаться в честном слове итальянского генерала. Вам, гаупштурмфюрер Скорцени, я советую впредь поступать аналогично!

Мне кажется, я даже покраснел. Во всяком случае, я твердо решил в дальнейшем быть более сдержанным в своих суждениях и до конца вечера больше не открыл рта.

В ПОИСКАХ ДУЧЕ

На следующий день начали прибывать самолеты с парашютистами генерала Штудента. На третий день прилетели и мои люди. Они расположились в казармах недалеко от аэродрома Пратика-ди-Маре. Я встретился с ними и предупредил, что, возможно, нам предстоит вскоре важная операция. Я попросил быть в полной готовности, чтобы я в любой момент рассчитывал на их боеготовность.

Затем я вернулся в Фраскати, забрав с собой Радля. Только когда мы оказались в моей комнате, я посвятил его в суть возложенной на нас миссии. Он, казалось, был искренне взволнован и горд, что я получил приказ от самого фюрера. Мы сразу сошлись во мнении, что будет очень трудно найти местопребывание Муссолини. Что касается нашей задачи, то есть освобождения самого дуче как такового, мы решили о ней пока не думать, так час "Ч" казался еще не близким.

К счастью, я смог запомнить среди сотен имен, названных Гиммлером, два самых важных: Капплер и Дольман. Капплер был представителем гестапо в Италии, у него в подчинении была организация, в любой момент готовая нам помочь. Дольман, который жил уже достаточно долго в Риме, имел прекрасные связи во влиятельных кругах. По совету рейхсфюрера СС, мы - генерал Штудент и я - вступили в контакт с этими людьми, посвятили их в цели миссии и попросили помощи в наших поисках.

Во-первых, мы узнали, что по итальянской столице ходят различные слухи, в том числе самые фантастические. Одни говорят о самоубийстве Муссолини, другие - о серьезной болезни, третьи утверждают, что дуче находится в доме отдыха. Нам удалось, однако, установить, что в полдень 25 июля дуче отправился на аудиенцию к королю. С этого момента его больше никто не видел. Следовательно, он был арестован в самом дворце.

Первое более или менее точное сообщение мы получили совершенно случайно. Среди итальянских чиновников, с которыми общался Капплер, был офицер корпуса карабинеров, остававшийся в глубине души приверженцем фашистского режима. В одной из бесед этот человек проронил ценные

сведения: вроде бы дуче был перевезен на санитарной машине из королевского дворца в казармы карабинеров в Риме. Наше расследование подтвердило эту информацию. Мы, кроме того, узнали, в какой части здания и на каком этаже содержался пленник. К сожалению, после ареста прошло уже больше десяти дней, и, вероятно, Муссолини уже был перевезен в другое место.

Еще три недели мы безрезультатно пытались открыть место, где Бадольо прятал бывшего главу фашистского правительства. Ничего, никакого следа, не было даже намека - до того дня, когда нам на помощь пришел его величество случай.

В одном римском ресторанчике мы познакомились с торговцем фруктами, который время от времени наезжал к своим клиентам в Террачину, небольшой городок на берегу залива Гаэта. У его лучшего клиента в этом городке был слуга, имевший родственницу, за которой ухаживал один карабинер. Этот карабинер служил на острове Понца, на котором находилась тюрьма, и часто писал своей возлюбленной. В одном из писем он и упомянул о прибытии на остров одного замечательного узника, "очень важной персоны". Эта первая информация вскоре получила подтверждение, но несколько позднее один молодой морской офицер проговорился в бессвязной, полупьяной беседе, что его крейсер недавно перевез дуче из тюрьмы на острове Понца в городок Специя, где находилась итальянская военно-морская база на лигурийском побережье.

Конечно, все результаты наших расследований немедленно передавались, через генерала Штудента, в ставку фюрера. Как только мы сообщили о "следах", ведущих в Специю, я получил приказ подготовить операцию по немедленному освобождению дуче. Целые сутки мы лихорадочно соображали, чесали затылки. В ставке они, наверное, думали, что нет ничего проще, чем умыкнуть человека с боевого крейсера на глазах вооруженного экипажа! К счастью, на следующий день мы узнали, что дуче опять - в который раз! поменял тюрьму.

В Берлине - да простят мне читатели это небольшое отклонение от темы, только ради самой необычности факта - мобилизовали, между тем, даже ясновидцев и астрологов. Кажется, самому Гиммлеру пришла идея привлечь этих так называемых ученых. Во всяком случае, я еще никогда не слышал хотя бы об одном положительном результате их "исследований"!

Немного позднее новые сведения, полученные из различных источников, в том числе и по анализам упорных слухов, направили наши поиски на Сардинию. Указания на один из мелких островков или на госпиталь в маленьком, затерянном в горных лесах городке, вскоре оказались ложными. Напротив,

версия о присутствии дуче в морской крепости Санта-Маддалены у северо-восточной оконечности Сардинии все больше и больше находила подтверждение. Однажды немецкий офицер связи при итальянском адмиралтействе, фрегаттен-капитан* Хунеус - старый морской волк, сошедший прямо со страниц романов Джозефа Конрада, - сообщил нам по собственной инициативе, что какой-то очень важный пленник содержится в этом старинном городе-крепости. Эти сведения мне показались настолько важными, что я решил немедленно лететь на Сардинию и сам провести разведку. Я взял с собой фрегаттен-капитана и унтерштурмфюрера СС Варгера из моего отряда, который бегло говорил по-итальянски. По прибытии в Санта-Маддалену я на немецком тральщике совершил небольшое путешествие по акватории порта и вдоль берегов острова. Под прикрытием паруса я сделал несколько фотографий портовых сооружений и даже, хотя и издали, усадьбы, которая интересовала нас больше всего, - виллы "Вебер", расположенной на окраине города. Потом я начал искать способы узнать, что же это был за "важный узник". Для этой цели я решил задействовать лейтенанта Варгера.

Мой план базировался на том, что все итальянцы яростные спорщики. Варгер, переодетый в простого немецкого матроса, должен был с наступлением вечера потолкаться в тавернах и прислушиваться к разговорам. Как только он уловит разговор о дуче, он должен будет вмешаться и заявить, что ему достоверно известно, что Муссолини тяжело заболел. Очень вероятно, эта версия вызовет протесты, что позволит Варгеру заключить пари. Чтобы казаться более убедительным, Варгер должен будет притвориться слегка пьяным.

Из-за последнего обстоятельства возникли неожиданные трудности Варгер не пил вообще. Только после неоднократного напоминания о долге солдата я смог убедить его немного отступить от своих принципов.

* Капитан 2-го ранга. - Прим. ред.

Мой план, такой с виду простой, прекрасно удался. Бродячий торговец, который приносил каждый день фрукты на виллу "Вебер", принял пари. Чтобы показать Варгеру, что он знает, о чем говорит, он провел его в дом около виллы и через слуховое окно чердака показал террасу, по которой прогуливается дуче.

На следующий день Варгер вернулся на этот наблюдательный пост. Через несколько дней он знал приблизительное количество солдат охраны, время смены караулов, пулеметные точки и тому подобное.

Настало время выработать план наших дальнейших действий. Каким образом мы сможем вытащить Муссолини с виллы, а затем

вывезти его из города? Наша задача осложнялась еще тем, что Санта-Маддалена - морская крепость. Нам были необходимы самые точные сведения о расположении зенитных батарей, частей и их количестве. Поскольку имевшихся у нас карт было недостаточно, я решил облететь город на самолете и сделать несколько снимков с воздуха.

Вернувшись в Рим, я получил в свое распоряжение "Хейнкель-111" и 18 августа 1943 года мы взлетели с аэродрома Пратика-ди-Маре. Сначала пилот взял курс на север. В то время активность в воздухе авиации союзников над Тирренским морем была уже столь высока, что в целях безопасности все самолеты, направлявшиеся на Сардинию, должны были следовать через острова Эльбу и Корсику.

В назначенный час мы приземлились в Паузании, на одном из главных аэродромов Сардинии, где самолет должен был дозаправиться. Я быстренько "подскочил" в Пало, где встретился с Хунеусом и Варгером, которые проинформировали меня, что в Санта-Маддалене ничего нового, за исключением постоянного усиления мер безопасности.

Успокоенный, я вернулся в Паузанию. После разведывательного полета я планировал отправиться на Корсику, где была расквартирована бригада СС. План, начинавший созревать в моей голове, возможно, потребовал бы привлечения достаточно серьезных сил, и я хотел обговорить с командованием бригады предварительные детали операции. В 15 часов мы взлетели. Я приказал пилоту быстро набрать высоту 5000 метров. Облет района Санта-Маддалены, вообще говоря, был запрещен, и я вынужден был забраться как можно выше, чтобы спокойно сделать снимки. Расположившись в передней турели, рядом с пулеметом, имея под рукой фотокамеру и морскую карту, я только принялся любоваться переливами темно-синего моря, как в наушниках раздался голос заднего стрелка:

- Внимание! Сзади два самолета, английские истребители.

Самолет лег на крыло, стараясь оторваться от противника, я положил палец на гашетку пулемета, готовый в любой момент открыть огонь. Через некоторое время пилот выровнял самолет; я уже сказал себе, что все закончилось благополучно, как внезапно увидел, что нос нашей машины под острым углом устремился вниз. Обернувшись, я увидел искаженное лицо летчика, пытавшегося, без особого успеха, вывести самолет из пике. Бросив взгляд через стекло своей кабины, я увидел, что левый мотор не работает. Самолет падал со все возрастающей скоростью. Не оставалось времени даже прыгать с парашютом. Я услышал в наушниках:

- Держитесь...

Инстинктивно я вцепился в ручки пулемета, и мгновение спустя самолет столкнулся с поверхностью воды. Я, наверное, ударился головой о стекло кабины, ибо потерял сознание. Через несколько секунд я почувствовал, как что-то передо мной разбивается на тысячи осколков. Затем чья-то рука схватила меня за ворот куртки и потащила наверх. Вокруг только вода, ничего кроме воды. Самолет медленно погружался, в кабине пилотов, передняя часть которой была разбита, было уже сантиметров тридцать воды, и она хлестала через зияющую пробоину.

С трудом открыв дверь в салон, мы попробовали докричаться до задней кабины. Никакого ответа. Значит, наши два товарища погибли? Теперь надо было как можно быстрее выбраться наружу из самолета, который мог затонуть с минуты на минуту. Объединенными усилиями нам удалось открыть верхний аварийный люк в кабине пилота. Сразу же внутрь устремились новые потоки воды. Пора! Мы быстро вытолкнули второго пилота через люк, затем я глубоко вдохнул и протиснулся сам. Я почувствовал, что поднимаюсь, резким движением ног оттолкнулся от самолета и выскочил на поверхность. Через несколько секунд появился и первый пилот.

Неожиданно произошла странная вещь. Почти весь самолет, освобожденный от нашего веса, появился из воды. Оба летчика бросились к задней кабине, открыли люк. Оторопевшие, они увидели забившихся в угол кабины солдат, которых мы уже посчитали погибшими. Они были невредимыми, но немного ошалевшими. На четвереньках они доползли до края крыла. К несчастью, ни тот, ни другой не умели плавать, хотя оба были уроженцами Гамбурга, портового города. Первому пилоту, между тем, удалось достать надувную лодку. Удар кулаком - вылетела пробка из баллона с кислородом; лодка быстро наполнилась газом, солдаты смогли на нее забраться.

В тот же момент я вспомнил с замиранием сердца о своем

портфеле и фотокамере, оставшихся в кабине пилотов. Я нырнул, проник в кабину через пробоину, и мне удалось вытащить портфель и камеру, которые я, вынырнув на поверхность, забросил в лодку. Через несколько секунд хвост самолета вздыбился, и машина ушла под воду. Уцепившись за лодку, так же как и оба пилота, я огляделся. В двухстах или трехстах метрах от нас из воды торчали камни подводной скалы. Мы вплавь направились к ней, толкая перед собой лодку. Скала оказалась обрывистой и скользкой, но нам достаточно легко удалось на нее забраться. Второй пилот обнаружил в "НЗ"* лодки ракетницу и хотел выстрелить, но я приказал ему подождать, пока появится какой-нибудь корабль.

Примерно через час мы заметили дым на горизонте. Я выпустил красную ракету, и, к нашей радости, корабль взял курс в нашу сторону. Вскоре к нам уже шла спасательная шлюпка. Нашим спасителем оказался вспомогательный итальянский крейсер, специально оборудованный для противовоздушной обороны. "Нам повезло, что капитан не знает, как мы здесь оказались", - подумал я, пожимая ему руку. Поскольку я был совершенно голый - ныряя за камерой, я освободился от одежды, - он предложил мне белые шорты и пару сандалий. Шорты оказались слишком узки для меня, и я влез в них с трудом, иначе пришлось бы, сходя на берег, воспользоваться фиговым листком. И только в тот момент, когда я с облегчением растянулся в шезлонге, почувствовал острую боль в грудной клетке: через несколько дней врач определил, что у меня сломано три ребра.

К концу дня мы снова оказались в Паузании. Я сразу же отправился в Пало, чтобы взять у капитана Хунеуса корабль и отправиться на Корсику, где меня ждал командир бригады СС. Я хотел выполнить хотя бы этот пункт моего плана.

Была почти полночь, когда наш торпедный катер проскользнул между скалистых берегов в порт Сан-Бонифачо. Из здания итальянской военной администрации порта мне не удалось установить телефонную связь с бригадой. Только на следующее утро мне предоставили автомашину. По стечению обстоятельств весь этот день я гонялся за командиром бригады, который, со своей стороны, пытался, и тоже напрасно, найти меня. В конце концов мы все же встретились на севере острова, в Бастии, в штабе немецкой военно-морской базы на Корсике.

В то же время Радль, оставшийся в Риме, терялся в ужасных догадках. Не встретив меня, как было условлено, вечером 18 августа, он позвонил в штаб парашютной дивизии, чтобы узнать, есть ли у них какие-нибудь новости о моем самолете. Ему коротко ответили: "Самолет считается пропавшим без вести,

экипаж, скорее всего, пошел на дно, рыб кормить". Два дня бедняга считал меня погибшим, ибо я вернулся в Рим только поздно вечером 20 августа. Я встретил его по дороге от аэродрома в расположение моего отряда, и он чуть с ума не сошел от радости.

Как только мы прибыли в гостиницу, то сразу приступили к разработке детального плана наших дальнейших действий. На этот раз у нас была твердая уверенность, что местопребывание дуче обнаружено. Генерал Штудент, которого мы на следующее утро поставили в известность о положении дел, полностью разделял наше мнение.

Вдруг, как гром среди ясного неба, приказ из ставки фюрера:

"Ставка только что получила от абвера (адмирал Канарис) доклад, согласно которому Муссолини находится на небольшом островке недалеко от острова Эльба. Капитану Скорцени немедленно подготовить десантную операцию и сообщить в ставку о времени, когда она может быть проведена. Ставка фюрера утвердит план операции".

"Как это могло произойти?" - спрашивали мы себя. Считалось, что агентура, адмирала обладает чрезвычайно эффективными средствами сбора информации. Однако через несколько дней мы познакомились и с циркуляром под грифом "секретно", разосланным абвером всем командирам соединений вермахта в Италии. В этом циркуляре было черным по белому написано: "Абсолютно точно установлено, что правительство Бадольо продолжит борьбу на нашей стороне при любых обстоятельствах. Новое итальянское правительство будет даже еще теснее участвовать в совместных действиях, чем бывшее фашистское правительство".

Поскольку наше мнение было диаметрально противоположным, генерал Штудент попросил аудиенции у самого фюрера. После долгих объяснений по телефону разрешение наконец было дано, и мы получили приказ прибыть в Восточную Пруссию. Мы сразу же вылетели, приземлились после полудня и узнали, едва выйдя из самолета, что Гитлер ждет нас.

Нас привели в ту же комнату, где я был представлен фюреру несколько недель назад. На этот раз все кресла перед камином были заняты, и я имел возможность познакомиться практически со всем руководством рейха. Слева от фюрера сидел Риббентроп, министр иностранных дел, справа - фельдмаршал Кейтель, за ним генерал Йодль. Мне указали на следующее кресло. Слева от Риббентропа сидел Гиммлер, за ним генерал Штудент и гросс-адмирал Дёниц. Между Дёницем и мной расположилась в кресле массивная фигура рейхсмаршала Германа Геринга.

Генерал Штудент коротко представил меня, затем предоставил мне слово. Сначала я страшно волновался, взгляды этих восьми человек так меня сковывали, что я забыл даже о записях, приготовленных во время полета. Постепенно, однако, я обрел свою обычную уверенность. По возможности ясно и коротко я представил в деталях все этапы нашего расследования. Многочисленные убедительные свидетельства в пользу нашей версии, согласно которой дуче находится в Санта-Маддалене, произвели впечатление на аудиторию. А рассказ о пари, заключенном Варгером, вызвал улыбки на некоторых лицах, в частности Дёница и Геринга.

Когда я закончил - беглый взгляд на часы подсказал мне, что я говорил больше получаса, - фюрер решительным жестом пожал мне руку:

- Вы убедили меня, гаупштурмфюрер СС Скорцени. Вы, конечно же, правы, я отменяю мой прежний приказ о нападении на остров. Вы уже разработали план, позволяющий вызволить дуче из этой морской крепости? Если да, представьте нам его.

С помощью схемы, набросанной от руки, я рассказал о нашем проекте решения задачи, выработанном несколько дней назад. Я объяснил, что кроме флотилии торпедных катеров, мне потребуется несколько тральщиков и кроме моих пятидесяти человек - около роты добровольцев из состава бригады СС, стоящей на Корсике. С другой стороны, чтобы прикрыть наш отход, я бы хотел иметь право использовать зенитные батареи наших сил на Корсике и Сардинии. Мой план атаки на восходе солнца, кажется, получил полное одобрение. По ходу доклада Гитлер, Геринг и Йодль задали мне множество вопросов. После меня слово взял фюрер:

- Я одобряю ваш план, гаупштурмфюрер, и надеюсь, что при условии выполнения его с должной настойчивостью и без всяких колебаний он является вполне реальным. Гросс-адмирал Дёниц, отдайте необходимые распоряжения своим подразделениям. Требуемые части поступают на время проведения операции под командование гаупштурмфюрера СС Скорцени: необходимо любой ценой освободить моего друга Муссолини, и как можно быстрее, чтобы помешать передаче его союзным войскам. Однако, гаупштурмфюрер, когда вы будете готовы и я дам вам разрешение начать операцию, Италия, возможно, еще будет нашим союзником, по крайней мере официально. Если в этом случае ваш рейд закончится неудачей, я буду вынужден дезавуировать вас перед мировым общественным мнением. Я заявлю тогда, что, постоянно твердя о необходимости спасения дуче и о своем плане его освобождения, вы лично заставили потерять голову

командиров некоторых подразделений, расквартированных в Италии, и, в любом случае, вы действовали по собственной инициативе. Чтобы помочь нам одержать победу, чтобы поддержать честь Германии, вы будете готовы принять, в случае неудачи, это тяжелое обвинение, даже не помышляя о защите.

У меня даже не было времени подумать. В любом случае, когда честь моей родины поставлена на карту, я знаю, что покорно приму и молча вынесу весь позор подобного обвинения. Слишком взволнованный, я смог только склонить голову, не найдя слов для ответа.

Довольный Гитлер отпустил меня, перед тем дружески пожав мне руку.

- Вам удастся, Скорцени, - сказал он таким уверенным тоном, что его уверенность проникла в меня как электрический заряд. Я не раз слышал о почти гипнотической силе убеждения фюрера. Невозможны были больше никакие сомнения - мне удастся.

На следующее утро мы отправились обратно в Рим. По прибытии я рассказал своему верному Радлю, что в случае провала операции я должен буду взять на себя всю ответственность за наше предприятие. Как истинного австрийца Радля все это не очень взволновало.

- Ну что ж, - сказал он спокойно, - если так должно быть, то я попрошу, чтобы меня заключили с вами в одну камеру. Возможно, нас поместят в сумасшедший дом. Это будет прекрасная возможность испытать на себе комфорт камеры с мягкими стенами.

И только случайность избавила нас от этой печальной перспективы. Увы, через несколько дней мы едва не начали штурм тюрьмы, в которой уже не было пленника.

СНОВА С НУЛЯ

Фрегаттен-капитан Шульц, командир эскадры торпедных катеров, которую предоставили в мое распоряжение, был настоящий сорвиголова. Он уже давно мечтал об операции подобного рода. Мы поминутно рассчитали все фазы нашего рейда, стараясь не упустить ни малейшей детали, предусмотреть все возможные случайности. Наконец план был полностью готов.

Накануне дня "Икс" эскадра торпедных катеров зайдет с официальным дружеским визитом в Санта-Маддалену. Она должна будет войти в военный порт и пришвартоваться у причала, расположенного напротив виллы. В тот же день тральщики под командой лейтенанта Радля забирают на Корсике десант коммандос, пересекают пролив и бросают якоря на рейде Пало, напротив Санта-Маддалены. Солдаты, естественно, остаются в укрытии. В первые часы дня "Икс" флотилии начинают

маневрировать, показывая, что собираются покинуть места стоянок и выйти в море. Внезапно тральщики высаживают десант, часть которого обеспечивает прикрытие основной группы, чтобы оградить ее от любых неожиданностей со стороны города. Катера находятся в постоянной готовности поддержать нас огнем.

Затем я вместе с основной частью десанта вхожу на территорию виллы. Мы идем строем, и, по моему замыслу, это внезапное появление роты марширующих солдат должно внести еще большее замешательство в ряды противника. Насколько возможно мы будем избегать, пока идем по городу, всяких конфликтов и до последней возможности постараемся не открывать огонь. Затем мы врываемся в ворота виллы, где я принимаю на месте конкретный способ действия в зависимости от сложившейся обстановки. Чтобы охрана виллы не узнала раньше времени о нашей высадке, выделяется несколько групп, которые перережут линии связи.

Как только мы нейтрализуем полторы сотни человек охраны, я доставлю дуче на борт торпедного катера. В это время рота солдат СС займется орудиями, прикрывающими выход из порта. Что касается зенитных пушек системы противовоздушной обороны итальянцев, расположенных на холмах вокруг города, они будут под прицелом наших батарей, установленных на северном побережье Сардинии.

Немного удачи - и все пройдет как по маслу. Единственное обстоятельство меня действительно немного беспокоило: ниже виллы "Вебер", почти на набережной, стояли военные казармы, где находились около 200 курсантов морской школы. Мне необходимо было солидное прикрытие, чтобы обезопасить фланги. С другой стороны, у берега стояли две летающие лодки итальянского флота и санитарный гидросамолет. Я специально выделил два взвода, чтобы они вывели их из строя, тогда итальянцы не смогут организовать немедленное преследование торпедного катера с дуче.

За день до дня "Икс" на рассвете катера покинули порт Анцио и после недолгого перехода прибыли в Санта-Маддалену. После этого Радль отправился на борту минного тральщика на Корсику, чтобы проконтролировать погрузку десанта. Они должны были, по нашему плану, прийти в Санта-Маддалену к концу дня. Ожидая развития событий, я еще раз принялся изучать план виллы "Вебер" и ее окрестностей. Малыш Варгер хорошо поработал, все нанесено на схему очень тщательно и точно: расстояния, расположение дверей, караульных постов и т.п. Однако я никак не мог отогнать от себя чувство какой-то неуверенности, которое преследовало меня каждый раз, когда

кто-то выполнял важное дело без моего контроля. Наконец решил последний раз сам все проверить. Варгер меня сопровождал. Едва мы подошли к вилле, как я обнаружил телефонный кабель, не отмеченный на схеме Варгера. Меня охватил гнев: именно такая, на первый взгляд, незначительная оплошность могла провалить важнейшую операцию, которую мы готовились провести. Но должен признать, что, за исключением этой ошибки, карта была в остальном составлена очень тщательно. Два отделения карабинеров прогуливались вдоль улицы. Еще одно, вооруженное пулеметами, охраняло ворота. К сожалению, высокий забор защищал внутренний двор от нескромных взглядов прохожих. Мы, в целях маскировки, были одеты в форму простых матросов и несли корзины с грязным бельем, поэтому на нас никто не обратил внимания. Целью нашей прогулки был соседний с виллой дом, расположенный чуть выше по улице. Это могло позволить нам заглянуть за забор. Пока Варгер сдавал белье в стирку, я, под предлогом отсутствия в доме туалета, поднялся еще выше и из-за обломка скалы стал рассматривать виллу и окружающий ее парк. Все казалось спокойным, и, сравнив по памяти расположение дорожек в саду и некоторые другие объекты, я вернулся, успокоенный, в дом прачки. И здесь меня поджидал тот самый счастливый случай, о котором я уже упоминал. За время моего отсутствия один из карабинеров из охраны дуче зашел в дом в гости к хозяйке. Я осторожно направил разговор на падение режима Муссолини. Сначала солдата, казалось, совершенно не заинтересовала эта тема, он оживился только тогда, когда я предположил, что дуче уже, наверное, умер. С горячим темпераментом южанина он заявил, что все это враки. Я, конечно, стал настаивать, утверждая, что знаю это совершенно точно от верного человека. Вроде бы несколько дней назад знакомый врач моих друзей мне рассказал в мельчайших деталях о последних минутах бывшего главы фашистского государства.

Бравый карабинер больше не мог сдерживаться.

- Нет, нет, сеньор, это невозможно, - возбужденно закричал он. - Я видел дуче только сегодня утром. Я сам сопровождал его, когда его везли к белому самолету, на котором он улетел.

Вот это да! Вот это сюрприз! Солдат говорил уверенным тоном, его рассказ выглядел очень правдивым. Только теперь я вспомнил, что санитарный гидросамолет, который еще вчера качался на волнах у берега, сегодня утром исчез. Я это, конечно, заметил, но не придал большого значения. С другой стороны, меня немного удивило, когда я рассматривал виллу, что солдаты охраны чувствовали себя как-то слишком свободно, они

толпились на террасах и выглядели беззаботными. Вот, оказывается, где объяснение их поведению: в тюрьме не было больше пленника!

Нам крупно повезло, что все вовремя раскрылось. Хорошо бы мы выглядели, если бы развернули те морские и сухопутные военные действия, которые были запланированы.

Теперь необходимо было в первую очередь отменить операцию и прекратить выдвижение сил на исходные позиции. Я позвонил Радлю и застал его как раз в тот момент, когда он собирался отдать приказ отправления с Корсики. Подразделения десанта были уже на борту кораблей.

- Полный назад, все стоп! - таким был мой приказ.

Из предосторожности мы еще несколько дней сохраняли состояние готовности, на случай если дуче вернется в Санта-Маддалену. К удивлению, итальянцы также не снимали охрану с виллы. По-моему, итальянские секретные службы специально это делали, чтобы замести следы и ввести нас в заблуждение. Без сомнения, пленник представлял для них такую ценность, что они не остановились перед такой трудоемкой работой, как постоянная смена места заключения Муссолини. На этот раз они достигли своей цели - в очередной раз мы потеряли след.

Мы снова вернулись туда, откуда начали, - то есть к нулю. Все надо было начинать сначала. Несколько дней мы сбивали ноги, стараясь по горячим следам найти дуче. Слухов было предостаточно, но, когда мы вплотную начинали ими заниматься, они рассеивались, как дым.

МЫ ВЫХОДИМ НА ЦЕЛЬ

И опять случай, этот великий покровитель смельчаков, приходит на помощь. Первый настоящий след я обнаруживаю во время инспекционной поездки в район озера Браччано. Оказывается, несколько наших офицеров наблюдали приводнение белого гидросамолета-госпиталя! Постепенно приходят и другие сведения, подтверждающие, что дуче держат на самом полуострове. Еще несколько раз мы пускаемся по следу, который в конце концов оказывается ложным, как например, связанный с Тразименским озером. Однако в один прекрасный день известие об автокатастрофе, которая чуть было не стоила жизни двум итальянским старшим офицерам, наводит нас на мысль поискать в Абруццких Апеннинах. А там снова один неясный слух сначала направляет наши поиски в неверном направлении, к восточной части этого горного массива.

Потихоньку мы начинаем думать, что некоторые из этих следов прочерчены намеренно. Итальянская секретная служба - это, конечно, достойный противник. К тому же и другие немецкие

службы, такие как штаб фельдмаршала Кессельринга или агенты внешней разведки абвера, имеют все основания стремиться первыми обнаружить место заключения бывшего фашистского диктатора. В августе глава немецких секретных служб адмирал Канарис встречается в Венеции со своим итальянским коллегой генералом Аме. Переговоры не приносят результата. Неужели желание итальянцев любой ценой сохранить тайну окажется в конечном счете сильнее ясно выраженного намерения фюрера расследовать это таинственное исчезновение? А кстати стремится ли адмирал Канарис на самом деле направлять всю свою энергию на выполнение приказов немецкого Верховного главнокомандования? Иногда у меня возникают сомнения на этот счет...

Со своей стороны, фельдмаршал Кессельринг воспользовался случаем, представившимся в связи с шестидесятилетием Муссолини - 29 июля 1943 года, чтобы попытаться снова закинуть удочку со старым маршалом Бадольо. В качестве подарка ко дню рождения Гитлер прислал в Италию подарочное издание, напечатанное тиражом в один экземпляр, полного собрания сочинений Ницше. Эти тома были заключены в деревянной шкатулке, украшенной чудесной резьбой. Кессельринг заявил Бадольо, что фюрер поручил ему лично вручить этот подарок дуче. К сожалению, эта уловка не принесла плодов, поскольку Бадольо под надуманным предлогом ответил отказом.

Тем временем положение в Риме становилось все более и более нездоровым. Одна за другой несколько итальянских дивизий были отведены с фронта, и, что любопытно, их дислоцировали в окрестностях города - якобы для того, чтобы предотвратить угрозу вражеского десанта. Честно говоря, мы совсем не верили в такое объяснение. Если случится так, что наши отношения с итальянцами испортятся, то мы, единственная немецкая дивизия парашютисты генерала Штудента и несколько подразделений командования и связи штаба Кессельринга, - окажемся лицом к лицу с группировкой войск, имеющей над нами подавляющее преимущество: в ее составе семь дивизий. Нам уже больше не удавалось даже опознавать итальянские воинские части, которые прибывали беспрестанно.

Тем временем моя небольшая личная "разведывательная служба" наконец-то принесла мне почти полную уверенность, что Муссолини находится в одном отеле, расположенном у подножья пика Гран-Сассо, разумеется под хорошей охраной. Тогда в течение нескольких дней мы тщетно пытались раздобыть подробные карты этого района. Поскольку строительство отеля закончилось лишь незадолго до начала войны, то этого здания ни

на какой карте не было. Нам удалось раскопать только две зацепки: рассказ одного немца, проживающего в Италии, который в 1938 году провел в этом отеле свои зимние каникулы, и буклет одного туристического агентства, где расхваливались красоты этого рая для лыжников в самом сердце Абруццких гор.

Поскольку эти данные были слишком расплывчатыми, чтобы позволить подготовить такую крупную операцию, то мы оказались вынуждены как можно быстрее получить аэрофотоснимки.

Генерал Штудент предоставляет в мое распоряжение самолет, оснащенный автоматической камерой, и утром 8 сентября я взлетаю из Пратика-ди-Маре, что неподалеку от Рима, вместе с Радлем и офицером разведки штаба дивизии; последнему предназначается важная роль в той операции, которую мы планируем.

Поскольку необходимо любой ценой скрыть от итальянцев цель нашего полета, то мы решили пересечь Абруццкие горы на высоте примерно 5000 метров. Даже пилот не посвящен в тайну: ему сказали, что мы собираемся сфотографировать несколько портов на Адриатике.

Когда мы оказываемся километрах в тридцати от Гран-Сассо, то решаем сделать несколько снимков, чтобы испытать эту огромную камеру, встроенную в брюхо самолета. И тогда мы обнаруживаем, что перемотку пленки заклинило из-за мороза. Аппаратом пользоваться нельзя. К счастью, мы взяли с собой портативную камеру; придется работать с ней как получится. Между тем мы уже страдаем от холода, потому что надели на себя только легкую форму африканского экспедиционного корпуса. Поскольку во время полета невозможно полностью открыть большой застекленный купол задней кабины, то нам приходится выбить один из его сегментов, чтобы создать обзор для камеры. Конечно, получается неудобно, потому что фотограф будет вынужден высовывать в это отверстие голову, плечи и руки.

Я отваживаюсь сделать это первым. Я бы никогда не поверил, что воздух может быть таким холодным, а ветер - таким резким. С трудом протискиваюсь в отверстие грудью, а Радль удерживает меня за ноги. Несколько мгновений спустя мы пролетаем над Кампо-Императоре, диким плато со сложным рельефом, расположенным на высоте примерно 2000 метров, из которого одной глыбой вздымаются до высоты 2900 метров отвесные склоны Гран-Сассо. Серые и коричневые утесы, бесконечные голые обрывы, пятна фирна, плотного зернистого снега; затем мы проходим над нашей целью - отелем, массивным сооружением, даже если смотреть с этого расстояния. Я делаю первый снимок, а затем, держа в левой руке камеру, достаточно тяжелую, кручу

ручку перемотки пленки. И только тут я отдаю себе отчет, насколько же онемели мои пальцы за эти несколько мгновений. Сразу за отелем замечаю небольшой луг примерно треугольной формы. Тут же говорю себе: вот мне площадка для приземления! Делаю третий снимок, а затем несколько нервным движением ноги даю Радлю понять, что уже самое время втаскивать меня назад в самолет.

Несколько минут мне приходится отогреваться. Поскольку Радль в своей обычной манере невозмутимо поддразнивает: "Неужели на солнце так холодно?", - я про себя решаю доставить моему дорогому товарищу такое же удовольствие во время обратного полета.

Проползаю на животе в пилотскую кабину и вдали уже различаю голубую полосу: это Адриатика. Приказываю спуститься до высоты примерно 2500 метров и, как только достигнем побережья, взять курс на север, повторяя все изгибы береговой линии. Затем, чтобы ввести в заблуждение нашего пилота, долго изучаю наши карты и прошу Радля приготовиться фотографировать портовые сооружения Анконы.

При великолепной погоде мы быстро добираемся до прекрасных пляжей Римини и Риччоне. Немного далее я приказываю повернуть на 180 градусов и даю пилоту команду подняться до 5500 метров, чтобы пролететь точно над вершиной Гран-Сассо.

На этот раз наступает очередь Радля. Мы возвращаемся в хвостовую кабину, где температура уже значительно понизилась - до двух-трех градусов ниже нуля. Теперь мы проклинаем нашу африканскую форму, которую так любим, когда прогуливаемся на солнце по римским улицам. Я вручаю Радлю портативную камеру и подробно объясняю, как с ней обращаться, - даже слишком подробно, поскольку Радль несколько артистическая натура, и он ничего не понимает в технических деталях. Затем он пролезает в отверстие руками вперед, а я, стоя на коленях, удерживаю его за ноги.

Поскольку вершина уже в пределах нашей видимости, я щиплю его за икры, чтобы он держался наготове. Одновременно кричу ему - вероятно впустую, потому что рев моторов оглушителен: "Торопитесь, сделайте несколько снимков, сколько сможете". Я чувствую по конвульсивным движениям его ног, что он делает мне какие-то неистовые жесты. Возможно, мы пролетаем не совсем над самым отелем, ему приходится наклоняться и делать снимки под углом. Это может нам принести большую пользу, поскольку такие снимки иногда лучше, чем фотографии, сделанные вертикально, позволяют представить себе

наклон местности. Вскоре Радль подает знак тянуть его обратно. Лицо у него буквально синее от холода.

- Первого, кто мне еще будет говорить о прекрасном итальянском солнце, я просто задушу, - ворчит он, клацая зубами.

Возвратившись в кабину пилотов, мы напяливаем на себя спасательные куртки и даже накрываемся огромными листами масленой бумаги, которые валяются в углу. Затем я даю пилоту подробные указания: спуститься до высоты примерно 1500 метров и возвращаться, но взять такой курс, чтобы несколько сместиться к северу и достичь Средиземного моря немного севернее Рима. Затем направление на аэродром бреющим полетом.

Четверть часа спустя мы можем убедиться, что эта предосторожность, вероятно, спасла нам жизнь. Мы только что добрались до побережья, солнце заливает светом полностью застекленную кабину; сидя рядом с пилотом, я рассеянно созерцаю пейзаж. И когда совершенно случайно бросаю взгляд налево, в направлении Сабинских гор, то не верю своим глазам: с юга плотными рядами к Фраскати приближаются самолеты, несомненно, вражеские. Схватив очки, я вижу, как они сбрасывают бомбы, и те сыплются на город, точно над нашим штабом. Затем первая волна удаляется, и появляются две другие, чтобы тоже освободиться от своего смертоносного груза. Только в этот миг мы понимаем, что если бы не мой приказ сделать небольшой крюк к северу, то мы бы оказались в самой гуще союзнических эскадрилий, где наш разведывательный самолет был бы практически беззащитен. И те истребители, что сопровождали бомбардировщики, не обнаружили нас лишь потому, что мы летели на бреющем полете.

Несколько минут спустя мы приземляемся живыми и невредимыми. Прибыв в Фраскати, мы попадаем в полнейший хаос. Дом, в котором находится штаб генерала Штудента, оказался нетронут, но от нашего остались одни развалины. Когда мы желаем туда проникнуть, один офицер предупреждает нас, что сквозь дом пролетели две бомбы замедленного действия и ушли в глинобитный пол погребов, и теперь они могут взорваться в любой момент. Однако в спальне мы оставили важные бумаги, содержащие как раз результаты наших расследований. И мы взбираемся по обломкам, перешагиваем через балюстраду нашей лоджии, нам удается несмотря на беспорядок, царящий в комнате, обнаружить наши досье. Несколько мгновений спустя мы уже снова на улице.

Жертвы среди гражданского населения, должно быть, были очень велики. Однако почти все немецкие службы избежали разрушения. Наши военные уже ремонтируют телефонные линии,

которые, надо сказать, сильно повреждены. У меня же нет времени задерживаться; я должен срочно отправиться в Рим для встречи с несколькими итальянскими офицерами, которые, по моим сведениям, намереваются освободить дуче. Естественно, я хочу узнать их планы, чтобы мы с ними друг другу не помешали.

Уже через несколько минут разговора я убеждаюсь, что хотя эти молодые люди и выказывают похвальный энтузиазм вместе с очень серьезной решимостью, их приготовления продвинулись совсем не так далеко, как наши. Когда я прощался с этими "заговорщиками", уже почти наступила ночь, а я должен еще пересечь весь Рим, чтобы встретиться с Радлем, который ждет меня в конторе одной немецкой службы. Веду машину медленно, поскольку на всех улицах царит непривычное оживление. Люди толпятся вокруг уличных громкоговорителей, и, выехав на Виа-Венето, я вынужден двигаться со скоростью пешехода. Одно сообщение, доносящееся из громкоговорителей, приветствуют шумными возгласами, я слышу крики: "Да здравствует король!"; целуются женщины; собравшиеся в кучки люди что-то страстно обсуждают. Меня это все более интригует, и, остановившись, я задаю вопрос прохожему, который сообщает мне катастрофическую новость: Италия сложила оружие.

Конечно, мне известно, что положение наших войск на полуострове стало критическим. По правде говоря, мы все ожидали этой капитуляции, но никто не думал, что она придет так скоро. Во всяком случае, это событие задержит выполнение моей миссии - задержит или даже сделает ее невыполнимой.

Несколько дней спустя я узнаю, что генерал Эйзенхауэр предвосхитил события, объявив итальянскую капитуляцию в тот же самый день, но еще в 18 часов 30 минут по радио Алжира. Тем самым он поставил правительство Бадольо перед свершившимся фактом, по крайней мере в том, что касалось точного часа прекращения боевых действий. С другой стороны, союзники назначили высадку в Салерно на ночь с 8 на 9 сентября, и они уже не могли изменить эту дату. Эта операция должна была облегчить задачу нового "союзника", удерживая основную часть немецких войск вокруг Салерно. Согласно донесениям наших разведывательных служб, мы даже предполагали, что союзнический штаб предполагал высадку авиационного десанта в Риме, и такая операция поставила бы наши слабые силы в по меньшей мере неприятное положение. Таким же образом массированная бомбардировка Фраскати была условлена во время переговоров между представителями Бадольо и союзнического Главного командования с целью дезорганизовать генеральный штаб немецких войск в Италии. Эта последняя часть

плана не достигла цели. Мы сохраняли связь со всеми нашими войсками, которые, конечно, были приведены в состояние боевой готовности.

Ночь с 8 на 9 сентября проходит спокойно, за исключением нескольких стычек между итальянскими и немецкими войсками к югу от Рима. В течение дня 9 сентября, однако, происходят серьезные столкновения в окрестностях Фраскати, где сосредоточены немецкие службы. Тем не менее к вечеру нам удается прочно удерживать всю зону Сабинских гор. Немецкие части понемногу приближаются к Риму, который занят и окружен несколькими итальянскими дивизиями.

Между тем, признавая необходимость отложить на несколько дней мою попытку освободить дуче, я по-прежнему стремлюсь подтвердить с наиболее возможной уверенностью его присутствие в отеле на Гран-Сассо. Первые указания на это мне были даны, пусть невольно, двумя итальянцами, но мне бы хотелось получить еще какое-нибудь подтверждение, и если возможно, то от немца. Очевидно, не стоит и думать о том, чтобы прямо послать своего человека в этот отель, который связан с внешним миром одной лишь канатной дорогой, поднимающейся из долины. Я уже ломал себе голову, ища подход, который выглядел бы совершенно невинным, и накануне итальянской капитуляции я наконец-то нашел человека, который мне требовался. В Риме у меня был знакомый военный врач-немец, очень честолюбивый парень, который давно уже мечтал о какой-нибудь славной награде. Я решил использовать это стремление к почестям, и вечером 7 сентября объяснил ему, как он сможет снискать благоволение своего начальства.

До настоящего времени немецкие солдаты, заболевшие малярией, - а таких было много - посылались на излечение в Тироль. И вот я предлагаю моему медику отправиться "по собственной инициативе" в горный отель на Гран-Сассо - который я будто бы хорошо знаю, - чтобы выяснить, можно ли это заведение, расположенное на высоте примерно 2000 метров, превратить в дом отдыха. Я упираю на то, что надо на месте поговорить с управляющим, посмотреть, сколько имеется коек, осмотреть санузел и так далее, а также немедленно начать там переговоры. Мое предложение было услышано: утром 8 сентября мой славный врач выехал в путь на машине. Я тут же начал беспокоиться. Может ли он вернуться, увижу ли я его снова живым и невредимым?

На следующий день мой "шпион поневоле" возвращается, очень расстроенный от мысли, что из-за итальянской капитуляции его прекрасный план, вероятно, окончился ничем.

Не жалея подробностей, он рассказывает мне, как, проехав Авкилу, он попал в долину, где находится станция подъемника. Но все его усилия проникнуть дальше были напрасны. Дорога к подъемнику была перегорожена шлагбаумом и к тому же охранялась несколькими постами карабинеров. После длительных переговоров с последними он все-таки получил разрешение позвонить в отель. Однако ответил ему не управляющий: на другом конце провода какой-то офицер уведомил его, что Кампо-Императоре объявлен военным полигоном и, следовательно, всякое иное использование плато и зданий на нем воспрещается. По наблюдениям этого врача, речь идет о достаточно крупных маневрах: в долине он заметил радиофицированный автомобиль, а подъемник постоянно в действии.

В последней деревушке жители рассказали ему невероятные истории: похоже, что гостиница была занята совсем недавно, что сразу же из нее был выслан весь гражданский персонал, а номера были переоборудованы, чтобы разместить в них примерно 200 солдат. Несколько раз в долину вроде бы приезжали старшие офицеры; некоторые люди - "хорошо осведомленные" предполагали даже, что там наверху заключен Муссолини. Но это, замечает военврач, просто, наверное, слух, которому не стоит слишком доверять.

Я, конечно, не стремлюсь его в этом разубедить.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

На следующий день, то есть 10 сентября 1943 года, наши войска вновь прочно удерживают Рим и его окрестности. Я могу наконец-то перейти к исполнению своего задания или, точнее, к последним приготовлениям, а именно к выработке подробного плана.

Прежде всего я изучаю вместе с Радлем различные возможности, из которых нам надо какую-то выбрать (предполагая, что и сама операция окажется возможна). В одном нет сомнений: мы не можем терять ни минуты. Каждый день, возможно, даже каждый час место заключения дуче может быть изменено, не говоря уже о другом событии, которого мы опасаемся более всего: передачи пленника союзникам, которые его, несомненно, уже затребовали. Немного позже мы узнаем, что генерал Эйзенхауэр включил это требование в условия перемирия.

Наземная операция нам кажется неизбежно обреченной на провал. Нападение через крутые склоны, ведущие к плато, приведет к огромным потерям, и, во всяком случае, карабинеры окажутся предупреждены достаточно рано, чтобы вполне успеть либо спрятать дуче, либо увезти его в другое место. Чтобы

помешать им ускользнуть вместе со своим пленником, нам пришлось бы окружить весь горный массив поисковой цепью, а на это потребовалась бы по меньшей мере дивизия. Поэтому наземную операцию надо считать неосуществимой.

Нашим главным козырем должна стать полная внезапность, ибо, не говоря уже о стратегических соображениях, мы опасаемся, как бы у карабинеров не было приказа убить своего заключенного в случае опасности побега. Это предположение впоследствии подтвердится. Только наше молниеносное вторжение спасло дуче от неминуемой смерти.

Итак, мы видим только два способа: высадка парашютистов или приземление транспортных планеров рядом с отелем. После долгого анализа всех "за" и "против" этих двух решений, мы выбираем второе. В разреженной атмосфере на этой высоте нам бы потребовались, чтобы предотвратить слишком быстрый спуск, особые парашюты, а мы такими не располагаем. К тому же я предвижу, что из-за слишком пересеченной местности десантники приземляются со слишком большим рассеянием, так что быстрая атака плотным строем окажется невозможной. Остается только приземление нескольких планеров. Но есть ли в окрестностях отеля участок, на котором они могли бы сесть?

Когда пополудни 8 сентября я решил проявить наши аэрофотоснимки, выяснилось, что огромная лаборатория в Фраскати уже стерта бомбами с лица земли. Один мой офицер все-таки смог сделать несколько отпечатков во вспомогательной лаборатории, но, к несчастью, нам не смогли дать крупноформатные снимки для стереоскопа, которые бы позволили увидеть местность четко и рельефно. Я должен был удовольствоваться обычными фотографиями, примерно 14 на 14 см, на которых, однако, я прекрасно узнал треугольный луг, который уже привлек мое внимание во время нашего полета над отелем. Именно на этом лугу, выбрав его в качестве площадки для приземления, я буду осуществлять свой план.

Также надо подумать и о том, как прикрыть наши тылы и обеспечить отход после выполнения самой операции. По нашему плану, эти две цели достигаются с помощью батальона парашютистов, которые должны будут ночью пробраться в долину, чтобы в час "Ч" захватить станцию подъемника.

Выработав таким образом основные детали операции, я отправляюсь к генералу Штуденту. Я хорошо знаю, что уже три дня у него совсем не было возможности отдохнуть даже несколько минут - у меня, впрочем, тоже, - но теперь нужно вместе прийти к какому-то решению. И вот я объясняю ему свой план, и мне даже удается его убедить. По правде говоря, генерал

вовсе не проявляет энтузиазма, он не скрывает от меня своих опасений, но он понимает также, что если мы не хотим отказаться от нашей задачи, то должны попытаться использовать единственную оставшуюся у нас возможность. Однако прежде чем дать согласие, он желает посоветоваться со своим начальником штаба и еще одним офицером штаба своего корпуса.

И вот эти два специалиста по воздухоплаванию недвусмысленно высказываются против нашего плана. По их мнению, приземление на такой высоте и на неподготовленной местности никогда еще не осуществлялось по той простой причине, что оно "технически невозможно". По их мнению, высадка в том виде, как я ее замыслил, вызовет потерю по крайней мере 80 процентов личного состава. Остаток отряда окажется тогда численно слишком слаб, чтобы выполнить свою задачу.

В ответ на эти доводы я объясняю, что прекрасно отдаю себе отчет в опасностях, которым мы подвергаемся, но в любом случае, когда впервые испытывается что-либо новое, надо идти на некоторый риск.

Я полагаю, что осторожное приземление планера на брюхо вдоль очень слабого клона треугольного луга должно позволить уменьшить скорость падения планеров - а эта скорость, конечно, достаточно велика в такой разреженной атмосфере, - и, следовательно, избежать больших потерь. Разумеется, заявляю я, в случае если эти господа предложат какое-нибудь лучшее средство, то я последую их советам.

После долгого раздумья генерал окончательно встает на мою сторону и немедленно отдает приказания:

- Пусть вам немедленно доставят из южной Франции все двенадцать транспортных планеров, которые вам нужны. День "Д" назначается на двенадцатое сентября, а час "Ч" на семь утра. Это значит, что двенадцатого сентября ровно в семь утра планеры должны приземлиться на верхнем плато, и в тот же миг батальон овладеет станцией подъемника в долине. Я лично дам указания пилотам и порекомендую им приземляться крайне осторожно. Я полагаю, гауптштурмфюрер Скорцени, что операцию следует осуществлять так, как вы сказали, - и никак иначе.

Вырвав, таким образом, это решение, я отрабатываю с Радлем последние детали операции. Надо очень точно рассчитать расстояние, определить оснащение людей и, в особенности, разместить точки приземления каждого из двенадцати аппаратов. Транспортный планер может взять на борт кроме пилота девять человек, то есть одну группу. Мы ставим каждой группе конкретное задание; что касается меня, то я полечу в третьем

планере, чтобы при непосредственном нападении на отель воспользоваться прикрытием, которое обеспечат люди двух первых планеров.

Все подготовив, еще раз взвешиваем наши шансы. Все прекрасно понимают, что они весьма невелики. Прежде всего, никто не может нам гарантировать, что Муссолини по-прежнему находится в отеле и что он останется там до дня "Д". Далее, совсем не ясно, успеем ли мы сладить с итальянским отрядом достаточно быстро, чтобы предотвратить казнь дуче. Наконец, нельзя не принимать во внимание еще и предостережение тех офицеров, что предсказали нам неминуемый провал операции.

Преувеличен их пессимизм или нет - все равно мы должны предусматривать потери во время приземления. И это еще не все: даже без учета этих потерь нас будет всего 108 человек, и к тому же всеми группами нельзя будет располагать одновременно. Мы столкнемся с 250 итальянцами, которые прекрасно знают местность и укрылись в отеле, словно в крепости. Что же до вооружения, то здесь у нас с противником должно быть примерное равенство. Вероятно даже, что автоматы обеспечат нам небольшое преимущество, которое в некоторой мере уравняет численное превосходство противника, опять же при том условии, что наши начальные потери не окажутся слишком велики.

Радль кладет конец этому безрадостному обсуждению:

- Прошу вас, капитан, не стоит брать логарифмическую линейку и просчитывать на ней наши шансы на успех. Мы знаем, насколько они малы, но мы также понимаем, что предпримем эту операцию чего бы то ни стоило.

Меня заботит еще одна вещь: не найдется ли какого-нибудь способа усилить момент внезапности, который должен быть нашим главным козырем? Уже больше часа мы тщетно ломаем голову, когда у Радля внезапно появляется гениальная мысль: мы возьмем с собой какого-нибудь старшего итальянского офицера, и, наверное, одного его присутствия будет достаточно, чтобы посеять в душах карабинеров некоторое смятение - колебание, которое помешает им немедленно дать нам отпор или казнить дуче. И тут уж нам придется не терять ни секунды, чтобы не позволить им оправиться.

Генерал Штудент сразу же одобряет это хитроумное предложение, и мы ищем наилучший способ, чтобы его осуществить. Надо будет, чтобы генерал принял этого офицера накануне дня "Д" и убедил его - как именно, мы не очень представляем, - участвовать в операции. Затем, чтобы предотвратить всякую возможность утечки информации или даже

предательства, офицер должен будет остаться с нами до следующего утра.

Высокий чин из нашего посольства, который прекрасно знает римских военных, указывает мне как на человека, способного оказать нам эту услугу, на одного офицера, бывшего члена штаба римского губернатора. Во время боев за обладание городом этот человек вел себя скорее нейтрально. По моей просьбе генерал вызывает его на вечер 11 сентября к себе в Фраскати, чтобы обсудить с ним "некоторые проблемы".

Теперь мы подстраховались и с этой стороны. Но вот появляется новый повод для беспокойства: новости, получаемые в течение дня 11 сентября насчет перелета транспортных планеров, совсем не радуют. Все более и более усиливающаяся активность союзнической авиации принудила нашу эскадрилью несколько раз делать длинный крюк, и к тому же перелету очень мешает отвратительная погода. До самого последнего мгновения мы надеемся, что планеры все-таки прибудут вовремя, но тщетно.

Таким образом, нам приходится передвинуть во времени все этапы нашей операции. День "Д" остается, как и прежде, воскресеньем 12 сентября - мы ни в коем случае не можем позволить себе потерять целые сутки - но час "Ч" отодвигается на 14 часов. Со всевозможными извинениями объясняем итальянскому офицеру, который явился на встречу с военной пунктуальностью, что у генерала Штудента возникли непредвиденные обстоятельства, и просим его прийти на следующее утро в восемь часов в аэропорт Пратика-ди-Маре. Самое серьезное - это то, что задержка еще больше уменьшает наши шансы на успех. С одной стороны, мощнейшие восходящие потоки, которых следует ожидать в самые теплые часы, сделают приземление очень опасным, а с другой стороны, задача отряда, которому поручено занять станцию подъемника, намного усложнится, поскольку он будет вынужден нападать средь бела дня. Тем хуже... Мы все-таки попробуем добиться успеха.

Сразу пополудни 11 сентября я отправился в оливковую рощу одного женского монастыря, где поставила палатки часть, вверенная под мое командование. Я уже заранее решил взять на операцию одних добровольцев, но хотел откровенно предупредить их, что они подвергаются большой опасности. И вот я приказал свистеть сбор и произнес краткую речь:

- Ваше длительное бездействие заканчивается. Завтра мы выполним операцию величайшей важности, которую поручил мне сам Адольф Гитлер. Мы должны приготовиться к тяжелым потерям, которые, к несчастью, неизбежны. Я лично поведу наш отряд, и могу вас уверить, что сделаю все возможное; если так же

будете действовать и вы, если мы будем сражаться бок о бок изо всех наших сил, то наша операция будет успешной. Пусть добровольцы выйдут из строя!

К моей большой радости, все без исключения делают шаг вперед. Мои офицеры с большим трудом уговаривают некоторых остаться, поскольку я могу взять с собой всего лишь восемнадцать человек. Остальные девяносто должны быть по приказу генерала Штудента отобраны из солдат 2-й роты батальона курсантов-парашютистов. Затем я отправляюсь к командиру этого батальона, чтобы обсудить с ним различные этапы операции. Согласно приказаниям генерала, именно этот офицер будет командовать отрядом, которому надлежит захватить станцию подъемника. В тот же самый вечер батальон курсантов-парашютистов отправляется в путь по направлению к долине. Жребий брошен.

Когда наступила ночь, мы слышим по союзническому радио сообщение, которое повергает нас в ужас. Диктор объявляет, что дуче только что прибыл в Северную Африку на борту итальянского военного корабля, который ускользнул из порта Специя. Пережив первое потрясение - неужели и на этот раз мы опоздали? - я беру морскую карту и приступаю к подсчетам. Поскольку я знаю, в какой точно час часть итальянского флота покинула Специю, то легко вижу, что даже самое быстроходное судно не может достичь африканских берегов к тому часу, когда была объявлена эта новость. Следовательно, это сообщение - обычная "утка", предназначенная ввести в заблуждение немецкое командование. Мы ничего не станем менять в нашем распорядке. Но с этого дня я воспринимаю сообщения из союзнических источников с осторожной сдержанностью.

ВЫСАДКА

На следующий день - а это было воскресенье 12 сентября 1943 года - мы отправляемся в пять утра на аэродром, где выясняется, что планеры будут приблизительно в десять. Я воспользовался этой отсрочкой, чтобы лишний раз проверить снаряжение моих людей. Каждый из них получал "парашютный паек" в последние пять дней. Когда я принес несколько ящиков свежих фруктов, в бараках тут же установилось радостное оживление. Конечно, любой мог почувствовать напряжение, которое неизбежно охватывало самых отважных перед броском в неизвестность, но мы старались рассеять всю боязливость и нервозность тут же, как только она зарождалась.

Однако и в полдевятого итальянский офицер не явился. Я отрядил лейтенанта Радля в Рим, приказав ему привезти итальянца во что бы то ни стало и как можно быстрее. "Делайте

что хотите, только чтобы он остался жив". Каким-то образом Радль ухитрился разыскать нашего малого и запихать в его же автомобиль. Как только тот очутился на аэродроме, за него, с моей помощью, взялся генерал Штудент. Мы наскоро объяснили итальянцу, что желание фюрера состоит в том, чтобы лично он помог нам предотвратить, насколько это возможно, кровопролитие при освобождении дуче. Офицеру явно польстило, что сам фюрер заинтересован в его содействии, и теперь уж он никак не мог отказаться. Он обещал сделать все, что в его силах, - и я почему-то надеялся, что это дает нам неоценимый козырь для предстоящей игры.

К одиннадцати наконец начинают приземляться первые планеры. Довольно быстро заполняются горючим баки самолетов, которые должны будут служить нам буксирами, и сразу же каждый со своим планером на хвосте занимает определенную дорожку на взлетной полосе, согласно плану, который был разработан еще до нашего появления здесь.

Между тем генерал Штудент собирает всех пилотов и напоминает им о строжайшем запрете приземляться из пике: единственный разрешенный способ посадки - из планирующего полета. Затем я набросал на грифельной доске карту местности и указал пункты назначения для каждого планера. И наконец, вместе с офицером разведки, который участвовал в нашем рекогносцировочном полете, я сверяю основные детали: хронометраж пути, высоту, направление и так далее. Поскольку кроме меня и Радля он единственный человек, который представляет себе, как следует подлетать к нашему горному плато, то по плану он должен занять место в первом самолете-буксире и вести всю эскадрилью. По нашим подсчетам, на то, чтобы пройти несколько сотен километров, потребуется ровно один час. Таким образом, нам следует подняться в воздух точно в тринадцать ноль-ноль.

Вдруг в полпервого - воздушная тревога! Появились вражеские бомбардировщики, и вот уже можно слышать первые взрывы на подступах к аэродрому. Мы разбежались врассыпную и засели в укрытиях. Какая досада, эдакая малость в последний момент могла все испортить! За несколько минут до часа дня сирены прогудели отбой тревоги.

Я прохожу на главную полосу: цементное покрытие изрядно пострадало от множества бомб, но машины остались невредимы. Мы можем отправляться в путь. Я отдаю приказ "по местам". Что до итальянского офицера, то его я беру в третий планер и помещаю аккуратно перед собой между ногами, на ту самую узкую штангу, которую мы все оседлали один за другим,

набившись тесно, как сельди в бочке. Едва находится место куда девать руки. Итальянец, судя по всему, уже горько сожалеет о своем обещании и бредет за мной к машине скрепя сердце. Тем хуже для него - больше размышлять о его душевном спокойствии я не могу, у меня просто нет на это времени!

Не отрывая глаз от циферблата наручных часов, я поднимаю руку: час дня. Моторы взревели, самолеты покатились по полосе, и я ощущаю, как мы отрываемся от земли. Медленно, выписывая огромные загогулины, мы поднимаемся вверх, наш караван выстраивается по порядку и направляется на северо-восток. Погода для нашего предприятия кажется идеальной: громадные белые кучевые облака повисли на высоте трех километров. Никакому ветру не рассеять эту массу туч, и, следовательно, у нас появляется шанс достичь нашей цели, даже не будучи замеченными, а затем резко нырнуть вниз прямо на нее.

В транспортном планере царит удушающая жара. Сбившимся в кучу людям, да еще со всем снаряжением в руках, практически невозможно шелохнуться. Итальянский офицер бледнеет на глазах, и скоро цвет его лица почти сравнивается с серо-зеленой окраской его униформы. У меня создается впечатление, что воздушные путешествия вряд ли когда давались ему с особой легкостью и уж во всяком случае не входят в число его любимейших развлечений.

Пилот сообщает наши координаты, я сверяю его данные со своей картой. Судя по всему, мы пролетаем над Тиволи. Из кабины никак нельзя разглядеть пейзаж внизу. Узкие боковые оконца закрыты целлофаном, чья прозрачность близка к нулевой; что же касается смотровых щелей, то они слишком малы, чтобы можно было опознать, что я, собственно, через них вижу. Определенно, транспортный планер - весьма устарелая машина. Несколько стальных труб образуют его каркас, плюс матерчатая обертка - вот и весь аппарат.

Чтобы набрать высоту в три с половиной километра, мы направились внутрь густого облака. Когда же снова выныриваем в чистое небо, пилот нашего самолета-буксира внезапно объявляет по бортовому телефону:

- Самолеты один и два пропали. Кто возьмет командование?

Новость не из приятных! Что могло случиться с двумя самолетами? В этот момент я еще не знал, что за нами идут вовсе не девять планеров, как должно быть, а всего семь. Во время взлета два из них, напоровшись на воронки, образовавшиеся от бомбежки, перевернулись. Я передаю пилоту нашего буксира: "Я беру на себя командование до самой цели". Затем размашистыми ударами перочинного ножа пробиваю в материи справа, слева и

под ногами большие дыры, чтобы через них различить, по крайней мере, основные черты пейзажа. Несмотря ни на что у примитивной конструкции этих планеров есть свои достоинства. Благодаря некоторым узнаваемым деталям местности - мост, пересечение дорог - мне удается сориентироваться. Я облегченно вздыхаю слава богу, это еще не та помеха, которая вынудит отменить всю операцию, хотя теперь при посадке у меня не будет прикрытия, которое должны были обеспечить люди с исчезнувших планеров, - но об этом я не задумываюсь.

За несколько минут до часа "Икс" мы пролетели над долиной Аквилы. На дороге я ясно различаю грузовики парашютного батальона, которые быстро катят по направлению к станции канатной дороги. Следовательно, им удалось преодолеть все препятствия, и они атакуют точно в подходящий момент. Хорошее предзнаменование - значит, нам тоже, тоже все удастся!

Внизу уже появилась цель - горный отель Гран-Сассо. Я отдаю приказ своим людям закрепить ремни и командую:

- Отцепить от буксира!

И в следующую секунду нас окружает внезапная тишина; ухо не может уловить ничего, кроме шума ветра под крыльями. Пилот вывел планер на вираж и стал выискивать, так же волнуясь, как и я, место, годное для посадки посреди слегка наклонного луга. Черт возьми, ну и ветер! Я с первого же взгляда нахожу луг треугольной формы, только совсем не "слегка наклонный" он уходит вниз, как крутой скат, даже еще круче - как лыжный трамплин!

Сейчас мы оказались гораздо ближе к плато, чем во время разведывательного полета; кроме того, наш тогдашний штопор представил рельеф поверхности гораздо более плоским. Высадка на такой откос невозможна, и я осознаю это неотвратимо. Пилоту явно приходит в голову та же мысль, и он поворачивается ко мне. Сжав зубы, я погружаюсь в сражение с собственной совестью. Неужели и вправду я должен беспрекословно выполнять все приказы моего генерала? В данном случае, следуя им, мне придется изменить весь ход операции и попытаться достичь на планирующем полете подножия долины. С другой стороны, если я не захочу отступать от собственного проекта, то буду вынужден рисковать и приземляться здесь во что бы то ни стало, то есть строго запрещенным способом - из пике. Я быстро решаюсь:

- Садимся из пике! И как можно ближе к отелю.

Без малейшего колебания пилот выводит планер в штопор, заносит левое крыло вверх и бросается в безумное пике. На какое-то мгновение у меня сжимается сердце: неужели планер выдержит подобную скорость? Но я тут же отбрасываю свой страх:

не время задаваться подобными вопросами. Свист ветра усиливается и перерастает в вой как раз в тот момент, когда перед глазами появляется земля. Я вижу, как лейтенант Мейер выбрасывает тормозной парашют - бешеный толчок, что-то трещит, ломаясь; инстинктивно я закрыл глаза - новый удар, еще сильнее; ну вот, мы коснулись земли, и машина, совершив последний подскок, неподвижно замирает на месте.

Первый из моих людей уже выскочил через выход, с которого сорвало дверь, и я скольжу вперед, хватаясь руками за скобу. Мы в каких-то пятнадцати метрах от гостиницы. Вокруг топорщатся острые выступы той самой скалы, которая столь неделикатно затормозила наш планер, оставшийся на удивление целым. Нам предстоит преодолеть всего-навсего двадцать метров до первой остановки.

У бугра, как раз на углу отеля, обнаруживается первый карабинер. Он замер, будто окаменев от неожиданности: без сомнения, он все еще тщится постичь, как это мы смогли свалиться прямо с неба. Времени заниматься нашим итальянским пассажиром, который, слегка оглушенный, вывалился из машины, да так и остался лежать, у меня нет. Я бросаюсь к зданию; в голову приходит мысль: слава богу, что еще раньше я строго запретил своим людям использовать оружие что бы ни случилось, до тех пор, пока я сам не открою огонь. Так что потрясение врага будет полным. С собой рядом я слышу прерывистое дыхание своих людей и знаю, что они бегут за мной и я могу на них рассчитывать.

Как смерч, мы проносимся мимо все еще погруженного в ступор солдата, бросив только короткое "Mani in alto!" ("Руки вверх!"), и врываемся в гостиницу. Дверь открыта настежь. Перескочив порог, я вижу радиостанцию и итальянского солдата, передающего какие-то сообщения. Зверским ударом ноги я отбрасываю его вместе со стулом и разбиваю прикладом автомата радиопередатчик. Мгновенно оглядевшись, мы обнаруживаем, что ни одна дверь отсюда не ведет внутрь отеля. Итак, бросаемся обратно, наружу. Бежим вдоль здания, огибаем угол и оказываемся перед террасой высотой, быть может, метра в три. Сразу же один из моих унтер-офицеров превращает себя в короткую лестницу, я взбираюсь ему на плечи и перескакиваю на балюстраду. Остальные следуют за мной.

Взглядом я обшариваю весь фасад. И в окне первого этажа вижу характерную массивную голову: дуче. Вот теперь я знаю, что операция должна удаться. Я кричу ему отойти от окна, и затем мы бросаемся к главному входу. Там навстречу целая толпа карабинеров, которые как раз собирались выйти. Выставив два

автомата, мы разворачиваем их назад. Ударом приклада я расчищаю себе дорогу в тесно сбившейся куче итальянцев, в то время как мои люди продолжают рычать: "Mani in alto!" Пока не прозвучало не единого выстрела.

Я проникаю в холл. На какое-то время остаюсь один; впрочем, то, что творится за спиной, меня не волнует, оглядываться нет времени. Справа от меня лестница, я взбираюсь по ней, перепрыгивая через три ступеньки; оказавшись на первом этаже, бросаюсь вперед по коридору, открываю наугад одну из дверей - и удача! В комнате Бенито Муссолини и два итальянских офицера, которых я тут же отгоняю к стене. Тем временем ко мне присоединяется мой бравый лейтенант Швердт; мгновенно оценив ситуацию, он выводит двоих офицеров, которые слишком ошеломлены, чтобы подумать о сопротивлении. Как только они пересекают порог, он спокойно закрывает дверь.

Первая часть нашего рейда выполнена. По крайней мере теперь дуче с нами. А со времени нашего приземления миновало три, максимум четыре минуты. Снаружи, прямо в окне, возникают головы двоих моих унтер-офицеров. Проникнуть в холл им не удалось, и они, спеша ко мне на подмогу, взобрались по стене, цепляясь за громоотвод. Я ставлю их в коридоре, поручив перекрыть эту сторону.

Из окна я вижу, как мерным шагом к гостинице приближается группа из четырех человек под командой моего верного адъютанта Радля и лейтенанта Менцеля. Последний следует за своими людьми ползком, по-пластунски. При приземлении он с такой силой ударился о землю, что сломал ногу.

- Все в порядке, - сообщаю им я. - Охраняйте нижний этаж.

Еще я могу наблюдать прибытие планеров № 5, 6 и 7, привезших парашютистов. Они справились вполне успешно, но внезапно мне приходится стать свидетелем жуткого зрелища: планер № 8, по всей видимости, попал в воздушную воронку - его заносит на полном вираже и ударяет, как булыжник, о крутую осыпь, плющит, ломает.

Вдалеке раздается несколько одиночных выстрелов, произведенных, без сомнения, итальянскими постами, рассеянными по плато. Я выхожу в коридор и громко зову коменданта отеля. Он тут же появляется, в чине полковника. Я объясняю ему, что всяческое сопротивление бесполезно, и предлагаю немедленно сдаться. Он просит короткую отсрочку на размышление, и я даю ему минуту. А вот и Радль, ему удалось пробраться через главный вход, но у меня возникает впечатление, что итальянцы все еще препятствуют проходу, так как до сих пор я не получил подкрепления.

Снова появляется итальянский полковник. Он держит обеими руками хрустальный бокал, который тут же наполняет красным вином и подает мне с коротким поклоном.

- За победителя, - говорит он.

Флаг, вывешенный за окном, меняет свой цвет на белый. Я выкрикиваю еще несколько приказов своим людям, набившимся в гостиницу, и только затем наконец у меня появляется время, чтобы повернуться к Муссолини, который, защищенный массивной фигурой унтерштурмфюрера СС Швердта, находится в углу. Я представляюсь:

- Дуче, фюрер послал меня, чтобы освободить вас.

Явно взволнованный, он заключает меня в объятия.

- Я знал, что мой друг Адольф Гитлер меня не покинет.

Формальности сдачи быстро урегулированы. Итальянские солдаты должны сложить оружие в столовой; что до офицеров, я разрешаю им оставить при себе револьверы. Кроме того я знаю, что кроме полковника мы захватили еще одного генерала.

Кроме собственно отеля мои люди заняли площадку канатной дороги. Там линию даже не повредило. Подобный же рапорт приходит по телефону со станции на равнине. Однако внизу все же произошла короткая стычка. Но поскольку определенное заранее расписание было соблюдено с точностью до минуты, внезапность сыграла свою главную роль. Итак, первая часть нашей миссии закончена.

НЕЛЕГКОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вот появляется лейтенант фон Берлепш, командир парашютистов, прибывший, как и я, по воздуху; он снова вставил свой монокль и не шевелясь выслушивает приказы, которые я выкрикиваю ему через окно. Прежде всего я посылаю подкрепление к канатной станции. Чем нас будет больше, тем лучше; кроме того, я собираюсь продемонстрировать итальянскому полковнику, что располагаю отрядом и на равнине. Ну а затем стоит подумать о возвращении. Путешествие в сто пятьдесят километров по маршруту, на котором нет ни одного немецкого подразделения, представляется мне весьма рискованным. Один бы я на него отважился, но забывать об ответственности лично перед Гитлером за безопасность дуче мне никак не следует. Разрабатывая нашу операцию, мы определили три возможных способа переправки Муссолини в Рим; план "А", предложенный генералом Штудентом, включал блиц-атаку на аэродром в Аквила-ди-Абруцу, расположенный при выходе с равнины; я должен был бы удерживать его до прибытия трех транспортных самолетов, которые приземлились бы через несколько минут после атаки. Естественно, предварительно я

должен был сообщить по радио генералу Штуденту час "Икс", чтобы самолеты смогли взлететь с римского аэродрома в нужный момент. Затем мне следовало подняться вместе с дуче на первом самолете, в то время как два оставшихся последовали бы за нами в качестве прикрытия и даже при необходимости отвлекли бы на себя возможных преследователей.

План "Б" предусматривал посадку маленького самолета-наблюдателя типа "Шторьх", способного летать на низкой высоте, на одной из полян близ станции канатной дороги, на равнине. И наконец, третий и последний план предусматривал, что капитан Герлах, личный пилот генерала Штудента, попытается, тоже на "Шторьхе", сесть на самом горном плато.

Первым делом я передаю в Рим, по радиостанции, которую привезли парашютисты, следовавшие по земле, весть об удачном завершении части нашего предприятия. Затем я принимаюсь за отработку расписания по реализации плана "А". Но едва я собираюсь связаться с Римом и сообщить час "Икс", в который мы будем атаковать аквилский аэродром, радист теряет - только бог знает почему - контакт. Таким образом, план "А" отменяется.

С помощью бинокля я могу наблюдать посадку первого "Шторьха" на равнину. И тут же передаю по телефону приказ пилоту готовиться к отбытию. Но тот ответствует, что повредил машину при посадке и сможет взлететь лишь после длительного ремонта. Поэтому мне ничего не остается, кроме как воспользоваться для отправки дуче в Рим по плану "С", самому рискованному из всех разработанных.

Неожиданно карабинеры, которых к тому времени разоружили, проявляют чрезвычайное рвение нам помочь. Некоторые из них уже спонтанно присоединились к отряду, который я послал за телами людей, бывших в планере, потерпевшем аварию. Я заметил в бинокль, что кое-кто из выброшенных на осыпь еще шевелится; мы надеемся, что крушение машины не стало гибельным для всех. И теперь другие итальянцы принимаются вместе с нами расчищать и ровнять маленькую полосу земли для посадки. В дикой спешке мы расталкиваем обломки скал, загромоздивших наиболее плоский клочок почвы, в то время как капитан Герлах на своем "Шторьхе" уже выписывает над нами огромные круги, ожидая сигнала на приземление.

Наконец все готово, и Герлаху удается с замечательной ловкостью сесть на "полосу", которую мы расчистили неподалеку от отеля. Узнав, что я намереваюсь отправиться вместе с ним, он не проявляет особой радости, но когда я прибавляю, что полетим мы втроем - дуче, он и я, он твердо отказывается, утверждая, что

мой план "совершенно нереален".

Я отвожу его в сторону от всех и кратко, но со всей возможной в данных обстоятельствах убедительностью излагаю причины, по которым мне приходится так настаивать на своем плане. Я сам довольно долго взвешивал все "за" и "против" такой попытки, вполне отдавая себе отчет в той тяжелой ответственности, которую я беру на себя, прибавляя собственный вес к грузу маленького самолета (и вес значительный, так как ростом я метр девяносто пять и соответствующего телосложения). Но разве мог я принять на себя ответственность гораздо более серьезную - позволить Герлаху одному лететь с дуче? Ведь если полет окончится катастрофой, мне ничего не останется, не ожидая решения сверху, как пустить себе пулю в лоб. Смогу ли я предстать перед Гитлером, для того чтобы объявить ему, что операция удалась, но Муссолини встретил смерть сразу же по своем освобождении? И поскольку никакого другого средства перевезти дуче в Рим у меня тоже не было, то я предпочел принять на себя всю опасность этого полета, которую мое присутствие на борту только увеличит. Итак, мы все трое препоручаем себя судьбе - пусть мне повезет или же я погибну вместе со своими двумя попутчиками...

Наконец, после некоторых колебаний, Герлах соглашается с моими доводами. С большим облегчением я отдаю Радлю соответствующие приказания. В качестве пленников им предстоит везти лишь захваченного генерала и того, который нас сопровождал; что касается остальных офицеров и солдат, то мы оставим их безоружными в гостинице. Поскольку дуче сообщил мне, что все время плена с ним обращались вполне сносно, то никаких оснований для отказа от подобного добродушия я не вижу. Чтобы предотвратить возможный саботаж на канатной дороге, я приказываю каждой партии, отправляющейся вниз, брать с собой в корзину по двое итальянских офицеров. Когда же все люди окажутся на равнине, надлежит разрушить двигатель и все машины дороги таким образом, чтобы их немедленная починка стала невозможной.

Затем, пока под руководством капитана Герлаха наши солдаты устраивают взлетную полосу, я наконец могу посвятить себя дуче.

По правде сказать, человек, который сидел передо мной, одетый в слишком просторный гражданский костюм без малейшего изящества, едва напоминал того красавца, который был изображен на нескольких фотографиях, виденных мною ранее, - на всех он был облачен в форму. Только черты лица не изменились, хотя возраст проявился на нем еще отчетливее. На

первый взгляд он казался истощенным какой-то тяжкой болезнью, и это впечатление только усиливалось бородкой, возникшей за многие дни заточения, и даже короткой щетиной, покрывшей его голову, всегда прежде чисто выбритую. Однако черные и яростные глаза все еще принадлежали великому диктатору. Мне казалось, что их взгляд буквально буравил меня все то время, что он скороговоркой пересказывал мне детали своего заточения.

Я весьма рад был сообщить ему приятную новость:

- Мы ни на минуту не забывали о вашей семье, дуче. Маршал Бадольо поместил вашу супругу и обоих детей в ваше имение Рокка-делла-Крамината. Вот уже несколько недель, как мы поддерживаем связь с донной Ракеле. И мало того, в тот самый момент, когда мы высадились здесь, другой отряд из людей моего подразделения начал операцию по освобождению вашей семьи. Я уверен, что к этому часу она уже завершена.

Расчувствовавшись, дуче сжимает мою руку.

- Что ж, все идет прекрасно. Я благодарю вас от всего сердца.

Мы выходим из отеля. "Шторьх" уже готов к отлету. Я с большим трудом пролезаю в узкую щель за вторым сиденьем, которое занял дуче. Перед тем как забраться в самолет, он выказал некоторые колебания: будучи сам опытным летчиком, он, безусловно, отдавал себе отчет, какой опасности мы намерены себя подвергнуть. Несколько смущенный, я пробормотал что-то вроде: "Фюрер приказал, он был категоричен...". Затем гул мотора избавил меня от поиска других извинений. Вцепившись в две стальные трубы, которые образовывали каркас самолета, я пытаюсь привести нашу "птичку" в некоторое равновесие, чтобы хоть немного ее облегчить. По знаку пилота солдаты, которые держали самолет за крылья и хвост, разом отпускают руки, и тут же нас бросает вперед. Мы мчимся все быстрее и быстрее, к концу "взлетной полосы", но все еще остаемся притянутыми, будто магнитом, к земле. Я изо всех сил стараюсь сохранить равновесие. Машину трясет на камнях, которые мы не отбросили. Затем я вижу через переднее стекло глубокую рытвину, которая раздвигается прямо перед нами. У меня еще остается время подумать: "Господи! Если мы рухнем туда...", - и тут "Шторьх" отрывается от земли, всего на несколько сантиметров, но и этого, кажется, достаточно. Левое колесо шасси еще раз резко напарывается на что-то, самолет легонько ныряет носом, и вот мы уже у самого края плато. Самолет заносит влево, и он проваливается в пустоту. Я закрываю глаза - у меня уже нет сил даже бояться - и, сдерживая дыхание, ожидаю страшного грохота и неминуемого удара...

Свист воздуха вокруг крыльев становится резче и

превращается в настоящий рев. К тому моменту, когда я вновь открываю глаза - а все это не могло длиться больше нескольких секунд, - Герлах выводит самолет и медленно уравнивает его в горизонтальном положении. Теперь мы двигаемся с достаточной скоростью даже для этой разреженной атмосферы, чтобы держаться в воздухе. Едва ли в тридцати метрах над поверхностью равнины "Шторьх" переходит на бреющий полет и достигает порога, за которым начинается низина Ареццано. На этот раз мы и в самом деле прошли.

Мы все трое - краше в гроб кладут, но никому и в голову не приходит завести речь о только что пережитых ужасных мгновениях. С некоторой фамильярностью, позабыв о субординации, я кладу руку на плечо дуче, который теперь-то уж точно спасен. Муссолини уже оправился, вновь обрел дар речи и ударился в воспоминания, связанные с местами, над которым мы летели, быть может, всего в пятистах метрах - предосторожность против возможных самолетов союзников. Дуче бегло говорит по-немецки, почти без ошибок, факт, который в нервном напряжении первых минут я даже не заметил. Осторожно мы проплываем над последними отрогами гор и вот уже летим над Римом, направляясь к аэродрому Пратика-ди-Маре.

- Внимание, - бросает нам Герлах, - держитесь крепче. Садимся в два приема.

И правда, я ведь уже забыл, что наше шасси поломано. Самолет очень нежно прикасается к земле, легонько подскакивает, пилот восстанавливает равновесие, и на правом колесе и заднем элероне мы тихо едем по полосе, а затем машина останавливается. Все прошло как в сказке - а ведь наши шансы с начала и до самого конца авантюры были, если признаться, не так уж и велики.

Нас встречает адъютант генерала Штудента, сияя от радости. Три самолета "Хейнкель-111" готовы к взлету. И у нас совсем не остается времени, если, конечно, мы и вправду хотим достичь Вены до наступления ночи.

СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ

Вернувшись во Фриденталь, я понял, что на долю моих офицеров уже выпали первые стычки с противником: началась настоящая война с чиновниками из главного управления войск СС. Сигналом к атаке послужило утверждение численности штаба и вооружения - двух пунктов, необходимых всякому подразделению и продуманных нами с особой тщательностью. Наши наивные солдатские головы не покидала уверенность, что все заявки будут выполнены. Последовало несколько недель ожидания и нескончаемых переговоров; нам приходилось

сражаться буквально за каждого человека, за каждый автомат или автомобиль, прежде чем мы получили все что хотели. Наконец главное управление уведомило нас, что они согласны. Полные радужных надежд, мы пробежали готовый приказ о формировании 502-го мотострелкового батальона под началом "командира штурмового отряда Отто Скорцени". Но дойдя до последней фразы, почувствовали себя идиотами: главное управление войск СС замечало в скобках, что будущему формированию не стоит рассчитывать ни на прикомандирование техники, ни на заполнение вакансий личным составом.

Мы не понимали, плакать нам или смеяться, но по трезвом размышлении решили отнестись к происходящему со здоровым юмором и постараться всеми силами хоть как-то исправить трагикомизм ситуации, бесстыдно пользуясь теми арсеналами, к которым был возможен доступ, и вербуя людей во всех частях вермахта. Понемногу подобралась довольно пестрая смесь: пехота, летчики, моряки и солдаты СС, но это не помешало нам сформировать вполне однородную команду.

В феврале 1944 года круг моих непосредственных обязанностей деятельность диверсионных отрядов - сильно расширился: мне пришлось включить в него то, что публика не без иронии окрестила "секретным оружием". Начал я с того, что занялся вопросами ведения войны на море.

С тех пор как Северная Италия, взнузданная дуче, снова стала нашим союзником, связи между нашими армиями окрепли. Благодаря этому сотрудничеству я неплохо изучил великолепную работу одного из лучших итальянских подразделений - 10-й диверсионной флотилии, которой командовал тогда князь Боргезе.

Они разработали и довели до совершенства многие образцы так называемого "малого вооружения", изобретенного для действий против флота союзников. Из того, что мне показали, я не могу не упомянуть небольшой быстроходный катер, напичканный взрывчаткой и управляемый лишь одним человеком, который подводит его к цели и катапультируется в самый последний момент. Кроме того, у итальянцев были в ходу торпеды особой конструкции; водолазы, обслуживающие эти огромные снаряды, направляли их на вражеские суда. Именно эта хитроумная техника принесла итальянским отрядам небывалую удачу в действиях против кораблей союзников сперва в Александрийском порту, а затем в самом центре Гибралтара. Еще 10-я флотилия включала в себя взвод так называемых "лягушек" - хорошо подготовленных ныряльщиков, в задачу которых входило приблизиться к вражескому кораблю под водой и прикрепить к

борту специальную мину. На ногах у них были каучуковые ласты, позволяющие им одинаково хорошо двигаться на поверхности и под водой и достигать достаточной скорости при минимуме усилий. Один из наших офицеров, вооружившись этими ластами, в одиночку отправил ко дну больше пятидесяти тысяч тонн союзных грузов.

В один прекрасный день я получил приказ связаться с вице-адмиралом Хайе, командиром недавно созданного спецподразделения военно-морских сил. Гиммлеру очень хотелось, чтобы мои лучшие люди приняли участие в подготовке этих "морских коммандос".

Мысли, которыми поделился со мной вице-адмирал, взволновали меня чрезвычайно. По его мнению, за исключением подводных лодок, минных тральщиков и быстроходных катеров наш флот уже неспособен выдержать сражения с союзниками по всем правилам. На море мы в лучшем случае пассивны, если не беспомощны. Но боевой дух моряков по-прежнему высок; им нужны только новые точки приложения сил. Чтобы драгоценная энергия этих людей не пропала даром, вице-адмирал и его коллеги срочно занялись разработкой новых видов особо эффективного "секретного оружия". Конечно же, они отталкивались от того, что сделали в этой области итальянцы, ведь прежде всего нужно воспользоваться тем, что существует. Все мы слишком хорошо понимаем, что нельзя терять ни минуты. Война идет к концу... Военные инженеры предложили проект модернизации обыкновенных торпед: взрывное устройство в носу удаляется и на его месте монтируются рычаги управления под прозрачным герметичным куполом, а к днищу крепится еще одна торпеда, снаряженная по всем правилам. Дальность действия этих "управляемых снарядов" достигает десяти морских миль.

Мы прекрасно понимали, сколь примитивны и несовершенны были эти устройства, "черномазые", как мы называли их между собой. Однако нельзя было сбрасывать со счетов эффект внезапности. Первые испытания нового оружия и впрямь прошли с полным успехом. Ранним утром, предвещавшим прекрасный летний день, двадцать человек из спецподразделения морских сил спустили на воду своих "черномазых друзей" к северу от союзного плацдарма в Анцио. Через несколько минут их взорам открылось то, что должно было послужить им мишенью, - множество военных кораблей и транспортов противника.

Никто не заметил их. Удар по пусковому рычагу - и нижние торпеды ушли к цели. Пару минут спустя глухие взрывы вспенили воду возле кораблей: крейсер с огромной пробоиной, затопленный миноносец и торговые суда общим водоизмещением

более 30 тысяч тонн, которые тоже либо повреждены, либо пущены ко дну, - таков итог отчаянной вылазки горстки отважных людей. Семеро из наших вернулись сразу же на своих "суденышках", еще шесть человек, добравшись до берега, оказались в глубоком тылу и присоединились к нам ночью, благополучно миновав вражеские дозоры. Семеро последних с задания не вернулись...

Впоследствии были еще и еще удачные операции, хотя, быть может, и не столь ответственные: Средиземное море, Ла-Манш... Противник, впрочем, довольно быстро понял, что означает появление маленьких стеклянных куполов "ручных торпед". Как только наблюдатели замечали их, корабли открывали шквальный огонь из среднего калибра. После нескольких неудачных попыток мы решили прибегнуть к небольшой уловке. Под утро - само собой, при ветре и благоприятном течении - мы вывели в море пустые стеклянные поплавки; герметически запаянные, они просто плавали на поверхности. Англичане обрушили бешеный огонь на эти безвинные игрушки, в то время как настоящие "черномазые", не привлекая внимания наблюдателей, спокойно приблизились с противоположной стороны и выпустили свои снаряды.

Кроме того, мы использовали, и причем все чаще и чаще, "взрывчатые катера", или "бобы" на нашем условном языке; они управлялись техникой с большого расстояния - этот принцип уже нашел применение в "Голиафе", знаменитом танке-карлике, начиненном динамитом. Эффективность "бобов" была чрезвычайно высокой благодаря специальному устройству, которое затапливало катер при касании вражеского корабля, и он взрывался под килем, на определенной глубине, образуя в днище роковую пробоину. "Бобы" помогли нам во многих успешных операциях в Средиземном море и на отмелях Нормандии, которые были местом высадки союзного десанта.

Что же касается мини-подлодок, которые до нас применяли японцы и англичане (единственный раз, во время сражений в Норвегии), у нас их было несколько видов, но рейды с их участием, которые мы предпринимали время от времени, оказывались, к несчастью, слишком дорогостоящими. До самого конца войны технические службы ВМС безуспешно пытались улучшить это оружие, сделав его более эффективным и, главное, менее уязвимым.

Уже с начала весны 1944 года все мы начали гадать, где и когда будет выброшен десант в Западной Европе. Нам было известно, что он состоится, и, несомненно, состоится скоро. В мае я ознакомился с аэрофотосъемкой английских портов юго-

западного побережья и, как и все, безуспешно ломал голову, пытаясь разгадать назначение сероватых прямоугольничков, бесконечными рядами тянущихся вдоль всех дамб. Только потом мы поняли, для чего предназначались эти продолговатые блоки: во время десанта из них получился искусственный порт.

Тогда же мы стали раздумывать, сможем ли, и если сможем, то как, в первые дни после высадки помешать подходу вражеских подкреплений и приведению союзников в боевой порядок. Я начал с того, что получил в адмиралтействе секретный список пунктов, в которых высадка была возможна по чисто техническим соображениям. Там перечислялся десяток прибрежных районов. Первым номером шел полуостров Котантен с Шербуром - наиболее вероятное место, а далее излагались весьма ценные сведения обо всех пляжах и отмелях, которые подходили для выброса десанта. С этим списком в руках мы принялись разрабатывать "спецпрограмму", продумывая ее детали для каждого из десяти возможных мест.

Для начала мы предложили уже сейчас направить в береговую полосу спецотряды, чтобы подготовить операции против центров связи и командования противника. Мы решили минировать территорию зарядами новейшей системы: они будут взрываться тогда, когда нужно, с помощью радиосигналов с наших самолетов.

Как и всегда, мы должны были представить наши прожекты на рассмотрение командованию Западного фронта. Ответа все не было, мы слали запрос за запросом. Наконец Париж откликнулся долгожданной депешей: в принципе план, разработанный экспертами из специального подразделения под командованием Скорцени, основан на верной оценке наличествующих условий и представляется выполнимым. Но - как всегда, имеется одно "но" - нам кажется невозможным приступить к необходимым приготовлениям, не привлекая внимания наших частей, дислоцированных в прибрежной зоне. А подобные действия не могут не поколебать уверенности войск в неуязвимости Атлантического побережья и не подорвать боевой дух солдат. По этой причине мы вынуждены отказаться от реализации изложенного проекта в целом. Подпись: неразборчиво (как обычно).

Комментарии излишни...

Создавая новое оружие, мы вторгались и в вотчину люфтваффе: подобные исследования уже велись какое-то время в 200-й боевой эскадрилье. Они даже создали концепцию операций "смертников" - летчиков-добровольцев, которые готовы были погибнуть вместе со своими самолетами, наполненными бомбами

или взрывчаткой, направляя их прямо в цель; мишенью служили, как правило, военные корабли. Фюрер, однако, эту идею отверг, видимо из чисто философских соображений; он утверждал, что такие жертвы не отвечают ни характеру белой расы, ни арийскому менталитету. По его мнению, путь японских "камикадзе" был не для нас.

Тем временем - это было за несколько недель до высадки союзников - мне посчастливилось познакомиться с летчицей Ханной Райч*, и первая наша беседа дала мне повод к новым раздумьям. С удивительным спокойствием, которого я не ожидал встретить в этой хрупкой женщине, она заметила, что настоящий патриот не может слишком дорожить собственной жизнью, когда на карту поставлена честь отечества. Позже она объяснила мне, что подразумевалось под этим. Не исключено, полагала она, что события обернутся для нас столь трагически, что мы сами встанем перед необходимостью прибегнуть к помощи "добровольных смертников". И тогда мы обязаны будем найти способ, чтобы дать пилоту как минимум один шанс спасти свою жизнь. Здесь Ханна, без сомнения, была права, я и сам неоднократно имел случай убедиться в том, что энтузиазм и боевой дух моих солдат удесятерялись, если у них появлялась хоть какая-то возможность вернуться целыми и невредимыми.

Несколько дней спустя я получил разрешение посетить огромный испытательный полигон ракет класса "Фау"**, расположенный в Пенемюнде, на острове Узедом в Балтийском море. Сейчас я практически уверен, что инженер, которому было поручено меня сопровождать, показал мне далеко не все: тогда уже велись работы по созданию нового оружия массового поражения. Но "Фау-1" мне позволили изучить досконально, и плюс ко всему мне довелось присутствовать при запуске одного из снарядов. Именно тогда мне пришла в голову мысль и тут попытаться сделать то же самое, что мы сделали с морскими торпедами: снабдить ракету кабиной для пилота.

* Ханна Райч (Hanna Reitsch) - известная женщина-авиатор, летчик-испытатель. - Прим. пер.

** Фау(V) - обозначение ракет различных типов, от немецкого "Vergeltung" (возмездие). Немцы утверждали, что эти снаряды были запущены в производство с целью отомстить за массированные бомбардировки германских городов, забывая, что "честь" атак на мирные города - Ковентри и Лондон, в особенности - принадлежит именно люфтваффе. - Прим. пер.

После бесконечных споров с начальством и с экспертами из министерства военной авиации мне удалось одержать победу, сославшись на категорическое желание фюрера немедленно

приступить к испытаниям и постоянно держать его в курсе того, что делается. Сказать по правде, это "желание" Адольфа Гитлера было самым обыкновенным враньем, но мой маневр сработал безотказно, полностью рассеяв сомнения этих господ, - факт тем более примечательный, что несколькими месяцами раньше Ханна Райч, которую осенила та же идея, что и меня, безуспешно пыталась сломить сопротивление чиновников. Мне выделили помещения, станки, инженеров и техников, которые нам требовались, и через две недели - срок рекордно короткий - состоялись первые испытания.

Реактивный снаряд с пилотом закрепили под корпусом "Хейнкеля-111", который поднял его, словно пушинку. Где-то в районе 1000 метров "Фау-1" отделился от носителя, грузный "Хейнкель" мгновенно отстал (при 300 километрах против 600 км/ч "Фау-1"). Летчик описал несколько широких кругов, затем сбавил скорость и зашел на посадку против ветра. Первый раз он прошел метрах в пятидесяти от посадочной полосы.

- Дьявол! Он недостаточно сбросил скорость! - ругнулись все, кто был на вышке. - Только бы все кончилось нормально!

Пилот вырулил и снова завис над полосой. На сей раз он, видимо, решился сесть, машина буквально выбрила взлетную полосу, пройдя в двух-трех метрах от земли. Но нет - в последний момент он явно переменил решение. Он снова поднялся, сделал третий вираж и вновь пошел на посадку. Все произошло головокружительно быстро: вот "Фау-1" жмется к земле до самого конца взлетно-посадочной, затем пытается обогнуть небольшой холм - нам еще видно, как он чиркает брюхом, задевая верхушки деревьев, прежде чем скрыться за гребнем. Секунду спустя два высоких столба дыма рассеивают всякие сомнения...

Я бросился к вездеходу вместе с двумя санитарами, и мы помчались напрямик, через поля, к месту падения. Обломки были заметны издали, одно крыло - здесь, другое - там... Посередине валялся корпус, по счастью не загоревшийся. Метрах в десяти мы нашли пилота, он лежал почти без движения. Очевидно, в последний момент он сумел отсоединить плексигласовый колпак и был выброшен из кабины при ударе. Расспросить его не было никакой возможности, и я отправил его в госпиталь. Мы пытались хоть что-нибудь понять, рассматривая борозды, оставленные аппаратом в рыхлой почве. Вероятно, в последний момент пилот решил сесть на это вспаханное поле. Но зачем?

Технологи потеряли уйму времени, сопоставляя и скрупулезно перебирая малейшие детали, но не нашли ничего, что дало бы нам ключ к разгадке.

На следующий день мы решили снова попытать счастья. Но увы, второй полет оказался точным повторением первого: "Фау-1" отделился от самолета-носителя, описал несколько кругов, затем зашел на посадку и, не касаясь дорожки, врезался в землю почти на том же месте. И вновь летчик был ранен, и мы опять терялись в догадках. Ханна Райч едва сдерживала слезы. Было очевидно, что после этого двойного фиаско техслужбы запретят всякие испытания, по крайней мере, на какое-то время. Через день оба пилота уже пришли в себя и смогли отвечать на вопросы, но единственное, чего мы от них добились, это не слишком понятное описание каких-то вибраций в рычаге управления. Во всяком случае у нас так и не появилось мало-мальски приемлемой версии этих аварий.

Несколько дней спустя ко мне вдруг явилась неожиданная делегация: Ханна Райч и два инженера, один из них контролировал сооружение стендовых образцов, другой был из министерства военной авиации. К моему великому изумлению - я скорее ожидал услышать, что моя идея окончательно отнесена к разряду несуразностей, - Ханна заявила, что она, кажется, нашла причину обеих катастроф. Запросив в центральном бюро отдела кадров личные дела обоих пилотов, она обнаружила, что ни тому, ни другому еще не приходилось управлять высокоскоростными машинами. Не подлежит сомнению, что требуется весьма значительный опыт, чтобы пилотировать такой мини-самолет на таких скоростях. Ханна Райч и оба инженера были совершенно убеждены, что министерство напрасно отнесло двойную неудачу за счет недостатков конструкции. Они готовы были доказать мне это хоть сию минуту, благо за это время на свет появилось еще несколько новых машин. Да, это было заманчивое предложение, но ведь нам запретили строго-настрого все эксперименты! Я слишком хорошо знал, что министерство не отменит свой приказ. Но Ханна уже так увлеклась нашим проектом, что официальный запрет для нее ничего не значил: лишь бы я дал свое согласие. Я не знал что делать.

- Послушай, Ханна, - заметил я, - если вдруг с тобой что-нибудь случится, фюрер собственноручно снимет мне голову с плеч.

Но они настаивали с таким жаром, что я готов был сдаться. Ханна великолепно использовала слабости моей обороны, взывая к моему чувству долга и цитируя старинную армейскую поговорку о том, что настоящий солдат должен уметь в случае необходимости нарушить полученный приказ. В конце концов я уступил, хотя и неохотно. Начальника аэродрома мы решили "взять на пушку", сказав, что министерство разрешило нам

продолжить испытания.

Когда на следующий день за Ханной закрылся прозрачный купол, мне показалось, что мое сердце не выдержит. Но на этот раз все шло как по маслу. Как только "Фау-1" отделился от самолета-носителя, Ханна сделала несколько кокетливых виражей и на бешеной скорости зашла на посадочный полосу. Я почувствовал, как холодный пот бежит вдоль позвоночника, - машина коснулась земли, и больше уже ничего невозможно было разглядеть за облаком пыли, прокатившимся до конца посадочной. Мы бросились вперед, и, когда подбежали к самолету, к нам на руки соскочила улыбающаяся Ханна.

- Это и впрямь сногсшибательно! - Она явно была довольна.

Потом настал черед обоих наших инженеров опробовать собственное детище. Все трое в сумме сделали двадцать вылетов и двадцать раз приземлились, даже не оцарапавшись! Никто больше не сомневался - и идея, и ее воплощение были безупречны.

Фельдмаршал Мильх побледнел, как полотно, слушая вечером мой рапорт.

- Благодарите судьбу за то, что вас не поставили к стенке, - объявил он в конце концов трагическим тоном. По счастью, его мрачное замечание не стало пророчеством.

Я добился от него разрешения продолжить наши труды и начать обучение пилотов. На следующий день в наших мастерских закипела работа. Для начала нужно было сделать еще несколько образцов для испытаний, затем двухместные модели для курсов пилотажа и только потом приступить к выпуску боевых машин. Тем временем я подобрал из своих ребят человек тридцать опытных пилотов, и еще шестьдесят добровольцев предоставила нам люфтваффе они должны были явиться со дня на день. Мы наконец могли работать в полную силу.

Я запросил у службы снабжения министерства военной авиации по пять кубометров топлива для каждого пилота. Увы, это последнее препятствие оказалось самым трудным. Проходила неделя за неделей, мы получили сначала десять кубометров горючего, потом еще пятнадцать, но заказы наши так и не были выполнены. Я стоптал каблуки, бегая по бесконечным приемным, но получал лишь туманные обещания либо откровенные отказы. Осенью 1944 года я бросил свою безумную затею. Увы, наши конструкторские разработки и тактические расчеты оказались напрасными. Мы надеялись довести "Фау-1" до ума - он погиб под прахом неосуществленных идей. По крайней мере со мной остались ребята-добровольцы из люфтваффе, и я должен сказать, что они хоть и были "нелетным составом", но исполняли свои

обязанности до конца.

Когда началась зима, мне довелось еще раз не то чтобы заниматься самими "Фау-1", а скорее обсуждать возможности, которые открыло бы их применение. Я был вызван в штаб-квартиру Гиммлера, чтобы уточнить некоторые детали нашей деятельности в ходе предстоящего наступления в Арденнах, а также доложить о работах в области секретного оружия. Когда я упомянул о возможности запуска "Фау-1" с подводных лодок - мы занимались этим в последнее время, - Гиммлер вдруг встал и, подойдя к огромной карте мира, висевшей возле его рабочего стола, стал внимательно изучать ее.

- Стало быть, мы могли бы разгромить Нью-Йорк нашими ракетами? осведомился он.

- Несомненно, по крайней мере теоретически. Если наши инженеры смогут создать пусковую установку, которую легко, а главное, быстро можно было бы разместить на борту базовой субмарины...

Гиммлер, порывистый как всегда, прервал меня на половине фразы:

- Я тотчас же доложу об этом фюреру и гросс-адмиралу Дёницу; необходимо как можно скорее подготовить бомбардировку Нью-Йорка нашими "Фау-1". Что касается вас, Скорцени, я прошу вас всеми силами ускорить работу технических служб, чтобы размещение "Фау-1" на подводных лодках было произведено максимально быстро.

Сказать по правде, я отнюдь не разделял такого энтузиазма. Рейхсфюрер СС, по моему мнению, не вполне ясно отдавал себе отчет в истинном положении вещей. С другой стороны, меня интересовало, что думают на сей счет начальник РСХА Кальтенбруннер и мой бывший шеф Шелленберг, ставший после опалы адмирала Канариса главным хозяином всех спецслужб Германии, - оба они присутствовали при нашей беседе. Но первый упорно отмалчивался, а второй лишь одобрительно кивал, причем не только когда Гиммлер мог его видеть, но и когда тот поворачивался к нему спиной. Я знал, что он никогда не рискует высказывать твердое мнение, не ознакомившись с точкой зрения своего босса. Он скромно называл этот недостаток решительности "дипломатичностью", зато был застрахован от ошибок. Что ж, тем хуже; если эти господа боятся себя скомпрометировать, придется мне рубить сплеча:

- Считаю своим долгом обратить ваше внимание, рейхсфюрер, на пока еще неудовлетворительную точность наведения "Фау-1". Как вам известно, положение управляющих рулей устанавливается непосредственно перед пуском, и

изменение курса в процессе полета невозможно. Сейчас вероятный разброс составляет около восьми километров, то есть снаряд должен упасть в пределах этой окружности. Радиус увеличивается еще больше, если "Фау-1" запускается с самолета-носителя типа "Хейнкеля-111", который мы применяем, например, для бомбардировки Англии с наших авиабаз в Голландии. Разброс, несомненно, станет на порядок больше, когда мы будем использовать подводные лодки: мало того, что пока невозможно определить точные координаты в ночном море или при плохой видимости, сюда добавятся еще килевая и бортовая качка, а самое незначительное отклонение при запуске, вызванное малейшим движением корабля, сильно изменит точность попадания. Короче говоря, у нас пока нет уверенности, что ракеты достигнут цели, даже если мишенью будет служить огромный город.

Молчание Гиммлера придало мне новые силы, и я продолжил:

- Но это еще не все. Военная авиация не в силах обеспечить воздушное прикрытие наших кораблей в районе запуска. По нашим сведениям, охрана западных подступов к побережью Соединенных Штатов организована весьма умело. Американцы используют воздушное патрулирование и плотную сеть радаров.

Гиммлер, кажется, уже не слушал меня, увлекшись какими-то своими размышлениями; он вдруг остановился передо мною.

- Мне думается, - заметил он, - что вот наконец у нас появилась новая возможность или, лучше сказать, счастливый случай решительным образом повлиять на ход войны. Настала теперь очередь Америки на своей шкуре испытать все прелести бомбардировки. До настоящего времени Соединенные Штаты считали себя недосягаемыми для атак - еще бы, они ведь находятся вдали от полей сражений. Шок, который вызовет налет на Нью-Йорк, мгновенно сломит моральный дух американцев. Эти люди не вынесут вида падающих бомб. Я всегда считал, что Америка неспособна выдержать прямой удар, особенно столь неожиданный.

Не знаю, что по этому поводу думали остальные, что же касается меня, я склонен был смотреть на вещи скептически. Я не возражал против самой идеи воздушной бомбардировки американцев, тем более что беспрерывные налеты на наши города и растущее число наших разрушений и смертей легко оправдали бы в моих глазах подобные меры. Но я опасался, как бы психологический эффект от применения "Фау-1" не оказался диаметрально противоположным тому, на который рассчитывал Гиммлер. Поскольку остальные явно не торопились высказаться, я снова бросился в омут головой:

- Рейсхфюрер, я имею основания полагать, что результат подобной операции будет иным. В основу своей пропаганды американское правительство положило лозунг: "Германия угрожает нашей безопасности". После залпа "Фау-1" по Нью-Йорку американцы почувствуют, что это и впрямь не пустые слова. Помимо всего прочего в их жилах велик процент англосаксонской крови. Что касается англичан, то мы с вами имели случаи убедиться, что в момент опасности их жизнестойкость становится просто пугающей.

Видя, что Гиммлер внимательно слушает, я продолжал более уверенно:

- Мы, без сомнения, могли бы подвергнуть моральный дух американцев серьезнейшему испытанию, но только в том случае, если бы нам удалось выпустить несколько ракет в совершенно определенные точки. Мне кажется, что задача наша должна быть следующей. Нужно, чтобы в условленный день и час, заранее объявленный по германскому радио, "Фау-1" сровняли с землей какой-нибудь из нью-йоркских небоскребов, какой - это тоже должно быть известно всем. Тогда ущерб действительно будет двойным - и материальным, и психологическим.

Гиммлер был живо заинтересован моими идеями. Я вкратце обрисовал ему состояние наших исследований в плане увеличения точности наведения ракет. Тогда работы двигались в двух направлениях: во-первых, разрабатывалась проблема радиоуправления - устройство, установленное в корпусе, позволило бы корректировать курс во время полета. В этом случае передатчик, управляющий снарядом, находился бы возле пусковой установки. А во-вторых, рассматривался вариант размещения передатчика в районе мишени; система наведения должна была включаться всего на несколько минут, чтобы не быть запеленгованной. Несмотря на то, что последний способ представлялся куда более простым, мы столкнулись здесь с непредвиденными трудностями технического порядка. Какова должна быть мощность управляющего передатчика? И, главное, каким образом он попадет в условленное место именно тогда, когда это необходимо? Эта задача входит в компетенцию секретных агентов, но к тому времени в нашем активе почти не было удач в состязании с американской контрразведкой. Только недавно американцы арестовали нескольких наших людей, заброшенных с подводной лодки...

Гиммлер слушал меня, разглядывая на карте тяжелую глыбу североамериканского континента. С видимым сожалением он заметил, что на данный момент бомбардировка Нью-Йорка нашими "Фау-1" представляется, увы, слишком сложным и

рискованным делом. Однако его просьба ускорить работы по подготовке этой операции остается в силе. Что же касается меня, то я должен постоянно держать его в курсе происходящего и докладывать о каждой новой идее в этой области. Потом мы заговорили о других вещах...

Но события шли своим чередом, не интересуясь успехами наших лабораторий. Несколько месяцев спустя наша военная беспомощность навсегда похоронила надежду Гиммлера на запуск "Фау-1" в сторону Штатов.

СТОЛЬКО ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ!..

На своей базе в Фридентале мы работали не разгибая спины. Конечно, приходилось половину времени и сил тратить - я бы сказал: транжирить - на беспрестанную борьбу с бюро, засыпавшим нас валами бумажного хлама, и со службами обеспечения, которые буквально по каплям выделяли средства и людей. Тем не менее мы без устали создавали и разрабатывали грандиозные планы. Нас подстегивало изучение толстых досье, в которых были собраны детальные отчеты о снискавших громкую славу "отрядах коммандос" лорда Маунтбеттена. Полезная, поучительная информация, хотя, пожалуй, несколько удручающая. Мы бледнели от зависти при виде практически неограниченных средств, сосредоточенных в руках командиров этих отрядов. Они - вот счастливчики! - могли рассчитывать на помощь крейсеров, миноносцев, подводных лодок, не говоря уже о постоянном скоординированном взаимодействии с авиационными подразделениями, оснащенными самыми совершенными видами техники. Мы же, напротив, бедны - ужасно, непостижимо бедны! Военно-морское ведомство ни разу не дало нам "добро" на использование сколь-нибудь серьезной в боевом отношении посудины, а 200-я истребительная эскадрилья, к счастью переданная в наше распоряжение, с великим трудом выбивала себе каждую единицу оборудования. К примеру, призванное оперативно решать сложнейшие боевые задачи на огромной территории, упомянутое авиационное подразделение имело на все про все лишь три "Юнкерса-290".

Впрочем, чтобы быть до конца откровенным, должен отметить, что высшее командование британских коммандос все-таки не располагало кое-чем весьма важным - реальным влиянием: Маунтбеттен сосредоточил в своих руках всю власть, сам определял цели, и каждый раз удар отрядов коммандос являлся исполнением именно его замыслов. Это и полное уничтожение маслоочистительного завода, расположенного на норвежском острове, и превосходно подготовленная операция, в ходе которой англичане захватили новый германский радар,

незадолго до того установленный на французском побережье в районе Дьепа; а также рейд с целью нападения на главную ставку Роммеля в Африке - эта последняя затея, впрочем, провалилась, но лишь благодаря случайности или, возможно, дезинформации, проведенной через высшие эшелоны власти.

Тем не менее у союзников тоже должны были обнаружиться уязвимые места, особенно на огромных пространствах Ближнего Востока, находившихся под их контролем. Мы старательно нащупывали эту "ахиллесову пяту". И хотя положение наших армий было близко к критическому, надежда отыскать свой шанс разожгла в нас такой энтузиазм, если не оптимизм, что дни и ночи напролет мы неделями прорабатывали варианты операций... чтобы в конце концов напороться на непреодолимый риф, всегда один и тот же: проблема транспорта.

Никак не удавалось обеспечить необходимое количество "Юнкерсов-290" единственного действительно надежного германского самолета дальнего радиуса действия (по мнению экспертов, конструкция "Хейнкеля-117" оказалась неудачной), и мы попытались обойти эту трудность. Почему бы не использовать способ, примененный неприятелем против нас? Наверное, можно добиться, чтобы несколько огромных американских четырехмоторных самолетов совершили вынужденную посадку в Германии или на территориях, занятых нашими войсками. Мне удалось заинтересовать нашим проектом штаб люфтваффе; управление ресурсами пообещало немедленно сформировать группу специалистов для восстановления имеющихся "летающих крепостей". К сожалению, работы разворачивались медленно, слишком медленно. Только в конце осени 1944 года мне сообщили: шесть таких самолетов полностью готовы к использованию и ждут наших распоряжений на одном из баварских аэродромов. Несколько дней спустя другое сообщение разбило мои надежды вдребезги: во время мощной бомбардировки все шесть самолетов были полностью уничтожены. Пришлось начать сначала.

В ожидании - как потом оказалось, тщетном - "летающих крепостей" мы настойчиво искали решения двух других проблем, которые выявились в ходе разработки операции. Прежде всего - высадка в непосредственной близости от цели. Чтобы незаметно и быстро подобраться вплотную к объекту, а приближение четырехмоторных мастодонтов не могло остаться незамеченным, подготовили такой план: "летающая крепость" потащит за собой на тросе один или несколько транспортных планеров, способных совершить посадку на любом клочке земли. К несчастью, выделенные нам планеры не выдерживали и скорости 250

километров в час, тогда как использование американских бомбардировщиков позволяло произвести переброску со скоростью 350-450 километров в час. Но профессор Жоржи, многоопытный специалист по скрытным полетам и старинный друг Ханны Райч, помог нам преодолеть это препятствие, сконструировав планер, способный выдержать такие скорости, имея на борту двенадцать человек с полной экипировкой.

Вторая проблема, не менее важная, заключалась в возвращении десантной группы. На первый взгляд, имелось только две возможности: либо после операции они сдадутся и закончат войну в лагере военнопленных, либо постараются пробиться к нашим позициям, для чего понадобится преодолеть многие сотни километров, - вариант весьма рискованный, если не безнадежный. Я всегда придерживался такого мнения: чтобы вдохнуть в людей максимум смелости, дерзости и уверенности в себе, следует дать им реальный шанс на возвращение живыми и невредимыми. Как же обеспечить такой шанс? Естественно, я обратился к идее подцепить планер летящим на бреющем полете самолетом, когда десантники вновь погрузятся в планер после выполнения задания.

Первые испытания с легкими планерами дали ободряющие результаты. Но чтобы применить такую систему на тяжелых планерах, которые нам предстояло использовать, требовалось многое усовершенствовать, потратив немало времени и бензина... а их-то нам ужасно не хватало - ситуация на фронтах ухудшалась катастрофически.

Я много раз спрашивал себя, почему мы тут, в Германии, постигаем подобные вещи лишь в последний момент, в час наибольшей опасности, хотя имели больше чем достаточно времени, чтобы отработать технику и методы. До сих пор не нахожу удовлетворительного объяснения роковому "слишком поздно", столь часто стегавшему мои нервы в последний год войны.

Со своей стороны, союзники тоже предпринимали шаги в этих направлениях - с той лишь разницей, что всякий раз добивались практических результатов. Они продемонстрировали действенность своих методов при Арнеме, когда целая армада планеров приземлилась в тылу наших войск. После этой грандиозной операции я с ужасом ожидал, что союзники таким же образом перебросят по воздуху свои дивизии на подступы к Берлину, где в ту пору были сконцентрированы все средства управления, включая ставку фюрера. Без всякого сомнения, подобное ударное формирование могло бы молниеносным ударом покончить с главным нервным узлом наших войск. По-

видимому, все дело в том, что англосаксонцев идея такого десанта не привлекала по политическим соображениям. Во всяком случае, очевидно одно: для британских коммандос и управления стратегическими операциями американской армии под командованием доблестного генерал-майора Уильяма Т. Донована подобный подвиг не был чем-то неосуществимым. Маунтбеттен и "Бешеный Билл" всегда имели в запасе такой вариант.

222

Хотя, как я уже отмечал, все наши крупные проекты терпели крах один за другим, хотелось бы вкратце изложить суть некоторых из них.

Долгое время мы лелеяли мечту о крупной диверсии на трубопроводе, по которому шла нефть из Ирака, и ценное сырье поступало по двум веткам на нефтеперерабатывающие заводы Хайфы и Триполи, находившиеся на побережье Средиземного моря. Нам было известно, что арабские партизаны то и дело пытаются взорвать эти трубы. Но создание арабских "коммандос" - затея дорогая и сомнительная в смысле шансов на успех операции. К тому же, с одной стороны, нет сомнений, что повреждение трубы быстро восстановят, с другой стороны, мы могли оказаться не в состоянии даже проверить достоверность результатов, достигнутых "саботажниками". Вот если бы нам удалось разрушить одну или несколько насосных станций, это на несколько месяцев остановило бы поставки нефти.

Больше года наши инженеры ломали головы над решением этой проблемы. Лишь в 1943 году специалисты создали плавучую мини-бомбу с удельным весом, равным плотности нефти. Эту бомбу следовало ввести в трубопровод через небольшое овальное отверстие, которое надлежало проделать в трубе мини-взрывом в точно рассчитанное время, а потом быстро закрыть специальной крышкой-заплатой. Мина при малых размерах обладала достаточной разрушительной силой и могла, сдетонировав внутри насоса, полностью разрушить оборудование изнутри - поэтому-то я и загорелся этой идеей. Другие специалисты предложили с помощью термитных зарядов произвести крупные разрушения линий трубопроводов в тех местах, где они пересекают низины. К сожалению, проведенные испытания оказались неубедительными. В конце концов люфтваффе предложила разрушить значительные участки трубопроводов магнитными бомбами. Но все разработки так и не пошли дальше стадии предварительных исследований.

После многочисленных неудач нам не оставалось ничего иного, как атаковать несколько насосных станций силами

коммандос. Аэрофотосъемки свидетельствовали о наличии маленького аэродрома при каждой станции простейшие грунтовые взлетно-посадочные полосы предназначались для самолетов, выполнявших патрульные полеты вдоль трассы нефтепровода. Рядом форт - скромные оборонительные сооружения для укрытия технического персонала в случае неожиданного набега оппозиционно настроенных соплеменников. А еще в нескольких сотнях метров находились собственно насосные установки с дизельными двигателями. Основываясь на анализе этих фотографий, мы детально разработали следующий план действий наших формирований.

Шесть четырехмоторных самолетов приземляются на аэродроме и из бортовых пушек и пулеметов открывают ураганный огонь по всем сооружениям форта, обеспечивая прикрытие взводу подрывников для быстрого и беспрепятственного выполнения задания. Планировалось оснастить самолеты специальными приспособлениями, позволяющими на бреющем полете уничтожить антенны фортов, чтобы еще до посадки лишить их защитников возможности вызвать подмогу. Кроме того, мы рассчитывали на фактор внезапности. Но оставались и открытые вопросы. Например, хватит ли длины взлетно-посадочных полос полевого аэродрома для огромной четырехмоторной машины? Наши фотографии, полученные в 1941 году, позволяли определить, что длина полосы невелика; но более поздние агентурные донесения свидетельствовали о том, что в последующие годы все аэродромы были увеличены до вполне приемлемых для нас размеров. Теперь мы могли нанести удар. Увы! Несмотря на все наши усилия, нам не удалось заполучить необходимое количество самолетов.

Другой "ахиллесовой пятой" союзников, бесспорно, являлся Суэцкий канал. Точнее, отдельные его участки. Стоило перерезать эту важнейшую водную артерию, и морским караванам пришлось бы добираться до Дальнего Востока длинным кружным путем вокруг мыса Доброй Надежды, что чрезвычайно растянуло бы сроки взаимных поставок союзников. К тому же к проведению операции подключили подводных разведчиков-диверсантов ("люди-лягушки", как прозвали их англичане). Но 1944 год уже заканчивался, превосходство авиации союзников в воздухе над Средиземноморьем стало столь подавляющим, что скрепя сердце мы вынуждены были похоронить и этот наш проект. Вновь "слишком поздно".

Другой план, кропотливо подготовленный и поистине совершенный, предусматривал рейд в богатый нефтью район Баку. Густонаселенная область, множество работающих скважин,

целая индустрия нефтепереработки. Тщательное изучение региона позволило выявить несколько важнейших узловых центров, уничтожение которых повлекло бы за собой резкое сокращение, почти полное прекращение выпуска продукции. И вновь все по тем же причинам нам пришлось отказаться от проекта.

Еще одна операция не удалась по совсем иной причине - из-за ревнивой зависти наших генералов. В 1943 году югославские партизаны позволили нам ухватиться за ниточку относительно дела, которое очень заботило командование на балканском театре военных действий. В этом регионе сложилась обстановка, способствовавшая широкому размаху партизанской войны, и югославское сопротивление своей активностью отвлекало крупные германские силы, которым наносило неожиданные удары, развязывало бесчисленные стычки. Если бы нам удалось обнаружить штаб Тито и захватить его, можно было бы надеяться на существенное снижение давления партизан на наши позиции. Таково в общих чертах задание, порученное мне Верховным главнокомандованием вермахта в начале 1944 года.

Совершенно очевидно, что недооценка сил Тито, сконцентрированных в районе его ставки, привела к значительным потерям. Поначалу возможность серьезных партизанских действий игнорировалась повсеместно, и лидер югославских подпольщиков умело воспользовался ошибкой нашего командования. Получив задание, мы прежде всего направили свои усилия на создание "осведомительной службы" с целью получения точных сведений. Центральное бюро, расположенное в Аграме, мало-помалу опутывало непокорную территорию агентурной сетью. Для большей уверенности я установил такой порядок: если какой-то агент доложил о возможном местонахождении ставки Тито, то вышестоящий сотрудник должен сам убедиться в достоверности информации своими средствами и лишь потом передавать ее дальше, дополнив рапорт своими данными. Только при получении одинаковых сведений из трех независимых источников можно было приступать к подготовке военной операции. Действовать наугад было недопустимо: стоило нам потерпеть фиаско один раз, Тито усилил бы и без того высокий уровень конспирации и стал бы просто неуловимым.

В апреле 1944 года в сопровождении своих офицеров я прибыл в Белград для координации действий с военными и полицейскими коллегами в Югославии. После двух дней бесплодных переговоров я отправился на автомобиле в Аграм. Меня всем миром отговаривали от подобного путешествия,

поскольку путь пролегал через районы, кишащие партизанами. Но каждый самолет был на счету, меня же ждали в Аграме на следующий день. Ничего не поделаешь - оставалось надеяться на счастливую звезду и скорость моего "мерседеса".

В сопровождении двух унтершарфюреров я выехал на рассвете. К полудню мы остановились недалеко от гор Фруска Гора в расположении германской войсковой части, старавшейся поддерживать видимость порядка в округе. За завтраком командир части поведал о местных особенностях:

- Не проходит и недели без стычек с партизанами. Но довести дело до конца не удается, поскольку, спрятав оружие в стоге сена или еще где-нибудь, партизаны спокойно расходятся на время по деревням и хуторам и живут жизнью обычных мирных крестьян. Еще один занимательный момент - это проблема медицинского ухода. До сих пор господа из Белграда не направили сюда врача. Пришлось обратиться к местному врачу, который заботится также и о ранах партизан, чего ни в коей мере не скрывает: если он откажет в помощи подпольщикам, те похитят его семью; неменьшее грозит ему и с нашей стороны. Должен сказать, что мы очень довольны его работой.

Мы продолжили путь по партизанскому району, повсюду встречая прекрасные хозяйства. Каждый раз при виде крестьянина, работающего в поле, я спрашивал себя, не прячет ли он до поры свою винтовку. Так или иначе, наша поездка шла нормально, никто не стрелял, дорога была свободна. Ближе к вечеру мы сделали остановку в деревне и купили несколько яиц у старой крестьянки. Возвращаясь к машине, мы заметили нескольких человек в лохмотьях, вооруженных винтовками. Я уже потянулся к пистолету, но увидел на их лицах улыбки, и мы даже приветственно им помахали! Немного позже комендант гарнизона в Брка заметил, что весь район во власти партизан и, стало быть, чрезвычайно опасен для машин без эскорта. В Аграме не хотели верить, что мы проделали этот путь на машине. За несколько последних месяцев мы единственные проехали целыми и невредимыми. Слушая рассказы о бесчисленных нападениях на наши конвои, изучая карты с отмеченной на них концентрацией югославских партизан, я уже задним числом испытал настоящий страх. Просто невероятно, что все так хорошо закончилось.

Месяц спустя все стало на свои места. Информация тщательно проверялась и перепроверялась, и мы смогли определить, что главная ставка Тито находится в округе Двар в западной части Боснии. Теперь требовалось быстро осуществить непосредственную подготовку военной части операции, и я отправил начальника моего штаба капитана фон Фолькерсама в

Баня-Луку, центр этой провинции, чтобы он установил связь с командующим нашими войсками в Боснии. По возвращении фон Фолькерсам доложил, что генерал принял его холодно, если не с неприязнью. В тот момент я не обратил внимания на подобную деталь, ибо мне было все равно, что испытывают по отношению ко мне эти господа. Главное для меня - выполнить задание.

А несколькими днями позже в конце мая 1944 года в Аграм пришло сообщение: "Армия Х. готовит операцию против ставки Тито. Дата операции 2 июня". Вот чем объяснялось поведение армейского руководства. Во мне они видели лишь нежелательного конкурента и решили поспешить в погоне за славой. Сначала их действия возмутили меня очевидной нелепостью, я бы с удовольствием сотрудничал с ними и даже предоставил бы себя в распоряжение генерала. Но я быстро подавил гнев и поспешил исправить ошибку генерала с радиограммой: ее могли перехватить и расшифровать. Я немедленно отправил радиограмму, предупреждая господ в Боснии о возможной утечке информации. Уже возвратившись в Фриденталь, я получил дополнительные сведения, утвердившие меня в этом мнении. Стало ясно, что операция обречена на провал. Я вновь сообщил в Боснию свои соображения, но хуже некуда, если глухой еще и затыкает уши. Генерал Х. не захотел отменить "свою" операцию.

В назначенный день батальон парашютистов СС десантировался в долине в самом сердце непокорного района. Тут же на планерах подоспело подкрепление, сразу ринувшееся в бой. После упорного и кровопролитного сражения партизаны отступили, оставив долину и деревню. К сожалению, мои опасения подтвердились: клетка опустела, птичка выпорхнула. Нашим удалось захватить лишь двух британских офицеров связи, от которых Тито, по-видимому, пожелал избавиться. В одном из домов обнаружили новую, с иголочки, маршальскую форму. Тито покинул деревню всего несколько часов назад и укрылся в другом убежище. И это не все; хорошо еще, что быстрый маневр подкрепления позволил разорвать кольцо окружения, в котором оказался зажатый в горной долине батальон парашютистов СС.

Так из-за постыдного карьеризма холеных высокопоставленных интриганов провалилась тщательно разработанная широкомасштабная операция, которая, казалось, уже была обречена на успех. Более того, эта глупость практически свела к нулю наши шансы обезглавить югославское Сопротивление. В дальнейшем мы, конечно, старались точно определить местонахождение ставки Тито, перебравшегося к побережью Адриатического моря, а затем на остров Вис. Мы даже

задумали провести молниеносную операцию с высадкой на остров, но развитие событий вновь опередило нас.

ПЕРЕВОРОТ

Но вот началась крупная высадка союзников в Германии, ее назвали вторжением. На рассвете 6 июня 1944 года первые англо-американские части ступили на землю Нормандии. В течение нескольких недель ситуация оставалась неопределенной, а затем прорыв Авранша склонил чашу весов в пользу неприятеля. В тот день каждый немец должен был почувствовать, понять, что война проиграна. По крайней мере лично я не питал более иллюзий по поводу итога войны, но своим подчиненным объявил, что командование не испытывает серьезных опасений, и ничем не проявил своего пессимизма даже в приватных беседах с такими близкими и верными друзьями, как Радль и фон Фолькерсам.

Возможно, в конкретных обстоятельствах того времени стоило делиться своими тревогами и предчувствиями. Я часто ломал над этим голову и всегда приходил к выводу, что таково мое мнение: ни мне, ни солдатам, ни офицерам вплоть до генералов не дано решать вопрос о продолжении или окончании военных действий. Это право принадлежит лишь высшему политическому и военному руководству, которое одно располагает полными данными по всем аспектам и имеет возможность определять ход событий. Если эти люди прикажут продолжать борьбу, нам останется только подчиниться.

Я уже отмечал, что в ставке фюрера еще надеялись, с одной стороны, на благоприятное развитие политической ситуации и, с другой стороны, на создание вскорости нового секретного оружия, - надежды, по моим сведениям, абсолютно беспочвенные.

К июлю 1944 года положение стало откровенно угрожающим.

В первую неделю июня потрясающий удар русских смел нашу оборону на Восточном фронте. Группа армий "Центр" фактически перестала существовать. Более тридцати германских дивизий попало в плен! Невозможно даже представить себе, как разом мог сдаться весь мощный кулак армий. Повинен ли в этой катастрофе штаб Верховного главнокомандования? Или причиной стали усталость и падение духа в войсках? А на западе союзники, используя подавляющее превосходство в вооружении, неотвратимо приближались к границам Германии. Нам оставалось только стиснуть зубы и продолжать борьбу у самого края пропасти. Честно говоря, тогда мы еще не считали свое поражение неизбежным.

20 июля 1944 года я должен был отправиться в Вену, где предстояло согласовать некоторые детали операции против Тито. И тут, словно гром среди ясного неба, пришло сообщение о

неудачном, к счастью, покушении на Гитлера. Мы - мои офицеры и я - были буквально ошеломлены. Как такое могло произойти? Может, группе неприятеля удалось проникнуть на территорию ставки фюрера? Мы и предположить не могли, что бомбу подложил немец. Во всяком случае, раз Гитлер остался жив, я не видел никаких причин отменять поездку.

В 6 часов вечера мы с Радлем приехали на Ангальтский вокзал в Берлине, расположились в забронированном для нас купе и стали было готовиться ко сну. Но на станции Лихтерфельде, что на самом краю берлинского округа, с платформы донеслись крики:

- Штурмбаннфюрер Скорцени! Штурмбаннфюрер Скорцени!

Я выглянул в окно и, увидев бегущего вдоль состава и орущего во все горло офицера, махнул ему рукой. Совершенно запыхавшийся, он вскоре оказался в нашем купе.

- Господин штурмбаннфюрер, вам следует немедленно вернуться... Приказ сверху... покушение на фюрера вызвало путч.

Я недоверчиво пожал плечами.

- Видите ли, это непросто. За срыв задания кто-нибудь может поплатиться головой. Тем не менее... я возвращаюсь. Радль! Поедете в Вену и начнете переговоры. Я присоединюсь к вам завтра.

Мы направились в Главный штаб войск СС, и по дороге офицер сообщил скудные сведения, которыми располагал. Получалось, что имел место настоящий заговор, инициированный группой высших офицеров и генералов. К Берлину якобы шел бронепоезд, но никто не знал намерений его командиров. Я никогда не принимал на веру непроверенные и неконкретные сведения, считая их не более чем болтовней.

Шелленберг, ставший бригадефюрером СС, сразу принял меня и сообщил некоторые подробности. По его словам, штаб переворота находился на Бендлерштрассе - иначе говоря, в штабе армии резерва и контролировал территории Германии, Чехословакии, Польши, Эльзаса и пр. Шелленберг был очень бледен и чрезвычайно встревожен. Буквально под его рукой на письменном столе лежал огромный револьвер.

Ситуация неясна и чревата опасностями, заключил он. Во всяком случае, если они доберутся сюда, будем защищаться. Я уже раздал всем автоматы. Не могли бы вы поскорее прислать из вашей команды специалиста по обороне зданий?

Но в суете я совершенно забыл предупредить свою группу. К несчастью, телефонная связь работала с перебоями. В конце концов мне удалось связаться с Фриденталем и вызвать гаупштурмфюрера Фолькерсама.

- Немедленно объявите в батальоне тревогу. Гаупштурмфюрер Фукер примет командование и будет действовать в соответствии с приказами, полученными от меня лично. Первую роту немедленно направить в штаб СС, где я сейчас и нахожусь. Вы вместе с фенрихом* Остафелем, который нужен мне в качестве адъютанта, садитесь в бронеавтомобиль и на полной скорости мчитесь сюда вперед всех.

Повесив трубку, я повернулся к Шелленбергу.

По-моему, сказал я, следует разоружить ваших сотрудников: меня пронизывает страх, когда ваши чинуши при мне размахивают пистолетами. Именно так я и поступлю, ибо внутри этого склепа не стоит играть в игрушки с оружием. Если же "они" появятся здесь до прибытия моей роты, вам лучше будет бежать, поскольку вы не внушите им уважения к своей персоне.

Я предоставил ему бороться со своими сомнениями и вышел на улицу. С лихорадочным нетерпением я ждал Фолькерсама и Остафеля, которые, четко выполняя приказ, уже через полчаса показались вдали в облаке пыли. Я решил своими глазами посмотреть на происходящее в Берлине. Фолькерсам остался в штабе СС, и я пообещал время от времени выходить с ним на связь. Как жаль, что мы не имели в то время портативных радиопередатчиков "воки-токи", которыми пользовались американцы!

Вскочив в машину, я на предельной скорости поехал в район правительственных учреждений, но там все оказалось совершенно спокойно. Затем отправился к площади Фербеллин, где находился штаб генерала бронетанковых войск Больбринкера, с которым я был знаком. Здесь улицы имели вид не столь мирный: широкий проспект, ведущий к площади, перегородили два огромных танка. Узнав меня, танкисты позволили проехать дальше. Становилось очевидным, что "мятеж" оказался менее серьезным, чем думалось Шелленбергу. Генерал Больбринкер немедленно принял меня. Он не был слюнтяем и сразу решительно потребовал от руководства распоряжений. По приказу командующего армией резерва он вызвал в Берлин бронетанковые части из Вюнсдорфа и сконцентрировал их возле своего штаба, чтобы находились под рукой. Теперь он ждал дальнейшего развития событий.

Впредь, заявил генерал, я не собираюсь исполнять чьи-либо указания, кроме генерал-инспектора бронетанковых войск, то есть буду подчиняться только лично генералу Гудериану. В этом хаосе сам дьявол не разберется. К примеру, требуют, чтобы я с помощью своих армейских частей взял под контроль берлинские казармы войск СС. Что вы об этом думаете, Скорцени?

- Поразительно... В данном случае речь идет отнюдь не об обычной войне. Думаю, следовать такому приказу безрассудно. Если желаете, генерал, я могу съездить к казармам в Лихтерфельде и посмотреть, что там происходит. Я позвоню вам прямо из казарм. На мой взгляд, прежде всего нам следует сохранять хладнокровие.

С видимым облегчением генерал принял мое предложение, и я уехал. В Лихтерфельде, в моих прежних казармах все было тихо, хотя и резервный батальон, и другие подразделения находились в состоянии готовности. После короткой и содержательной беседы с генерал-лейтенантом, стоявшим во главе этих частей, я настойчиво просил его сохранять благоразумие, то есть воздерживаться от выполнения приказов, откуда бы они не исходили. Потом я связался с генералом Больбринкером и сообщил, что войска СС не покинут своих казарм. Наконец, я соединился по телефону с Фолькерсамом, который доложил о прибытии нашей роты, и приказал ему взять на себя непосредственное руководство обороной штаба СС.

Только теперь я мог относительно спокойно подумать и оценить ситуацию. Откровенно говоря, отнюдь не все было понятно. По-видимому, приказ командующего армией резерва о приведении в состояние повышенной боевой готовности был отдан еще до полудня. А потом вследствие быстрого проведения крупномасштабных приготовлений, принятия различных мер и контрмер выявилась несогласованность отдельных деталей общего плана заговорщиков, кое-где возникла неразбериха. Так или иначе, сам "переворот" уже не казался мне сколь-нибудь опасным. Трагично другое: когда бронетанковые войска уже стояли, как говорится, "в ружье", войска СС (!) вообще не получили никаких указаний. В итоге им оставалось только самостоятельно добывать скудные сведения о том, кто на кого пошел с оружием в руках. Какой бы ребяческой не выглядела попытка переворота, она не стала от этого менее преступной, ибо на Востоке и на Западе наши солдаты сражались уже с храбростью отчаяния. Ворочая в голове нерадостные мысли так и этак, я вдруг вспомнил, что генерал Штудент тоже должен находиться в Берлине, и довольно быстро добрался до Ванзее - одного из многочисленных озер возле города, на берегу которого расположился Главный штаб воздушно-десантных войск. Офицеры ничего не знали и не получали никаких инструкций. Генерал же этот вечер проводил у себя дома в Лихтерфельде. Я вновь сел в машину, прихватив с собой адъютанта генерала, который понимал, что шеф даст ему немало распоряжений.

Тем временем опустилась ночь. К двум часам мы добрались

до небольшой виллы, где застали поистине идиллическую картину. Облаченный в длинный домашний халат, генерал восседал на террасе и при свете настольной лампы изучал гору документов. Рядом с ним сидела за вышиванием жена. Я не мог не отметить комичность ситуации: вот один из высших военных Берлина отдыхает, развалясь в плетеном кресле, а в это время заговорщики преспокойно совершают государственный переворот.

Несмотря на поздний для визитов час генерал принял меня очень любезно; несомненно, добрые отношения, установившиеся между нами за последние годы (в том числе п при разработке операции по освобождению Муссолини), не изменились. Едва я сказал, что приехал "по служебным делам", супруга генерала немедленно удалилась. Но прежде чем я открыл рот, чтобы объяснить причину своего визита, он сразил меня фразой:

- Ну-с, дорогой мой Скорцени, что же могло забросить вас сюда? Путч, никак не меньше! Впрочем, сие немыслимо. Итак?

Убедить генерала в серьезности положения стоило немалых трудов. Наконец он согласился дать командирам воздушно-десантных полков такие распоряжения, которые соответствовали объявлению чрезвычайного положения в стране (чем, строго говоря, превышал свои полномочия).

Именно в этот момент зазвонил телефон: рейхсмаршал Геринг! Выслушав мой рапорт, он сообщил новые детали: по-видимому, покушение на Гитлера совершил офицер штаба армии резерва. Бендлерштрассе - местонахождение этого штаба - уже лишена фюрером командной власти; приняты срочные меры. Геринг подчеркнул, что в настоящий момент действительными считаются только приказы офицеров ставки фюрера, то есть Верховного главнокомандования вермахта. Я слышал, как генерал повторяет последнюю фразу распоряжения рейхсмаршала спокойно и хладнокровно, словно путч был всего лишь рядовой боевой операцией.

Теперь все сомнения генерала относительно достоверности моего сообщения полностью рассеялись. Пообещав непременно поддерживать контакт со мной и генералом Больбринкером, он приказал наладить радиосвязь со своими полками, чтобы дать необходимые инструкции. Я же откланялся и поспешил обратно в Главный штаб войск СС.

В огромном здании мертвая тишина. Шелленберг, ожидавший меня в своем кабинете, первым делом попросил обеспечить ему эскорт из десяти человек под командованием офицера. Он получил приказ о немедленном аресте адмирала Канариса и, как и следовало ожидать, не хотел сам осуществлять

столь деликатную миссию. Поскольку на все про все под рукой у меня была лишь рота, я дал "добро" только относительно одного офицера. Часом позже Шелленберг вернулся. Арест прошел без инцидентов. По телефону мне сообщили, что заговорщики, захваченные подразделениями бронетанковых войск генерала Больбринкера и парашютистами Штудента, сопротивления не оказали. Итак, столица чиста и спокойна, и мне оставалось возвратиться в Фриденталь, но меня вдруг вызвали из ставки фюрера.

Штурмбаннфюреру СС Скорцени приказано немедленно явиться со всеми находящимися в его распоряжении силами на Бендлерштрассе, чтобы оказать помощь командиру караульного батальона "Великая Германия" майору Ремеру, который уже приступил к организации осады здания министерства.

Я спешно собрал свою роту и вновь пожалел, что не вызвал сюда весь батальон. К полуночи мы были на месте. Два огромных автомобиля загораживали дорогу; едва выйдя из машины и направившись к ним, среди оживленно дискутировавших людей я узнал шефа РСХА Кальтенбруннера, о чем-то споривше го с армейским генералом. Как объяснил мне какой-то младший офицер, то был командующий армией резерва генерал-полковник Фромм. Я успел услышать, как он сказал Кальтенбруннеру:

-Теперь же я хочу вернуться, вы сможете связаться со мной в любую минуту. Я буду у себя в кабинете.

С этими словами он сел в автомобиль, сразу двинувшийся с места и тем самым освободивший дорогу моей колонне. Я с некоторым удивлением наблюдал, как минуту спустя командующий армией резерва спокойно входил в свое министерство.

Перед порталом здания военного министерства я нашел майора Ремера и представился. Он сообщил, что приказано полностью изолировать здание. Я ввел свою роту во внутренний двор, а сам в сопровождении Фолькерсама и Остафеля поднялся по главной лестнице. В коридоре первого этажа толпились офицеры, вооруженные пистолетами; они полагали, что на улицах города идет настоящая война. В приемной генерала Ольбрихта я застал нескольких высокопоставленных офицеров, тоже вооруженных и крайне взволнованных, с которыми прежде имел случай познакомиться, и они быстро ввели меня в курс событий: во второй половине дня выяснилось, что что-то не заладилось с передачей сигнала тревоги* некоторым родам войск. Генерал Фромм почти все это время находился на совещании, но два или три сотрудника получили от него задание постоянно поддерживать связь с войсками. Очень возбужденные

напряженной атмосферой неопределенности и тревоги, многие офицеры вооружились пистолетами, ворвались в кабинет генерала Фромма и потребовали объяснений. Поставленный перед ультиматумом, генерал был вынужден признать, что вспыхнуло вооруженное восстание и он сам занят сейчас выяснением личностей зачинщиков. Несколько минут спустя генерал Бек покончил с собой, тогда как три офицера, включая начальника штаба армии резерва полковника фон Штауффенберга, предстали перед трибуналом, во главе которого встал сам Фромм. Приговоренные к смерти, эти трое были расстреляны буквально полчаса назад во дворе министерства взводом унтер-офицеров. Кроме того, в какой-то момент в коридоре первого этажа возникла беспричинная пальба.

Эти сведения хорошо укладывались в рамки известного, но не прояснили ситуацию до конца. Что было делать? Связаться со ставкой фюрера не удалось, и потому пришлось вновь брать инициативу на себя. Итак, в огромном мрачном здании оказалось спокойно, хотя все считали, что осиное гнездо заговорщиков находилось именно здесь. Прежде всего я созвал знакомых мне офицеров и предложил им вернуться к работе, прерванной во второй половине дня, ибо война продолжалась, фронты нуждались в управлении, подкреплениях, обеспечении боеприпасами и провиантом. Все согласились с моими доводами и занялись своим делом. Чуть позже, однако, мне напомнили, что некоторые решения, касающиеся именно мобилизационных мероприятий, могли исходить только от начальника штаба, то есть от уже расстрелянного фон Штауффенберга. Пришлось на некоторое время взвалить на себя еще и эту ответственность. Меня ждал немалый сюрприз: значительная часть приказов о тревоге уже была аннулирована заговорщиками.

Перед кабинетом генерала Ольбрихта я встретил двух агентов гестапо. Несколькими часами раньше их направил сюда шеф тайной полиции, чтобы схватить графа Штауффенберга. Но они не смогли выполнить приказ, ибо на пороге министерства были арестованы и брошены в карцер офицерами Штауффенберга, который уже возвратился из ставки фюрера. Одно из двух: либо путч явился-таки сюрпризом для всеведущего гестапо, либо оно ошиблось, сочтя сведения об этом деле не заслуживающими внимания. Ведь для задержания вдохновителя военного переворота отрядили лишь двух агентов, что поистине необъяснимо.

У меня наконец появилось время осмотреть кабинет Штауффенберга. Все ящики столов оказались незапертыми, словно здесь рылись в большой спешке. А на рабочем столе я

обнаружил папку с надписью "Валькирия" с детальным изложением плана переворота. Пришлось признать, что Штауффенберг очень ловко закамуфлировал свои истинные намерения: стремительный захват нервных узлов Берлина и органов управления войсками под заголовком "Контрмеры на случай атаки воздушно-десантных войск союзников".

Покопавшись в ящиках стола, я сделал просто потрясающее открытие: фигуры, задействованные в этой игре, точно соответствовали тем целям, которые задумал игрок. На большой карте Восточной Европы жирная штриховка показывала, как утверждалось в сноске на краю карты, путь группы южных армий в кампании против России - группы, где Штауффенберг служил начальником штаба. Словно в детской игре, авторы комментариев с шокирующей легкостью манипулировали судьбами и страданиями тысяч людей, и я невольно ужаснулся при мысли о том, что высокопоставленным офицерам подобного склада ума порой выпадает играть чрезвычайно важную роль в войне.

Через несколько часов все винтики единого механизма министерства вновь заработали напряженно и слаженно. Меня же не раз охватывало ощущение собственной ничтожности в сравнении с масштабностью и важностью решений, которые приходилось принимать в условиях отстранения от дел трех ведущих руководителей этого ведомства: генералов Фромма и Ольбрихта и полковника фон Штауффенберга. Неустанные попытки восстановить связь со ставкой фюрера наконец увенчались успехом, и я настойчиво потребовал незамедлительно назначить "верного" генерала на должность начальника штаба армии резерва. Я желал лишь побыстрее смениться с этого поста, но, как и следовало ожидать, мне весьма неопределенно рекомендовали потерпеть и продолжать исполнять взятые на себя функции, пока фюрер не подберет достойного и квалифицированного офицера на это место. В течение следующих двух или трех часов я получал все тот же ответ. Наконец утром 22 июля в министерство приехал сам Гиммлер в сопровождении генерала войск СС Юттнера. К моему великому изумлению, оказалось, что рейхсфюрер СС назначен командующим армией резерва. Безусловно, Гиммлер был одним из наиболее преданных Гитлеру людей, но отнюдь не военным человеком, не солдатом. Ну мог ли он исполнять обязанности высшего руководителя этой армии, роль "номер один" для страны в сложившихся обстоятельствах? Про себя я отметил, что генерал Юттнер отнюдь не в восторге от своей новой должности заместителя командующего, которая возлагала на него обязанности непосредственного управления тыловыми войсками. Гиммлер,

собрав офицеров министерства, произнес экспромтом речь, объявив путчистов очень узкой группой влиятельных лиц, группой, тщательно законспирированной и сознательно ограничившей свою численность во избежание провала. Окинув взглядом притихшую аудиторию, я отметил у всех одну реакцию: очевидное удовлетворение и облегчение, ибо гроза прошла быстро. Пожалуй, большинство присутствовавших людей, воспитанных в строгих традициях профессионалов германского офицерского корпуса, предпочитало вообще оставаться в стороне и не утруждать себя раздумьями об этой попытке военного переворота, преступной и заранее обреченной на провал. (От переводчика. Скорцени, видимо, запамятовал, что со времен Вильгельма II офицерский корпус неизменно играл в политической жизни Германии роль независимую и значительную.)

Наконец-то я мог вспомнить об отдыхе и, вернувшись в Фриденталь, буквально рухнул в кровать. Часов через десять я проснулся свежий и отдохнувший и взялся подводить итоги последних событий. Главное противоборство тенденций и группировок в обществе не обошло стороной вермахт, о чем раньше я и мысли не допускал. Сюрприз не из приятных; единственным утешением была быстрота, с которой подавили путч и которая объяснялась как слабой базой заговорщиков, так и молниеносными действиями ряда армейских подразделений. Лично мне приятно было осознавать, что, как и большинство офицеров четвертого управления РСХА, то есть войск СС (первое управление - сухопутные войска; второе - военно-морской флот, то есть по-немецки кригсмарине. - Пер.); третье - военно-воздушные силы, то есть люфтваффе), я не имел никаких связей с организаторами попытки переворота.

Следует сделать маленькое отступление, чтобы отметить: сейчас, четыре года спустя, говоря о разгроме заговора 20 июля 1944 года, есть риск исказить события. Все, кто принимал непосредственное участие в той драме, должны признать, что после устранения графа Штауффенберга прочие заговорщики автоматически оказались не у дел: с этого момента они потеряли контроль над теми армейскими частями, с помощью которых намечалось сдержать натиск верных фюреру сил, и план переворота развалился как карточный домик. По замыслам конспираторов, устранение Адольфа Гитлера явилось бы решающим фактором; когда же Гитлер чудом избежал смерти, они поняли, что теперь их планы и вовсе несбыточны.

До сих пор удивляюсь приступу ярости, охватившему меня при пробуждении утром 23 июля, гнев, безудержная ярость

против нанесших предательский удар в спину своему народу в момент тяжелейших испытаний, когда этот народ боролся за само свое существование. Когда буря эмоций улеглась и мысли прояснились, я перебрал в памяти беседы с некоторыми офицерами различных служб военного министерства. Не раз мои собеседники с похвальным рвением заявляли о своей верности Гитлеру и национал-социализму. Да и наши враги в ситуации еще более тяжелой, будучи патриотами, вовсе не собирались салютовать Германии. Я пришел к убеждению (и мое мнение с тех пор не переменилось), что среди инициаторов заговора были и честные патриоты. К несчастью, они придерживались той точки зрения, что необходимо, собрав воедино всю волю и силы, устранить Гитлера от управления государством. Соответственно их дальнейшие планы предусматривали ряд существенных изменений в политике. Первоочередной задачей они провозглашали быстрейшее заключение перемирия, поскольку в военном отношении ситуация стала безнадежной. Фракция, возглавляемая графом фон Штауффенбергом, хотела достичь сепаратного мира с Россией; другая же группа ратовала за поиск взаимопонимания с западными державами. Если верить сообщению английского радио от 25 июля 1944 года, ни те, ни другие не добились успеха в предварительной подготовке по названным направлениям. Би-би-си объявила, что новое германское правительство - а англичане вначале поверили в смерть Гитлера - не сможет немедленно прекратить военные действия, не достигнув перемирия со всеми союзниками одновременно, поскольку на конференции в Касабланке последние договорились строго следовать принципу "безусловной капитуляции". Следовательно, уместно задать вопрос: как заговорщики, приди они к власти, собирались решить эту проблему?

Итак, неудавшийся переворот 20 июля 1944 года принес лишь два результата: во-первых, покушение на Адольфа Гитлера, абсолютного властелина Германии и Верховного главнокомандующего вермахта, стало для него ударом как в физическом, так и в психологическом плане. И хотя ранения оказались пустячными, нельзя забывать, что подобные несчастья наделенный огромной властью человек переносит с гораздо большим трудом, чем простой смертный. В моральном же плане Гитлер так и не смог преодолеть последствий тяжелого шока, и дело отнюдь не в жутком виде разорванного осколками кресла, а в самом факте восстания: оказывается, даже в самом сердце вермахта возможно образование смертельно опасного нарыва, целые группы офицеров могут предать властелина и его дело.

Подозрительность Гитлера, скорее инстинктивная, чем осознанная, росла день ото дня и в конце концов стала настоящей манией. Все чаще поддавался он приступам отчаяния, применял заведомо несправедливые меры в отношении людей, ничем не заслуживших опалы. Думаю, что в минуты просветления он и сам сильно страдал, переживая содеянное.

Второй результат покушения столь же негативен: впредь становилась невозможной любая договоренность о мире, не предусматривающая полной ликвидации рейха. Совершенно естественно, и без того жесткая позиция противников стала непреклонной, поскольку теперь они делали ставку и на распри, которые раскалывали и ослабляли Германию. Кроме того, не стоит забывать, что союзники отказывались от каких бы то ни было компромиссов с Германией национал-социалистической и гитлеровской, а значит, и с вероятными преемниками фюрера. При таких обстоятельствах у германского руководства просто не оставалось путей к сколь-нибудь почетному перемирию. Любые усилия в этом направлении союзники с пренебрежением отвергали. Такое отношение лишь еще более распаляло Гитлера, усиливало его решимость бороться до конца.

НЕ СКЛОНЯТЬ ГОЛОВЫ

По мере ухудшения военной ситуации область моей деятельности расширялась. После ряда встреч с начальником штаба Верховного главнокомандования [Кейтелем] я наконец добился увеличения своих "частей специального назначения". Единственный батальон, которым я располагал до сих пор, получил в пополнение бригаду из шести батальонов, большую часть которых составляли 1800 добровольцев дивизии "Бранденбург", переданной под мое командование. С другой стороны, фюрер отдал в мое ведение второй отдел военной разведки ("Саботаж и деморализация противника").

В течение нескольких недель во Фридентале работали как одержимые: реорганизация, обучение пополнения, подготовка новых операций. Окруженная со всех сторон Германия все более походила на огромную крепость; причем нам надлежало не только оборонять крепостные стены, но и разрушать пути продвижения противника, препятствовать его подготовительным маневрам, не забывая при этом предотвращать возможные крупные акции саботажа в своем тылу. Я должен был найти способ силами своих подразделений решить эту тройную задачу. Оглядываясь в прошлое, сегодня могу смело утверждать, что мы отменно провели баталии на "тайном фронте".

К концу лета 1944 года отряд моих "боевых пловцов", то есть подводников-диверсантов, совместно с коллегами из военно-

морского ведомства совершил настоящий подвиг, которым по праву можно гордиться. Британские войска под командованием маршала Монтгомери собирались переправиться через Вааль - главный рукав в дельте Рейна и создать у Нимегю плацдарм, непосредственно угрожавший нашему фронту. К несчастью, им удалось быстро восстановить мало пострадавший мост через реку, по которому их основные силы без трудностей подтягивались к передовой. Англичане быстро развернули мощную зенитную артиллерию, и атаки наших истребителей-бомбардировщиков оказались бесплодными.

Подробно ознакомившись с ситуацией, я обсудил с рядом экспертов возможность использования подводников в борьбе против этого проклятого плацдарма. Уничтожение достаточно большой части моста было бы заметным успехом, ибо на некоторое время ослабило бы давление на наши войска в этом секторе. Я знал, что специалисты флота, предвидя возникновение потребности в оружии такого рода, уже создали мины-торпеды. Эти устройства по форме представляли собой как бы разрезанную вдоль торпеду, к которой в форме второй половины крепился резервуар для воздуха. Таким образом, они могли плыть по поверхности, что делало их легкими в управлении. В ходе первых испытаний взрыв двух таких мин привел к столь чудовищному выбросу воды, что стало ясно: конструкция моста не устоит.

Плацдарм англичан занимал на Нимегю примерно семь километров вдоль берега. Левый же берег принадлежал врагу полностью. Ночью гауптштурмфюрер Хеллмер, руководивший операцией, сам отправился на разведку. Ласты и резиновый костюм позволяли плыть быстро и бесшумно. Чтобы лицо не белело на фоне темной воды, он плотно обернул голову вуалью. Покончив с экипировкой, он спустился в воду и взял с собой бревно, чтобы тщательно отрепетировать возможные действия: впоследствии каждому участнику операции следовало освоить ряд маневров, которые необходимо будет точно и быстро выполнить в нужный момент. По мосту к передовой двигались танки "Черчилль". Рев моторов и лязг гусениц во многом помогали скрытно провести операцию, поскольку заглушали случайный плеск воды. А заметить в темноте слабые возмущения на поверхности воды практически невозможно. Основная опасность для диверсантов исходила от левого берега реки, полностью занятого неприятелем. Отдавшись потоку, Хеллмер совершенно бесшумно проследовал под мостом и далее мимо вражеских позиций на обоих берегах, а ниже по течению вышел на нашем участке правого берега реки.

Несколько дней спустя метеослужба дала подходящий

прогноз, пообещав темную пасмурную ночь, возможно, даже дождливую.

Погружение в воду тяжелых мин-торпед было трудным делом, тем более что английская артиллерия на всякий случай угостила нас обстрелом. Несколько снарядов легли очень близко, и осколки задели кое-кого из подводников. Впрочем, серьезных ранений не было. Наконец два огромных полуцилиндра закачались на поверхности воды возле берега. Двенадцать пловцов расположились по трое с каждой стороны и исчезли в ночи, уносимые течением. Через некоторое время они смогли различить в темноте силуэт моста, откуда доносился непрерывный гул моторов грузовиков и танков, плотным потоком шедших с одного берега на другой. Вскоре они оказались под мостом, быстро подвели мины к обеим опорам моста и открыли клапаны воздушных резервуаров, тогда как два специалиста устанавливали взрыватели замедленного действия. Безопасные до сей поры устройства стали представлять собой смертельную угрозу. Две огромные "сигары" медленно погружались в пучину, и пока они опускались на дно, люди изо всех сил старались отплыть подальше. Пять минут спустя чудовищный взрыв сотряс воздух ужасной ударной волной. Мины сделали свое дело: обе опоры разнесло на куски, и огромная центральная часть моста обрушилась в реку. И тут же оба берега ожили. Англичане открыли ураганный огонь - в предутренней мгле им порой удавалось различить головы пловцов. В первые же минуты шквал пулеметного огня зацепил одного из наших. Но товарищи вернулись и поддержали его. Пули вспарывали воду повсюду, но каким-то чудом еще лишь два пловца пострадали, отделавшись, впрочем, легкими ранениями. Группа в полном составе вышла на наш берег реки в десяти километрах ниже моста по течению. Окончательно выбившиеся из сил, пловцы выползли на берег и вытащили трех раненых товарищей.

Операция удалась превосходно, но в дальнейшем противник был начеку, и повторение дерзкого удара стало делом невозможным или, по меньшей мере, гораздо более трудновыполнимым.

222

В начале осени 1944 года я со своими батальонами приступил к выполнению особого задания. Мы договорились с директором завода по производству боеприпасов, находившегося в Фридентале, куда в то время пытались проникнуть группы саботажников, чтобы парализовать производство.

К нашему удивлению, операция завершилась успехом сверх всяких ожиданий. Около двадцати человек из числа

изготовлявших идентификационные бирки устроились на работу в цеха и имели возможность в течение каких-то двадцати минут, не привлекая внимания других рабочих, подложить взрывные устройства, пусть почти символические по мощности, в наиболее важных и уязвимых местах завода. Конечно, как и на мой взгляд, эти подразделения малоэффективны и неспособны что-либо защитить. На другой день дирекция направила длинный рапорт в министерство, к которому я присовокупил свое мнение: следует немедленно пересмотреть инструкции для подразделений безопасности на оборонных предприятиях, обеспечить гораздо более строгий контроль за обстановкой на этих заводах. Для меня стало очевидным, что разведывательные службы противника с большим размахом организуют саботаж в Германии и что число саботажников на наших заводах трудно вообразить. А сотрудники Службы безопасности на оборонных предприятиях были не в состоянии пресечь деятельность даже горстки решительных людей.

222

Примерно в то же время на Восточном фронте потребовалось вмешательство моих батальонов. Во второй половине августа мне приказали срочно явиться в ставку фюрера. По прибытии меня встретили два офицера из штаба генерала Йодля и объяснили причину вызова.

Вскоре после чувствительного поражения в июньской кампании 1944 года на центральном участке Восточного фронта дал о себе знать "резервный агент", иначе говоря, сотрудник одного из подразделений контрразведки, какие существуют во всякой армии.

Солдаты, неделями скитавшиеся по лесам на занятых русскими территориях и сумевшие пробиться к своим через линию фронта, сообщали о целых отрядах, находившихся в окружении. Тогда наш связной перешел линию фронта и передал разведчику приказ о "расконсервации" и само задание. И вот наконец радиограмма:

"В лесной массив к северу от Минска стекаются группы уцелевших немецких солдат".

Около двух тысяч человек под командованием подполковника Шерхорна находились в районе, указанном весьма неопределенно. Разведчику сразу же приказали наладить радиосвязь с затаившимся отрядом, сообщили соответствующие частоты и код, но до сих пор все попытки оставались тщетными - по-видимому, у Шерхорна не было передатчика. Главнокомандующий уже посчитал невозможным найти и вернуть отряд. Ему посоветовали обратиться за помощью к моим

"специальным частям".

- В состоянии ли вы выполнить подобное задание? - спросили встречавшие офицеры.

Я с достаточным основанием дал утвердительный ответ, зная, что эти офицеры и их коллеги были бы счастливы вернуть своих друзей, затерявшихся в водоворотах русского цунами. В тот же вечер я вернулся на самолете в Фриденталь, и мы принялись за дело. В считанные дни мы разработали план под кодовым названием "Браконьер" и взялись за решение бесчисленных технических проблем, связанных с осуществлением операции. Наш проект предусматривал создание четырех групп, каждая из которых состояла из двух немцев и трех русских. Людей вооружили русскими пистолетами и снабдили запасом продовольствия на четыре недели. Кроме того, каждая группа брала с собой палатку и портативную радиостанцию. На всякий случай их переодели в русскую военную форму, обеспечили удостоверениями и пропусками и т.д. Их приучили к русским папиросам, у каждого в вещмешке имелось несколько ломтиков черного хлеба и советские консервы. Все прошли через руки парикмахера, который остриг их почти наголо в соответствии с военной модой русских, а в последние дни перед вылетом им пришлось расстаться со всеми предметами гигиены, включая даже бритвы.

Двум группам предстояло прыгнуть с самолетов восточнее Минска, почти точно посередине между городами Борисов и Червень, продвинуться на запад и обследовать бескрайние леса в этом районе. Если не удастся обнаружить отряд Шерхорна, надлежало самостоятельно добираться к линии фронта. По замыслу, две другие группы должны были десантироваться в районе Дзержинска, приблизиться к Минску и обшарить обширный сектор вплоть до самого города. Если поиски останутся бесплодными, им тоже следовало пробираться к линии фронта.

Мы отдавали себе отчет, что сей план является лишь теоретическим руководством, и предоставили всем группам достаточную свободу действий; изначальная неопределенность не позволяла предусмотреть все детали операции, и потому им было дано право действовать по собственному разумению в соответствии со сложившимися обстоятельствами. Нам же оставалось уповать на радиосвязь, которая позволяла в случае необходимости передать новые указания. После обнаружения отряда Шерхорна следовало соорудить в занятом им лесу взлетно-посадочную полосу. Тогда можно было бы постепенно эвакуировать солдат на самолетах.

В конце августа первая группа поднялась в воздух на "Хейнкеле-111" из состава 200-й эскадрильи. С лихорадочным нетерпением ждали мы возвращения самолета - ведь предстояло пролететь более 500 километров над вражеской территорией (к тому времени линия фронта проходила через Вистюль). Поскольку подобный полет мог состояться только ночью, истребители не могли сопровождать транспортный самолет. В ту же ночь состоялся сеанс радиосвязи между разведчиком и группой П.

"Скверная высадка, - докладывали наши парашютисты. - Попробуем разделиться. Находимся под пулеметным огнем".

Сообщение на этом заканчивалось. Возможно, пришлось отступить, бросив передатчик. Ночи проходили одна за другой, а из радио доносился лишь негромкий треск атмосферных помех. Ничего больше, никаких новостей от группы П. Скверное начало!

В начале сентября отправилась в полет вторая группа С. По возвращении пилот доложил, что парашютисты прыгнули точно в указанном месте и достигли земли без происшествий. Однако следующие четыре дня и ночи радио молчало. Оставалось единственное объяснение - еще один провал, еще одна катастрофа. Но на пятую ночь наше радио, от которого все равно неутомимо ждали проявления хоть каких-нибудь признаков жизни, уловило ответ. Сначала пошел настроечный сигнал, затем особый сигнал, означавший, что наши люди вышли на связь без помех (нелишняя предосторожность: отсутствие сигнала означало бы, что радист взят в плен и его силой заставили выйти на связь). И еще великолепная новость: отряд Шерхорна существует, и С. его удалось обнаружить! На следующую ночь подполковник Шерхорн сам сказал несколько слов - простых слов, но сколько в них было сдержанного чувства, глубокой благодарности! Вот прекраснейшая из наград за все наши усилия и тревоги!

Через сутки вылетела третья пятерка с унтер-офицером М. во главе. Мы так никогда и не узнали, что с ними случилось. Раз за разом наши радисты настраивались на их волну, повторяли позывные... Долгие томительные недели... Ответа так и не последовало. Группа М. исчезла в бескрайних русских просторах.

Ровно через двадцать четыре часа вслед за группой М. на задание отправилась и четвертая группа, которой командовал Р. Четыре дня они регулярно выходили на связь. После приземления они двинулись к Минску, но не могли строго держаться этого направления, поскольку то и дело натыкались на русские военные патрули. Иногда они встречали дезертиров, которые принимали их за товарищей по несчастью. В целом же большая часть населения в этой части Белоруссии была настроена довольно

дружелюбно. На пятый же день сеанс связи неожиданно прервался. Мы даже не успели сообщить им координаты отряда Шерхорна. Вновь потянулось тревожное, нестерпимо долгое ожидание. Каждое утро Фолькерсам грустно объявлял: "Никаких вестей от групп Р., М., и П.". Наконец через три недели мы получили телефонограмму откуда-то из района литовской границы: "Группа Р. перешла линию фронта без потерь". Как и следовало ожидать, отчет Р. чрезвычайно заинтересовал разведывательные службы. Ведь случаи возвращения германских солдат с занятых русскими территорий были крайне редки. Р. особенно подчеркивал беспощадность, с которой советские командиры претворяли в жизнь принцип тотальной войны, мобилизуя все силы, а в случае необходимости используя даже женщин и детей. Если не имелось свободных транспортных средств, местному гражданскому населению приходилось за многие километры катить бочки с горючим - порой почти до линии огня - или по цепочке передавать снаряды прямо на артиллерийские позиции. Бесспорно, нам было чему поучиться у русских.

Переодетому лейтенантом Красной Армии фенриху Р. достало смелости проникнуть в офицерскую столовую и получить обед. Благодаря безукоризненному знанию русского языка он оказался вне подозрений. Несколькими днями позже Р. добрался до наших передовых частей, полностью сохранив свою группу.

Теперь нам предстояло удовлетворить наиболее насущные нужды отряда Шерхорна, более трех месяцев находившегося в полной изоляции и лишенного буквально всего. Шерхорн просил прежде всего побольше медицинских препаратов, перевязочных средств и собственно врача. Первый прыгнувший с парашютом врач при приземлении в темноте разбился, сломал обе ноги и через несколько дней скончался. Следующему повезло, и он приземлился целым и невредимым. Потом мы стали сбрасывать маленькой армии продовольствие, одежду. Из донесения врача следовало, что состояние раненых плачевно, и Шерхорну было приказано немедленно приступить к подготовке эвакуации.

В течение двух-трех ночей 200-я эскадрилья высылала по несколько самолетов для снабжения затерянного в лесу лагеря. К сожалению, ночная выброска материалов не могла быть точной: зачастую спускаемые на парашютах контейнеры опускались в недоступных местах или оставались ненайденными в лесных зарослях, хотя солдаты Шерхорна вели непрерывные поиски. Тем временем совместно со специалистами эскадрильи мы подготовили план эвакуации, решив использовать в качестве аэродрома обширную лесную поляну, обнаруженную невдалеке от

лагеря Шерхорна. Операцию решили проводить в октябре, в период наиболее темных безлунных ночей, наметив в первую очередь вывезти на самолетах раненых и больных, а уж затем здоровых.

К Шерхорну направили специалиста по быстрому развертыванию взлетно-посадочных полос в полевых условиях. Но едва начались подготовительные работы, как русские мощным ударом с воздуха сделали выбранное место непригодным. Пришлось изыскивать другой способ. После переговоров с Шерхорном решили, что отряду следует покинуть обнаруженный лагерь и совершить 250-километровый переход на север. Там, в окрестностях Дюнабурга, что возле прежней русско-литовской границы, находилось несколько озер, которые замерзали в начале декабря. Когда лед достаточно окрепнет, озера превратятся в подходящие аэродромы для транспортных самолетов.

Проделать столь долгий путь в тылу врага - дело непростое. Шерхорн предложил разделить отряд на две маршевые колонны. Первой, под командованием С., надлежало идти прямо на север, выполняя роль разведывательного авангарда. Вторая, под командованием Шерхорна, должна была идти параллельным курсом, но немного сзади. Следовало снабдить людей теплой одеждой и прочими необходимыми материалами. Для двух тысяч человек такая операция требовала огромного количества вылетов. Мы послали им девять радиопередатчиков, чтобы при дроблении отряда каждая часть имела связь с другими и с нами.

Поздней осенью 1944 года колонны медленно потянулись на север. Русских телег было мало, на них с трудом уместили больных и раненых. Кто мог, шел пешком. Переход оказался намного более длительным, чем мы предполагали. В среднем за день преодолевали 12 километров. Шерхорн был вынужден то и дело останавливать отряд для отдыха на день-другой, и тогда за неделю не удавалось пройти и сорока километров. С другой стороны, не обходилось без кровопролитных схваток с русскими военными патрулями, число погибших и раненых росло с каждым днем, и темпы продвижения, естественно, снижались. Мало-помалу все мы, успевшие хорошо узнать русских, теряли последние надежды. Шансы Шерхорна на возвращение в Германию были до ужаса малы.

По мере продвижения отряда к линии фронта маршрут самолетов снабжения укорачивался, но определить место выброски становилось труднее. По радио мы старались уточнить их координаты на карте, испещренной разными значками. Несмотря на предосторожности несметное число тюков и контейнеров попало в руки русской милиции, которая, надо

отдать ей должное, справлялась со своей задачей. Но даже не это было нашей главной заботой. С каждой неделей количество горючего, выделяемого 200-й эскадрилье, неизменно сокращалось, тогда как наши потребности в нем отнюдь не уменьшались. Время от времени мне удавалось в виде исключения урвать дополнительно 45 тонн, но каждая новая просьба натыкалась на все большие трудности. Несмотря на отчаянные мольбы Шерхорна пришлось сократить число вылетов самолетов снабжения. Думаю, ни Шерхорн, ни его солдаты, в невероятно сложных условиях пробивавшиеся через русские леса, не в состоянии были понять наши проблемы. Чтобы поддержать их дух, их веру в наше стремление помочь всеми имеющимися у нас средствами, я каждый радиосеанс старался выказывать неизменный оптимизм.

В феврале 1945 года мне самому пришлось командовать дивизией на Восточном фронте. Отбивая яростные атаки врага, я не упускал из вида наши "особые миссии". Сообщения, все еще регулярно приходившие от Шерхорна, были полны отчаяния: "Высылайте самолеты... Помогите нам... Не забывайте нас..." Единственная хорошая весть: Шерхорн встретил группу П., первую из четырех заброшенных групп, которую считали бесследно сгинувшей в августе 1944 года. В дальнейшем содержание радиосообщений стало для меня сплошной пыткой. Мы уже не в состоянии были посылать более одного самолета в неделю. Перелет туда-обратно превышал 800 километров. Да и количество отправляемых грузов таяло на глазах. День и ночь я ломал голову, изыскивая возможности помочь людям, которые не сломились, не сложили оружия. Но что было делать?

К концу февраля нам перестали выделять горючее. При одной лишь мысли об огромных его запасах, захваченных противником в ходе наступления, меня охватывало бешенство. На каждом из аэродромов Вартегау, занятых русскими, имелось по несколько сотен тонн авиационного горючего!

27 февраля фенрих С. прислал нам следующее сообщение: "Отряд прибыл в намеченный район возле озер. Без немедленной поддержки умрем от голода. Можете ли вы нас забрать?"

По мере расходования элементов питания передатчика призывы о помощи становились все более настойчивыми, а мы уже не в силах были помочь. В конце С. просил доставить хотя бы батареи питания: "Мы больше ничего не просим... только говорить с вами... только слышать вас".

Крах и невероятный хаос, поразивший многие службы, окончательно добили нас. Не могло быть и речи о вылете самолета с помощью для несчастных, тем более об их эвакуации.

И все равно наши радисты ночи напролет не снимали наушников. Порой им удавалось засечь переговоры групп Шерхорна между собой, порой до нас долетали их отчаянные мольбы. Затем, после 8 мая, ничто более не нарушало молчания в эфире. Шерхорн не отвечал. Операция "Браконьер" окончилась безрезультатно.

222

К концу августа назрела очередная катастрофа на Восточном фронте. Казалось, войска на Южном фронте в Бессарабии и Румынии уже не держатся на плаву и вот-вот исчезнут в пучине сокрушительного вала русских армий. С мучительным волнением следили мы за изменениями на карте, и данные разведки свидетельствовали о том, что острие наступления русских дивизий направлено на Румынию. Страшная угроза нависла над многочисленными потомками немецких колонистов, поселившихся в этой стране несколько столетий назад.

В начале сентября из ставки фюрера пришел следующий приказ:

"Немедленно сформировать два взвода для срочной операции. Необходимые транспортные самолеты уже подготовлены. Задачи отрядов: заблокировать перевалы в Карпатах, создать разведывательные группы в занятых врагом регионах. Вывести из строя средства связи русских, помочь в организации и ускорении эвакуации граждан немецкой национальности".

Итак, еще одно сверхсрочное задание, еще одно решение, принятое в последнюю минуту. А ведь залог успеха операций коммандос в долгой и тщательной подготовке. Но что поделаешь за неимением лучшего? Такова наша служба. Унтерштурмфюрер СС Г., по моему мнению, лучше всего подходил на роль командира ударного отряда, состоявшего из нескольких унтер-офицеров инженерных войск и дюжины солдат, в совершенстве владевших румынским языком. С величайшей поспешностью укомплектовав отряд всем необходимым, мы проводили его в неизвестность. Эти слова точно соответствуют действительности, поскольку обстановка менялась с каждым часом. К счастью, нам пришла мысль предварительно выслать самолет-разведчик к намеченному ставкой фюрера месту высадки. Так в последнюю минуту узнали, что аэродром в Тимишоаре, где следовало высадиться отряду Г., уже оккупирован русскими. Поэтому наши транспортные самолеты вылетели к запасному аэродрому, который удерживали войска Флепса.

Выгрузив снаряжение, отряд разделился на четыре группы, которым предстояло удерживать карпатские перевалы. В тот

момент вообще нельзя было сказать ничего конкретного о германских армиях в этом регионе: русские полностью овладели инициативой, наступали и наступали, тесня наши войска, разрозненные, потрепанные и деморализованные. Тем не менее мои коммандос на много дней заперли ряд карпатских перевалов, пресекая все попытки русских прорваться через горные хребты и помогая эвакуироваться группам немецких граждан - отчаявшиеся люди были до исступления перепуганы. Но в боях силы наших групп таяли. Унтерштурмфюрер СС Г. со своими людьми, переодетыми в румынскую форму, сумел в последний момент незаметно покинуть перевал и даже встречал русские войска. Вставив в дула автоматов цветы, они "приветствовали победное наступление Красной Армии". Но потом улыбнувшаяся было удача изменила им: едва они миновали передовые русские части, пытаясь зайти в тыл врага, как их разоблачили. Каким-то чудом Г. удалось сбежать. Проделав изнурительный многокилометровый путь с простреленной ногой, он укрылся на болоте. На следующую ночь ему посчастливилось незамеченным переползти линию фронта, который командование кое-как восстановило, воспользовавшись передышкой, добытой кровью моих коммандос. Благодаря полученным от них же сведениям о передвижениях противника нашим войскам удалось несколькими днями раньше спасти от полного окружения целую дивизию. Дело в том, что другие наши группы после значительных потерь оставили перевалы, прошли по прифронтовым тылам русских и собрали обширную и точную информацию о численности и приготовлениях противника.

222

Операции такого рода мне очень нравились. Зачастую несколько малочисленных групп, сформированных из людей умелых и исключительно решительных, добивались результатов почти невероятных. К сожалению, успех подобных затей был лишь слабым проблеском на мрачном грозном фоне. Доклад унтерштурмфюрера Г., командовавшего одной из групп, добавил особо зловещие тона в эту совершенно безрадостную картину: в Румынии по ту сторону Карпат группа встретила отряд противовоздушной обороны численностью около 2000 человек. Эти подразделения, отлично экипированные и располагавшие скорострельными зенитными орудиями, остановились в небольшой лощине рядом с крупной магистралью и, не зная что делать, просто ждали по сути дела; они сдались, даже не дождавшись появления русских. Из двух тысяч человек только триста решили присоединиться к войскам и пробиваться через линию фронта. Другие предпочли остаться здесь и глупо,

пассивно ждать, не имея более воли с боями прокладывать себе дорогу к своим позициям. Они собирались сдаться первому советскому военному патрулю - 1700 вооруженных до зубов мужчин, не имевших сил продолжать борьбу. И подобное случалось десятки, сотни раз на всем протяжении Восточного фронта. Доказывали ли эти примеры, что моральный дух германских солдат пал окончательно, что наши войска и думать забыли о возможности победы? Или дело просто в "русском психозе", который являлся следствием полного физического и нервного истощения? Тогда я еще горячо надеялся, что это не конец, хотя не мог перебороть чувства тревоги.

МРАЧНЫЙ ЗАКАТ

10 сентября 1944 года (в то время во Фридентале работали над реорганизацией новых батальонов - их следовало превратить в войска, которым по плечу любые задачи) пришел вызов в ставку фюрера. К тому времени "Волчье логово" находилось уже не так далеко от передовой, всего в нескольких десятках километров. В этой агломерации, представляющей собой главный штаб германских войск, появилось новое убежище под названием "Фюрербункер" огромнейший сводчатый блок из армированного бетона с толщиной стен в семь метров. Система подачи воздуха функционировала недостаточно хорошо, и потому трудно было надолго оставаться в бункере; не просохший еще бетон выделял неприятные тяжелые испарения.

Напротив, большая центральная казарма выглядела более уютно и приветливо: широкие проемы окон, в просторных комнатах чистота и порядок. Именно здесь в два часа дня и в десять вечера ежедневно шли военные совещания, на которых вкратце докладывалась ситуация и принимались важнейшие решения. Сразу по приезде - было около десяти часов утра генерал Йодль объяснил, что мне предстоит в течение нескольких дней ассистировать при рассмотрении вопросов, касающихся положения на южном участке Восточного фронта. Кроме того, именно в этом секторе мне предстояло провести миссию чрезвычайной важности.

Хотя я участвовал только в совещаниях, посвященных лишь части Восточного фронта, нетрудно было уяснить, что военные власти изрядно запутались. "Верховное главнокомандование" в действительности уже не командовало Восточным фронтом. Впрочем, на других фронтах, включая Балканы, оно непосредственно руководило оперативными штабами. Более того, флот и люфтваффе направляли в соответствующие штабы вермахта офицеров связи с ежедневными докладами. Адольф Гитлер являл собой единый координирующий центр конечной

инстанции с тех пор, как взял на себя командование всеми родами войск, - непосильная ноша, с которой не справится даже сверхчеловек.

Оказавшись в большом зале казармы, я не имел достаточно времени представиться генералам и офицерам этого штаба, поскольку почти сразу прозвучала команда, и мы застыли в положении "смирно". В сопровождении фельдмаршала Кейтеля и генерала-полковника Йодля в зал вошел фюрер.

Я смотрел на него со страхом, если не сказать с ужасом, с трудом находя знакомые черты того образа, который хранился в моей памяти. А ведь в последний раз я видел его прошлой осенью - с той встречи не минуло и года. К нам приближался человек бесконечно усталый, согбенный, ужасно состарившийся; и даже его голос, прежде сильный и высокий, порой сбивался на хрип, звучал слабо и устало. Не источила ли его та же тайная боль, что мучила и меня? Левая рука заметно дрожала, когда он не придерживал ее правой. Следствие покушения 20 июля? Или фюрера сломил страшный груз ответственности, которую он добровольно взвалил на себя и нес один все эти годы? Я не мог удержаться от вопроса, откуда этот старик умудрялся черпать энергию, необходимую для осуществления подобных задач?

Адольф Гитлер пожал руки нескольким офицерам, встречавшим его у двери, сказал несколько любезных слов и мне, а затем приказал приступать к докладам. Два стенографиста заняли места в конце центрального стола. Все офицеры остались стоять; возле стола фюрера, на котором лежали лишь цветные карандаши и очки, была скромная табуретка, но он лишь изредка присаживался на несколько минут.

Генерал Йодль изложил ситуацию. Мы следили за его объяснениями по огромной карте, разложенной на центральном столе. Номера дивизий, армейских корпусов, танковых полков мелькали бесчисленной чередой. Здесь русские атакуют, но мы можем их оттеснить. Там они проделали широкую брешь, которую мы в состоянии уменьшить контрударом таких-то частей. Я был поражен тем, сколько деталей фюрер держит в голове, чувствует сердцем: количество танков на том или ином направлении, запасы горючего, силу тех или иных резервов и т.д. На память перечислял недавно присвоенные кодовые названия, пояснял на карте свои распоряжения. Ситуация сложилась тяжелая. Фронт находился рядом с границей между Венгрией и Румынией. Имея за плечами немалый опыт, я не мог отделаться от сомнений... Способны ли перечисленные дивизии сражаться? В каком состоянии находится их артиллерия, транспортные средства? Сколько танков, самоходных орудий повреждено или

попросту утрачено со времени подачи докладов, которыми располагает ставка?

Сегодня по-настоящему важных решений не будет, шептались около меня офицеры штаба.

Эти слова напомнили мне, что здесь, на вершине военной иерархии, мыслят только армиями и группами армий.

Когда настал черед представителя люфтваффе делать свой доклад, у меня возникло ощущение, будто что-то не так. Фюрер выпрямился и сухим тоном приказал докладчику точно и коротко излагать сведения. Это значило, что люфтваффе, некогда столь милая его сердцу, вышла из фавора! В результате экскурс офицера показался блеклым, лишенным некоего пыла. Резким взмахом руки фюрер прервал его и отвернулся. Генерал Йодль сделал мне знак выйти, поскольку теперь предстояло обсуждать ситуацию на других фронтах.

В соседней комнате я задержался поболтать с несколькими офицерами штаба. Смакуя вермут, предложенный ординарцами, мы заговорили о Восточном фронте. В Варшаве польская подпольная армия Сопротивления подняла восстание, по всему городу развернулись жестокие бои. Южнее сложилась еще более напряженная ситуация: сведения из этого сектора говорили о близкой катастрофе.

Мы не можем честно сказать все это фюреру, признался один из моих собеседников. Остается как-нибудь выкрутиться из этой заварухи, ни о чем ему не докладывая. А тремя днями позже меня забыли выпроводить из зала до обсуждения положения на других фронтах. Докладчик не мог далее обходить молчанием варшавскую проблему. Гитлер, только что присевший у своего стола и взявший в руки карандаши, вмиг вскочил.

- Почему не доложили об этом раньше? - вскричал он и в ярости так швырнул карандаши об стол, что их обломки шрапнелью разлетелись по залу.

Все сконфуженно молчали, тогда как фюрер дал выход своему гневу, распекая высшее руководство всех родов войск. У меня же возникло неодолимое желание сделаться маленьким и незаметным. Не в силах преодолеть чувство страха, я мечтал оказаться за тридевять земель. Часто ли он устраивает подобные "головомойки" начальству в присутствии подчиненных? Гитлер вдруг угомонился и обратился к какому-то генералу с уточняющими расспросами.

Какими дополнительными резервами мы располагаем в этом регионе? Смогут ли войска вовремя получить боеприпасы? Имеются ли поблизости крупные подразделения инженерных войск?

И вот уже началась кропотливая работа по исправлению ситуации. Следовало собрать все имеющиеся резервы, точно определить первоочередные задачи, чтобы быстро подавить мятеж в Варшаве. В который раз одно и то же: напрягая последние силы, залатать очередную брешь.

Во второй половине дня я встретил офицеров, с которыми познакомился в приемной фюрера, поинтересовался обстановкой. Новые известия отнюдь не радовали. Единственное приятное событие, словно легкий просвет меж тяжелых мрачных туч: прогуливаясь по дорожкам парка, я нос к носу столкнулся с летчицей Ханной Райч. Как выяснилось, она сопровождала кавалера фон Грайма, одного из высших руководителей люфтваффе, и пригласила меня в их домик. Засидевшись там до полуночи, я добирался ощупью до своего особнячка "для особых гостей". В просторной гостиной Ханна представила меня кавалеру фон Грайму. По его лицу с тонкими благородными чертами пролегали глубокие морщины, резко выделяющиеся на фоне белых, как снег, волос. Беседа без банальных предисловий сразу коснулась "горячей" темы: война и люфтваффе. Он объяснил причину своего вызова в ставку: фюрер хотел освободить рейхсмаршала Геринга от обязанностей главнокомандующего люфтваффе и назначить на этот пост фон Грайма. В настоящее время Геринг, используя свой авторитет, по-прежнему сохранял за собой ведущую роль, однако фон Грайм настаивал на своем единоначалии. В данный момент вопрос оставался открытым, так как Гитлер еще не принял решения.

Согласен, люфтваффе почивает на лаврах, заслуженных в 1939-1940 годах, не задумываясь о будущем. Слова Геринга о том, что "наша авиация самая лучшая, самая быстрая и самая отважная в мире", неспособны сами по себе обеспечить победу в воздухе, с горечью отметил фон Грайм.

Затем он подробно описал нынешнее плачевное состояние дел в авиации, чему я уже не удивился, но обратил внимание, что генерал еще не потерял надежду, уповая на новые реактивные истребители, которые вот-вот должны были поступить на вооружение. Возможно, с помощью этих самолетов мы отразим бесчисленные налеты вражеских бомбардировщиков и вернем себе превосходство в воздухе. Впрочем, по моим соображениям, при всем старании не удалось бы обеспечить пилотов достаточным количеством новых машин в сжатые сроки. Вспомнив, что разработка такого самолета началась еще в 1942 году, я подумал, что, возможно, идее германского реактивного истребителя в истории этой войны уготовано место в главе "Слишком поздно".

МИССИЯ В ВЕНГРИИ

Три дня спустя, после вечернего совещания, фюрер сделал мне знак остаться. Он также задержал фельдмаршала Кейтеля, генерала Йодля, Риббентропа и Гиммлера, который - случай исключительный - тоже в тот день присутствовал. Мы устроились в креслах вокруг небольшого стола, и Адольф Гитлер в нескольких словах изложил последние события на юго-восточном направлении. Фронт, который только сейчас удалось стабилизировать вдоль венгерской границы, надо удержать любой ценой, ибо в этом огромном выступе находился миллион немецких солдат, которые, в случае внезапного прорыва, неминуемо окажутся в плену.

- Так вот, - продолжил фюрер, - мы получили конфиденциальные донесения, что регент-правитель Венгрии адмирал Хорти пытается установить контакты с врагом, желая договориться о сепаратном мире. Успех его замыслов означал бы гибель нашей армии. Хорти хочет найти согласие не только с западными державами, но также и с Россией, которой он предложил полную капитуляцию.

Вы, штурмбаннфюрер СС Скорцени, подготовите военный захват будапештского замка на горе Бургберг. Начнете эту операцию, как только мы получим сведения, что регент намерен отказаться от своих обязательств, вытекающих из его союзнического договора с Германией. Похоже, что генеральный штаб подумывает о высадке парашютистов или, возможно, о приземлении нескольких самолетов на саму эту гору. На время вашей миссии вы поступаете в распоряжение нового командующего нашими войсками в Венгрии, генерала Н. Однако приготовления начнете сегодня же, поскольку штаб у Н. еще только формируется. Чтобы помочь вам преодолеть все трудности, какие могут встретиться, я дам вам письменный приказ, который предоставит вам очень широкие полномочия.

Генерал Йодль прочитал мне список подразделений, вверяемых под мое начальство: батальон парашютистов люфтваффе, 600-й батальон парашютистов и батальон мотопехоты, сформированный из курсантов офицерского венского училища Нойштадт. К тому же из Вены будут переведены две эскадрильи транспортных планеров и поставлены под мое командование.

- Вы получите также на время операции самолет из эскадрильи, приданной ОКВ, и будете пользоваться этим транспортным средством для ваших личных передвижений, - заключил Йодль.

Еще несколько минут Гитлер беседовал с Риббентропом по

поводу донесений, присылаемых немецким посольством в Будапеште. Согласно последним депешам, положение следует считать "очень напряженным"; венгерское правительство явно желает покинуть лагерь стран "оси". Затем фюрер подписал мое предписание и, протягивая мне, добавил:

- Я рассчитываю на вас и на ваших людей.

Затем он удалился. Немного позже ушли остальные, оставив меня в одиночестве. Проглядывая наскоро документ, я поразился, что буду располагать практически неограниченными полномочиями. На листе большого формата типа "государственная бумага", где в верхнем левом углу золотым рельефом был выбит орел со свастикой, а наверху готическими буквами написано: "фюрер и рейхсканцлер", - я читаю:

"Штурмбаннфюрер СС Отто Скорцени назначен мною к выполнению личного и конфиденциального приказа высочайшей важности. Прошу все военные и гражданские службы оказывать штурмбаннфюреру СС Скорцени всевозможную помощь и подчиняться всем его требованиям".

Под этими словами - подпись главного человека в Германии, начертанная неверной рукой. На какой-то миг я подумал, что с таким карт-бланшем я мог бы по своей прихоти поставить весь рейх с ног на голову. Затем решил, что буду пользоваться им как можно меньше. Ведь я уже научен, что следует опасаться слепого подчинения штабных чинов, которым показывают "высочайший приказ". Я предпочитал полагаться на понимание и на сознательную помощь тех, к кому должен буду обратиться.

Сейчас уже два часа ночи, но прежде чем ложиться спать, хочу сделать свои первые распоряжения. К счастью, двумя днями раньше я предусмотрительно телеграфировал приказ о боевой тревоге одной из своей бригад, бывшему мотопехотному батальону № 502. Теперь я прошу соединить меня с гаупштурмфюрером фон Фолькерсамом и отдаю ему приказания:

- Алло, Фолькерсам. Мне только что поручили крупномасштабную операцию. Потрудитесь записать: первая рота, усиленная несколькими отборными солдатами, сегодня утром ровно в восемь грузится в самолет на аэродроме Гатов. Пусть возьмут тройной запас патронов, и добавьте полное снаряжение для четырех взводов подрывников. Каждому человеку дайте запас съестного на шесть суток. Роту поручите унтерштурмфюреру Хунке. Место назначения знает командир эскадрильи транспортных самолетов. Я сам в тот же час вылечу отсюда и примерно в десять прибуду на заводской аэродром Хейнкеля, что неподалеку от Ораниенбурга. Приезжайте за мной. Мы, то есть вы, Остафель, Радль и я, отправляемся в полдень. Вопросов нет?

Прекрасно. И до скорого.

Несколько часов отдыха, и я уже лечу на борту "Хейнкеля-111". Созерцая пейзаж, думаю о тех последствиях, которые неминуемо вызовет предательство венгров. Ставка в игре, которую мне, возможно, придется играть, огромна: целая армия - миллион человек, чье положение станет весьма шатким, чтобы не сказать отчаянным, в том случае, если венгерские дивизии в Карпатах прекратят огонь или, что еще хуже, перейдут на сторону врага. И если к тому же мы потеряем и Будапешт, центральный узел наших коммуникаций... тогда это будет невообразимая катастрофа. О, только бы мне успеть!

Внезапно я вспоминаю о тех транспортных планерах, что фюрер предоставил в мое распоряжение. И еще два батальона парашютистов. Как же все-таки эти господа из генерального штаба представляют себе операцию парашютистов против Замка на горе - не говоря уже о сумасбродной затее приземлить планеры на вершине утеса? Оказывается, я неплохо знаю Будапешт: единственное место, где в крайнем случае можно было бы осуществить подобный замысел, - это огромный плац, называемый - один бог знает почему - Кровавым полем. Однако если венгры переметнутся на сторону врага, то нас могут совсем запросто смести еще до того, как мы успеем собраться в группу, перекрестным огнем с самой горы, которая там совсем близко, и со зданий, окружающих эспланаду. Возможно, все-таки удастся приземлить несколько ударных отрядов... Ладно, посмотрим все на месте.

В условленный час я прибываю в Ораниенбург, где меня ждет Фолькерсам. Он сообщает, что моя первая рота уже отбыла в Вену - место сбора различных частей, вверенных под мое командование. На машине мы заскакиваем в Фриденталь, чтобы забрать личные вещи, а затем, в сопровождении Радля и Остафеля, вылетаю в австрийскую столицу. В нашем багаже мы везем ящик новейшей взрывчатки, недавно поступившей из армейских лабораторий. Это достаточно удобное сиденье, если только все время не думать о встрече со вражеским самолетом - а это вполне реально, учитывая активность союзнической авиации над Германией. Один снаряд по ящику - и все взлетает на воздух! Но, по правде говоря, мы слишком заняты нашими планами, чтобы думать об этом. Единодушно решаем моторизовать все наши части. Так что впереди славные схватки со службой распределения транспорта. Мы знаем, как тяжело сейчас отыскать грузовики. Восточный фронт, а в последние несколько месяцев уже и Западный поглотили их в таком количестве, что даже самая мощная в мире промышленность не смогла бы заполнить эти бреши.

Однако в Вене всего за три дня нам удается уладить все трудности. А я еще и устроил в Нойштадте смотр моему пехотному батальону, насчитывающему 1000 фенрихов, - отличная команда отборных молодцов, движимая исключительным боевым духом. Парашютисты люфтваффе уже прибыли в Вену, равно как и батальон парашютистов СС, доставленных с Восточного фронта. Люди из люфтваффе находятся в прекрасном состоянии, офицеры рвутся в бой, но вот эсэсовцы выглядят не очень хорошо: в предшествующие недели их жестоко потрепали в боях. Кстати, это тот же самый батальон, что

в июне 1944 года участвовал в операции против Тито.

Как только мы уладили многочисленные сложности, связанные с моторизацией и оснащением наших частей, я отправляюсь в Будапешт в сопровождении Радля. Пора уже ознакомиться с положением на месте. Запасшись документами на имя некоего доктора Вольфа, облаченный в отличный гражданский костюм, я представляюсь в венгерской столице некоему господину Икс, которому меня сердечно рекомендовал наш общий друг. Этот славный человек встречает меня с распростертыми объятиями, с гостеприимством, достойным лучших венгерских традиций. Он даже сам переезжает, оставляя мне в пользование свою квартиру, включая лакея и кухарку! Мне стыдно в этом признаваться, но никогда за всю свою жизнь я не жил так хорошо, как в эти три недели, - и это на пятом году войны! Да мой хозяин еще бы и обиделся, если бы я питался более скромно!

Тем временем в Будапешт прибывает и мой непосредственный начальник генерал Н. Он пытается прежде всего сформировать работоспособный штаб; поскольку у него не хватает офицеров, я одалживаю ему Фолькерсама и Остафеля. Чтобы приготовиться к любой неожиданности, мы вырабатываем план боевой тревоги для всех немецких войск в Будапеште и вокруг него, и этот план должен обеспечить нам в случае заварухи контроль над железными дорогами, вокзалами, телефонными и телеграфными узлами.

Наши тайные службы уже сумели установить, что сын регента, Никлас фон Хорти, только что имел первую встречу - естественно, сверхсекретную - с эмиссарами Тито. Венгры явно пытаются через югославских партизан установить контакт с советским Верховным командованием, чтобы договориться о сепаратном мире. Таким образом, на этот раз данные генерального штаба фюрера оказываются точны. Во время совещания с начальниками служб разведки мы решаем установить наблюдение за действиями "Ники" Хорти, заслав в его окружение нашего агента. И вот один хорват, имеющий хорошие связи в правительственных кругах, очень быстро завоевывает доверие как югославов, так и сына Хорти. И мы узнаем, таким образом, что очень скоро уже сам регент примет участие в ночном собрании заговорщиков. Эта новость нам особенно неприятна, ибо в наши планы вовсе не входит, чтобы глава государства был лично замешан в этом деле. Однако заботу о том, чтобы найти здесь какое-то решение, я оставляю на тайные службы и полицию, у меня есть другие заботы.

Всякий раз, когда моя машина взбирается по склонам

Будберга - я бываю то у нашего военного атташе, то у нашего посла, а то и у главнокомандующего, - моя тревога усиливается, ибо я все еще не вижу, каким образом я смог бы, если потребуется, овладеть этим высоким холмом, который представляет собой некую естественную крепость. Хотя приказ фюрера составлен в достаточно общих фразах, я вижу, что предотвратить переход Венгрии к неприятелю можно будет лишь в ходе военной операции против правительственного квартала и Замка. Эта операция начнется автоматически при первом же проявлении враждебности к Германии со стороны мадьярских властей.

Итак, я поручаю Фолькерсаму скрупулезно изучить все планы города, какие он сумеет раздобыть, и дополнить свои теоретические знания многочисленными экскурсиями по улицам интересующего нас квартала. И вот эта работа приносит нам самые разнообразные сюрпризы: оказывается, под Будбергом тянется настоящий лабиринт туннелей, коридоров и колодцев, и это совсем не облегчит нашу задачу, когда придет час перейти к решительным действиям. Поскольку наш план действий по боевой тревоге, уже окончательно доработанный, предусматривает, что я займу Гору силами войск, находящихся под моим непосредственным началом, то приказываю прибыть своим трем батальонам. В начале октября они покидают Вену и размещаются в пригороде Будапешта.

В то же самое время ОКВ посылает нам обергруппенфюрера СС - нечто вроде генерала рода войск - по имени Бах-Залевски, который должен принять командование всеми немецкими войсками, размещенными в Будапеште. Это энергичный, даже грубый командир, который, впрочем, и сам представляется как "человек с железной хваткой и специалист по тяжелым случаям". Он прибывает из Варшавы, где только что жестоко подавил восстание поляков. Он сразу же заявляет, что готов, если будет нужно, проявить себя таким же безжалостным, что и в польской столице. Именно с таким намерением, добавляет генерал, он и привез мортиру калибра 65 сантиметров. Пока что эта чудовищная пушка использовалась всего два раза: сначала чтобы пробить исполинские стены цитадели в Севастополе, а затем во время недавних боев в Варшаве. Что же до меня, то я считаю такую жестокость чрезмерной и не скрываю этого. По-моему, мы лучше и быстрее достигнем цели, если применим более элегантные средства. Планируемая операция, окрещенная для маскировки "Базука", окажется успешной даже и без гигантской мортиры. Но, с другой стороны, на некоторых офицеров, кажется, произвели впечатление грубые и неистовые манеры Бах-Залевски

- возможно, он их даже немного и запугал. Но, однако, я не позволяю ему заткнуть мне рот криками и ударами кулака по столу и, продолжая защищать свою точку зрения, в конечном счете настаиваю на своем решении.

К несчастью, я не один хозяин своих поступков. В отличие от Италии, где я должен был отчитываться только перед генералом Штудентом и имел практически полную независимость в подготовке возложенной на меня операции, теперь мне приходится присутствовать на бесконечных совещаниях и учитывать всевозможные факторы личного порядка. Точка зрения генерала Н. совершенно не совпадает с мнением посла, который, в свою очередь, совсем не согласен с полицейским генералом Винкельманом. Секретные службы и некоторые венгерские особы, которые принимают участие в наших дискуссиях, тоже добавляют в них разногласий. Как хорошо, что мне не надо согласовывать все эти мнения! Однако я не совсем понимаю, почему мы всегда обсуждаем наши планы в присутствии пятнадцати-двадцати офицеров. В конце концов, весьма возможно, что венгерское правительство прослышит о наших заседаниях и, угадав, с большей или меньшей степенью точности, что там затевается, срочно примет какие-то решения. И эти опасения представляются обоснованными, ибо мы узнаем, что генерал М., верховный командующий венгерской армией в Карпатах, уже ведет переговоры напрямую с русскими.

Примерно 10 октября 1944 года происходит ночная встреча между Никласом Хорти и югославскими эмиссарами. Немецкая полиция, вовремя предупрежденная, тем не менее не вмешивается. На воскресенье 15 октября назначается новая встреча в огромном здании неподалеку от дунайской набережной. Теперь нужно действовать! 13 октября ОКВ посылает в Будапешт генерала Венка, который в случае волнений возьмет командование над всеми нашими силами и будет принимать решения по ходу событий с полным знанием дела. На этот раз полиция безопасности намерена арестовать сына регента вместе с югославами. Замысел полицейской засады, вероятно, продиктован надеждой, что регент, желая избежать обвинений против сына, откажется от мысли о сепаратном мире. Генерал Винкельман, командир полицейских сил, просит меня одолжить ему на утро 15 октября одну из моих рот, ибо он знает, что первая беседа Никласа Хорти проходила под охраной отряда "Гонведа". Поскольку очень вероятно, что и на этот раз венгры предпримут такую же предосторожность, то моя рота получит задание нейтрализовать венгерских солдат. Я обещаю ему свою поддержку при условии, что сам решу, уместно ли будет наше

вмешательство, и если да, то когда именно.

В воскресенье, 15 октября 1944 года, на прозрачном небе сияет яркое солнце. В десять утра - а это и есть час встречи - улицы еще безлюдны. Моя рота занимает позиции в одной особенно тихой аллее, где нет риска, что она привлечет внимание. Связь между мной и моими людьми должен поддерживать фон Фолькерсам, ибо, разумеется, в этот день я не могу себе позволить появиться в военной форме. Если я желаю присутствовать при готовящихся событиях, чтобы остаться незамеченным, мне, конечно, надо облачиться в штатское. Мой шофер и один из моих унтер-офицеров в форме люфтваффе блаженствуют на скамейке в сквере, который занимает почти всю площадь. Что касается меня, то я прибываю на машине через несколько минут после начала переговоров между сыном Хорти и югославами. Выезжая на площадь, я вижу перед означенным зданием грузовик "Гонведа" и гражданскую машину, вероятно личное авто младшего Хорти. Не колеблясь, я ставлю свою машину прямо нос к носу с венгерскими, чтобы помешать им резко набрать ход.

Еще накануне несколько немецких полицейских заняли комнаты в пансионе, расположенном над коммерческой конторой, где в настоящий момент проходят переговоры. С другой стороны, двое их коллег должны примерно в 10.15 проникнуть в здание и провести аресты. В покрытом же брезентом грузовике "Гонведа" прячутся три венгерских офицера, тогда как два других прогуливаются по скверу. Итак, все актеры драмы на месте - начинаем первый акт!

Я только что вышел из машины и делаю вид, что ищу причину поломки в моторе, и тут появляются два немецких полицейских. Но едва первый ступает на порог здания, как второго прошивает автоматная очередь, выпущенная с грузовика "Гонведа". Тяжело раненный в живот, он оседает на землю рядом со мной. Два венгерских офицера, мерившие шагами сквер, прибегают с револьверами в руках и начинают стрелять. Я только и успеваю укрыться за своей машиной: мгновение спустя вторая очередь превращает в решето открытую дверцу моего славного "мерседеса". Теперь пляска начинается взаправду. Мой шофер и унтер-офицер с первых же выстрелов бросились мне на помощь; шофер получает пулю в бедро, но остается на ногах. Свистком я подаю приказ своей роте принять бой, а затем втроем мы пытаемся как только можем ответить из наших револьверов на плотный огонь венгерских автоматов. В нашем положении нет ничего забавного; моя машина, позади которой мы пристроились на корточках, все более и более походит на ситечко, повсюду

вокруг нас пули отскакивают от булыжной мостовой и свистят над нашими ушами с жалобным мяуканьем. Время от времени мы высовываем головы - только на долю секунды, чтобы прицелиться хотя бы примерно и удерживать нападающих на расстоянии если, конечно, так можно выразиться, ибо они от нас не дальше десяти-пятнадцати метров.

К счастью, эта неравная битва длится всего две или три минуты. Затем я слышу позади себя поспешные шаги солдат моей роты. Первый взвод уже появляется на площади и сразу же занимает позицию на углу улицы. Другие быстро занимают сквер и берут под огонь соседние здания. После первого же обмена пулями нападавшие на меня венгры укрываются под аркой соседнего дома, где, вероятно находится несколько их отрядов, оставленных там в резерве. Как только перестрелка прекращается, мы затаскиваем обоих наших раненых в здание, где на втором этаже проходят или, скорее, проходили переговоры между сыном Хорти и югославами. Перебегая к этому укрытию, мы осознаем, что наши противники готовятся к решительному прорыву. Быстро спохватываемся: ловко брошенная граната вырывает обе огромных створки ворот вместе с несколькими мраморными плитами и укладывает это все вперемешку кучей поперек арки, закрывая выход. Этот взрыв кладет конец собственно военной части операции, которая, впрочем, длилась не больше пяти минут.

Теперь со второго этажа "нашего" здания спускаются немецкие полицейские, ведя с собой четверых пленных. Мы приказываем погрузить обоих венгров - Никласа Хорти и его друга Борнемицу в военный грузовик. Чтобы не привлекать внимание прохожих, полицейские придумали перевозить этих двоих как тюки, завернув их в огромные ковры. Судя по тому, что я вижу, эта хитрость не слишком удалась. Оба заговорщика яростно отбиваются, и полицейские вынуждены их связать и, не слишком церемонясь, взваливают на грузовик, который сразу же трогается. Я приказываю своей роте удалиться; мне хочется избежать каких-либо новых инцидентов, которые вполне могут произойти, если венгры, оправившись от неожиданности, перегруппируются и нападут на нас.

Какое-то недоброе предчувствие заставляет меня последовать за грузовиком в другой машине, которую мне только что прислал Фолькерсам. Метрах, может быть, в ста от площади я вижу, как подходят, почти бегом, три пехотные роты "Гонведа". Если эти солдаты прибудут на площадь, то они столкнутся там с моей ротой, и получится еще одна перестрелка - для нас это весьма нежелательно. Что делать? Как выиграть несколько минут, чтобы

дать моим людям время отойти? Только какой-то смелый шаг может нас спасти. Я даю шоферу приказание остановиться, выскакиваю из машины и бросаюсь навстречу офицеру, который, судя по его месту во главе первой роты, должен командовать этими солдатами.

- Остановите ваших людей, там, наверху, неописуемая сумятица. Никто не знает, что происходит. На вашем месте, я сначала бы сходил посмотреть сам.

Блеф удается. К счастью, офицер немного говорит по-немецки. Он дает команду "Стой!" и, явно озадаченный, смотрит на меня. Возможно, он ничего не понимает, но меня это мало волнует. Все, что меня заботит, - это маленькая отсрочка. Теперь мои люди, должно быть, уже погрузились в свои грузовики. Через минуту они уедут. Я бросаю все еще колеблющемуся офицеру короткое "Я спешу!" и затем снова сажусь в свою машину, которая трогается и мчится со всей скоростью к аэродрому. Когда я туда прибываю, оба наших пленника уже в самолете; чуть позже он взлетает по направлению к Вене.

Тогда я направляюсь в штаб корпуса, располагающийся в гостинице, вознесенной на вершину одного из многочисленных холмов Будапешта. Генерал Венк немедленно меня принимает, и мы вместе с нетерпением, перемешанным с любопытством, ждем продолжения событий. Мы знаем, что в Замке на Горе венгры уже несколько дней назад приняли некоторые меры предосторожности. Гарнизон усилили, а главные подступы по дорогам, кажется, заминировали. К полудню мы получаем телефонный звонок из посольства, малый дворец которого также расположен на Горе. Наш военный атташе сообщает, что весь холм переведен на осадное положение, и совершенно официальным образом, а движение по всем подъездным путям перекрыто. Несколькими минутами ранее атташе попытался выехать с Горы на машине, но повсюду натыкался на венгерские посты, которые заставляли его поворачивать обратно. Немного позже телефонная связь прерывается - это мы так полагаем, потому что больше не получаем звонков. Таким образом, немецкие службы, которые все еще находятся на Горе, оказываются практически отрезанными.

Это представляет собой - и сомневаться тут не приходится - первый "недружественный акт", как элегантно выражаются на дипломатическом языке. Мы задаемся вопросом, последуют ли затем более серьезные события. По всей видимости, нынешнее положение не может продолжаться до бесконечности: через два-три часа будет принято окончательное решение - того или иного содержания. Пока же мы можем только ждать, а инициатива все

еще принадлежит противнику. Примерно в 14 часов сомнения окончательно рассеиваются специальным объяснением по венгерскому радио, где передается послание регента Хорти:

"Венгрия только что заключила сепаратный мир с Россией!"

Теперь жребий брошен. Положение более чем ясное: мы немедленно должны предпринять запланированные контрмеры. Генерал приказывает немедленно объявить тревогу в городе Будапеште.

В то же время он просит меня начать операцию против Горы.

Я же считаю, что час еще не пробил, и советую ему подождать несколько дней. Чтобы "усмирить" венгров, я предлагаю установить кольцо немецких частей по всей внешней окружности Горы. Эта задача поручается 22-й дивизии СС. Захват вокзалов и важнейших общественных зданий происходит пополудни согласно нашим планам и без единого инцидента.

С другой стороны, мы направляем немецкого генерала к венгерскому верховному командованию на Карпатском фронте; он должен, если положение к тому вынудит, арестовать генерала, командующего этой армией. Но наш эмиссар прибывает слишком поздно. Венгерский генерал в сопровождении нескольких офицеров и секретарей уже перешел к русским. К нашему удивлению, ни это бегство, ни объявление сепаратного мира не повлияли особенно на поведение этих войск. Почти везде части удерживают свои позиции. Огромное большинство офицеров отказались последовать примеру своего командующего. Оставаясь со своими людьми, они продолжают борьбу. Тем не менее, мы никоим образом не должны допустить, чтобы министерство "Гонведа", расположенное совсем рядом с Замком, издало новый приказ о капитуляции. Тут нужно быстро нанести удар.

На совещании, состоявшемся к вечеру, мы решаем напасть на Гору следующим утром. Я назначаю час "Ч" на шесть часов, то есть практически на рассвете, поскольку это время мне кажется особенно благоприятным, чтобы достичь полной внезапности, а это необходимый фактор, если я хочу избежать настоящего сражения. Весь вечер вместе с Фолькерсамом я изучаю карту Горы, составленную нами собственноручно. Постепенно наш план обретает четкие очертания. Мы предполагаем нанести концентрический удар одновременно несколькими отрядами. В тот миг, когда они поднимутся на штурм, я сам постараюсь прорваться по центру, вдоль Венского шоссе. Там в особенности я полагаюсь на эффект внезапности, поскольку надеюсь завладеть Венскими воротами без единого выстрела, настолько безмолвно, насколько это окажется возможным, и появиться затем со своими людьми на большой площади перед Замком. После этого нужно

будет немедленно добиться окончательного результата. Если нам удастся сразу же проникнуть в Замок, вероятный центр сопротивления, то операция затянется, видимо, не больше чем на несколько минут, и это позволит избежать ненужного кровопролития как с венгерской стороны, так и с нашей.

Мы ставим тогда перед каждой из наших частей конкретную задачу. Нас, кстати, усилили ротой танков "пантера" и другой ротой танков "голиаф". Последние, только недавно созданные, - гусеничные бронированные машины, управляемые на расстоянии, очень низкие и очень послушные. В передней части они заключают большой заряд взрывчатки; в общем, танки-карлики, откуда и происходит их название. Возможно, мы сможем с их помощью прорвать баррикаду или взорвать какие-нибудь ворота, мешающие нашему продвижению.

Батальон курсантов военного училища пойдет в атаку по садам, которые покрывают южный склон Горы. Задача сложная, поскольку мы знаем, что на этом крутом склоне венгры устроили несколько пулеметных огневых точек. Задача этого батальона состоит в подавлении противника и захвате Замка.

Один из отрядов моего особого батальона, поддерживаемый танком, нанесет удар вдоль по западной подъездной рампе, чтобы захватить один из боковых въездов в Замок. Один из отрядов 600-го батальона парашютистов СС пройдет по туннелю, выкопанному под подъемным мостом, и просочится в здания, в которых находятся военное министерство и министерство внутренних дел.

Остальные люди из моей особой части, основная часть батальона парашютистов СС, четыре танка, а также "голиафы" останутся под моим началом для атаки на Венские ворота и замок. Что же касается парашютистов из люфтваффе, то я их оставляю в резерве на случай непредвиденных осложнений.

Около полуночи, когда мы уже разобрали детально каждую из этих задач, мои солдаты занимают позиции в условленных местах позади кольца, образованного людьми из 22-й дивизии СС.

Немного позднее в штаб корпуса прибывает старший офицер венгерского военного министерства. Он прибыл неизвестным нам путем непосредственно из Замка, чтобы от имени министра вступить с нами в переговоры. Мы ему просто заявляем, что не видим никакого резона начинать переговоры, пока регент не аннулирует свой сепаратный мир с Россией. С другой стороны, мы настаиваем на том, что изоляция, чтобы не сказать заточение членов нашего посольства на Горе представляет собой акт безусловно "недружественный". По моему совету, мы назначаем венгерскому парламенту срок, чтобы нормализовать обстановку. Согласно условиям настоящего ультиматума, самое позднее в

шесть часов утра все мины и баррикады, преграждающие движение по Венскому шоссе а именно там находится наше посольство, - должны быть убраны. Таким образом, я одновременно смогу довести свою внезапную атаку до самого Замка с наименьшими потерями.

Поведение нашего визитера, похоже, указывает, что он, как и многие его товарищи по министерству, весьма смущен этим неожиданным поворотом на сто восемьдесят градусов против Германии. Наша беседа длится два часа в сердечной, почти дружеской атмосфере, а затем офицер прощается.

Около трех утра я заступаю на свою боевую позицию у подножия Горы, неподалеку от плаца. Собрав своих офицеров, я разворачиваю карты и при слабом свете наших карманных фонариков излагаю и уточняю последние подробности, потягивая при этом горяченный кофе, приготовленный моим ординарцем. Мой план операции проработан до конца. Я попробую спокойно подняться со своими людьми до самого дворца, как если бы эта "прогулка" была самой естественной вещью на свете. Нужно будет, чтобы солдаты оставались на своих грузовиках, чтобы все выглядело, как будто мы просто случайно проезжаем по этим улицам. Я знаю, что, действуя так, иду на большой риск, ибо в случае нападения на грузовики мои люди окажутся практически беззащитными. Но я должен на это пойти, раз хочу добраться до Замка быстро и не вступая в сражение.

Я сообщаю этот план командирам различных колонн, а затем настойчиво рекомендую им давать приказ открывать огонь только в самом крайнем случае. Им даже придется не отвечать на возможные нападения отдельных групп, а пытаться любой ценой проникнуть вместе с машинами на свои боевые позиции без единого выстрела. "Венгры не являются нашими врагами" - такой у нас лозунг, по крайней мере на данный момент.

Затем я устанавливаю порядок следования своей собственной колонны. Во главе ее пойдет грузовичок, на котором поеду я сам. Сразу за ним займут позицию четыре танка, затем группа "голиафов", а затем остальные мои люди, сгруппированные повзводно и уже погрузившиеся на машины. Все личное оружие на предохранителе. Большинство моих солдат, старые вояки, для которых это не первая операция, пользуются этими последними минутами перед выходом на дело, чтобы еще немного соснуть. Как только колонна пройдет Венские ворота и выйдет на плато Горы, она разделится на две, которые на всей скорости помчатся по двум большим аллеям к площади Замка.

Пять тридцать... Пять сорок... В первом грузовике сидят пять моих старых боевых товарищей, унтер-офицеры, которые уже

участвовали в операции на Гран-Сассо. У каждого из них автомат и несколько ручных гранат, а в руке - новое противотанковое оружие, базука. Нам всем любопытно, как поведет себя венгерская бронетехника, сосредоточенная на Горе. Если потребуется, мы заставим их замолчать либо снарядами наших танков, либо базуками.

И снова я смотрю на часы-браслет: пять пятьдесят девять. Правой рукой делаю круговой жест: запускайте моторы. Затем, стоя на своем грузовичке, я резко поднимаю руку и повторяю это несколько раз: вперед! Медленно, ибо склон крутой, мы трогаемся с места. Только бы никакая из машин не напоролась на мину: взорвавшись, она перегородит улицу и в последний момент погубит мой прекрасный замысел. Интенсивным жестом я склоняюсь назад и тревожно вслушиваюсь: все идет хорошо, никакой взрыв не прерывает ровного гудения моторов. Вот уже и Венские ворота. Есть проход в середине баррикады, охраняемой несколькими венгерскими солдатами, которые с явным любопытством смотрят, как мы проезжаем. Минуту спустя мы выезжаем на плато. Тихим голосом я приказываю нашему водителю постепенно ускоряться.

Справа от нас высится казарма "Гонведа". Перед воротами установлены два пулемета, защищенные нагромождением мешков с песком.

- Удар с фланга оказался бы весьма неприятен, - шепчет мне в ухо Фолькерсам.

К счастью, ничто не шелохнется ни в казарме, ни перед ней; слышен только грохот наших танков. Я направляюсь по правой аллее, на которой находится посольство Германии. Теперь мы едем уже на приличной скорости; позади меня с громоподобным гулом катится первый танк, разогнавшийся километров до 40 в час. До Замка остается едва ли километр. Первая часть операции удалась великолепно: мы достигли вершины Горы без единого выстрела. Слева у нас уже возникает массивное строение военного министерства. Вдали раздается глухой взрыв, второй, третий. Вероятно, это мои люди, которые вступили в туннель и пробивают себе вход в подземный лабиринт. Решающий миг близок. Мы уже проехали министерство, и перед нами простирается площадь Замка. Там заняли позицию три танка. Когда мы проезжаем мимо первого, он поднимает пушку вверх, показывая, что не собирается стрелять.

Перед воротами Замка венгры выстроили из строительного камня баррикаду высотой несколько метров. Мой грузовичок отъезжает в сторону, и знаком руки я даю танку, который за нами следует, приказание навалиться всем своим весом на это

препятствие. Пока стальной колосс разгоняется, мы соскакиваем на землю. Баррикада не выдерживает страшного удара в тридцать тонн; она рушится, танк проходит по ее развалинам, выбивает ворота и выставляет свою пушку во двор Замка... оказываясь лицом к лицу с шестью противотанковыми орудиями.

Бегом по правую и по левую стороны от нашей "пантеры" мы проскакиваем в несколько прыжков по развалленным глыбам и проникаем под арку. Какой-то полковник из охраны Замка пытается с револьвером в руке преградить нам путь, но ударом плеча Фолькерсам его отталкивает. Мы видим, что справа открывается главный вход в здание, и вскакиваем на первые ступеньки. Какому-то офицеру, который устремляется на нас, я кричу:

- Немедленно ведите нас к коменданту Замка!

Славный парень послушно увлекает меня по широкой парадной лестнице. На втором этаже мы идем по коридору. Жестом я приказываю одному из своих людей остаться на лестничной площадке, чтобы нас прикрыть. Венгерский офицер показывает на дверь, ведущую в небольшую приемную. На столе, поставленном перед открытым окном, за пулеметом залег солдат, и он как раз открывает огонь по моим людям, оставшимся снаружи. Унтер-офицер Хольцер, коренастый крепыш, хватает пулемет обеими руками и выкидывает его на мостовую. Венгр настолько ошеломлен, что падает со стола и катится по полу.

Заметив справа еще одну дверь, я коротко стучу и вхожу. Навстречу мне идет бригадный генерал "Гонведа". Он не успевает молвить и слова.

- Полагаю, вы - комендант Замка? Требую у вас немедленной капитуляции. Вы один будете ответственны за кровь, которая может напрасно пролиться, если откажетесь сдаться. Пожалуйста, потрудитесь принять решение сейчас же.

А я весьма спешу покончить с этим делом, потому что с площади до моего уха доносятся ружейные выстрелы и несколько пулеметных очередей. И я настаиваю, стараясь говорить убедительным тоном:

- Вы сами видите, что всякое сопротивление будет безумием. Мои солдаты уже заняли весь Замок.

И это совсем не легковесное утверждение, должное всего лишь произвести впечатление на генерала. Я уверен, что моя "особая часть" под командоой унтерштурмфюрера Хунке, хладнокровие которого мне отлично известно, уже добралась до Замка и захватила стратегические точки этого огромного здания. И в самом деле, венгр еще не успел опомниться, как Хунке уже входит в комнату, он сообщает мне, что большой двор и главные

входы были заняты без боя, и спрашивает моих приказаний.

Теперь уже венгерский генерал пришел к решению... и, должно быть, принял его не с легким сердцем.

- Сдаюсь, - заявляет он печально. - Я немедленно прикажу своим войскам прекратить огонь.

Мы пожимаем друг другу руки, а затем уговариваемся, что солдатам, которые еще сражаются в саду, сообщим эту новость через венгерского офицера, сопровождаемого офицером из моей колонны. Пока генерал отдает свои распоряжения, я выхожу в коридор, чтобы провести небольшую инспекцию. По моему требованию меня сопровождают два венгра, которые служат мне офицерами связи. К моему удивлению, покои регента пусты. Я узнаю, что он покинул Замок за несколько минут до шести утра и перешел под покровительство генерала СС Пфеффер-Вильденбруха. А его семья еще накануне обрела прибежище у папского нунция. Во всяком случае, присутствие в Замке адмирала Хорти ничего бы не изменило; наши планы имеют своей целью не его особу, а резиденцию венгерского правительства.

Когда я высовываю голову в окно главного фасада, то над ухом у меня свистят несколько пуль. Я поспешно отскакиваю. Немного позже лейтенант Хунке сообщает мне, что не было возможности донести приказ о прекращении огня до некоторых венгерских позиций в садах Замка на дунайском склоне. Но двух выстрелов из базуки, произведенных с верхних этажей Замка, оказывается достаточно, чтобы объяснить солдатам, занимающим эти позиции, что лучше было бы сдаться.

В общем операция длилась примерно полчаса. Теперь на Горе снова царит покой. Обитатели окрестных кварталов могут продолжить мирный сон. По телефону я объявляю о нашем успехе в штаб корпуса и буквально слышу вздох облегчения, издаваемый офицером на другом конце провода. Вероятно, эти господа лишь частично верили в успех моего замысла блицоперации, основанной на факторе внезапности.

НАСТУПЛЕНИЕ В АРДЕННАХ

Примерно 20 октября 1944 года я возвратился в ставку фюрера, которая теперь находится очень близко к фронту, ибо русские продвинулись глубоко в Восточную Пруссию. На этот раз Адольф Гитлер принимал меня наедине. Он был как всегда приветлив; у меня даже складывалось впечатление, что он более свеж, чем в нашу последнюю встречу. Объявив мне, что он наградил меня Золотым крестом, фюрер попросил подробно рассказать ему об аресте младшего Хорти и о налете на Гору. Когда по окончании моего рассказа он поднялся, встаю и я,

считая аудиенцию оконченной; но он меня удержал:

- Останьтесь, Скорцени. Я поручаю вам новую миссию - самую важную, возможно, в вашей жизни. Пока что лишь очень немногие знают, что мы в величайшей тайне подготавливаем операцию, в которой вам предстоит сыграть одну из первых ролей. В декабре вермахт начнет крупное наступление, исход которого станет решающим для судьбы нашей родины.

И фюрер принялся пространно излагать мне стратегический замысел этой последней крупной операции на западе, которую потом историки назовут наступлением в Арденнах. В течение последних месяцев немецкое командование вынуждено было довольствоваться лишь тем, что сдерживало вражеские армии и отбивало их натиск. Поражения следовали одно за другим, приходилось беспрестанно отходить как на Западе, так и на Востоке. Да и союзническая пропаганда считала Германию уже "трупом", погребение которого стало просто вопросом времени; слушая речи по англо-американскому радио, казалось, что союзники могли по своей воле выбирать день похорон.

- Они не видят, что Германия бьется за Европу, что она жертвует собой ради Европы, чтобы закрыть Азии путь на Запад, - горько восклицал Гитлер.

По его мнению, ни английский народ, ни американский уже больше не хотят этой войны. И, следовательно, если "немецкий труп" восстанет и нанесет на Западе мощный удар, то союзники, под давлением общественного мнения в их странах, разъяренного оттого, что его вводили в заблуждение, возможно, окажутся готовы заключить перемирие с этим мертвецом, который чувствует себя довольно сносно. И тогда мы сможем бросить все наши дивизии, все наши армии на Восток и за несколько месяцев покончить с этой жуткой угрозой, которая нависла над Европой. Ведь Германия уже почти тысячу лет охраняла ее от азиатских орд и теперь снова исполнит эту священную миссию.

Значит, уже несколько недель в генеральном штабе готовили крупное наступление. Нужно было перехватить инициативу, которая пока всецело принадлежала союзникам. Еще во время перехода англо-американских войск с нормандских пляжей к границам рейха Адольф Гитлер думал о мощном контрнаступлении. Но критическое положение всех наших армий тогда не позволяло осуществить этот замысел.

И вот уже три недели союзники больше не наступали. С одной стороны, их коммуникации невероятно вытянулись, а с другой - за четыре месяца непрерывных боев износилась техника их моторизованных армий. Благодаря этим двум причинам наш Западный фронт, бывший одно время близок к краху, вновь обрел

устойчивость.

По словам фюрера, союзники сумели осуществить высадку и выиграть битвы за Францию и Бельгию в основном благодаря их превосходству в воздухе. Но можно надеяться, что плохая погода, ожидающаяся в конце года, помешает действиям англо-американской авиации. К тому же люфтваффе может выставить 2000 новых реактивных истребителей, которые удерживались в резерве для этого наступления.

К тому же блицнаступление помешало бы формированию сильной французской армии. На данный момент союзники располагают примерно 70 соединениями, и это явно недостаточно для фронта длиной 700 километров. Следовательно, сильная концентрация немецких войск должна позволить осуществить прорыв в слабо защищенном месте еще до того, как союзники сумеют укрепить свой фронт новыми французскими дивизиями.

- Выбор такого места, - продолжал фюрер, - мы обсуждали многие недели. Один за другим изучили пять различных планов: наступление "Голландия", начинающееся из района Венло в направлении на запад к Антверпену; наступление с севера Люксембурга в направлении сначала на северо-запад, а затем на север, поддержанное вторым ударом из района к северу от Экс-ля-Шапеля, операцию двумя колоннами, одна из которых выходила бы из центра Люксембурга, а другая из Меца, и они бы встречались в Лонгбви; еще одна, также двумя колоннами, выходящими соответственно из Меца и Баккара, чтобы соединиться в Нанси; и наконец, операция "Эльзас" двумя ударами один из Эпиналя, а другой из Монбельяра с соединением в районе Везуля.

- Подолгу взвешивая все "за" и "против" каждого плана, мы отказались от трех последних. Операция "Голландия" представляется интересной, но она содержит в себе большой риск. Наконец мы решили выработать план наступления, начинающегося на севере Люксембурга и поддержанного вторым ударом из Экс-ля-Шапеля. Это, кстати, тот же самый район, где нам удалось совершить прорыв во время первой французской кампании в 1940 году!

- А вам с частями, находящимися под вашим началом, мы ставим в рамках этого наступления одну из самых важных задач. В качестве передового отряда вы должны будете захватить один или несколько мостов на Маасе между Льежем и Намюром. Эту миссию осуществите с помощью хитрости: ваши люди будут одеты в американскую и английскую форму. Во время нескольких диверсионных рейдов противник сумел с помощью этого приема нанести нам значительный урон. Например, несколько дней назад

во время взятия Экс-ля-Шапеля в наши порядки смог просочиться американский отряд, облаченный в немецкую форму. К тому же небольшие группы, переодетые таким образом, смогут подавать во вражеском тылу ложные приказы, создавать помехи для связи и вообще сеять смятение в союзнических рядах. Приготовления должны быть завершены к 1 декабря. Подробности обсудите с генералом Йодлем.

- Знаю, что этот срок ужасно мал, но я рассчитываю, что вы совершите невозможное. Разумеется, когда ваши солдаты пойдут в бой, вы и сами будете на фронте. И однако я запрещаю вам лично идти во вражеские порядки; мы не можем позволить себе вас потерять.

Несколько часов спустя меня принимал генерал Йодль и с помощью карты объяснял мне некоторые подробности операции. Наступление должно начаться из района между Экс-ля-Шапелем и Люксембургом в направлении Антверпена и таким образом отрезать 2-ю британскую армию и американские части, ведущие бои в районе Экса. В то же время Верховное главнокомандование предусматривает создать одну линию прикрытия к югу (Люксембург - Намюр - Лувэн) и другую к северу (Юпен - Льеж - Лонжерен - Хасселт и до канала Альберта).

При наилучших условиях примерно за семь дней войска выйдут к Антверпену. Окончательная цель операции - уничтожение вражеских войск к северу от линии Антверпен - Брюссель, а также в районе Бастони.

Совокупность частей, участвующих в наступлении, получает наименование группы армий "В" и вверяется под начало генерала Моделя. Эта группа армий включает 6-ю танковую армию (генерал войск СС Дитрих), 5-ю танковую армию (генерал фон Мантейфель) и 7-ю армию, расположенные в таком порядке с севера на юг. После короткой, но яростной артподготовки (мне тут же на ум пришли 6000 пушек, о которых говорил фюрер) армии должны будут совершить прорыв в нескольких местах, выбранных из тактических соображений.

- А вы, Скорцени, войдете в бой в районе, прикрываемом 6-й танковой армией. Вот разработка, которая вас особенно заинтересует: она показывает, какое положение создается - по крайней мере, я на это надеюсь - через двадцать четыре часа после начала наступления.

На карте, которую Йодль разложил перед нами, мы увидели, что Верховное главнокомандование рассчитывало к тому времени атаковать на линии Юпен Вервье - Льеж, а в центре надеялось уже к тому времени создать два плацдарма на другом берегу Мааса. В то же время оно предусматривало, что поведут яростные атаки

союзнические резервы против северного фланга нашего выступа.

Прежде чем меня отпустить, генерал Йодль попросил в кратчайший срок представить ему список личного состава и техники, которые мне понадобятся. Он также сообщил мне, что ОКВ направит во все части приказ предоставить в мое распоряжение офицеров и солдат, говорящих по-английски. Этот приказ потом явился великолепнейшим образцом "промашки" в отношении секретности предстоящих действий - промашки, допущенной высшими чинами немецкой армии.

Несколько дней спустя я получил копию этого приказа. Когда я его прочитал, то чуть не упал в обморок. Подписанный одной из самых больших "шишек" из штаба оперативного руководства вермахта, снабженный грифом "Секретно", этот шедевр заключал в себе примерно такие пассажи:

"Всем частям вермахта: определить до... октября 1944 года всех офицеров и солдат, говорящих по-английски, добровольно готовых к выполнению особого задания... Направить в Фриденталь, под Берлином, для включения в диверсионный отряд оберштурмбаннфюрера СС Скорцени".

Я испытал настоящий приступ ярости. Безусловно, союзнические секретные службы пронюхают об этом деле. Кстати, после войны я узнал, что меньше чем через неделю этот текст был уже в руках у американцев. Я так и не понял, почему они не сделали из него выводы и не приняли тогда мер предосторожности.

По моему мнению, операция таким образом оказалась обречена еще до ее рождения. Я немедленно направил в ОКВ решительный протест и в парламентских выражениях предложил отменить мое задание. Разумеется, мой рапорт двигался по команде от одного чина к другому. И вот мне ответил оберштурмбаннфюрер СС Фегеляйн, породненный, кстати, с Гитлером: дело, конечно невероятное и необъяснимое, но это только еще одна причина, чтобы не докладывать о нем фюреру. Следовательно, отменить невозможно.

Примерно в те же дни у меня произошел интересный разговор с полковником штаба генерала Винтера. Этот офицер объяснил мне юридическую сторону дела. По его словам, маленькие диверсионные отряды рискуют тем, что в случае поимки с ними будут обращаться как со шпионами и судить соответственно. Что же до основной части моих войск, то человеку, одетому во вражескую форму, международное право запрещает только применять свое оружие. Он мне дал такой совет: пусть мои солдаты под вражеской формой наденут свою немецкую; когда придет момент переходить собственно к

нападению, они снимут английскую и американскую форму. Разумеется, я последовал его рекомендации.

Я с легкостью получаю одобрение моего проекта формирования бригады вместе с обещанием, что ОКВ поддержит все мои запросы по материальной части. Я сразу же пользуюсь этим, чтобы попросить "одолжить" мне трех опытных командиров батальона, а также придать мне, в дополнение к добровольцам, еще и несколько однотипных частей вермахта, которые бы послужили основой для моей спешно создаваемой бригады. И тогда мне присылают троих очень способных подполковников, а немного позже - два батальона парашютистов люфтваффе, две танковые роты вермахта и роту связи. Эти части пополнят обе роты моих "особых частей" и мой батальон парашютистов.

Остается решить проблему с добровольцами, "говорящими по-английски". Когда, примерно через неделю после распространения - и это слово не слишком сильное - знаменитого "секретного приказа", в Фриденталь прибывают первые сто добровольцев, то на меня нападает ужасная тоска. Мне хочется послать все к дьяволу. "Преподаватели" пытаются распределить этих добровольцев на три категории согласно уровню их знаний английского. И вот категория № 1, включающая солдат, говорящих бегло и без акцента по-английски или, еще лучше, на американском сленге, никак не хочет разрастаться. Нам нужны в этой категории сотни людей, а мы в день едва находим одного или двух, которых можно туда зачислить.

Впрочем, я должен признаться, что и сам в английском не слишком силен. Какая жалость, что именно уроки английского я выбирал в школе, чтобы "бузить"! И однако теперь я пытаюсь наверстать упущенное и учусь вставлять время от времени хорошо закрученную фразу. И вот однажды знакомлюсь с молодым офицером-авиатором, который хочет быть зачисленным в категорию № 1. Я совершенно естественно задаю ему вопрос;

- Give me your story about your last duty, please (Расскажите мне, пожалуйста, о вашей службе в последней должности).

Бедный парень смущается, колеблется, а затем бросается напролом:

- Yes, Herr Obestleutnant, I became my last order before five months,* - затем новые колебания, и вот он поспешно добавляет по-немецки: Если позволите, я объясню вам это на своем родном языке...

Ну вот! И такими придется довольствоваться! Нельзя же слать к черту добровольца, который явно исполнен энтузиазма. Но такими подвигами, безусловно, не обманешь никакого американца, даже глухого!

Когда по истечении двух недель отбор добровольцев завершился, то результат оказался ужасным: в первой категории набралась всего-навсего дюжина людей, в основном бывших моряков, которые, впрочем, составляют и большую часть второй категории. Эта вторая, состоящая из людей, которые говорят более или менее бегло, насчитывает 30-40 человек. Третья категория - солдаты, которые могут "объясниться" на английском, уже более многочисленна - примерно 150 человек. Категория № 4 состоит из парней, которые не до конца забыли то, чему их учили в школе, - их примерно 200. Остальные же знают только, как сказать "да" и "нет". Поэтому я вынужден создавать бригаду глухонемых, ибо, зачислив 120 лучших "лингвистов" в роту управления, я исчерпал их запас. Итак, нам придется присоединиться к обратившимся в бегство американским колоннам и при этом не разжимать зубов, как если бы глобальная катастрофа лишила нас дара речи. Чтобы хотя бы немного выправить эту плачевную ситуацию, мы посылаем людей из второй категории в школу переводчиков и в лагерь американских военнопленных. Но поскольку эти "курсы" длятся всего лишь неделю, то польза от них минимальна.

Что же до основной части моих солдат - людей, которые по-английски не понимают ни единого слова, - то мы им просто вдалбливаем в голову несколько крепких ругательств джи-ай, вместе со значениями "Yes, no, О. К.". В дополнение к этому в течение всего дня мы им повторяем основные команды, используемые в американской армии. Вот и все, чем мы можем замаскировать нашу бригаду с точки зрения лингвистики.

Но все это - еще ничего. Положение с нашим оснащением куда более катастрофично. Мы очень скоро понимаем, что никогда не получим американских танков в достаточном количестве. Наконец в день наступления мы становимся счастливыми обладателями двух танков "шерман". Вы не ослышались - двух танков, один из которых к тому же откажет, едва пройдя несколько километров.

Чтобы заменить недостающие американские танки, инспекция танковых войск выделяет нам двенадцать немецких "пантер". Мы их маскируем, как можем, устанавливая вокруг пушек и башен листы железа, чтобы по крайней мере силуэтом они напоминали "шерман". Результат совершенно неудовлетворительный: наши танки не обманут никого, за исключением, может быть, совсем юных новобранцев, да и то лишь издали и в сумерках.

Впрочем, нам присылают десять американских и английских броневиков. Мы ломаем себе голову, как использовать

английские, - и это проблема неразрешимая, поскольку мы будем сражаться на участке, удерживаемом американцами. В конце концов сами английские машины освобождают нас от этой заботы - с первых же испытаний они безнадежно ломаются. У нас остаются четыре американские машины, и это вынуждает довершить наше оснащение германскими броневиками.

Технические службы присылают нам также штук тридцать джипов. Я же уверен, что наши войска на Западном фронте обладают значительным количеством этих машин. К несчастью, "владельцы" этих вездеходов испытывают непреодолимое отвращение к мысли о том, чтобы с ними расстаться. Поэтому они просто игнорируют приказ сдать машины. В конце концов мы утешаемся мыслью, что сумеем их себе найти на фронте в день наступления. Это та же неясная и обманчивая надежда, что повлияла и на решения нашего Верховного главнокомандования при разработке этого наступления: наверху посчитали, что противник вынужден будет оставить огромные запасы бензина. Опасная иллюзия, которая оказалась роковой!

Что же до грузовиков, то нам дают пятнадцать американских машин и германские "форды", которые мы приказываем перекрасить в зеленый цвет. А в отношении вооружения дело обстоит совсем плохо. У нас ровно пятьдесят процентов необходимых нам американских винтовок, плюс несколько противотанковых орудий и гранатометов, для которых у нас, однако, нет боеприпасов. Однажды мы все-таки получаем несколько вагонов американских боеприпасов, но на следующий день они взрываются. За исключением роты управления все части получат, таким образом, немецкое оружие.

Но все это были цветочки, а ягодки начались, когда дело дошло до военной формы. Между тем это важнейший пункт, непременное условие, ибо неуставная форма сразу же привлечет внимание военной полиции. Однажды нам присылают огромное количество одежды, прямо кучей - но, увы, эта форма английская. Затем нам привозят вагон шинелей - а это нас совсем не интересует, потому что американские солдаты носят исключительно полевые куртки. Наконец мы заполучаем все-таки эти самые куртки - но их украшает треугольник военнопленного! Для меня, командира бригады, и то удается раздобыть только один пуловер американской армии. Пуловер, и ничего более! Наконец после долгих ухищрений нам все-таки удается одеть наших людей более или менее подходящим образом, и в особенности роту управления. То, чего все-таки еще не хватает, мы добудем во время нашего продвижения благодаря складам одежды, которые бегущий противник пожелает нам оставить.

Пока мы бьемся с этими трудностями, подполковник Хардик начал подготовку людей. Чтобы сохранить секретность, наше учебное поле было объявлено запретной зоной, где даже приостановили почтовую службу. Разумеется, по нашим частям гуляют самые невероятные слухи насчет цели этих таинственных приготовлений. Солдаты знают, что командование бригадой приму я, и ожидают поэтому операцию, подобную освобождению Муссолини. Короче, оберштурмбаннфюреру СС Хардику больше не удается сдерживать всеобщее любопытство, даже несмотря на все более и более строгие меры, предпринимаемые, чтобы пресечь эти одуряющие слухи. Вскоре в расположении об этом уже настолько неприкрыто болтают, что он начинает опасаться за секретность нашей операции. И тогда он приходит сообщить мне о таком положении дел.

Выслушивая в своей комнате в Фридентале все невероятные басни, какие разносят мои люди, я чувствую, как на моем бедном черепе волосы встают дыбом. Во всяком случае фантазии у этих молодцов хватает! Одни знают из надежного источника, что наша бригада пройдет по всей Франции, чтобы освободить гарнизон, осажденный в Бресте. Другие утверждают, что предстоит снять осаду с защитников Лорьяна. Они видели - своими собственными глазами - планы, которые должны позволить нам проникнуть в эту крепость. Есть еще добрая дюжина других версий, и это, в общем-то, нас бы вовсе не беспокоило, если бы не приходилось опасаться, как бы союзническая контрразведка не заинтересовалась слишком сильно нашими приготовлениями. Как пресечь эту эпидемию сплетен? По нашему мнению, самый простой способ будет и самым эффективным: отныне мы не станем опровергать ни один из этих слухов, притворяясь раздраженными оттого, что наши люди столько знают. Так, думаем мы, удастся посеять смятение в душах союзнических секретных служб.

Идет время - причем страшно быстро, - и мы форсируем подготовку наших людей. В основном повторяем несколько вариантов на общую тему: плацдарм. В несколько другой области подготовки мы пытаемся освободить наших людей от жесткой выправки, происходящей от немецкой военной школы с ее чрезмерной и бесполезной дисциплиной. Наконец мы приучаем их даже пользоваться жевательной резинкой и открывать пачки сигарет истинно американским манером.

Во всяком случае единственной полностью замаскированной нашей частью оказывается рота управления. Поэтому мы решаем насколько возможно беречь входящих в нее людей. Впрочем, мы даже не в состоянии заранее поставить им точные задачи. Наши

указания должны оставлять солдату самые широкие возможности проявлять инициативу. В качестве передовых фронтовых наблюдателей они сослужат неоценимую службу основной части наших армий. Они должны также будут постараться усугубить смятение, которое воцарится во вражеских рядах, и для этого станут распространять ложные сообщения, преувеличивая начальные успехи германских дивизий, будут менять места указательных столбов, давать фантастические приказы, обрывать линии связи и уничтожать резервы боеприпасов.

Однажды, когда я только что закончил проверку своих войск, один из офицеров этой роты попросил меня о беседе наедине. С очень озабоченным видом он заявил:

- Господин штандартенфюрер, теперь я знаю цель операции, которую мы готовим.

На какое-то мгновение он меня озадачил. Неужели Фолькерсам или Хардик - единственные посвященные в тайну - проявили невольную несдержанность? Но вот уже офицер, явно довольный эффектом, который произвели его первые слова, шепотом продолжал:

- Бригада пойдет на Париж, чтобы захватить союзнический штаб.

Для меня это было уже слишком; мне пришлось сдерживать себя, чтобы не рассмеяться. Я довольствовался неким "хм, хм", которое мало к чему обязывает. Этого хватило, чтобы он с воодушевлением продолжил:

- Учитывая, что я знаю Париж как свои пять пальцев, я бы хотел позволить себе, господин штандартенфюрер, предложить вам свою помощь. Разумеется, я буду держать язык за зубами.

Когда я спросил, какие у него предложения, он изложил мне подробный план. Составить колонну из ложных военнопленных, сопровождаемых солдатами, говорящими в совершенстве по-английски, и она пройдет прямо до Парижа. Можно даже взять с собой германские танки под видом трофеев, которые якобы будут представлены союзническому штабу главного командования.

Мне с трудом удалось остановить этот словесный поток. В конце концов я его выпроводил, приглашая проработать свой план во всех подробностях и затем снова прийти ко мне, а в дальнейшем помалкивать. Много позже я узнал, что он не прислушался к моему последнему указанию. А именно - не одну неделю союзническая контрразведка держала под наблюдением Кафе-де-ля-Пэ, которое я "имел неосторожность" упомянуть в нашем разговоре.

Примерно в середине ноября Верховное главнокомандование отодвинуло дату наступления, назначенного сначала на 1

декабря, затем на 10-е, а потом на 16 декабря. Подготовка наступательного боевого порядка не была завершена, оснащение дивизий было неполное. Эти последовательные задержки указывали, что в битву должны быть брошены буквально последние резервы людей и техники.

Этот же вывод следовал из ежедневных совещаний в ставке фюрера, куда меня вызывали три раза. И всякий раз я слышал, что у такой-то дивизии нет танков, у другой - пушек, у третьей - грузовиков. Я хорошо представлял, что генерал-полковник Гудериан, командующий танковой армией на Восточном фронте, горько сожалеет о каждом танке, о каждом батальоне, которые у него берут, чтобы перебросить на запад. В общем, наши возможности теперь напоминали простыню, слишком маленькую для кровати, которую она должна покрыть. Когда хочешь прикрыть ноги, то есть запад, приходится высовывать голову, то есть восток.

Однажды донесение люфтваффе показало, что даже величайшее мужество наших летчиков не могло уравновесить численное превосходство противника. Внезапно я услышал, как произносят цифру: "В Арденнском наступлении будут участвовать 250 реактивных истребителей". Я не поверил своим ушам. Неужели это все, что осталось от цифры в 2000, которую сам фюрер объявил мне 22 октября? Но Гитлер даже и не слушает такие сообщения. Он явно уже смирился с нашим поражением в воздухе.

В конце совещания фюрер еще раз напомнил мне свой приказ не пересекать вражеские линии самому. Мне придется довольствоваться тем, что буду управлять своими отрядами по радио. Этот запрет, высказанный безоговорочным тоном, меня ужасно огорчил, потому что я думал, что фюрер об этом больше не вспомнит. Неужели мне придется оставаться в тылу, когда мои товарищи поведут эту безнадежную битву? В первый раз такое! Про себя я решил сообщить об этом приказе своим комбатам - что мне не будет слишком приятно, - добавив все-таки, что присоединюсь к ним, если положение станет критическим. Во всяком случае я не стану отсиживаться в штабных кабинетах; найду себе место поближе к фронту.

Так или иначе, похоже, до настоящего времени наши приготовления полностью ускользнули от наблюдения союзников. Вражеский фронт остается спокойным и совсем не получает подкреплений. Видно, американцы готовятся к продолжительному отдыху. Не думаю, что они смогут наслаждаться им долго.

В ночь с 13 на 14 декабря мы занимаем наши исходные

позиции. 14 декабря я официально принимаю командование танковой бригадой. В избушке лесника даю последние указания своим комбатам. Прежде всего, нужно поддерживать постоянную связь. Затем настаиваю, чтобы не стреляли ни при каких условиях. Малейший выстрел может погубить всю операцию. Наши группы должны продвигаться, продвигаться и не позволять никому сбить себя с пути. На месте надо будет посмотреть, как овладеть мостами. В любом случае мы не можем позволить втянуть себя в настоящее сражение: для этого мы слишком слабы. Впрочем, наш замысел осуществим только при двух условиях: надо, чтобы фронтовые порядки противника рухнули, а мы уже в первый день смогли проникнуть далеко в глубь вражеских линий.

Ночью с 15 на 16 декабря никто не спит. Мы рассчитываем выступить через несколько часов после начала наступления. Три мои группы радистов расположились на опушке леса. Они уже передали первые сообщения от моих трех отрядов: те заняли позиции позади бронетанковых частей. По моему сигналу они облачатся в союзническую форму и бросятся через брешь в линиях противника в глубь его территории. Теперь мы все ждем в почти невыносимом нервном напряжении. Медленно, очень медленно занимается заря 16 декабря 1944 года.

Вдруг одновременно просыпаются тысячи пушек, они выплевывают на вражеские позиции целый шквал снарядов. Вскоре огневой вал перемещается вперед, дальность стрельбы увеличивается, немецкая пехота готовится идти в атаку. Не в силах усидеть на месте, я отправляюсь в штаб нашего корпуса.

Примерно в семь часов поступают первые донесения. Их нельзя назвать особенно блестящими, но день еще далеко не закончился. Судя по всему, огонь нашей артиллерии, пусть и яростный, не ослабил американские позиции близ Лоосхайма. Враг сопротивляется с исключительным упорством, наша атака захлебывается. Мы ждем, стиснув зубы. В полдень нам сообщают об ожесточенных боях, некоторых продвижениях вперед - но это, конечно, не тот прорыв, на который мы рассчитывали.

Я удивляюсь, почему командование до сих пор не пускает в ход танки. Они продвинулись на несколько километров - ровно на глубину нашего проникновения - так что теперь занимают исходные позиции пехоты. Мои боевые группы по-прежнему стоят позади них.

Немного позднее мое радио сообщает о гибели Хардика. Фон Фолькерсам берет на себя командование его батальоном.

В течение дня 16 декабря 6-й танковой армии так и не удается достичь решающего успеха. Вскоре, пополудни, все понимают, что если пытаться еще осуществить большой прорыв,

то надо вводить в бой танки. Чтобы получить общую картину, я пытаюсь сгонять на автомобиле в Лоосхайм. На дорогах невообразимые пробки из самых разных машин. Чтобы добраться до этого городка, мне приходится все время слезать, кричать, ругаться, толкать, отдавать приказания шоферам зажатых грузовиков, так что по крайней мере 10 километров я иду пешком. В городе отчетливо слышен шум сражения. В лесу, окружающем город, безуспешно пытаются продвинуться парашютисты, пошедшие в атаку утром; немного дальше к югу, однако, положение выглядит более благоприятным. На этом участке, похоже, мы осуществили достаточно серьезное продвижение.

В Лоосхайме я встречаю часть своей роты управления - то есть тех людей, которых я оставил в своем распоряжении. И теперь, немедленно, мне приходится принять крайне важное решение: судя по всему, сегодня наши войска не выйдут на те рубежи, которые они должны были захватить в эти первые сутки наступления. По логике, я должен бы был просто отменить операцию "Дракон", акцию, которая для меня так важна и которую мы с таким трудом подготовили. Я никогда не принадлежал к тем людям, кто легко отказывается от задуманного. Впрочем, у меня остается одна надежда: если этой ночью наши танки пойдут в атаку, наступление еще может удаться. Так что я подожду еще 24 часа. Если завтра мы пройдем гребень Верхнего Фенна, то у наших армий появится реальная возможность достичь Мааса, и тогда предварительный захват мостов моими частями может решить судьбу сражения.

Из самых "горячих голов" роты управления я составляю три группы, которые займутся дезорганизацией вражеских тылов. Даю им приказание отыскать дальше к югу возможность просочиться за союзнические линии, чтобы по мере возможного выполнять различные задания. Я прошу их прежде всего обследовать те три дороги, по которым, если все пойдет хорошо, проследуют мои три отряда.

Затем я возвращаюсь в штаб корпуса. Около полуночи танки идут в атаку. Первые вести об их продвижении приходят к нам на рассвете. Совершенно изнуренный - я не спал уже 36 часов - бросаюсь на матрас и погружаюсь в глубокий сон.

Немного позднее меня будят, чтобы сообщить о возвращении первой группы. Новости, которые она принесла, интересны в основном для Верховного главнокомандования. Около пяти утра штаб получает первое сообщение от танков: "Только что заняли при сильном сопротивлении противника деревню Хонсфельд". Возможно, думаем мы, наступление наконец-то тронется с места.

Вскоре и другая танковая группа, ведущая бои дальше к югу, тоже сообщает о значительном продвижении вперед.

Утром мой штаб должен переместиться к западу в район Мандерфельда. Я решаю отправиться туда в разведку. Пробки на дорогах еще более глухие, чем вчера. Беспрерывная цепочка машин продвигается маленькими скачками... пятьдесят метров... сто метров... еще пятьдесят. Вскоре я теряю терпение, поворачиваю обратно и пытаюсь проехать по разбитым, едва проходимым дорогам. Но едва я добираюсь до деревни, как снова попадаю в этот хаос. Я смиряюсь, оставляю машину и продолжаю путь пешком. Иногда мне удается, благодаря неустанному терпению, распутать какую-нибудь кучу застрявших грузовиков. Всякий раз, когда я вижу офицера, развалившегося на мягком сиденье своей машины, приказываю ему выйти и попытаться регулировать это невероятное движение.

На одном горном подъеме дорогу полностью перегородил огромный прицеп люфтваффе, зацепивший несколько машин. Человек тридцать безуспешно пытаются высвободить эту платформу на колесах. Когда я спрашиваю о ее грузе, то с удивлением узнаю, что это запасные части к "Фау-1". Вероятно, их заслали так далеко вперед в надежде, что уже в первый день наш фронт значительно продвинется к западу; теперь этот приказ уже не имеет смысла, но какой-то дурак забыл его отменить.

Видя, что этот проклятый прицеп никак не хочет принять свое нормальное положение, я собираю всех людей из застрявших грузовиков. Вскоре платформу разгружают уже сотни рук; затем мы ее переворачиваем, и она плюхается в озеро, расположенное у дороги. В пятнадцать минут дорога освобождена.

Вечером в Мандерсфельде я присутствую на настоящем военном совете. Северная группа наших танков сумела продвинуться только ценой жестоких боев. Теперь эти танки ведут сражение на подступах к Ставло, упорно защищаемому американцами. Конечно, новости с других участков более благоприятны, но еще далеко не хороши. Безусловно, это неожиданное наступление застало противника врасплох, но он цепляется за местность, хотя мы надеялись, что он будет откатываться без боя; что же до поспешного бегства, которое одно и могло позволить операции "Дракон" достичь весомого успеха, то об этом не идет и речи. Мы и думать не можем, чтобы назавтра достичь Мааса, и даже на послезавтра надежды мало. В сражение уже решительно вступают мощные вражеские подкрепления.

В этих условиях я вынужден смириться и отказаться от нашей операции: всякая импровизация будет лишь чистым безумием. Конечно, я принимаю это решение с тяжелым сердцем; но после

долгого размышления я вижу, что не имею права поступать иначе. Об этом я сообщаю в штаб 6-й армии, который дает мне добро. С другой стороны, я предупреждаю свои боевые отряды, приказывая им расположиться лагерем на месте и ждать моих указаний. Наконец, я вверяю свою бригаду в распоряжение 1-го танкового корпуса войск СС - раз уж мы здесь, то лучше принести хоть какую-то пользу, - и прошу, чтобы нам поставили пехотную задачу, соответствующую нашим возможностям.

Между тем с 18 декабря продвижение группы, в которую мы входим, резко останавливается. В Труапоне, который группа захватывает с 11 утра, мосты взорваны. Пополудни наши войска овладевают еще Ля-Глез и Стомоном. Но уже во всех сообщениях, приходящих с переднего края, содержатся запросы боеприпасов и горючего. Пока не будет того и другого, войска останутся на месте. И несмотря на все наши усилия грузовики, посланные нам на помощь, до нас не доходят. Теперь о продвижении вперед и помышлять уже не стоит.

На следующий день появляется новая забота. Почти весь северный фланг выступа, созданного нашим наступлением, оказывается, открыт. Там Мальмеди, важное пересечение дорог, и именно через него враг сможет перебросить подкрепления к югу и попытаться отрезать нас от исходных рубежей. Меня спрашивают, не хочу ли я заткнуть эту дыру, атаковав город; как только Мальмеди будет в наших руках, то вражеского удара можно будет не опасаться.

Разумеется, я отвечаю согласием и даю своим трем боевым отрядам приказ собраться в течение дня 20 декабря вокруг деревни Энгельсдорф. Там я представляюсь в штабе первой бронетанковой дивизии СС и хочу выяснить, возможна ли немедленная атака.

Поскольку мы не располагаем ни единым артиллерийским орудием, то решаем напасть на Мальмеди с двух сторон сразу на рассвете 21 декабря. Нашей целью станет цепь холмов к северу от города, где мы и зароемся, чтобы отразить возможные контратаки. На данный момент обе дороги, которые подходят к деревне с севера, защищаются двумя отделениями по девять человек в каждом - по-моему, весьма шаткое прикрытие.

20 декабря разведывательный отряд, посланный мною в Мальмеди, сообщает, что город удерживается, по всей видимости, лишь очень незначительными силами противника. Начальник этого отряда, старый капитан военно-морского флота, докладывает мне с откровенностью столь же похвальной, сколь и озадачивающей. Он совсем и не собирался переходить линию фронта, но... заблудился. Внезапно, когда он меньше всего этого

ожидал, очутился у самой окраины городка. Несколько прохожих спросили у него, придут ли немцы. Поняв, что он попал в Мальмеди, все еще занятый американцами, он повернул обратно и поспешил вернуться в Энгельсдорф.

- В общем, нам чертовски повезло, - заключает он, пытаясь изобразить улыбку.

Из этого приключения я делаю вывод, что город почти не защищен. Возможно, нам удастся его захватить даже без артподготовки. Во всяком случае, у меня осталось десять танков - все остальные сломались.

Между тем я получаю известия от групп, посланных за линию фронта, чтобы дезорганизовать вражеские тылы. Из девяти групп, получивших такой приказ, только шесть или, самое большее, восемь сумели по-настоящему пересечь линию огня. Даже сегодня я не могу назвать точную цифру. Впрочем, я хорошо понимаю, что многие из этих молодых солдат побоялись признаться, что им изменило мужество, когда пришлось просачиваться в боевые порядки противника. С другой стороны, я знаю, что два из этих отрядов были взяты в плен. Четыре других впоследствии представили мне такие ясные и точные донесения, что подвергать сомнению их нельзя. Ради любопытства я бы хотел коротко пересказать некоторые из этих эпизодов.

Одной из моих групп удалось уже в первый день наступления пройти сквозь брешь, открытую в союзнических линиях, и продвинуться до Юи, что вблизи берегов Мааса. Там она спокойно устроилась на пересечении дорог, чтобы наблюдать за движением вражеских войск, Командир группы, бегло говоривший по-английски, даже дошел в своей смелости до того, что прогуливался по окрестностям, чтобы "ознакомиться с ситуацией".

Несколько часов спустя они увидели, как прибыл бронетанковый полк, и командир его спросил у них дорогу. Не моргнув глазом, наш командир дал ему совершенно завиральный ответ. А именно, заявил, что эти "немецкие свиньи" только что перерезали несколько дорог. Он сам получил приказ сделать со своей колонной большой крюк. Очень радостные, что их предупредили вовремя, американские танкисты и в самом деле направились по пути, который указал им наш человек.

Возвращаясь обратно, этот отряд перерезал несколько телефонных линий и снял таблички, развешенные американской интендантской службой. Двадцать четыре часа спустя он вернулся в наши порядки, принеся интересные наблюдения о сумятице, которая в начале наступления царила позади линии фронта у американцев.

Другой из этих маленьких отрядов также перешел за линию фронта и продвинулся до самого Мааса. Согласно его наблюдениям, союзники, можно сказать, ничего не сделали для того, чтобы защитить мосты в этом районе. На обратном пути отряд перегородил три шоссе, ведущие к переднему краю, развесив на деревьях цветные ленты, которые в американской армии означают, что дорога заминирована. Впоследствии мы увидели, что союзнические колонны подкрепления и в самом деле избегали этих дорог, предпочитая делать большой крюк.

Третья группа обнаружила склад боеприпасов. Наши люди спрятались до наступления темноты, а затем взорвали этот склад. Немного позднее они нашли телефонный кабель-коллектор, который сумели перерезать в трех местах.

Но самая замечательная история приключилась еще с одним отрядом, который уже 16 декабря внезапно оказался перед американскими позициями. Две роты джи-ай устроились там будто на долгую осаду, построили баррикады и установили пулеметы. Наши люди, должно быть, здорово перепугались, особенно когда один американский офицер спросил у них, что известно из последних вестей с фронта.

Взяв себя в руки, командир отряда, одетый в прекрасную форму американского сержанта, рассказал капитану-янки весьма занятную историю. Вероятно, испуг, который читался на лицах наших солдат, американцы приписали последней стычке с "проклятыми немцами". Ибо, по словам командира отряда, немцы уже обошли эту позицию как справа, так и слева, так что она была практически окружена. Пораженный американский капитан немедленно дал приказ об отступлении.

В общем, учитывая обстоятельства, успех этих отрядов далеко превзошел мои надежды. Кстати, несколько дней спустя американское радио в Кале говорило о раскрытии огромной сети шпионажа и диверсий в тылу у союзников и эта сеть подчинялась оберштурмбаннфюреру Скорцени, "похитителю" Муссолини. Американцы даже объявили, что захватили более 250 человек из моей бригады - цифра явно преувеличенная. Позже я узнаю, что союзническая контрразведка, пылая воодушевлением, даже арестовала некоторое количество настоящих, ни в чем не повинных американских солдат и офицеров.

КОНЕЦ

30 января приказ за подписью Гиммлера кладет конец моей карьере командира диверсионного отряда. На меня возлагается задача сформировать из моих "особых частей" плацдарм на восточном берегу Одера, близ Шведта, и удержаться там во что бы то ни стало, чтобы позволить подготовить последующее

наступление, которое начнется с этого плацдарма.

После невероятных сложностей мне удается набрать достаточное количество частей, впрочем весьма разношерстных, чтобы твердо занять назначенные позиции. Удается также установить минимум артиллерии и в особенности несколько поднять боевой дух солдат. Это разгром - верный, непоправимый, неизбежный. Разумеется, о наступлении даже не пойдет и речи. Став командиром дивизии, я тщетно пытаюсь ограниченными, но беспрестанными ударами помешать развертыванию боевых порядков советских армий, которые готовятся нанести нам последний удар. Вскоре плацдарм оказывается всего лишь островком в бурном потоке миллионов беженцев и тысяч беглецов в военной форме. Но мы пока держимся, во всяком случае до 28 февраля, когда приказ фюрера вызывает меня в Берлин. С болью в сердце я прощаюсь со своими "особыми частями", которые я уже больше никогда не увижу.

В последующие месяцы обвал военного сопротивления Германии только нарастает. Не буду здесь останавливаться на сумятице, упадке духа, ужасных сценах, которые происходят повсюду, - это болезненные воспоминания, которые я совсем не хочу ворошить. 10 апреля 1945 года я оказываюсь в Австрии, в почти окруженной Вене. В то утро немецкое радио объявляет:

- "Берлин останется нашим, Вена будет освобождена!"

Несколько минут спустя на площадь в центре Берлина упадет первый русский снаряд. В Вене я хорошо вижу, что все потеряно. Мой родной город уже оккупирован советскими солдатами, за исключением нескольких районов, которые держатся еще чудом.

30 апреля - в этот день я ухожу с небольшим отрядом с сторону Альп - к нам приходит известие о смерти Адольфа Гитлера. Решительно, это конец.

6 мая гросс-адмирал Дёниц, глава нового немецкого правительства, объявляет о прекращении военных действий. Начиная с этого дня, всякие передвижения войск запрещены. Но я уже принял решение укрыться вместе с людьми и с офицерами, которые у меня еще остаются, в Альпах, в районе Тауэрна. Разумеется, пресловутый "баварский опорный район", последняя крепость для последних приверженцев, не существует, впрочем, он никогда и не существовал, кроме как на бумаге.

И вот мы - Радль, Хунке, три солдата и я - устроились в небольшой избушке над Радштаттской долиной. Мы знаем, что это местечко только что занято американской частью. Поскольку я полагаю, что американская секретная служба меня разыскивает, то предупреждаю этих военных письмом, что через несколько дней сдамся. Пока же мне хотелось бы насладиться глубоким

покоем, который царит в этой местности. Ответа нет...

Но не могу же я до бесконечности сидеть в этой хижине! Снова посылаю письмо в американскую часть с просьбой, чтобы они согласились 15 мая предоставить в мое распоряжение машину, на которой я смог бы поехать в Зальцбург. Мы намереваемся явиться в штаб американской дивизии, расквартированной в этом городе, и сдаться в плен.

Пополудни 15 мая мы прибываем в Зальцбург. Сначала никому до нас нет дела. Поскольку мы настаиваем, то нас перевозят в соседний городишко, где нашу сдачу соглашается принять командир батальона. Переводчик прежде всего требует мой револьвер. Затем мне приходится вывернуть карманы, меня обыскивают...

Теперь уже война и в самом деле для нас закончилась. Я считаю, что, подобно многим другим, честно выполнил свой долг; мои люди вели жестокие бои на всех фронтах - и все это, чтобы испытать разгром. Теперь будь что будет - я всего лишь пленный.

ЮЛИУС МАДЕР

ПО СЛЕДАМ ЧЕЛОВЕКА

СО ШРАМами

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РАССКАЗ

О БЫВШЕМ НАЧАЛЬНИКЕ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ СС ОТТО СКОРЦЕНИ

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ РОЗЫСК

ПРЕСТУПНИКА.

Аресту подлежит

Отто СКОРЦЕНИ,

скрывающийся под фамилиями:

Мюллер (1938 г., Вена),

Доктор Вольф (сентябрь - октябрь 1944 г., Германия и Венгрия),

Золяр (ноябрь - декабрь 1944 г., Германия и Бельгия),

Мистер Эйбл (1947 г., "Исторический отдел" американской секретной службы, город Нёйштадт-на-Лане),

Рольф Штайнер (1950 г., Гамбург),

Пабло Лерно (1951 г., Швейцария, Италия, Франция),

Антонио Скорба (1954-1955 гг., Австрия),

Роберт Штайнбауэр (с 1951 г., Испания);

член нацистской партии с 1932 года (членский билет № 1083671),

член СС с 1934 года (эсэсовский номер 29579),

сотрудник Службы безопасности (СД),

бывший военнопленный американской армии,

военный преступник, разыскиваемый для предания суду

согласно спискам военных преступников, представленным Чехословацкой Республикой, а также Комиссией Объединенных Наций по расследованию военных преступлений.

26 июля 1948 года совершил побег из лагеря для интернированных крупных нацистских преступников в городе Дармштадте.

ПРИМЕТЫ

Возраст: 55 лет (родился 12 июня 1908 г. в Вене).

Рост: 196 см.

Телосложение: крупное, атлетическое; выправка спортивная, походка непринужденная.

Плечи: очень широкие, покатые.

Особенности лица: прямоугольное, лоб высокий, с тремя глубокими горизонтальными морщинами; на левой щеке и подбородке - шрамы.

Цвет лица: сильный загар.

Волосы: темно-русые, подстрижены ежиком, над лбом выдаются вперед, на висках торчат щеткообразно.

Усы: временами носит в виде "мушки".

Глаза: серо-зеленые.

Нос: средней ширины; ноздри прямые, с горизонтальным основанием.

Уши: овальные, мочки висячие.

Подбородок: выдвинут вперед.

Зубы: передние вполне сохранились.

Рот: узкий, отчетливо виден шрам, идущий от левого уха к подбородку.

Речь: отрывистая; говорит по-немецки отлично, по-английски и по-испански - с немецким акцентом.

ПОДЛЕЖИТ АРЕСТУ ЗА:

соучастие в подделке и распространении фальшивых денежных знаков, изготовление подложных документов, свидетельств и паспортов,

разбой и грабежи,

вымогательство,

членство в преступных организациях,

государственную измену (1938 г., Австрия),

организацию тайных союзов, военные преступления и преступления против человечности (истязание и убийство гражданских лиц, а также ограбления).

ПРИ АРЕСТЕ СОБЛЮДАТЬ

ОСОБУЮ ОСТОРОЖНОСТЬ!

ПРЕСТУПНИК ВООРУЖЕН!

222

Так выглядел бы в 1963 году, когда написана эта книга, приказ об аресте Отто Скорцени - бывшего начальника военного отдела секретной службы СС, с 1943 года специального агента Гитлера. В 1948 году Скорцени при таинственных обстоятельствах скрылся из Западной Германии, избежав наказания за свои преступления и взяв затем в свои руки нити подпольной армии фашистских убийц и диверсантов в государствах нескольких континентов.

Юлиус Мадер - автор книг "Серая рука" и "Убийцы в засаде" - шел по следам Скорцени и в этом документальном рассказе раскрывает одно за другим его преступления.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ 1964 года

"Будь Гитлер жив, я был бы рядом с ним!" - эти слова заставляют насторожиться. Они прозвучали 31 августа 1960 года в ирландском городке Далкей, на собрании так называемого

Общества историков. Их произнес закоренелый фашист - человек с лицом, исполосованным шрамами. Имя этого бандита и убийцы, нацистского диверсанта № 1, избранника и любимца Гитлера - Отто Скорцени. И хотя он на сей раз и не думал скрываться под вымышленным именем - а их у него немало, - его никто не задержал.

Несколько лет я следовал по пятам этого политического гангстера, всегда готового на любое преступление. Он менял имена, пристанища, страны, появлялся то на одном континенте, то на другом, потом быстро исчезал, повсюду окружая себя завесой конспирации. Но тщетно пытался он замести свои следы!

В самом начале я обнаружил их в документах нацистских времен. Они повели меня дальше. Я побывал там, где когда-то находилась главная резиденция человека со шрамами, - в охотничьем замке Фриденталь (близ Заксенхаузена), в тех местах, где он совершал свои преступления, - в Плоштине (ЧССР) и в районе Шведта (ГДР). Тщательные поиски пополнили мои материалы новыми данными. Я разыскал свидетелей его преступлений, опросил людей - чудом уцелевших жертв его зверств. Собрать материал о Скорцени мне помогли антифашисты Южной Америки, Израиля, Испании, Австрии, Италии, Западной Германии и Ирландии, а также государственные органы Чехословакии и ГДР.

Преступный путь привел Скорцени от гиммлеровского центра шпионажа и диверсий в руководящий центр существующей ныне международной "пятой колонны" фашизма. Да, это именно так: бывший гитлеровский террорист уже давно задает в ней тон. Кто же его ближайшие сообщники? Вот их имена: Леон Дегрелль - бельгийский фашист и оберштурмбаннфюрер СС, приговоренный бельгийским судом в 1944 году к смертной казни за государственную измену и зверства; Хориа Сима - агент гиммлеровской Службы безопасности и главарь банд "Железной гвардии", сбежавший в 1944 году от гнева румынского народа под защиту Гитлера; экс-полковник князь Боргезе - бывший начальник итальянских диверсантов, фашистский военный преступник; Яльмар Шахт - "свой человек" германских монополий, финансировавших приход Гитлера к власти и его разбойничью войну; оасовский генерал-террорист Рауль Салан, который должен был поплатиться за свои преступления головой, однако французский суд приговорил его лишь к пожизненному заключению; босс английских фашистов Освальд Мосли, именующий себя "сэром"; его шведский коллега Пер Энгдаль, а также до недавнего времени Анте Павелич - кровавый палач хорватского народа.

Человек со шрамами принадлежал к высшей эсэсовской касте. Когда гитлеровский рейх рухнул, он со своим заранее сколоченным диверсионным аппаратом, прихватив припрятанные богатства, перешел в тщательно законспирированное подполье.

Надежно укрывшись, Скорцени стал прилагать все усилия к сохранению и возрождению эсэсовских банд, которые осуществляли истребление многих европейских народов. Эсэсовское войско, насчитывавшее после военного разгрома гитлеровского рейха около миллиона человек, не исчезло с лица земли. Оно до поры до времени притаилось в той части Германии, которая была оккупирована американцами, французами и англичанами. Главари его с помощью влиятельных покровителей укрылись в конторах концернов и в дворянских замках; многие растеклись по белу свету, сохранив тайные связи черного эсэсовского ордена.

Ныне "фюреры СС", спасенные Службой безопасности от преследования и наказания, которому они должны были подвергнуться по приговору Нюрнбергского трибунала, стали кадровым войском неофашистов. Не менее 59 крупных "традиционных союзов" объединяют их в Западной Германии; во Франции они играют роль наставников рвущейся к власти "Секретной вооруженной организации" (ОАС); в Бельгии - окопались в руководящей верхушке неофашистских организаций "Движение гражданского действия" (МАС), "Фламандское национальное движение", в "Фонде Св. Мартина"; в Австрии объединились в так называемом "4-м товариществе".

Вскоре организации, являющиеся преемницами СС, начали искать контакт с тайным на первых порах "Европейским социальным движением" (ESB), которое, маскируясь своим лживым названием, стало собирать вокруг себя не только старых нацистов, но и неофашистов. Итальянские фашисты представлены в нем "Итальянским социальным движением" (MSI). К нему присоединились испанские фалангисты. Верность эсэсовским "идеалам" хранят фанатики-гитлеровцы в Западной Германии, Франции, Англии, Бельгии.

Активность фашистов в Северной, Западной и Южной Европе все возрастает. Она распространилась на США и некоторые страны Южной Америки. Американские фашистские организации насчитывают ныне не менее 500 тысяч человек. Они безнаказанно проповедуют расовую ненависть, вражду между народами и войну. Американская национал-социалистическая партия, возглавляемая доморощенным "фюрером" Джорджем Л. Рокуэллом, открыто унаследовала от гитлеровцев нарукавные повязки со свастикой и их приветствие. Ведь недаром человек со

шрамами довольно долго подвизался в США. В Англии фашисты в начале июля 1962 года выдвинули программу-минимум, потребовав изгнать из страны всех евреев и "цветных". В Западной Германии фашисты все больше прибирают к рукам ключевые позиции в государственном аппарате, политике, экономике и культуре. Эсэсовские офицеры служат в бундесвере (причем в своих прежних чинах), а бывшие "фюреры" СД и гестапо заполонили органы тайной полиции и секретной службы боннского государства. Многие эсэсовские бонзы перекочевали в Ирландию. Итальянские фашисты пролезли в парламент, где создали свою фракцию. Французские террористы, вышколенные эсэсовцами, применяли пластические бомбы и автоматы не только в Алжире, но и в самой Франции.

Эсэсовцы пытаются засылать свою агентуру и в социалистические страны.

Далеко не случайно во время фашистского путча в Венгрии в 1956 году в числе тех, кто убивал венгерских граждан, оказался бывший гестаповский агент эсэсовец Антал Майер.

Ныне, когда недобитый и пригретый на Западе фашистский сброд вновь поднимает голову, далеко не бесполезно внимательнее присмотреться к человеку со шрамами, по имени Отто Скорцени. Он принадлежит к той банде террористов, которая порождена империализмом XX века. Этот супернацист классически олицетворяет собой фашизм - террористическую диктатуру самых реакционных и хищных элементов финансового капитала. Его карьера под эгидой различных империалистических государств - это бесконечная цепь гнусных преступлений против человечности.

Ныне, фашистскому сброду становится все труднее творить свои черные дела. Все они обречены на провал. И пусть фашисты зарубят себе на носу: миролюбивые народы ведут точный счет их преступлениям, и рано или поздно виновные предстанут перед судом.

Юлиус Мадер

Берлин, 1963 год

ЧЕРНЫЙ ЦИКЛОП СОВЕРШАЕТ ПОБЕГ

Ограждавшая лагерь колючая проволока осталась цела; не завыла сирена. И тем не менее Отто Скорцени, агент Гитлера по особым поручениям, тот самый, которого обергруппенфюрер* СС Эрнст Кальтенбруннер "под занавес", когда уже рушился нацистский рейх, назначил начальником военной секретной службы СС, сбежал из Дармштадтского лагеря для интернированных нацистов. Сначала лагерная администрация "не замечала" или, вернее, замалчивала его побег, хотя соседи по

лагерному бараку передали охране пожитки сбежавшего вместе с запиской, в которой он писал, что не намерен ждать приговора суда. Начальник лагерной администрации недоуменно разводил руками: ведь 26 июля 1948 года за этим верзилой Скорцени приехали трое солдат американской военной полиции и куда-то увезли его на машине!

Как ни старались скрыть побег гитлеровского черного циклопа, слухи об этом проникли за лагерную ограду. Вскоре газета "Дармштадтер эхо" сообщила: "До сих пор не удалось установить лиц, причастных к этому побегу"**.

Германская общественность забила тревогу. Побег оберштурмбаннфюрера СС Скорцени, исполосованная шрамами физиономия которого была слишком хорошо известна немцам, скрыть не удалось. Падкие на сенсации репортеры и корреспонденты атаковали официальные органы земли Гессен. Стараясь замять политический скандал, привлекший внимание всей мировой общественности, представитель гессенских властей, в ведении которых находился этот лагерь для крупных нацистов, подтвердил факт бегства Скорцени. Он заявил, что обвинительный акт денацификационного суда причисляет Скорцени к группе наиболее виновных нацистов. Дело будет рассмотрено и в отсутствие Скорцени, розыск которого уже объявлен***.

* Для сопоставления приводится таблица примерного соответствия между эсэсовскими чинами и общеармейскими чинами гитлеровского вермахта: эсэсманн - рядовой; штурмманн - ефрейтор; роттенфюрер - обер-ефрейтор; унтершарфюрер - унтер-офицер; шарфюрер - унтер-фельдфебель; обершарфюрер фельдфебель; гауптшарфюрер - оберфельдфебель; унтерштурмфюрер - лейтенант; оберштурмфюрер - обер-лейтенант; гауптштурмфюрер - капитан; штурмбаннфюрер - майор; оберштурмбаннфюрер - подполковник; штандартенфюрер (обер-фюрер) - полковник; бригадефюрер - генерал-майор; группенфюрер генерал-лейтенант; обергруппенфюрер - генерал пехоты и других родов войск; оберстфюрер - генерал-полковник; рейхсфюрер СС и начальник германской полиции - Гиммлер. Наименование СС является аббревиатурой от нем.: Schutzstaffeln (SS) и означает: "охранные отряды". - Прим. пер.

** Darmstadter Echo, 28/VII 1948.

*** Neue Zeit, Berlin, 28/VII 1948.

Таким образом, у беглеца оказалось в запасе двое суток. Несмотря на столь благоприятный фактор, шансы скрыться в то время были все же очень невелики, а для Скорцени - просто ничтожны: не так-то легко двухметровому верзиле стать

незаметным, да к тому же с его неизгладимой приметой: рассеченной в студенческой стычке левой щекой. В довершение ко всему он покинул лагерь, не имея средств к существованию: всего за месяц до побега в Западной Германии была проведена сепаратная денежная реформа, и обзавестись сколько-нибудь значительной суммой при весьма небольшой квоте обмена наличных денег на одного человека почти не представлялось возможным.

Кроме того, любое передвижение немцев тогда строго контролировалось западными оккупационными властями, не говоря уже о проверке документов на дорогах и в поездах при следовании через зональные границы.

Итак, для человека, разыскиваемого западными оккупационными властями и филиалами их контрразведок совместно с немецкими полицейскими органами, возможность незаметно выбраться из Западной Германии была прямо-таки маловероятной.

И все же шефа эсэсовской армии диверсантов так и не удалось схватить. А впрочем, пытались ли действительно это сделать?

Посмотрим, однако, что представляет собой этот высокопоставленный "фюрер СС" с фамилией, звучащей не на немецкий манер.

"ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА" ОБЪЯВЛЕНА

ЧАС СКОРЦЕНИ ПРОБИЛ

Человек со шрамами получает секретное задание

Берлин, февраль 1943 года. "Вы хотите тотальной войны?"- театрально потрясая вытянутой вперед правой рукой, выкрикнул колченогий Геббельс, и специально подобранная толпа исступленно завопила: "Да! Да!"

"Тотальная война"? Что это, собственно, значит? Вряд ли кто-либо из рядовых немцев имел ясное представление о ней. Может, она означает усиление фашистского террора в самой Германии и за ее пределами? Но ведь он и без того доведен до предела.

В то время положение на фронтах уже в корне изменилось. Исход войны предрешила битва у берегов Волги. Гитлеровский вермахт потерял сразу две армии - 300 тысяч пленными и убитыми. Совсем незадолго до того как Геббельс провозгласил тотальную войну, в волжском "котле" капитулировали последние из уцелевших гитлеровских солдат. Советские войска перешли в мощное контрнаступление на фронте протяжением в полторы тысячи километров. К марту 1943 года на Восточном фронте уже нашли свою гибель 112 фашистских дивизий.

Воспользовавшись наступлением Красной Армии, англо-

американские войска высадились в Северной Африке и начали теснить германо-итальянский Африканский корпус Роммеля.

Пора "молниеносных" побед миновала навсегда. Для партнеров по "оси" наступил период военных поражений.

"Тотальная война" принесла немецкому народу новые мобилизации, принудительные повинности, бессмысленные потери. В военной промышленности рабочий день был удлинен до 12 часов и более. Поражения на полях сражений стали остро ощущаться и в самой Германии - они потрясли весь "тыловой фронт", как высокопарно называли тыл гитлеровцы.

В те дни Гитлер решил сделать основную ставку на эсэсовцев.

В руки возглавлявшего эту гитлеровскую лейб-гвардию рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера перешло теперь и министерство внутренних дел. Он заверил Гитлера, что истребит в зародыше малейшее антифашистское движение. Гиммлер не жалел энергии. К началу войны в Германии было 28 концентрационных лагерей. В 1944 году их стало уже 85.

Но эсэсовцы хотели играть в фашистском государстве еще бульшую роль. Они безудержно стремились стать мощной военной силой и располагать как можно большей властью. К моменту нападения гитлеровской Германии на Польшу СС располагали всего лишь одной дивизией. Оттеснив других приближенных Гитлера и став всесильным человеком, Гиммлер задался целью довести численность эсэсовских войск до миллиона. Правда, даже он понимал, что и эти меры вряд ли окажут решающее воздействие на исход войны. Гораздо больше надежд Гиммлер возлагал на новые или усовершенствованные методы тотальной подрывной деятельности, которые должны были, по его уверениям, дать "чудодейственный эффект".

Вот почему Гиммлер решил назначить на пост начальника полиции безопасности и Службы безопасности (СД) "свежего человека". На ком же он остановил свой выбор? То был славившийся своей жестокостью "фюрер СС" района Верхнего Дуная Эрнст Кальтенбруннер. Вскоре этот эсэсовский вельможа, один из самых оголтелых приспешников фашистского варварства, водворился в Берлине, в Главном управлении имперской безопасности (РСХА).

Наряду с гестапо Кальтенбруннеру подчинялась теперь и Служба безопасности - широко разветвленная агентурная сеть нацистов как в самой Германии, так и за границей. Она не только теснейшим образом сотрудничала с отделом шпионажа и диверсий Верховного командования вермахта, но и соперничала с ним, стремясь добиться у Гитлера монопольного положения.

Агентурный аппарат вермахта, его военная разведка (абвер)

(она являлась управлением штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил (ОКВ*), возглавлявшаяся адмиралом Вильгельмом Канарисом, к тому времени уже потерпела полный провал в борьбе против Советского Союза. При разработке и осуществлении агрессивного "плана Барбаросса" Канарис смог представить лишь весьма незначительную и неточную шпионскую информацию, ибо его агентура неизменно обезвреживалась в СССР. Если в других странах Канарису и его абверу удавалось создать до нападения на них "пятую колонну", то в СССР все подобные попытки провалились. Так было и с пресловутой диверсионной дивизией "Бранденбург".

Неудивительно, что адмирал медленно, но верно терял доверие Гитлера, чем и воспользовался Гиммлер, домогавшийся неограниченной власти и подчинения эсэсовцам всей разведывательно-диверсионной деятельности. При помощи диверсионного аппарата Службы безопасности он намеревался изменить ход событий на фронтах и оказывать свое воздействие на внешнюю политику "тысячелетнего рейха".

"Совершенно секретно"

На тридцатый день после провозглашения "тотальной войны" в Главном управлении имперской безопасности появился долговязый человек со шрамами на лице: тридцатичетырехлетний гауптштурмфюрер СС Отто Скорцени приступил к своей новой, совершенно секретной деятельности шефа эсэсовских диверсантов. Перед ним раскрылись поистине неограниченные возможности. Кабинет его помещался в специально охранявшемся крыле здания, а все, чем он занимался, было покрыто тайной. Направляемые ему "секретные дела имперского значения" имели гриф "Управление VI S". Лишь круг самых доверенных лиц из эсэсовской элиты знал, что скрывалось за этим шифром. Он означал: управление зарубежной разведки СД, отдел диверсий.

* Аббревиатура от нем.: das Oberkommando der Wehrmaht (OKW).

Кальтенбруннер лично инструктировал Скорцени; беседы их длились долгие часы. Задание, которое получил Скорцени, если свести его к краткой формуле, гласило: как можно быстрее создать "тотально" и "глобально" действующую секретную службу. "Тотально" значило взрывы, поджоги, похищения людей, убийства, отравления, все без исключения виды диверсий. "Глобально" значило организовать подрывную деятельность, охватывающую весь земной шар: вооружить против англичан горные племена в Иране и Индии; парализовать с помощью команд пловцов-диверсантов и водолазов ("лягушек") судоходство по Суэцкому каналу и нанести тем самым чувствительный удар

по снабжению войск западных противников Германии; забросить шпионов в отряды и соединения югославских и французских партизан; взорвать ряд военных предприятий в США; создать в Англии сеть тайных радиостанций для передачи важных шпионских данных; организовать боеспособную "пятую колонну" в Рио-де-Жанейро; собрать и тщательно зафиксировать в специальной картотеке сведения о слабостях и уязвимых местах видных политических и государственных деятелей всего мира, чтобы использовать эти данные в качестве основы для целой системы шантажа.

Главным направлением удара организаторы подрывной деятельности избрали Советский Союз. В Главном управлении имперской безопасности лихорадочно разрабатывались планы нападений на штабы армий, убийства видных партизанских командиров. Особое внимание там уделялось военной промышленности, сосредоточенной за Уральским хребтом. Недосягаемая для фашистской авиации, она должна была служить главным объектом для эсэсовских диверсантов...

Короче говоря, неотвратимо следовавшие одно за другим военные поражения вермахта руководители третьего рейха мыслили компенсировать широко организованной диверсионной войной, поистине безграничной - в прямом и переносном смысле слова. Гитлеровцы надеялись доведенной до совершенства системой всеобъемлющего террора, шпионажа и диверсий задержать закономерный ход мировой истории.

Скорцени обещали все, что ему потребуется. Начальник VI управления Главного управления имперской безопасности бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг, которому Кальтенбруннер представил своего протеже Скорцени, впоследствии писал позднее: "Если мой предшественник не имел права расходовать свыше 100 тысяч марок, то мне после восьмимесячной деятельности в VI управлении удалось добиться того, что сумма ассигнований возросла до нескольких миллионов, и даже получить полномочия в особых, санкционированных Гиммлером и Гитлером, случаях действовать вне всякого лимита. Таким образом, я сумел наконец, к нашему удовлетворению, устранить одно из наиболее узких мест секретной службы"*.

Итак, деньги полились на Скорцени дождем. Руководителю сектора диверсий предоставили полную свободу действий. От него требовали лишь одного - успехов.

НАЧАЛО КАРЬЕРЫ ТЕРРОРИСТА

Не случайно выполнение важных политических и разведывательно-диверсионн ых задании Кальтенбруннер поручил именно Скорцени. Такое дело было по плечу лишь

матерому шпиону и диверсанту. Кальтенбруннеру не понадобилось долго раздумывать: ведь своего австрийского земляка и собутыльника он знал больше пятнадцати лет. Позади было немало совместных попоек и кутежей в пивнушках Вены. У обоих остались на физиономиях красноречивые следы пьяных драк и студенческих дуэлей: рубцы и шрамы - гордость каждого порядочного "бурша". Оба были членами "Академического легиона", куда допускались только избранные. Расистский бред и великогерманская амбиция - вот чем гордились члены этого реакционного студенческого "добровольческого корпуса".

Еще тогда Кальтенбруннер познакомил молодого Скорцени с фюрером австрийских нацистов Артуром Зейсс-Инквартом. А летом 1932 года Скорцени слушал в Вене Йозефа Геббельса, который разглагольствовал о программе нацистской партии. Вербуя новых членов, колченогий во всеуслышание заявил, что цель нацистов - во что бы то ни стало добиться аншлюса - присоединения Австрии к Германии.

Скорцени откликнулся на призыв шефа гитлеровской пропаганды и официально стал кандидатом в члены нацистской партии. Это было нетрудно, поскольку за него поручился Кальтенбруннер. Двадцатичетырехлетний Скорцени проводил теперь вечера в узком кругу своих единомышленников. Скоро ему дали довольно ответственное поручение: вести подрывную пропаганду против австрийского государства в органе нацистской группы округа Веринг - газетке "Национал-социалистише нахрихтен".

Нацисты в Австрии наглели. Самые фанатичные, "абсолютно надежные", готовые на все головорезы образовали в стране вооруженное ядро - нацистскую "пятую колонну". Все они дали тайную эсэсовскую клятву. В феврале 1934 года Отто Скорцени приобщился к этому "черному ордену", вступив в 89-й штандарт** СС.

* Walter Schellenberg. Memoiren. Kцln, 1959, S. 214.

* Полк. - Прим. пер.

С приходом Гитлера к власти австрийские нацисты воспрянули духом. Фюрер делал теперь в Австрии ставку на свои черные и коричневые колонны. Его "троянский конь" стоял под самыми стенами всемирно известного венского собора Св. Стефана. Из Мюнхена в Вену перебрасывали огнестрельное оружие новейшего образца и прятали в тайники эсэсовских арсеналов.

В середине 1934 года Зейсс-Инкварт и его самые приближенные эсэсовские сообщники в дунайской столице Эрнст Кальтенбруннер и Одило Глобочник решили, что час их настал.

Был отдан приказ, вскрыты тайники, где хранилось оружие, на рукавах появились повязки со свастикой, 89-й эсэсовский штандарт начал путч; участвовал в нем и Отто Скорцени.

В центре бурных событий оказалась резиденция федерального канцлера на площади Ам Бальхаузплац. И вот здесь-то Скорцени показал, что на него можно положиться, что он надежный участник эсэсовской банды.

Отряд заранее отобранных эсэсовских убийц, смяв охрану, ворвался в канцлерский дворец. Сраженный несколькими пулями, рухнул у своего письменного стола канцлер Энгельберт Дольфус. Пока убийцы действовали, Скорцени охранял их, стоя у ворот дворца.

Однако нацисты не достигли тогда своей цели: им не удалось присоединить Австрию к гитлеровской Германии. Гитлер так и не дождался в тот раз условленного обращения с призывом об аншлюсе. Австрийский народ сумел восстановить порядок и обеспечить безопасность в своей стране. Нацистская партия была запрещена в Австрии. Эсэсовцы предпочли уйти в подполье. Те путчисты, которым грозила наибольшая кара, получили указание бежать к своим берлинским вдохновителям.

А что стало со Скорцени? Из заговорщика-путчиста он в мгновение ока перевоплотился в счастливого молодожена и с виду вполне благопристойного управляющего делами венской строительной фирмы. На его визитной карточке теперь значилось: дипломированный инженер.

Вряд ли можно подобрать более солидное занятие!

В последующие годы венские эсэсовцы в целях конспирации выдавали свои регулярные сборища то за собрание членов какого-нибудь частного кружка, то за союз с безобидным названием, например "Германский гимнастический союз". Однако занимались там не столько спортом, сколько учебными стрельбами. А потом этот "союз" начал устраивать и учебные военные походы. Во время одного из них в стрельбе из пистолета отличился известный нам "фюрер СС" Скорцени.

Итак, готовилось вооруженное выступление. Во имя какой же цели и против кого? Ответ последовал весной 1938 года.

Директивы из Имперской канцелярии выполнены

Провокации в Австрии, направляемые и финансируемые из Берлина, не прекращались, хотя через два года после нацистского путча в Вене, 11 июля 1936 года гитлеровское правительство заключило с австрийским правительством соглашение, статья 2 которого гласила: "Каждое из обоих правительств рассматривает внутриполитическое устройство другого государства, включая вопрос об австрийском национал-социализме, как собственное

внутреннее дело этого государства, на которое оно не будет оказывать влияние ни прямо, ни косвенно". Гитлеровцы считали, что бумага все стерпит.

Преемник Дольфуса на посту федерального канцлера христианский социалист Курт фон Шушниг под давлением масс был вынужден отдать под суд и наказать нескольких наиболее явных нацистских провокаторов. Однако ни один из них не выдал своих действительных вдохновителей.

К началу 1938 года аншлюс Австрии считался в Берлине делом вполне решенным. Гитлер стремился приобрести побольше "жизненного пространства". Стоявшие за его спиной монополистические группы жаждали завладеть австрийскими источниками сырья и промышленными предприятиями. Германский Рейхсбанк, возглавляемый Яльмаром Шахтом, рассчитывал захваченными австрийскими фондами валюты усилить финансирование программы вооружений. А германский генеральный штаб уже грезил наяву, как он пополняет вермахт новыми, хорошо обученными и вооруженными австрийскими дивизиями и окружает своими войсками Чехословакию.

Австрия должна была служить пробным камнем всей захватнической стратегии Гитлера. "Если я приму решение начать войну, - говорил он в узком кругу своих сообщников, - то, не объявляя войны, прикажу своим войскам вступить, к примеру, в Париж. Во французской военной форме они средь бела дня пройдут маршем по улицам. Никто им не помешает. Все предусмотрено до мелочей. Вот они уже у здания генерального штаба, занимают министерства, парламент. Не пройдет и нескольких минут, как Франция, Польша, Австрия, Чехословацкая республика лишатся своих руководящих деятелей. Армии останутся без генерального штаба. Со всеми политическими лидерами будет покончено. Начнется невообразимая паника. Но я уже давно установил контакт с людьми, которые создадут новое правительство - такое, какое нужно мне. Мы найдем таких в каждой стране... Честолюбие и заблуждение, партийные распри и тщеславие погонят их к нам. Мы добьемся заключения мира до того, как начнем войну... Я гарантирую успех, ибо всегда удается то, что считается невероятным. Самое невозможное - самое надежное. Сегодня, господа, вы не верите этому, но я осуществлю это, шаг за шагом!"*

Итак, Гитлер готовился сделать первый шаг на этом пути, и роль первой жертвы предназначалась Австрии.

В середине февраля 1938 года Гитлер вызвал австрийского канцлера фон Шушнига в Берхтесгаден, в свою резиденцию "Бергхоф", и там подверг его "психологическому массажу". Гитлер

выложил на стол свои карты, потребовав амнистии всем осужденным в Австрии нацистским террористам и назначения их лидера Зейсс-Инкварта австрийским министром внутренних дел и общественной безопасности с прямым подчинением ему всей полиции. В случае отказа от принятия этой программы-минимум Гитлер грозил немедленной оккупацией Австрии.

Шушниг уступил лишь частично. Возвратившись в Вену, он объявил, что сам австрийский народ путем плебисцита решит вопрос о независимости и будущем своей страны. Народное голосование было назначено на 13 марта 1938 года.

Нацисты в Берлине и Вене не сомневались в своем провале. Они ненавидели австрийский народ. Вот почему они решили, не дожидаясь результатов плебисцита, осуществить давно задуманную аннексию Австрии.

11 марта 1938 года заплывший жиром генерал-фельдмаршал Герман Геринг приказал немедленно соединить его по телефону с германским посольством в Вене. В 17 часов в Вене раздался звонок. К аппарату подошел нацистский дипломат Домбровски и, как и подобает исполнительному чиновнику, стал усердно записывать директивы путчистам.

Геринг диктует: "Кабинет должен быть вполне национал-социалистическим.. Кепплер привезет вам список лиц, которые должны войти в него...".

Все ясно: штандартенфюрер СС Вильгельм Кепплер под видом секретаря германского посольства везет в не подлежащем проверке дипломатическом багаже составленный в Берлине список членов австрийского правительства и прибудет в Вену с минуту на минуту. Но Герингу не терпится, и он считает нужным дать директивы устно:

- Да, вот что, чуть не забыл: Фишбеку, значит, отдайте торговлю и экономику. Ведомство безопасности - Кальтенбруннеру, а вооруженные силы (австрийские. - Ю.М.) - Бейру. Командование армией пусть сначала возьмет на себя сам Зейсс-Инкварт. Ну а юстицию - сами знаете кому.

* Hermann Rauschning. Gesprdche mit Hitler. London, 1939, S. 17-18.

- Да, - откликается из Вены Домбровски.

Геринг. Назовите фамилию!

Домбровски. Вашему родственнику?*

Геринг. Да.

Но тщательно разработанный Главным управлением имперской безопасности и верховным командованием вермахта план не учел одной детали: президент Австрии Вильгельм Миклас отказался утвердить нациста Зейсс-Инкварта

федеральным канцлером. В 17 часов 30 минут Зейсс-Инкварт по телефону запросил у Геринга помощи.

Зейсс-Инкварт. Я предложил федеральному президенту передать мне пост канцлера, но дело это тянется вот уже часа три-четыре. Что касается партии (нацистской. - Ю.М.), то у нас еще нет возможности восстановить ее, но мы дали указание (австрийским. - Ю.М.) формированиям СА* и СС взять на себя поддержание порядка.

Геринг. Теперь дело уже пошло, а потому прошу сейчас же потребовать от федерального президента немедленно передать вам власть и назначить вас федеральным канцлером и министром, как было сказано, т. е. вы должны быть и федеральным канцлером, и командующим войсками... Срочно доложите о позиции Микласа. Скажите ему, что теперь нам не до шуток... И дайте национал-социалистам развернуться по всей стране. Пусть выйдут на улицы всюду... Если этот Миклас не одумался за четыре часа, придется ему образумиться за четыре минуты.

Зейсс-Инкварт (подобострастно). Вот это здорово!

Но ему так и не удалось "на законных основаниях" занять желанный пост федерального канцлера. Президент Миклас твердо стоял на своем.

Скорцени дебютирует

В 20.00 в трубке телефонного аппарата Геринга снова раздался хриплый голос Зейсс-Инкварта.

Геринг. Итак, они не назначили вас?..

Зейсс-Инкварт. Нет... Отказ, как и прежде.

Геринг (брызжа слюной). Ну что ж, хорошо, даю приказ начать вступление войск, и тут уж не зевайте - берите власть! Втолкуйте руководящим (австрийским. - Ю.М.) лицам то, что я вам сейчас скажу: каждый, кто попытается организовать сопротивление, немедленно будет предан нашему военно-полевому суду - военно-полевому суду вступающих войск. Ясно?

Зейсс-Инкварт. Да!

Геринг. Включая всех руководящих лиц, какой бы пост они ни занимали... Все равно, хоть бы и самого федерального президента; ведь он не дал вам полномочий, а это тоже сопротивление!

Зейсс-Инкварт. А как же!

Геринг (бесцеремонно обрывая разговор). Хорошо, ну так вот, вы имеете на то официальное поручение. Всего доброго, хайль Гитлер!*

Рецепт государственного переворота был дан. Ожидавший приказаний Кальтенбруннер немедленно получил от Зейсс-

Инкварта приказ к выступлению.

Специально подобранные головорезы из "мобильных команд" СС щелкнули затворами. Бруно Вайс, официально именовавшийся руководителем венского "Гимнастического союза", а в действительности являвшийся унтерштурмфюрером 89-го штандарта СС, назначил Отто Скорцени командиром одной из таких команд. Ему было приказано схватить и изолировать от внешнего мира президента Микласа, а действовать он мог по своему усмотрению. Спустя несколько лет Скорцени записал в дневнике: "Я охотно предоставил себя в полное распоряжение..."**

Двадцать эсэсовцев под командой Скорцени вскочили на грузовик и с бешеной скоростью помчались вслед за его лимузином по узким улицам венского Старого города. Машины неслись к дворцу президента Австрии. Эсэсовская банда, вооруженная револьверами и кастетами, набросилась на охранявших дворец часовых гвардейского батальона и быстро смяла их.

Скорцени устремился в вестибюль - к лестнице, покрытой заглушающими шаги толстыми коврами. Он уже хотел взбежать наверх, как раздался окрик: Стой!" Путь ему преградила дворцовая стража во главе с молодым лейтенантом. Щелкнули затворы. Скорцени оглянулся и убедился, что бежавшие вслед за ним эсэсовцы вытащили оружие.

"Я послан новым правительством, - солгал Скорцени. - Немедленно проведите меня к президенту!" Лейтенант поверил и разрешил Скорцени с двумя эсэсовцами следовать за ним. Как только они вошли в приемную Микласа, Скорцени и его подручные разоружили офицера. Услышав шум, из кабинета вышел президент. Три политических гангстера заставили его подчиниться силе. Пока эсэсовцы держали схваченных под дулами пистолетов, Скорцени связался по телефону с Зейсс-Инквартом, доложил, что федеральный президент смещен, и просил прислать подкрепление. Спустя каких-нибудь полчаса президентский дворец был окружен эсэсовскими бандитами.

Это была первая, но далеко не последняя бандитская операция Скорцени. В этот же день он со своими подручными прибыл к резиденции австрийского канцлера на площади Ам Бальхаузплац. Находившийся в здании Зейсс-Инкварт открыл боковые входы. В них, подобно черной волне, хлынули эсэсовцы. Федерального канцлера Шушнига постигла та же участь, что и президента: он был арестован и увезен.

Президент Миклас исчез бесследно. Шушниг после многолетнего одиночного заключения был отправлен сначала в концентрационный лагерь Заксенхаузен, а затем, к концу войны, -

в лагерь Флоссенбург.

В течение последующих часов все правительственные учреждения и важнейшие стратегические объекты перешли в руки эсэсовцев.

На следующее утро в страну вступили войска вермахта. Так было покончено с независимостью Австрии. Гитлеровский третий рейх поглотил ее.

С первыми же частями вермахта в Вену прибыл Гиммлер. Гитлеровский террор впервые воцарился в столице иностранного государства. Штаб Кальтенбруннера руководил начавшимися арестами, которые осуществлялись по "черным спискам", предусмотрительно составленным заранее. Тюремные камеры были переполнены коммунистами, социал-демократами, монархистами, священниками, евреями... В гестаповских застенках начали истязать австрийских патриотов.

Один из главных участников ликвидации независимости Австрии - Скорцени был удостоен особой похвалы Кальтенбруннера. Так член "пятой колонны" гитлеровцев в Австрии превратился в крупного государственного изменника.

Операция "Красный петух"

В Главном управлении имперской безопасности в Берлине непрерывно работали телеграфные аппараты. Оттуда по всем направлениям посылались директивы. Дежурному офицеру гестапо в Вене было не до сна. Буква за буквой аппарат выбивал на ленте слова:

"СЕКРЕТНО.

ВСЕМ ОРГАНАМ И РУКОВОДЯЩИМ ИНСТАНЦИЯМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИЦИИ. СРОЧНО ВРУЧИТЬ НАСТОЯЩУЮ ТЕЛЕГРАММУ НАЧАЛЬНИКАМ ИЛИ ИХ ЗАМЕСТИТЕЛЯМ.

1. В БЛИЖАЙШИЕ ЧАСЫ ПО ВСЕЙ ГЕРМАНИИ СОСТОЯТСЯ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЕВРЕЕВ, ОСОБЕННО В ОТНОШЕНИИ СИНАГОГ. НЕ ПРЕПЯТСТВОВАТЬ.

2. ПРИ НАЛИЧИИ В СИНАГОГАХ ВАЖНОГО АРХИВНОГО МАТЕРИАЛА ОБЕСПЕЧИТЬ ЕГО СОХРАННОСТЬ ПРИНЯТИЕМ НЕМЕДЛЕННЫХ МЕР.

3. ПОДГОТОВИТЬ ПО ВСЕЙ ИМПЕРИИ АРЕСТ ПРИМЕРНО 20-30 ТЫСЯЧ ЕВРЕЕВ. ОТОБРАТЬ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ЗАЖИТОЧНЫХ. ДАЛЬНЕЙШИЕ УКАЗАНИЯ ПОСТУПЯТ В ТЕЧЕНИЕ НОЧИ.

4. К ПРОВЕДЕНИЮ ОПЕРАЦИИ МОГУТ БЫТЬ ПРИВЛЕЧЕНЫ КАК ЧАСТИ СС ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ, ТАК И "ОБЩИЕ СС".

НАЧАЛЬНИК II ОТДЕЛА ГЕСТАПО МЮЛЛЕР".

Дежурный гестаповец в Вене с телеграммой в руках исчез за

обитой войлоком дверью, на которой висела табличка: "Отдел II".

Два часа спустя в Вене, в бывшем дворце бежавшего за границу банкира Ротшильда, где теперь разместилась штаб-квартира службы безопасности, состоялось совещание. Восемь человек в черной форме склонились над планом города. Кальтенбруннер пригласил сюда самых надежных своих подчиненных.

"Гауптшарфюреру Скорцени, - приказал Кальтенбруннер, - взять на себя третий район. Как решено, начнем завтра. Об исполнении доложить отделу II государственной тайной полиции. Прежде чем разойдемся, еще раз подчеркиваю: поработать как следует!"

Последним из салона вышел оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман начальник специально созданного в Вене в августе 1938 года центрального бюро по осуществлению эмиграции евреев. Да, теперь, после этой "Хрустальной ночи"*, организуемой во всем рейхе по приказу свыше, очереди перед зданием его бюро станут еще длиннее.

* Под таким кодовым названием гитлеровцы осуществили в Германии и Австрии 9 ноября 1938 года крупнейшее погромное антисемитское выступление Прим. пер.

В следующую ночь во всех городах Германии и Австрии вспыхнули костры, запылали разгромленные синагоги, полетели камни в витрины магазинов, принадлежавших евреям. Тысячи семей лишились кормильцев. Гитлеровцы, ради потехи, заставляли евреев чистить мостовые зубными щетками.

Дел у Скорцени было по горло: надо было успеть обучить свой отряд лучше и быстрее поджигать, дать задание каждому эсэсовцу. В третьем районе Вены, закрепленном за Скорцени, имелось пять синагог. Он приказал поджечь их. Эсэсовцы ворвались в синагоги. Драгоценные светильники исчезали в мешках, предусмотрительно захваченных погромщиками. Священные книги были облиты бензином. Пламя охватило стены разграбленных синагог. Жителям близлежащих кварталов было запрещено тушить пожары. Вот это и означало на эсэсовском жаргоне "поработать как следует!".

Не успев стряхнуть пепел с волос, Скорцени отправил письменное донесение об исполнении приказа: ведь германская аккуратность требует, чтобы документация была в идеальном порядке!

Одержанная "победа" отмечалась буйными попойками. Скорцени чувствовал себя героем. Верный "долгу" эсэсовца, он немало посодействовал успеху этой антисемитской операции, об итогах которой двумя днями позже докладывал Герингу

начальник полиции безопасности и службы безопасности бригадефюрер СС Рейнхард Гейдрих: "Подожжена 191 синагога, 76 полностью разрушены. Кроме того, подожжены 11 общинных домов, кладбищенских молелен и тому подобных заведений. Схвачено 20 000 евреев".

Гитлеровские приспешники позаботились и о своем личном обогащении. Вскоре они получили сребреники за совершенные гнусные дела. Разумеется, в числе тех избранных, кто нажился на них, оказался и Скорцени. Его сделали национал-социалистическим руководителем венской строительной гильдии. В результате ему удалось без труда "ариизировать" предприятия, принадлежавшие евреям, и присоединить их к фирме своего тестя. Поскольку Скорцени пожелал зажить как подобает важной персоне, он присвоил себе роскошную виллу в 19-м районе Вены на Петер-Иорданштрассе, 37, а ее законный владелец-еврей исчез без следа. В ярко освещенной вилле справляли оргии эсэсовские бонзы Вены и Зальцбурга, Мюнхена и Берлина.

Вскоре в один из весенних дней 1940 года Кальтенбруннер и Скорцени распрощались. Пути их временно разошлись.

ПИСЬМО БЫВШЕГО ФЕДЕРАЛЬНОГО КАНЦЛЕРА АВСТРИИ КУРТА ШУШНИГА АВТОРУ КНИГИ

"12 июля 1961 года

Глубокоуважаемый господин Мадер!

Отвечаю на Ваши вопросы.

Аресты, произведенные после 11 марта 1938 года в Вене, осуществлялись исключительно эсэсовцами.

По второму вопросу. О том, что моим арестом руководил инженер Скорцени, я впервые узнал только после войны. Во всяком случае, я не припоминаю, что бы когда-нибудь встречался с ним. Очевидно, он был одним из влиятельных руководителей путча в Австрии. Обычно функционеры СС действовали анонимно либо называли себя "Мюллерами".

Официального ордера на мой арест не было предъявлено, условия жизни (в заключении) были хуже тюремных, обращение - недостойное, а любая жалоба безнадежна. Отношение ко мне некоторых молодых эсэсовских офицеров нельзя охарактеризовать иначе как безобразное.

Численность отряда, который вечером 11 марта занял резиденцию федерального канцлера, точно указать не могу. В отряде насчитывалось приблизительно человек 200 в штатском; все они имели нарукавные повязки; оружие было спрятано под одеждой. Впустил их в здание Зейсс-Инкварт.

С исключительным уважением Ш у ш н и г".

ПОД ЭМБЛЕМОЙ "МЕРТВОЙ ГОЛОВЫ"

Танковые клинья рассекают Европу

Кальтенбруннер остался в Вене на посту "верховного фюрера СС и полиции". Скорцени же решил отправиться на фронт.

К тому времени Германия захватила Польшу. Следующий удар Гитлер готовился нанести по соседним государствам на Западе.

На этой стадии войны фронтовые соединения СС насчитывали около 20 тысяч человек. Опекаемая Геббельсом газета "Фёлькишер беобахтер" называла эти привилегированные эсэсовские войска "отборным человеческим материалом для выполнения особых заданий". Инспектором, а затем командиром дивизии СС "Дас рейх" был назначен бригадефюрер СС Пауль Хауссер.

На полигоне эсэсовской казармы в Берлин-Лихтерфельде Скорцени обучили всему, чего ему еще не хватало для полного овладения ремеслом убийцы. А требовалось не так уж много. Уже через месяц Скорцени был произведен в унтершарфюреры этой отборной гитлеровской части и, полный радужных надежд, принял участие в походе на Францию.

10 мая 1940 года эсэсовцы на штыках гитлеровской армии перенесли свой хорошо отработанный внутри Германии террор в страны Западной Европы. Где бы ни появлялись эти палачи в черной форме со зловещей эмблемой черепа, они несли с собой уничтожение людей, оккупационный произвол, приговоры военно-полевых судов, голод и нищету. Путь Скорцени по Бельгии и Франции был отмечен расстрелами и пытками.

Особенно свирепствовал человек со шрамами в Голландии. Его беспредельная жестокость вполне соответствовала характеристике, которую дал ему Кальтенбруннер в своем письме эсэсовскому генералу Хауссеру. Спустя каких-нибудь одиннадцать месяцев Скорцени получил погоны унтерштурмфюрера.

В апреле 1941 года гитлеровские танки ворвались в Югославию. Часть особого назначения, в которой служил Скорцени, бросили туда, где мужественные югославские патриоты оказывали упорное сопротивление количественно превосходившим силам агрессоров. Расправы над мирными жителями этой страны доставляли ему чертовское удовольствие! Садист по призванию получил новое повышение. Он стал оберштурмфюрером войск СС. Однако в Югославии Скорцени пробыл недолго. Вскоре его часть перебросили к границе СССР. Гитлер готовился осуществить "план Барбаросса".

"Через несколько недель мы устроим в Москве парад победы!" - этими словами генерал Хауссер закончил в полночь 21 июня

1941 года напыщенную речь к своим головорезам. Сначала он долго разглагольствовал об "исконном враге Германии - России", о "неполноценности" славян, а затем огласил приказ фюрера о нападении на Советский Союз. Сборище закончилось выкриками "Хайль Гитлер!".

Гитлеровская военная машина заработала на полную мощь. 190 дивизий 70 процентов всех немцев, одетых в серо-зеленую и черную военную форму, двинулись на Восток.

Ворваться в Москву раньше всех других войск, вторгнувшихся в Советскую страну, было для эсэсовцев "делом чести".

Гитлеровская лейб-гвардия стремилась опередить остальные войска. Черные банды, убивая, грабя, поджигая, порабощая, рвались к советской столице.

Скорцени не знал ни сна, ни отдыха: ведь в перерывах между боями карательные команды эсэсовской дивизии "Дас рейх" "очищали" тыл от коммунистов и евреев. Вряд ли забыл Скорцени небольшой русский городок, где были зверски убиты 922 советских гражданина: военнопленные, старики, женщины, дети. А там, где прошла эсэсовская дивизия "Дас рейх", таких преступлений было совершено немало.

Всюду, где ступала нога эсэсовца, война была тотальной еще задолго до того, как Геббельс дал ей это зловещее название.

Скорцени спасает свою шкуру

В начале 1943 года Кальтенбруннер приказал отделу личного состава СС разыскать своего собутыльника студенческих лет. Он думал, что Скорцени все еще на фронте, так как несколько недель назад получил от него письмо по полевой почте.

Однако Кальтенбруннер ошибся. В это время гауптштурмфюрер прохлаждался в одном из санаториев Южной Германии. У громилы вдруг оказалось что-то с желчным пузырем. Правда, врачи никак не могли обнаружить у "фронтового офицера" с устрашающими шрамами на лице и "Железным крестом" II степени на груди хотя бы малейшие признаки болезни. Но все-таки решили, что курс лечения ему не помешает.

Еще совсем недавно Скорцени рвался в Москву, а теперь он был рад, что с ним, как с ребенком, нянчатся медицинские сестры. Для радости у бандита были веские причины.

Напав на Советский Союз, Гитлер и верховное командование вермахта обломали зубы. Правда, на стороне агрессоров было преимущество внезапного нападения, но против них поднялся монолитный в своем морально-политическом единстве 200-миллионный народ огромной страны с территорией в 22 миллиона квадратных километров. Гитлеровские планы "блицкрига" против Советского Союза оказались блефом.

Скорцени поневоле пришлось стать очевидцем краха мифа о непобедимости вермахта.

В декабре 1941 года немецко-фашистские войска, не считаясь с огромными потерями, подошли к советской столице. Эсэсовская дивизия "Дас рейх" находилась всего в нескольких километрах от северо-западной окраины Москвы. Еще в августе эта дивизия потеряла в боях под Ельней почти половину личного состава. Теперь рвавшиеся вперед захватчики были остановлены железной рукой. Самые боеспособные, самые оснащенные и лучшие танковые корпуса гитлеровцев были разгромлены на снежных полях Подмосковья.

У Скорцени, похвалявшегося, что он не знает страха, теперь тряслись поджилки. В своем дневнике, относящемся к тому времени, он писал: "...10.12.41. Скоро станет ясно и войскам: продвижение вперед закончено. Здесь наша наступательная сила иссякла. У соседней 10-й танковой дивизии осталась всего дюжина боеспособных танков"*.

Ни один эсэсовец, ни один немецкий солдат не вошел в Москву. Тысячи гитлеровских вояк полегли под советской столицей, сложив свои головы за интересы германских монополий и бредовые планы фюрера.

Когда звезда фашистских побед закатилась под Москвой, Скорцени, этого матерого террориста и опытного убийцу, вдруг охватил ужас. Об этом свидетельствует его дневник:

"Поскольку похоронить своих убитых в насквозь промерзшей земле было невозможно, мы сложили трупы у церкви. Просто страшно было смотреть. Мороз сковал их руки и ноги, принявшие в агонии самые невероятные положения. Чтобы придать мертвецам столь часто описываемое выражение умиротворенности и покоя, якобы присущее им, пришлось выламывать суставы. Глаза мертвецов остекленело уставились в серое небо. Взорвав заряд тола, мы положили в образовавшуюся большую яму трупы погибших за последние день-два"**.

Нет, Скорцени не прельщал такой конец: ему была слишком дорога собственная жизнь.

А потому при первой же возможности человек со шрамами притворился больным, жалуясь на свой желчный пузырь: ведь такое заболевание слишком трудно проверить во фронтовых условиях. Затем с санитарным эшелоном он отправился в глубокий тыл и очутился неподалеку от своего родного города, куда так мечтал возвратиться.

Здесь его и разыскал Кальтенбруннер. Он предложил Скорцени более спокойную "работу" - стать шефом агентуры СС.

* Otto Skorzeny. Geheimkommando Skorzeny, S. 70-72.

** Там же, S. 71.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО УБИЙЦ

Школа диверсантов и убийц

Охотничий замок Фриденталь был когда-то окружен парком в английском стиле: высокая трава и густые заросли под сенью вековых деревьев. В последние недели войны англо-американские бомбардировщики мало что оставили и от парка, и от самого замка, как и от дома для прислуги. Глубокие, уже поросшие папоротником воронки, развалины кирпичных стен, остатки выкрашенных в серый цвет бараков. В цементированных подвалах бараков беспорядочно навалены ржавые трансмиссионные маховики. Густая паутина дополняет картину запустения. Вот и все, что осталось от нацистского гнезда, где вынашивались, пожалуй, самые гнусные замыслы гитлеровцев.

Ни один местный житель не знал, что начиная с 1943 года творилось в этом овеянном тайной замке, расположенном всего в пяти минутах ходьбы от Заксенхаузена. Старожилы еще припоминают: однажды из расположенного поблизости концлагеря сюда пригнали сотни узников. Днем и ночью, кладя камень за камнем, они воздвигали стену высотой в три метра. Эсэсовцам казалось, что заключенные работают недостаточно быстро. Сыпались удары бичом. Истощенных до предела работой заменяли более сильными. Колючая проволока с пропущенным по ней током довершила полную изоляцию обширной территории замка от внешнего мира.

Затем появились первые эсэсовские охранники со своими волкодавами, приученными бросаться на людей. По всей округе установили щиты с предостерегающими надписями. Наглухо закрытые грузовики и черные лимузины один за другим исчезали за массивными воротами. Здесь ничто не менялось, за исключением стражи.

Гауптштурмфюрер СС Скорцени не случайно избрал именно это место для своей базы. Расположенное в часе автомобильной езды от Главного управления имперской безопасности, оно благодаря своей уединенности и разнообразному рельефу местности было идеальным для обучения того специального подразделения, которое скрывалось под наименованием "Специальные курсы особого назначения Ораниенбург". "Слушатели", носившие преимущественно штатскую одежду, покидали изолированную территорию только ночью и следовали строжайшему приказу не задерживаться в пути.

Убийство как учебный предмет

В замке Фриденталь обосновался фашистский сброд из разных стран. Интенсивные усилия обитателей замка были

направлены на разработку методов уничтожения людей. Здесь были не только немцы. Царский аристократ, сбежавший из России после Октябрьской революции, тщательно изучал военную форму и знаки различия Советской Армии. Выделенные в особую группу американцы немецкого происхождения осваивали последнюю модель взрывателей с часовым механизмом. "Фольксдойче"* из Румынии часами упражнялись в овладении приемами удушения людей. Украинские националисты изучали шифровальное дело и различные коды.

Каждый из обучавшихся был обязан уметь с закрытыми глазами разобрать и собрать английский или советский автомат. Специально готовившиеся диверсанты-подводники (их здесь называли "человек-лягушка") ныряли с моторной лодки в канал Одер-Хавель.

Здесь обучали различным приемам бесшумного "устранения" людей: душить, отравлять, владеть ножом. В число обязательных дисциплин входили такие, как тренировка в прыжках с парашютом, применение подводных мин для потопления судов и обращение с пластической взрывчаткой.

Скорцени заботился и о дрессировке своих питомцев в духе нацистской идеологии. Ведь они предназначались для нанесения удара в спину народам, которые вели борьбу против фашизма.

Положение на фронтах день ото дня становилось для гитлеровской Германии и ее вассалов все бесперспективнее. Но для фанатиков из Фриденталя не существовало понятия "слишком поздно". Диверсанты, которых муштровал Скорцени, должны были продлить агонию Германии Гитлера. Покидая замок, они получали задания взрывать и убивать, сеять повсюду панику, подкупать путчистов, создавать подрывные организации. Подводные лодки и самолеты дальнего радиуса действия (из специально находившейся в боевой готовности 200-й эскадрильи бомбардировщиков) доставляли обитателей замка Фриденталь в самые различные уголки земного шара.

* Так по нацистской терминологии именовались этнические немцы, проживавшие на территории иностранных государств. - Прим. пер.

Скорцени делал все, чтобы обезопасить своих агентов. Им присваивали новые имена и фамилии - обычные для той страны, где им предстояло действовать. Их снабжали безупречно изготовленными фальшивыми документами. Они должны были знать назубок свою вымышленную биографию.

Патроны, которыми наделяли этих шпионов и диверсантов, хранились в металлических ящиках с изображением черепа на черном фоне. Скорцени получал их из оружейно-технического

экспериментального отдела СС, размещавшегося неподалеку от концлагеря Заксенхаузен. Они были отравлены. Скорцени испытал на заключенных Заксенхаузена их действие. В качестве "объектов для эксперимента" эсэсовский медик Гейнц Баумкёттер* (с 1943 по 1945 год он был главным врачом этого концлагеря) отобрал четырех узников - советских и польских граждан. На эсэсовском стрельбище заключенных заставили лечь на землю, а потом нанесли им несколько ранений отравленными пулями. Через несколько минут зрачки жертв неестественно расширились, наступили страшные конвульсии, и вскоре Баумкёттер небрежно констатировал: "Exitus"**. Трупы были переданы эсэсовским эскулапам для анатомирования.

После этого чудовищного эксперимента в строгой тайне началось серийное производство созданных по требованию Скорцени отравленных боеприпасов.

Скорцени не считал даже нужным скрывать от агентов, что ждет их, если при осуществлении своих злодейских планов они будут схвачены войсками или населением стран антигитлеровской коалиции. На сей случай он рекомендовал им собственноручно выправить себе визу в потусторонний мир. Директива Гиммлера была предельно ясна: "Ни один человек из Службы безопасности не имеет права попасть живым в руки противника!" Эсэсовские агенты были обязаны унести с собой в могилу тайны Гиммлера, Кальтенбруннера и Скорцени, а потому каждому из них вручалась смертельная доза цианистого калия. Капсулу с ядом можно было спрятать в зажигалке, печатке на кольце, зашить в обшлаг рукава или в подкладку шапки. Безотказность действия яда гарантировал Баумкёттер, испробовавший его на узниках Заксенхаузена, прежде чем отправить в вотчину Скорцени - Фриденталь.

* За свои преступления против человечности Баумкёттер в 1947 году был осужден на процессе по делу эсэсовцев из концлагеря Заксенхаузен к пожизненному заключению. В 1956 году он был передан властям ФРГ и сразу же выпущен ими на свободу.

** "Смерть" (лат.). См. "Protokoll des Sachsenhausen-Prozesses", Bd. II, S. 101.

Поточное производство фальшивых денег

Агенты Скорцени отправлялись в путь не с пустыми руками. Поскольку, согласно директивам Гиммлера, им предстояло завербовать, обучить и возглавить целые подпольные армии, их обеспечивали и деньгами.

Золото и банкноты были той приманкой, на которую нацисты рассчитывали больше всего, когда период побед гитлеровской

армии уже миновал. Нацисты решили, что презренный металл окажется привлекательнее их демагогии, - это вполне отвечало мышлению фашистских варваров, находившихся на содержании у магнатов германской индустрии. Почему же не приобрести за деньги шпионов, вредителей, диверсантов и путчистов?

Но финансовые возможности фашистской Германии, блокированной государствами антигитлеровской коалиции, были подорваны. Основная масса германского экспорта в результате войны сократилась, внешнеторговые связи замерли, валютные фонды оказались почти исчерпаны, а марка за пределами Германии уже почти не котировалась. Фашистская Германия лишилась иностранных кредитов. Строго ограниченные остатки валюты использовались главным образом для ввоза стратегического сырья через некоторые нейтральные государства.

Гитлеровская секретная служба нашла выход. Она совместно с верхушкой Рейхсбанка и ведущих монополистических групп разработала преступный план массовой подделки иностранных банкнот. При помощи этого плана она рассчитывала достигнуть сразу нескольких подрывных целей.

Во-первых, изготовленная в Германии фальшивая иностранная валюта позволяла производить за рубежом закупки сырья и материалов, необходимых для ведения войны. Кстати, "ценным опытом" в этом отношении располагал Яльмар Шахт - президент гитлеровского Рейхсбанка, а в то время имперский министр экономики. Еще в период Первой мировой войны он, будучи "банковским экспертом", скупил в Бельгии на фальшивые деньги крупные партии товаров.

Во-вторых, ловкое введение в оборот достаточно большого количества фальшивых банкнот того или иного государства расшатывало его экономику, подрывало международный авторитет, способствовало тому, что среди населения возникали антиправительственные настроения, - словом, этому государству наносился тяжелейший ущерб.

В-третьих, поставив на широкую ногу изготовление фальшивых денег других государств, Гитлер и Гиммлер намеревались усилить финансирование нацистских агентов и возглавлявшейся ими "пятой колонны" в различных странах. Идея эта была не нова: еще летом 1918 года контрреволюционные банды, действовавшие на территории Советской России, располагали миллионами рублей фальшивых денег, отпечатанных в одной из берлинских тайных типографий. Но фашизм, воплощая господство самых реакционных групп германского монополистического капитала, не просто воспользовался прежними проектами и опытом, а захотел

организовать это дело на более высоком уровне. Операция с фальшивыми деньгами тоже служила "шахматным ходом" в той тотальной войне, которую гитлеровцы провозгласили в 1943 году.

Как будущий оптовый потребитель фальшивых денег Отто Скорцени вскоре же после перехода на службу в Главное управление имперской безопасности познакомился с начальником эсэсовского центра по их изготовлению. Это был оберштурмбаннфюрер СС Бернхард Крюгер. Этот человек с уголовным прошлым возглавлял в VI управлении группу "Технические вспомогательные средства".

С Крюгером Скорцени тесно сотрудничал и раньше, поскольку тот снабжал агентов СД подложными документами. В Берлине, в здании на Дельбрюкштрассе, где обосновалась группа Крюгера, грудами лежали образцы - документы из всех стран мира: паспорта убитых евреев, красноармейские книжки, удостоверения личности британских и американских солдат, итальянские отпускные удостоверения, южноафриканские выписки о рождении, свидетельства о благонадежности, выданные японской полицией, пропуска в вашингтонский Пентагон...

Даже Скорцени - доверенному лицу начальника VI управления бригадефюрера СС Шелленберга - было разрешено заглянуть в святая святых только после того, как с него взяли подписку о хранении тайны. Это была самая крупная в истории человечества акция по изготовлению фальшивых денег. Она началась еще в 1940 году под кодовым наименованием "операция Андреас". Первоначально СД сконцентрировала свои усилия на подделке фунтов стерлингов; их можно было сравнительно легко обменивать на подлинные в нейтральных странах и в британских колониях, фунтом стерлингов можно было оперировать в Европе, Африке, Америке и Австралии.

Однако потребовалось больше двух с половиной лет, прежде чем эсэсовские фальшивомонетчики смогли печатать поразительно похожие на настоящие банкноты достоинством в пять, десять, двадцать, пятьдесят, а потом даже в пятьсот и тысячу фунтов стерлингов. Но уголовникам в эсэсовской форме приходилось шаг за шагом решать целый узел проблем. Бумага, на которой печатались фальшивые деньги, должна была точно соответствовать по фактуре оригиналу, надо было добиться, чтобы клише и печать не отличались от него ни рисунком, ни цветовыми оттенками, чтобы номера серий, хотя и заранее рассчитанные, более или менее совпадали с подлинными, а даты выпуска и подписи в максимальной мере соответствовали настоящим. И наконец, требовалось создать широко

разветвленную, охватывающую добрую дюжину государств, законспирированную во всех своих звеньях организацию по распространению фальшивых банкнот.

Летом 1943 года, когда Скорцени близко познакомился с деятельностью центра фальшивомонетчиков, здесь уже каждый месяц упаковывали в пачки сотни тысяч поддельных фунтов стерлингов. Серийное производство осуществлялось под строго секретным кодовым наименованием "операция Бернхард" (по имени Крюгера).

К середине 1943 года в концентрационном лагере Заксенхаузен оборудовали ультрасовременными машинами два барака - № 18 и № 19. Обитателей этих бараков наглухо изолировали от всех внешних контактов оградой из колючей проволоки и многочисленной охраной. Здесь трудились 130 заключенных. Они изготавливали бумагу для поддельных денег, печатали их, потом специально загрязняли свеженькие банкноты так, чтобы те походили на побывавшие в употреблении, и связывали в пачки, предварительно перемешав номера серий. И так изо дня в день. Стоило узнику из этой команды заболеть - его немедленно отправляли в крематорий. Бараки 18-й и 19-й в то время покидали только ящики с фальшивыми деньгами, лица с особыми удостоверениями или мертвецы.

Гауптштурмфюрер Скорцени проявлял особый интерес к производству Крюгера. Для засланных в США агентов ему были нужны доллары. Нельзя ли организовать и их подделку? Крюгер посвятил Скорцени в тайну: он уже занят сейчас и этим, но мешает многое, и не в последнюю очередь - усиливавшиеся налеты англо-американской авиации на Берлин. Тогда Скорцени предложил: пусть граверы, работающие над клише фальшивых денег, а также и все занятые изготовлением подложных документов переберутся вместе со своим сложным оборудованием к нему во Фриденталь. Босс фальшивомонетчиков одобрил это предложение: Фриденталь, по мнению Крюгера, был местом для этой цели идеальным. Скорцени гарантировал изоляцию от внешнего мира, чего трудно было добиться в таком оживленном городе, как Берлин. Фриденталь пока еще не подвергался бомбежкам. Сюда можно было быстро добраться из Берлина на автомобиле, а деньги могли бы печатать в непосредственной близости - в концлагере Заксенхаузен. От взаимного обмена "опытом" между фальшивомонетчиками и агентами СД дело могло только выиграть.

Так Скорцени стал одним из главных действующих лиц "операции Бернхард".

МУССОЛИНИ СВЕРГНУТ

Гитлеровский штаб все еще отчаянно искал новые методы и средства, дабы вновь захватить в свои руки утерянную инициативу на фронтах, а между тем в лагере итальянского партнера по "оси" произошли неожиданные события.

Итальянцы видели, что разгромленному под Москвой и на Волге германскому агрессору теперь оставалось только одно: спасаться бегством.

В середине мая 1943 года пришлось капитулировать остаткам итальянской армии в Африке. В города и деревни Италии беспрерывным потоком текли извещения о гибели солдат и офицеров на далеких от родины фронтах. Десятки тысяч семей оплакивали близких. Англо-американская авиация превратила в развалины центр Милана. Бомбы не пощадили и "вечный город" Рим. Война, развязанная Гитлером при активном участии Италии, теперь гигантскими шагами приближалась к ней самой.

В первой декаде июля 1943 года англичане и американцы высадились на острове Сицилия. Все свидетельствовало о том, что вскоре они предпримут наступление на континентальную Италию. Итальянские рабочие не желали больше трудиться на тех, кто богател от войны, между тем как самим им приходилось тратить на черном рынке последние гроши из своей "замороженной" зарплаты. Итальянские крестьяне больше не могли обходиться без своих сыновей, которых заставили надеть военную форму. Итальянский народ устал от войны, ему осточертел несущий разорение фашизм, более того, он был готов выступить против чернорубашечников.

Даже в "Большом совете" - руководящем центре чернорубашечников Муссолини - царили разногласия насчет дальнейшей политики. Правящая верхушка Италии непрерывно ощущала растущее недовольство народа фашистским режимом дуче. Она пришла к убеждению, что оградить Италию от дальнейших последствий войны можно только одним - сбросить Бенито Муссолини с кресла премьер-министра.

25 июля 1943 года, когда Муссолини прибыл в королевский дворец, офицеры королевской гвардии арестовали его. Было провозглашено новое правительство. Оно обещало итальянцам скорейшее окончание войны, к которому стремился народ. Маршал Пьетро Бадольо, которого король назначил новым премьер-министром, призвал соотечественников разоружить фашистов.

Не прошло и нескольких часов, как итальянские патриоты разоружили фашистскую полицию. Лейб-гвардия Муссолини - целая дивизия - даже пальцем не шевельнула ради спасения своего дуче; она тоже сложила оружие, причем это было

германское оружие самого современного образца. Фашизм корчился в агонии там, где был порожден. Бадольо вступил в официальные переговоры с англичанами и американцами о заключении перемирия с Италией.

Между тем Муссолини выклянчил у охранявших его королевских карабинеров бумагу и ручку. Он попытался примазаться к маршалу Бадольо, которого в свое время назначил верховным комиссаром Восточной Африки и генерал-губернатором Ливии. 26 июля 1943 года он писал Бадольо: "Заверяю вас, маршал Бадольо, что, ценя совместно проделанную нами в былые времена работу, я со своей стороны не только не создам ни малейших трудностей, но и буду готов к любому возможному сотрудничеству".

Однако англо-американское командование в качестве предварительного условия для переговоров о перемирии настаивало на строгой изоляции Муссолини и последующей выдаче его странам антигитлеровской коалиции. Поэтому в целях предосторожности Бадольо неоднократно приказывал переводить Муссолини из одного места заключения в другое. Сначала дуче был помещен под охраной на корвет "Персефоне", который был превращен в плавучую тюрьму. Потом тайными местами его заключения стали Понцианские острова и Санта-Маддалена. Под конец Муссолини поместили в уединенном туристском отеле "Кампо императоре", расположенном в труднодоступном горном массиве Гран-Сассо (район Абруццо). Добраться туда можно было только по подвесной дороге. Фашистского дуче охраняли двести карабинеров. Ответственность за охрану Муссолини была возложена на бывшего инспектора тайной полиции Полито.

"MANI IN ALTO!"*

Смена правительства в Италии вызвала в гитлеровской ставке шок. Разваливался Южный фронт, считавшийся до этого вполне надежным. Сообщения из Рима следовали одно за другим. Они свидетельствовали о намерении Италии капитулировать.

Гитлеровцы наскребли несколько дивизий и стали спешно перебрасывать их на юг. Они рассчитывали с их помощью оккупировать промышленные районы Северной Италии с целью заставить своего бывшего союзника продолжать войну.

Гиммлер и на этот раз не сумел верно оценить ситуацию. Он отдал приказ осуществить секретную операцию "Аларих": молниеносно арестовать в Риме королевскую семью, маршала Бадольо и кучку изменивших дуче высокопоставленных лиц, чтобы вернуть власть итальянским фашистам. Но нереальность этого плана стала ясна очень скоро.

26 июля 1943 года - на другой день после ареста Муссолини

гауптштурмфюрер СД Отто Скорцени был срочно вызван в "Волчье логово"**, к Гитлеру. Человек со шрамами явно импонировал человеку с пробором и челкой.

- У меня есть для вас важное задание, - обратился Гитлер к Скорцени. Муссолини, мой друг и наш верный боевой союзник, вчера арестован королем. Его надо немедленно спасти, иначе его выдадут союзникам. Поручаю вам эту операцию, имеющую важное значение для дальнейшего ведения войны. Но самое главное - хранить это задание в полной тайне. Знать о нем могут только пять человек, включая вас. Итак, повторяю: вы лично отвечаете мне за строжайшее сохранение тайны!

Скорцени привычно вытянул руки по швам: "Все ясно, мой фюрер, не пожалею сил!"

Так было положено начало операции, которую эсэсовской секретной службе предстояло провести под кодовым наименованием "Дуб".

Вскоре гитлеровская Служба безопасности напала на след оказавшегося не у дел итальянского диктатора. Сделать это было не так уж сложно. Сотрудники секретной службы Муссолини десяток лет дружески работали рука об руку с гестапо и германской службой безопасности. Хотя теперь они на время и исчезли с поверхности, однако по-прежнему располагали конспиративными агентурными источниками и перекрестными связями с новой военной полицией. К тому же фунты стерлингов, обещанные в вознаграждение, придали энергии итальянским шпикам. Чтобы получить сведения о местонахождении арестованного Муссолини, эсэсовской секретной службе пришлось раскошелиться на 50 тысяч фунтов стерлингов - разумеется, фальшивых! Ввиду ожидавшейся англо-американской оккупации фунты стерлингов котировались тогда в Италии высоко: они считались надежной валютой.

Командующий парашютным корпусом генерал Штудент вместе с особым уполномоченным Гитлера Скорцени разработал в своем штабе детальный план похищения Муссолини.

С одного из германских аэродромов в Южной Франции специально вызвали 12 грузовых планеров типа DFS 230*. Они предназначались для высадки десанта прямо в горах, так как иначе пришлось бы сначала захватить в долине станцию подвесной дороги, а сделать это быстро и незаметно было едва ли возможно. Каждый из этих легких по конструкции планеров мог поднять 9 человек в полном боевом снаряжении. Диверсионная команда состояла из 90 парашютистов-головорезов; с ними летели 16 вышколенных во Фридентале гангстеров во главе с самим Скорцени. В операции принял участие итальянский

генерал Солетти: он еще не успел перейти на службу к Бадольо. После высадки Солетти был обязан приказать командиру карабинеров немедленно сложить оружие. Скорцени дал генералу ясно понять, что тому не поздоровится, если с головы Муссолини упадет хоть один волос.

Операция началась вылетом с аэродрома Пратика-ди-Маре. Уже на старте два тяжело нагруженных планера опрокинулись. Группа диверсантов под командованием Скорцени предусмотрительно стартовала по заранее составленному графику лишь пятой и шестой. Погода испортилась. В пути рухнули на землю еще два планера. Планер Скорцени первым вполне благополучно достиг вершины Абруццо.

* Грузовые планеры этого типа, предназначенные для использования в диверсионных целях и заброски агентов, были специально сконструированы и испытаны на экспериментальной базе планеризма в Айнринге. Этим исследовательским институтом руководил профессор, доктор инженерных наук Вальтер Георги.

Охрана Муссолини оказалась застигнутой врасплох. Из приземлявшихся один за другим планеров незнакомой конструкции и лишенных каких-либо опознавательных знаков выскакивали вооруженные до зубов люди. Определить кто они по их военной форме было невозможно. Увидя круглые стальные каски парашютистов, карабинеры решили, что это англичане или американцы, прибывшие забрать Муссолини. Еще сильнее ввели охрану в заблуждение приказания - их, обливаясь холодным путом, выкрикивал генерал Солетти, - и поэтому она не сделала ни единого выстрела. А ведь чего было легче, засев в массивном здании, перестрелять десантников, пока те с трудом высаживались из большей частью неудачно севших планеров и приближались с большого расстояния. Но охрана Муссолини гостеприимно распахнула перед ними двери. Тем неуместнее ей показался тевтонский рык долговязого детины с физиономией, исполосованной шрамами: "Mani in alto! Mani in alto!" Команда "Руки вверх!" была единственной итальянской фразой, которую заучил Скорцени, прежде чем отправиться выкрасть Муссолини.

Ворвавшись в здание, Скорцени, словно одержимый, бросился к рации и разбил передатчик прикладом автомата. Обезоружить охрану он предоставил подоспевшим парашютистам. Подталкивая обалдевшего карабинера стволом автомата, Скорцени приказал провести себя к Муссолини. Тем временем остальная шайка блокировала все входы и выходы из отеля. Встав перед Муссолини навытяжку, Скорцени отрывистыми, рублеными фразами доложил, что послан Гитлером освободить его.

Двести карабинеров, как им было приказано, собрались на лугу перед отелем. А чуть поодаль громоздились центнеры пластической взрывчатки, станковые пулеметы и ящики с боеприпасами, выгруженные командой Скорцени, чтобы "отбить" Муссолини.

Скорцени позаботился о том, чтобы все выглядело как можно воинственнее. Ему хотелось не просто доставить Муссолини Гитлеру, а при помощи инсценированных боевых эпизодов произвести на фюрера впечатление настоящего героя. Поэтому он специально захватил с собой эсэсовского военного корреспондента, который, не жалея кинопленки, заснял головорезов в надлежащем виде.

Вскоре Скорцени получил радиограмму, что расположенная в долине станция фуникулера захвачена, а предназначенный для отправки Муссолини самолет "Физелер Шторьх" вскоре прибудет. Однако в связи с трудностями взлета с горного луга, покрытого крупными валунами, самолет мог взять на борт всего двух человек. Скорцени приказал пилоту лететь втроем. Перегруженная машина едва набрала высоту в разреженном горном воздухе и лишь с огромным усилием легла на курс.

Около полуночи германское радио несколько раз объявило о предстоящем "важном сообщении". "Ставка фюрера, - прочитал затем диктор, - сообщает: германские парашютные войска, служба безопасности и войска СС под командованием одного венского фюрера СС осуществили сегодня операцию по освобождению дуче, захваченного в плен кликой изменников. Внезапный налет увенчался успехом. Операция стоила больших потерь. Дуче находится на свободе". Зазвучали фанфары.

Имя Скорцени пока еще не было названо. Секретная служба предпочитала хранить его в тайне. В сообщении говорилось о "больших потерях", однако умалчивалось о том, что операция "Дуб" стоила жизни тридцати одному парашютисту и пилоту, а 16 человек получили тяжелые увечья, хотя не раздалось ни одного автоматного выстрела!

А результат этой бессмысленной операции? Гитлеру был преподнесен политический труп дуче.

Большая шумиха

Обер-бандит Скорцени лично доставил Муссолини в растенбургскую штаб-квартиру фюрера. "Этой услуги я никогда не забуду!" - обещал ему Гитлер.

Геринг, Кейтель, Гиммлер и Геббельс тоже поспешили поздравить эсэсовского головореза. А затем на Скорцени излился щедрый поток повышений, наград и подарков. Гитлер тут же произвел его в штурмбаннфюреры СС и лично повесил на шею

"Рыцарский крест". Не остался в долгу и Муссолини: он пожаловал своему спасителю фашистский орден "Ста мушкетеров"; правда, пока он смог только пообещать эту награду. Геринг снял со своего парадного белого мундира "Золотой почетный знак летчика" и приколол его на грудь "героя". Даже любимая овчарка Гитлера Блонди и та лизала волосатые лапы надежного слуги своего хозяина. Из Северной Италии пришла телеграмма: генерал СС Хауссер почитал за честь преподнести своему бывшему подчиненному реквизированный у итальянцев спортивный автомобиль новейшей модели.

Гитлер и Геббельс просмотрели привезенный Скорцени фильм о похищении Муссолини. Колченогий давно искал средство хотя бы временно рассеять подавленное настроение немцев, вынужденных проводить дни и ночи в бомбоубежищах. "Подвиг" Скорцени дал ему возможность поднять вокруг "героя" пропагандистскую шумиху.

Статс-секретарь геббельсовского министерства Вернер Науман немедленно получил задание использовать все средства пропаганды, чтобы примером Скорцени вдохновить немцев повсюду: на фронтах, непрерывно приближавшихся к границам Германии, в цехах военных заводов или в рушащихся бомбоубежищах.

Толчок этой пропагандистской кампании дал официоз нацистской партии газета "Фёлькишер беобахтер". Один из ее ведущих борзописцев Роберт Крётц 17 сентября 1943 года посвятил прославлению "освободителя дуче" почти целую полосу газеты.

Нет нужды подробно пересказывать эти басни, но остановиться на заключительной части писаний Крётца, где он дает характеристику Скорцени, все же стоит. "Всю свою жизнь, - захлебываясь от восторга, писал Крётц, он был политиком и солдатом. Еще на школьной скамье он стал членом "Германского союза", который в 1922 году выступил под черно-бело-красным флагом*. Будучи студентом, он прошел подготовку в штирийском добровольческом корпусе и молодым буршем приобщился к национал-социалистическому мировоззрению... Из добровольческого корпуса он в дальнейшем перешел в СС и, в качестве, так сказать, своей дипломной работы, положившей начало его теперешнему мастерству, арестовал в 1938 году австрийского федерального президента, которого бдительно охраняла гвардейская рота".

Скорцени ухмылялся с киноэкранов, на собраниях "Гитлеровской молодежи" не смолкали рассказы о его карьере террориста, в "Союзе германских девушек" двухметрового

громилу превозносили как идола германской расы. На эсэсовском небе внезапно взошла новая звезда.

Что же принесло итальянскому народу "спасение" Муссолини? Новые ужасы и невероятные страдания - оккупацию значительной части страны. Гитлер создал в Северной Италии правительство во главе с дуче. Оно официально обратилось к нацистской Германии с просьбой о военной помощи.

Сам Муссолини являлся лишь марионеткой в твердой эсэсовской руке. Он сидел в отведенной ему резиденции в Рокка делле Каминате на берегу озера Гарда (район Гариньяно) и делал то, что приказывал ему обергруппенфюрер СС Карл Вольф - бывший адъютант Гиммлера, назначенный теперь "высшим фюрером СС и полиции в Италии". Муссолини принес итальянцам продолжение военных действий, кровопролитную гражданскую войну.

Вновь сформированные террористические органы чернорубашечников, действуя под гитлеровским покровительством, стали вымещать на итальянском народе злобу за пережитое поражение. Они убивали демократов, истязали партизан-антифашистов, истребляли евреев. Не меньше 15 тысяч итальянских евреев были отправлены через горный перевал Бреннер на эйхмановские "фабрики смерти".

Но Гитлеру уже не мог помочь его итальянский подручный. Становилось очевидным, что народные силы невозможно сломить террором и насилием.

ОХОТНИКИ НА ЛЮДЕЙ

К весне 1944 года секретной службе СС удалось окончательно поглотить шпионско-подрывной аппарат верховного командования вермахта (ОКВ). Руководитель военной разведки адмирал Канарис был отстранен Гитлером. Ему было дано специальное задание по ведению экономической войны. Входивший в состав ОКВ отдел "Абвер (заграница)" Гиммлер подчинил теперь Главному управлению имперской безопасности в качестве "Военного управления" ("Amt Mil").

Скорцени, власть которого теперь возросла, унаследовал весь подрывной сектор вермахта, а вместе с ним и более трех тысяч осведомителей, шпионов и диверсантов. Он стал начальником всех зарубежных немецких шпионов и так называемых фольксдойче, из которых формировались "пятые колонны" во многих странах. Обергруппенфюрер СС Эрнст Вильгельм Боле передал ему картотеку всех членов нацистской партии в сорока с лишним государствах земного шара. Эти люди должны были укрывать эсэсовских агентов и помогать им осуществлять преступления.

Замок Фриденталь теперь не был уже единственной агентурной школой Скорцени. Любимцу фюрера даже был подчинен старший по чину штандартенфюрер СД Фридрих Кнолле, занимавшийся в оккупированной немцами Голландии диверсионной подготовкой ирландцев, враждебно настроенных по отношению к Великобритании, а также агентов из числа изменивших родине англичан и французов.

Вокруг Скорцени объединились самые фанатичные из нацистов, а также такие ландскнехты, профессиональные убийцы в военной форме, как прибалтийский аристократ капитан Адриан фон Фолькерсам, штурмбаннфюрер СД барон Клаус Иоахим фон Лепель, гауптштурмфюреры СС Карл Радль, Хунке и Хельмер, оберштурмфюреры СС Швердт, Менцель и Варгер.

С помощью этих головорезов Скорцени быстро сколотил шесть истребительных батальонов. Их укомплектовали опытными охотниками за людьми, которые не щадили никого, грубо попирая все законы и обычаи войны, зафиксированные международным правом. Они на деле демонстрировали, что такое провозглашенная фашистами "тотальная война". Злодейские убийства и карательные операции против партизан были для них привычным, повседневным делом.

Большая амбиция и жалкий конец

Неудачи армии фашистских агентов были не меньшими, чем поражения вермахта на фронтах. "В связи с этим, - записывал в своем военном дневнике начальник Скорцени бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг, - Гиммлер сказал мне, что фюрер недоволен результатами информационной деятельности секретной службы в отношении России. Мы явно не в состоянии активизировать секретную службу так, как этого требует военное положение"*.

Шелленберг и Скорцени приступили к осуществлению операции "Цеппеллин". С помощью службы безопасности и гестапо они попытались особыми средствами вынудить советских военнопленных дать им сведения, необходимые для запланированных подрывных актов. Но советские люди, как правило, отказывались стать предателями родины. Тогда их отправляли в лагерь уничтожения Освенцим и там, в соответствии со специальной пометкой в документах, заключали в особый барак № 11. Затем после зверских истязаний убивали выстрелом в затылок. Скорцени не раз принимал участие в этих расправах, с наслаждением садиста смакуя агонию жертв.

Гиммлер требовал успехов. Потому отборные агентурные банды высоко взлетевшего венского террориста пытались усилить диверсионные действия и против Советского Союза.

* Walter Schellenberg. Memoiren, S. 239.

Большого эффекта Скорцени ожидал от подрывных акций, предпринятых совместно с гитлеровским генеральным штабом сухопутных войск (ОКХ). "Твердо установлено, - диктовал он своей секретарше, - что в первую очередь следует нанести удары по русским коммуникациям, т. е. железным дорогам, мостам и шоссе... Поскольку такие операции планировались и отделом "Иностранные армии Востока" генерального штаба сухопутных сил, были проведены совместные совещания. На них я вновь встретился с генералом Кребсом, ставшим к тому времени начальником штаба генерал-полковника Гудериана. Он представил меня генералу Гелену, которому и была поручена практическая разработка этой операции"*.

Итак, штурмбаннфюрер СС Скорцени замышлял секретные диверсионные операции вместе с гитлеровским генералом Геленом**. Оба жаждали успеха, ибо нуждались в нем. Они засылали агентов в тыл непрерывно продвигавшейся вперед Красной Армии.

Но Советский Союз имел достаточный опыт борьбы с засланными врагами. Изобличенных гитлеровских агентов, пытавшихся сопротивляться, уничтожали на месте, остальных предавали суду военного трибунала.

"Фронт тайной войны" поглощал самых надежных подручных Скорцени. Вальтер Шелленберг в своем докладе нацистской верхушке признавал, по существу, провал шпионской и диверсионной деятельности: "...Все крупные планы терпели неудачу, - писал он, - из-за плохой работы нашей авиации. Поэтому нам приходилось ограничиваться лишь небольшими частными операциями, которые осуществлялись мелкими командами и сводились к взрывам трансформаторных установок и мачт высоковольтных передач. Но все это было мелкими булавочными уколами, которые едва ли наносили ущерб русским фронтовым силам, тем более что в конце концов большинство агентов попадало в их руки"***.

* Otto Skorzeny. Geheimkommando Skorzeny, S. 86-87.

** Генерал Рейнхард Гелен - тогдашний руководитель западногерманской разведки - Федеральной разведывательной службы (BND - аббревиатура от нем.: der Bundesnachrichtendienst), зачастую именуемой также "организация Гелена". - Прим. пер.

*** Walter Schellenberg. Memoiren, S. 246-247.

ЭСЭСОВЦЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЗА "ЧУДО-ОРУЖИЕ"

В 1944 году военное поражение гитлеровской Германии стало неизбежным. На Восточном фронте фашистские войска подвергались непрерывным мощным ударам Красной Армии, вынуждавшей их к беспорядочному отступлению.

В середине 1944 года медленно продвигавшиеся на север Италии англо-американские части достигли Флоренции. Войска западных союзников высадились наконец в Северной, а спустя два месяца в Южной Франции и перешли в наступление.

Гитлеровская военная машина стала трещать. Основная часть фашистского вермахта была скована на советско-германском фронте. Около 8 миллионов немецких солдат и офицеров полегли на полях сражений или оказались в плену. 190 тысяч орудий были уничтожены Красной Армией или брошены гитлеровцами во время панического бегства. 55 тысяч сожженных танков усеяли путь отступления агрессоров.

Хребет люфтваффе* Геринга был сломлен. Остатки примерно 100 тысяч хваленых алюминиевых птиц валялись по всей Европе. Две трети из них, точнее, 62 тысячи не вернулись после вылетов на Восточный фронт.

Англичане и американцы, применив в морской войне радар, стали медленно, но верно одерживать верх над германскими подводными лодками. С осени 1943 года они топили в среднем по одной немецкой подводной лодке в день.

Многие военные заводы в Германии, а главным образом рабочие кварталы после бомбежек англо-американской авиации представляли собой сплошные развалины.

И вот тогда Геббельс возвестил, что у Германии есть "чудо-оружие чудовищной силы", которое решит исход войны в ее пользу. Геббельс позаботился и о том, чтобы эти обнадеживающие слухи распространились повсюду, дошли до самого последнего целленлейтера**. Надо сказать, что часть немецкого народа поверила в этот блеф.

Действительно, нацисты разрабатывали в то время новое оружие, с которым они связывали надежды на перелом в ходе войны. Само собой разумеется, его засекреченным производством и предполагавшимся применением занимались эсэсовцы. Уполномоченным Гитлера по производству ракет "Фау" стал человек, который строил в концлагерях газовые камеры и крематории для механизированного массового убийства. Этот человек носил погоны группенфюрера СС. Звали его Ганс Каммлер. Возглавлявшаяся Каммлером "особая команда Дора" проектировала в военном управлении Главного управления имперской безопасности уничтожение людей в гигантском масштабе.

12 тысяч заключенных концентрационного лагеря "Дора", расположенного в Южном Гарце вблизи города Нордхаузен, загнали под землю, где в толще горного массива находились соединенные туннелями две главные шахты по полтора

километра длиной каждая. Лишенные дневного света узники - немцы, советские граждане, чехи, поляки, голландцы и французы - работали по 18 часов в сутки. Они делали ракеты, которые разрабатывались под руководством технического директора проектного бюро в Пенемюнде Вернера фон Брауна*. Ночью из штолен на поверхность земли вывозили снаряды типа "Фау-1", ракеты "Фау-2" (названы так по первой букве немецкого слова die Vergeltung, что означает "возмездие") и... трупы. Жертвами нечеловеческих условий труда стали 50 тысяч заключенных. Однако администрация концлагеря Бухенвальд своевременно заботилась о поставке требующегося "человеческого материала".

Производство снарядов "Фау-1" именовалось "FZ 9-76", а предприятие по их выпуску считалось основной частью авиационных заводов "Физелер". Каждая из этих несущих смерть и разрушение многотонных, начиненных динамитом сигар обходилась немецкому народу в 61 тысячу марок. Ракета "Фау-2" стоила еще дороже - около 306 тысяч марок.

К середине июня 1944 года Гитлер, Гиммлер, Геринг и Кейтель сочли, что нового оружия накоплено вполне достаточно, чтобы приступить к нанесению "решающего" удара. Около 23 тысяч снарядов "Фау-1" и свыше 10 800 ракет "Фау-2" с воем устремились через Ла-Манш на Лондон.

Нацистская клика избрала английскую столицу для обстрела по многим соображениям. Снаряды и ракеты "Фау" попадали в цель крайне неточно. Потому конструкторы этого вида оружия рекомендовали вести обстрел по большим площадям. Лондон же вместе с пригородами занимает территорию в 300 квадратных километров. К тому же Гиммлер и его штаб намеревались при помощи сравнительно небольшого количества "Фау" уничтожить возможно больше людей и зданий и тем самым оказать на англичан максимум морального давления. Население Большого Лондона составляло тогда свыше 8 миллионов человек. И наконец, согласно планам нацистов, новое оружие должно было заставить английское правительство пойти на заключение с гитлеровской Германией компромисса, переговоры о котором секретная служба СС и крупнейшие германские монополии вот уже несколько месяцев вели с контрагентами в Англии и США. Эти круги германского империализма стремились заключить с Англией и США сепаратный мир, чтобы всеми имеющимися силами, а если удастся - и вместе с западными державами, продолжать войну против Советского Союза.

Однако и на этот раз нацисты просчитались. Правда, каждая обрушившаяся на Лондон ракета "Фау" вызывала огромные опустошения, влекла за собой массу жертв среди гражданского

населения. Но только одна из каждых трех выпущенных по Лондону ракет "Фау" достигала предназначенной цели. Остальные взрывались на стартовых установках или с шипением погружались в волны Северного моря; их заставляли отклоняться от курса либо сбивали английские летчики-истребители.

Не считаясь с угрозой смерти, узники концлагерей - люди разных наций как только могли вредили производству "чудо-оружия". Этим объясняется то, что большое количество ракет не срабатывало. К тому же сама конструкция "Фау" была далеко несовершенна.

За несколько недель безрассудные игроки из гитлеровского окружения выбросили на ветер примерно 5 миллиардов марок. Именно в эту сумму обошлось немецкому народу обанкротившееся "чудо-оружие". Вскоре Гитлер и его свора поняли, что ракеты "Фау" не принесут "молниеносной победы". Смятение, вызванное этим выводом, охватило не только конструкторское бюро эсэсовского фаворита Вернера фон Брауна.

Новое "чудо" - "летающие гробы"

И снова на первый план выдвинулся штурмбаннфюрер СС Скорцени. С февраля 1944 года он, выполняя желание Гитлера, возглавил работу секретной службы СС по созданию "оружия особого назначения". За этим загадочным названием скрывалось немногое: нацисты всегда любили употреблять громкие фразы.

Скорцени сделал попытку хотя бы на время отсрочить поражение Германии. Он ввел на вооружение вермахта управляемые на расстоянии легкие танки "голиаф". Они предназначались для ликвидации становившегося все более явным превосходства советских танков. Это была жалкая попытка с ничтожным результатом!

Планы Скорцени по созданию "оружия особого назначения" можно охарактеризовать коротко - использовать для борьбы с противником самоубийц, одетых в военную форму.

Прежде всего любимец Гитлера установил контакт с оставшимся верным Муссолини князем Боргезе, который командовал так называемой "Х флотилией". За этим наименованием скрывалось особое подразделение подводников-диверсантов и управляемых смертниками торпед и катеров-снарядов. Несмотря на то что Италия капитулировала и объявила войну гитлеровской Германии, Боргезе под командой немецких офицеров безоговорочно продолжал воевать против англичан и американцев.

Позаимствованный у Боргезе опыт применения для борьбы с противником управляемых человеком торпед Скорцени использовал совместно с гитлеровским вице-адмиралом Хейе,

командовавшим "малыми боевыми соединениями военно-морского флота". Характерна запись, которую сделал в то время Скорцени в своем дневнике: "Опираясь на опыт итальянцев, адмирал Хейе и его сотрудники за несколько месяцев создали новое эффективное оружие особого назначения. Все следовало делать как можно быстрее, ибо все мы знали, что времени терять нельзя. Война близилась к концу"*.

Идя навстречу пожеланиям Скорцени, Хейе обучал эсэсовцев применению нового вида морского оружия.

16 сентября 1944 года гитлеровский лейб-орган газета "Фёлькишер беобахтер" с ликованием писала:

"НОВЫЙ ВИД ОРУЖИЯ - КАТЕРА-СНАРЯДЫ

В ряды тех, кому доверено это боевое оружие военно-морского флота, приняты также добровольцы из сухопутных войск и частей СС, имеющие предварительную морскую подготовку. Большинство их совсем молоды. Самостоятельно действуя в ближнем бою, они до конца отдают свою жизнь в морской войне. Многие из них перед выходом на боевое задание заявили, что направят оружие на особо важные цели, не рассчитывая возвратиться живыми".

И по сей день отцы, матери, невесты ждут подтверждения гибели своих близких - тех юношей, которых бессмысленно отправили на дно морское.

Но Скорцени было мало и этого. Он решил весьма простым способом повысить точность попадания ракет "Фау", после старта становившихся неуправляемыми. Поскольку речь шла о чужих жизнях, а не о его собственной, Скорцени не церемонился. Он приступил к экспериментам с ракетами, пилотируемыми человеком. Это с его "легкой" руки в терминологию фашистских летчиков вошло новое понятие: "Использование с самоуничтожением".

По образцу "человека-торпеды" Скорцени пытался даже создать так называемую "планирующую бомбу" - ее должен был направлять в цель находящийся в ней пилот. Через несколько недель эта идея уже приняла осязаемую форму.

Вернер фон Браун увидел в новом начинании Скорцени единственный шанс восстановить свою репутацию, сильно пошатнувшуюся в глазах Гитлера после неудач с "Фау", и сразу же принял в нем участие. Не пожелал остаться в стороне от создания управляемой человеком "планирующей бомбы" и концерн "Физелер": он организовал специальное конструкторское бюро. Имперское министерство авиации командировало в помощь Скорцени специалиста - некоего Теодора Беннеке*.

На экспериментальном полигоне около Рехлина еще гибли

при испытании "оружия особого назначения" первые пилоты, а человек со шрамами уже спешил доложить Гиммлеру о достигнутом "успехе".

Обер-палач пришел в восторг от предложения Скорцени подвергнуть бомбежке пилотируемыми ракетами, доставленными подводными лодками, Нью-Йорк. По его мнению, такие удары по населению восьмимиллионного города поставили бы американцев на колени и сделали бы их более сговорчивыми для заключения сепаратного мира с Германией.

* Служил позднее в военном министерстве ФРГ начальником XII отдела, занимающегося авиационной техникой.

Смутные мысли Скорцени довольно ясно выразил его шеф Вальтер Шелленберг, рассуждая насчет того, "как можно наилучшим образом (! - Ю.М.) парализовать наиболее чувствительные центры русской промышленности и снабжения...". В своем дневнике он сделал запись: "Мы могли бы с бомбардировщика дальнего радиуса действия запустить ракету "Фау-1" вблизи намеченного пункта, чтобы затем пилот-смертник направил ее прямо в цель... Бомбежке должны подвергнуться в первую очередь индустриальные комбинаты Куйбышева, Челябинска, Магнитогорска..."*

Как видим, у черно-коричневых специалистов по части проигранной войны было много амбиции, да мало амуниции. Борющиеся с фашистами народы позаботились о том, чтобы все эти порождения бредовой фантазии так и остались ею.

Итак, Скорцени возглавлял тех, кто был готов превратить немцев в придаток к смертоносному грузу взрывчатки, лишь бы нанести удары по Лондону, Нью-Йорку, Куйбышеву**. "Чудо-оружие" поглощало человеческие жизни и было не чем иным, как чудовищным обманом немецкого народа. Оно не смогло даже на время задержать победоносное наступление народов, мобилизовавших все силы на борьбу против коричневой чумы.

СКОРЦЕНИ РАСПРАВЛЯЕТСЯ С ЗАГОВОРЩИКАМИ

Бомба взорвалась

Где бы ни находился Скорцени, он всегда возил с собой фотографию Гитлера в рамке из серебра, на которой было выгравировано: "Моему штурмбаннфюреру Отто Скорцени в благодарность и на память о 12 сентября 1943 года. Адольф Гитлер". Человек со шрамами получил эту фотографию в подарок за похищение Муссолини. Вскоре Скорцени представилась новая возможность доказать, что он действительно верен своему фюреру.

20 июля 1944 года в "Волчьем логове" во время совещания, которое проводил Гитлер в своей ставке, взорвалась бомба с

часовым механизмом. Ее подложил патриотически настроенный офицер полковник граф Клаус Шенк фон Штауффенберг. Он и его единомышленники хотели убрать Гитлера, чтобы открыть путь к немедленному заключению мира и тем самым избавить немецкий народ от дальнейших жертв.

* Walter Schellenberg. Memoiren, S. 245.

** Ныне Самара.

Однако группа монополистов и военных, желавшая избавиться от Гитлера, руководствовалась совершенно другими мотивами. В 1944 году стало очевидно, что Гитлер не сумел дать им то, что обещал в те времена, когда они помогли ему сесть в седло. Теперь уж нечего было и думать о господстве над Европой и переделе мира. Через различные темные каналы заговорщики установили контакт с американской секретной службой, которая, являясь инструментом определенных кругов США, тоже была заинтересована в том, чтобы сохранить в Германии господство монополистического капитала и помешать борьбе народов Европы за демократию и прогресс*.

Заговорщики из числа приверженцев Гёрделера рассчитывали, что, после того как будет убит Гитлер, им наконец удастся заключить с Англией и США компромиссный мир при условии, что начатая война против Советского Союза будет продолжена. Разделяя эту концепцию, ряд офицеров генерального штаба, разочаровавшихся в Гитлере, примкнул к путчистам, которые хотели заменить диктатуру нацистов диктатурой военщины. Закулисные же вдохновители этих кругов остались прежние - это были промышленные магнаты с Рейна и Рура.

Заговор готовился многие месяцы. Руководящий центр находился в Берлине на Бендлерштрассе - в здании верховного командования вермахта. Заговорщики решили после убийства Гитлера не пропускать из ставки никакой информации, чтобы изолировать его приспешников от внешнего мира. Одновременно должна была начаться операция "Валькирия". По приказу заговорщиков вермахту предстояло разоружить части СС, службу безопасности и гестапо. Новое правительство должно было через внезапно захваченные радиостанции провозгласить установление диктатуры военщины и пришедших к власти новых ставленников монополий, а также объявить о мерах, целью которых с самого начала было задушить в зародыше любое возможное выступление трудящихся.

* Как показали дальнейшие исследования, эта оценка Июльского заговора 1944 года являлась односторонней. В заговоре участвовали представители не только враждебных Гитлеру реакционно-консервативных сил во главе с Гёрделером,

но и группа истинных патриотов своей родины, руководимая полковником графом Клаусом Шенком фон Штауффенбергом. Она выступала за немедленное прекращение войны на всех фронтах, за демократический строй в Германии и за установление дружеских отношений с СССР. - Подробно см. об этом: Д. Мельников. Заговор 20 июля 1944 года в Германии. Легенда и действительность. М., 1962, а также его статью в журнале "Новая и новейшая история", 1984, №4; Курт Финкер. Заговор 20 июля 1944 года в Германии. Дело полковника Штауффенберга. М., 1974; Вилль Бертольд. 42 покушения на Адольфа Гитлера. М., 2000. - Прим. пер.

Ахиллесовой пятой эсэсовцев была малочисленность их войск в самом Берлине и вокруг него. Между тем в Ланквице и Лихтерфельде находились юнкерские училища СС, а в Саарове дислоцировался танково-гренадерский батальон СС. Зато расположенные в Ораниенбурге эсэсовские части "Мертвая голова" были скованы. Они несли охрану переполненного узниками концентрационного лагеря Заксенхаузен. Заговорщики уже наметили части вермахта, которым вменялось в обязанность разоружить соединения СС. Однако из поля зрения заговорщиков выпал подчиненный Скорцени батальон "особого назначения" во Фридентале.

План заговора сорвался по многим причинам. Случай спас Гитлера, несмотря на то что в нескольких метрах от него разорвалась безосколочная бомба, которая должна была убить его взрывной волной. Хотя Гитлер остался жив, запрет на информацию из "Волчьего логова" вступил в силу. Штауффенберг, тут же вылетевший на самолете в Берлин и твердо убежденный в том, что Гитлер убит, дал сигнал к началу операции "Валькирия". Но заговорщикам не удалось захватить радиостанцию "Дойчландсзендер". Тем временем Геббельс передал по радио сообщение, что Гитлер жив. Многие офицеры начали сомневаться, следует ли выполнять непонятный большинству из них приказ об операции "Валькирия".

В самом здании на Бендлерштрассе группа офицеров, оставшихся верными Гитлеру, выступила против заговорщиков. Исход путча все еще казался неопределенным.

Тогда Геринг вечером того же дня отдал из "Волчьего логова" приказ штурмбаннфюреру СС Отто Скорцени вместе с командиром охранного батальона "Великая Германия" майором Ремером любыми средствами сломить сопротивление заговорщиков. И снова Скорцени получил полную свободу рук. Начальник полиции безопасности и Службы безопасности Кальтенбруннер обещал ему: "Я скоро приду на помощь!"

Скорцени приказал Ремеру оцепить своим батальоном здание ОКВ. Сам же он силами фридентальского батальона СС, которым командовал гауптштурмфюрер Адриан фон Фолькерсам, решил занять здание, чтобы "отсечь" его от вооруженных частей заговорщиков.

Ворвавшись во двор, эсэсовцы увидели распростертые тела графа Штауффенберга и трех его ближайших соратников, расстрелянных сторонниками Гитлера. Но мертвецы никогда не интересовали человека со шрамами, и, минуя их, он бросился с отрядом автоматчиков в хорошо знакомые ему кабинеты и коридоры здания ОКВ. Нечего и говорить, что Скорцени с присущей ему жестокостью подавил любую, даже самую малейшую оппозицию против "своего фюрера".

Путч был заранее обречен на провал. У заговорщиков не было каких-либо контактов с широкими слоями немецкого народа, у них имелись глубокие расхождения по вопросу о политике, которую следует проводить после устранения Гитлера. Кроме того, среди путчистов имелись шпики Гиммлера.

Двойная роль советника консистории*

Однако при подавлении путча произошло нечто заслуживающее теперь исключительного внимания.

Дело в том, что уцелел очевидец событий во дворе здания на Бендлерштрассе. Вот как он их описывает:

"Мы оказались отрезаны от оружия, лежавшего наготове в здании ОКВ, и в нашем распоряжении остались только пистолеты. Сразу же стало ясно, что дело проиграно. Генерал Ольбрихт и его штаб тут же направились к генерал-полковнику Беку, но по дороге подверглись нападению, были обезоружены и выведены во двор ОКВ ворвавшимися эсэсовцами. Снова раздались выстрелы; это застрелились Бек** и Вагнер. В конце концов нас осталось всего человек восемь-десять, собравшихся в кабинете Штауффенберга и еще не сдавшихся. Среди них были мой друг граф Йорк фон Вартенбург, граф фон Шуленбург, граф Шверин-Шваненфельд, граф Бертольд Штауффенберг - брат Клауса Шенка фон Штауффенберга, а кроме того, подполковник генерального штаба Бернадис и несколько других лиц, мне почти незнакомых. Вместе со Шверином и Йорком мы сожгли важные документы, а затем попытались прорваться через оцепление в вестибюле.

Во время этой попытки я был схвачен, опознан как участник заговора и передан одним из офицеров-изменников карательной команде. Пока меня конвоировали, во дворе верховного командования уже начались расстрелы. Но прежде чем меня вывели во двор, команду задержали ворвавшиеся в здание эсэсовцы и гестаповцы. После недолгих пререканий они забрали

меня с собой, поскольку я был в штатском, и отвели в кабинет Штауффенберга для короткого допроса. В результате я не был расстрелян, а отправлен в кандалах в Главное управление имперской безопасности на Принц-Альбрехтштрассе"*.

Эти показания дал Карл Альбрехт Ойген Герстенмайер, занимающий ныне** пост председателя бундестага ФРГ и согласно дипломатическому протоколу являющийся вторым по значению человеком в государстве. Примечательно не то, что Герстенмайер попал 20 июля 1944 года в руки Скорцени, а то, что человек со шрамами сделал все, чтобы сохранить ему жизнь. Разумеется, Герстенмайер остерегается признавать это. Ведь из числа тех, кто называл себя противником Гитлера и в день покушения на него был схвачен эсэсовцами в Берлине в здании ОКВ, до конца войны дожили всего только двое.

Один из них - доктор Ганс Бернд Гизевиус. Доподлинно известно, что он был платным агентом абвера, возглавлявшегося адмиралом Канарисом, а позднее в качестве шпика служил Гиммлеру, одновременно запродавшись и американской разведке.

Второй - это Ойген Герстенмайер, который следующим образом описывает то, что произошло с ним после ареста благодаря вмешательству Скорцени:

"Было объявлено, что я буду повешен утром 21 июля. Однако вместо казни меня вызвали на допрос, который происходил в присутствии большого количества чинов СС и гестапо... Несмотря на бесконечные допросы, длившиеся и днем и ночью, меня не включили в число тех заговорщиков, которых повесили 8 августа, и 27 сентября гестапо передало меня имперскому обер-прокурору Народного трибунала.

8 января 1945 года в 7 часов вечера мне вручили обвинительный акт на 28 страницах и повестку о вызове в первый сенат Народного трибунала. 9 января в 8 часов утра я вместе с восемью другими обвиняемыми должен был предстать перед Народным трибуналом под председательством Фрайзлера... Имперский обер-прокурор требовал смертной казни. Объявление приговора было отложено на 24 часа. Затем был оглашен приговор: семь лет каторжной тюрьмы с лишением гражданских прав на тот же срок. И все-таки, несмотря на все, приговор этот остается для меня необъяснимым. Многие мои друзья, гораздо менее виновные, были отправлены тем же самым Фрайзлером на казнь. После осуждения я продолжал оставаться заключенным, находящимся под юрисдикцией имперского обер-прокурора, и в качестве такового меня содержали в тюрьме Тегель..."*

И дальше Герстенмайер буквально рассыпается в похвалах: "В гестапо, а также в тюрьме я нашел не только справедливых, но и

готовых прийти мне на помощь тюремщиков"**.

Об этом особом обращении с Герстенмайером позаботилась Служба безопасности в лице Скорцени. В течение трех дней человек со шрамами располагал на Бендлерштрассе неограниченными полномочиями в отношении армии резерва и персонала ОКВ. Скорцени лихорадочно выискивал каждого, кто хотя бы только сочувствовал приказу "Валькирия", даже и не выполняя его. Он пачками поставлял противников Гитлера под нож гестапо. Он считал, что лучше повесить одним предполагаемым (пусть и не вполне изобличенным) противником Гитлера больше, чем одним меньше. Но почему-то именно Герстенмайера он пощадил. Сделал он это по весьма веской причине: Герстенмайер принадлежал к его агентуре. Начиная с 1938 года он официально числился в качестве "доверенного лица" в картотеке отдела "Абвер (заграница)" верховного командования вермахта. С 1939 года Герстенмайер перешел в подчинение отдела "Абвер II", т. е. диверсионного органа военной секретной службы гитлеровской Германии. Под маской советника консистории Герстенмайер выполнил не одно особое задание нацистов в странах Балканского полуострова, Скандинавии и в других регионах земного шара.

Как известно, именно этот отдел абвера вместе с его армией агентов с марта 1944 года был подчинен возглавленному Скорцени террористическому центру в Главном управлении имперской безопасности.

* "Der 20. Juli 1944". In: "Beitrдge zur Geschichte der deutschen Widerstandsbewegung", Schriften des Sьdkuriers, Nr 1, Konstanz, S. 7.

** Eugen Gerstenmaier. Hilfe fьr Deutschland. Frankfurt (Main), 1946, S. 22.

Итак, Скорцени ваял под защиту одного из своих отборных агентов. А тот в послевоенные годы постарался отблагодарить своего благодетеля по принципу: "Рука руку моет".

ОБЕР-БАНДИТ ДЕЙСТВУЕТ В БУДАПЕШТЕ

Расправа с компаньонами

К сентябрю 1944 года у гитлеровской Германии остался лишь один вассал - Венгрия.

После того как Красная Армия разгромила в районе Кишинев - Яссы сражавшиеся на стороне Гитлера румынские дивизии, в конце августа объявила Германии войну и Румыния. В начале сентября произошло народное восстание в Болгарии. Она также отпала от гитлеровского блока. Через несколько дней запросила перемирия Финляндия. Только правительство Хорти все еще продолжало выполнять свои обязанности союзника нацистской Германии.

Фронт приближался к границам Венгрии. Недовольство венгерского народа росло день ото дня; 1-я венгерская армия истекла кровью на Дону, сражаясь за чуждые ей цели. В стране ширилось движение Сопротивления. Венгерский народ не мог простить диктатору Венгрии Миклошу Хорти того, что в марте 1944 года он призвал в страну гитлеровских оккупантов.

Оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман уже шестой месяц вел здесь охоту на евреев, которые до тех пор еще не подвергались в Венгрии массовому уничтожению.

Эсэсовская секретная служба, а также уполномоченный Гитлера в Венгрии бригадефюрер СС Эдмунд Везенмайер* опасались, что под давлением событий Хорти может последовать румынскому примеру.

Правда, для подобного предположения не было серьезных оснований: венгерский диктатор, проводивший антинародную политику и позаботившийся об участии Венгрии в агрессивных планах гитлеровцев, и теперь не думал об интересах венгерского народа. Он стремился лишь спасти наследственное регентство, которого добился для своей семьи.

* В 1948 году Везенмайер за военные преступления, преступления против человечности и принадлежность к преступным организациям был приговорен в Нюрнберге к 20 годам одиночного заключения, но спустя три года выпущен американскими оккупационными властями из каторжной тюрьмы Ландсберг, ныне, в 1963 г., он - преуспевающий представитель концернов в Дармштадте (ФРГ).

С ведома Хорти некоторые круги венгерских феодалов и военщины стали пытаться установить через нейтральные государства контакты с американцами и англичанами. Но секретная служба СС, развернувшая в Венгрии гигантскую агентурную сеть, с помощью своих агентов знала об этих попытках и держала их под бдительным наблюдением.

Гитлер снова вызвал Скорцени в ставку. За обитыми войлоком дверями маляр из Браунау* провел секретное совещание с Гиммлером, Риббентропом, Кейтелем, Йодлем. Приглашен был и Скорцени.

Слово попросил Риббентроп. Полистав донесения, полученные из Венгрии от Везенмайера, он прочитал: "Основная причина пораженческой позиции влиятельных кругов Венгрии и саботаж совместных целей войны объясняется наличием в стране еврейского населения. В количественном отношении евреи составляют почти 10 процентов всего населения Венгрии, а в Будапеште - даже 35"**.

Риббентроп взял в руки второй документ, также подписанный

Везенмайером: "Евреи - враг номер 1. Эти 1,1 миллиона евреев ведут подрывную деятельность против рейха. Такое же, если не вдвое большее, число венгров - приспешников евреев помогают им. Для того чтобы парализовать саботажников, заставить их отступить, необходимо предъявить им наши жесткие требования, с угрозой ввести в дело германские дивизии и бомбардировочные эскадрильи. По моему мнению, этого будет достаточно, чтобы противник капитулировал. Я твердо убежден в том, что регент Хорти без всякого промедления согласится с любой кандидатурой премьер-министра, которую пожелает предложить фюрер. Он это сделает хотя бы ради того, чтобы спасти себя и свою семью"***.

Докладывая фюреру, Риббентроп хорошо учел фанатический антисемитизм присутствовавших, который и ему служил средством оправдания внешнеполитических провалов, сопутствовавших военным поражениям.

* Адольф Гитлер (настоящая фамилия Шикльгрубер) родился в австрийском городе Браунау и в молодости был неудавшимся художником. - Прим. пер.

** Geheime Reichssache - Bericht ьber Ungarn. Im Staatsarchiv Nьrnberg, NG-2192.

*** Geheime Reichssache, Nr. Dr. V. 25/43. Dokument NG-5560.

Совещание в ставке длилось недолго: все были единодушны. Гитлер подвел итог: "Вы, Скорцени, на случай, если регент нарушит свои союзнические обязательства, подготовите захват Замка*. Чтобы облегчить выполнение задания, я дам вам письменный приказ с широкими полномочиями".

Присутствовавшие щелкнули каблуками и гаркнули: "Хайль мой фюрер!"

Так человек со шрамами был направлен в Венгрию, все еще считавшуюся союзницей гитлеровской Германии, для организации государственного переворота. Он вышел из ставки фюрера, снабженный специальным письмом, напоминавшим послание восточного владыки своим сатрапам: "Штурмбаннфюрер СС Отто Скорцени действует во исполнение личного, строго секретного приказа чрезвычайной важности. Предписываю всем военным и государственным органам оказывать Скорцени всяческое содействие и идти навстречу его пожеланиям. Адольф Гитлер". Над этими строками, отпечатанными на бланке со штампом "фюрер и рейхсканцлер", была изображена тисненная золотом свастика с орлом. То был карт-бланш одного бандита другому на совершение любого преступления.

Приступая к выполнению нового диверсионного задания, Скорцени прежде всего сменил фамилию, приказав своему центру по изготовлению подложных документов сфабриковать для себя паспорт на имя доктора Вольфа. В Будапеште он появился в штатском.

Три батальона Скорцени уже стояли на окраине города в полной боевой готовности. Самые отпетые террористы разгуливали в штатских костюмах и пока наслаждались красотами венгерской столицы.

Скорцени, он же доктор Вольф, действовал в контакте с начальником службы безопасности района Балкан и Италии штурмбаннфюрером СС Вильгельмом Хёттлем, который с начала года обосновался в Будапеште со своей штаб-квартирой. Главной задачей Хёттля было нащупать и разгромить руководимое венгерскими коммунистами движение Сопротивления, с каждым днем становившееся все активнее. Хёттль позаботился о том, чтобы венгерские тюрьмы и гестаповские застенки не пустовали, и все-таки сопротивление венгерского народа не ослабевало, а, наоборот, усиливалось, о чем свидетельствовали размах и интенсивность антифашистских действий. Теперь Хёттль вместе со Скорцени сконцентрировал все усилия для того, чтобы убрать правящую клику Венгрии, которую нацисты уже не считали вполне надежной. Оба они хорошо знали друг друга по совместной работе в органах службы безопасности в Вене, а также

в Главном управлении имперской безопасности.

Будапешт, 10 октября 1944 года. От Дуная стелется густой туман. Перед отелем "Ритц", скрежеща тормозами, останавливается легковой автомобиль с флажком. Комендант Будапешта венгерский генерал Бакаи осторожно выходит из машины. Но дойти до расположенного всего в нескольких метрах отеля ему так и не удалось: у службы безопасности большой опыт в похищении людей.

Будапешт, 11 октября 1944 года, ночь. Квартира командующего венгерской Дунайской флотилией, флигель-адъютанта Хорти Коломана Харди. Чей-то голос за дверью произносит: "Господин генерал-лейтенант, прошу немедленно открыть: срочное сообщение от господина регента!" Харди попался на удочку. Служба безопасности упрятала его в концлагерь.

Теперь наступила очередь Хорти-младшего. Зная о жажде власти, обуревавшей семейство Хорти, секретная служба СС расставила новые сети. Необходимо было найти средство заставить 76-летнего венгерского диктатора и дальше следовать по тому пути, по которому тот шел вместе с Гитлером в течение десяти лет. Объектом шантажа был избран сын Хорти Никлас. Согласно завещанию, он должен был стать диктатором Венгрии. Политические гангстеры начали действовать. Прежде всего штурмбаннфюрер СС Хёттль подослал к нему одного из своих агентов. Он договорился с Хорти-младшим о встрече, которая должна была состояться 15 октября в кабинете директора венгерской компании речного судоходства "Феликс Борнемисца".

План Службы безопасности был несложен: тщательно проинструктированный комиссар гестапо Клагес (он уже пробрался в здание вместе с тремя другими эсэсовцами) должен схватить и увезти попавшегося в ловушку сына Хорти. Таким образом, его рассчитывали использовать в качестве заложника для шантажирования отца.

Скорцени и его сообщники были уверены в успехе операции. Однако неожиданно для них молодой Хорти прибыл с ротой лейб-гвардии и приказал ей оцепить набережную Дуная вокруг места назначенной встречи. И все же гестаповец Клагес перехитрил Хорти и его друга Борнемисцу и сумел схватить их. Он приказал надеть на пленников наручники, закатать их в большие ковры и вынести из здания. Охранявшие дом лейб-гвардейцы Хорти разгадали этот маневр и открыли огонь. Гестаповцы обратились в бегство.

Теперь настала очередь действовать Скорцени. Он подал агентам службы безопасности сигнал к атаке. Из-под штатских

пиджаков были извлечены бесшумные пистолеты, а из карманов брюк - ручные гранаты. Такого оборота дела лейб-гвардейцы Хорти не ожидали.

Подручные Скорцени поспешно погрузили ковры с содержимым в стоявший наготове автомобиль. Хорти-младший разделил судьбу Харди. Он также был отправлен в концентрационный лагерь.

Выстрелы в правительственной резиденции

В штабе Скорцени продолжала расти гора донесений о действиях венгерских групп Сопротивления. Нарастала и неустойчивость венгерского правительства.

Теперь Скорцени уж было мало одного Хорти-младшего. На утро следующего дня он назначил штурм городской крепости в Буде - резиденции венгерского правительства. Там же размещались венгерское военное министерство и министерство внутренних дел, а также германское посольство. На этот раз Скорцени назвал свою преступную акцию операцией "Бронированный кулак".

Находившийся в подчинении Скорцени батальон эсэсовцев-парашютистов в назначенный час ворвался в район крепости. Она была окружена. Сам Скорцени вместе с посаженным на танки "тигр" пехотным десантом истребительного батальона "Центр" атаковал главный вход. Древние ворота крепости не устояли перед натиском танков. Раздались первые выстрелы. Банда убийц устремилась в коридоры крепости. Гитлеровский черный циклоп под дулом винтовки заставил командира лейб-гвардии Хорти венгерского генерала Кароля Лазара дать по телефону приказ гвардейскому батальону гонведа (уже вступившему в бой с эсэсовцами) и дворцовой охране немедленно прекратить сопротивление. Затем Скорцени перерезал телефонный провод и, захватив план здания, двинулся дальше. За его спиной прогремел выстрел: Лазар пустил себе пулю в лоб. Правительство Хорти лишилось охраны. По приказу нацистской клики оно было свергнуто любимцем Гитлера. Семеро убитых и двадцать семь раненых остались на месте этой схватки.

Человек со шрамами расправился с приверженцами Хорти. При содействии Скорцени, ставшего комендантом крепости, венгерские фашисты из партии "Скрещенные стрелы" установили свою диктатуру. Венгрию охватил террор.

Скорцени направил в ставку фюрера победную реляцию. И снова любимец фюрера удостоился награды. Он получил еще один плетеный квадрат на петлицу* и стал оберштурмбаннфюрером СС. Грудь убийцы теперь украсил "Золотой рыцарский крест", пожалованный ему Гитлером.

В Германию отправился специальный поезд: Скорцени и его отряд охотников на людей везли своему фюреру... низложенного Хорти. В те же дни оберштурмбаннфюрер СС Эйхман слал в лагеря уничтожения все новые и новые эшелоны с венгерскими евреями; 618 тысяч их уже были отданы в лапы смерти.

Новое правительство, состоявшее из нилашистов**, безоговорочно осталось на стороне гитлеровцев. Война со всеми ее последствиями пришла на венгерскую землю и принесла ее народу много бессмысленных жертв, пока Красная Армия не положила конец господству фашистов в Венгрии.

"НЕ ВОЗИТЬСЯ!"

Последние судороги в Арденнах

Всего лишь через неделю после возвращения из Будапешта Скорцени снова явился к Гитлеру. Присутствуя при докладе о положении на фронтах, он узнал о новых планах верховного командования вермахта: намечалось не только остановить быстро продвигавшиеся к Рейну американские и английские войска, но и нанести им решающий удар. Замысел гитлеровской клики был таков: из района Ахен - Люксембург ударить танками в направлении Антверпена, чтобы отрезать 2-ю британскую группу армий от подошедших вплотную к Ахену американских дивизий. Осуществить это поручалось группе армий "Б" под командованием генерал-фельдмаршала Вальтера Моделя - любимца Гитлера. Из района Голландии его должна была поддержать группа армий "Х" генерал-полковника Штудента.

* Эсэсовские офицеры в чине до штандартенфюрера (полковника) носили знаки различия на левой петлице. - Прим. пер.

** Нилашисты - члены фашистской партии "Скрещенные стрелы", возглавлявшейся Ференцем Салаши, который в результате государственного переворота 15 октября 1944 года пришел к власти в Венгрии, провозгласив себя "вождем нации". - Прим. пер.

Гитлер приказал огласить список соединений и их командиров.

7-я армия - левый фланг, 5-я танковая армия генерала фон Мантёйфеля центр, 6-я танковая армия СС генерал-полковника СС Зеппа Дитриха - правый фланг.

Фюрер кивнул в знак согласия.

Атаковать коммуникации союзников в устье Шельды военно-морскими силами ближнего боя должен вице-адмирал Хейе.

Гитлер снова кивнул: да, для такой операции не сыскать более надежных командиров.

Дошло дело и до Скорцени. Гитлер приказал: "На вас и

подчиненные вам подразделения возлагается одна из важнейших задач наступления. Действуя в тылу противника, вы обязаны захватить один или несколько мостов через Маас на участке между Льежем и Намюром. При выполнении этой задачи вы для маскировки переоденетесь в форму английских и американских солдат... Кроме того, необходимо выслать вперед небольшие команды также в английской и американской форме, которые должны распространять дезинформирующие приказы, нарушать связь и вносить в ряды войск противника замешательство и панику..."

До сих пор военная форма противника использовалась командованием вермахта и СС в диверсионных целях только на Восточном фронте.

Скорцени прекрасно понимал, что такое одеть немецких солдат в английскую и американскую военную форму и затем бросить их в бой. Для тех из них, кто попадет в руки противника, это будет равносильно верной смерти.

Времени на подготовку у Скорцени было немного. Прежде всего он вновь сменил фамилию и стал зваться Золяром. Подчиненная Скорцени 150-я танковая бригада была придана 6-й танковой дивизии СС. Пользуясь предоставленными ему чрезвычайными полномочиями, Скорцени отобрал военнослужащих вермахта, которые более или менее сносно говорили по-английски. Из лагерей для военнопленных привезли английских и американских унтер-офицеров: они должны были научить немецких диверсантов наиболее употребительным английским фразам, американскому жаргону и преподать им формы обращения и поведения солдат американских и английских войск. Потом Скорцени распорядился доставить ему английское и американское обмундирование, а также личные документы убитых или находящихся за колючей проволокой солдат и офицеров войск западных держав. На военный полигон Графенвёр стало поступать английское и американское трофейное оружие - от офицерских пистолетов до танков "шерман".

Сообщники человека со шрамами занялись обучением трех тысяч говорящих по-английски немецких солдат и офицеров "науке" быстро и бесшумно приканчивать людей. Жилые бараки, где разместился личный состав 150-й танковой бригады, охранялись эсэсовцами. У солдат и офицеров отобрали немецкие удостоверения личности, а их переписка подвергалась строгой цензуре службы безопасности.

Перед диверсионными отрядами Скорцени, которые эсэсовцы называли гангстерским словечком "гэнгз", стояла задача в

неразберихе, вызванной внезапным наступлением немецких войск, перейти линию фронта и проникнуть в тыл противника. Диверсантов снабдили фунтами стерлингов и долларами (фальшивыми, разумеется), а для подкрепления морального духа выдали каждому капсулу с цианистым калием - Скорцени сам распорядился об этом. Участники предстоявшей операции постепенно осознавали, что они, в сущности, потенциальные мертвецы.

Убийство под Мальмеди

14 декабря 1944 года Скорцени объявил командирам трех боевых групп задачи по осуществлению операции "Гриф" - так на языке эсэсовцев должны были именоваться действия диверсантов в тылу англо-американских войск. Штандартенфюрер СС Иоахим Пайпер получил от Скорцени задание переправиться со своим отрядом через Маас в районе Льежа и во что бы то ни стало занять и удержать все стратегически важные переправы.

На рассвете 16 декабря 1944 года на английские и американские войска внезапно обрушился удар, вызвавший их беспорядочное отступление на фронте протяженностью в сотни километров. Низко нависшие тучи свели на нет превосходство англо-американской авиации. Командование гитлеровцев воспользовалось этим. Немецкие танки смяли передовые позиции союзников. В поток поспешно отступающих войск незаметно влились диверсионные отряды Скорцени. Они давали частям противника ложные приказы, нарушали телефонную связь, уничтожали и переставляли дорожные указатели, перекрывали дороги, минировали железнодорожные пути и шоссе, взрывали склады боеприпасов. Американцы и англичане расплачивались за свою беспечность. На коммуникации англо-американских войск обрушились ракеты "Фау". Вскоре "томми" и "ами" были уже не в состоянии различить, где фронт, где тыл. Тысячи из них погибли либо попали в руки эсэсовцев в первые же часы наступления. На поле боя остались подбитыми и сгоревшими 700 танков союзников. Фронт был прорван.

Во многих местах войска СС действовали с присущей им жестокостью. Например, на второй день наступления подчиненный Скорцени эсэсовский полковник Пайпер приказал расстрелять на развилке дорог юго-восточнее Мальмеди 71 безоружного американского военнопленного. Эсэсовцы опасались, что пленные могут впоследствии разоблачить одетых в форму противника диверсантов. Но вскоре агентам Скорцени пришлось поплатиться своими жизнями за операцию "Гриф".

Капитан американской Си-Ай-Си* Вэйнрайт во время проверки документов на одной из дорог в тылу англо-

американских войск задержал "джип" с переодетыми людьми Скорцени и случайно обнаружил в этой автомашине рацию германского образца. 22 декабря 1944 года в бельгийском городке Анри Шапелль военно-полевой суд американской армии приговорил к смертной казни трех диверсантов из отрядов Скорцени. Их показания послужили исходной точкой для операции, которую американские военные историки громко назвали "самой крупной охотой на шпионов" во всей военной истории США. В течение нескольких последующих дней перед военными трибуналами предстали еще 128 террористов Скорцени, и им был вынесен смертный приговор.

Катастрофические последствия наступления гитлеровцев в Арденнах заставили английского премьер-министра Уинстона Черчилля спешно обратиться с призывом о помощи к правительству СССР. Он просил ускорить срок намеченного наступления советских войск на советско-германском фронте, чтобы тем самым ослабить натиск немцев на Западе. Советское командование выполнило свой союзнический долг.

Арденнское наступление гитлеровцев постепенно выдыхалось. Подчиненная Скорцени диверсионная часть потеряла более двух третей личного состава. Операцию в Арденнах начали около трех тысяч диверсантов Скорцени, обратно же вернулась лишь жалкая кучка. А человек со шрамами вновь был удостоен благосклонности фюрера. Он получил "Почетную планку" к "Рыцарскому кресту".

* CIC ("Counter Intelligence Corps") - контрразведка США. - Прим. пер.

Те, кто служил Скорцени орудием осуществления диверсионных планов, остались лежать в бельгийской земле, под чужими именами, а зачастую неопознанные. Любимец же Гитлера со шрамами на физиономии отбыл в рождественский отпуск.

"Удержать позиции невозможно!"

В те дни в замке Фриденталь царило лихорадочное возбуждение. Не успели прибыть из Арденн остатки разгромленных групп диверсантов, как во все направления уже выезжали новые диверсионные отряды. На полную мощность работали технические отделы, изготавливавшие новые подложные удостоверения, микрофильмы секретных документов и картотек агентов. В каминах замка, превращаясь в пепел, горели секретные бумаги. Штурмбаннфюрер СД барон фон Лепель получал приказы весьма деликатного свойства. В них все чаще звучало слово "Испания". Речь шла о будущей деятельности нацистского шпионского центра в Барселоне, который скрывался под вывеской "Немецкой школы языка и коммерции". Вскоре у

руководителя агентурного центра военного управления ("Amt Mil") в Мадриде подполковника генерального штаба Арно Клейенштубера оказалось по горло работы.

По приказу Вальтера Шелленберга сотрудники эсэсовской секретной службы упаковывали архивы и перебрасывали самолетами самые ценные материалы в свои испанские филиалы. Тайные курьеры непрерывно прибывали во Фриденталь и покидали его с набитыми доверху чемоданами.

Вести с фронта были неутешительны: подчиненные Скорцени истребительные части доносили только о потерях.

Истребительный батальон "Ост" получил от Скорцени приказ оборонять от наступающей Красной Армии город Иноврoцлав, недалеко от Быдгоща. 18 января 1945 года человек со шрамами пожал на прощание руку командиру батальона "Ост" фон Фолькерсаму. А спустя одиннадцать дней истребительный батальон был полностью уничтожен наступающими советскими частями. "Из всего батальона во Фриденталь вернулись лишь два офицера и трое рядовых, да и те были уже не люди, а жалкие развалины", - записал в своем дневнике Скорцени. Но он умолчал о том, что поведали уцелевшие. "Когда нас окружили русские, докладывал Скорцени подполковник Фридрих Вильгельм Гейнц, - гауптштурмфюрер фон Фолькерсам решил прорваться. Нас осталось всего около полусотни. Боеприпасов было еще достаточно. 21 января мы послали вам, господин оберштурмбаннфюрер, радиограмму: "Удержать позиции невозможно!" Но ответа не получили. Тем временем мы искали слабое место в кольце. Гауптштурмфюрер Фолькерсам погиб, наткнувшись на разведывательный дозор".

Прибалтийский помещик, главарь диверсантов Фолькерсам, получил по заслугам, когда отправился искать "слабое место". Ему не помогли форма советского офицера и отличное знание русского языка. Вместе с ним нашли свою смерть еще четыре разведчика, также переодетые в форму советских солдат. На Скорцени гибель сообщников не произвела никакого впечатления. Ему были неведомы угрызения совести. Ведь он даже не ответил на призыв Фолькерсама о помощи. Телеграмма со словами "Удержать позиции невозможно!" наверняка сгорела в камине, прочитанная лишь адъютантом Скорцени.

Отто-вешатель зверствует в Шведте

В последний день января 1945 года Гиммлер срочно вызвал Скорцени к телеграфному аппарату. Оберштурмбаннфюрер следил, как на ленте отпечатывались буквы: "Приказ № 831. Истребительным батальонам со всеми имеющимися подразделениями сегодня же выступить к Шведту-на-Одере и

создать плацдарм восточнее Одера, достаточно большой, чтобы в дальнейшем перейти оттуда в наступление и нанести удар противнику. Командующий группой армий "Висла" Гиммлер".

Человеку со шрамами стало не по себе: это означало, что линия фронта проходит уже в 60 километрах от Берлина! Скорцени поднял на ноги все, что еще было можно. Из Фриденталя он захватил с собой истребительный батальон "Центр". Батальон "Норд-Вест", равный по численности лишь одной роте, выступил в восточном направлении. В Нейштрелице готовился к своему последнему бою 600-й парашютный батальон, также находившийся в распоряжении Скорцени.

В последующий месяц обер-бандит показал, как он понимает "тотальную войну" - теперь она уже шла на немецкой земле. Эсэсовцы полностью хозяйничали в Шведте. Их штаб расположился в старом замке. Скорцени вызвал к себе местную нацистскую элиту - бургомистра города Шрадера-Роттмерса, являвшегося командиром фольксштурма, нацистского уполномоченного Ханко Крюгера и полицейского лейтенанта Думке (ныне он офицер полиции в Ганновере) и отдал распоряжения. Они были угодливо дополнены и приняты всеми присутствовавшими. Приказ Скорцени гласил: "Население Шведта подлежит принудительной эвакуации. Всех мужчин, способных носить оружие, бросить на усиление фольксштурма. Остальных жителей мужского пола мобилизовать для работ по созданию оборонительных сооружений на восточном берегу Одера. Никто не имеет права покинуть район плацдарма без письменного разрешения. Постам СС обеспечить проверку документов на улицах и вокзале. Взорвать лед на Одере. Затопить все низменности. Все мосты, особенно на плотинах через Одер, подготовить к взрыву. О любом невыполнении приказаний доносить немедленно".

Затем под команду Скорцени был передан дислоцировавшийся в Шведте 3-й танково-гренадерский батальон. Солдат выстроили, и Скорцени объявил приказ Гиммлера: "Семьи тех, кто сдастся в плен не будучи ранен, подлежат уничтожению. Этого требуют долг перед народом и традиции германцев".

Тем временем разведка донесла, что войска 1-го Белорусского фронта неудержимо продвигаются к Шведту. Скорцени по радио запросил подкреплений. И Гиммлер поспешил направить ему немалые силы. Рейхсмаршал Геринг передал в распоряжение человека со шрамами даже свой личный охранный батальон "Герман Геринг": он дрожал за свой замок Каринхалль, расположенный недалеко от Шведта. Теперь недолго оставалось

ждать и назначения Скорцени командиром дивизии. На таком высоком командном посту даже в последние дни войны не так уж часто можно было встретить оберштурмбаннфюрера СС.

Боевой дух солдат, понадерганных из тыловых служб и госпиталей, не мог удовлетворить Скорцени. Им было ясно: война проиграна. Непрерывно следовавшие через Шведт колонны насильно эвакуированных жителей из районов, расположенных восточнее Одера, угнетающе действовали на психику солдат. Усиливались пораженческие настроения. Скорцени решил навести порядок.

4 февраля 1945 года - третий день пребывания Скорцени в Шведте. В 3 часа дня к ратуше, где заседает военный суд под председательством Скорцени, подъезжает пожарная машина; на ней - человек в кандалах. Машина останавливается под деревом, из уст привезенного несутся проклятия. Осужденному надевают петлю на шею, перекидывают веревку через сук. Вокруг толпятся беженцы, глазеют зеваки. Лейтенант полиции Думке дает знак. Машина медленно двигается с места, затягивая петлю. На грудь казненному вешают щит: "Я, Курт Флётер, повешен за то, что бросил свой город в беде". Так расправился Скорцени с бургомистром небольшого городка Кёнигсберг в округе Неймарк. Целых пять дней висело тело Флётера у дороги, по которой проходили сотни людей, и, только когда труп стал разлагаться, Скорцени разрешил снять и похоронить его.

Специалист по "мокрым делам" продолжал свирепствовать. День за днем выносились смертные приговоры. Публичные казни стали в Шведте обычным явлением. Эсэсовские подручные Скорцени вешали людей на перилах мостов через Одер, на мачтах судов, на кладбищенских оградах, на здании вокзала в Ангермюнде. Один солдат из Кёльна был повешен за то, что, встретив в колонне беженцев свою мать, проводил ее около километра. По приказу Скорцени на тело казненного повесили доску с надписью: "Я, Норберт Роберт, дезертировал из части. За это меня вздернули!" Через несколько дней был повешен обер-лейтенант Рихтер: "За бегство от врага".

В городе Ангермюнде, неподалеку от Шведта, по приказу Скорцени были казнены три солдата.

Это далеко не полный список казненных по приказу Скорцени. Имена многих жертв еще не установлены: человек со шрамами предусмотрительно запретил регистрировать их смерть в актах гражданского состояния, а трупы солдат закапывали, сняв с них личные опознавательные знаки, или же просто бросали в общие могилы.

Солдаты-фронтовики и гражданское население, познавшие на

себе звериную жестокость Скорцени, прозвали его "Отто-вешатель". К тому времени, когда Скорцени покинул Шведт, общие могилы были полны до краев, жители разбежались, город и его окрестности опустели, свыше 3 тысяч гектаров земли оказались затопленными, от мостов уцелели лишь одни сваи, шлюзы и насосные станции были разрушены, а из каждых десяти жилых зданий восемь превращены в развалины.

Любимцу фюрера так и не удалось удержать шведтский плацдарм. Однако Гитлер вновь удостоил человека со шрамами награды - "Дубовые листья к Рыцарскому кресту". Это произошло в марте 1945 года, когда нацист № 1 в последний раз приказал доложить ему о Скорцени.

Конец одного девиза

"Не возиться!" - таков был девиз эсэсовских охотников на людей.

Истребительные батальоны "Центр" и "Норд-Вест", а также парашютисты-эсэсовцы являлись костяком тех войск, которые удалось собрать в районе Шведта из разрозненных частей. Эсэсовцы все еще возлагали большие надежды на диверсионные операции.

Однажды эсэсовец Иван Челибовский - он родился в Париже и был сыном гвардейского офицера царской армии - вместе с эсэсовским парашютистом Куртом Франце получил задание разведать расположение советских частей в районе Хоенкрениг. Оба тщательно подготовились к ночной вылазке: сняли с себя маскировочные халаты и надели шинели советских солдат. Челибовский был уверен в удаче, так как с детства говорил по-русски; лишь бы не выяснилось, что Франце - немец. Наметив маршрут, они зарядили автоматы. Было условлено, что при возвращении оба поднимут над головой стальные каски.

Не пройдя и четырех километров, эсэсовцы натолкнулись на дозор из двух советских солдат и, тихо подкравшись, решили действовать. Прыгнув сзади на советского солдата, Челибовский стал его душить. Оба покатились по земле. Франце поспешил на помощь Челибовскому, но в спину ему ударила автоматная очередь второго дозорного. На выстрелы из леса выскочили поднятые по тревоге советские солдаты. Челибовский спотыкался, падал и полз дальше. Харкая кровью и временами теряя сознание, он с трудом дотащился до немецких позиций. На рассвете 15 февраля унтерштурмфюрер Райнхольд Вагнер, проверяя посты, увидел на заснеженном предполье советского солдата, ползущего к его окопу. "Ну и задам я жару этому Ивану!" - буркнул он сквозь зубы и лег за пулемет. Через секунду комок перестал двигаться. Тогда лейтенант приказал одному из парашютистов притащить

убитого в окоп и стал искать документы, чтобы установить, к какой части тот принадлежит. Но кроме бесшумного пистолета в кармане брюк убитого он ничего не обнаружил. Когда после звонка в штаб Скорцени "русского" доставили в Шведт, командир 2-й роты истребительного батальона "Центр" опознал его: это был диверсант Иван Челибовский, убитый своими же эсэсовцами. Спустя пять дней в общую могилу бросили и эсэсовского унтерштурмфюрера Райнхольда Вагнера.

Могилы поглощали эсэсовских головорезов одного за другим. Солдатам, работавшим день и ночь в похоронных командах, и без девиза "Не возиться!" не хватало времени, чтобы хоть закрыть глаза тем, кто жаждал покорять, терроризировать и истреблять свободолюбивые народы.

ОТСТУПЛЕНИЕ В АЛЬПЫ

Сговор в замке Визовице

В начале апреля 1945 года человек со шрамами обосновался в покоях замка Визовице. Владелец замка барон фон Вальдек был рад столь редкому гостю, посетившему его заброшенное в глуши поместье. Но Скорцени прибыл сюда вовсе не в гости к барону, а с иной целью. Начальник полиции безопасности и службы безопасности Кальтенбруннер дал директиву перебросить в "Альпийскую крепость" остатки разгромленных эсэсовских частей. "Альпийская крепость" была одной из последних ставок нацистов. Здесь, в труднодоступных альпийских районах Тироля и Штайера, гитлеровцы рассчитывали окопаться и продолжать борьбу "до последнего, человека".

Гиммлер передал Кальтенбруннеру все свои полномочия в этом районе как рейхсфюрера СС, имперского министра внутренних дел и главнокомандующего армией резерва. Кальтенбруннер приказал заложить динамит на всех перевалах и горных дорогах, чтобы подготовить их к взрыву. Он и на этот раз избрал Скорцени в качестве своей надежной опоры. По пути в этот нацистский заповедник человек со шрамами по приказу шефа посетил генерал-фельдмаршала Шёрнера. Тот поделился со Скорцени своими трудностями.

В тылу армейской группы Шёрнера в Моравии активно действовала 1-я чехословацкая партизанская бригада "Ян Жижка", проникшая сюда из Словакии. Партизаны были полны желания поскорее освободить родину от фашистов. Своими действиями они угрожали линиям снабжения гитлеровского вермахта по шоссе и железным дорогам в районе Злина. Эти коммуникации были необходимы Шёрнеру для переброски войск. Он знал, что остатки истребительного батальона "Зюд-Ост" с конца прошлого года располагаются в здании школы в Визовице большой деревне

в 12 километрах восточнее Злина. Но Шёрнер не мог распоряжаться этим батальоном, ибо он, как "часть особого назначения", подчинялся лишь Скорцени.

Скорцени дал обещание Шёрнеру "немедленно навести порядок" в этом районе. Прибыв в Визовице, он сразу же установил контакт с гестапо Злина. За неделю до этого гестаповцам удалось заслать в небольшой партизанский отряд своего человека, который выдавал себя за партизана Ковача. В картотеке же гестаповских агентов он числился под именем Олдржих Батя. Возвратившись из отряда, Батя по совету оберштурмфюрера СС Хайнеке* отправился в замок Визовице к человеку со шрамами. Скорцени интересовало прежде всего, где партизаны, сколько их, как вооружены. Батя постарался дать исчерпывающие ответы. Всю ночь на покрытые снегом дорожки парка падал свет из прикрытых жалюзи окон кабинета Скорцени.

Кошмар Плоштины

На рассвете 19 апреля 1945 года командир роты истребительного батальона "Зюд-Ост" оберштурмфюрер СС Хайнеке выслушал указания Скорцени. Жирные синие стрелы на его карте нацелились на расположенный в стороне от дороги населенный пункт Плоштина. В этом районе, как сообщил Батя, скрывались чехословацкие партизаны. Совещание длилось недолго. Гестапо Злина и эсэсовская команда карателей могли приступить к операции.

Около полудня грузовики и вездеходы Скорцени с эсэсовцами начали прокладывать путь по занесенным снегом дорогам. Колонна разделилась. Несколько грузовиков направилось в Высоко Поле, другие - в Тихов, большинство же машин двинулось по проселку на Поздехов. Это были исходные пункты для намеченного окружения лесного района вокруг Плоштины.

В Уезде последний грузовик остановился, с него спрыгнула группа эсэсовцев. Местные жители скрылись в домах. На улице остались только Ладислав Рангль и его жена Власта. Эсэсовцы схватили обоих и потребовали сказать, где скрываются партизаны. Рангли были не из здешних мест и ничего не знали. Не спасло их даже то, что документы оказались в полном порядке. Ведь своими вопросами эсэсовцы посвятили их в план Скорцени. Поэтому Ранглей прикончили на околице.

* Оберштурмфюрер СС Гельмут Хайнеке (род. 7 марта 1913 года в Магдебурге) исполнял обязанности гестаповского комиссара в Кобленце, Висбадене и в оккупированной Франции, а затем был назначен начальником полиции безопасности в город Злин. 23 августа 1945 года он под присягой дал следующее показание: "18 апреля 1945 года мы получили приказ принять

участие в карательной экспедиции против партизан в соседнем районе Плоштина. В Визовице мы присоединились к части СС под командованием Скорцени".

Кольцо вокруг крестьянских дворов Плоштины сжималось. Талый снег хрустел под сапогами бандитов, овчарки рвались с поводка, пистолеты и автоматы были сняты с предохранителей. Всех крестьян, работавших в поле и в лесу, заставили вернуться. Эсэсовцы ворвались в дома и вместе с гестаповцами быстро произвели обыски. Ни партизан, ни оружия обнаружить не удалось. Ведь партизаны, как только Ковач не вернулся с поста, ушли из плоштинского леса, предвидя предательство. Неудача привела эсэсовцев и гестаповцев в бешенство. Они выгоняли скот из хлевов, грабили дома, отнимали у жителей ценные вещи.

Все это происходило на глазах у двух десятков крестьян и батраков, которых согнали в кучу и зверски избили. Гестапо требовало сведений о партизанах, но ничего не могло добиться.

Над домами занялись первые языки пламени: это каратели, облив бензином здания, подожгли их. Бандиты и на сей раз не хотели ударить лицом в грязь перед своим шефом Скорцени.

Эсэсовцы схватили Яна Маху, избили его и приказали: "А ну, свинья, партизан, марш в огонь!" Маху в отчаянии побежал к горящему дому. Под гогот эсэсовского отребья он бросился в пылающий дом; вслед раздались выстрелы. Теперь наступила очередь Франтишка Трчки. Он не мог решиться. Пуля из офицерского пистолета прикончила его. Два эсэсовца бросили труп в пламя.

Оставшиеся 22 крестьянина звали на помощь, умоляли о пощаде. Залпы один за другим разорвали тишину. Смолкли крики. Выросла гора трупов. Палачи бросили окровавленные тела в объятые пламенем дома. За это преступление эсэсовцам была обещана дополнительная порция шнапса. Скорцени остался доволен. Неважно, что в деревне не удалось обнаружить ни одного вооруженного партизана!

Загудели моторы. Колонна в полном составе двинулась обратно в Визовице и Злин. В подпрыгивавших на ухабах машинах убийцы делили добычу.

В "Альпийской крепости"

В последние дни войны человека со шрамами видели в "Альпийской крепости". Его штаб-квартира находилась в Радштадте. Он вернулся или, вернее сказать, был изгнан в ту страну, где родился, - в Австрию.

Из ошметков своих истребительных батальонов Скорцени попытался сформировать охранный корпус "Альпенланд", но от шести батальонов осталось каких-нибудь 250 человек. С ними он

и добрался до "Альпийской крепости". Это были отборные бандиты из истребительных частей "Центр", "Зюд-Вест" и визовицкой команды батальона "Зюд-Ост".

Земля Зальцбург кишмя кишела эсэсовцами. Здесь назначили последнюю встречу Кальтенбруннер, Скорцени, Эйхман, Хёттль и прочий сброд, принадлежавший к эсэсовской верхушке.

Когда 25 апреля 1945 года советские и американские солдаты пожали друг другу руки на Эльбе у города Торгау, эсэсовской элите стало ясно, что оставшаяся еще незанятой войсками союзников часть Германии теперь окончательно рассечена на северную и южную половины. Расчеты эсэсовских главарей на конфликт при встрече англо-американских войск с Красной Армией потерпели крах.

Эсэсовская элита, обосновавшаяся в Альпах, узнала по радио, что Гитлер покончил жизнь самоубийством в Берлине. И все-таки эти бандиты собирались продолжать войну. Кальтенбруннер взял на себя командование в последнем нацистском прибежище. Он снова послал штурмбаннфюрера СС Хёттля в Швейцарию, чтобы через начальника европейского отдела американской секретной службы Аллена Даллеса предложить англичанам и американцам сепаратное перемирие. Кальтенбруннер даже намеревался сформировать собственное австрийское правительство: в списке министров уже стояла фамилия штурмбаннфюрера СС Хёттля, выполнявшего роль связного с американской секретной службой.

Тем временем Скорцени лихорадочно готовил "Альпийскую крепость" к обороне. Крестьян, проживавших в этом горном районе, в том числе стариков и женщин, заставляли рыть окопы, минировать дороги, сооружать походные лазареты. Эсэсовские охотники на людей свирепствовали на всех дорогах. Штаб-офицеры Скорцени Хунке и Радль рылись в старых архивах: надо было раздобыть сведения о заброшенных горных штольнях, чтобы использовать их в качестве бункеров, складов боеприпасов и тайных убежищ.

Кальтенбруннер собирался и впредь пользоваться фальшивыми деньгами, он даже установил контакты со швейцарскими банками и торговыми кругами. Ведь за границей все еще не обнаружили, что через свою широко разветвленную сеть эсэсовцы пустили в оборот свыше 350 миллионов фальшивых фунтов стерлингов. Агенты СС сумели путем различных коммерческих операций переправить в Германию из Швейцарии, Испании, Португалии и Швеции 130 миллионов настоящей валюты. 50 миллионов фунтов стерлингов такой валюты притекло по тем же каналам из Франции, Голландии и Венгрии, где в последние дни нацистской оккупации спекулянты охотно

приобретали фунты. Кальтенбруннер рассчитывал и на возврат 30 миллионов фунтов стерлингов, но уже не фальшивой валютой, из Турции и других стран Ближнего и Среднего Востока. Через своих подставных лиц эсэсовские главари перевели большие суммы на собственные счета в заграничных банках. Как раз в это время Кальтенбруннер переправил значительное количество фальшивых денег в Швейцарию и Испанию. Транспортировка их через каналы секретной службы была делом довольно несложным, особенно если принять во внимание, что в одном чемодане среднего размера без труда можно было провезти 500 тысяч фунтов стерлингов, что соответствовало 10 миллионам марок.

Кальтенбруннер еще раньше позаботился о том, чтобы эсэсовская "операция Бернхард" продолжалась и в неразберихе последних недель войны. Он приказал перенести производство фальшивых денег из концлагеря Заксенхаузен в одну из надежных горных шахт своей "Альпийской крепости", а потом в концлагерь Эбензее. В конце 1944 года были отпечатаны первые долларовые банкноты, которые почти не отличались от настоящих. Но американские войска продвигались с такой быстротой, что пришлось спешно свернуть производство фальшивых долларов. Печатные машины были взорваны, а фальшивые банкноты эсэсовцы уложили в специальные ящики. Клише и рецептуру бумаги тщательно упаковали в стальные футляры. Списки зарубежных складов эсэсовских фальшивых денег, агентов по их распространению и выписки из замаскированных счетов в банках различных государств запечатали в специальную сумку. 3 мая 1945 года, в тот самый день, когда по радио было передано сообщение о полной капитуляции Берлина, специально выделенный оберштурмфюрер СС, погрузив на автомашины ящики с деньгами и стальные футляры, отправился к Кальтенбруннеру в Бад-Аусзее. Но эсэсовец смог добраться только до Теплицзее - глубокого горного озера, вблизи которого располагалась экспериментальная подводная база германского военно-морского флота. Там у одного из грузовиков сломалась ось. Кроме того, автоколонна не могла преодолеть труднопроходимые горные дороги. Часть огромных ящиков с фальшивыми деньгами на 14 лет погрузилась на дно озера Теплицзее. А остальные?

О том, чем закончилась в те майские дни, всего за 100 часов до капитуляции гитлеровской Германии, эсэсовская афера с фальшивыми деньгами, рассказал в своей книге Хёттль: "С остатками своей колонны он (упомянутый выше оберштурмфюрер СС. - Ю.М.) направился к Аусзее и встретил там Кальтенбруннера, который в это время возвратился (в свою штаб-квартиру. Ю. М.).

От него он получил приказ вручить оставшуюся часть своего груза лейтенанту СС (в действительности оберштурмбаннфюреру СС Отто Скорцени. Ю. М.), руководителю группы в VI управлении службы безопасности - человеку, который стал известен в связи с освобождением Муссолини. Скорцени находился тогда в Радштадте (земля Зальцбург) и хотел организовать в горах сопротивление до последнего человека"*.

Таким образом, Скорцени получил в наследство гитлеровское "бумажное оружие" - фальшивые деньги для подрывной деятельности.

Подложные документы
пользуются большим спросом

В последние дни войны Гиммлер и начальник зарубежного шпионажа Вальтер Шелленберг решили сделать ставку на правительство преемника Гитлера гросс-адмирала Дёница, находившееся в Фленсбурге. Оба они очутились в Северной Германии. А начальник главного управления имперской безопасности Кальтенбруннер, оставшийся в "Альпийской крепости", назначил двух своих самых верных приспешников на важные посты. Одним из них был оберштурмбаннфюрер службы безопасности Вильгельм Ванек. Ему было поручено руководить VI управлением Главного управления имперской безопасности. Другой - Отто Скорцени - получил назначение на пост начальника военного управления ("Amt Mil") Главного управления имперской безопасности, т. е. стал руководителем всего военного аппарата секретной службы СС и Службы безопасности. Отныне он уже официально принадлежал к самому высшему кругу эсэсовского "черного ордена". Но фактически он получил вместе со своим титулом лишь несколько ящиков с бумагами, контейнеры, доверху набитые "совершенно секретными делами государственной важности", а также пару канистр, содержимое которых было упаковано в водонепроницаемую бумагу: то были микрофильмы секретных документов. Дни пребывания Скорцени на этом посту можно сосчитать по пальцам: 8 мая 1945 года представителям гитлеровской Германии пришлось подписать акт о безоговорочной капитуляции.

* Wilhelm Hцttl (он же - Walter Hagen). Hitler's Papep Weapon. London, 1955, S. 9-10.

Война в Европе закончилась. Народы облегченно вздохнули. Немецкий народ тоже.

Немецкие солдаты бросали оружие и по условиям капитуляции отправлялись в плен. Госпитали и лазареты были переполнены. Из подвалов разрушенных домов стали выходить женщины и дети. Все и вся в Германии было дезорганизовано, ее

экономика - парализована.

Но Скорцени и не помышлял о капитуляции. Вместе со своими штаб-офицерами Радлем и Хунке он укрылся в альпийской хижине и там разработал новые планы: скрыть и вывезти секретные материалы; создать тайные склады оружия и организовать активное сопротивление оккупационным войскам; спасти своих агентов и сохранить контакты со всеми попавшими в плен сотрудниками службы безопасности; обеспечить с помощью доверенных лиц службы безопасности надежные маршруты для бегства преследуемых видных гитлеровцев.

В руках Скорцени находились все материалы о созданной им во Франции, Италии, Голландии, Бельгии, Румынии и Венгрии агентурной "сети вторжения". Такую сеть шпионов и диверсантов, со складами оружия и рациями, эсэсовцы оставили во всех странах, из которых им пришлось бежать под ударами войск антигитлеровской коалиции. В распоряжение тех, кому предстояло действовать в "Альпийской крепости", был оставлен склад оружия, запрятанный Скорцени в одной из штолен Зальцбурга. Здесь хранились многие тонны динамита и специальной взрывчатки, взрыватели, бомбы с часовым механизмом, мины различной конструкции, а также ручное огнестрельное оружие и ручные гранаты новейшего образца. Однако американцы случайно обнаружили этот склад и ликвидировали его.

Теперь уже и Гиммлер, и Кальтенбруннер пользовались подложными документами, сфабрикованными возглавлявшимся Скорцени центром по изготовлению фальшивых бумаг, который к тому времени переместился в "Альпийскую крепость". Еще в Берлине Скорцени по просьбе своего верховного шефа снабдил Гиммлера военным билетом на имя фельдфебеля Генриха Хитцингера и капсулой с синильной кислотой. Своему другу Кальтенбруннеру человек со шрамами выдал немецкий паспорт на имя Артура Шайдлера. На это имя в заграничных банках было открыто несколько счетов на общую сумму 2 277 625 марок в иностранной валюте. В конце концов, и Кальтенбруннеру хотелось извлечь из "Операции Бернхард" выгоду, соответствующую его высокому рангу!

Военный билет на имя Адольфа Барта Скорцени вручил убийце миллионов евреев оберштурмбаннфюреру СС Адольфу Эйхману. Получили тщательно изготовленные подложные удостоверения, солдатские книжки, госпитальные справки и удостоверения узников концлагерей также и охотники на людей, возглавляемые Скорцени.

Головорезы службы безопасности временно рассредоточились

по хижинам и крестьянским дворам либо поселились в палатках на альпийских лугах, пока гауптштурмфюрер СС Хунке не подал им сигнала скрываться поодиночке. Предварительно он дал подробную инструкцию насчет методов поддержания взаимных контактов и назвал заранее намеченные сборные пункты.

Прятать же секретные материалы и приспособления для печатания фальшивых денег Скорцени пришлось вместе с Радлем и Хунке. Медлить было нельзя - со дня капитуляции гитлеровской Германии уже прошла целая неделя. Стремясь не упустить эсэсовских главарей и нацистских преступников, австрийские антифашисты вместе с американскими солдатами километр за километром прочесывали хорошо знакомый им горный район.

Кальтенбруннера они уже нашли. Отличавшемуся огромным ростом и достаточно хорошо известному по публиковавшимся в печати снимкам шефу полиции безопасности и Службы безопасности не помогли фальшивые документы. Гауптштурмфюрер СС Хунке сумел ускользнуть. Но Скорцени и Радлю скрыться не удалось. 15 мая 1945 года они были арестованы.

Казалось, теперь справедливость вступила в свои права. Личность Скорцени быстро установили, и его взяли под усиленную охрану. Начальник секретной службы СС очутился в мышеловке. Ему так и не пришлось воспользоваться самолетом "Физелер Шторьх", уже стоявшим наготове в горах на высоте 1900 метров.

ЗАЩИТА БЕЗ ОБВИНЕНИЯ

Лжесвидетельство в пользу Заукеля

Выходившие в Германии тощие послевоенные газеты и огромные плакаты возвестили о предстоящем наказании главных военных преступников.

В середине ноября 1945 года в Международном военном трибунале в Нюрнберге начался процесс над главными военными преступниками. Перед судом народов на скамье подсудимых оказалась гитлеровская разбойничья гвардия: Геринг, Кальтенбруннер, Зейсс-Инкварт, Франк, фон Нейрат, Кейтель, Йодль, Дёниц, Редер, Розенберг, Фрик, Штрейхер, Гесс, Заукель, фон Ширах, фон Риббентроп, фон Папен, Функ, Шпеер, Шахт и Фриче. Был объявлен розыск сбежавшего руководителя канцелярии нацистской партии и секретаря Гитлера Мартина Бормана. Обвинение было выдвинуто против СС, гестапо, руководящего состава нацистской партии, гитлеровского генерального штаба и стоявших за ними магнатов Рейна и Рура.

А в лагере Оберурзель за решеткой сидел военный преступник номер 31 G 350 086 - Отто Скорцени. Пять дней его

продержали в одной камере с Кальтенбруннером: достаточно времени, чтобы сговориться напоследок.

В Нюрнберге адвокат Роберт Серватиус* рьяно защищал подсудимого Заукеля. Одновременно он старался спасти от приговора Суда народов руководящий состав нацистской партии, который обвинялся в качестве преступной организации. Серватиус построил свою защиту на утверждении, будто "золотые фазаны"** не виновны в совершенных нацистами зверствах, поскольку, мол, не участвовали в этих преступлениях и, более того, вообще не знали о них. Но найти подходящих свидетелей, вполне понятно, оказалось делом почти невозможным: никто из тех, кто был знаком с деятельностью нацистской партии, СС и Службы безопасности, жертвами которых стали миллионы людей, не смог бы с чистой совестью подтвердить под присягой этот выдуманный Серватиусом вздор.

Заукель назвал защитнику дюжину своих единомышленников, на которых мог положиться и теперь. Но все они уклонились от лжесвидетельства, за исключением двух: штандартенфюрера СС графа Макса-Эрдмана Рёдерна и оберштурмбаннфюрера СС Отто Скорцени. Эсэсовец-граф в своих показаниях ограничился лишь ссылкой на то, что в 1943 году концентрационный лагерь Заксенхаузен посетили группенлейтеры нацистских зарубежных организаций, у которых при этом сложилось впечатление, что "все слухи, распространявшиеся за границей о концентрационных лагерях, лишены основания"***. Но свидетельство это было весьма смехотворно.

* Доктор Серватиус в 1963 г. владел адвокатской конторой в Кёльне, Гогенцоллернштрассе, 12. Весьма примечательно, что именно сей господин Серватиус в 1960 году по просьбе нацистских кругов взял на себя защиту на суде в Израиле убийцы миллионов евреев оберштурмбаннфюрера СС Адольфа Эйхмана.

** Насмешливое прозвище фашистских главарей. -Прим. пер.

*** Protokoll des Nьrnberger Prozesses gegen die Hauptkriegsverbrecher, Band XXI, S. 510.

Куда больше пользы надеялся получить Серватиус от заявления Скорцени. Данные под присягой показания этого влиятельного "фюрера" Службы безопасности, руководящего сотрудника гиммлеровского штаба с многолетним стажем, должны были, по мнению Серватиуса, завоевать у трибунала особое доверие. Скорцени, разумеется, хорошо знал о том, что творилось в концлагерях (и не только потому, что часто посещал Заксенхаузен и Освенцим), однако его не смутила роль лжесвидетеля.

Скорцени не только лгал, но и умалчивал о том, что ему было очень хорошо известно. Фриц Заукель был одним из ближайших сообщников Гитлера, начиная с 1932 года нацистским гаулейтером, обергруппенфюрером СА и имперским наместником. Он согнал из оккупированных стран пятимиллионную армию рабов и продал их германским монополиям. Заукель принадлежал к руководящей верхушке СС: в списке главарей СС Фриц Заукель стоял по старшинству на 34-м месте, имея чин обергруппенфюрера СС (что соответствовало генералу войск СС). А Скорцени, не моргнув глазом, заявил под присягой, что обергруппенфюрер Заукель, будучи гаулейтером, не знал, для чего предназначались нацистские лагеря и что творилось на этих фабриках смерти. Между тем имперский наместник Фриц Заукель целый год лично добивался от Гиммлера, чтобы рядом со столицей его "гау" был создан один из крупнейших в Европе концентрационных лагерей*. "Золотой фазан" Заукель не раз бывал в Бухенвальде, этой обители ужаса, где нацисты подвергли зверским истязаниям 238 тысяч и уничтожили 56 тысяч узников. Адвокат Заукеля тщетно пытался опровергнуть это полностью доказанное преступление. Ни ему, ни Скорцени не удалось опутать Суд народов паутиной лжи и обмана, сплетенной нацистской Службой безопасности*.

Находясь в тюремной камере, Скорцени делал все возможное, чтобы Служба безопасности - этот спинной хребет нацистского господства - осталась цела, чтобы политическая секретная служба нацистов, действовавшая как внутри Германии, так и за рубежом, избежала ответственности. В этом стремлении Скорцени был единодушен с защищавшим Службу безопасности на Нюрнбергском процессе адвокатом Гансом Гавликом, для которого он, как последний начальник военного управления Главного управления имперской безопасности, был идеальным коронным свидетелем. В другом заявлении под присягой Скорцени всячески затушевывал задачи VI управления СД*, обеляя его деятельность. Однако и эта уловка Скорцени не удалась, а Заукель так и не избежал виселицы.

Международный военный трибунал признал руководящий состав национал-социалистической партии, ее охранные отряды (СС), гестапо и Службу безопасности преступными группами и организациями. Народы с удовлетворением восприняли приговор Нюрнбергского суда, который гласил:

"Полиция безопасности и СД являлись добровольной организацией... Гестапо и СД использовались для целей, которые являлись согласно Уставу (Международного военного трибунала. - Пер.) преступными и включали преследование и истребление

евреев, зверства и убийства в концентрационных лагерях, эксцессы на оккупированных территориях, проведение программы рабского труда, жестокое обращение с военнопленными и убийство их. Подсудимый Кальтенбруннер, являвшийся членом этой организации, относился к числу тех, кто использовал ее для этих целей... Рассматривая дело СД, Трибунал имеет в виду управления III, VI и VII главного имперского управления безопасности (РСХА) и всех других членов СД, в том числе всех местных представителей и агентов, почетных или каких-либо других, независимо от того, являлись ли они формально членами СС или нет.

Трибунал признает преступной согласно Уставу группу, состоящую из тех членов гестапо и СД, занимавших посты, перечисленные в предыдущем параграфе, которые вступили в организацию или оставались в ней, зная о том, что она использовалась для совершения действий, объявленных преступными в соответствии со статьей 6 Устава, или как члены организации лично принимали участие в совершении подобных преступлений. Основой для вынесения настоящего приговора является то, участвовала ли организация в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, связанных с войной..."**

* Документ SD-66, представленный доктором Гавликом 20 марта 1946 года. - "Protokoll des Nьrnberger Prozesses gegen die Hauptkriegsverbrecher", Band VIII, S. 362.

* "Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками", т. VII. М., 1961, стр. 416, 420-421.

Окончательный приговор международного суда Службе безопасности и ее офицерам вплоть до агентов звучал так, словно был вынесен специально Скорцени. У убийцы югославских, советских, британских, американских, чехословацких и немецких граждан, у охотника на венских евреев оставалось мало надежды избежать справедливого возмездия. Теперь оккупационные власти союзных держав в Германии совместно с антифашистами всех стран должны были привести нюрнбергский приговор в исполнение.

Генерал Доновэн говорит: "О'кей!"

Будущее приняло для Скорцени цвет его былой парадной формы. Его фюрер Гитлер отправился на тот свет. Его рейхсфюрер СС Гиммлер, он же Генрих Хитцингер, еще в конце мая 1945 года отравился цианистым калием в английском лагере для военнопленных в Люнебурге. Шеф Службы безопасности Кальтенбруннер, приговоренный в Нюрнберге к смертной казни, при помощи пеньковой веревки отбыл в восхвалявшуюся

эсэсовцами Вальгаллу*. Бывший непосредственный начальник Скорцени группенфюрер СС Вальтер Шелленберг сидел в тюрьме и с ужасом ожидал начала процесса в IV Нюрнбергском военном трибунале, где он должен был предстать в качестве одного из главных подсудимых. Однако для Скорцени близилось спасение. Он и сам еще не знал об этом, когда тюремная охрана препровождала его на допрос, который вела группа офицеров американского генштаба, Здесь Скорцени отвечал на все вопросы и был словоохотлив: он понимал, что на карту поставлена его голова. Он дал понять, что знает гораздо больше и готов рассказать, если...

Скорцени увели.

"This is a fine fellow!" ("Славный парень!") - воскликнул, обращаясь к членам комиссии, генерал-майор американской армии, Уильям Джозеф Доновэн**.

* По преданию древних германцев, местонахождение погибших в бою воинов. - Прим. пер.

** Генерал-майор Доновэн с 1942 года был начальником американской разведки "Управление стратегических служб" (сокращенно УСС), руководитель которой Аллен Уолш Даллес уже с 1943 года, находясь в Швейцарии, поддерживал тесный контакт с Главным управлением имперской безопасности. Доновэн вплоть до 1949 года руководил агентурной сетью из Чепел-Хилла в Бэррвилле (США).

Доновэн еще в 1944 году желал заполучить Скорцени к себе на службу и через американское посольство в Мадриде собирался сделать ему соответствующее предложение. В роли связного между Скорцени и американскими контрагентами выступал "рейхсмедик СС" группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС профессор Карл Гебхардт. Под видом врача он частенько посещал Испанию и Португалию в качестве курьера секретной службы СС. Но тогда Скорцени еще старался внести свой вклад в "окончательную победу" Гитлера. А в 1946 году он уже сидел напротив своего партнера по переговорам, хотя сначала и не опознал того. Ему повезло, чертовски повезло!

Адъютант Доновэна тут же взял Скорцени на заметку. С этого момента американская разведка приняла гитлеровского черного циклопа под свою опеку, и выяснилось это весьма скоро.

Приближался процесс по "делу о Мальмеди", где Скорцени должен был занять заслуженное место на скамье подсудимых. С мая по июль 1946 года перед американскими судьями предстали около сотни сообщников Скорцени, вместе с ним совершивших военные преступления во время гитлеровского наступления в Арденнах в декабре 1944 года. Среди них - такие видные главари

бандитов, как обергруппенфюрер СС, генерал-полковник войск СС Зепп (Йозеф) Дитрих, командир 3-й танковой дивизии СС "Мертвая голова" бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Герман Присс и один из непосредственных подчиненных Скорцени командиров штандартенфюрер СС, полковник войск СС Иоахим Пайпер. Эти убийцы, носившие когда-то эмблему черепа, обвинялись в неопровержимо доказанных преступлениях: использовании американской и английской военной формы, убийстве безоружных пленных и различных зверствах.

Но на скамье подсудимых не было Скорцени, того самого Скорцени, который командовал пресловутой 150-й танковой бригадой и изобличенной в военных преступлениях ротой агентов, организатора операции фашистской секретной службы под кодовым наименованием "Гриф", того самого Скорцени, который под чужой фамилией Золяр рвался на Запад вместе с 6-й танковой армией СС Зеппа Дитриха.

А все дело в том, что американские офицеры из лагерной администрации вовремя, будто бы невзначай подсказали ему лечь на небольшую и совершенно безопасную хирургическую операцию. Там, в госпитальной тиши, Скорцени и узнал о справедливом приговоре этого пока еще антифашистски действовавшего трибунала: 33 эсэсовских бандита были приговорены к казни, 23 эсэсовских офицера - к пожизненному заключению, Зепп Дитрих получил 25, а Герман Присс - 18 лет тюрьмы.

Судебное следствие вновь вскрыло преступный характер СС как организации в целом и войск СС в частности, тем самым подтвердив приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Примечательно, что американская секретная служба, за спиной которой стояли наиболее реакционные круги США, вывела Скорцени из-под огня и помогла ему избежать справедливого возмездия.

Лжепроцесс

В ту пору, когда еще слишком жива была память о злодеяниях нацистов, этот любимец Гитлера, террорист, совершивший столько преступлений против многих народов, в том числе и немецкого, не мог исчезнуть незаметно. Да и очень много было улик против этого военного преступника. Поэтому американская секретная служба инсценировала судебную комедию, весьма типичную для ее неразборчивых методов.

Прежде всего, подлеченного человека со шрамами посетили американский подполковник Роберт Д. Дарст и некий Макклур - оба они получали жалованье из кассы секретной службы армии

США. Дарст отрекомендовался юристом. На визитной карточке Макклура, который с 1942 года руководил военной секретной службой США на европейском театре военных действий, а позже - отделом ведения психологической войны в Европе, в 1947 году значилось: начальник "отдела контроля над информацией" американской военной администрации в Германии - словом, фигура влиятельная.

Американская секретная служба продумала все еще до начала процесса. Слушание дела преднамеренно оттягивалось и началось лишь 18 августа 1947 года.

Защищать Скорцени руководство американской секретной службы поручило прошедшему огонь и воду адвокату Дарсту. Макклур же должен был обеспечить соответствующие отклики прессы. Затем начался торг. От Скорцени добивались сотрудничества с американской секретной службой, а взамен предлагали оправдательный приговор. При этом необходимы были два условия. Во-первых, Скорцени должен дать обязательство, что после процесса он поделится с американской разведкой своим опытом в подрывной деятельности против Советского Союза. Этим опытом особенно интересовался так называемый "Исторический отдел" армии США. Во-вторых, все защитники (три американских и семь немецких) должны безоговорочно подчиниться Дарсту. Процесс привлек внимание общественности, и поэтому нужно было всячески избегать любых осечек, а они могли бы легко возникнуть, если недостаточно осведомленные защитники выступали бы каждый сам по себе. Только при таких условиях американцы обещали оправдать Скорцени. Человек со шрамами, разумеется, охотно согласился и принужден был подтвердить это в письменной форме.

Да, поистине загадочные для непосвященных вещи происходили на этом процессе! Уже в самом начале защита под предлогом пристрастности судей дала отвод пяти членам трибунала из девяти, т. е. абсолютному большинству. Их заменили субъектами, связанными с секретной службой. Одновременно в местной прессе появилось интервью Скорцени под вызывающе наглым заголовком: "Скорцени считает процесс бессмыслицей!"

Прокурор обвинил представших перед судом главарей диверсантов в нарушении общепринятых законов ведения войны: использование военной формы противника, убийство американских и английских военнопленных, а также ограбление их. Впоследствии Скорцени писал в своем дневнике: "Дальнейшее чтение обвинительного акта я почти не слушал"*. Да и чего, собственно, было ему беспокоиться! Свидетелем защиты "по

собственной инициативе" выступил офицер британской секретней службы Йоу-Томас. Он тоже неплохо сыграл свою роль. Под конец Дарст внес заранее подготовленное предложение об оправдательном приговоре. А американский генерал-майор Макклур в расчете на пропагандистский эффект даже с пафосом воскликнул: "Господа, да имей я в своих войсках таких парней, как обвиняемые, я просто гордился бы этим!"

Американской секретной службе было важно не только сохранить купленную голову Скорцени. Преследовалась и другая цель - создать международно-правовой прецедент, который дал бы возможность "подправить" приговоры, вынесенные Международным военным трибуналом в Нюрнберге. Разведка США стремилась к такому приговору, который юридически оправдал бы противоречащие международному праву человеконенавистнические методы нацистов.

* Otto Skorzeny. Geheimkommando Skorzeny, S. 405.

О расстреле американских военнопленных эсэсовцами Скорцени (что было документально доказано американской стороной еще на процессе по "делу о Мальмеди") не говорилось ни слова. Американский обвинитель и судьи умышленно закрывали глаза и на принадлежность Скорцени к таким преступным организациям, как СС и Служба безопасности.

Международное право было попрано. Суд вынес оправдательный приговор! Он руководствовался не правом, а директивами американского генерала Доновэна. С точки зрения этого суда, действовавшего по заданию Си-Ай-Си, виновными являлись не эсэсовец Скорцени и его агенты, а те американские и британские военно-полевые суды, которые в декабре 1944 года вынесли 132 смертных приговора террористам Скорцени.

Несколько месяцев спустя западногерманский журнал "Квик", учитывая мнение большинства западногерманского населения, писал: "Процесс неожиданно закончился оправдательным приговором. Так и осталось неясным, был ли на нем представлен весь материал против Скорцени. Что касается мнения широких кругов о приговоре, то его можно кратко выразить словами: "Мелюзгу вешают, крупным дают сбежать"*.

Но от американской секретной службы Скорцени не сбежал. Он получил кличку Эйбл и вместе со своим адъютантом Радлем перебрался в изолированный коттедж "Аляска" в Нейштадте-на-Лане. Американский полковник Поттер не мог пожаловаться на Скорцени: в течение полугода тот с раннего утра до позднего вечера диктовал секретарше свои мемуары. Тот самый Скорцени, по приказу которого в 1944 году был расстрелян немецкий солдат за то, что в письме упомянул о "служебной тайне", теперь в

качестве платы за свою драгоценную голову раскрыл перед новыми хозяевами святая святых германской секретной службы, предоставив интересовавшие их сведения. Такова на поверку оказалась верность Скорцени "эсэсовскому долгу". Он первый из эсэсовских главарей променял самые сокровенные нацистские тайны на не очень-то щедрые долларовые подачки и увесистые пакеты с продовольствием. Даже его бывший шеф бригадефюрер СС Шелленберг не имел столь ревностных покровителей в американской военной форме. По так называемому "делу Вильгельмштрассе" Шелленберга приговорили в Нюрнберге за преступления против человечности и принадлежность к преступным организациям к слишком мягкому, но все же наказанию - к шести годам тюрьмы.

* "Quick", Mьnchen, vom 2. April 1950, S. 452.

СКОРЦЕНИ СОВЕРШАЕТ ПОБЕГ

Бункер-Якоб действует

В дармштадтском денацификационном лагере, куда поместили человека со шрамами, Скорцени продолжал твердо верить, что его не замедлят зачислить в категорию "грядовых попутчиков" нацизма, и тогда, получив отпущение грехов, он сможет приняться наконец за новые дела. Но на сей раз дело не клеилось, денацификация задерживалась.

Некоторое время Скорцени скрывался под присвоенным ему американской армией псевдонимом Эйбл, но антифашисты тех стран, где творил свои чудовищные преступления человек со шрамами, напали на его след.

В апреле 1948 года дружки Скорцени по Си-Ай-Си сообщили ему, что в Чехословакии отдан приказ о его аресте за зверства в Плоштине и правительство этой страны потребовало от Комиссии Объединенных Наций по расследованию военных преступлений его выдачи. И если Си-Ай-Си под предлогом "перегруженности работой" удалось на несколько недель оттянуть вручение администрации дармштадтского лагеря требования о выдаче Скорцени, то окончательно воспрепятствовать этому она, опасаясь общественного возмущения, не решилась. Но Скорцени понял недвусмысленный намек своих покровителей...

В то время эсэсовцы, которые сначала скрылись, а теперь вновь вынырнули на поверхность под видом добропорядочных бюргеров, прилагали все силы, чтобы сохранить свою преступную организацию.

Нацисты, и прежде всего бывшие сотрудники Службы безопасности, уже успели создать нелегальные ячейки и восстановить связи, как это намечалось планом, разработанным Скорцени в альпийской хижине. Им не хватало только главаря,

который мог бы использовать зарубежные каналы и привлечь к делу доверенных лиц - иностранцев.

Сообщники Скорцени готовили его освобождение из дармштадтского лагеря для интернированных нацистов. Они осторожно нащупывали почву.

Связь между нацистами, находящимися в изоляции друг от друга в дармштадтском лагере, осуществлялась через человека с темным прошлым, по кличке Бункер-Якоб. Когда он выходил из лагеря на свободу, Скорцени вручил ему адрес и записку. С нею Бункер-Якоб немедленно отправился в городок неподалеку от Ганновера. Там Якоб Грёшнер (таково было его настоящее имя) встретился с доверенным Службы безопасности, и тот через три дня, предварительно расшифровав записку Скорцени, дал связному подробные инструкции.

Грёшнеру было необходимо вновь увидеться со Скорцени. С этой целью он наплел американцам о Скорцени такую мешанину из правды, полуправды и лжи, что мелкий чиновник Си-Ай-Си, мнивший себя весьма проницательным, решил устроить им свидание, чтобы подслушать их разговор. Он оставил Скорцени и Грёшнера одних и включил вмонтированный в лампу миниатюрный микрофон. Эта хитрость была давно известна Скорцени: в былые времена он и сам не раз пользовался подобными уловками. Он знал, что Грёшнер принес важные известия. За несколько минут, пока они оба шумно шаркали ногами и стучали кулаками по столу, чтобы заглушить голоса, Скорцени успел узнать все о плане своего побега, подготовленного сообщниками по Службе безопасности, и наметил дату.

Несмотря на то, что ни один из заключенных не имел права получать почту без просмотра цензурой, возглавлявшая отдел цензуры почтовой корреспонденции некая фрау Шрётер не раз передавала Скорцени непросмотренные письма. Как было видно по штемпелям, все они отправлялись из Нижней Саксонии. Из этой корреспонденции Скорцени узнал детали предстоящего побега и был уверен в его успехе. 25 июля 1948 года Скорцени вызвала администрация лагеря, чтобы сообщить новую дату рассмотрения его дела денацификационным судом.

Тем временем из Гамбурга на юг уже мчалась автомашина с тремя немцами в штатском. Вот уже позади остался Вюрцбург. Но, странное дело, теперь на машине появился опознавательный знак американских оккупационных войск. Штатские же немцы вдруг превратились в чинов американской военной полиции. Вот и Дармштадт. Машина остановилась перед воротами лагеря для интернированных нацистов. Из нее вышли трое: внушительного

вида капитан и два солдата в касках американской военной полиции. Капитан резким тоном потребовал от немецкой охраны выдать Скорцени для допроса. Часовой подчинился: ему даже в голову не пришло потребовать документы.

Так в июле 1948 года под "охраной" собственной "полиции" покинул дармштадтский лагерь человек со шрамами - преступник Скорцени.

Человек, которому не нужно виз

Шли недели, а Скорцени оставался недосягаемым для своих бессильных, или, лучше сказать, парализованных, преследователей. Западногерманская полиция спасовала перед гитлеровским главарем секретной службы.

И хотя власти земли Гессен, на территории которой находился дармштадтский лагерь, заявили, что отдали приказ об аресте Скорцени и дело будет рассматриваться в его отсутствие, все честные немцы были возмущены.

Через полтора года после побега Скорцени в полицей-президиум обратилась жительница Ганновера. Она заявила, что видела Скорцени. Бедно одетый, он позвонил в дверь ее квартиры и попросил милостыню. Полиция не приняла это заявление всерьез. Почему? "Полиция придерживалась того мнения, что Скорцени, если бы это действительно был он, не пришлось бы просить милостыню", - так комментировала этот эпизод западноберлинская газета "Курир". И это предположение столь внезапно ослепшей полиции только что созданного западногерманского государства попало в самую точку.

Ведь об исчезновении Скорцени после побега позаботились его американские сообщники по секретной службе. На первых порах он укрылся в США, где служил американской разведке в качестве "инструктора летного дела". Американское агентство Ассошиэйтед Пресс в сентябре 1948 года сообщало, что бывший гитлеровский агент по особым поручениям "находится в Соединенных Штатах, где занимается подготовкой летчиков".

На самом же деле Скорцени занимался совсем иным: в штате Джорджия он обучал американских коллег методам забрасывания и эвакуации агентов-парашютистов. Глава секретной службы США генерал-майор Доновэн приказал ему продемонстрировать метод, при помощи которого самолет может взять агента на борт без приземления. Разумеется, Скорцени охотно согласился помочь американской разведке. Ведь такие опыты были успешно завершены Службой безопасности при его личном участии еще в 1943-1944 годах на экспериментальном аэродроме Айнринг. Чтобы поднять агента на борт самолета прямо с земли, без посадки, применялась трапециевидная конструкция из небольших

штанг с канатом длиной в четыре метра. Низко пролетающий самолет захватывал ее специальным крюком. За этот старый трюк Службы безопасности Скорцени отхватил чек в тысячу долларов, а затем возвратился в Европу.

Прежде всего Скорцени направился во Францию. По пути он остановился в Андорре - карликовом государстве в Пиренеях, находящемся под покровительством Франции и Испании. Там Скорцени встретился с неким Лавалем*, который числился у него в списке лиц, связанных с эсэсовской акцией по распространению фальшивых денег. В 1944 году этот агент Службы безопасности сумел в освобожденной Франции обменять через испанские банки миллион фунтов фальшивых стерлингов на полноценную валюту, но к этому времени его контакты с главным управлением имперской безопасности были уже нарушены. Поскольку в кругах Службы безопасности Лаваль слыл человеком надежным, Скорцени был уверен, что скоро получит этот припрятанный миллион. Все складывалось для Скорцени как нельзя лучше: пост министра финансов в первом послевоенном правительстве Франции занял закадычный друг агента Лаваля Леперк.

Разумеется, обо всем этом не мог знать фоторепортер из газеты "Се суар": однажды он встретил в ночном кафе Парижа в обществе дамы легкого поведения человека с лицом, иссеченным шрамами. Было установлено, что человек, случайно сфотографированный репортером "Се суар", не кто иной, как Скорцени.

Парижане были возмущены. Скорцени целый день не решался выйти из снятой им виллы, а затем под покровом ночи сбежал из столицы на Сене с новым паспортом. 15 февраля 1950 года парижан, спешивших на работу, оглушили возгласы мальчишек-газетчиков: "Скорцени, эсэсовский убийца № 1, сбежал!"*, "Скорцени, шеф гитлеровских агентов, исчез из Сен-Жермен-ан-Лай!"**

Итак, Скорцени дал тягу. В каком направлении? И что предпринял для его поимки префект парижской полиции?

Имя Скорцени вдруг всплыло в западногерманской прессе. Теперь о нем писали не иначе как о "человеке, которому не нужно виз".

"Азбука террористов" в большой цене

Человек со шрамами направил свои стопы в ту страну, где в каждом полицейском участке хранился приказ о его аресте. Он рвался в Западную Германию. Скорцени считал, что настало время активно включиться в "холодную войну" и предложить своих неразоружившихся агентов для борьбы "против большевизма". Кроме того, своим появлением в Западной

Германии он хотел обнадежить и подбодрить бывших эсэсовцев, которым приходилось держаться на задворках. Но чтобы не выглядеть предателем в глазах закоренелых эсэсовцев, ему необходимо было возвеличить собственную персону. К тому же он намеревался превратить свои воспоминания агента в звонкую монету. За страницы мемуаров он рассчитывал получить хрустящие купюры, любые западногерманские, французские, американские, итальянские. И он действительно нашел покупателей. Кто же они?

Сначала Скорцени - теперь его звали уже Рольф Штайнер - толкнулся в редакции и издательства Гамбурга. В его портфеле из крокодиловой кожи лежала объемистая рукопись. Переговоры об издании этих мемуаров вел господин Генри Наннен - главный редактор иллюстрированного журнала "Штерн". Скорцени запросил ни много ни мало - 40 тысяч западногерманских марок, причем наличными. Наннен был не прочь напечатать мемуары: ни автор, ни содержание их его не смущали, только вот цена показалась слишком высокой. Скорцени хлопнул дверью.

И все же он не сомневался, что найдет покупателя.

Им оказался Гарольд Лехенперг из Мюнхена, который не пожалел 40 тысяч марок.

Одновременно Скорцени запродал другой экземпляр рукописи гамбургскому издательству "Ганза", директор которого задумал преподнести ее немецкому народу массовым тиражом. Издателя этого зовут Йозеф Тот де Безеней*.

В апреле 1950 года о Скорцени вдруг заговорили сразу во многих странах. Реакционные газеты Франции, Америки и Италии начали печатать автобиографии гитлеровского агентурного аса: ведь пропаганда неофашизма отвечала их программе.

В Западной Германии пропагандистом неофашизма стал мюнхенский иллюстрированный журнал "Квик", действующий по специфически американскому рецепту: "секс и уголовщина". Главный редактор этого журнала Лехенперг позаботился преподнести читателям мемуары Скорцени как можно эффектнее: "Самый опасный человек в мире! После оправдательного приговора, вынесенного ему американским судом в Дахау на процессе военных преступников, Скорцени оказался в Дармштадте в немецком денацификационном лагере. Он сбежал оттуда самым невероятным способом, прошел сквозь огонь и воду, преследуемый тысячами ищеек, но так и не найденный, вдруг очутился в Париже, совершенно спокойно прогуливаясь с молодой женщиной по Елисейским полям; несколько дней спустя он появился в Гамбурге и Мюнхене, чтобы затем так же

молниеносно вновь исчезнуть в водовороте крупных европейских городов".

* Его издательство "Ганза" (Гамбург, 39, Блюменштрассе, 36) было ликвидировано только в 1960 году, т. е. именно в том году, когда был разоблачен и арестован убийца миллионов евреев Адольф Эйхман.

Вскоре и издательство "Ганза" издало книжонку под названием "Секретная команда Скорцени", преследующую вполне определенную цель. Скорцени делал бизнес, а вместе с ним - и западногерманские издатели. Буржуазная пресса рекламировала гитлеровского террориста так же, как пиво, подтяжки и автомашины. Жадные до сенсаций издатели и редакторы заботились только о прибыли, а не о морали и праве. Они без колебаний покупали из окровавленных рук бандита гнусную стряпню.

Итак, весной 1950 года по крайней мере три гражданина Федеративной Республики Германии поддерживали связь со Скорцени и знали о его местопребывании: Генри Наннен, Йозеф Тот де Безеней и Гарольд Лехенперг.

Скорцени без помех, как и прибыл, покинул пределы ФРГ, причем "с наилучшими рекомендациями западных союзников".

Контрольная комиссия США в Западной Германии даже "забыла" опровергнуть тот факт, что Скорцени уже давно находится на службе американской разведки. Немало неприятностей имел тогдашний министр иностранных дел Западной Германии, который, по-видимому, выдал Скорцени въездную визу. Им был федеральный канцлер Конрад Аденауэр, занимавший в то время сразу оба поста.

Префект полиции лжет

Крайне правая французская газета "Фигаро" взяла на себя задачу, действуя по геббельсовскому образцу, создать гитлеровскому разбойнику, главарю агентов и палачу партизан популярность. Французский же народ, в памяти которого еще слишком живы были воспоминания о преступлениях Скорцени в период оккупации Франции, дал должный отпор этой провокации.

Французская коммунистическая партия заявила правительству протест. Тысячи возмущенных парижан заполнили Елисейские поля. Редакция "Фигаро" буквально подверглась осаде. Покровители Скорцени - редакторы газеты поспешили скрыться черным ходом. Долго и тщетно пытались полицейские разогнать демонстрантов.

1 апреля 1950 года "Юманите" вышла с заголовком на всю первую полосу: "Тысячи патриотов выразили протест газете,

взявшей под защиту эсэсовца Скорцени!"

В муниципалитете Парижа состоялись бурные прения. Префекта парижской полиции засыпали вопросами. Он не знал куда деться от справедливых упреков: "Что было предпринято в феврале, чтобы захватить оберштурмбаннфюрера СС в Париже?", "Как могло случиться, что гитлеровский агент по особым поручениям в течение нескольких месяцев проживал в Париже без прописки и даже имел собственную виллу?", "Что сделала полиция для ареста Скорцени на границе?"

Прижатый к стенке префект парижской полиции, хотел он того или нет, стал сообщником человека со шрамами. Он лгал, заявив, будто ничего не мог предпринять, поскольку фамилия Скорцени не числится в списке военных преступников.

Однако имя человека со шрамами значилось в списке военных преступников, и даже не в одном! С февраля 1948 года, т. е. уже более 700 дней, он был внесен в основные, известные всем странам списки Комиссии Объединенных Наций по расследованию военных преступлений. Эта международная комиссия завела на Скорцени специальное дело. В нем, в частности, говорилось:

"Скорцени, Отто, германский подданный, бывший командир "команды специального назначения" в Визовице.

Дата и место совершенных преступлений: апрель 1945 года. Плоштина.

Число и описание преступлений: убийство, грабеж, преднамеренное уничтожение собственности.

Краткое изложение фактов: Обвиняемый Отто Скорцени в апреле 1945 года участвовал в карательной операции против жителей деревни Плоштина. 27 человек было убито, все их имущество разграблено, дома сожжены".

Французская общественность возмутилась.

Однако представители министерства иностранных дел наотрез отказались высказать свою точку зрения по поводу поступивших из-за рубежа запросов о выдаче убийцы Скорцени и вопреки здравому смыслу повторяли басню о якобы неполном списке военных преступников.

Многое так и осталось неясным в этом скандале, затронувшем высшие правительственные круги Франции, от которых нити снова вели в Андорру, к пресловутому агенту СД Лавалю. Но стало ясно, почему Скорцени "не нужно виз".

В атмосфере ладана

Прибыльная торговля мемуарами была для Скорцени отнюдь не главным делом в Западной Германии. Руководитель бывшей гитлеровской Службы безопасности прибыл сюда для того, чтобы

проинспектировать свои подпольные ячейки и создать условия для бегства видных нацистских преступников.

Кроме того, он имел задание и от американской разведки. Ему поручалось завербовать для новых авантюр против социалистических стран как можно больше бандитских главарей, имеющих "фронтовой опыт". Ведь американский империализм уже развернул открытую борьбу против этих стран. В конце июня 1950 года США совместно с Ли Сын маном совершили нападение на КНДР.

В эсэсовских кругах тайную вербовку наемников окрестили "операцией Скорцени". Мюнхенский иллюстрированный журнал "Квик" счел своим кровным делом включиться в нее. Он снабдил мемуары военного преступника такими добавлениями, которых не могли не заметить бывшие сообщники человека со шрамами. "Бегство из жизни? - вопрошал эсэсовский преступник. - Многие сделали для себя такой вывод. Но я чувствую, что мой долг и впредь быть во главе своих камерадов* и вместе с ними продолжать жить. Мне нечего было скрывать от бывших врагов. Я служил своему отечеству и выполнял свой долг. Так пусть и для меня, и для моих камерадов начнется снова жизнь..." Это был плохо замаскированный призыв к активизации фашистских сил.

Вскоре Скорцени отправился в Италию - страну, где он некогда в интересах Гитлера помогал восстановлению фашизма. Там он встретил старых знакомых из итальянской секретной службы, в том числе небезызвестного князя Боргезе. Князь принадлежал к руководящей клике неофашистов, снова представленных в парламенте своей партией "Итальянское социальное движение" (MSI), насчитывающей свыше четверти миллиона членов.

Но для осуществления задуманного плана нужно было обезопасить себя. Скорцени не хотел пережить в Риме второй Париж.

В солнечный осенний день, когда листва переливалась всеми красками, долговязая фигура незаметно проскользнула в здание католического учебного заведения "Колледжио Теутонико ди Санта Мария делль Анима". Разумеется, Скорцени и здесь не назвал себя настоящим именем. Да в этом и не было необходимости. Хозяин дома монсеньор Алоис Худаль не раз заявлял: "Будучи священником, я не являюсь ни полицейским, ни карабинером. Мой христианский долг - спасти того, кто может быть спасен". Под этим девизом немецкое отделение его семинарии было превращено в сборный пункт для многих видных нацистов.

* На немецком солдатском жаргоне: однополчанин,

сослуживец, приятель. - Прим. перев.

Здесь Скорцени встретился еще с одним своим единомышленником. Гостеприимством монсеньора Алоиса Худаля уже довольно долгое время пользовался бывший обергруппенфюрер СС при штабе Гиммлера, заместитель "имперского руководителя молодежи" и гаулейтер Вестфалии Гартман Лаутербахер. Он ввел Скорцени в курс дела, рассказав ему о тайных нитях и каналах, которыми располагали бывшие эсэсовцы. Правда, самому Лаутербахеру приходилось поневоле ограничиваться лишь нацистскими опорными пунктами в Мюнхене, Линце, Риме и Аргентине, поскольку ему недоступны были те счета в банках, которыми мог распоряжаться Скорцени.

Под сенью Ватикана, в монастырской тиши, овеянные запахом ладана, беседовали два обер-бандита. Речь шла отнюдь не о самоотречении и покаянии. Здесь говорили о возрождении старых нацистских планов и пересчитывали миллионные суммы. У собеседников не было разногласий. Так был учрежден зловещий синдикат эсэсовских преступников - "Организация лиц, принадлежащих к СС*.

Хотя человек со шрамами сделал все для конспирации, пребывание его в Риме недолго оставалось тайной. Полмиллиона читателей газеты "Унита" вскоре узнали о преступной деятельности бывшего любимца Гитлера.

Вскоре правительство Чехословакии обратилось к правительству Италии с требованием выдать разыскиваемого палача Плоштины. Сначала министерство иностранных дел Италии пыталось отрицать факт пребывания Скорцени в Италии, но затем все же было вынуждено передать требование о его выдаче министерству внутренних дел. С тех пор имя человека со шрамами числится также в итальянских списках разыскиваемых преступников.

Покидая, не без содействия итальянской полиции, гостеприимные места, Скорцени был доволен. Ведь ему удалось проложить "римский маршрут". По нему, как по проторенной дорожке, в последующие недели, месяцы и годы, спасаясь от правосудия, проследовали десятки нацистских преступников. Идти по этому маршруту было почти безопасно. Фашистские подпольные группы заботились и о проводниках, и о снабжении. Они располагали крупными суммами в различной валюте и подложными документами.

* Аббревиатура от нем.: Organisation der SS-Angehqrigen" (ODESSA). Прим. пер.

Итак, для крупных фашистских преступников не существовало государственных границ в Западной и Южной

Европе. О своей готовности приютить видных нацистов сообщила нацистская агентура в странах Южной Америки. Адольф Эйхман, скрывавшийся под именем Рикардо Клемента, вместе с семьей тоже отправился по пути, проложенному Скорцени.

Основные ячейки агентурной нацистской сети, раскинутой еще гиммлеровской Службой безопасности, были восстановлены. В октябре 1950 года одна из западногерманских газет предупреждала: "Скорцени руководит тайной организацией эсэсовцев, которая насчитывает уже тысячу членов"*. Сообщение это было опубликовано в местной газете Дорума - небольшого городка, расположенного между Куксхафеном и Бремерхафеном. Жители Западной Германии, читая газету, сокрушенно качали головой. В боннских же министерских кабинетах сообщения этого "не заметили".

Прошло всего лишь пять лет с того дня, когда государства, одержавшие победу над гитлеровской Германией, подписали документ, вошедший в историю под названием Потсдамского соглашения. В нем давалось торжественное обязательство осуществить денацификацию и демилитаризацию Германии.

Советский Союз выполнил взятые на себя обязательства. Его союзники по антигитлеровской коалиции поступали иначе.

ЭСЭСОВСКИМ ПРЕСТУПНИКАМ
ПРОТЯГИВАЮТ РУКУ ПОМОЩИ

Мадрид - убежище шпионов

Покинув своих гостеприимных друзей - итальянских фашистов, Скорцени отправился в Испанию, которая еще со времен Первой мировой войны рассматривалась германской военной разведкой как ее главная вотчина. В конце той войны в районе британской морской крепости Гибралтар подвизался германский шпион Вильгельм Канарис, ставший впоследствии адмиралом и главой абвера. Он помогал наводить немецкие подводные лодки на суда противника. Уже тогда Канарис установил в Испанском Марокко связи с молодым колониальным офицером Франциско Франко Баамонте. В то время Канарис использовал подкупленного Франко для натравливания местных арабских князей на противников Германии - Францию и Англию. В период между двумя мировыми войнами Канарис приложил немало сил, чтобы помочь своему давнишнему агенту установить с помощью нацистов и итальянских фашистов кровавую диктатуру над испанским народом. Гражданская война в Испании и воцарившаяся с 1939 года жестокая диктатура каудильо стоили испанскому народу многих жертв.

Разумеется, германские друзья Франко не были бескорыстными. За спиной гитлеровцев стояли монополии Рейна

и Рура. Испания была для них одним из самых важных источников сырья для военной промышленности. Кроме того, магнаты германской военной промышленности сразу же после окончания Первой мировой войны перебазировали в Испанию часть производства оружия, чтобы избавиться от международного контроля и ограничений Версальского договора.

В период Второй мировой войны Испания хотя формально и сохраняла нейтралитет, но он был весьма своеобразным. Франко отправил на советско-германский фронт пресловутую "Голубую дивизию" - как бы в обмен за германскую эскадрилью "Легион Кондор", в свое время направленную Гитлером в Испанию. Каудильо дал возможность Канарису и Гиммлеру превратить Испанию в цитадель фашистского шпионажа, в постоянно действующий зарубежный центр гитлеровских агентов. Аппарат фашистской секретной службы на Пиренейском полуострове функционировал до последнего дня войны и даже позже. Представители высшего руководства нацистской Службы безопасности во время войны не раз инспектировали своих агентов в "нейтральной" Испании.

В 1943 году в Испанию направился Канарис вместе с бригадефюрером СС Шелленбергом. Шелленберг писал впоследствии: "В то время сосредоточение (сети шпионажа. - Ю.М.) в Мадриде являлось объектом наших больших забот... Военный сектор включал кроме участников активного шпионажа и контршпионажа еще около сотни сотрудников, которые размещались в здании немецкого посольства и создали там одну из наших крупнейших зарубежных служб по радиоперехвату и дешифровке. К этой службе примыкала также метеорологическая станция с опорными пунктами в Португалии, на Канарских островах, а также в Северной и Южной Африке. Обеспечение нашей обороны (т. е. шпионажа. - Ю.М.) на Иберийском полуострове важно было прежде всего потому, что Испания и Португалия являлись прикрытием для работы секретной службы в Южной Америке. Мы смогли наладить регулярно работающую курьерскую связь (с Южной Америкой. - Ю.М.). При помощи нескольких... торговых фирм нам удалось создать обширную агентурную сеть в испанских портовых городах... В Южной Америке в нашем распоряжении также находилось большое количество хорошо обученных сотрудников. Выполнению наших задач благоприятствовало то, что в течение нескольких десятилетий германская экономика оказывала здесь свое влияние; это позволило нам черпать силы из многочисленных источников..."*

Итак, Испания в целом, а Мадрид в частности были вотчиной

нацистских шпионов! И чем безвыходнее становилось для гитлеровцев положение на фронтах, тем больше они укреплялись на Иберийском полуострове. Агенты из Северной и Южной Америки, Европы, Азии поставляли сюда шпионские сведения и взамен получали новые директивы.

Германские концерны всемерно помогали фашистской секретной службе, а она не оставалась в долгу. Ее агенты старались спасти испано-португальские источники сырья от захвата американцами и англичанами. Гитлер и Гиммлер отправились на тот свет, но нацистский Вавилон в Испании уцелел. Наиболее закоренелые гитлеровцы в последние месяцы войны бежали под крыло диктатора Франко. Нацистская колония в Мадриде возросла с 11 до 16 тысяч человек.

Гостеприимством каудильо воспользовались 5 тысяч вчерашних высокопоставленных гитлеровцев. О каждом из них позаботились, но особенно хорошо приняли здесь Скорцени. Ведь еще в 1945 году в его руки окончательно перешло эсэсовское военное управление, ранее подчиненное возглавлявшемуся Канарисом шпионскому ведомству ОКВ "Абвер (заграница)". Скорцени унаследовал картотеку руководителей и тайных агентов этого отдела в Капштадте, Нью-Йорке, Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айресе, Тунисе и Лиссабоне.

Подчиненный Скорцени подполковник Арно Клейенштюбер - руководитель шпионского центра в Мадриде своевременно посвятил своего шефа в деятельность подрывных органов и позаботился о соответствующем дополнительном количестве тайных явок. Бывший нацистский дипломат Раушенбах, также бежавший в Испанию, оказался весьма ловким человеком в размещении прибывавших в Мадрид эсэсовцев.

* Walter Schellenberg. Memoiren, S. 112, 249, 265, 269.

Следовательно, вояж Скорцени в Испанию был тщательно подготовлен. Брат Франко Николае, в течение многих лет связанный с Гиммлером, лично знал Скорцени. Герцогиня Валенсийская приняла человека со шрамами с распростертыми объятиями. Дон Эдуарде Эскер, баснословно богатый помещик и платный агент Главного управления имперской безопасности, сразу уразумел, что к нему прибыли хозяева. Скорцени снова оказался среди своих. Вскоре он даже появился в картинной галерее Мадрида с "Рыцарским крестом" на шее.

Замаскированные фирмы секретной службы продолжали действовать как и прежде. В сейфах мадридского банка "Уркихо" хранилась валюта, депонированная Лавалем и его сообщниками.

Вместе с Леоном Дегреллем* Скорцени сразу же принялся за дело. Дегрелль получил указание переправлять в Испанию по

проложенному "римскому маршруту" агентов Службы безопасности. Вместо навсегда потерянного замка Фриденталь, в Испании создали две базы: одну - близ Севильи, в долине Гвадалквивира, а вторую - в уединенной вилле неподалеку от Константины.

Банкир вступает в заговор

Между Испанией и Западной Германией еще не было дипломатических отношений, а германские монополии, секретная служба генерала Гелена и западногерманские нацистские группы уже установили с франкистской Испанией полуофициальные контакты.

В Мюнхене, неподалеку от штаб-квартиры генерала от шпионажа Гелена, разместилось так называемое "Германо-испанское общество" во главе с кавалером испанского ордена "Сант-Яго" принцем Адальбертом Баварским**.

Рейнские и рурские промышленные магнаты сразу же взялись за дело, чтобы активизировать свои перебазированные в Испанию с 1944 года производственные мощности и валютные запасы. В качестве представителя своих интересов они снарядили в путь доктора Шахта, того самого Яльмара Шахта, который при Гитлере был президентом Рейхсбанка.

* Дегрелль был руководителем бельгийских фашистов. В 1944 году заочно приговорен к смертной казни за тяжкие преступления и государственную измену.

** С 1952 по 1956 год являлся послом ФРГ в Мадриде.

На Нюрнбергском процессе Яльмар Шахт сидел на скамье подсудимых в числе главных военных преступников. Но его заокеанские друзья сделали все возможное, чтобы он избежал справедливого наказания. Джон Фостер Даллес, ставший позже государственным секретарем США, боялся, как бы на Нюрнбергском процессе из показаний Шахта не стало известно о финансовых связях Уолл-стрита с "советом богов" Рейна и Рура, об активном участии американских монополий в нацистском бизнесе по производству вооружения. Даллес предотвратил разоблачение. Вопреки протесту советского обвинителя Международный военный трибунал вынес Шахту оправдательный приговор.

Вскоре после этого западногерманская палата по денацификации в земле Баден-Вюртемберг квалифицировала Шахта как "нациста, несущего главную вину". Однако приговор ее оказался мягким: восемь лет заключения. Старый нацист и финансист смерти добивался пересмотра дела. Оно пересматривалось дважды. Три года спустя, в середине октября 1950 года, главная палата по денацификации в Люнебурге

причислила его к группе "реабилитированных". Человек, нанесший крупнейший финансовый урон немецкому народу, был оправдан. Ему пришлось заплатить всего лишь 20 марок судебных издержек. Остальная же сумма - 23 тысячи марок - была внесена государственной казной земли Нижняя Саксония, т. е. западногерманскими налогоплательщиками. Такова была комедия денацификации!

Не прошло и восьми недель, как Шахт, этот респектабельного вида человек в старомодном крахмальном воротничке, при содействии "Германо-испанского общества" уже очутился в Мадриде. У него было множество поручений: от концерна "Клёкнер АГ", от треста Вольфа, от бумажного концерна в Фельдмюле. Он привез с собой проекты фирмы "Мессершмитт-верке", крупных предприятий химической промышленности и, разумеется, представлял интересы Круппа.

Шахту нужен был человек, которого можно было бы сделать главным представителем западногерманских монополий в Испании. Этот человек должен был заботиться, конечно, не только об экономических интересах монополий ФРГ. Еще нелегально действовавший в то время западногерманский генеральный штаб рекомендовал использовать Испанию в качестве будущей тыловой базы для войны. У западногерманской военщины сохранился давнишний план - с помощью Испании зажать в тиски Францию и использовать Испанию как трамплин для прыжка в Северную Африку.

Шахту не пришлось долго искать "своего" человека; он сразу направился к Отто Скорцени. Ведь Скорцени, как заявил Шахт представителям прессы, находясь проездом в Ницце, "давно является его другом, которого он очень высоко ценит"*.

Сговор между Шахтом и Скорцени произошел в столице фашистской Испании в весьма привычной для них обстановке - в роскошном ресторане "Хорьхер". Сопровождаемый одним из своих телохранителей, человек со шрамами вышел из конспиративной квартиры на Калле де Алкала, 17, и направился в ресторан. Портье ресторана давно знал сеньора Скорцени как завсегдатая и проводил уважаемого гостя в отдельный голубой кабинет. Здесь его уже ожидал "сеньор доктор из Германии".

Владелец ресторана Отто Хорьхер не зря считал себя интимным другом крупных нацистов. Еще в то время, когда Гитлер "осчастливил" немецких трудящихся жидкой похлебкой и хлебными карточками, Хорьхер в своем фешенебельном ресторане вблизи берлинской Курфюрстендамм устраивал попойки для Геринга, Гиммлера, Канариса, Кальтенбруннера, Шахта, Риббентропа и других нацистских бонз. Иностранные

дипломаты, посещавшие эту обитель гурманов, не подозревали, что в стены залов были вмонтированы микрофоны и фотоаппараты. Хорьхер потчевал иностранцев изысканными блюдами и одновременно пополнял секретные досье Канариса и Службы безопасности. Так действовал он не только в Берлине. Недаром Главное управление имперской безопасности передало в оккупированном Париже своему ловкому шпиону-гастроному известный ресторан "Максим".

Уже в 1946 году Хорьхер объявился в Испании. Сумев доказать верность своим старым покровителям, он получил от них большой кредит и открыл в Мадриде первоклассный ресторан, который вскоре стал удобным местом для встреч нацистской элиты. С тех пор "Хорьхер" регулярно посещают Шахт, Дегрелль, персонал посольства ФРГ и Скорцени. Это заведение секретной службы - явка и надежный "почтовый ящик" для всей международной фашистской сети.

* "Die Neue Zeitung", Westberlin, vom 5. Oktober 1952.

Шантажист принимается за дело

Человек со шрамами неутомимо трудился над созданием эсэсовских филиалов. Беспрепятственно разъезжая по многим странам, он делал все, чтобы вызволить осужденных фашистских бандитов из западногерманских тюрем. Он нуждался в них по двум причинам. Во-первых, постепенно возникавшим в Западной Германии фашистским организациям не хватало руководителей. Во-вторых, Скорцени хотел обелить эсэсовцев в глазах западногерманской общественности, а заодно замять и свои преступления.

Пробным камнем для Скорцени должно было явиться дело бывшего штандартенфюрера СС Иоахима Пайпера, приговоренного американским военным трибуналом к смерти за убийство безоружных американских и британских военнопленных. Пайпер, совершивший это преступление по приказу Скорцени, с 1946 года сидел в ландсбергской тюрьме и ожидал того дня, когда его поведут на виселицу. Американцы не торопились. Зато не терял времени Скорцени. В конце 1950 года он встретился с фалангистом и бывшим агентом СД Виктором де ла Серна, которого величал "большим другом и соратником по войне". Началась игра краплеными картами. Серна представлял мадридское бюро влиятельного клерикально-фашистского органа - газеты "АБЦ". Скорцени снабжал своего "большого друга" соответствующими материалами, а тот заботился, чтобы они печатались быстро и без сокращений. Так, в одной статье, сделанной в форме интервью представителя газеты с Отто Скорцени, говорилось: "Исходя из лучших побуждений, мы

(Служба безопасности и СС. - Ю.М.) даже с известным воодушевлением предоставили себя в распоряжение американцев. Но от имени всех немецких офицеров, которые трудятся для победы Запада, я повторяю: если Пайпера казнят, мы не шевельнем больше пальцем и будем вынуждены занять противоположную позицию..." Так бывший шеф гитлеровской разведки запугивал своих новых американских хозяев.

Для затеянной кампании шантажа характерны две статьи Скорцени в газете "Арриба" - партийном органе испанской Фаланги. В одной из них он распространялся о "германском тайном оружии", вспоминая вершину своей карьеры, достигнутую при помощи "летающих гробов", в другой - "о русской армии". Эта писанина была основана на наглой лжи и отличалась неуклюжей фальсификацией. В обеих статьях Скорцени подчеркивал, что его "сердцу дорог идеал СС".

Аденауэровская пресса не замедлила откликнуться. Ультиматум Скорцени и стоящих за ним эсэсовцев пространно цитировался на первых полосах западногерманских газет. Свои страницы не замедлил предоставить Скорцени официальный правительственный орган - газета "Боннер генеральанцейгер". Из ее сообщений граждане Федеративной Республики узнали, что Пайпер, оказывается, командовал "отличнейшей бригадой", участвовавшей в арденнском наступлении, и что этот убийца военнопленных был особо отмечен Скорцени. "Генеральанцейгер" сочла себя обязанной воспроизвести недвусмысленную угрозу Скорцени. 19 января 1951 года она приводила слова Скорценп: "...Если Пайпера казнят, мы не шевельнем больше пальцем... осуждение Пайпера и его камерадов незаконно". Скорцени даже не пришлось навязывать боннской прессе свою фашистскую пропаганду: ему охотно и щедро платили за нее гонорар.

Почему же осуждение Пайпера за массовое убийство военнопленных являлось "незаконным"? На этот вопрос "Генеральанцейгер" давала следующие ответы: во-первых, суд был некомпетентен, во-вторых, с момента вынесения приговора прошло уже много лет и, в-третьих, в Федеративной Республике не существует закона о применении смертной казни. Но не надо быть юристом, чтобы понять: эти "аргументы" лишь пустые слова, а истинная их цель оправдать военных преступников. Подобная "аргументация" отнюдь не нова в Западной Германии.

Один из бывших агентов Скорцени, ставший затем депутатом бундестага от аденауэровской партии ХДС, доктор теологии Ойген Герстенмайер, еще 1 декабря 1949 года заявил с трибуны западногерманского парламента: "В настоящее время по обвинению в военных преступлениях или на основании

приговоров в заключении находятся 1600 немцев. Мы (Герстенмайер выступал от имени фракции аденауэровского ХДС в бундестаге, но кто такие "мы" он предусмотрительно не сказал. - Ю.М.) сожалеем об этом и хотели бы пересмотра приговора в каждом отдельном случае"*.

Пропагандистская кампания в защиту Пайпера и его сообщников, организованная западногерманской прессой, старыми тайными агентами Скорцени, при полной поддержке боннских властей, увенчалась успехом. Да и как могло быть иначе?! Правящие круги Западной Германии, вынашивающие планы реванша, были заинтересованы в том, чтобы "взять на вооружение" всех еще оставшихся в живых эсэсовских бандитов, в том числе и тех, кто временно оказался за решеткой. Вскоре американский верховный комиссар в Германии и родственник Аденауэра Макклой отменил приведение в исполнение приговора Пайперу и его подручным. Смертная казнь была заменена пожизненным тюремным заключением.

Макклой, будучи одним из главных вдохновителей ремилитаризации Западной Германии и включения ФРГ в систему Североатлантического блока, не мог, да и не хотел отказывать в помощи эсэсовцам. Нет, это была не просто капитуляция американского верховного комиссара перед Скорцени. Дело здесь было во взаимных симпатиях.

Одновременно с Пайпером и его сообщниками отпущение грехов получил и Скорцени. В январе 1951 года его фамилия была вычеркнута из списков лиц, разыскиваемых полицией Федеративной Республики Германии*.

Нацисты в Мадриде и Бонне вместе с их вашингтонскими покровителями отметили первые официально зафиксированные успехи своего сотрудничества.

Теперь человек со шрамами начал курсировать между Испанией и Западной Германией то под настоящим, то под вымышленным именем - смотря по тому, какое задание он в данный момент выполнял. В мае 1951 года он подкатил к резиденции американского верховного комиссара в Западной Германии на роскошном "крайслере". Джон Джей Макклой протянул руку гитлеровскому черному циклопу. О чем они говорили, неизвестно. Но беседа не осталась безрезультатной.

"Турист" Шелленберг

Скорцени отправился в Испанию не один. Он захватил с собой своего бывшего начальника по Службе безопасности Вальтера Шелленберга, который не отсидел и половины положенного срока заключения: американцы выпустили его из тюрьмы "по состоянию здоровья".

Шелленберг "предпринял в 1951 году туристическую поездку в Испанию, чтобы установить связи с эмигрировавшими эсэсовскими фюрерами", - писал впоследствии некий Клаус Харпрехт в предисловии к пухлым, полным наглой лжи мемуарам Шелленберга. Так в Западной Германии заинтересованные круги задним числом воспевали тогда успехи фашистских шпионов и диверсантов, вызывая благоговейный трепет у доверчивых бюргеров.

* "Der Tagesspiegel", vom 29. Juli 1951.

В Мадриде "турист" Шелленберг сразу занялся проблемами высокой политики. Оба бывших руководителя Службы безопасности испытывали беспокойство за судьбу диктаторского режима Франко. Они хотели подлакировать его, чтобы Испания смогла успешнее выступать на внешнеполитической арене. А потому посоветовали каудильо распустить партию фалангистов, известную всему миру как банда террористов, но сделать это так, чтобы не нанести ущерба диктатуре, исполнительным органом которой она является. Взамен Франко должен был создать по образцу фашистской "Голубой дивизии" соединения, подобные войскам СС. Франко понравилась эта идея, и он выразил обоим бандитам свою благодарность.

После вояжа в Испанию Скорцени сделал попытку организовать "пятую колонну" бывших эсэсовцев в Швейцарии. Он поручил преданному ему Шелленбергу возглавить фашистов в этой стране. Но сделать это не удалось. Тогда Шелленберг выехал в Северную Италию: итальянское правительство предоставило ему политическое убежище. Бывший бригадефюрер СС обосновался в Лаго-Маджоре. Здесь он аккуратно принимал и отправлял фашистских курьеров. В большом отеле в Палланца, где поселился Шелленберг, эти "гости" могли легко остаться вне подозрений. Так и вел Шелленберг темную игру до самой своей смерти.

В ветреный мартовский день 1952 года бывший руководитель зарубежной шпионской сети СД, убийца тысяч советских граждан мирно почил в Турине смертью добропорядочного буржуа.

Письма с взрывателем замедленного действия

Скорцени и его покровители потребовали от американского верховного комиссара в Германии Макклоя освободить из тюрем всех гитлеровских офицеров, и в первую очередь руководящий корпус СС, осужденных англо-американскими трибуналами за военные преступления и преступления против человечности. Правительство США было готово пойти им навстречу, но предварительно хотело заручиться согласием английского правительства.

Английский народ не раз испытывал на себе эсэсовский террор в годы Второй мировой войны. Снаряды "Фау-1" и "Фау-2", изготовленные на заводах гитлеровской Германии, наносили населению Британских островов большой урон. Немало англичан, в том числе военнопленных, было замучено в концентрационных лагерях.

Не забыли англичане и Ле Парадиз, французскую деревню, в которой эсэсовцы 27 мая 1940 года уничтожили около 100 пленных, в том числе раненых солдат и офицеров королевских полков Шотландии и Норфолка. Убийцы носили форму полка "Мертвая голова". Два случайно уцелевших во время массового расстрела англичанина - Альберт Иулэй и Уильям О'Колэгэн - после длительных поисков обнаружили одного из палачей. Это был оберштурмбаннфюрер СС Фриц Кнёхляйн. 11 октября 1948 года он предстал перед британским военным судом. Процесс продолжался две недели, Кнёхляйн был приговорен к смерти. В январе 1949 года солдаты английского гарнизона в Гамбурге привели приговор в исполнение*.

Минул год. В Англии шла предвыборная борьба. Консерваторы во главе с Уинстоном Черчиллем делали все возможное, чтобы отстранить лейбористов от власти. Требовать от английских политиков в этот момент освобождения, а тем более реабилитации законно осужденных и находящихся в заключении в Западной Германии видных эсэсовцев было крайне несвоевременно. Любой кандидат, рискнувший заикнуться перед английской общественностью об этой уступке фашизму, заранее лишил бы себя и свою партию шансов добиться на выборах победы.

Тогда Скорцени и его нацистские сообщники разработали тщательно продуманный план. Он заключался в шантаже Черчилля...

После окончания войны Черчилль неоднократно бывал в Северной Италии. Каждый раз его неудержимо влекло к вилле "Донегана" в Донго, где провел свои последние дни Муссолини. Однажды Черчилль оказался на озере Гарда, расположенном недалеко от виллы. И хотя он старался сохранить эту поездку в тайне, она стала достоянием итальянской общественности. Его фотографии появились в нескольких иллюстрированных журналах. Читатели завидовали этому толстяку, который, укрывшись под зонтом от палящего солнца, писал картины маслом.

Но спокойствие Черчилля было показным. Он искал то, что могло оказаться исключительно опасным для его политической карьеры. Дело в том, что Черчилль с начала прихода итальянских

фашистов к власти симпатизировал их главарю Бенито Муссолини, был его почитателем. Еще в 1927 году на устроенной по поводу его приезда во Флоренцию пресс-конференции он говорил: "Именно Италия дала нам средство против русского яда. Будь я итальянцем, я стал бы фашистом!" С тех пор в течение ряда лет до 1944 года Черчилль переписывался с Муссолини. Его не смущало, что развязанная фашистами война принесла народу Великобритании огромные жертвы.

И вот теперь Черчилль, не останавливаясь ни перед какими расходами, разыскивал эти письма. Он прекрасно знал: если эта переписка станет известна общественности, то симпатии, которые еще питала к нему часть английского народа, исчезнут навсегда.

Судьба этих писем, переживших войну, необычна. Муссолини до последнего дня тщательно хранил их, чтобы в критический момент использовать для спасения своей шкуры.

Письма эти всегда находились при главаре итальянских чернорубашечников, даже в то время, когда он был в плену. И лишь один раз он был вынужден выпустить их из рук. Это было во время его бегства из Гран-Сассо при помощи Скорцени. Доверху набитый бумагами чемодан не умещался в переполненном самолете "Физелер Шторьх", и Муссолини пришлось на некоторое время расстаться с драгоценным грузом. Лишь двадцать часов находился чемодан в руках гиммлеровской Службы безопасности. За это время сотрудники секретной службы просмотрели бумаги и часть из них сфотографировали. С тех пор о существовании писем Черчилля к Муссолини знали два руководителя Службы безопасности: Вильгельм Хёттль и Отто Скорцени.

Черчилль поставлен на колени

Черчилль и несколько его личных детективов продолжали неустанно охотиться за этими письмами. Но поиски были тщетны: письма вновь попали в руки человека со шрамами.

Получилось это так. По указанию Скорцени Шелленберг, находившийся в Северной Италии, в апреле 1951 года немедленно связался с Францем Шпёглером. Этот оберштурмфюрер СС по заданию Службы безопасности неустанно вел наблюдение за чемоданом с письмами, а попутно выполнял обязанности телохранителя любовницы Муссолини Кларетты Петасси; именно ей дуче доверил свою переписку с Черчиллем.

25 апреля 1945 года Петасси послала Шпёглера в свою виллу забрать секретные документы Муссолини и доставить их надежному сторонникудуче в Милан. Шпёглер на автомашине отправился в путь. Вскоре его шофера Альдо Гасперини нашли убитым, а Шпёглер скрылся вместе с документами. Так с помощью Шпёглера Скорцени завладел письмами Черчилля.

И вот теперь фашистское подполье предлагало сделку.

Расчет Скорцени и его своры был сделан правильно. Черчилль клюнул на приманку. Сделка, направленная против интересов народов, должна была состояться в Италии в августе 1951 года. Черчилль направился в Венецию. Это был его пятый послевоенный визит в Италию. Скорцени (итальянская полиция делала в это время вид, будто разыскивает его) на сей раз приехал туда сам с настоящей итальянской визой - ее проставил в его паспорте итальянский консул в Швейцарии. Черчиллю возвратили его письма к Муссолини. За это ему пришлось дать гарантию, что в случае победы на выборах он освободит нацистских военных преступников. На этих условиях фашисты отказались от разоблачения Черчилля в период предвыборной борьбы в Англии.

Лейбористская партия потерпела поражение. Победу одержали консерваторы. Черчилль сформировал новое правительство и распорядился освободить ряд видных нацистских палачей от справедливого наказания. Вскоре многие эсэсовцы покинули тюрьмы. Таким образом, Черчилль, на помощь которого не зря рассчитывал Муссолини, вступил в союз с фашистами.

Гиммлеровский штаб покидает тюрьму

Прошло всего шесть лет со времени победы свободолюбивых народов над фашизмом. ФРГ еще не насчитывала и двух лет своего существования. Но денацификация на западногерманской земле уже закончилась, так по-настоящему и не начавшись. Крупные нацисты вновь потянулись к власти. Их ставленник Ганс Мария Глобке стал правой рукой Аденауэра. Нацисты считали, что настала пора вновь выйти на поверхность. Рефашизация захлестнула тогда общественную жизнь ФРГ.

Для секретных переговоров с боннскими политиками и установления тесных контактов с фашистскими ячейками в Федеративную Республику прибыл сам Скорцени. И когда из самолета компании "Свисс-Эйр", прилетевшего из Цюриха в Штутгарт, вышел мужчина двухметрового роста, в котором нетрудно было узнать любимца фюрера, офицер федеральной полиции не удивился. Не вызвал у него подозрения и предъявленный испанский паспорт - на этот раз, для разнообразия, на имя Пабло Лерно. Из документа явствовало, что Скорцени является "комиссаром испанского административного управления", что гарантировало его владельцу некоторые дипломатические привилегии. Ведь Скорцени нужно было избежать таможенного досмотра багажа: он вез с собой списки сотрудников бывшей Службы безопасности и видных эсэсовцев.

Человек со шрамами направился из Штутгарта в Мюнхен,

Ганновер, Брауншвейг и Бремен. В Бремене и в Делменхорсте он выступал на собраниях с торжественными речами в качестве учредителя эсэсовской ХИАГ*. В Пулахе (под Мюнхеном) Скорцени встретился с Рейнхардом Геленом, чтобы заручиться сотрудничеством с финансируемой американцами "Организацией Гелена", на основе которой в 1956 году возникла западногерманская разведка. В Штутгарте, Ганновере, Мюнхене, Брауншвейге и Бремене Скорцени занимался объединением эсэсовских ячеек в западногерманский союз СС. Эсэсовское подполье готовилось к встрече своего руководящего штаба, который еще находился за тюремной решеткой.

Оккупационные власти США и Англии издали соответствующие приказы. Ворота тюрьмы Ландсберг широко распахнулись, и гиммлеровский руководящий корпус походным маршем отправился служить боннским политикам. Вновь оказались на свободе бывший обергруппенфюрер СС Готлоб Бергер, приговоренный к 25 годам тюремного заключения, бывший обергруппенфюрер СС Ганс Ламмерс из штаба Гиммлера и другие высшие чины "черного ордена" эсэсовцев.

У ворот тюрьмы промышленники с распростертыми объятиями встретили бывшего обергруппенфюрера СС в штабе Гиммлера и статс-секретаря Геринга Пауля Кернера. Они хорошо знали его еще с тех времен, когда вместе с ним наживались на военных заказах.

Бригадефюреру СС Гейнцу Йосту, бывшему до 1942 года начальником отдела СС по шпионажу за границей и важной фигурой в главном ведомстве СД, пришлось отсидеть лишь мизерную часть пожизненного тюремного заключения. Бригадефюрер СС и начальник VII управления Главного управления имперской безопасности, шеф Адольфа Эйхмана по службе Франц Альфред Зикс получил от англичан и американцев отпущение грехов за массовые убийства советских граждан. Его великодушно избавили от дальнейшего отбывания 20-летнего тюремного наказания. Бригадефюрер СС Эдмунд Везенмайер, политический советник Скорцени в период его антивенгерской операции "Бронированный кулак", также смог отпраздновать рождество 1951 года в кругу своей семьи.

Последними покинули тюремные камеры обергруппенфюрер СС, командир личной охраны Гитлера и генерал-полковник войск СС Йозеф Дитрих, бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Герман Присс и штандартенфюрер СС, полковник войск СС Иоахим Пайпер.

Вместе с бандитами "черного ордена" были выпущены из тюрем и генералы гитлеровского вермахта. Англо-американские

списки заключенных военных преступников оскудели так же быстро, как росло число членов ХИАГ и разбухали "солдатские союзы".

Клика Скорцени добивалась реабилитации СС. А западногерманское государство усердно выплачивало бывшим эсэсовцам компенсацию за пребывание в тюрьме.

Оно нуждалось тогда в создании "крепкого кулака" для бундесвера. По замыслам реакционных сил, этим кулаком должны были послужить бывшие эсэсовцы, подобные Скорцени.

УБИЙЦА СТАНОВИТСЯ КОММИВОЯЖЕРОМ

Финансист фашистского подполья

Откуда же берет ХИАГ средства на содержание своего широко разветвленного аппарата? Кто финансирует информационные бюллетени этой эсэсовской организации, ее "службу розыска", ее печатный орган "Фрайвиллиге" ("Доброволец")? Чьими деньгами оплачивают свои счета неофашисты в Италии и фашистские "пятые колонны" во Франции?

Если проследить, откуда идут денежные потоки и валютные переводы, то этим источником окажется Мадрид, а точнее, главная резиденция Скорцени.

Мадридский комитет фашистов насчитывает восемь человек. Решающий голос в нем имеют Отто Скорцени и Леон Дегрелль. В распоряжении комитета богатства, награбленные эсэсовцами при гитлеровском режиме: золото, драгоценные камни, платина, валюта. Происхождение этих ценностей известно: собственность более шести миллионов уничтоженных евреев, имущество, захваченное в оккупированных странах Европы, а также фальшивые банкноты. Известна и судьба этих сокровищ. 10 августа 1944 года на тайном совещании в Страсбурге они были переданы Службе безопасности в присутствии Гиммлера.

Однако фашисты не довольствуются награбленным. Прежние покровители монополисты - и теперь регулярно финансируют их деятельность. Разумеется, суммы, которые они выплачивают, не числятся в бухгалтерских книгах. Заправилы германских монополий имеют достаточный опыт маскировки таких операций. Тем более что ими руководит небезызвестный Яльмар Шахт специалист по финансированию фашизма. Английский журналист Эрик Стентон писал в феврале 1953 года: "В Испании в качестве агента Шахта действует Отто Скорцени, пресловутый гитлеровский начальник эсэсовских команд. Ни один германский экспортер не может заключить там сделку, если он не прибегнет к услугам этого нераскаявшегося нациста"*.

Суммы, которые значатся в бухгалтерских книгах западногерманских концернов как комиссионные подставным

фирмам, в действительности поступают в партийную кассу фашистов. Кроме того, фашистская верхушка получает известный процент от прибылей 800 промышленных и торговых предприятий, разбросанных по всему миру.

Награбленные ценности и денежные поступления от владельцев крупнейших западногерманских концернов - не единственные финансовые источники фашистов. В 1954 году американское агентство печати Ассошиэйтед Пресс сообщало: "Лондон, 6 мая 1954 года. Отдел Скотланд-Ярда по борьбе с фальшивомонетчиками разыскивает склад фальшивых долларовых банкнот с номинальной стоимостью от 3 до 5 миллионов долларов. При попытке пустить в обращение эти безукоризненно изготовленные банкноты арестован один англичанин. Полиция предполагает, что они были отпечатаны на континенте".

Скорцени и его сообщники сумели использовать полученные в майские дни 1945 года клише и рецепты бумаги, чтобы вновь наладить производство фальшивых денег. Вокруг человека со шрамами, посвященного в "операцию Бернхард", снова сгруппировались фальшивомонетчики из прежней службы безопасности: Альфред Науюкс, Бернхард Крюгер, банкир Шпиц, Фридрих Швенд, он же доктор Вендиг, - специалист по сбыту фальшивых денег.

* Daily Herald, London, 16.II.1953.

"Теоретик" гиммлеровской акции по производству фальшивых банкнот штурмбаннфюрер СД Хёттль в своей книжонке, изданной в Западной Германии, внушал фальшивомонетчикам: "Только тогда, когда удастся юридическим путем действенно ограничить методы ведения войны, станет возможно прекратить и "банкнотную войну"*.

Итак, фашисты вновь обогащаются, используя опыт гитлеровской Службы безопасности по производству фальшивых банкнот. Уголовники так и остались уголовниками.

Досадный недосмотр

Аргентина, 1954 год. На веранде комфортабельной виллы в пригороде Буэнос-Айреса в кругу собеседников сидит загорелый человек. Вентилятор обвевает его прохладой. Огни парка отражаются в бассейне. За столом говорят по-немецки, пьют виски. Скорцени снова среди друзей. Он приехал лично убедиться, можно ли положиться на аргентинскую "пятую колонну" бывших гиммлеровцев, и остался вполне доволен.

Но тут произошло нечто в высшей степени неприятное для Скорцени и его закулисных хозяев. Слуга принес перонистскую вечернюю газету "Эпока". Вначале никто не обратил на нее

внимания, но вдруг хозяйка дома наткнулась на интересное фото. "Господин Скорцени, сегодня вы на страницах нашей газеты!" - воскликнула она.

Действительно, на снимке были запечатлены три человека, и следовала подпись: "Президент Перон принял двух представителей фирмы Круппа". В одном из них было нетрудно узнать Отто Скорцени. Его рост, внешность, шрамы не оставляли никаких сомнений.

Так правительственная "Эпока" оказала западногерманским патронам человека со шрамами медвежью услугу. Снимок стал достоянием общественности. Скорцени, прибывший в Аргентину под именем Роберта Штайнбауэра, сел в лужу. Ведь его фотоснимки геббельсовских времен не забыли ни друзья, ни враги.

Концерн Круппа не сумел своевременно опровергнуть это сообщение. Его аргентинский филиал опубликовал заявление, что Скорцени находился в Аргентине "со специальным поручением Круппа". Правление же трех крупповских картелей в Эссене, наоборот, отрицало, что Скорцени находится с Круппом "в договорных связях". Впрочем, дело ведь не в формальном соглашении. Имея такого поручителя, как старый финансист Круппа Яльмар Шахт, можно было договориться обо всем и без письменного договора.

Впрочем, Скорцени не один раз после войны бывал в Аргентине. Ему однажды уже пришлось бежать оттуда, спасаясь от гнева общественности. 20 июля 1949 года депутат аргентинского парламента Сильвано Сантандер направил правительству запрос: "действительно ли бывший полковник нацистской люфтваффе Ганс Ульрих Рудель, подполковник СС Отто Скорцени, инженер Вилли Танк и генерал Адольф Галланд занимают высокие посты в различных соединениях аргентинских вооруженных сил?" Тогда Скорцени настоятельно рекомендовали немедленно покинуть страну, чтобы замять досадный запрос.

Созданная Гиммлером агентурная сеть Службы безопасности продолжала действовать на южноамериканском континенте. Аппарат СД, как и раньше, представлял в Аргентине интересы германских пушечных королей и других "деловых партнеров". Ведь и оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман, он же Клемент, также вплоть до своего ареста регулярно получал жалованье в аргентинском филиале фирмы "Мерседес-Бенц", принадлежащей концерну Флика. Эсэсовский врач-убийца Менгеле, он же Мунгель, был укрыт в Аргентине нацистскими кругами, тесно связанными с трестом "ИГ Фарбениндустри".

Венский скандал со сталью

Но Отто Скорцени работал не только на Круппа и его компаньонов. Одновременно он являлся и генеральным представителем австрийских конкурентов Круппа в Южной Америке.

В июне 1961 года венская газета "Нейер курир" сообщала своим читателям: "Крупнейшее национализированное предприятие Австрии Объединенные австрийские металлургические и сталелитейные заводы, как теперь стало известно, в течение нескольких лет имели своим генеральным представителем в Испании и Южной Америке бывшего видного офицера СС и освободителя Муссолини Отто Скорцени. Характерно, что эти деловые связи объединения до сих пор держались в строгой тайне. В качестве представителя этого объединения называли мадридскую фирму "Штайнбах", однако теперь выяснилось, что именно Скорцени является единоличным владельцем этой фирмы. После войны у Скорцени нашлись влиятельные покровители за границей; они, очевидно, имелись и в Австрии. Когда Скорцени основал в Мадриде фирму "Штайнбах", Объединенные австрийские металлургические и сталелитейные заводы передали ему генеральное представительство своих интересов в Испании и Южной Америке, что принесло фирме "Штайнбах" миллионные доходы"*.

Объем сомнительных сделок между объединением и Скорцени достиг суммы около 7,5 миллиона шиллингов. Скорцени получил за это, как видно из официальных данных, 225 тысяч шиллингов комиссионных. Скорцени уже давно использует профашистскую прессу Австрии для своих публикаций. Например, в газете "Клейне цейтунг" он опубликовал несколько статей под своей подписью.

Когда Скорцени под псевдонимом Антонио Скорба впервые ступил на австрийскую землю, он был очень осторожен. В то время правительство Чехословакии потребовало от австрийских властей выдать его как убийцу. Но венский государственный суд отменил уголовное преследование Скорцени в Австрии. Поскольку Скорцени отрицал совершенные им в Плоштине преступления, 8 ноября 1958 года венский государственный суд вообще прекратил "дело Скорцени", тем самым устранив последнюю помеху для выдачи ему австрийского паспорта. Таким образом, наглые утверждения австрийского государственного преступника имели для венских судебных властей большее значение, чем предъявленное Чехословацкой республикой детально обоснованное и доказанное обвинение Скорцени в убийствах. За Скорцени стоят "высокие покровители", многозначительно писала об этом газета "Нейер курир", полагая,

что делает какое-то открытие.

ПРЫЖОК НА ОСТРОВА

Звезда Би-Би-Си

Когда Скорцени впервые после войны прилетел в Лондон, английская полиция сначала запретила ему покидать территорию аэродрома. Но человек со шрамами отнюдь не считал ресторан аэропорта идеальным местом для переговоров с представителями Освальда Мосли - руководителя английских фашистов. "Если я захочу побывать в Лондоне, - угрожал псевдогражданин Испании с фальшивым паспортом в кармане, - то никто не сможет помешать мне сделать это!"*

Для подобного заявления имелись веские причины. Со времени политической сделки в Италии Скорцени установил близкое знакомство с Черчиллем и, следовательно, чувствовал себя на Британских островах вполне уверенно. А Мосли со своей стороны, делал все остальное для популяризации в Англии имени руководителя секции международной фашистской организации. Поэтому, когда Скорцени вновь вступил на землю Англии, на аэродроме его ожидал роскошный "роллс-ройс". Спутник Скорцени предъявил полицейским необходимые документы, и машина помчалась по адресу: Лондон, 1, Портленд-плейс. Тот самый Скорцени, который в 1940 году вместе со своей эсэсовской дивизией усердно готовился к вторжению на Британские острова, теперь был желанным гостем руководителей Британской радиовещательной корпорации (Би-Би-Си).

Ему оказал прием сам генеральный директор Британской радиовещательной корпорации сэр Айэн Джекоб.

Гостеприимные английские хозяева проявили поразительную забывчивость. Они и не вспоминали о том, что в 1943-1945 годах эсэсовцы из Службы безопасности под руководством Скорцени убивали в Иране британских часовых, снимали в концентрационных лагерях форму с уничтоженных английских солдат, чтобы одеть в нее своих агентов, участвовавших в диверсионной операции в Арденнах. Джекоб "забыл" и о документах, предъявленных на процессе по "делу о Мальмеди", где были названы имена эсэсовцев - убийц английских граждан. Из памяти корректных джентльменов внезапно выпал и такой факт, как подделка при активном участии Скорцени фунтов стерлингов.

Скорцени с удовольствием поставил свою подпись под контрактом, где стояло трехзначное число фунтов стерлингов, которые человек со шрамами получил за продажу Би-Би-Си своих воспоминаний. Однако Скорцени придавал не столь большое значение гонорару. Ему в первую очередь был важен

пропагандистский эффект, в обеспечении которого активно участвовали и английские фашисты.

* Nьrnberger Nachrichten vom 21. November 1959.

Задачу превратить убийцу в героя взял на себя английский генерал Брайан Гвинне Хоррокс. Этот высший офицер, служивший одно время в штабе британской Рейнской армии, действовал по рецептам гитлеровской "Фёлькишер беобахтер". В начале 1959 года Хоррокс в серии радиопередач Би-Би-Си под названием "Люди действия" преподнес англичанам выдержки из мемуаров Скорцени.

Миллионы английских радиослушателей и телезрителей были возмущены прославлением "подвигов" убийцы. Дирекция Би-Би-Си получала тысячи писем с выражением негодования. Но заправилы Би-Би-Си просто игнорировали эти протесты. Зато ликованию английских сторонников Мосли не было предела. Сам Мосли чокался с бывшим любимцем Гитлера в ресторане вблизи радиостудии, провозглашая тосты за новые совместные успехи фашистов обеих стран.

Скорцени становится "помещиком"

Мосли и Скорцени были довольны: за минувшие месяцы бывшему гитлеровскому обер-диверсанту удалось добиться большего, чем он смог достигнуть во время войны: организовать колонну своих единомышленников в Ирландии - под боком у Англии.

Еще Гитлер и Гиммлер рассматривали Ирландию как ключ к вторжению на Британские острова. Это была гнусная игра на национальных чувствах ирландцев. "В рамках подготовки к вторжению в Англию (операция "Морской лев") еще с 1940 года, - признал впоследствии Вальтер Шелленберг, - было начато также активное сотрудничество с ИРА (Ирландской республиканской армией. - Ю.М.) по вопросу о главном пункте связи в Дублине. Существовал план подготовки в Германии ирландцев, которые должны были организовать в Ирландии подпольное движение. Перед его участниками ставилась цель: сделать непригодными для британских вооруженных сил аэродромы и технические портовые сооружения. Снабжение этих подпольных групп необходимым снаряжением должно было осуществляться в первую очередь воздушным путем. Однако после того как операция "Морской лев" была отложена, этот план, к сожалению, отпал"*.

* Walter Schellenberg. Memoiren. S. 223.

Гиммлеровский руководитель зарубежного шпионажа с горечью подчеркивал: "к сожалению".

Действительно, в период войны гиммлеровской Службе

безопасности так и не удалось твердо обосноваться в Ирландии. "В 1943 году, - констатировал тот же Шелленберг, - была наконец предпринята попытка забросить двух (подготовленных Скорцени. - Ю.М.) ирландцев с парашютом. И хотя парашютисты приземлились успешно, полиция в дальнейшем пресекла их деятельность"*.

ПРИЗНАНИЕ ЗАКОРЕНЕЛОГО ФАШИСТА

Французский журнал "Оз экут" писал о выступлении Скорцени 31 августа 1960 г. в "Литературно-историческом обществе" в Далкей (Ирландия):

"Несколько слушателей спросили Скорцени, что он думает о Гитлере. "Я боролся за Германию, - ответил он. - Моим девизом было: Германия превыше всего. Остальное меня вообще не интересовало, в том числе и то, был ли фюрер помешанным, как утверждали некоторые. Впрочем, по моему мнению, он был крупной личностью и обладал исключительно светлым умом.

Правда, иногда, - продолжал Скорцени, - мне задавали вопрос, действительно ли Гитлер погиб. Я заявляю: лучшим доказательством того, что он действительно мертв, служит тот факт, что я нахожусь здесь. Будь Гитлер жив, я был бы рядом с ним!"

И все же один из гитлеровцев обосновался в Ирландии. Это был Скорцени. Он не спустился на парашюте под покровом ночи, а прибыл как вполне добропорядочный и состоятельный джентльмен. Прежде всего Скорцени приобрел за крупную сумму имение и превратился в ирландского помещика. Вскоре депутат английского парламента доктор Ноэль Браун направил в Дублин запрос ирландскому правительству. В нем говорилось: "Какие меры предпринимают ирландские власти в отношении бывшего оберштурмбаннфюрера СС Скорцени?" Ирландский парламент был вынужден заинтересоваться человеком со шрамами. Однако свежеиспеченный помещик поспешил заверить власти, что он намерен всего-навсего разводить в Ирландии лошадей и овец.

* Walter Schellenberg. Memoiren, S. 224.

Ирландское правительство очутилось в возникшем по его собственной вине затруднительном положении. Оно старалось привлечь в Ирландию финансистов из ведущих капиталистических государств, чтобы противодействовать усиливающемуся обнищанию страны. Ведь Ирландия - малонаселенное государство Европы. Ежегодно большое число безработных ирландцев эмигрируют в другие страны. Заработная же плата той части населения Ирландии, которой удается получить работу, весьма низка. В Ирландии не так-то часто увидишь иностранную валюту. Поэтому ирландское

правительство идет на то, что освобождает имущество крупных иностранных капиталистов и помещиков в Ирландии от налогов на 25 лет, давая им возможность приобретать на валюту собственность. Именно это Скорцени и его сообщники использовали для того, чтобы создать здесь свою "пятую колонну". Скорцени позаботился и о том, чтобы его посредники в течение нескольких месяцев скупили в Ирландии свыше 70 крупных имений.

Вслед за бывшим любимцем Гитлера из Западной Германии в Ирландию прибыли прельщенные дешевыми землями принц Эрнст Генрих фон Заксен, граф Денхоф, бывший оберфюрер СС фон Дёрнберг и другие отборные представители "расы господ".

Вскоре прибывшие в Ирландию лица с немецкими фамилиями сделали попытку открыть ресторан для своих тайных встреч. Однако сделать это не удалось. И вот почему: ирландская общественность разоблачила бывшего сотрудника СД Альберта Шмидта, который во время Второй мировой войны творил свои черные дела в оккупированной Голландии, а потом был связным гитлеровских шпионов в Дублине. Правда, Альберт Шмидт с помощью своего закадычного друга Скорцени все же открыл через некоторое время в Дублине на Саут-Энн-стрит не ресторан, а бар под названием "Амстердам-кафе".

Англичане с беспокойством наблюдали за деятельностью на территории Ирландии "пятой колонны" Скорцени. Один из видных английских наблюдателей писал: "По крайней мере в Лондоне придерживаются мнения, что Отто Скорцени является движущей силой германского вторжения, даже если он прежде всего стремится к тому, чтобы обрести для своих единомышленников новое "жизненное пространство"... Это первая со времени 1919 года "колония" Германии, и она имеет будущее"*.

* "Die Tat", Zьrich, vom. 4. Juli I960.

Англичанин сказал лишь полуправду! "Пятая колонна" Скорцени обосновалась в Ирландии неспроста. Она ждет, когда придет время действовать. А пока ее представители расселяются поближе к стратегически важным пунктам. Недаром имение Скорцени "Курраж" расположено в центре района дислокации ирландских войск, неподалеку от крупнейших военных складов.

Вряд ли что-либо хорошее могут ждать от бывших гитлеровцев, сподвижников Отто Скорцени, народы Ирландии и Англии. Однако правительство Ирландии продолжает мириться с тем, что на ирландской земле все еще активизирует свою деятельность ударный отряд фашистов во главе с палачом Скорцени.

КРУГ ЧЕРНЫХ ДРУЗЕЙ

Герстенмайер по-прежнему надежен

Суды, министерства иностранных дел, парламенты и даже специальная Комиссия ООН рассматривали преступления, совершенные Скорцени в Чехословакии, Франции, Италии, Австрии, Англии и Ирландии. Но есть государство, в котором ему пока не грозит опасность. Это ФРГ. Вот почему гитлеровский черный циклоп предпочитает обделывать свои темные дела на территории Западной Германии. "Для переговоров с представителями Объединенных австрийских металлургических и сталелитейных заводов Скорцени встречается не в Австрии, а именно там", - утверждает еврейская церковная община в Вене.

Убийца австрийских евреев, жителей советских деревень и Плоштины, организатор зверств в Мальмеди, Графенвёре, Шведте беспрепятственно приезжает в ФРГ. В числе его "деловых друзей" не только юрисконсульты западногерманских концернов. Скорцени заключает здесь политические сделки с такими партнерами, как бывшие эсэсовские генералы Хауссер, Вольф, Мейер, Дитрих, Гилле, Симон, Зикс, Науман, Манке, Хёттль и Упхофф. Он на короткой ноге с бывшими гитлеровскими генералами Мантёйфелем, Хойзингером, Геленом, адмиралом Хейе.

За последние пять-шесть лет имя Скорцени ни разу не упоминалось в боннском парламенте. И это не случайно! Ведь председателем бундестага является Ойген Герстенмайер - человек, который верой и правдой служил гитлеровскому адмиралу от шпионажа Канарису и не был расстрелян благодаря Скорцени.

Псевдодемократ с партийным билетом ХДС в кармане немало потрудился, чтобы сохранить в Западной Германии кадры эсэсовцев, осуществляя тем самым план, задуманный еще гиммлеровской Службой безопасности. Этим Герстенмайер старался отблагодарить своего эсэсовского спасителя.

Пути Скорцени и Герстенмайера сходились после войны не раз. В 1951 году они встретились в Штутгарте. В 1955 году Герстенмайер нанес визит Франко в его мадридском дворце "Прадо". В следующем году Герстенмайер сделал все, чтобы пресечь в бундестаге критику по адресу военного министра ФРГ, призывавшего через прессу бывших эсэсовцев вступить в бундесвер. В августе 1956 года специальная комиссия руководимого Герстенмайером бундестага приняла решение, открывающее всем бывшим "фюрерам СС" вплоть до оберштурмбаннфюрера доступ в бундесвер, причем каждому из них сохранялся прежний чин*.

Так тысячи эсэсовских убийц сменили черный мундир на форму бундесвера. Форма была новая, а сами они остались старыми. Эсэсовцы вновь призывают к походам на Восток за "жизненным пространством" и установлению пресловутого нового порядка в Европе.

Договор о молчании

Однажды Герстенмайер получил пакет. В нем содержалось приглашение явиться на встречу видных нацистов, обосновавшихся в ФРГ. Сборище эсэсовцев организовал Карл Церф - бывший бригадефюрер СС - по заданию мадридского фашистского центра. Встреча должна была состояться накануне предстоявших выборов в бундестаг. В назначенный день, 25 января 1957 года, хорошо одетые господа один за другим незаметно входили в здание на Кроненштрассе, 47, в Штутгарте. Точно в указанное время прибыл сюда и Герстенмайер. В числе присутствующих были представители западногерманских фашистских организаций: обергруппенфюрер СС и генерал-полковник войск СС Пауль Хауссер, обергруппенфюрер СС и генерал танковых войск СС Йозеф Дитрих, Гельмут Зюндерманн - бывший подручный имперского шефа печати обергруппенфюрера СС Отто Дитриха, группенфюрер СС и нацистский гаулейтер Пауль Вегенер, бригадефюреры СС Эрнст Людвиг Лейзер и Вернер Науман, нацистский профессор Тейльман, бывший руководитель имперского ведомства Бодо Лафференц и другие.

* См. "Ministerialblatt des Bundesministers fьr Verteidigung", Bonn, vom 1. September 1956.

На повестке дня стояли следующие вопросы: 1. Реабилитация СС и НСДАП*. 2. Поиски путей для более усиленного включения нацистов в боннскую политику.

Бывший бригадефюрер СС Церф - один из главных эсэсовских идеологов для начала разъяснил: "Мы не делаем ничего, что следовало бы скрывать или чего следует стыдиться. Однако мы придаем большое значение тому, чтобы все обсуждаемое здесь осталось строго секретным и конфиденциальным, ибо есть вещи, о которых не следует сообщать прессе"**. Это звучало как напоминание об эсэсовской клятве хранить тайну. Ораторы один за другим излагали свои пожелания и требования. Господин Герстенмайер прилежно записывал.

Гельмут Зюндерманн, бывший гитлеровский пропагандист, а ныне руководитель издательства "Друффель-ферлаг", требовал еще большей свободы для фашистской пропаганды.

Вернер Науман от имени присутствующих эсэсовцев восклицал: "Дайте же наконец простор свободе. Можете быть уверены, мы будем пользоваться ею в рамках законов!"

Генерал Хауссер вновь выступил с требованием реабилитировать войска СС. Церф, со своей стороны, сообщил Герстенмайеру, что депутат бундестага эксперт по военным вопросам социал-демократ Эрлер знаком с пожеланиями эсэсовцев и приветствовал эту встречу. Тем самым Герстенмайеру дали понять: тот, кто пообещает эсэсовским бандитам больше уступок, тот получит на предстоящих выборах миллион их голосов.

Победителем в предвыборной борьбе стал ХДС - следовательно, эсэсовцы поддержали эту партию. Избранный бундестаг пошел им на многие уступки. Тактика постепенной и молчаливой реабилитации нацистов и эсэсовцев вступила в новую стадию. Председатель бундестага Герстенмайер 29 июня 1961 года провел через парламент третье дополнение к "закону об изменении статьи 131" Конституции ФРГ*. Некоторые депутаты бундестага даже не знали подлинной цели этой странной поправки. Они и не подозревали, что между тогдашним боннским министром внутренних дел Шрёдером (не путать с его однофамильцем канцлером ФРГ Герхардом Шрёдером! - Прим. пер.), министром финансов Этцелем и председателем бундестага Герстенмайером имели место тайные переговоры.

* Наименование гитлеровской партии (аббревиатура от нем.: Nationalsozialistische deutsche Arbeiterpartei. - Национал-социалистическая рабочая партия Германии (NSDAP)). - Прим. пер.

** См. "Der Spiegel", Hamburg, vom 6. Februar 1957, S. 22.

*** Согласно этому закону все бывшие нацистские чиновники и профессиональные военные подлежат восстановлению в своем прежнем правовом положении. Если же это по каким-либо причинам невозможно сделать, им должны выплачиваться высокие пенсии. - Прим. пер.

Принятое дополнение означало, что все, кто принадлежал в прошлом к СС или в течение десяти лет безоговорочно служил гиммлеровскому "черному ордену", вознаграждались за это государственными пенсиями. Таким образом, эсэсовские бандиты хотя и с опозданием, но все же получили награды за преступления.

Старые друзья Герстенмайера не ошиблись. Они действительно могли положиться на своего агента, который поддерживал постоянный контакт с Мадридом. В этом Герстенмайеру содействовал западногерманский посол в Испании Вольфганг фон Вельк, занявший этот пост не без помощи председателя бундестага.

Прокурор выдает охранную грамоту

Дело Скорцени весьма типично для западногерманской внутриполитической жизни. Бывший оберштурмбаннфюрер СС и начальник одного из управлений Службы безопасности все еще не понес наказания, потому что связан с властями тысячью нитей. Убийца как бы обладает охранной грамотой. Именно этим можно объяснить, что уже в 1951 году в одной из западногерманских газет можно было прочесть: "Согласно имеющимся у нас сведениям органы юстиции земли Гессен больше не проявляют какого-либо интереса к аресту Скорцени". А гамбургская газета "Ди вельт" писала в 1960 году: "Генеральный прокурор Гамбурга не желает предпринимать никаких мер против оберштурмбаннфюрера СС Отто Скорцени. Скорцени известен как "похититель Муссолини". В понедельник гамбургская прокуратура в связи с запросом сообщила, что никакого судебного дела против него возбуждено не будет"*.

Почему? Это станет понятным, если внимательно присмотреться к составу прокуратуры Гамбурга.

Обер-прокурором этого крупного западногерманского портового города, входящего в Федеративную Республику Германия на правах самостоятельной земли, является Вилли Штегман. Ему сильно не повезло: в последние дни войны он выпустил из рук свое личное дело. Теперь оно стало достоянием общественности. Если заглянуть в эти документы, можно получить ясное представление о его карьере: 1938 год - прокурор в суде берлинской комендатуры; 1944 год - старший советник военного суда при командующем германскими войсками в Бельгии и Северной Франции; с 5 августа 1944 года судья корпуса войск СС. Таков послужной список Вилли Штегмана! Так пожелает ли бывший эсэсовский судья Штегман обвинить Скорцени в военных преступлениях? Это означало бы вынести приговор самому себе!

Может быть, это сделают его коллеги - другой гамбургский обер-прокурор доктор Герберт Скок или занимающий аналогичный пост доктор Эрнст Мейер-Маргрет? Тоже маловероятно. Оба они принадлежат к числу гитлеровских кровавых судей по особым делам, так же как и Ганс Фогель, являющийся в настоящее время главным прокурором Гамбурга.

Откажется взять на себя "дело Скорцени" и прокурор доктор Вильгельм Кюнцель - бывший подручный гитлеровских палачей в ранге советника военного суда.

Председатель высшего суда земли Гамбург Вальтер Клаузен тоже не станет выносить приговор Скорцени. В нацистские времена он занимал пост советника военного суда. Может ли он привлечь Скорцени к ответственности за то, что тот уже в

последние часы войны вешал в Шведте солдат и ополченцев-фольксштурмистов!

Старые друзья во дворцах и министерствах

Неудивительно, что Скорцени чувствует себя в ФРГ вполне безопасно. К тому, что западногерманская юстиция не стремится утруждать себя преследованием нацистских преступников, причастны и аденауэровские министры. Один из основателей руководимой канцлером Аденауэром партии ХДС в земле Северный Рейн-Вестфалия доктор Роберт Лер, будучи министром внутренних дел ФРГ, приказал в 1951 году вычеркнуть фамилию Скорцени из списков лиц, разыскиваемых полицией, Кстати, Лер принадлежал к числу членов наблюдательного совета концерна "Ферейнигте штальверке АГ" в Дюссельдорфе. Его преемник на посту министра внутренних дел доктор Герхард Шрёдер, служивший до 1945 года юристом у нацистского министра Шахта, а после 1945 года - у монополистов Тиссена и Динкельбаха, также счел своим долгом изъять все материалы, изобличающие Скорцени, и запрятать их в сейфы своего министерства.

Такова позиция боннских властей не только по отношению к обер-диверсанту Скорцени, но и вообще ко всем эсэсовцам, военным преступникам - палачам народов.

"Вернутся ли нацисты к власти?" - вопрошала лондонская либеральная газета "Ньюс кроникл". Ее редакторы тщательно анализировали факты и пришли к выводу, что в Федеративной Республике Германия нацисты уже давно вновь заняли важные позиции. И в этом не последнюю роль сыграл Скорцени.

Человек со шрамами все больше наглеет. И это понятно. Он чувствует мощную поддержку. В 1960 году эсэсовский бандит перешел в наступление и поместил в газете "Фрайвиллиге" следующие строки:

"В последние дни немецкие газеты, а в субботу и немецкое телевидение стали распространять обо мне ложные сведения, которые я решительно опровергаю.

1. Сообщалось, что в 1949 году я встретил в Австрии Эйхмана и содействовал его побегу. Оба эти утверждения не соответствуют действительности.

2. Из Израиля сообщали, что я якобы поджег в Вене пять синагог. Это утверждение также не соответствует действительности.

3. Согласно сообщению из Тель-Авива, некто Фридман якобы заявил, что он выследил бы меня так же, как и Эйхмана. С 1945 года мое местопребывание общеизвестно. Если Фридман посетит меня, я окажу ему достойный прием.

4. Впрочем, я никогда не имел ничего общего с

преследованием евреев.

5. Любые, уже имевшие место или последующие подобные сообщения в печати, по радио или телевидению будут преследоваться мной всеми находящимися в моем распоряжении законными средствами. Я уже предоставил своим адвокатам соответствующие полномочия.

Холленштадт, 29 мая 1960 года.

Отто Скорцени".

Это заявление известного всему миру преступника является не чем иным, как открытой угрозой всем демократам.

ЛЕГИОН ТЕРРОРИСТОВ

В Оране и Париже, Алжире и Лионе взрывались пластические бомбы. Автоматные очереди впивались в известковые стены арабских хижин в Константине и Сиди-бель-Аббесе. Средь бела дня от рук убийц падали, истекая кровью, алжирцы и французские патриоты. Ворвавшись в одну из больниц Алжира, убийцы устроили в ней кровавую бойню, хотя больные находились под защитой Красного Креста. Пылали подожженные в Алжире бандитами библиотеки, а в парижских рабочих кварталах рвались бомбы. Террористы подложили бомбы под ротационные машины газеты "Юманите". Нападения совершались и на редакции буржуазно-либеральных газет. Бандиты настолько обнаглели, что заранее оповещали о предстоящих убийствах, угрожая расправой как с алжирскими, так и с французскими политическими деятелями.

С 1961 года в Алжире и Франции бушевал террор, который по своей жестокости мог сравниться только со зверствами эсэсовских карательных команд. Тысячи разорванных бомбами и убитых выстрелом в спину, взорванные электростанции, больницы, школы - таковы зловещие дела тайной террористической организации ОАС. ОАС, так же как и гитлеровские черные когорты убийц и террористов, зверствовавших под эмблемой черепа, отличается своей разбойничьей хищностью и бесчеловечностью. Следы ОАС также ведут в Мадрид, где Скорцени держит в своих руках нити разветвленной сети международной подпольной организации диверсантов и убийц.

Антифашисты разоблачили оасовцев - членов тайной террористической организации, а также их закулисных вдохновителей и военных главарей. Среди последних оказались - и этого следовало ожидать - бывшие эсэсовцы. Это они при помощи ОАС пытались сохранить в Алжире колониальное господство монополий и установить во Франции фашистский режим. Тем самым планы ОАС предстали как новое, переработанное издание старых планов Гитлера,

предусматривавших фашизацию Европы и вторжение в Африку.

Читатели выходящей в Париже газеты "Монд" еще 3 мая 1961 года смогли прочесть, что 12 апреля - за несколько дней до фашистского путча в Алжире в Мадриде произошло весьма примечательное событие. Здесь для конспиративной беседы встретились три агента американской секретной службы, а также несколько других лиц: испанец, два немца из Западной Германии, три француза - два полковника и генерал-путчист. Редактор газеты "Монд", опубликовавший это разоблачительное сообщение, был немедленно внесен оасовцами в списки намеченных жертв.

Кто же были те люди, которые встретились в испанской столице? Личность трех заговорщиков впоследствии удалось установить вполне точно. Это были Скорцени, полковник Годар и генерал Гарди. Двое последних являлись в то время влиятельными офицерами французской армии. Гарди вплоть до 1960 года служил генерал-инспектором французского "Иностранного легиона". Это обстоятельство сыграло в дальнейшем весьма важную роль для реализации планов генерала, ибо этот легион на 80 процентов состоял из бывших эсэсовцев. Через находившегося в Сиди-бель-Аббесе своего зятя капитана Глазера генерал Гарди установил контакт с диверсантом Скорцени. А тот, в свою очередь, уже давно получил директивы из Бонна и Дюссельдорфа. Таким образом, в мадридском заговоре слились воедино интересы реакционнейших группировок Франции и Западной Германии. Не заставили себя долго ждать и представители американской секретной службы, стремившиеся ради сохранения для монополистов США алжирских источников прибылей обеспечить путчистам помощь и "моральную поддержку".

Путч в Оране и Алжире

22 апреля 1961 года, спустя десять дней после того, как заговорщики в Мадриде скоординировали свои подрывные планы, клика вдохновляемых эсэсовцами генералов нанесла задуманный удар. Связь путчистов с их мадридским центром, по крайней мере в первые часы и дни, функционировала отлично. Французский фашист Пьер Лагайяр вел из Мадрида подстрекательские радиопередачи и транслировал путчистские воззвания на Алжир и Францию. В это же время действовал и сообщник Лагайяра, разыскиваемый французской полицией хозяин публичного дома Йозеф Ортиц. При помощи рации, полученной от Скорцени, он поддерживал с Балеарских островов связь со штаб-квартирой путчистов.

Фашистским выступлением руководил генерал Рауль Салан, заочно приговоренный в Париже к смертной казни. Главную роль

в путче играли наемники из 1-го парашютного полка "Иностранного легиона". Именно в нем после 1945 года нашли прибежище многие эсэсовцы, стремившиеся избежать ответственности за свои злодеяния в период Второй мировой войны.

Поначалу казалось, что план путча осуществляется блестяще: заговорщикам удалось использовать момент внезапности. Однако уже очень скоро стало ясно, что преемники Гитлера, воспользовавшись рецептом покойного фюрера, допустили ошибочную оценку соотношения сил: они недооценили силу и бдительность народов Франции и Алжира.

В конце концов западногерманские, французские и американские монополисты поняли это. Боясь потерять источники прибылей в Алжире, они бросили в бой фашистских головорезов. Тем самым они снова делали ставку на тех наемников, которые совершенно открыто используют насилие и разнузданный террор.

Организация путча стала возможной вследствие того, что из Западной Германии через фашистский центр в Испании заговорщикам была оказана не только моральная поддержка. Из ФРГ поступало к путчистам оружие, текли деньги, направлялись директивы. К этому делу приложили свою руку наряду со Скорцени банкир Шахт, боннский политический деятель Ойген Герстенмайер, а также шеф западногерманской секретной службы Гелен. А они прекрасно знали, почему это делают. Западногерманский концерн "Сименс" основал в Алжире свои многочисленные филиалы. Горнопромышленная компания "Дейче шахтбау унд тифбор акциенгезельшафт", правление которой находится в Лингене-на-Эмсе, развернула свою деятельность на обширной части алжирской Сахары. В компании Comitй International d'Etudes du Gisement du Tindout, эксплуатировавшей алжирские железорудные месторождения, уже давно задавали тон дюссельдорфская фирма "Эксплорацион" и эссенский концерн "Эрцконтор Рур". Они вывозили из Алжира по крайне низким ценам руду. Концерны Тиссена, Маннесмана и трест "ИГ Фарбен", участвуя в акционерном обществе "Дефрольгезельшафт", тоже получали немалую толику прибылей.

Сокровенные желания этих финансовых группировок выразил в своем органе "Voici Pourquoi" глашатай французских "ультра" Жак Сустель: "Алжирская нефть и подземный газ должны устремиться в Испанию, Францию, Западную Германию, Люксембург и Бельгию". А посему Алжир, естественно, должен был и впредь оставаться областью неограниченного господства монополистических групп, тесно связанных с банкирским домом

"Шахт и К°".

Рука об руку с западногерманскими господами в цилиндрах шагают бывшие гитлеровские генералы. Заняв некоторые командные посты в НАТО, они стремятся установить влияние Западной Германии в Северной Африке, использовать территорию Алжира в своих стратегических целях. Непосредственно после инспекционной поездки тогдашнего военного министра ФРГ Франца Йозефа Штрауса по Алжиру некий доктор Гейнц Клосс из боннского так называемого "Германского Африканского общества" без обиняков заявил: "Ныне в Мерс-эль-Кебире устроены гигантские подземные арсеналы и склады; в Алжире находится резиденция командования НАТО для западной части Средиземного моря, в районе Коломб - Бешара расположен полигон для испытания ракетных снарядов, а вблизи Реггана, в Сахаре, - для испытания атомных бомб". Добавим лишь, что президентом "Германского Африканского общества" является тот же Ойген Герстенмайер.

Чтобы удержать Алжир для биржевых спекулянтов и бумажных стратегов, эти круги использовали путчистов и были готовы пролить сколько угодно крови алжирцев.

Тем более ошеломляющим было для них поражение. Алжирский народ, закаленный предшествовавшей освободительной борьбой и поддержанный миллионами французских патриотов, опираясь на солидарность прогрессивных сил всего мира, нанес путчистам сокрушительный удар. Им пришлось уйти в подполье, как это в конце войны сделал Скорцени; теперь он советовал им поступить так же. Снова изготовляли и коварно подкладывали бомбы, снова планировали и совершали злодейские убийства, снова заработали тайные радиопередатчики, снова преследуемых убийц прятали и тайно переправляли в испанское или западногерманское убежище, снова грабили банки и закупали оружие на фальшивые деньги.

Сообщник Скорцени за работой

Скорцени сбился с ног: он подготавливал конспиративные квартиры, организовывал подделку паспортов, снабжал путчистов оружием и боеприпасами, обеспечивал конспиративную связь через курьеров. Оасовским бандитам, оказавшимся в затруднительном положении, он направил советника, на которого мог вполне положиться. Сам Скорцени не пожелал, чтобы в этой тревожной обстановке его бросающуюся в глаза физиономию увидели в Алжире. Но этого и не требовалось. Обер-террорист не долго ломал голову над тем, кого бы послать вместо себя в Алжир. Он перелистал свою картотеку и остановил взгляд на карточке, где значилось: "Виммер-Ламквет, Франц Ксавер Макс

Фердинанд Эрнст, род. 28 апреля 1919 года в Вене, сотрудник СД с 1940 года, специалист по Африке". Особую ценность этой кандидатуре в глазах Скорцени придавало то, что английское правительство разыскивало Виммера-Ламквета как убийцу, грабителя и поджигателя и объявило за его поимку награду в 500 фунтов стерлингов. Однако после 1945 года сообщники Виммера-Ламквета по СД сумели помочь этому преступнику скрыться. Виммер-Ламквет сумел получить поддельные документы и стал Стефаном Штурмом.

Карьера "специалиста по Африке" началась незадолго до Второй мировой войны. Гитлеровская разведка пыталась заслать своих шпионов во все страны света. Вскоре Виммер-Ламквет получил особые директивы и отплыл в Восточную Африку. Там в одном из селений Танганьики его ожидал владелец кофейных плантаций доктор Вольфганг Клетт. За несколько месяцев до начала Второй мировой войны Клетт успел кое-чему обучить головореза. Плоды этого обучения англичане основательно ощутили в последующие годы.

3 марта 1940 года английский губернатор и главнокомандующий войсками в Танганьике Марк Эйтчисон Юнг освободил из-под стражи интернированного с начала войны в Дар-эс-Саламе Виммера-Ламквета и дал ему возможность эвакуироваться в гитлеровскую Германию. Юнг тогда и не подозревал, какую важную птицу он выпустил из рук. Вскоре ему пришлось приложить немало сил, чтобы попытаться поймать Виммера-Ламквета.

Сразу же после возвращения в Германию "специалист по Африке" стал добиваться принятия в отряды СС. В своем заявлении Виммер-Ламквет писал, что, будучи твердо убежден в том, что Германия сумеет вновь захватить свои потерянные колонии, он хочет отправиться в Африку, чтобы, изучив языки и быт ее населения, стать в будущем одним из руководителей колониальных властей.

Пройдя курс обучения стрельбе, диверсиям и террористическим актам, Виммер-Ламквет был произведен в эсэсовские офицеры. Вскоре вышколенный убийца и главарь диверсантов снова высадился в Африке. Здесь Виммер-Ламквет получил возможность применить на практике все, чему его обучили. Вместе с ним в Африку прибыли шесть эсэсовских бандитов. В дальнейшем к ним примкнули ослепленные гитлеровской пропагандой местные головорезы.

Террористы под командованием Виммера-Ламквета немало досаждали англичанам. Они нападали на транспорты, взрывали мосты и электростанции, разрушали железнодорожные линии,

пускали под откос поезда, убивали жен и детей фермеров, отравляли колодцы, поджигали кофейные и хлопковые плантации. Оружие и взрывчатку им доставляли нацистские самолеты.

Банда Виммера-Ламквета уже в начале Второй мировой войны продемонстрировала в Африке "стратегию выжженной земли". Деятельность этого террориста радовала Гиммлера в далеком Берлине: он неоднократно повышал в чине убийцу и сообщал ему об этом по радио. Когда же Виммер-Ламквет увидел, что дни его в Танганьике сочтены, он бросился наутек, предоставив своим наемникам самим расплачиваться за совершенные преступления.

Когда Отто Скорцени занял руководящий пост в Главном управлении имперской безопасности, вскоре появился там и Виммер-Ламквет. Он доложил о своем прибытии начальнику управления Шелленбергу и был направлен в отдел диверсий.

Вскоре "специалист по Африке" получает особое задание. Он становится офицером связи между Главным управлением имперской безопасности и начальником отдела "Иностранные армии Востока" в верховном командовании вермахта Рейнхардом Геленом. Гелен очень скоро оценил это чудовище в облике человеческом, столь настойчиво рекомендованное ему эсэсовским генералом Шелленбергом и оберштурмбаннфюрером СС Скорцени.

Но противник, с которым пришлось столкнуться на Восточном фронте, оказался совсем не таким, каким его считал Виммер-Ламквет. Это была не Африка, где удавалось путем подкупа и пропагандистской обработки вербовать в ряды диверсантов отдельных людей. Здесь, на временно оккупированной территории, все и вся оказывало сопротивление. Даже тот террор, который применял против мирного населения Виммер-Ламквет, не мог сломить советских людей. Вскоре бывший "специалист по Африке" был захвачен советскими войсками в плен, а затем осужден как военный преступник.

Когда летом 1955 года советские власти передали Виммер-Ламквета судебным органам ФРГ для дальнейшего отбывания наказания, генерал Гелен, ставший к тому времени руководителем западногерманской секретной службы, дал ему возможность скрыться и установить контакт с мадридским бюро Скорцени.

Вот этого гангстера человек со шрамами и избрал для помощи оасовцам в Северной Африке.

В 1961 году Виммера-Ламквета можно было проследить вплоть до границы Алжира. Вскоре он вел в Касабланке

переговоры с бывшим "фюрером СС", а в то время окружным руководителем так называемого "Марокканского объединения друзей французского "Иностранного легиона"". Тот направил его с соответствующими рекомендациями к нацисту майору фон Борконовскому, который после окончания своей службы в "Иностранном легионе" стал владельцем виллы в Оране и очень быстро сделался одним из главарей местной ячейки ОАС. Но затем следы Виммера-Ламквета затерялись. Однако, судя по телеграмме агентства ДПА из Парижа от 6 января 1962 года, можно считать, что он все же прибыл к месту своего назначения - в штаб ОАС. Агентство, в частности, сообщало о конфискации у оасовцев составленных на немецком языке документов. В них говорилось о создании так называемых "команд Х". В день "Х" террористы, объединенные в такие команды, должны были захватить стратегически важные пункты. Характерно, что эти команды имели в своем распоряжении военную форму противника, "фаустпатроны" для борьбы против танков и автоматическое оружие. То, что эти планы не остались на бумаге, подтвердили события последующих недель и месяцев. Во всей этой истории чувствовалась опытная рука обер-диверсанта Скорцени. Его эсэсовские истребительные команды и переодетые в форму противника диверсионные группы возродились в бандах ОАС.

Убийцы спасаются бегством

Но как ни старались бандиты типа Скорцени и Виммера-Ламквета предотвратить крах колониального ига в Алжире, сделать это не удалось. Жертвами кровавой оргии ОАС стали более 5 тысяч мужчин, женщин и детей жителей Алжира и Франции. На юридическом языке истребление невинных и беззащитных людей по национальным или расовым причинам именуется геноцидом. На процессе главных военных преступников в Нюрнберге геноцид был заклеймен как одно из гнуснейших преступлений гитлеровского режима. С тех пор Скорцени, этот обер-бандит, специалист по "мокрым" делам, похвалявшийся осенью 1960 года: "Будь Гитлер жив, я был бы рядом с ним!", приумножил свои кровавые преступления.

Нашедшие приют под крылышком боннских властей бывшие эсэсовцы всех мастей и оттенков вновь поднимают голову. Они восхищаются "подвигами" Скорцени, прославляют его методы террора против свободолюбивых народов. Газета "Ди вельт" 19 июня 1962 года в статье под заголовком "Террор еще только начинается" следующим образом охарактеризовала зверства фашистской ОАС: "Эта форма ведения войны стала теперь нормальной, может быть, даже единственно возможной, и тот, кто

не желает взглянуть прямо в глаза этому факту, не может в наш век считаться вооруженным, сколь много дивизий он бы ни сформировал. Несомненно, что ныне террористические организации исключительно эффективны... ОАС начала одерживать успехи именно с того момента, когда изменила свою стратегию и стала придерживаться тактики выжженной земли и массового изгнания населения".

"Выжженную землю", которую эсэсовцы, и в частности банды Скорцени, оставили после себя в Шведте-на-Одере, в Плоштине, в Арденнах и в Северной Африке, - вот все, что сегодня может предложить народам терроризм. Тактика "выжженной земли" - это сожженная дотла крупнейшая больница, это разрушенная бомбой ратуша города Алжира, это превращенные в пепел 600 тысяч книг библиотеки Алжирского университета, это взорванные школы, правительственные здания, амбулатории и частные предприятия, выгоревшие плантации.

Кровавый след оставила ОАС в Алжире. Когда же пришел час расплаты, оасовский сброд бросился по эсэсовскому образцу врассыпную. Генерал путчистов Гарди не забыл прихватить сейф с миллионами. Вместе с ним из Алжира в Испанию бежали несколько тысяч оасовских террористов, и в их числе эсэсовские преступники - креатура Скорцени.

ЧАША ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПЕРЕПОЛНЕНА

Провал планов ОАС в Алжире не пресек подрывную деятельность террориста со шрамами. Наоборот, она еще больше активизировалась. В начале апреля 1960 года в Бейруте при содействии ливанской партии "Фаланга" Скорцени организовал совещание фашистских главарей, прибывших из многих стран мира. Во время этой встречи речь шла о том, как с юридической и пропагандистской точек зрения локализовать процесс над Эйхманом в Иерусалиме. Собравшиеся рассмотрели возможные меры по предотвращению разоблачения сообщников Эйхмана в ходе процесса.

В 230 километрах от того места, где в стеклянном бронированном колпаке дрожал от страха Эйхман, в фешенебельных отелях и ночных кабаре встречались его бывшие сообщники. Отель "Гордон", ночной бар "Эль Марокко", ресторан "Аль-Матаан" попеременно были местами их совещаний. Скорцени, бригадефюрер СС Вернер Науман, обергруппенфюрер Феликс Штайнер, видные руководители фашистов Аргентины, США, Италии и Франции - вот далеко не полный перечень съехавшихся в Ливан единомышленников.

Ныне излюбленными прибежищами Скорцени являются Испания и ФРГ. Человеку со шрамами не нужно виз и в таких

странах - участницах НАТО, как Англия, Италия, Соединенные Штаты Америки. В тех случаях, когда дело касается Скорцени, полиция этих государств в соответствии с полученными директивами теряет слух и зрение.

Методы террора, являющиеся порождением фашизма, в свое время служили целям геббельсовской пропаганды, требовавшей от немецкого народа "стоять до конца". Ныне они служат реакционным силам как средство "психологического вооружения" для новой войны.

Однажды в Нюрнберге - городе, который гитлеровцы избрали для своих партийных съездов, Скорцени заявил: "Дайте мне тысячу человек и свободу рук, и любой противник потерпит поражение в новой войне". Этот хвастливый бред пришелся по вкусу тогдашнему военному министру Йозефу Штраусу. Поэтому он лично позаботился о том, чтобы на передвижных выставках, посвященных бундесверу, достойное место отводилось "подвигу" Скорцени, спасшего Муссолини - "государственного деятеля дружественной страны".

Бандит Скорцени из кожи лезет вон, чтобы изобразить себя сверхчеловеком. Напрасный труд. Как бы ни старались его покровители, какой бы ажиотаж они ни поднимали вокруг его персоны, человек со шрамами - это отброс человеконенавистнического фашизма, террорист, состоящий на службе у самых реакционных сил. Бандит со шрамами на физиономии пытается возродить эсэсовский "черный орден". Он ярый враг демократии, мира и социального прогресса.

Миролюбивое человечество требует привлечь наконец этого изобличенного убийцу к ответственности за его военные и послевоенные преступления. Чаша его преступлений переполнена.

1963 г.

ЮЛИУС МАДЕР

ГОВОРЯТ ГЕНЕРАЛЫ ШПИОНАЖА

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК ОБ ОРГАНИЗАЦИИ, СТРУКТУРЕ И ОПЕРАЦИЯХ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ ОКВ "ЗАГРАНИЦА/АБВЕР"

ОТ АВТОРА

Тому, кто ожидает от этой книги дешевых россказней о шпионских аферах времен Второй мировой войны, лучше сразу отложить ее в сторону. Совет этот дает сам автор, в течение многих лет разыскивавший на трех континентах свидетельские показания, документы и другие вещественные доказательства, позволяющие не допустить исчезновения улик тех широкомасштабных преступлений 30-х и 40-х годов, которые были совершены германским фашизмом.

Толчком к поискам явились те несколько фраз, которые бывший начальник гитлеровского штаба оперативного руководства Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) генерал-полковник Йодль продиктовал 14 мая 1945 года (т. е. менее чем через неделю после безоговорочной капитуляции разгромленной фашистской Германии) майору службы генерального штаба Иоахиму Шультце-Науману, ведшему его военные дневники. Тот записал: "14.05. По мнению генерал-полковника, союзники придают большое значение документам абвера; их же в наличии нет. Мы можем лишь вновь и вновь подчеркивать, что от важнейших вопросов, которыми занимался абвер, вермахт был отстранен приказом фюрера. Он передал абвер Главному управлению имперской безопасности, поскольку не доверял вермахту, сомневаясь, что тот ведет абверовскую деятельность в его духе. В самом этом факте уже содержится весьма реабилитирующий вермахт момент... Перспектива на будущее: приближающаяся возможность ориентации, основанной на противоречии между Востоком и Западом"1.

Йодль считал, что вся картотека агентуры и архив абвера (имеется в виду входившее в состав штаба Верховного главнокомандования гитлеровского вермахта (ОКВ) управление по ведению шпионажа и организации диверсий "Заграница/ абвер"), как было приказано, сожжены, потоплены или скрыты так, что разыскать их невозможно.

В этой ситуации уже в мае 1945 года родилось то лживое утверждение о невиновности абвера в военных преступлениях, ревностно следовать которому старались с тех пор десятки историков ФРГ и некоторые авторы книг из других стран НАТО. Этому утверждению нужно было противопоставить неопровержимые доказательства. Однако пущенная в оборот Йодлем сказка об "анафеме", которой якобы предал Гитлер ведомство шпионажа ОКВ, о невиновности вермахта в "решающих вопросах деятельности абвера" опровергнута историей. Не избежал возмездия и сам автор этой концепции, ориентированной на "противоречие между Востоком и Западом". 16 октября 1946 года, т. е. спустя 17 месяцев после этой дневниковой записи, был приведен в исполнение смертный приговор Йодлю, осужденному в Нюрнберге Международным военным трибуналом в числе главных немецких военных преступников.

В последующие годы на Западе, особенно в ФРГ, были израсходованы децитонны типографской краски и бумаги, а также целые километры кинопленки, дабы обелить преступную деятельность ведомства шпионажа и диверсий гитлеровского вермахта, которое с 1935 по 1944 год возглавлял адмирал

Канарис, и с вполне определенной целью широко распространять заведомо лживые легенды.

Это зашло столь далеко, что даже, например, австрийский буржуазный историк Карл Бартц, который специально занимался данным комплексом вопросов, возмущался в 1955 году: "Вскоре мне пришлось констатировать, что никаких документов относительно причин заката ведомства Канариса, гибели самого адмирала и ряда его сотрудников не имеется. Отдельные сохранившиеся фрагменты никаких исторических указаний не содержат... Точно так же оказалось, что содержание обширной литературы о Канарисе и абвере по большей части не совпадает с подлинными фактами. Недавно появившийся кинофильм, к сожалению, лишен исторической правды"2.

Бывший генерал-лейтенант Рудольф Бамлер в работе "Германская военная секретная служба и ее роль в подготовке и ведении Второй мировой войны" подчеркнул, что "предпринимая усилия для раскрытия тайны подготовки войны, прогрессивная историческая наука наталкивается на белое пятно, и именно потому, что один из факторов, сыгравших отнюдь не маловажную роль в подготовке Второй мировой войны, - деятельность секретных служб до сих пор, по вполне понятным причинам, в историографии Второй мировой войны либо почти не рассматривалась, либо освещалась весьма скупо"3. Итак, задача состояла в том, чтобы уничтожить это белое пятно.

Освещаемые в книге события охватывают период примерно с 1933 по 1944 год. Автор не ставил перед собой задачи дать здесь связную историю военной ветви секретной службы фашистской Германии4. Важность публикации в том, что в ней, в ряде случаев впервые, приводятся личные показания уцелевших во время Второй мировой войны главарей гитлеровской разведки и контрразведки, этих "мастеров" шпионажа и диверсий, цитируются сохранившиеся немногочисленные материалы из весьма разрозненных фондов секретных документов.

Как правило специалисты секретных служб уносят то, что знают, с собой в могилу. Таков неписаный закон этого ремесла. Однако гитлеровские генералы шпионажа и диверсий Ганс Пикенброк, Эрвин Эдлер фон Лахузен-Вивремонт и Франц Эккард фон Бентивеньи, а также полковник Эрвин Штольце, посылавшие своих агентов во все части света и предусмотрительно снабжавшие их капсулой с цианистым калием вместе с инструкцией не попадаться в плен и в случае любой опасности выдачи тайны покончить самоубийством "во имя фатерланда" (особая форма "геройской смерти"), сами не только благополучно пережили Вторую мировую войну, но и дали собственноручно

написанные показания, протоколы которых насчитывают не одну сотню страниц. А ведь они принадлежали к высшим "носителям тайн" германского империализма, к числу самых осведомленных лиц третьего рейха! Из признаний фашистских "стратегов" подрывной деятельности видно, сколь беззастенчиво они действовали, как без всяких угрызений совести концентрировали свои усилия на достижении преступных целей преступными методами и средствами.

Остается ответить на вопрос, откуда взяты публикуемые в книге показания. Что касается Пикенброка, Бентивеньи и Штольце, то их показания относятся к периоду пребывания этих главарей шпионажа в заключении в СССР в качестве осужденных советским судом военных преступников. Большинство печатаемых в книге выдержек из их признаний было предоставлено автору ими самими после их возвращения в ФРГ в рукописном, а некоторые документы - в факсимильном виде.

Разоблачительный характер книги подтверждается тем фактом, что руководство секретной службы ФРГ и командование бундесвера пытались препятствовать ее появлению. Эти органы явно сохраняют уголовную традицию потерпевших провал гитлеровских генералов шпионажа и диверсий, боясь правды, как черт ладана. Так, например, военно-теоретический журнал "Веркунде" - официальный орган "Общества военных наук" в ФРГ - еще в декабре 1966 года опубликовал следующее предостережение: "Недавно Мадер обратился с письмами к бывшим офицерам абвера с просьбой о предоставлении ему сведений и сообщений, предназначенных для уже готовящейся публикации... На деле же речь идет об изощренной атаке на бывший абвер и на Федеральную разведывательную службу (т. е. на непосредственно подчиненную ведомству федерального канцлера ведущую ветвь секретной службы ФРГ. - Ю.М.) и не в последнюю очередь - на недавно вышедшую книгу Герта Буххайта "Германский генералитет. История военной секретной службы"... Поэтому считаем необходимым категорически предостеречь от предоставления органам советской зоны (имелась в виду ГДР. - Ю.М.) какого-либо материала или сведений..."5

Через четыре месяца западногерманская газета "Индустриварндинст", издаваемая совместно Федеральным союзом промышленности ФРГ и Федеральным ведомством по охране конституции, выступила с очередным "особым предостережением", в котором давались следующие указания: "Если Вы получите письмо от некоего Юлиуса Мадера... не отвечайте и передайте это письмо компетентным органам безопасности... Его очередная готовящаяся публикация должна

выйти в свет под названием "Гитлеровские генералы шпионажа дают показания""6.

Эти документы лишь подчеркивают необходимость и актуальность данной книги и ее выводов. За прошедшие 12 лет со дня выхода в свет книга выдержала 16 изданий на семи языках. Она призвана помочь на основе ставших почти что классическими исторических примеров раскрыть все еще строго охраняемые некоторыми кругами тайны подрывной деятельности и подготовки опустошительных агрессий, предпринимавшихся германским фашизмом.

Юлиус Мадер

Берлин, лето 1982 г.

АБВЕР* - НЕ ОБОРОНА, А НАПАДЕНИЕ

ТРИ ЭПИЗОДА ИЗ ТРЕХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Одинокому горному путнику в Западных Бескидах** вдруг открылась довольно странная картина: примерно тридцать мужчин, часть из них - в польской военной форме, а остальные - кто в чем, но все вооруженные, колонной поднимались в горы. Во главе их шагал... германский лейтенант. При взгляде на эту пеструю по своему составу группу людей кто бы мог подумать, что она послана положить начало Второй мировой войне?

Это было 25 августа 1939 года В тот же день в 15 часов 25 минут Гитлер отдал вермахту приказ: 26 августа, ровно в 4 часа 15 минут утра, напасть на соседнюю Польшу. И вот теперь эта особая команда германской секретной службы вышла в путь, чтобы своевременно выполнить важное стратегическое задание - захватить горный проход через Яблунковский перевал, имевший важное значение, так как он представлял собой как бы ворота для вторжения гитлеровцев с севера Чехословакии в южные районы Польши. Было приказано подменить ее пограничную охрану переодетыми в польское обмундирование агентами германской секретной службы; для этого особая команда должна была смять, а в случае необходимости и уничтожить польских пограничников. Командование вермахта требовало ни в коем случае не допустить взрыва поляками железнодорожного туннеля и очистить участок железной дороги от возможных заграждений. Утром в 4 часа первые эшелоны сосредоточенной в районе города Жилины 7-й пехотной дивизии вермахта должны были через этот горный проход вторгнуться в индустриальный центр в районе Гляйвица (ныне Гливице - Польша) и Кракова и вместе с наносящими последующий удар соединениями зажать в клещи западный оборонительный фронт польских войск.

* Абвер (die Abwehr) в переводе с немецкого - отражение нападения, оборона, защита. Однако агрессивный

империалистический характер, преступные захватнические цели, а также задачи и методы гитлеровского абвера в действительности не имели ничего общего с его "оборонительным" названием, сознательно вводящим в заблуждение. (Здесь и далее примечания переводчика.)

** Бескиды - горные хребты северной части Карпат, главным образом в Польше и Чехословакии.

Особая команда принадлежала абверу, возглавлял ее лейтенант его II отдела Альбрехт Херцнер1. Никто из высшего командования ни в малейшей степени не предполагал, что рации, которыми была оснащена группа, могут отказать на сильно пересеченной и лесистой местности. Но случилось именно так, и отряд диверсантов с "кинжалом под плащом" уже не удалось предупредить, что Верховное главнокомандование вермахта в 20 часов 30 минут 25 августа еще раз отменило приказ о нападении на Польшу, окончательно назначив его на 4 часа 45 минут 1 сентября 1939 года.

Херцнер, для обеспечения плана нападения включивший в свою команду говоривших по-польски так называемых "фольксдойче", задание выполнил. В первые утренние часы 26 августа 1939 года он объявил более чем двум тысячам ничего не подозревавших польских горняков, офицеров и солдат, что они взяты в плен, запер их в складских помещениях, взорвал телефонную станцию и, согласно приказу, "без боя" захватил горный проход. Тем не менее его охватывало растущее беспокойство. Остановленная распоряжением Верховного главнокомандования 7-я пехотная дивизия все не прибывала, а польские войска готовились к сокрушительному контрудару. Вечером того же дня Херцнер приказал своей команде отступить. Первые жертвы Второй мировой войны остались лежать на перевале.

Этот малоизвестный, типичный для нацистов эпизод показывает, как абвер провокационно начал Вторую мировую войну еще до того, как она была объявлена2.

Другой эпизод произошел в тылу англо-американских соединений, которые после взятия Ахена в конце октября 1944 года пробивались к Рейну. Район операции особой команды абвера, состоявшей из шести парашютистов, лежал в пограничном треугольнике Германия - Нидерланды - Бельгия, в 70 километрах за линией фронта англо-американских войск. Первой жертвой стал нидерландский пограничник, увидевший диверсионную группу сразу после ее приземления. Выстрел из бесшумного пистолета заставил его замолчать навеки и открыл группе путь для совершения убийства по мотивам мести. Еще ранее некий

Оппенхоф, видя явный конец войне и всю бессмысленность фашистских приказов "стоять до конца", сбежал из диверсионной части вермахта и вернулся к своей многодетной семье. Пользуясь доверием жителей поселка, он предоставил себя в распоряжение американской армии в качестве нового бургомистра этого поселка и как штатское лицо старался в своей общине устранить последствия войны. Абвер узнал от одного из своих агентов о местонахождении Оппенхофа и его действиях. А это означало смертный приговор.

Бандиты из особой команды, получив приказ ликвидировать изменника, прокрались ночью в дом Оппенхофа. Успокоив его тем, будто они - сбитые за линией фронта немецкие летчики, пробирающиеся к своим, бандиты набросились на Оппенхофа, и он стал жертвой мести прежних дружков3.

Автор напечатанного в Западном Берлине дневника диверсионной дивизии, в котором описаны подробности этого зверского убийства, лаконично замечает, что агентов абвера обучали, как указывалось в общей директиве, "действовать там, где "еще не" или "уже не" сражались. Это "еще не" и "уже не" означало, что борьба велась вне правил войны. Такого в германской армии еще не бывало"4. А издатель этой милитаристской литературы Бодо Грефе подчеркивал в октябре 1958 года в предисловии: "Обрисованный в книге метод охватывающего весь мир ведения войны путем замаскированных операций, сформулированный адмиралом Канарисом, сыграет в будущем роль еще более значительную, чем прежде"5.

Прошли годы. Весной 1969 года в Берлине - столице Германской Демократической Республики - был осужден схваченный с поличным агент федеральной разведывательной службы (БНД)* ФРГ Рудольф Зоннабенд. Во время Второй мировой войны он служил в отделе абвера III в чине обер-лейтенанта. Еще в 1944 году Зоннабенд был награжден "Крестом за военные заслуги с мечами". Этот абверовец был схвачен в немецком социалистическом государстве в то время, когда он охотился за военными, экономическими и политическими секретами и одновременно должен был готовить опасные акты диверсии и саботажа. Особенно большое внимание уделялось методам нелегального внедрения в ГДР, о которых диверсант рассказал суду следующее:

"Территориальное положение Западного Берлина использовалось для проникновения (в ГДР. - Ю.М.) агентов - вооруженных аквалангистов. Точнее, водоемы вокруг столицы ГДР и в самом городе расценивались с точки зрения возможностей для такого проникновения. Моей главной

разведывательной задачей было установить места выхода из воды и пригодные для погружения. В принципе я получил задание разведать на территории ГДР удобные места для укрытия агентурных и диверсионных групп, а также найти участки местности, пригодные для приземления парашютистов. Главное внимание уделялось окрестностям Берлина... Сотрудники БНД дали мне ясно понять, что собранные мною данные используются бундесвером в его стратегическо-оперативных планах, а также предоставляются в распоряжение других соединений НАТО.

Кроме того, я разведал в районе Баумшуленвег (Берлин) участок в Кёнигсхейде, который предназначался для сброса на парашютах разведывательных вспомогательных средств и снаряжения для уже просочившихся в ГДР и действующих в ней агентов. Особо ценной для сотрудников БНД представлялась местность в Кёнигсхейде, поскольку она находилась вблизи трассы, ведущей к западноберлинскому аэродрому Темпельгоф и самолеты пролетали над ней примерно на высоте 150-200 м, благодаря чему возможности для контроля со стороны пограничников ГДР были неблагоприятными.

Из бесед с сотрудниками БНД я узнал, что эти акции служили целям подготовки агрессии против ГДР. Сотрудники БНД придавали им большое военное значение, а потому осуществление их производилось с соответствующей тщательностью и точностью. Я узнал, что запланировано в аналогичной форме повторить на территории ГДР те операции, которые проводились спецкомандами диверсионной части "Бранденбург" во время Второй мировой воины. В задачу подобных спецподразделений входит осуществление диверсионных актов, создание на территории их действия подгрупп, подстрекательство населения против правительства, тотальный шпионаж и активная поддержка военных действий".

Для того чтобы иметь возможность быстро передавать шпионские сведения центру секретной службы ФРГ, а также на случай военного нападения на ГДР Зоннабенд был дополнительно обучен радиоделу и снабжен рацией.

Эти три эпизода - выбранные из сотен подобных - показывают, что абверовские офицеры и агенты гитлеровского вермахта, а затем их преемники в ФРГ уже несколько десятилетий, невзирая ни на что и не останавливаясь ни перед чем, идут по милитаристскому пути. Пытаясь ввести людей в заблуждение, они называли и называют зачастую и по сей день свою секретную службу абвером, т. е. обороной. В действительности же эта "оборона" предназначалась для агрессии. Так называемый абвер зарекомендовал себя как подрывное

войско своих империалистических хозяев, готовое на любое преступление, как воинствующее сборище закоренелых провокаторов войны, как банда вступивших в заговор убийц, как штурмовой отряд антикоммунизма.

Если в 1939 году секретным службам гитлеровской Германии еще удались такие провокационные акции, как нападение на Яблунковский перевал - за неделю и захват переодетыми в польскую форму диверсантами радиостанции находившегося тогда на территории рейха города Гляйвиц - за день до начала Второй мировой войны, то теперь у их преемников или покровителей никаких шансов на успех нет.

Тем не менее они остаются крайне опасными. Поэтому поучительно посмотреть, что скрывалось и скрывается за часто употребляемым словом "абвер".

ТАИНСТВЕННОЕ ВЕДОМСТВО

Фашизм - эта открыто террористическая диктатура самых реакционных, агрессивных шовинистических сил империализма - сразу же после прихода гитлеровцев к власти 30 января 1933 года начал проводить курс на жестокое подавление всех прогрессивных сил внутри Германии и на внешнюю агрессию. В достижении этой цели с нацистскими главарями были едины не только представители монополистического капитала, но и генералы и адмиралы тогдашнего рейхсвера.

В 1935 году, когда гитлеровское правительство нарушило Версальский договор и "военным законом" от 21 мая 1935 года на базе всеобщей воинской повинности создало "вооруженные силы третьего рейха", адмирал Канарис принял командование военной секретной службой, которую к 1938 году превратил в управленческую группу "абвер", а к началу Второй мировой войны - в управление "Заграница/абвер" Верховного главнокомандования вермахта. До 1944 года это управление (т. е. управление военной разведки и контрразведки вооруженных сил. - Пер.) в основном подразделялось на следующие отделы:

m абвер I - шпионаж и разведка;

m абвер II - диверсии и ведение "психологической войны"; ему была подчинена особая часть "Бранденбург";

m абвер III - борьба с вражеской разведкой, а также подрывная деятельность против иностранных секретных служб и разведывательных органов;

m управленческая группа "Заграница" - шпионаж и разведка с помощью военных атташе и с использованием данных зарубежной печати, а также содействие проведению за границей нелегальных военно-морских операций;

m отдел "Z" - центральная картотека и архив.

Шпионско-диверсионное управление ОКВ "Заграница/абвер" выполняло важную функцию в системе государственно-монополистического капитализма, быстро развивавшегося в гитлеровской Германии.

Абвер I был призван организовать по всему миру тотальный шпионаж с целью подготовки к осуществлению фашистских планов блицкригов. Это означало разведывание не только военных и военно-экономических, но и политических, дипломатических и экономических тайн и сведений. Нацистская партия и германские "вервиртшафтсфюреры"* (в 1937 году этот титул имели уже 400 представителей монополий) весьма охотно оказывали в этом деле помощь своими людьми и деньгами.

Абверу II предназначалось при помощи "пятой колонны" политически разлагать в военном и экономическом отношении каждую намеченную жертву агрессии и парализовать ее молниеносным нанесением ущерба огромного масштаба. Концерны помогали ему своими зарубежными филиалами и представителями. Нацистская партия предоставляла ему своих фанатичных главарей-агентов.

Абвер III поначалу был обязан заботиться о сохранении в тайне форсирования вооружения гитлеровской Германии. Монополии видели в этом поддержку своей борьбы против производственного шпионажа иностранных конкурентов и против политически прогрессивных элементов на предприятиях. После начала Второй мировой войны абверу III было особо поручено бороться с антифашистским Сопротивлением в самой гитлеровской Германии и в захваченных странах и областях. Например, присяжный историк абвера Герт Буххайт признает, что "во время Восточного похода" только одной фронтовой разведкой управления ОКВ "Заграница/абвер" было "обезврежено" 20 тысяч советских граждан6. Разумеется, это лишь частичное признание участия абвера в нацистских массовых убийствах.

Закономерно, что немецкие антифашисты и противники нацизма в оккупированных странах и областях все энергичнее действовали против главных оплотов вооруженной власти гитлеровского режима. Организованная защита от их акций в конечном счете лежала на широко разветвленном аппарате управления ОКВ "Заграница/абвер". Отсюда давали директивы по борьбе с активными противниками гитлеровского режима, настаивая на быстрейшем уничтожении групп Сопротивления и партизанских соединений, весьма мешавших операциям вермахта. Абвер и его особая часть "Бранденбург" орудовали против антифашистов в 13 европейских государствах. Только в 12 из них - не считая СССР - нацистские оккупанты убили в ходе военных

действий, расстреляли и замучили в тюрьмах свыше 1 277 750 человек. Множество этих жертв следует отнести на счет убийц из абвера и их профессиональных "охотников на партизан"7.

Управление ОКВ "Заграница/абвер" участвовало (до 1944 г.) и в казнях 15 400 оппозиционных фашистскому режиму солдат, унтер-офицеров, офицеров и чиновников самого гитлеровского вермахта8. Именно офицеры абвера составляли доносы или заключения на "изменников", дезертиров и "лиц, подрывающих военную мощь" гитлеровской Германии, тем самым подписывая смертный приговор честным патриотам и не желавшим участвовать в преступной войне военнослужащим вермахта.

В процессе все более усиливавшейся координации и концентрации деятельности различных органов секретной службы, а также централизации руководства ими управление ОКВ "Заграница/абвер" все теснее и интенсивнее сотрудничало с секретной службой нацистской партии (НСДАП), Службой безопасности (СД), государственной тайной полицией (гестапо). В ряде случаев - и в этой книге можно найти тому немало примеров - разветвления секретной службы вермахта и гитлеровской партии были тесно связаны между собой и в кадровом отношении. Органическое срастание обеих ветвей секретной службы с целью безжалостного уничтожения всех немецких и зарубежных антифашистов дает возможность выявить отдельные формы и фазы этого процесса.

1936 год - между военным абвером, с одной стороны, и гестапо и СД, с другой, с целью разграничения задач и функций, а также оказания взаимной помощи заключено соглашение, получившее название "10 заповедей".

1941 год - антисоветская и антикоммунистическая директива о совместных действиях офицеров абвера и его команд с офицерами СД и ее оперативными группами и командами9.

1942 год - интересы и сферы действий в области "ведения тотальной войны" разграничены "программой из 10 пунктов".

1944 год - Гитлер отдает приказ "О мерах по взаимному согласию" в установлении единого руководства фашистской системой секретных служб во главе с рейхсфюрером СС Гиммлером10.

В последний год Второй мировой войны абвер I и абвер II были включены во вновь созданное военное управление, вошедшее в состав Главного управления имперской безопасности (РСХА), которому отныне подчинялись секретная служба внутри Германии и за рубежом, а также полиция безопасности (гестапо и уголовная полиция). Отдел "Z" и абвер III частично, а цензура зарубежных писем абвера целиком были слиты с гестапо и

включены в состав IV управления РСХА. Управленческая группа "Заграница", а также оперативный "войсковой абвер" из абвера III вошли в состав штаба оперативного руководства Верховного главнокомандования (ОКВ).

Офицерский и агентурный корпус абвера насчитывал десятки тысяч человек, которые - за чрезвычайно редким исключением - были фанатическими приверженцами Гитлера и его лозунга "стоять до конца". С каким слепым рвением это ненавистное народам особое военно-политическое войско нацистских агрессоров выполняло цели германского империализма, видно, в частности, из того, что только на германо-советском фронте при выполнении своих преступных заданий погиб почти каждый третий из состава фронтовых разведывательных команд управления "Заграница/абвер"11.

Но весной 1945 года отягощенные преступлениями абверовцы стали усиленно маскироваться, чтобы избегнуть справедливого гнева народов, которых они подвергали уничтожению. Целыми косяками шпионы стали уходить на запад Германии. Многие из них уже вскоре вошли в доверие к англичанам и американцам в качестве "незаменимых специалистов по антикоммунизму". Они, до той поры являвшиеся инициаторами смертной казни за "государственную измену", теперь сами начали совершать ее за американские "кэр-пакеты"* и британские сигареты. Но от своей основной, в корне империалистической, милитаристской установки не отреклись. Мечтали о реванше. Именно ради него руководящие кадры секретных служб германского империализма уже в 1944-1945 годах наметили и уточнили свою послевоенную программу.

Их дьявольские семена взошли уже вскоре после безоговорочной капитуляции фашистского третьего рейха.

ВОЙСКО НЕИСПРАВИМЫХ ПОЯВЛЯЕТСЯ ВНОВЬ

Результаты поисков следов, определяющих подлинное лицо кадров абвера, одновременно и поражают, и предостерегают. Один за другим эти уцелевшие вояки вновь появились в эру Аденауэра во влиятельных ведомствах ФРГ и уже начиная с 1945 года с уверенностью непрерывно действовали во имя выполнения последних инструкций на послевоенное время, данных им монополиями, генералитетом и нацистской партией гитлеровской Германии. В ФРГ они уже довольно давно объединились в "Рабочее содружество бывших сотрудников абвера" (АГЕА) и имеют в своем распоряжении подпольный информационно-инструктивный орган, которому дали примечательное название "Наххут" ("Арьергард"). Следовало бы спросить: чей?12 . По всяким поводам они устраивают встречи "многочисленных

офицеров абвера из всех частей [Западной] Германии, Австрии и Южного Тироля"13.

Где бы ни появился в ФРГ человек, сведущий в истории Второй мировой войны, - в бундестаге ли, в конторах концернов и буржуазных партий, министерствах, ведомствах и институтах, - повсюду он встретит людей, имена которых в свое время прочно занимали место в секретных картотеках управления ОКВ "Заграница/абвер". Что ж, устроим тайным агентам небольшой смотр.

Наверняка не случайно к числу "основателей" послевоенных партий германского монополистического капитала в ФРГ принадлежат шпионы и диверсанты абвера.

Член евангелической консистории доктор теологии Ойген Герстенмайер, он же Альфред Альман14 - бывший козырной туз абвера и СД. Летом 1945 года он не только сколотил организацию "Евангелическая помощь", под вывеской которой скрылись многие ему подобные, но и участвовал в создании аденауэровского Христианско-демократического союза (ХДС). В Баварии во главе родственного Христианско-социального союза (ХСС) встал бывший обер-лейтенант отделения абвера в Мюнхене доктор политических наук Йозеф Мюллер. Оба они пользовались доверием секретной службы вермахта.

Или, к примеру, весьма активный депутат бундестага доктор юриспруденции Герман Гётц. Карьеру он начал в конце 30-х годов в качестве готового на все агента абвера в Чехословакии. За свою шпионскую "работу" он после аннексии Чехословакии был награжден нацистским орденом. Потребовалось бы немало места, чтобы перечислить все его функции в западногерманском государстве, куда он, осторожности ради, перекочевал. Гётц - председатель ХДС земли Гессен, председатель реваншистского земельного комитета ХДС по делам "изгнанных" с Востока, а также гессенского комитета объединения "Опека солдат", член "Судето-немецкого землячества", в 1949 году - член комиссии бундестага по делам "изгнанных".

К числу послевоенных "актеров первого часа" из рядов Свободной демократической партии (СвДП) относился доктор философии Виктор Ховен, бывший капитан, командир батальона диверсионной дивизии "Бранденбург". Он формировал фашистскую "пятую колонну" в Бельгии. В 1954 году он уже сидел во фракции СвДП в земле Северный Рейн-Вестфалия, а в 1957 году, стал членом бундестага.

Капитан из отдела абвер II Теодор Оберлендер - бывший гауамтсляйтер НСДАП (начальник областного управления нацистской партии. - Пер.) и командир таких диверсионных

частей, как "Бергман", "Тамара I" и "Тамара II", сначала выступал в качестве члена СвДП, а затем стал председателем западногерманского реваншистского "Союза изгнанных с родины и лишенных прав" (БХЕ) и наконец в 1956 году "приземлился" в аденауэровском ХДС.

В парламенте ФРГ кроме этих лиц обрели теплые местечки и право голоса и другие бывшие сотрудники фашистской секретной службы, в их числе специалист по внешней политике и внешней торговле доктор юриспруденции Пауль Леверкюн (ХДС) - бывший майор управления "Заграница/абвер", начальник стамбульского отделения КО - абверовской "Военной организации" на Ближнем Востоке. А уже упоминавшийся Ойген Герстенмайер с 1954 по 1969 год в качестве председателя бундестага даже являлся по протоколу вторым человеком в ФРГ.

Мастера нацистской маскировки секретной деятельности захватили в ФРГ и министерские посты. Йозеф Мюллер смог уже в 1947 году стать баварским государственным министром. Теодор Оберлендер дослужился в 1950 году до поста статс-секретаря в баварском министерстве внутренних дел, прежде чем с 1956 года на три года сделаться боннским "министром изгнанных". Только опубликование в ГДР разоблачительных документов о его военных преступлениях заставило Оберлендера покинуть министерское кресло.

Но и этого мало. В районе Мариенбурга (Кёльн) живет хорошо информированный д-р Рольф Вилькенинг, который неоднократно (не будучи притом опровергнут тем, кого это касается) показывал, что бывший канцлер ФРГ Георг Кизингер, с которым он вместе работал с 1940 года в радиополитическом отделе фашистского министерства иностранных дел, находился на службе управления "Заграница/абвер"15.

Кизингер еще в 1933 году вступил в нацистскую партию и получил членский билет под номером 2633930. В 1940 году в министерстве иностранных дел стал специалистом по нацистской зарубежной пропаганде, т. е. по ведению "психологической войны" и подрывным акциям. Именно абвер II был тогда весьма заинтересован в том, чтобы на этом посту сидел его доверенный человек. Вскоре Кизингер сделался начальником бюро связи имперского министра иностранных дел обергруппенфюрера СС* Иоахима Риббентропа с имперским министром пропаганды Йозефом Геббельсом. В 1941 году Кизингер представитель министерства иностранных дел при диверсионной радиостанции "Дойче аусланд-рундфункгезельшафт ИНТЕРРАДИО АГ". С 1942 до весны 1945 года в качестве начальника отдела политики в области радиовещания "Общая пропаганда" и заместителя

начальника отдела министерства иностранных дел он координировал нацистскую радиопропаганду на Восточную, Юго-Восточную и Западную Европу, на Дальний и Ближний Восток, на Северную, Центральную и Южную Америку 6.

В 1945 году специалист по диверсиям Кизингер просидел 18 месяцев в американском лагере № 74 для интернированных лиц в Людвигсбург-Освайле. Дал ли он там протокольные показания насчет своей роли организатора "пятых колонн" и о своих соответствующих контактах с абвером - об этом Пентагон молчит до сих пор. Едва будучи выпущен из лагеря, он - как и другие абверовские "актеры" Герстенмайер, Леверкюн, Мюллер и им подобные обосновался в рядах ХДС, который уже в 1948 году назначил его своим управляющим делами в земле Вюртемберг-Гогенцоллерн, а в 1949 году ввел в первый бундестаг ФРГ. С 1954 по 1958 год матерый мастер подрывной пропаганды, неоднократно получавший похвалы от Геббельса, стал в качестве представителя ХДС председателем комиссии бундестага по иностранным делам. В 1958 году переместился в Баден-Вюртемберг в качестве премьер-министра этой земли, чтобы в 1966 году вернуться в Бонн в качестве федерального канцлера (он оставался им до 1969 г.) и сколачивать "Большую коалицию". Затем Кизингер долгие годы продолжал быть высшим партийным руководителем ХДС.

В министерстве иностранных дел ФРГ абверовские "специалисты" по-прежнему высоко котировались. Проживающий во Франкфурте-на-Майне вице-адмирал Леопольд Бюркнер, бывший начальник управленческой группы "Заграница" при Канариее, с 1949 года подвизался в качестве советника федерального министерства иностранных дел. Постоянные консультанты этого министерства по вопросам Юго-Восточной и Северной Европы полковник абвера и руководитель "Военной организации" в Болгарии Отто Вагнер, он же д-р Делиус17, и капитан II ранга Александр Целлариус, бывший руководитель "Военной организации" в Финляндии и Эстонии18, для простоты дела сразу же переехали в Бонн. Наряду с советником посольства I класса графом Рабаном Адельманом фон Альмансфельденом и министериаль-директором д-ром Луитпольдом Верцем в списках личного состава министерства иностранных дел числились еще девять боннских дипломатов высшего ранга, которые до и во время Второй мировой войны были доверенными лицами управления "Заграница/абвер" и даже получили за свой военный шпионаж "Крест за военные заслуги"19.

Первые начальники "бюро абвера" в занимавшемся ремилитаризацией боннском военном ведомстве во главе с

Бланком* были подполковник диверсионной части "Бранденбург" Фридрих Вильгельм Хайнц, а также Ахим Остер, бывший майор в управлении "Заграница/абвер". Все новое поколение сотрудников секретной службы бундесвера в течение ряда лет - с 1957 года обучал капитан I ранга Ганс Майзнер, в прошлом капитан II ранга в абвере и начальник "Военной организации" в Швейцарии20.

В подчиненной с 1956 года непосредственно ведомству федерального канцлера БНД (шпионской спецслужбе ФРГ) люди Канариса вновь появлялись целыми группами. В этом центре секретной службы зарубежной разведки при канцлерах Аденауэре, Эрхарде и Кизингере примерно 60% сотрудников принадлежали к группе бывших гитлеровских офицеров из аппарата абвера21.

Капитан Рихард Геркен, который в качестве офицера абвера III свирепствовал в оккупированных Нидерландах, в течение ряда лет как боннский правительственный советник помогал вице-президенту Ведомства по охране конституции, бывшему полковнику абвера Альберту Радке. Геркен даже публично похвалялся тем, что "образцом при создании органов охраны конституции в Федеративной республике была... организация прежде образцового управления ОКВ "Заграница/абвер", т. е. военная разведывательная служба под руководством адмирала Канариса"22.

Само собой разумеется, гитлеровским специалистам абвера через три ветви секретной службы ФРГ, а именно: Федеральную разведывательную службу, аппарат Ведомства по охране конституции и военную контрразведку бундесвера (МАД) - удалось систематично и постепенно внедряться в общественную и государственную жизнь ФРГ.

Всестороннюю помощь оказывали им при этом фактические инспираторы и прежние доверенные лица абвера, занимающие ныне важные посты в конторах концернов, восстановленных банков и индустриальных гигантов. К ним относятся председатель наблюдательного совета "Дойче банк АГ" д-р Герман Абс, "фабрикатор канцлеров" и их советник, а также капитан в отставке д-р юриспруденции Гейнц фон Бомхард из акционерных обществ, являющихся преемниками "ИГ-Фарбениндустри"23.

Далее в книге будет документально доказано, насколько тесно и беззастенчиво главный менеджер финансовой олигархии ФРГ Абс сотрудничал с верхушкой управления ОКВ "Заграница/ абвер" и готовил для него шпионские материалы. Нельзя забывать, к примеру, что нажившийся на войне Абс в 1942 году в качестве представителя "Дойче банк АГ" и "ИГ-Фарбениндустри" занимал 40 постов в ведущих концернах и монополистических

группах Германии и заграницы. Через филиалы "Дойче банк", "Зюдост-монтан", "Континенталь оль АГ" влияние Абса распространялось на Нидерланды и Люксембург, на Австрию и Чехословакию, на Польшу и Балканские страны и через пресловутый "Русский комитет" - вплоть до временно оккупированных областей Кавказа24. Можно лишь догадываться, какое важное значение имел этот крупный финансист для управления шпионажа и диверсий ОКВ.

Картина будет неполной, если не упомянуть о реваншистском "изучении Востока и Юго-Востока", так называемом "остфоршунге", направляемом секретными службами ФРГ. На примере целого поколения "кремлеведов" германского финансового капитала можно проследить, как "специалисты по Востоку" использовались во время войны против Советского Союза, а в 1945 году снова были направлены в "научный" тыл "остфоршунга". Речь идет о таких "профессорах", как Кох, Маркерт, Менерт, Оберлендер и другие.

Когда в 1955 году тогдашний канцлер ФРГ Конрад Аденауэр посетил Москву, он взял с собой профессора, д-ра философии и теологии Ганса Коха. Этот Кох во время Первой мировой войны служил в секретной службе Австро-Венгрии, а во время второй - в управлении "Заграница/абвер", действуя против Польши и Советского Союза. С 1954 года он восседал в кресле директора мюнхенского "Института Восточной Европы". Именно Кох заявил о том, что "остфоршунг" "целым штабом журналистов, исследователей экономики и военных атташе" заменил тогдашнему правительству ФРГ "почти полдюжины дипломатических представительств в Восточной и Юго-Восточной Европе"25, иными словами, организовал шпионаж силами "ученых".

Бывший офицер абвера профессор, доктор философии Вернер Маркерт как специалист по Польше и Югославии в 1953 году возглавил тюбингенский шпионский Институт восточноевропейской этнографии и истории. А преподаватель политических наук ахенской Высшей технической школы, главный редактор пяти журналов по вопросам Восточной Европы и советник министерства иностранных дел ФРГ по восточноевропейским вопросам профессор Клаус Менерт - это тот же абверовский шпион, который разведал для союзного с гитлеровской Германией японского агрессора американскую военно-морскую базу на Тихом океане Пёрл-Харбор26.

Невольно напрашивается и еще одна историческая параллель. Перед 1938 годом стремившийся к экспансии на Восток германский империализм воздвиг в австрийской военной

секретной службе своего троянского коня. "Звездой" агентов был тогда венский обер-лейтенант австрийской армии Эрвин Эдлер фон Лахузен-Вивремонт, который после вступления вермахта в Австрию быстро сделал карьеру в управлении "Заграница/абвер".

Поскольку в начале этого раздела было упомянуто, что нити фашистской секретной службы уже давно снова протянулись к Вене и даже к Северной Италии, нельзя в данной связи обойти молчанием двух особенно отягощенных преступлениями офицеров абвера. Это обер-лейтенант и начальник отделения абвера в XVII военном округе Курт Бенно Фехнер (он же - д-р Фридрих27) и капитан из отдела абвера в оккупированном Белграде д-р Йозеф Матль. Нацистский подполковник в отставке, а затем "действительный гофрат" (придворный советник) Курт Фехнер с 1955 по 1962 год возглавлял "Группу разведки и абвера" в венском военном министерстве. Он принял "решающее участие в создании разведывательно-шпионской группы (австрийской) федеральной армии. Все эти годы он поддерживал тесные связи как с западногерманским, так и, прежде всего, с американским шпионажем"28. Только после изобличения Фехнера в длительном саботаже нейтралитета, соблюдать который австрийское правительство торжественно обязалось в Государственном договоре от 15 мая 1955 года, его пришлось снять с этого влиятельного поста. Среди бывших специалистов абвера играет свою роль и Йозеф Матль в качестве директора одного из институтов университета в Граце (Австрия) и "специалиста" по Балканам.

Можно привести еще множество примеров того, как сотрудники абвера сначала "уходили под воду", а потом снова всплывали29. Но уже и приведенных примеров достаточно для доказательства того факта, что речь идет не о случайных единичных явлениях, а о почти по-генштабистски запланированной акции реакционных сил с целью по возможности сохранить аппарат абвера в рабочем состоянии, несмотря на безоговорочную капитуляцию гитлеровской Германии и последовавший период оккупации западных зон войсками союзников.

ПРОПАГАНДИСТСКИЙ ОГОНЬ ПО ОБЩЕСТВЕННОМУ МНЕНИЮ

Естественно, что бывшие офицеры и агенты абвера, служившие фашистскому режиму, в послевоенное время прежде всего стремились снова стать "принятыми в хорошем обществе и сделаться политически "незапятнанными". В рамках ведения "психологической войны" начались манипуляции с общественным мнением. Поднаторевшие в деле идеологического разложения

офицеры абвера не захотели выпустить из своих рук и эту функцию. Результат виден с 1949 года на книжном рынке: сотрудники гитлеровской секретной службы начали, с одной стороны, при помощи фальсификаторской литературы "преодолевать" прошлое, насилуя истину себе на пользу. С другой стороны, они, отнюдь не раскаиваясь в своих преступлениях, стали искать спекулятивные решения насчет того, что именно и как при будущих агрессиях можно сделать "лучше", чем в гитлеровские времена. Даже беглый взгляд на прошлое этих распространителей милитаристско-реваншистских писаний дает ясно почувствовать их опасность. Специальные главные "труды" по истории, об акциях и лицах управления ОКВ "Заграница/абвер" написаны: доверенными лицами абвера К.Г. Абсхагеном30 и И.В. Эпплером; лейб-биографом Муссолини и офицером секретной службы Г. Буххайтом31; офицером службы радиошпионажа В.Ф. Фликке32; капитаном отдела абвер III Р. Геркеном33; бывшим членом тайной организации мести ("фемы") "Консул", а затем подполковником, командиром полка диверсионной дивизии "Бранденбург" Ф.В. Хайнцем34; майором управления ОКВ "Заграница/абвер" д-ром П. Леверкюном35; майором этого же управления Шультце-Хольтхусом36; офицером абвера В. Лёффом37; подполковником генерального штаба и начальником зарубежного отдела абвера в Норвегии Э. Прукком38; подполковником абвера III О. Райле39.

Каждый из этих "психологических" вояк полагал соткать тот занавес из легенд и лжи, который опущен на Западе над действительной историей ведомства шпионажа и диверсий гитлеровского вермахта. Прошлое оказалось непреодоленным в этом отношении; более того, оно было окрашено неонацистской краской.

Таким образом, подготовленные во всех отношениях - кадровом, организационном и идеологическом - бывшие сотрудники гитлеровских секретных служб возобновили свою враждебную народам и угрожающую миру подрывную деятельность в духе империалистической глобальной стратегии. Поэтому методы абвера не должны оставаться неизвестными, ибо они и до сих пор представляют опасность для дела мира и демократии.

ПРИЗНАНИЯ АСА ШПИОНАЖА

Человек, о котором пойдет речь, - типичный представитель германского милитаризма.

Ганс Пикенброк, родившийся в 1893 году в Эссене, надел военный мундир как 20-летний фанен-юнкер (кандидат в офицеры), который в Первую мировую войну пожелал помочь

кайзеру раздвинуть границы рейха. Снял он этот мундир будучи 50-летним генерал-лейтенантом, после того как Красная Армия взяла его в плен на советско-германском фронте. Карьера Пикенброка - почти классический пример, на котором можно продемонстрировать коварство германского милитаризма. В рейхсвере, а затем в гитлеровском вермахте он принадлежал к верхушке тех державшихся в тени людей, которые редко открыто появлялись в военной форме, зато, как говорится, держали под полой отточенный кинжал: он занялся шпионским ремеслом, которое, согласно концепции блицкрига, обещало германскому генеральному штабу большой военный выигрыш. В течение более полутора десятилетий Пикенброк был одним из влиятельных командиров тайного фронта. Однако при этом он по большей части сидел в теплом кабинете министерства рейхсвера, а потом штаба Верховного главнокомандования вермахта.

В конце 1936 года в чине майора он стал начальником отдела абвер I. Однако Пикенброк не просто служил под началом адмирала Канариса, он был его "непосредственным заместителем во всех случаях и по всем поводам", а кроме того, "тесно дружил" с ним1. Каждые три года Гитлер, которому Пикенброк без угрызений совести принес присягу на верность, вознаграждал его очередным чином: в 1937 году - подполковника, 1940 году - полковника и в 1943 году генерал-майора.

Итак, с конца 1936 по 1943 год Пикенброк возглавлял абвер I, т. е. именно тот отдел, который комплексно занимался политической, технико-экономической, а особенно военной разведкой и шпионажем. Принимая участие в служебных совещаниях у адмирала Канариса и будучи его правой рукой, он имел полное представление о деятельности также абвера II и абвера III. С подрывными заданиями и как руководитель широко задуманных шпионских акций он объездил - зачастую вместе с Канарисом - 17 европейских стран и одну - Ближнего Востока. Следы Пикенброка вели на Север (в Данию, Норвегию, Швецию, Финляндию), на Запад (в Бельгию, Нидерланды, Люксембург, Францию, Испанию), на Юг (в Швейцарию, Италию), а особенно часто - на Восток (в Австрию, Венгрию, Румынию, Болгарию, Турцию, а также во временно оккупированные области Советского Союза).

Какую ключевую функцию выполнял Пикенброк в германской военной секретной службе, ясно видно, кроме того, из следующих фактов. Генерал (тогда полковник) фон Лахузен-Вивремонт, шеф диверсантской службы вермахта, и его заместитель полковник Штольце прошли практику под началом Пикенброка в абвере I. В этом не в последнюю очередь отражается как функциональное,

так и персональное переплетение фашистского шпионажа с широко развернутой диверсионной деятельностью. 4 апреля 1940 года Пикенброк по прямому заданию Гитлера отправился в Копенгаген, чтобы встретиться там с главарем норвежских фашистов Видкуном Квислингом и передать ему приказ о переходе к действию нацистских "пятых колонн", которые затем, при нападении на Данию и Норвегию, парализовывали силу сопротивления скандинавских народов2.

Пикенброк, которого его люди за глаза называли Пики, не только был гитлеровским обер-шпионом, но и сам насаждал троянских коней в государствах, которым грозило нападение фашистской Германии. Его репутация у Гитлера сильно пострадала после того, как в ходе агрессии против Советского Союза разведывательные данные абвера I оказались совершенно неудовлетворительными и не отвечающими истине. Не в последнюю очередь из страха перед последствиями Пикенброк стал рьяно проситься на фронт. В марте 1943 года он получил пехотный полк на германо-советском фронте, затем командовал в чине генерал-лейтенанта 208-й пехотной дивизией, попал в плен.

В насчитывающих тысячи страниц документах Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками имя Пикенброка упоминается нечасто. Однако представители советского обвинения располагали показаниями Пикенброка, из которых недвусмысленно явствовало, в какой степени управление ОКВ "Заграница/абвер" уже с 6 сентября 1940 года изо всех сил и со всей жестокостью готовило во всех областях шпионажа и подрывной деятельности нападение на СССР3. Оказавшись в советском плену, Пикенброк не стал утаивать то, что было ему известно. Цитируемые далее (по немецкому тексту) показания даны им 12 декабря 1945 года4.

Генерал-лейтенант Пикенброк попал в советский плен с "Золотым германским крестом" на груди и "Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту" на шее. Советский офицер подполковник А. Говоров, основываясь на документах следственного дела, так охарактеризовал его: "Генерал-лейтенанта Пикенброка ценили, он получил 23 награды, ему лично давал тайные поручения фюрер. В его руках была гигантская армия шпионов, разбросанная по всем континентам. Одного слова его было достаточно, чтобы решить судьбы тысяч и тысяч людей... И вот он, некогда грозный шеф разведки, сплетавший, как паук паутину, тайную шпионскую сеть во многих странах мира и решавший судьбы людей, сидит на тюремной табуретке перед следователем советских органов госбезопасности и дает показания"5.

Пикенброк предстал перед советским военным трибуналом и

как военный преступник по заслугам получил многолетнее тюремное заключение. В качестве неамнистированного заключенного он в 1955 году был передан Советским Союзом ФРГ.

Именно тогда я лично познакомился с ним, с уже 62-летним Пикенброком. Он возвращался из Советского Союза домой в Эссен. Для беседы было всего несколько часов. Объяснил ему свое намерение изучить историю управления ОКВ "Заграница/абвер", зафиксировать ее и опубликовать. На все вопросы он давал лаконичные, но содержательные ответы. На прощание Пикенброк, к моему большому изумлению, передал мне целую стопку исписанных от руки листов тонкой бумаги: "Возьмите мои записки! Может быть, они вам пригодятся. Невредно, чтобы ваше поколение узнало, как мы работали в абвере. Пусть никто не сможет сказать: "Мы этого не знали!" Ведь войны возникают не случайно и не вдруг, их заблаговременно планируют и длительно готовят. Я тому свидетель!"

В течение ряда лет я проверял его рукописные записки на основе документальных источников, архивных материалов, и каждый раз подтверждалось: Пикенброк написал правду. Его рукопись - либо черновик, либо копия данных им показаний.

В ФРГ Пикенброк тотчас же был выпущен на свободу и героизирован как "поздний возвращенец" из советского плена. Кроме того, он получил непомерно большую денежную компенсацию - за что, собственно говоря? - и "положенную ему" высокую генеральскую пенсию. В 1959 году умер в Эссене в возрасте 66 лет.

ШПИОНСКАЯ АТАКА В МИРНОЕ ВРЕМЯ

Пикенброк так рисует ситуацию к тому моменту, когда он возглавил абвер I:

"В мирное время абвер получал задания, как правило, от отделов "Иностранные армии", "Иностранные ВВС" и тому подобных генеральных штабов сухопутных войск, военно-морского флота и люфтваффе (ВВС. - Пер.), а порой также от штаба оперативного руководства вермахта. Но подавляющее большинство заданий шло от отдела "Иностранные армии". Только во время войны штаб оперативного руководства ОКВ тоже стал непосредственно давать задания (в отношении Норвегии, Дании, России, о намерении англичан совершить высадку на континент).

В конце 1936 года, когда я пришел в абвер, сферу его деятельности можно было подразделить следующим образом:

а) страны, представлявшие основной интерес: Франция, Чехословакия, Польша, Англия, Россия, а также Испания в связи с

гражданской войной;

б) побочный интерес: Бельгия, Швейцария, Югославия, Румыния, США;

в) страны, разведка в которых была запрещена: Австрия, Италия, Венгрия, Эстония, Япония, Болгария.

Все остальные страны абвер не интересовали. Поскольку в то время вермахт находился еще в начальной стадии своего создания, главное внимание было уделено странам, непосредственно граничащим с Германией, - Польше и Чехословакии.

Уже тогда германская пропаганда начала кампанию за аншлюс. Австрии. Так как НСДАП, посольство и военный атташе давали достаточную ориентировку и между германским и австрийским генштабами существовало определенное, хотя и не имевшее твердых форм сотрудничество, ведения абвером разведки против Австрии не требовалось. Тем важнее было наблюдение за теми странами, которые относились к аншлюсу враждебно, а потому центр тяжести с 1937 года и начала 1938 года был перенесен на Францию, Польшу, Чехословакию и Югославию. Незадолго до аншлюса Австрии стало необходимым наблюдение за итало-австрийской пограничной областью, поскольку позиция Муссолини временами была резко против аншлюса, а дружба Гитлер - Муссолини стала развиваться только после него.

Отделение абвера в Мюнхене без всяких усилий с его стороны получало многочисленные сведения и сообщения из Австрии и итальянского Южного Тироля от прогитлеровски настроенных кругов. В это время мюнхенское отделение работало против Балкан, Чехословакии и Швейцарии, а спустя короткое время и против Италии. Венгерская разведка помогала действовать против Чехословакии, Югославии и Румынии. Против Чехословакии работали также отделения абвера в Дрездене и Бреслау (ныне Вроцлав. - Пер.), против Польши - в Бреслау, Кенигсберге (ныне Калининград) и Штеттине (ныне Щецин), а отделения в Мюнстере, Висбадене и Штутгарте вместе с важнейшими подотделами в Кёльне и Фрейбурге работали против Франции.

Сразу же после аншлюса Австрии усилились задания от отделов "Иностранные армии" и "Иностранные ВВС", направленные против Чехословакии. Особый интерес для них представляли сильная, современная, но находившаяся еще в стадии формирования чехословацкая армия и строившиеся аэродромы, а также расширявшаяся военная промышленность и перебазирование ее в район восточнее долины реки Ваг. Вскоре начали поступать такие детализированные задания, что по ним можно было распознать намерения предстоящего насилия над чехами. Большую часть заданий удавалось выполнять удовлетворительно, так как среди населения Южных Судет, особенно жителей приграничных областей, а также немцев, служивших в [чехословацкой] армии, находились рьяные агенты, работавшие [на Германию]. С целью интенсификации разведки против Чехословакии были созданы отделения в Вене и Нюрнберге, особенно хорошо была укомплектована служба абвера I в Вене, так как различные родственные отношения между австрийцами и южно-судетскими немцами, а также чехами создавали благоприятные предпосылки для разведывательной службы".

КАТЕГОРИИ ШПИОНОВ

Обрисовав главных "заказчиков" и стратегическую ориентировку управления ОКВ "Заграница/абвер", генерал-лейтенант Пикенброк рассказывает о кадровой и материально-технической стороне его прежней подрывной деятельности в международном масштабе:

"Агентов мы разделяли на категории в зависимости от основной цели и характера каналов, которыми пользовались они для передачи сведений.

Агенты мирного времени.

Ими в основном были иностранцы, преимущественно "маленькие люди", которые сообщали сведения о войсках и укреплениях; значительный процент среди них составляли немцы и лица немецкого происхождения. Во время войны на большинство из них рассчитывать было нельзя, поскольку в качестве солдат или пограничников они больше не имели возможности передавать данные или же, как немцы или лица немецкого происхождения, либо не могли больше находиться в данной стране, либо пребывали под строгим надзором.

Агенты периода напряженности.

Использовались агенты, которые не были задействованы в мирное время, но в случае обострения политической напряженности могли по телефону или телеграфу либо возвратившись домой сообщать сведения о признаках

мобилизации. Или агенты, которые благодаря своим деловым связям в любое время, в том числе и в неспокойное, получали разрешение на въезд в соответствующую страну и могли ездить там по железной дороге или на автомашине повсюду. Это были немцы или нейтралы.

Агенты на случай войны.

Ими должны были быть граждане враждебной страны или близкой ей нейтральной страны. Чтобы в мирное время избежать провала, им запрещалось заниматься агентурной деятельностью. Они получали лишь пробные или учебные задания.

Радиоагенты.

Для этой работы абвер вербовал главным образом немцев или лиц немецкого происхождения (поскольку их было легче всего найти и руководство ими представляло наименьшие трудности). Однако во время войны все они были обречены на провал".

Далее гитлеровский генерал шпионажа рассказал на основе собственного опыта о методах вербовки агентов:

"Время от времени отделения абвера помещали в иностранных газетах объявления, в которых лицам, имеющим твердый доход, особенно государственным служащим, предлагалась ссуда от имени какого-либо кредитного учреждения. Якобы заинтересованное в этом учреждение находилось в соседней стране, например во Франции, Бельгии, Голландии или Швейцарии. Подотдел абвера в Кёльне содержал такое кредитное учреждение в Голландии. На объявления, как правило, откликалось много нуждающихся в кредите. Тем, кто интереса для абвера не представлял, просто-напросто отказывали. Но когда попадались, например, офицеры, унтер-офицеры или военные чиновники и тому подобные лица, их приглашали на собеседование и давали краткосрочную ссуду. Если же по истечении указанного времени они вернуть ее не могли, как это и бывало в большинстве случаев, им предлагали сообщать сведения секретного характера - правда, сначала в весьма скромном объеме - и обещали отсрочить выплату предоставленного кредита на благоприятных условиях, если они добудут какой-либо важный документ (например, приказ по батальону). Задания постепенно усложнялись. Такие методы давали отнюдь не плохие результаты: раз человек сделал первый шаг, то, если им надлежащим образом руководить, он, как правило, начинал действовать еще решительнее.

Например, подотделу в Кёльне удалось завербовать французского обер-лейтенанта кавалерии, который, имея слишком дорого обходившуюся ему любовницу, увяз в долгах. Ему был предоставлен большой заем, который выплачивался по

частям по мере поступления от него сведений. Когда он уже сообщил о своем полке все самое важное, а долги не уменьшались, ему без обиняков предложили работать на абвер. Он выдержал вступительные экзамены в высшее военное училище, был принят и теперь мог получать оттуда ценные сведения. Но так как жил он на слишком широкую ноту, с долгами ему разделаться не удавалось. Поскольку лучших слушателей направляли в военную академию в Париж, мы убедили его усердно заниматься, чтобы достигнуть этой цели. Он получил предписание в Париж, где ему предоставилась возможность добывать важный материал, в частности о составе французских вооруженных сил в военное время. Во время его пребывания в "Эколь суперьер" началась война, и я потерял его след.

Приведу еще один эпизод, также относящийся к деятельности подотдела в Кёльне, действовавшего через кредитное учреждение в Голландии. Его услугами пожелал воспользоваться один из мичманов французского линкора (в действительности - легкого учебного крейсера. - Ю.М.) "Жанна д'Арк", который из-за своей девицы залез в такие долги, что собственными средствами выпутаться из них не мог. Он быстро согласился на предложение совершить государственную измену и сообщал нам о своем военном корабле все, что могло нас интересовать, о документации по радиосвязи, коды, донесения о боевой подготовке, артиллерийских стрельбах, а также сведения о портах, о прибытии и выходе в море других военных судов. Но он был крайне легкомыслен, привлек к себе внимание слишком большими расходами да к тому же однажды в военной форме и с материалами самолично заявился к нам в Голландии. Примерно в конце 1938 года его арестовали и расстреляли за государственную измену".

"ЗАКАЗЧИКИ" И ДОВЕРЕННЫЕ ЛИЦА
ВЛАДЕЛЬЦЫ КОНЦЕРНОВ

Шпионско-саботажная служба вермахта пользовалась всесторонней поддержкой жаждавших экспансий германских монополистов. В бумагах пикенброковского абвера I я обнаружил просьбы о помощи и шпионские донесения "Дойче банк", "ИГ-Фарбениндустри", фирм "Карл Цейс", "Хонер" и других. Можно сказать, что эти монополии интенсивно работали рука об руку с империалистической секретной службой. Так, например, директор "Дойче банк" Герман Абс в качестве доверенного лица письменно сообщал полковнику секретной службы Пикенброку 22 марта 1943 года: "...Готов в любое время к сотрудничеству... С наилучшими приветами и "хайль Гитлер" преданный Вам Герман

Абс"6. А сам Пикенброк перед отбытием на Восточный фронт писал Абсу: "Глубокоуважаемый господин директор! Поскольку ввиду вступления в командование фронтовой частью я вскоре покидаю Берлин и прежнее место службы, испытываю внутреннюю потребность еще раз поблагодарить Вас за Ваше ценное сотрудничество... Личное и служебное сотрудничество с Вами навсегда останется для меня приятным воспоминанием. Пользуюсь случаем просить Вас таким же образом оказывать содействие моему преемнику господину подполковнику генерального штаба Ханзену. С наилучшими приветами и "хайль Гитлер" весьма преданный Вам Пикенброк".

Сколь тесно управление ОКВ "Заграница/абвер" сотрудничало с монополиями и концернами, используя их зарубежные филиалы и сеть представителей, можно продемонстрировать на примере треста "ИГ-Фарбен".

Д-р Макс Ильгнер7, бывший руководитель подрывного отделения "Бюро НВ 7" треста "ИГ-Фарбениндустри", находясь под арестом как военный преступник, заявил американским следователям Международного военного трибунала в Нюрнберге о своих "рабочих" контактах с управлением Канариса:

"Я был представлен майору Блоху - тогда, в 1931 или 1932 году, еще капитану - генеральным секретарем "Центральноевропейского экономического совета" д-ром Ханом, другом Блоха. В последующие годы я часто встречался с Блохом, главным образом на общих собраниях совета, председателем которого был барон фон Вильмовски и вице-председателем которого я стал в 1938 году ...Барон фон Вильмовски поддерживал дружеские отношения с полковником Пикенброком. Абверу, так же как и штабу военной экономики, необходимо было иметь все важные сообщения из-за границы, и он был весьма заинтересован в усилении роли экономического отдела "ИГ-Фарбен"... Информации, получаемые "ИГ-Фарбен", были столь полны, что тресту не было нужды отходить от этого источника деловой информации... Можно предположить, что экономический отдел "ИГ-Фарбен" был лучшим и всеобъемлющим в экономике Германии...

Барон фон Лерзнер еще задолго до 1933 года находился на службе "ИГ-Фарбен". Этому содействовал ныне покойный тайный советник Бош, который был с ним в хороших приятельских отношениях. Лерзнер отправился в Турцию, чтобы быть под защитой, но скорее, как я предполагаю, потому, что его близкий друг фон Папен был в Турции послом... Лерзнер за плату присылал ежемесячные доклады о настроениях в стране, и эти сообщения, насколько мне помнится, направлялись Вайцзеккеру в

министерство иностранных дел, а через него - абверу и экономическому отделу министерства. "ИГ-Фарбениндустри" получал копии.

Служащий моей организации Ёккль во время войны временно занимал командный пост в абвере. Однажды он сказал мне, что некий подполковник "отдела абвера" - фамилию его я забыл - хочет поговорить со мной насчет Португалии. Я встретился с этим человеком, хотя к Португалии не имел никакого отношения. Он хотел узнать насчет организации "ИГ-Фарбен" в Португалии...

Кюглер тоже являлся одним из служащих моей организации, а позже связником "ИГ-Фарбениндустри" в Бухаресте. Во время войны был мобилизован и откомандирован в отделение абвера. Однако позднее он временно освобождался от военной службы и таким образом постоянно находился в моем распоряжении, когда по каким-либо делам я бывал в Бухаресте. Однажды он попросил меня об отпуске, и поскольку отправился в Турцию, ему пришлось впервые признать, что в Турции он должен выполнить особое задание абвера"8.

После Второй мировой войны значительная часть секретных архивов треста "ИГ-Фарбен" оказалась доступной, среди них и документальные записи бывшего председателя правления и директора принадлежавших этой монополии предприятий "Агфа" "вервиртшафтсфюрера" д-ра Фрица Гайевски9.

"В ходе реорганизации работы абвера внутри "ИГ-Фарбен" ОКВ в конце прошлого года назначило господина директора заводов "Лёйна" д-ра Шнайдера главным уполномоченным абвера в "ИГ-Фарбен". Далее ОКВ с согласия д-ра Шнайдера назначило господина д-ра фон дер Хейде (по торговому сектору) и господина д-ра Дикмана (по техническому сектору) заместителями главного уполномоченного абвера.

Для выполнения текущих задач главного уполномоченного абвера в Берлине в рамках предприятия НВ 7 было создано бюро, возглавляемое вышеназванными заместителями".

Насколько отлаженной была система шпионажа, порожденная общими интересами наиболее экспансионистского германского монополистического капитала и агрессивного Верховного главнокомандования вермахта, можно показать на примере протокола одного из конспиративных заседаний, состоявшегося незадолго до нападения на СССР.

"Секретно!

1. Настоящий документ является государственной тайной согласно 88 имперского уголовного кодекса.

2. Дальнейшая передача документа - только в запечатанном виде, с пометкой "До востребования".

3. Хранить под ответственность получателя под замком.

20 мая 1941 г.

30 экземпляров

№ 24

Отчет о заседании

Обсуждение во Франкфурте-на-Майне 2.05.1941

По вопросу: сотрудничество между абв[ером] I эк[ономика] и ИГ.

I. Вступительное слово д-ра Шнайдера.

II. Доклад майора д-ра Блоха.

III. Доклад д-ра фон дер Хейде.

IV. Обсуждение.

Заседание открыл д-р Шнайдер. Майор д-р Блох от имени господина адмирала Канариса и господина полковника Пикенброка поблагодарил ИГ за ценное сотрудничество и помощь службе зарубежной разведки в военно-экономической и хозяйственной областях. Он указал на ближайшие и предстоящие актуальные задачи в этих областях и просил ИГ продолжать и дальше оказывать поддержку в данном направлении. Первоочередная задача, сказал он, обработка следующих стран: Брит[анская] империя, США, СССР.

Д-р фон Хейде подробно осветил в докладе, в какой форме осуществлялось до сих пор сотрудничество ИГ с абвером, как на основе опыта эта работа систематически и целесообразно должна вестись в будущем. Он подчеркнул, что главная цель совещания - договориться о как можно более рациональном и отвечающем цели перспективном сотрудничестве. Он разъяснил, почему именно теперь, во время войны, необходимо активизировать такую задачу на будущее, и подчеркнул, что сотрудничество между абвером и ИГ, как и вообще всей германской экономикой, ни в коем случае не должно быть прекращено по окончании войны, а, наоборот, вся германская экономика после выигранной войны должна быть привлечена к нему и еще более планомерно, чем до сих пор, включена в совместную работу в области службы зарубежной разведки, касающейся экономических (военно-экономических) вопросов. В будущем должно стать правилом: ни одной зарубежной поездки, ни одного пребывания за границей, ни одного посещения другой страны, ни одного отчета из-за границы, ни одного обмена сведениями и опытом с заграницей без мысли о том, заинтересует ли это абв[ер] I..."

Далее в протоколе говорится о связи с доверенными лицами за границей, о предоставлении представителями "ИГ-Фарбен" за рубежом своих докладов абверу I, об использовании последним этих материалов и о строгом соблюдении секретности.

При этом не следует упускать из виду, что трест "ИГ-Фарбен" являлся лишь одним - пусть и весьма интенсивным - источником шпионских сведений для ОКВ. Нараставший поток шпионских данных устремлялся в ОКВ из тысяч концернов и фирм, административных учреждений и бюро нацистской партии. В ведомстве адмирала Канариса он задерживался, а затем направлялся по соответствующим политическим и военным каналам.

Но почитаем, что пишет далее Пикенброк.

"При решении многих задач, которые стояли перед отделом абвера I, приходилось сначала обдумывать возможности добыть требуемые сведения из различных источников в собственной стране без помощи агентурной сети...

Например, перед началом наступления на Францию потребовались данные о канале Альберта в Бельгии (начертание, береговая растительность, глубина, мосты, места для взрывов). Они были получены от германских фирм, которые в порядке репарационных обязательств строили канал после 1918 года Одновременно потребовались сведения о крупном люксембургском металлургическом заводе, так как он должен быть пущен в ход немедленно после захвата, а можно было предполагать, что дирекция сбежит во Францию вместе с необходимыми материалами. Эти материалы мы тоже получили от одной из германских фирм, которая строила данное предприятие. Для картотеки объектов нападения зачастую использовались материалы германских страховых фирм...

Во многих случаях германские промышленные руководители, благодаря переплетению своих отраслей, поездкам во вражеские страны и точному знанию специальной литературы, имели полное представление о машинном парке, мощности предприятий, числе занятых рабочих, возможностях перебазирования и наиболее перспективном задействовании агентов. Они могли указать абверу II предприятия и звенья промышленности, на которых возможно было организовать саботаж и таким образом парализовать их.

В каждом отдельном случае приходилось специально продумывать задание и снаряжение агентов. Если в мирное время в западных странах благодаря довольно свободному передвижению через границу особых трудностей не возникало, то во время войны, особенно против Англии и США, вследствие их изолированного положения это было очень важно".

Далее Пикенброк рассказал, как абвер I оплачивал своих агентов:

"Давать агенту крупную сумму на длительное время было в

большинстве случаев нецелесообразно, поскольку возникала опасность, что он начнет сразу тратить деньги и этим выдаст себя. Однако засылаемым за океан сотрудникам и хорошо зарекомендовавшим себя агентам мы все же выдавали деньги на длительный срок. Агентам, выезжавшим из Португалии в Америку, мы давали и бриллианты, тем самым обеспечивая им прикрытие и долгожительство в США. Этим экономилась валюта".

ТЕХНИКА ШПИОНАЖА

Фашистская секретная служба использовала в шпионаже самые последние по тому времени достижения техники. Пикенброк писал об этом:

"Разведывание и передачу добытых данных мы вели следующими новыми методами:

а) Против Чехословакии, Польши, Франции, Англии и России применялись самолеты для воздушной разведки и аэрофотосъемки с больших высот. Поскольку в мирное время это было нарушением нейтралитета, самолеты поднимались на высоту 13 000 м, оттуда их не видно и не слышно. Но с такой высоты они могли вести разведку только при хорошей погоде. В их задачу входило установление местонахождения укреплений, аэродромов, наличия на них самолетов, фотографирование их, а также передача сведений люфтваффе для картотеки объектов. Результаты были весьма хорошими, мы экономили агентуру и получали достаточно материала для ее дальнейшей работы10. Нам не было известно об опознании наших самолетов. Согласно договоренности с генеральным штабом ВВС эскадрилья "Ровель" с началом войны подлежала передаче люфтваффе. Эскадрилья "Гартенфельд", которая во время войны использовалась для заброски агентов в Россию, была сформирована из эскадрильи "Ровель".

б) В Гибралтарском проливе с целью фиксирования прохода военных кораблей и конвоев была установлена специальная фотоаппаратура. Благодаря ей из Гибралтара можно было, к примеру, установить прохождение 10 грузовых судов в сопровождении шести кораблей, следующих курсом на восток. Если же затем ночью фотоаппаратурой фиксировался проход через пролив 16 судов с востока на запад, это означало, что караван с наступлением темноты возвращался в Атлантику. Тогда по радио об этом уведомлялись командование военно-морского флота и база подводных лодок в Бордо. Подобные фотоустановки военно-морской флот имел и на побережье Ла-Манша.

в) При фотосъемках в туманную погоду и невидимых сквозь маскировочные сети пограничных укреплений использовали ультракрасные лучи.

г) Отделение абвера при "ИГ-Фарбен" сконструировало аппарат для микрофотографирования: документы, чертежи, отдельные участки карт могли быть уменьшены от размера листа блокнота до машинописной точки, а затем читались при помощи микроскопа или увеличивались фотоспособом. Для этого требовалась мелкозернистая пленка и фотобумага. Этот прибор применялся для передачи заданий агентам. Чтобы обосновать наличие микроскопа у агента, он должен был выдавать себя, например, за коллекционера марок, врача, химика, специалиста по текстилю и т. п.

д) На швейцарской и голландской границах абвер еще в довоенное время установил аппаратуру оптической связи для бесшумной передачи разведданных. Этот прибор передавал звуки голоса на любое расстояние при помощи невидимых невооруженным глазом световых лучей. Однако между передающим и принимающим аппаратом не должно было быть никаких препятствий, а также изменений рельефа местности.

е) В 1936 году вдоль Одера создавалась так называемая внутренняя агентурная сеть. При тогдашнем плохом состоянии вермахта приходилось считаться с тем, что в случае войны с Францией и Польшей часть территории на востоке Германии придется сдать и удерживать линию по Одеру. На этот случай были завербованы и обучены на территории примерно в километрах 6-10 восточнее Одера радиоагенты - невоеннообязанные немцы, которые при возникновении там позиционной войны должны были передавать сообщения. Соответственно этой внутренней сети с 1937 года во Франции нами создавалась западнее "линии Мажино" заграничная агентурная сеть, которая должна была состоять из освобожденных от военной службы французов.

От этих радистов мы получали необходимые для нас данные в период с начала войны в 1939 году до мая 1940 года (до наступления на Францию). Остальные же агенты были либо принудительно эвакуированы, либо сбежали".

"НАИБОЛЕЕ ЦЕНЕН" ОПРОС АГЕНТОВ

И наконец, обязанностью абвера I был постоянный сбор шпионских данных с целью использования их для планирования особо важных агрессивных актов. Пикенброк резюмировал это так:

"Быстрая и надежная передача установленных агентами фактов. Самое важное донесение на войне не имеет никакой ценности, если получено слишком поздно.

Самые лучшие и быстро действующие средства - телефон, телеграф и радио, но во время войны первые два отпадают. При

пользовании всеми тремя способами необходимы коды, шифры или другие средства маскировки сообщений. "Маленькие" люди за границей обычно не могли ни вести международные телефонные разговоры, ни посылать международные телеграммы, а для радиосвязи необходимо длительное обучение; к тому же наличие рации делало ее владельца уязвимым, поскольку служило непреложным доказательством его агентурной деятельности. Поэтому многие агенты не хотели пользоваться этим средством. У нас уже был положительный опыт использования симпатических чернил. С помощью научных сотрудников отделение абвера при "ИГ-Фарбен" изготовило для нас чернила для тайнописи. Они не реагировали ни на йод, ни на подогревание и состояли из таких компонентов, которые можно было приобрести в любой аптеке. Донесения из Англии поступали к нам в Португалию, несмотря на следы химической обработки, неповрежденными. О применении личных кодов в телеграммах или письмах во время войны не могло быть и речи, поскольку почти все страны запрещали пользование кодами. Необходимо было придумать вместе с агентом такой код, который имитировал бы открытый текст: например, в счетах, калькуляциях, деловых отчетах.

Но наиболее ценным был устный опрос агентов. При этом в большинстве случаев удавалось установить, сообщает агент о действительных фактах или нет, и, кроме того, сразу дать дальнейшие задания и инструкции".

АГЕНТЫ АБВЕРА ВО ФРАНЦИИ

Среди стран, которым, по свидетельству генерал-лейтенанта Пикенброка, уже в 1936 году уделялось главное внимание абвера I, на первом месте стояла Франция. Германский империализм - уже тогда реваншизм являлся его государственной доктриной - протягивал щупальца абвера к этому западному конкуренту на мировом рынке. В этой связи Пикенброк вспоминал:

"Разведывательная служба против различных стран должна учитывать особенности этих стран. Кроме того, работа в мирное и в военное время принципиально различна. Обрисую сначала условия разведки в мирное время.

Для Франции типичен большой иностранный туризм и - как следствие легко осуществимый и не привлекающий к себе внимания въезд иностранцев. Полицейский контроль не особенно строг. Однако невыгодным для разведки являлся довольно растяжимый закон о шпионаже, по которому обвиняемый мог быть осужден только в том случае, если не докажет полностью свою безупречность. При подборе лиц для вербовки учитывалась склонность многих французов тратить деньги на женщин. Они делают долги и, не желая расставаться с любовницей, легко

попадают в руки вербовщиков. Хотя французу присуще национальное чувство, а в отношении Германии - ощущение недостаточной безопасности от нее, он склонен быть недоволным любым правительством. При поисках лиц для вербовки в качестве агентов, особенно в воинских частях, прежде всего устанавливалось, кто имеет долги...

При разведке "линии Мажино" - одной из важнейших задач в период 1936-1937 годов - нам помогло то, что французы передавали возведение целых участков оборонительных сооружений частным строительным фирмам. В результате сохранение тайны не могло быть обеспечено так, как в других странах, где строительство подобных военных объектов находилось в руках государства. В 1936 году в органы разведслужбы в Берлине явился некий французский предприниматель - владелец строительной фирмы, который подлежал во Франции аресту за низкое качество работы своей фирмы, но сбежал в Швейцарию. Он предложил нам купить у него секретные сведения о тех укреплениях, которые ему было поручено строить. Покупка состоялась. Материалы представляли для нас большой интерес".

Но случай не всегда улыбался абверу I. Тогда германские монополии без зазрения совести помогали вермахту получать шпионские данные о конкурирующих французских предприятиях, а также и о своих зарубежных деловых партнерах. Вот один из примеров. В штутгартском отделении абвера под началом Пикенброка подвизался капитан Август Хонер, выдававший себя за "господина директора", дипломированного инженера и "официального эксперта". Его агентом был не кто иной, как генеральный директор всемирно известного йенского оптического концерна "Карл Цейс" дипломированный инженер А. Коттхаус. 3 марта 1938 года он получил от Хонера задание собрать шпионские данные о ряде французских фирм и предприятий по производству оптики11.

Однако этот военный промышленный шпионаж, разумеется, не ограничивался лишь областью оптики и точной механики. Он являлся составной частью коварной подготовки всех блицкригов фашистского генерального штаба.

Обратимся вновь к запискам Пикенброка.

"С началом войны [на Западе], после того как агенты периода напряженности, разъездные агенты и опрос возвращавшихся из Франции нейтралов и немцев дали нам хорошие результаты, вдруг наступила "разведывательная пустота". Причины были различные. Во-первых, агенты стали бояться значительно ужесточенных наказаний военного времени. Они только теперь

начали по-настоящему осознавать последствия своей измены для соотечественников. Во-вторых, пограничная зона с обеих сторон "линии Мажино" была очищена от гражданского населения, а дальше в тыл было расквартировано столь много солдат, что, к примеру, владелец рации, замаскированной в каком-нибудь амбаре, не решался пользоваться ею. Поэтому прежде всего в Бельгию и Швейцарию были засланы новые агенты. Отделения абвера тоже направили своих агентов, чтобы оживить работу "стариков", заставить их вновь действовать и дать им задания. Эти агенты переходили франко-швейцарскую и франко-бельгийскую границу либо нелегально, либо на основании с трудом полученного разрешения на въезд, для чего требовались удостоверения торговой палаты и консульских органов.

Въезд в район сосредоточения и развертывания войск был особенно затруднен, поэтому генеральный штаб некоторое время не имел полного представления о размещении французских вооруженных сил. Только с конца 1939 - начала 1940 года донесения опять начали поступать регулярно.

К началу нашего наступления в мае 1940 года информация вновь стала достаточной, главным образом потому, что некоторые наши старые агенты по собственной инициативе возобновили работу и поддерживали с нами связь частично через нейтральные страны. Снова оправдало себя [заблаговременное] обучение радиоагентов пользованию симпатическими чернилами...

После заключения перемирия с Францией у абвера не было нужды что-либо скрывать от французских властей и полиции. Поэтому там действовали только те офицеры абвера, которые создавали агентурную сеть на будущее. Они были замаскированы частично под французских, частично под немецких представителей промышленных кругов или специальных корреспондентов газет...

Кроме того, во Франции была основана фирма, выпускающая брошюры и карты с описанием местности в полосе главных железных дорог. Они предназначались для продажи в вагонах-ресторанах по примеру немецких книжечек "Справа и слева от железнодорожного полотна". Существование этой фирмы давало агентам легальный предлог для поездок, запросов, фотографирования и т. п.

Для маскировки "маленьких" агентов отделения абвера находили многочисленные способы. Важно было, чтобы агент действительно хоть что-нибудь понимал в том деле, которым он для видимости занимался. Хорошо зарекомендовала себя - для разъездных агентов - профессия продавца почтовых марок, а на

Балканах - скупщика табака и шерсти".

Во время наступления на Францию в мае-июне 1940 года группы и отряды абвера были приданы группам армий.

Однако быстрый ход событий привел к тому, что высшее командование либо вообще не получало никаких разведдонесений, либо получало их слишком поздно. События постоянно опережали их. Но это не мешало германскому командованию, поскольку в результате допроса военнопленных и обработки трофейных документов оно имело достаточно ясное представление о группировке сил противника.

После окончания кампании против Франции и заключения перемирия в Париже был создан отдел абвера "Франция" с отделениями в Бордо и Дижоне, а вне Франции - в Гааге и Брюсселе12. Их задачей было вербовать агентов в оккупированной и неоккупированной частях Франции для действий против Англии и добывать данные о возможности и месте высадки английских войск во Франции или в Африке. Контроль за разоружением Франции в задачу абвера не входил. Для этого предназначались комиссия по перемирию и ее органы. Глава германской комиссии по перемирию во Французском Марокко заверил местного губернатора в том, что германская разведывательная служба действовать там не будет. Но поскольку сведения о намерениях англичан совершить высадку десанта были необходимы, Канарис добился разрешения вести разведку в этой стране, оговорив, что она не будет направлена против французских войск в Марокко.

С главой французской разведывательной службы контр-адмиралом (фамилию я забыл) Канарис встретился один раз в моем присутствии в начале 1942 года в Париже. Канарис спросил начальника 2-го бюро, готов ли тот послать своих агентов для установления подготовки высадки англо-американских войск. Канарис полагал, что широкие круги Франции теперь враждебно настроены к англичанам, поскольку английская поддержка в 1940 году оказалась незначительной, и что части французов нежелательно, чтобы Франция снова стала театром военных действий и подверглась еще большим разрушениям. Французский контр-адмирал предложение не отклонил, но сделал ряд отговорок, явно имевших целью отвлечь внимание, и отбыл в Виши с заверением, что "попробует получить сведения об этом, а затем сразу же передаст их отделению абвера во Франции".

В заключение нельзя не упомянуть о том, что Франция - несмотря на нынешнее партнерство по НАТО с ФРГ - уже давно служит объектом разведки со стороны Федеральной секретной службы, которая хранит традиции абвера13.

ШПИОНЫ ПРОСАЧИВАЮТСЯ В АНГЛИЮ

Кроме Франции фашистская секретная служба - управление ОКВ "Заграница/абвер" - еще с середины 30-х годов концентрировала свои усилия и на других странах Западной Европы, в особенности на Великобритании. Бывший начальник абвера I генерал-лейтенант Ганс Пикенброк так писал об этом в своих показаниях:

"Разведывательная деятельность против Англии затруднялась ее островным положением и обусловленным этим весьма сложным пограничным сообщением. В результате Германия не имела в Англии даже приблизительно такого числа агентов, как во Франции. Другая трудность состояла в том, что англичанин, к какому бы слою населения он ни принадлежал, обладает ярко выраженным национальным чувством и взирает на все другие страны с высокомерием и презрением; он, особенно офицер или чиновник, ведет солидный образ жизни, бережлив, мало склонен к порокам. Все это мешает вербовке агентов.

Мне известен один случай, когда английский офицер согласился на шпионскую деятельность в пользу Германии. Этот офицер в 1935 году побывал в Германии во время отпуска и влюбился в женщину, которая сумела запутать его и заставить выдать служебные секреты. Но сразу же после начала работы в качестве шпиона он был арестован и приговорен к нескольким годам каторги или тюрьмы. Процесс этот вызвал в свое время в Англии большую сенсацию. Так как англичане убеждены в том, что едва ли кто-либо из них пойдет на измену своей стране, к сохранению тайны они относятся недостаточно серьезно, а потому в клубах, в кругу деловых людей и технического персонала с легкостью говорят о вещах, которые содержат секретные сведения и о которых в других странах никто распространяться не станет. Поэтому "салонный шпионаж", от которого в других странах много не получишь, в Англии еще сулит успех. Во время судетских и чехословацких событий всего лишь несколько доверенных лиц [абвера], давно уже вращавшихся в английских клубах, смогли сделать донесения о том, что никаких серьезных мер по проведению мобилизации не принято...

Английская Интеллидженс сервис пользовалась в мире весьма хорошей репутацией. Канарис же придерживался мнения, что английская разведка успешно работает только в экономической и политической областях, тогда как в военной она значительно уступает разведкам Франции, России, Японии, Италии или Польши. Он объяснял это тем, что поскольку Интеллидженс сервис ставила перед своими агентами, широко

проникшими во многие страны мира, одновременно задачи как военного, так и экономического и политического характера, то в военной области агенты эти являлись дилетантами. Но ни одна секретная служба не располагала столь многими значительными лицами из мира политики и экономики...

Англией в первую очередь интересовались люфтваффе. Им необходимо было иметь все данные об английских военно-воздушных силах, новых конструкциях самолетов, военной и самолетостроительной промышленности. В период германских воздушных налетов на Англию их интересовали прежде всего фактический ущерб, нанесенный бомбежками, продолжительность простоя предприятий, пострадавших от налетов, и как следствие наличие "узких мест", например нехватка определенных запчастей для самолетов, танков, машин и т. п.

Военно-морской флот Германии был заинтересован в сведениях о местонахождении и выходе в море крупных боевых кораблей, а также о времени и маршрутах конвоев.

Командование сухопутных войск интересовали новые формирования, береговые укрепления непосредственно перед осуществлением операции "Морской лев"*, а позже - английские приготовления к высадке на [Европейском] континенте.

* Кодовое наименование планировавшейся, но неосуществленной высадки германских войск на побережье Англии.

С началом войны продолжали действовать оставшиеся от агентурной сети мирного времена связи с английскими инженерами, техниками и предпринимателями авиационной промышленности. Разведывательная информация маскировалась под деловую переписку. С этой целью она наносилась тайнописью и в виде почтовой корреспонденции пересылалась сначала через Копенгаген, затем через Португалию.

Созданное для агентов [абвера] прикрытие в виде занятий какой-либо деятельностью в большинстве случаев оказывалось в военное время недостаточным для въезда в страну. Следовало поэтому вербовать агентов из лиц, действительно имевших возможность въезда в Англию. Если они прибывали из Северной или Южной Америки, то действовать им было легче, так как, с точки зрения англичан, весь европейский континент был "небезупречным"...

О предстоящей высадке англо-американских войск в Европе или Африке задолго до состоявшейся в действительности высадки в Касабланке передавались многочисленные, большей частью вводящие в заблуждение сообщения, так как из Англии

шла - несомненно, направляемая из единого центра - дезинформация через посольства, консульства, деловых людей и как результат "продолжения игры" с арестованными агентами. О высадке в Касабланке с указанием места и времени сообщила наша агентура, действовавшая в Португалии, но эта информация, полученная в потоке фальшивых сообщений, не была правильно оценена в ОКВ...

Генеральный штаб люфтваффе особенно интересовался прогнозами погоды в отношении территорий северо-западного направления, т. е. Англии, Канады, Соединенных Штатов, Гренландии, Исландии. В связи с этим каждый действовавший в Англии агент, если он мог делать это без риска для себя, обязан был ежедневно передавать по радио метеосводку. Со вступлением в войну США официальные американские сообщения о погоде прекратились. Чтобы восполнить их, в Норвегии были завербованы агенты. В открытом море на рыбацких шхунах они соорудили метеостанции в восточной части Гренландии и у северной оконечности Шпицбергена на вмерзшем в лед судне. Однако метеостанция в Гренландии проработала недолго, так как была обнаружена американской полицией.

Примером успешной деятельности агентуры против Англии являются действия агента абвера I Фидрмука, бывшего гражданина Чехословакии, офицера запаса. В мирное время он был сотрудником технических журналов по вопросам авиационной промышленности, преимущественно английских, благодаря чему приобрел связи с авторами специальных статей, инженерами и представителями авиационных фирм. Еще в мирное время он передавал ценные сведения, причем эти люди посылали ему за плату сообщения, якобы необходимые ему для правильного понимания статей. (Со временем, особенно когда перед войной мы договорились с ними о применении симпатических чернил и кода, они, разумеется, вполне осознали, что их действия носят характер государственной измены). С началом войны С.Н.В. был переведен из Гамбурга в Копенгаген, поскольку жена его была датчанка, и продолжал работу там. После захвата Дании Германией возможностей сношений с Англией из Копенгагена не стало. Для агента была создана специальная импортно-экспортная фирма в Португалии, которая поставляла в Германию сардины и смолы, а обратно - машины и другие товары. При этом действительно совершались крупные торговые сделки и производились значительные поставки. Маскировка хорошо функционировала несколько лет, перед моим уходом из абвера в марте 1943 года не было никаких признаков того, что англичане, Сикрет сервис которых действовала в

Португалии весьма интенсивно, заинтересовались С.Н.В.

Донесения, передаваемые Фидрмуком, относительно развития английских военно-воздушных сил, о новых конструкциях самолетов, об английской военной промышленности, о положении с сырьем, об американских поставках и воздействии воздушных налетов на английские предприятия весьма высоко расценивались генеральным штабом люфтваффе. Геринг как-то сказал начальнику отдела "Иностранные ВВС", что никогда бы не подумал, что разведслужбе удастся во время войны добывать столь ценные и обширные сведения об Англии. С.Н.В. жил в Португалии в Эшториле, неподалеку от Лиссабона, и имел фирму в самом Лиссабоне...

Поначалу агенты-парашютисты, сброшенные над Англией, терпели провал, так как мы не предусмотрели некоторые обстоятельства: усиленную охрану английских дорог и тщательный допрос, которому подвергался чужой для данной местности человек. После первых провалов, о которых мы узнали из английских газет, стали проявлять большую осторожность.

Для успешных действий в Англии от агента безоговорочно требовалось: безупречное владение английским языком, т. е. абсолютное знание местного диалекта и местных оборотов речи и выражений, широко распространенных в той стране сокращений, безукоризненность купленной в Англии одежды и содержимого карманов вплоть до мелочей, наличие при себе писем, любительских фотографий членов семьи, дома во время последнего отпуска, уик-энда; с этими фотографиями должна была совпадать легенда: рассказ о том, откуда агент родом и куда направляется. Лишь только что-нибудь вызывало подозрения, агента спрашивали, где он провел последнюю ночь или где последнее время служил, - и могло быть так, что все "здание" моментально рушилось. Далее, агент должен был иметь самую последнюю серию продовольственных карточек, талонов на одежду, разрешение покинуть свое рабочее место. В связи с тем, что цвет продовольственных карточек менялся очень часто, приобретение их было делом особенно трудным, так как при въезде в Англию каждый был обязан сдать старые карточки. Перспективу проработать в Англии длительный срок имел лишь тот агент, который уже прожил там сравнительно долгое время. Мне вспоминается один агент-парашютист, который с 1940 года и вплоть до моего ухода из абвера радировал из Лондона. У него там была подружка сомнительной профессии, с которой он жил прежде и о которой знал, что она без лишних слов примет его снова и спрячет.

Далее. Агенты высаживались близ берегов Англии с

подводных лодок и с вышедших из Голландии или Бельгии рыбацких судов. Высадка с подлодки была не совсем удачным методом, потому что агенту нельзя было взять с собой рацию, а также потому, что [английское] побережье очень строго охранялось...

Разрешений на въезд в Англию получать обычным способом не удавалось. Приходилось обращаться к тем, кто уже имел разрешение. За все время службы, мне помнится, такое было раза два-три: лица, направлявшиеся из Аргентины в Англию по делам, были вынуждены работать на нас. Сведения, правда, черпались ими из клубных разговоров или были общего экономического характера...

Из Голландии и Бельгии агенты доставлялись в Англию на мелких судах обычно двумя способами. Один из них был такой: с небольшого, но пригодного к дальнему плаванию судна с немецкой, голландской или бельгийской командой надлежало высадить агента с рацией ночью в укромном месте побережья, после чего судно с командой возвращалось. Затем агенты, скрываясь от береговой охраны, перед рассветом прятали рацию, чтобы потом забрать ее, если им удавалось пройти через все препоны. Эти люди имели в Англии хороших друзей, в помощи которых были уверены. Поскольку у них были подлинные или искусно подделанные удостоверения английских фирм как доказательство их беспрерывной работы в Англии, им, казалось бы, не составляло труда найти себе занятие. Но о судьбе большинства этих агентов мы ничего не слышали: то ли они не решались достать из укрытия свою рацию, то ли были арестованы или же просто не захотели больше работать на нас.

Второй способ состоял в том, что агентов переправляли в Англию вместе с нелегальными беженцами. Суда с беженцами тайно уходили из Голландии, открыто причаливали в Англии и ночью возвращались домой. Германская полиция, зафиксировавшая эти контрабандные перевозки людей, в двух-трех случаях в интересах абвера I молчаливо пропустила их. Агенты, переправлявшиеся на этих судах, должны были обратиться в Англии к властям, сочинив какую-либо версию, например о том, что один из них подрался с военнослужащим вермахта или с полицейским и потому не чувствовал себя больше в безопасности на континенте. Затем они должны были поступить в Англии на работу; их бумаги, естественно, были подготовлены таким образом, чтобы они попали на интересующее абвер предприятие. Но от людей этого сорта не приходилось ждать, что они приступят к своей агентурной деятельности раньше чем через два года. Они должны были сначала использовать своих старых

или новых "знакомых".

С ПРИЦЕЛОМ НА БУДУЩЕЕ

Германский империализм никогда не отказывался от агентурной деятельности против Англии и Франции; он продолжает ее и ныне. Партнерство по НАТО ему отнюдь не преграда14. Эти реакционные силы могут опираться на "старые" связи, т. е. предусмотрительно созданные во время Второй мировой войны агентурную сеть и контакты доверенных лиц. В этой связи имеют значение зафиксированные на бумаге высказывания генерал-лейтенанта Пикенброка:

"Много труда и хлопот требовало создание агентам во вражеской стране соответствующей маскировки, т. е. обеспечение им такого занятия, которое бы оправдывало их пребывание в данном месте, их жизненный уровень и материальное положение и отвечало их расходам. Вымышленная или слабо выраженная деятельность не служила, особенно во время войны, достаточным прикрытием. Именно поэтому мы часто создавали для резидентов во Франции мелкие лавочки, табачные и газетные киоски, так как в этих заведениях они могли принимать своих помощников и выплачивать им деньги. Или агенты получали небольшие представительства фирм в определенных округах, что давало им основание для поездок и посещений мелких населенных пунктов. Этот метод применялся поблизости от "линии Мажино" и вообще вблизи пограничных гарнизонов и укреплений.

Офицеры и сотрудники абвера должны были иметь прикрытие и в нейтральных странах, ибо иначе они привлекали к себе внимание контрразведки и не получали разрешения на пребывание в данной стране. Офицеры абвера маскировались почти исключительно под сотрудников дипломатического представительства в данной стране15, чего мы никогда не делали в отношении агентов в штатском. Последним мы открывали торговые и хозяйственные предприятия; так, для одного сотрудника, Ино Ролланда, в Буэнос-Айресе была создана фирма-прикрытие, которая еще в мирное время вела в Аргентине импортно-экспортные дела и давала такую прибыль, что денег агенту вполне хватало. Этот сотрудник и во время войны получал от нее капитал, достаточный для ведения агентурной деятельности. При создании таких фирм приходилось вести переговоры с высшими экономическими органами, чтобы получать контингенты импортных товаров. Учитывая концентрацию германской внешней торговли перед войной и особенно во время войны, надо было позаботиться, чтобы создание таких фирм не бросалось в глаза и имело экономическое обоснование.

Далее. Во Франции были взяты на заметку исследователи, работавшие над конструированием новейших видов оружия. Здесь имелась в виду и работа над проблемами и средствами, которые в данный момент еще не представляли собой оружия, но в дальнейшем могли оказать решающее влияние на исход войны, например проблемой изучения лучей, расщепления атома. Поиски этих исследователей я возглавил незадолго до моего ухода из абвера. Целью было установить, во-первых, насколько продвинулись вперед французы в изучении этих проблем, во-вторых, в какой степени они сотрудничают в этом с американцами или англичанами и какие сведения они могли иметь о нынешнем уровне этих работ в других странах. Материалы должны были затем служить и для действий агентов в Англии".

БЕСПЕЧНЫЕ ШПИОНЫ В США

1941 год вновь показал всю безмерность агрессивной политики германского фашизма. В середине года гитлеровская Германия совершила нападение на Советский Союз, исходя из совершенно нереального предположения, что в ходе блицкрига сможет победить, захватить и затем подвергнуть нещадной эксплуатации эту страну. В начале декабря 1941 года фашистские ударные клинья потерпели под Москвой первое сокрушительное поражение. Они были отброшены от советской столицы на расстояние до 250 километров, их ударная сила была поколеблена.

Именно в этой ситуации гитлеровская Германия 11 декабря подписала договор с Италией и Японией о ведении войны также и против США. Среди тех, кто совершенно неверно оценивал реальное соотношение сил на мировой арене, кто в угаре прежних побед крайне переоценивал военные потенции агрессивной военной "оси" Берлин - Рим - Токио, находилась и руководящая группа управления ОКВ "Заграница/абвер". Она - хотя и с различной интенсивностью вела подготовку агрессии как против СССР, так и против США.

Пикенброк пишет об этом:

"В довоенное время работать против Соединенных Штатов было легко. Их армия и военно-морской флот нас не интересовали, так как их численность, дислокация, а также тактические и оперативные установки не представляли тайны. Главное внимание органов абвера было направлено на разведку конструкций и проектов самолетов, мощности и возможности перестройки на военный лад военной промышленности. В этом отношении американские инстанции и промышленные фирмы были откровенны.

Мы выбирали различные способы проникновения в среду технического персонала интересующих нас заводов и конструкторских бюро. Свидетельства, дипломы и тому подобное здесь мало помогали. Надо было дать агенту время и терпеливо ждать, пока он не обратит на себя внимание прилежностью в работе. Поэтому мы разыскали в Германии хороших технических специалистов и дали им указание прибыть на авиационные заводы [США] безукоризненно одетыми, с заявлениями о приеме на работу в качестве монтажников и затем постараться зарекомендовать себя в глазах начальства. Чаще это удавалось, хорошие работники быстро выдвигались и допускались к производству секретной продукции. Если же этот путь не приводил к цели, то наши люди в большинстве случаев старались сдружиться на предприятиях с конструкторами, чертежниками, копировщиками и т. д.

С вступлением Соединенных Штатов в войну в этой стране поднялась огромная волна ненависти к немцам, заподозренным в шпионаже. Если прежде полиция ничем не давала о себе знать, то теперь пришлось констатировать, что она, оказывается, давно наблюдала за ними и засекла рации агентов. Сами агенты вели себя легкомысленно, и после провала многих из них пришлось создавать новую сеть.

Заброска агентов из Европы была слишком дорогостоящей и требовала много времени, так как использование самолетов исключалось, а места причаливания судов надо было определять заранее. Как правило, агенты переправлялись транзитом через Аргентину или Бразилию. Провоз рации был связан с трудностями, но выход был найден: рацию прятали в имущество, якобы перевозимое агентом, например встраивали ее в холодильник или в другие предметы домашнего обихода. Поскольку система пеленгации в США была совершеннее, чем в европейских странах, необходимо было сохранять большую осторожность. Места радиосеансов часто менялись, или передачи велись с дальних ферм. Радиограммы приходилось передавать нерегулярно и кратко.

Для того чтобы получить въездные визы в США, а также в Бразилию, Аргентину или Мексику, агенту надо было иметь доказательство безупречности его занятия.

Было и так: восемь агентов абвера II, высаженных на американское побережье с подводной лодки, сразу же арестовали, а затем шестерых приговорили к смертной казни.

Результаты работы против США во время войны были удовлетворительными только в области военной экономики.

Офицер абвера должен был хорошо разбираться в людях,

чтобы суметь определить, правильно ли действует агент. На расстоянии это сделать было трудно, так как агент, засланный далеко, например в Америку, был предоставлен самому себе и нуждался в большом количестве денег...

Вообще использование агентов против США во время войны требовало тщательной подготовки, так как оно было постоянно связано со значительным расходом валюты...

После вступления США в войну лица немецкого происхождения, естественно, вообще не могли направляться в Америку официально: представители всех стран, находившихся под германской оккупацией, вызывали большое подозрение. Поэтому агенты выдавали себя за бразильцев, аргентинцев или мексиканцев, если имели на руках паспорта этих стран и убедительные доказательства рода занятий в этих странах. Из Мексики, например, агенты должны были переходить границу с американскими паспортами нелегально".

С ОСЕНИ 1940 года ЦЕНТР ТЯЖЕСТИ - "БАРБАРОССА"

Почти за год до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз нацистские подрывные органы сконцентрировали свои усилия на "скрытой войне" против него. Пикенброк уже с середины 30-х годов, заключив тайное соглашение с руководителями военных секретных служб Австрии и Венгрии, систематически пытался насадить агентов абвера в Советском Союзе. Ситуацию 1940-1941 годов Пикенброк обобщил так:

"С августа - сентября 1940 года отдел "Иностранные армии Востока" генерального штаба сухопутных войск значительно умножил задания абверу, касающиеся СССР. Вне всякого сомнения, они находились во взаимосвязи с подготовкой войны против России. Более точно о дате германского нападения я узнал в январе 1941 года от Канариса. Какими источниками пользовался при этом Канарис, я не знаю, но мне он сказал, что нападение на Советский Союз назначено на 15 мая... В марте 1941 года я присутствовал при разговоре Канариса с начальником абвера II полковником Лахузеном. Речь шла о подготовительных мероприятиях по осуществлению плана нападения. В беседе затрагивались вопросы уточнения заданий абверу в отношении Советского Союза, в частности анализа всех материалов о Красной Армии, а также уточнения данных о дислокации советских войск в период подготовки нападения на Советский Союз... Кроме того, всем отделениям абвера, занимавшимся шпионажем против России, было дано указание усилить агентурные действия против Советского Союза. Соответствующее задание об активизации агентурной работы против СССР было дано всеми разведывательными инстанциями соответствующим

армиям и группам армий. С целью обеспечения успешного руководства всеми фронтовыми органами абвера 1 мая 1941 года был создан специальный разведывательный штаб под кодовым наименованием "Валли I". Этот штаб располагался вблизи Варшавы, в Сулеювеке. Майор Баум (правильно: Баун, впоследствии подполковник. - Ю.М.), как лучший знаток России, был назначен начальником штаба "Валли I". Позже, когда по нашему примеру абвер II и абвер III тоже организовали свои собственные штабы "Валли II" и "Валли III", этот орган в целом стал именоваться "Валли" и в качестве передового штаба руководил всей абверовской службой шпионажа и диверсий против России. Во главе штаба "Валли" стоял подполковник Шмальшлегер (Г. Шмальшлегер стал полковником и пришел из абвера III. - Ю.М.)...

Из нескольких докладов полковника Лахузена Канарису, при которых я присутствовал, мне известно, что этот отдел (абвер II. - Ю.М.) провел большую работу по подготовке войны против Советского Союза. В период с февраля по май 1941 года состоялся ряд совещаний под председательством заместителя Йодля генерала Варлимонта. Совещания по вопросу о подготовке к войне против России проходили в кавалерийском училище в Крампнице. На них было принято решение об усилении дивизии "особого назначения "Бранденбург 800" и о ее распределении между частями армии"16.

ГЛАВАРЬ ДИВЕРСАНТОВ В РОЛИ СВИДЕТЕЛЯ

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками Международного военного трибунала длился уже не один день. Листок календаря показывал 30 ноября 1945 года. И вдруг произошла сенсация. Американское обвинение вызвало в трибунал в качестве свидетеля... одного из организаторов нацистских преступлении - генерал-майора гитлеровского вермахта! Он знал многие тайны и внутренние дела нацистского руководства, а также Верховного главнокомандования фашистского вермахта. Ведь сначала как крупнейший зарубежный агент управления ОКВ "Заграница/абвер", а затем как начальник отдела этого управления он многие годы ревностно служил в секретном ведомстве германского империализма.

46-летний полковник Джон Харлан Эймен - начальник следственной части, заместитель главного обвинителя от США на Нюрнбергском процессе и в то же время представитель американского обвинения - едва дождался момента, когда сможет наконец бросить на стол козырную карту.

Итак, представим себе, что находимся в зале заседаний нюрнбергского Дворца юстиции.

ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗМЕННИКА
ДО НАЧАЛЬНИКА ДИВЕРСАНТОВ

Дверь отворяется. К свидетельскому пульту подходит худой мужчина. Это - Эрвин Эдлер фон Лахузен-Вивремонт. Слышится голос председателя Международного военного трибунала лорда-судьи Лоренса, представляющего на процессе Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии: "Повторяйте за мной слова присяги:

"Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю"1. Лахузен произносит формулу присяги.

"Эймен. Где вы родились?

Лахузен. Я родился в Вене.

Эймен. Когда?

Лахузен. 25 октября 1897 года.

Эймен. Чем вы занимались с тех пор?

Лахузен. Я был профессиональным солдатом.

Эймен. Где вы учились?

Лахузен. Я учился в Австрии, в военной академии, в Терезианской военной академии в Винер-Нейштадте.

Эймен. Офицерское звание вам было присвоено тотчас же по выходе из училища?

Лахузен. В 1915 году я получил чин лейтенанта в пехоте. [...]

Эймен. В 1930 году в каком чине вы были?

Лахузен. В 1930 году я был капитаном.

Эймен. Начиная с 1930 года вы получали какое-нибудь другое специальное образование?

Лахузен. В 1930 году я попал в австрийскую военную школу, которая соответствовала военной академии в Германии, то есть получил образование офицера генерального штаба.

Эймен. Сколько времени продолжался этот период военного образования?

Лахузен. Это обучение длилось три года.

Эймен. В 1933 году в какой части вы служили?

Лахузен. В 1933 году я служил во 2-й австрийской дивизии, это была венская дивизия.

Эймен. Какого рода работу вы выполняли там?

Лахузен. Я был назначен офицером разведки (т. е. военной секретной службы Австрии. - Ю.М.). Меня подготавливали к этой службе еще во время обучения, и я был предназначен для нее.

Эймен. Вы затем получали повышение?

Лахузен. Далее я также получал нормальное продвижение, установленное в рамках австрийской армии. И примерно в 1933 году я стал майором, а затем, в 1935 году или в начале 1936 года,

был переведен в генеральный штаб, а в июне или, во всяком случае, летом 1936 года я стал подполковником австрийского генерального штаба.

Эймен. Скажите, в это время вы служили в отделе разведки, в это или примерно в это время?

Лахузен. Я попал в австрийскую службу информации. Это фактически соответствует понятию "абвер" в германских вооруженных силах. Я должен добавить, что этот "отдел информации" был организован в Австрии только в это время, то есть в 1935 году; ранее такого учреждения не существовало. Поэтому, поскольку имелось в виду вновь создать в пределах австрийской армии службу военной информации, прекратившую свое существование после краха австро-венгерской монархии в 1918 году, мне было предложено пройти соответствующее обучение и начать организовывать зарождавшийся в то время "отдел информации".

Эймен. После того как вы начали работать в отделе разведки, чем вы, собственно, занимались главным образом?

Лахузен. Моим непосредственным начальником в то время был полковник генерального штаба Беме. Начальником отдела, которому я подчинялся, начальником отдела информации, то есть человеком, от которого я получал указания и приказы, был в конечном счете начальник австрийского генерального штаба.

Эймен. ...Скажите, пожалуйста, трибуналу, в чем заключалась ваша основная деятельность после того, как вы были направлены на работу в разведку. [...]

Лахузен. После аншлюса я автоматически был передан в Верховное командование германских вооруженных сил и имел те же функции в германском абвере, начальником которого был тогда Канарис.

Эймен. Какое положение занимал адмирал Канарис?

Лахузен. Канарис был тогда начальником германской заграничной разведки. [...]

Эймен. И каковы были ваши обязанности?

Лахузен. Прежде всего я автоматически был переведен в отдел контрразведки № 1 (абвер I. - Пер.). Это тот отдел, задачей которого было получение информации, или, как это еще иначе называлось, секретная информационная служба. Я работал тогда под руководством тогдашнего начальника отдела полковника генерального штаба Пикенброка, которого я, как и Канариса, знал еще по работе в Австрии.

Эймен. Адмирал Канарис был вашим непосредственным начальником?

Лахузен. Адмирал Канарис был моим непосредственным

начальником.

Эймен. Время от времени вы действовали как его личный представитель?

Лахузен. Да, во всех тех случаях, когда его непосредственный заместитель (это был полковник Пикенброк) отсутствовал, или в тех случаях, когда Канарис по какой-либо причине считал необходимым послать меня в качестве своего заместителя.

Эймен. И в этой должности личного представителя Канариса имели ли вы какой-нибудь контакт с подсудимым Кейтелем?

Лахузен. Да. [...]

Эймен. Скажите, вы иногда посещали совещания, на которых присутствовал Гитлер?

Лахузен. Да, я участвовал на нескольких (очень немногих) заседаниях или совещаниях, на которых присутствовал и председательствовал Гитлер".

Поскольку генерал-майор Лахузен в ходе допроса его как свидетеля неоднократно пытался переложить свою вину за преступления против мира и за военные преступления на вышестоящее ОКВ или на министерство иностранных дел, он на следующий день был подвергнут перекрестному допросу доктором юриспруденции Отто Нельте - защитником начальника ОКВ генерал-фельдмаршала, главного военного преступника Вильгельма Кейтеля, и доктором юриспруденции Фрицем Заутером - защитником (до 5 января 1946 года) имперского министра иностранных дел, главного военного преступника Иоахима Риббентропа. При этом всплыли некоторые детали, заслуживающие чрезвычайного внимания. Последуем за протоколом.

Нельте. С какого времени вы знали господ Канариса и Пикенброка?

Лахузен. Канариса и Пикенброка я знал с 1937 года по моей прежней деятельности в разведывательном отделе австрийской армии.

Нельте. Существовали ли тогда между абвером, который в свое время возглавлялся адмиралом Канарисом, и вами какие-либо отношения военного характера?

Лахузен. Не только между австрийским разведывательным отделом, но и между австрийской федеральной армией и германским вермахтом существовал вполне легальный чисто военный обмен разведывательными данными, легальный в том смысле, что обмен этот и сотрудничество это в области военной разведывательной службы происходили с ведома австрийских властей. Если четко сформулировать, это было чисто военное сотрудничество, которое распространялось на обмен

материалами о граничащих с Австрией странах (т. е. Чехословакии, Венгрии, Югославии, Италии и Швейцарии. - Ю.М.).

Нельте. Могу ли я спросить, носил ли этот контакт между Канарисом и вами также и личный характер? Я весьма хотел бы установить, какую позицию занимала австрийская армия в отношении идеи аншлюса (т. е. в отношении враждебных Австрии стремлений поглощения ее гитлеровской Германией. Ю.М.).

Лахузен. Сначала о личном контакте. Этот личный контакт имел место однажды - это был первый раз, когда я, тогда австрийский офицер, увидел Канариса, и произошло это в служебном помещении федерального министерства обороны, где Канарис находился у тогдашнего начальника австрийского генерального штаба.

Председатель. Прошу вас повторить вопрос.

Нельте. Я спросил господина свидетеля, в какой мере личный контакт между господами из германского генерального штаба, соответственно - между абвером и господами из разведывательного отдела, а также соответственно между австрийским генеральным штабом, в личных связях касался идеи аншлюса.

Лахузен. Сначала никакого личного контакта не было, в том смысле, как это изложено здесь. Контакт, как он действительно установился (чему есть свидетели, причем свидетели, находящиеся в этом зале; фон Папен должен быть ориентирован в сути этого дела), имел место в один-единственный день, когда я даже ни разу не мог говорить с Канарисом один на один, а лишь в присутствии моих начальников. В данном случае обсуждались вопросы аншлюса или политические вопросы, затрагивавшие внутриавстрийские проблемы. Но не мною и не Канарисом, сознательно само собою разумеется.

Заутер. Но вы, господин свидетель, в 1938 году, после нападения Гитлера на Австрию, добивались того, чтобы быть переведенным Гитлером в германский вермахт.

Лахузен. Я этого не добивался. Мне нечего было этого добиваться. Повсюду, где бы я ни служил, моя деловая деятельность была известна. Я был в этом деле не чужой. С ведома австрийского правительства, а также, в ограниченном смысле, с ведома германских инстанций, то есть известных лиц, я в интересах австрийского правительства имел в четко ограниченных рамках дело с теми вещами, которые выходили за пределы внутриавстрийской политики. Точно так же как я сотрудничал с вермахтом, я сотрудничал с итальянским (т. е. с фашистским правительством Муссолини. - Ю.М.) и венгерским правительствами, причем с ведома австрийского правительства. Это все вещи, относящиеся к политике, которая в мою компетенцию не входила.

Заутер. Но я полагаю, что ваша память вас обманывает, ибо сразу же непосредственно после вторжения Гитлера в Чехословакию вы ведь были в Берлине в генеральном штабе и добивались в генеральном штабе, что вы, однако, отрицаете, получения должности в германской армии. Вы тогда заполнили анкету, в которой собственной подписью заявили о вашей полной преданности великогерманскому рейху и Адольфу Гитлеру, а спустя некоторое время принесли присягу на верность Адольфу Гитлеру.

Лахузен. Само собою разумеется, я поступил точно так же, как поступали все другие, которые в этом положении и в этой должности были переведены из одного органа в другой.

Заутер. Прежде вы сказали, что не ходатайствовали об этом; я же информирован о том, что вы в сопровождении двух или трех других офицеров первым из всей австрийской армии поехали в Берлин и просили начальника генерального штаба Бека перевести вас в германскую армию.

Лахузен. Я очень рад, что вы затронули эту тему, особенно потому, что мне позволено вполне четко обрисовать мою должность. У меня не было необходимости как-либо ходатайствовать о своей будущей должности в германском вермахте. Я был известен с деловой точки зрения своей военной деятельностью, точно так же как был известен австрийский военный атташе в той стране, в которой он аккредитован. Кроме того, я могу без околичностей объяснить, почему я так быстро выдвинулся. Я уже сказал, что моя деятельность в отношении сотрудничества, которая определялась не мной, а вышестоящими австрийскими инстанциями, заключалась в сотрудничестве австрийской секретной службы с другими государствами. Тогда она была направлена против одной соседней страны - Чехословакии, и Чехословакия, хотел бы я подчеркнуть, была первой на очереди после Австрии. Поэтому само собою разумеется, что мой будущий начальник Канарис, который знал меня по моей прежней должности, с деловой точки зрения был весьма заинтересован в моем переходе в его управление. Он приложил к этому усилия, а кроме того, и генерал-полковник Бек".

Постепенно, несмотря на все увертки Лахузена, проявлялась его зловещая суть. Он был фаворитом нацистской иерархии. Как бывший кадровый офицер австрийской королевско-императорской* армии, он в таком лоскутном многонациональном государстве, каким была австро-венгерская монархия до конца Первой мировой войны, приобрел немалый опыт натравливания одной нации на другую. В течение столетий господствующая феодальная каста, к которой принадлежал и Лахузен, извлекала политический капитал из принципа "разделяй и властвуй". К этому добавлялись профессиональные шпионские знания Лахузена в отношении Чехословацкой Республики, Венгрии и Балканских стран. В австрийской федеральной армии он был высшим офицером секретной службы. Без всяких угрызений совести он нарушил присягу своему отечеству и стал верно служить вермахту. Лахузен стал, таким образом, одним из тех первых изменников, которые подрывали силу сопротивления и готовность австрийской армии к обороне и тем обеспечили гитлеровской военной машине беспрепятственное вторжение в Австрию.

Ничего удивительного, что ОКВ в 1938-1943 годах поставило под начало именно Лахузена отдел абвер II, занимавшийся диверсиями, саботажем и "народной борьбой". В этой должности бывший агент дослужился в 1941 году до чина полковника генерального штаба и получил сравнительно редкий орден "Золотой германский крест". После одногодичного пребывания на фронте с 41-м егерским полком, воевавшим против Красной Армии, Лахузен в декабре 1944 года вдруг был назначен начальником "разведывательного бюро" XVII военного округа (Вена). Тогда в главной штаб-квартире фюрера существовал план превратить высокогорную территорию Австрии в "неприступную Альпийскую крепость", перебросить туда важнейшие секретные службы и материалы вермахта, а также эсэсовской СД. В связи с этим Гитлер, как Верховный главнокомандующий вермахта, в январе 1945 года произвел всегда надежного Лахузена в генерал-майоры.

* Австрийский король одновременно являлся императором Австро-Венгерской монархии. - Прим. перев.

ВОЗДУШНЫЙ ШПИОНАЖ
С ЦЕЛЬЮ ПОДГОТОВКИ ВОЙНЫ

Воздушный шпионаж гитлеровского вермахта, который проводился в целях систематической подготовки войны, был тогда по своему характеру, с точки зрения как авиационной, так и аэрофототехнической, невиданным во всем мире. Для осуществления блицкрига гитлеровской Германии нужны были специфические и самые последние данные, добытые в полное нарушение международного права. Ни одна страна в мире не вела перед Второй мировой войной столь интенсивного и всеобъемлющего воздушного шпионажа, как нарушавшая и в этом отношении международное право фашистская Германия. Разумеется, об этом знали кроме непосредственных исполнителей лишь немногие офицеры генштаба, считавшиеся абсолютно надежными. Лахузен принадлежал к их числу. Результаты воздушного шпионажа тоже служили ему для планирования широко задуманного саботажа и диверсионных актов.

"...Эймен. Вы знакомы с полковником Роуэлсом? (английское произношение немецкой фамилии Ровель. - Пер.).

Лахузен. Да.

Эймен. Кто он был такой?

Лахузен. Роуэльс был офицером военно-воздушных сил, полковником авиации.

Эймен. Какова была деятельность эскадрильи особого назначения, в которой он служил?

Лахузен. Он возглавлял специальное авиазвено высотного

полета, которое совместно с отделом разведки вело разведывательную работу в некоторых областях и государствах.

Эймен. Вы когда-нибудь присутствовали при его разговорах с Канарисом?

Лахузен. Да, иногда присутствовал.

Эймен. Помните ли вы, о чем шла речь при встречах Роуэльса с Канарисом?

Лахузен. Роуэльс сообщал Канарису о результатах своих разведывательных полетов и передавал ему полученные материалы. Я думаю, что этот материал обрабатывался в I отделе разведки, а именно группой "воздух".

Эймен. Знаете ли вы, над какими территориями производились эти разведывательные полеты?

Лахузен. Они производились над Польшей, затем над Англией и на юго-востоке [Европы]. Точно я не могу сказать, какие области или государства на юго-востоке. Я знаю только, что его подразделение имело разведывательные задания, вело воздушную разведку и базировалось в Будапеште.

Эймен. Лично вы видели некоторые из этих фотографий?

Лахузен. Да.

Эймен. Скажите трибуналу, когда производились эти разведывательные полеты над Лондоном и Ленинградом?

Лахузен. Точной даты я не могу указать... Могу только сказать, что эти разведывательные полеты имели место в указанных районах, результатами их являлись фотографии, которые передавались по назначению...

Эймен. В каком году или в течение каких лет производились эти полеты?

Лахузен. Они производились в 1939 году до польской кампании.

Эймен. Эти полеты держались в секрете?

Лахузен. Конечно, они были весьма секретны..."

И далее:

"Эймен. Были ли вы как сотрудник абвера осведомлены о планах германского рейха вести войну?

Лахузен. В той мере, в какой они касались своими следствиями деятельности управления "Заграница/абвер" или содействия по подготовке [войны].

Эймен. Доходила ли до вас какая-либо информация, недоступная обычным сотрудникам или офицерам в армии?

Лахузен. Да, естественно; это было заложено в существе моей деятельности".

ПРОВОКАЦИЯ, С КОТОРОЙ НАЧАЛАСЬ
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Затем Эймен привлек внимание трибунала к тем обстоятельствам, при которых управление ОКВ "Заграница/абвер" осенью 1939 года помогло гиммлеровской Службе безопасности инсценировать нападение переодетых в польскую военную форму эсэсовцев и специально отобранных в концлагерях заключенных на радиостанцию в пограничном городе Глейвице (Гливице), ныне находящемся на территории Польши. Эту провокацию нацистское руководство использовало как предлог для агрессии против Польши, а тем самым - для развязывания Второй мировой войны.

"Эймен. Скажите, это мероприятие как-нибудь специально называлось?

Лахузен. Так, как это записано в дневнике моего отдела, эти мероприятия, которые непосредственно предшествовали польской кампании, получили название "Гиммлер".

Эймен. Объясните трибуналу характер помощи, которую должна была оказать ваша организация.

Лахузен. То дело, по которому я сейчас даю свидетельские показания, является одним из наиболее таинственных дел, которое когда-либо имело место в отделе разведки и контрразведки. Через некоторое время - я думаю, что это было в середине августа, в дневнике можно прочесть точную дату - как отдел контрразведки № 1, так и мой отдел, то есть отдел контрразведки № 2, получили распоряжение доставить польские мундиры и снаряжение, а также удостоверения личности и т. п. для мероприятия "Гиммлер".

Как далее следует из записей дневника отдела, который вел не я, а мой адъютант, распоряжение Канарис получил из оперативного штаба вооруженных сил или из отдела обороны страны. Кажется, при этом упоминалось имя генерала Варлимонта (заместителя начальника штаба оперативного руководства ОКВ).

Эймен. Знаете ли вы, откуда поступил этот запрос?

Лахузен. Я не могу сказать, откуда поступил этот запрос. Я могу только сказать, как это было получено нами в виде приказа. Мы, начальники соответствующих отделов, призадумались тогда над этим приказом, хотя и не знали, о чем в конце концов идет речь. Имя Гиммлера говорило само за себя. В записях дневника это было выражено тем, что я поставил вопрос: каким образом господин Гиммлер должен получить от нас эти польские мундиры?

Эймен. Кому должно было быть, собственно, послано это снаряжение отделом разведки?

Лахузен. Это снаряжение должно было быть подготовлено и в какой-то определенный день передано представителю СС или СД,

имя его упомянуто в официальном военном дневнике отдела.

Эймен. В какое время ваша организация была осведомлена о том, каким образом будет использована эта военная форма?

Лахузен. Истинной цели, которую мы в деталях даже до сего дня не знаем, мы тогда не знали. Однако мы уже тогда имели очень обоснованное подозрение, что дело это нечистое. За это говорило уже само название мероприятия.

Эймен. Вы впоследствии выяснили у Канариса, что же случилось в действительности?

Лахузен. Ход дела был следующий. Как только появилось первое военное коммюнике, в котором говорилось о нападении поляков или польских частей на немецкую территорию, Пикенброк, который держал это коммюнике в руке, зачитав его, сказал: "Теперь мы наконец знаем, для чего нужны были эти мундиры". В тот же день или, может быть, несколькими днями позже - я этого не могу сказать точно - Канарис поставил нас в известность о том, что эти мундиры были выданы людям из концентрационных лагерей, которые должны предпринять военные действия против радиостанции в Глейвице".

Как профессиональный офицер, Лахузен должен был знать, что любое использование военной формы противника противоречит правилам ведения войны. Однако, будучи главарем диверсантов гитлеровского вермахта, он ни минуты не поколебался оказать помощь СД и предоставить ей бутафорию для самой опасной, возымевшей самые тяжкие последствия провокации XX века.

ДИРЕКТИВЫ ЛАХУЗЕНА "ПЯТОЙ КОЛОННЕ"

Перед Международным военным трибуналом Лахузен разыгрывал лишь полупосвященного. Но документы - а некоторых из них в Нюрнберге еще не было - имеют доказательную силу. 23 августа 1939 года, т. е. за девять дней до нападения гитлеровской Германии на соседнюю Польшу, Лахузен как начальник абвера II издал и подписал совершенно секретный документ, размноженный в 120 экземплярах, который ясно показывает, какую роль в действительности играл этот главарь диверсантов в качестве организатора нацистской "пятой колонны" в Польше. Документ хранится ныне в архиве Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений в Варшаве2. Он свидетельствует об использовании в подрывных и диверсионных целях проживавших в Польше национальных меньшинств, прежде всего немцев-"фольксдойче", а также украинских буржуазных националистов.

На основе этого секретного документа управления ОКВ "Заграница/абвер", дополняющего ранее изданную "Памятку",

вновь видны центральное руководство, организация и диверсионная тактика лахузенской подпольной армии в Польше. Сама же "Памятка" была найдена на другой день после инсценированного нацистами "польского" нападения на немецкую радиостанцию в Глейвице у двух военнослужащих германских люфтваффе, самолет которых был сбит в районе Познани3.

ДЬЯВОЛЬСКИЙ СОЮЗ

Для своего войска агентов Лахузен набрал и белогвардейские, контрреволюционные украинские элементы. Этот факт тоже рассматривался Международным военным трибуналом в Нюрнберге.

"Эймен. Что говорилось, если говорилось вообще, о возможном сотрудничестве с украинской группой [националистов]?

Лахузен. Да, Канарису было поручено (причем тогдашним начальником ОКВ [Кейтелем] в виде дальнейшей передачи директивы, которую он явно получил от Риббентропа, поскольку он передал ее в связи с политическими действиями имперского министра иностранных дел) организовать на Галицийской Украине повстанческое движение, целью которого было истребление евреев и поляков.

Эймен. Какие еще имели место совещания?

Лахузен. После этих бесед в рабочем вагоне тогдашнего начальника штаба ОКВ Канарис покинул вагон и имел затем еще один короткий разговор с Риббентропом, который, еще раз возвращаясь к теме "Украина", сказал, что тот должен инсценировать восстание или повстанческое движение таким образом, чтобы все крестьянские дворы поляков оказались объятыми пламенем, а все евреи перебиты".

Однако эти показания Лахузена были слишком общи. Поэтому главный обвинитель от СССР генерал Р.А. Руденко задал Лахузену конкретные вопросы:

"Руденко. Свидетель, я хочу поставить вам несколько вопросов в порядке уточнения. Правильно ли я вас понял, что повстанческие отряды из украинских националистов создавались по директиве германского верховного командования?

Лахузен. Это были украинские эмигранты из Галиции.

Руденко. И из этих эмигрантов создавались повстанческие отряды?

Лахузен. Да. Может быть, не совсем правильно называть их отрядами, это были люди, которые брались из лагерей и проходили полувоенную или военную подготовку.

Руденко. И какое же назначение имели эти отряды?

Лахузен. Это были организации, как я уже говорил,

состоящие из эмигрантов Галицийской Украины, которые работали совместно с отделом разведки за границей.

Руденко. Что они должны были выполнять?

Лахузен. Задача их состояла в том, чтобы с началом военных действий выполнять распоряжения соответствующих офицеров германских вооруженных сил, то есть те директивы, которые получал мой отдел и которые исходили от ОКВ.

Руденко. Какие же задачи ставились перед этими отрядами?

Лахузен. Эти отряды должны были производить диверсионные акты в тылу врага и осуществлять всевозможный саботаж.

Руденко. То есть на территории тех государств, с которыми Германия находилась в состоянии войны, в данном случае на территории Польши. А помимо диверсий какие еще задачи ставились?

Лахузен. Также саботаж, то есть взрывы мостов и других объектов, которые в какой-либо степени представляли важность с военной точки зрения. Эти объекты определялись оперативным штабом вооруженных сил".

Позднее в допрос включился также член Международного военного трибунала от СССР генерал-майор юстиции И.Т. Никитченко.

"Никитченко. На каких еще совещаниях давались приказы по уничтожению украинцев и сожжению населенных пунктов в Галиции?

Лахузен. Я должен выяснить, что именно подразумевает генерал под этим вопросом. Относится ли он к совещанию в поезде фюрера в 1939 году, по времени - перед падением Варшавы? По записям в дневнике Канариса, оно состоялось 12 сентября 1939 года. Смысл этого приказа или директивы, исходившей от Риббентропа и переданной Кейтелем Канарису, а затем в краткой беседе еще раз обрисованной Риббентропом Канарису, был следующий: организации украинских националистов, с которыми управление "Заграница/абвер" сотрудничало в военном смысле, то есть в проведении военных операций, должны вызвать в Польше повстанческое движение украинцев в стране. Повстанческое движение должно было иметь целью истребить поляков и евреев, то есть прежде всего те элементы и круги, о которые все время стоял вопрос на этих совещаниях. Когда говорилось о поляках, имелись в виду в первую очередь интеллигенция и те круги, которых называют носителями воли к национальному сопротивлению. Такова была задача, данная Канарису в той связи и которую я охарактеризовал так, как она сохранилась в документальной записи. Идея была

отнюдь не убивать украинцев (т. е. украинских националистов - Пер.), а, напротив, вместе с ними осуществить эту задачу, имевшую чисто политический и террористический характер. Это сотрудничество и то, что на самом деле было совершено управлением "Заграница/абвер" и этими людьми (их насчитывалось примерно 500 или 1000 человек), ясно видно из дневника. Это была подготовка к выполнению военной диверсионной задачи.

Никитченко. Эти приказы исходили от Риббентропа и Кейтеля?

Лахузен. Они исходили от Риббентропа".

Здесь уместно вспомнить, что руководимому Лахузеном отделу абвер II подчинялся учебный полк особого назначения "Бранденбург-800". В него был включен батальон "Нахтигаль" ("Соловей"), состоявший из украинских контрреволюционных элементов. В качестве их политического руководителя и офицера надзора подвизался уже упоминавшийся Теодор Оберлендер. После нападения фашистской Германии на Советский Союз его диверсионный батальон "Нахтигаль" вступил в качестве ударного отряда гитлеровской армии во Львов и с 30 июня до 7 июля 1941 года осуществлял жесточайшие погромы, жертвами которых, по приблизительным подсчетам, стали 5 тысяч мужчин и женщин, стариков н детей4. Военные преступления и преступления против человечности офицера абвера Оберлендера были расследованы в 1960 году Верховным судом ГДР, и тогдашний министр ФРГ по делам "изгнанных и лишенных прав" был заочно (хорошо зная свою вину, он не решился приехать из ФРГ на процесс) приговорен к пожизненному заключению в каторжной тюрьме5.

Именно действия бандитов и убийц из батальона "Нахтигаль" доказывают преступный характер многих подобных акций и операций абвера II под руководством фон Лахузена-Вивремонта.

ЛАХУЗЕН ИНФОРМИРОВАЛ
СЕКРЕТНУЮ СЛУЖБУ США

В 1945 году секретные службы США и Великобритании усердно охотились за бывшими руководящими сотрудниками управления ОКВ "Заграница/абвер". Чтобы поставить их перед судом и подвергнуть справедливому наказанию? Ничуть не бывало! Империалисты США и Англии, реакционные группы которых командовали секретной службой этих стран, были озабочены совсем другим: они стремились обеспечить для своих будущих действий овладение тем громадным шпионско-диверсионным опытом и методами использования контрреволюционных подрывных элементов, которыми располагали руководители секретной службы гитлеровской

Германии.

Характерный пример тому дает их обращение с главарем фашистских диверсантов генерал-майором фон Лахузеном.

В мае 1945 года Лахузен сдался американцам. Затем его быстро доставили в принадлежащий секретным службам особый центр* западных союзников, находившийся в Бад-Нендорфе (вблизи Ганновера). То, что произошло там, было описано очевидцем в одной нью-йоркской публикации. "Для начала громилы и уголовники из числа военнослужащих, которых английское командование сочло пригодными для выполнения обязанностей лагерных охранников, избили... Лахузена, пинали ногами, выбили ему несколько зубов. Несомненно, человека иного склада подобное обращение побудило бы держать язык за зубами. Однако Лахузен был "офицер и джентльмен" в подлинном смысле этого слова, которым часто злоупотребляют. И хотя в Бад-Нендорфе его били, он решил рассказать то, что знал"6. В действительности же Лахузен просто-напросто боялся за свою жизнь, а потому кое-что порассказал. И это, как доказал мировой общественности Нюрнбергский процесс, было немало, за что защитники подсудимых, главных военных преступников, взяли его в жестокий оборот, подвергнув перекрестному допросу.

Защитник главного военного преступника Германа Геринга доктор юриспруденции Отто Штамер спросил Лахузена: "Вам известно, что Канарис в первые годы войны проводил весьма активные операции, имел диверсионные организации за линией вражеского фронта и сам очень энергично выступал за эти операции?" И Лахузен, само собой разумеется, вынужден был ответить: "Это мне, естественно, известно, и я полностью разъяснил это также и американским властям, интересовавшимся этим вопросом"7.

Однако ни англичане, ни американцы не возбудили дела против Лахузена как против крупного военного преступника. Вскоре его освободили из-под ареста "в благодарность за значительную помощь западным союзникам во время первого Нюрнбергского процесса"8. Одновременно это служило символом практической реабилитации англо-американским обвинением офицеров нацистской секретной службы. Получив австрийскую генеральскую пенсию, Лахузен удалился в горы Тироля. До своей смерти в Инсбруке в 1955 году он продал написанные им мемуары уполномоченному одного из нью-йоркских издательств. При этом весьма ловкий в деловом отношении аристократ за соответствующий гонорар в долларах раскрыл "также и имена, под которыми живут некоторые его бывшие шпионы, осуществлявшие шпионаж и диверсии в союзнических странах,

причем в большинстве случаев имена этих лиц должны были продолжать сохраняться в тайне"9.

Многокилограммовые мемуары генерал-майора секретной службы фон Лахузена в 1958 году были опубликованы в США лишь отрывками и притом столь ловко, что реактивизировавшимся тем временем бывшим нацистским агентам это уже не грозило никакой опасностью. Уже во введении говорилось: "Эта книга рассказывает только об операциях против англосаксонских стран - Соединенных Штатов, Великобритании и в одном случае - Южно-Африканского Союза. Но военный дневник (Лахузена. - Ю.М.) демонстрирует, что весь мир, начиная от Центральной Азии, затем России (имеется в виду СССР. - Ю.М.) и Западной Европы и кончая Мексикой и Южной Америкой, представлял собой то поле битвы, на котором Канарис и фон Лахузен проводили свои операции"10.

Сокращениями текста Пентагон старался добиться того, чтобы мемуары Лахузена не заставили ни одного бывшего агента гитлеровской Германии, находившегося теперь на службе какого-либо государства НАТО, бояться его показаний

Однако англо-американские попытки оградить фашистских шпионов и диверсантов от заслуженной кары провалились: советским войскам в плен попал полковник Эрвин Штольце, много лет являвшийся заместителем Лахузена как начальника отдела абвер II в управлении ОКВ "Заграница/абвер". Находясь как военный преступник под следствием, Штольце дал подробные показания.

ГИТЛЕРОВСКИЙ ДИВЕРСАНТ № 2

СХВАЧЕН В ШТАТСКОМ

31 мая 1945 года, спустя всего каких-нибудь три недели после безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, поднял руки вверх некий германский офицер, переодетый в штатское. Два советских офицера 2-й гвардейской танковой армии обнаружили в развалинах дома гнездо диверсантов. У полковника секретной службы Эрвина Штольце не оказалось выхода, и его тщательно подготовленная борьба в подполье закончилась, так и не начавшись. Ни полный набор искусно подделанных личных документов, ни назубок выученная легенда, ни штатская одежда не смогли ввести в заблуждение опытных офицеров советской военной контрразведки. Итак, заместитель Лахузена, иначе говоря, гитлеровский диверсант № 2 был взят.

Кто такой был, собственно говоря, этот Эрвин Штольце, родившийся в 1891 году в Берлине? Несмотря на безоговорочную капитуляцию командования вермахта, он все еще не хотел кончать свою подрывную деятельность.

В его показаниях можно прочесть: "Во время войны 1914-1918 гг. я был солдатом на фронте, артиллеристом. В области разведывательной службы полный профан, знал только о таких методах, как разведгруппы, допрос военнопленных и перебежчиков. В послевоенное время продолжил прерванное войной обучение и надеялся закончить учебу зимой 1922/23 г. на те сбережения, которые удалось сделать, работая продавцом в магазине канцелярских принадлежностей и одновременно служащим в магистрате Шарлоттенбурга. Инфляция превратила эти планы в иллюзию. В то время НСДАП в Северной Германии начинала крепнуть, и в январе 1923 года мне было предложено место партийного функционера в курортных городах на побережье Балтийского моря, но я отказался. Служба трудоустройства бывших офицеров в марте 1923 года, после моего отказа от различных других работ - страховым агентом, коммивояжером и т. п., - предложила место в министерстве рейхсвера. Его (при организационном отделе) я, однако, не получил, а при содействии этого отдела мне в середине апреля 1923 года была предложена работа в абвере. Я думал, что попаду в отдел, который занимается отражением вражеских проникновений на территорию рейха, и был очень удивлен, обнаружив, что это - отдел военной разведки".

Впрочем, удивление Штольце длилось недолго. Ведь к тому времени, когда в мае 1945 года он был арестован, срок его непрерывного пребывания в германской военной секретной службе равнялся более чем 22 годам. Таким образом, он принадлежал к самым старым, основным кадрам и к самому узкому кругу офицеров абвера. До 1936 года Штольце специализировался в абвере I на шпионаже против государств Восточной и Юго-Восточной Европы. Его "поле деятельности" охватывало Чехословакию, Венгрию, Румынию, Югославию, Грецию, Болгарию и дальше вплоть до западных областей Советского Союза. В число его специальных агентов в то время входили бывший царский генерал Достовалов, живший в Берлине как контрреволюционный эмигрант, бывший царский полковник Дурново, который вел антисоветскую подрывную деятельность из Белграда, майор румынского генерального штаба Урлуциано в Бухаресте и капитан в отставке Кляйн в Каунасе. В 1937 году в ходе приготовлений гитлеровской Германии к войне Штольце перешел от шпионажа к организации диверсий. До августа 1944 года он оставался в ОКВ, причем с февраля 1944 года был заместителем начальника диверсионного сектора в гиммлеровском главном управлении имперской безопасности. В сентябре 1944 года Штольце получил в этом управлении особо

секретную функцию: стал начальником "берлинского района сбора донесений".

Веря вплоть "до пяти минут сверх последнего удара часов" в "конечную победу" Гитлера, Штольце на обломках разваливающегося аппарата фашистской секретной службы лихорадочно организовывал шпионаж и диверсии в тылу наступавшей на Берлин Красной Армии. Его шпионы и радиоагенты все еще действовали в Словакии, Югославии и Польше. С помощью беглого румынского немца Вебера он старался установить агентурные контакты с румынскими фашистами, резиденция которых находилась в Швейцарии. По его указанию агент под видом радиоинженера отправился в Швецию, чтобы оттуда вести шпионаж в советских Прибалтийских республиках. Другие агенты должны были временно скрыться в Испании и ждать директив.

Но важнейшая задача Штольце заключалась в том, чтобы сплести в последние дни войны для действий в послевоенное время подрывную сеть в Восточной Германии и в районе самого Берлина. Вместе с обер-лейтенантом Собсциком и майором фон Штрански, бывшим начальником отделения абвера в Бухаресте, Штольце при полной поддержке СД, СС, нацистской партии и "гитлерюгенда" сколотил подпольную группу численностью около 800 человек. На допросе 14 июля 1947 года на повторный вопрос, чем он занимался в Берлине в последние дни войны, Штольце ответил: "В начале апреля 1945 года Шелленберг* дал всем органам секретной службы приказ: на случай вступления Красной Армии подготовить фиктивные личные документы для всех своих сотрудников. Таким образом, персонал секретной службы должен был скрыться и ждать особых указаний. Все оперативные документы в случае опасности подлежали уничтожению. Я этот приказ выполнил".

* Вальтер Шелленберг - группенфюрер СС (соответствует чину генерал-лейтенанта), начальник VI управления (СД-"Заграница") и военного управления (бывших абвера I и абвера II управления ОКВ "Заграница/абвер") в Главном управлении имперской безопасности. - Прим. авт.

Штольце предстал в СССР перед военным трибуналом и был осужден как военный преступник. Его признания и письменные показания весьма содержательны и дают возможность заглянуть глубоко внутрь преступной секретной службы гитлеровской Германии.

ФУНКЦИЯ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ В МАШИНЕ АГРЕССИИ

В западных послевоенных публикациях вновь и вновь предпринимаются попытки приуменьшить роль управления ОКВ

"Заграница/абвер" в преступлениях против мира и обосновать многочисленные провалы военной секретной службы германского агрессора якобы недостатками в ее структуре и падением ее влияния у Гитлера. Показания многоопытного Штольце, руководящего сотрудника абвера, разоблачают тенденциозные легенды.

"Включение абвера в высшую ступень вермахта дало начальнику управления (адмиралу Канарису. - Ю.М.) возможность обращаться с просьбами, пожеланиями, инициативами, требованиями и предложениями непосредственно в высшую инстанцию - ОКВ, а через него - к Верховному главнокомандующему вермахтом, фюреру. При решении вопроса о судетских немцах начальник управления через начальника штаба ОКВ Йодля или при докладе фюреру предлагал осуществить поставленную перед абвером II задачу разложения чешских вооруженных сил с помощью партии судетских немцев (ПСН). Опираясь на обоснование, данное начальником управления, фюрер приказал реализовать предложение абвера.

Объединение различных служб абвера в одном управлении под одним руководством обеспечивало наиболее целесообразную мобилизацию кадров для достижения поставленной цели и распределение работы между отделами. На ежедневных совещаниях у начальника управления отделы информировались в общих чертах о деятельности друг друга и могли через своих начальников договариваться о взаимной поддержке. В ходе подготовки войны против Советского Союза абвер I при помощи абвера II смог получить для своих целей агентов из числа украинских националистов.

В противоположность организации германской военной разведывательной службы (имеется в виду служба шпионажа. - Ю.М.) до и во время Первой мировой войны и организации разведывательной службы в большинстве европейских армий разведывательные органы трех видов вооруженных сил фашистской Германии (сухопутных войск, ВВС и ВМФ. - Ю.М.) были объединены в одном отделе - абвер I. Благодаря этому все разведданные поступали в центральную инстанцию, и, таким образом, командование вермахта имело возможность при наличии информации одного сектора предпринимать единые действия всех видов вооруженных сил. Объединение секретных служб усилило, таким образом, возможность единого руководства военными действиями.

Включение впоследствии в эту систему управленческой группы "Заграница" обеспечивало абверу необходимый и важный контакт с министерством иностранных дел. Для связи с ним при

отделе находился референт в ранге советника, который обычно участвовал в совещаниях у начальника управления. Он мог, с одной стороны, передать предложения абвера непосредственно министерству иностранных дел и, с другой стороны, немедленно вмешаться, если оказывалось, что какие-либо меры абвера представляют угрозу внешнеполитическим делам. Мог поддержать в политическом отделе министерства иностранных дел просьбу абвера о включении какого-либо специалиста в состав персонала германского посольства в какой-либо нейтральной стране (например, Испании) и с этой целью оказать помощь кандидату на данный пост из числа других референтов министерства1. Со временем, по мере усиления сотрудничества с министерством иностранных дел, для передачи разведданных через доверенных лиц стали использоваться и германские зарубежные органы. В моей сфере деятельности Ie (Юго-Восток) это осуществлялось через германское посольство в Белграде полковником Дурново, а в германском посольстве в Бухаресте - Урлуциано2.

Как управление ОКВ абвер имел возможность вступать в контакт с отдельными видами вооруженных сил и при всех условиях добиваться от них поддержки своих операций.

Для связи с агентами во вражеском тылу или в стране, отделенной от Германии морским пространством (например, в Америке), были необходимы самолеты или подводные лодки. Начальники групп авиации и военно-морского флота абвера I одновременно являлись офицерами связи со штабом оперативного руководства соответственно люфтваффе и ВМФ и имели дело непосредственно с теми отделами этих штабов, которые ведали этими средствами связи.

Посты начальников отделов в абвере занимали офицеры генерального штаба, которые менялись примерно через каждые три года. Замена полковника генерального штаба Гельмута Гроскурта полковником Лахузеном в 1937 году оказалась особенно удачной, так как последний, будучи офицером старой австрийской армии, при многонациональном составе этой армии очень подходил для работы с национальными меньшинствами".

12 февраля 1944 года Гитлер приказал провести централизацию различных ветвей секретной службы вермахта и СД, сосредоточив их в Главном управлении имперской безопасности 3. Полковник Штольце изложил ту оценку этого шага, которая, само собой разумеется, была широко распространена среди офицеров управления ОКВ "Заграница/ абвер":

"Включение военной и политической разведывательной

службы в РСХА в форме двух его равнозначных управлений под руководством одного начальника обеспечило возможность более тесного сотрудничества, насколько это еще позволяло вызванное военными условиями их местонахождение в разных местах. Кроме того, некоторые равнозначные отделы обоих управлений возглавлялись одним лицом, например VI управление С (группа СД для диверсионных операций. - Ю.М.) и военное управление (группа диверсий, бывший абвер II. Ю.М.) - оберштурмбаннфюрером СС Отто Скорцени. Служба экономической разведки была полностью влита в VI управление (СД-"Заграница". - Ю.М.). Насколько я знаю, намечалось временно переводить специалистов военного управления в VI управление и наоборот, чтобы гарантировать взаимный обмен методами работы и знание кадров разведаппарата. Тем самым нарушение взаимных интересов, параллелизм или даже противоречия в работе почти полностью исключались.

Следовало ожидать, что рейхсфюрер СС, как сильная личность, будет успешно отстаивать перед фюрером в противовес другим инстанциям интересы абвера, которые теперь стали и его интересами. Кроме того, полагали, что благодаря сильной позиции рейхсфюрера СС, который обладал наибольшей после фюрера властью, различные просьбы абвера будут беспрекословно выполняться другими служебными или [нацистскими] партийными органами.

Включение абвера III в гестапо должно было сделать возможной обработку каждого дела одним и тем же референтом вплоть до полной реализации".

КРУПНАЯ АТАКА НА СЕЙФЫ

Заблаговременно подготовленная генеральным штабом, широко организованная враждебная деятельность в тылу государств - объектов нападения предполагала всеобъемлющий и целенаправленный шпионаж, прежде всего против промышленных предприятий, руководящих лиц и военных объектов. Шпионы под всевозможными предлогами объезжали области, населенные пункты и индустриальные районы этих стран. Настоящими или подделанными ключами шпионы открывали сейфы в иностранных министерствах обороны, просачивались в центры формирования политических взглядов. Агенты гитлеровской Германии были различных национальностей, но все имели единые директивы и общих хозяев.

Полковник Эрвин Штольце пишет:

"Офицер абвера благодаря личным отношениям с работниками одного из концернов узнал, что намечается послать надежного представителя этого концерна за границу для решения

вопросов, касающихся вооруженных сил одной из стран. Через концерн установили контакт с этим представителем, и после его заявления о готовности сотрудничать он получил задание подыскать за время пребывания в этой стране в ее военных и экономических кругах подходящих агентов. При вербовке иностранных агентов действовали тем же способом, с той лишь разницей, что к намеченному лицу приходил не сам офицер абвера, а немец из числа рейхсдойче (т. е. подданных Германии. Пер.). Завербованный германский подданный (обычно служащий какого-либо концерна) во время посещения зарубежной страны старался выявить недовольство какого-либо из партнеров по переговорам (например, плохой оплатой) или даже враждебные по отношению к этому государству настроения. Затем он мог сам завербовать его, однако это было рискованно, так как, несмотря на недовольство или антигосударственные взгляды, вербуемый мог выдать его. Более надежно было побудить этого человека совершить частную или деловую поездку в Германию, где и завербовать его.

Однако если агент много ездил по интересующей абвер стране, то эти поездки должны были быть оправданы необходимостью и не вызывать подозрений. Во время поездок доверенное лицо должно было выполнять обязанности, действительно связанные с его официальным поручением, а также задание, данное ему абвером.

Отделение абвера в Силезии направило в 1934 или 1935 году своего доверенного человека, адвоката, в Чехию, чтобы якобы уладить не существовавший в действительности спор о наследстве между несколькими судетскими немцами, вернувшимися в рейх, и их родственниками в Витковице. Наряду с этим у него было задание выяснить точное расположение металлургического завода в Витковице. В городе он разыскал родственников своего поручителя, на которых вполне можно было положиться, и, таким образом, выполнил задание абвера.

Особенно пригодны в качестве агентов были те военнослужащие иностранных вооруженных сил или те работающие в военной промышленности лица, у которых имелся какой-нибудь моральный изъян - склонность к алкоголизму или к легким связям, или те, кто по различным причинам (например, иные взгляды на внутреннюю политику, враждебность к государству или недовольство из-за задержек в повышении по должности) бывали сильно раздражены. С людьми такого сорта, обычно находившимися в затруднительном финансовом положении, действовали через посредников, которые сначала одалживали им деньги на вполне приемлемых условиях. Если к

установленному сроку долг не возвращался, то срок продлевался только в обмен на военные сведения. [...]

Отделение абвера в Восточной Пруссии (Кенигсберг) примерно в 1925-1927 годах завербовало служившего в польском военном министерстве фельдфебеля, который имел доступ к несгораемому шкафу с подлинниками документов. Пользуясь большим доверием начальников, фельдфебель после работы забирал документы из сейфа, ночью фотографировал их, а утром незаметно возвращал на место. Экспонированная фотопленка передавалась в заранее обусловленных местах в Данциге (Гданьске). Таким образом, абвер, а с ним и отдел "Иностранные армии Востока" получали ценные данные об организации польской армии.

Бывали, однако, случаи, когда офицеры, находившиеся в затруднительном финансовом положении, сами предлагали свои услуги иностранной разведке, не видя другого для себя выхода.

В 1927 или 1928 году в министерство рейхсвера явился штабс-капитан, служивший в чехословацком министерстве обороны, и предложил важный материал. Абвер I как компетентный орган занялся этим делом. Материал был срочно сфотографирован, а со штабс-капитаном достигнута договоренность о новой встрече в Дрездене. В качестве вознаграждения он получил определенную сумму, что помогло ему на первых порах рассчитаться с самыми неотложными долгами, в которые он залез из-за женщин. И в дальнейшем этот штабс-капитан передавал весьма полезный подлинный материал об организации и мобилизационных планах чехословацкой армии. Чтобы еще крепче держать его в руках, в Дрездене ему подсунули женщину в его вкусе. Но в конечном счете это погубило его, а абвер лишился ценного источника. Страсть к дрезденской женщине была столь велика, что, торопясь на внеочередную встречу в Дрезден, он пренебрег всеми мерами предосторожности и забыл портфель в пражском аэропорту. Содержимое портфеля находилось в таком беспорядке, что и без тщательного досмотра можно было обнаружить документы чехословацкого военного министерства. Когда агент, прибыв в Дрезден, заметил пропажу, офицер абвера, занимавшийся им, велел ему позвонить в Прагу, откуда сообщили, что портфель найден и можно его забрать. По приказу абверовца агент вернулся в Прагу, где был сразу же арестован и приговорен к 15 годам каторжной тюрьмы.

В Каунасе в качестве офицера связи с литовской разведкой действовал капитан в отставке Кляйн. Эта разведывательная служба работала как против Польши, так и против Советского

Союза. Поступавшие данные она доводила до сведения Кляйна, а тот передавал их абверу. Обработка разведданных, а также забота о Кляйне входили в обязанности майора в отставке Юста.

На отделение абвера в Восточной Пруссии работал в качестве доверенного литовский офицер, поставлявший сведения о Советском Союзе. Как мне помнится, он добывал их непосредственно из литовского военного министерства, в котором служил.

Агента абвера в Бухаресте, румынского майора в отставке Урлуциано, я тоже "получил" от майора Юста. Связь с ним шла через германское посольство в Бухаресте, с ответственным сотрудником которого он тайно встречался. Однажды в 1936 году я посетил его в Бухаресте. Несмотря на отставку, он продолжал служить в румынском военном министерстве и был, таким образом, в состоянии передавать нам данные об организации румынской армии и ее запланированном выступлении против Венгрии в случае войны между ней и Румынией. Кроме того, он снабжал нас сведениями румынского военного министерства о Советском Союзе.

Из докладов начальнику управления Канарису видно, что доверенных лиц из числа белорусских контрреволюционных эмигрантов ревностно старался завербовать майор Шольтц (последний чин - полковник. - Ю.М.). Со своей стороны белорусская контрреволюционная эмиграция, нуждаясь в деньгах, искала контактов с разведывательными службами различных стран.

Достовалов, бывший царский генерал, хорошо знал работу 1с (т. е. офицера разведки генерального штаба. - Ю.М.). Меня связал с ним майор Фосс на квартире генерала в Берлине. Затем, предварительно условившись по телефону, я стал посещать его дома, забирая донесения и выплачивая ему за них деньги. Как я убедился во время этих визитов и как было видно из его донесений, которые во многих случаях состояли из вырезок или фотографий из русских газет и журналов, Достовалов умело обобщал те материалы, которые он извлекал из русской специальной литературы. Иногда в них рассматривались отдельные темы, например реорганизация советской артиллерии. Литературу он доставал через свои особые каналы.

От майора Юста я "заполучил" полковника Дурново, бывшего врангелевского офицера, жившего в Белграде. Он был представителем германских фирм в Югославии, в частности металлургического завода Штольберга (в Рейнланде). Сообщал сведения о Югославии, а иногда передавал краткие сообщения о Советском Союзе. Об их источнике (белградские эмигрантские

круги или югославское военное министерство, с которым Дурново имел контакт) не знаю. Предполагаю последнее. Связь с ним поддерживалась через германское посольство в Белграде. После захвата Югославии в 1941 году он предложил свои услуги абверу III.

Осуществляя диверсии и действуя в целях разложения вооруженных сил противника, абвер II вербовал в агенты лиц из числа национальных меньшинств. Ими были прежде всего немцы иностранного подданства, так называемые "фольксдойче", например в Чехии (судетские немцы) и в Польше [...], а также бретонцы во Франции. В принципе главарям национальных меньшинств никаких политических заверений не давалось. Однако в случае их активности, сулившей успех, с ними заключались соглашения, содержавшие взаимные обязательства. Наиболее ценных агентов, например полковника Коновальца, принимал лично начальник управления.

Абвер II весьма дифференцированно относился к белоэмигрантам, украинским националистам, разделяя их на следующие группы:

1. Бывшие петлюровские офицеры (исключались, поскольку находились на польской службе).

2. Группа гетмана Скоропадского (сам Скоропадский, бывший царский генерал и магнат, был непригоден, поскольку сторонников в Польше не имел).

3. Группа полковника Коновальца (согласно данным абвера II, у него были сильные сторонники в Польше).

Несмотря на оговорки в отношении группы Скоропадского, с ним по указанию министерства иностранных дел был установлен контакт. Однако Скоропадский запросил такую сумму, которую не заслуживал ни он сам, ни возможные дела его даже при самом благоприятном исходе.

Поэтому в 1937 году был возобновлен контакт с группой Коновальца, установленный абвером I еще в 1925 году Опросили специалистов - как мне помнится, д-ра Маркета, абвер III и гестапо проверили - никакого компрометирующего материала. После утверждения начальником управления при посредничестве полковника Гребе в Бадене, близ Вены, состоялось предварительное совещание на квартире австрийского генерала в отставке украинского националиста Курмановица, затем основное совещание в Белладжио. Был заключен договор, который содержал взаимные обязательства: с немецкой стороны - деньги, со стороны агентурной группы - работа. [...]

Доверенные из числа национальных меньшинств подбирались руководством управления на основании рекомендации или

экспертного заключения.

Одной из основных задач отделений абвера было привлечь как можно большее число доверенных, чтобы создать в стране действия густую агентурную сеть. Германские пограничные органы (таможня и пограничная полиция), которые были в их распоряжении, указывали подходящих для разведслужбы лиц, особенно из тех, местожительство и работа которых находились по разные стороны границы, а потому минимум дважды в день они пересекали ее. Особенно благоприятные возможности имелись на границе между Саксонией и Чехией, ибо она проходила через населенные пункты. Из доверенных лиц отделение абвера создавало основной костяк агентов-вербовщиков, а те, в свою очередь, подыскивали в стране-объекте пригодных для разведывательной службы людей. В дальнейшем агенты-вербовщики служили также посредниками для связи с завербованными ими доверенными лицами. [...]

Далее. Каждое отделение абвера стремилось завербовать какое-то число людей (как правило, проживавших на территории рейха) в качестве разъездных агентов, которым поручали особые разведзадания.

Их засылали в страну под видом, к примеру, нуждающегося в лечении на определенном курорте больного, представителя фирмы, лица, навещающего своих родственников, и т. п. Маскировка должна была выдержать проверку властями этой страны.

Кроме того, в германские органы являлись по собственной инициативе те, кто по какой-либо причине сам предлагал свои услуги разведывательной службе".

ОТ ШПИОНА ОКВ ДО ОБЕРГРУППЕНФЮРЕРА СС

Если раскрыть "Список личного состава охранных отрядов НСДАП" от 9 ноября 1944 года (кстати, последний, который смогли отпечатать нацисты) с указанием срока службы, то можно обнаружить, что на 53-м месте в эсэсовской иерархии числился некий обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции Карл Герман Франк, родившийся 24 января 1898 года Номер его членского билета НСДАП 6600002, т. е. сравнительно большой, а в списках СС Франк был зарегистрирован под номером 310466. Несмотря на это, он заседал в рейхстаге, имел ранг имперского министра, был руководителем СС в протекторате Богемия и Моравия и носил почетную шпагу, которую ему лично вручил рейхсфюрер СС Гиммлер. Словом, достаточно причин, чтобы сегодня еще раз проследить карьеру сего супернациста. При этом сразу выясняется, что человек с эсэсовской почетной шпагой начал путь наверх по лестнице политической карьеры в качестве

заурядного государственного изменника Чехословацкой Республике на службе управления шпионажа и диверсий "Заграница/абвер".

Из показаний Эрвина Штольце:

"В конце 1936 - начале 1937 года перед абвером была поставлена задача через местное отделение подготовить присоединение Судетской области к рейху. Прежде всего абвер должен был найти подходящих людей для выполнения необходимых заданий. Кандидатура признанного руководителя партии судетских немцев Конрада Генлейна совсем не годилась, так как он был слишком заметной политической фигурой и его нельзя было компрометировать заданиями абвера. Выбор пал (с 1937 года - Ю.М.) на его заместителя Карла Германа Франка, который считался человеком энергичным и предприимчивым. Сегодня я уже не припомню, установили ли контакт с Франком до сформирования абвера III (ранее - абвергруппа VII) 15 января 1937 года или позднее. Если это произошло раньше, то тогда контакт был установлен майором Фоссом, которому сначала поручили работать с национальными меньшинствами. После 15 января 1937 года контакт мог быть установлен только полковником генерального штаба Гроскуртом лично или вместе со мной.

Абвер II поставил перед Франком - клички Карл Герман (сокращенно К.Г.), Хагер (Хаген) - задачу: прежде всего подготовить разложение чехословацких вооруженных сил - как в целом, так и отдельных лиц - при помощи партии судетских немцев. Необходимо было создать особые группы, предназначенные специально для данной цели. Кроме того, в обязанности Франка входило сообщать о положении судетских немцев в тот или иной момент, подготовить организацию, которая могла бы в кратчайший срок распространить и сделать эффективными среди судетских немцев германские лозунги, а также (в случае войны) обеспечить быстрое и беспрепятственное продвижение германского вермахта на дорогах, освобождая их, например, от беженцев. Эта организация должна была также в случае необходимости создать ядро восстаний.

Однако вскоре выяснилось, что Франк один не в состоянии справиться с этими задачами. Поэтому за самим Франком оставлялся только общий надзор и контроль за выполнением задач, а создание организации было поручено другому судетскому немцу, завербованному по предложению Франка абвером II, руководителю "Гимнастического союза" Кройтцбергеру.

Затем летом 1938 года оказалось, что в результате

напряженной политической ситуации Франк как заместитель Генлейна настолько загружен делами, что не может осуществлять общий надзор и контроль. По его предложению эти задания, с согласия абвера II, были переданы бывшему австрийскому офицеру Рихарду Ламмелю.

Урегулирование различных вопросов и субсидирование происходило тогда через бюро Генлейна в Берлине. С этой целью Франк приезжал в рейх". [...]

Так абвер II во главе со "специалистом по Чехословакии" Лахузеном перед Второй мировой войной вербовал организаторов "пятой колонны", чтобы с ее помощью подорвать чехословацкое государство и сломить его сопротивление. 3 декабря 1945 года представитель обвинения С. Олдерман привел на заседании Международного военного трибунала следующие данные:

"Военный шпионаж в пользу Германии велся партией судетских немцев и ФП (подобной СС организацией "добровольной самозащиты" этой партии. - Ю.М.), а также отдельными лицами из числа немецкого меньшинства. Делались чертежи чешских оборонительных сооружений, германским органам поставлялась информация о передвижениях чешских войск... Германские радио и пресса вели подрывную пропаганду против Чехословакии... В Судетской области по указанию рейха генлейновцы, распространяя слухи, вели пропаганду, которая способствовала нагнетанию напряженности, вызывала инциденты, постоянное беспокойство. С этой целью нацисты снабжали генлейновцев и особенно ФП деньгами и оружием. Совершались нападения на жандармов, таможенников и других чешских служащих. Бойкотировались адвокаты, врачи и коммерсанты еврейской национальности. Политических противников нацизма убивали"4.

В сентябре 1938 года Генлейн сформировал в Чехии военную "пятую колонну" - так называемый "Судето-немецкий добровольческий корпус" численностью 40 тысяч человек, который гитлеровская Германия оснастила пехотным оружием. Центр шпионских донесений возглавлял начальник штаба партии судетских немцев и главарь агентов Рихард Ламмель. В архиве министерства юстиции ЧССР имеется насчет этого документ, являющийся убедительным доказательством:

"Центральное бюро: г. Зельб, Франц-Генрихштрассе, 21, тел. № 294 и 573.

Заместитель Конрада Генлейна К.Г. Франк настоящим поручает Рихарду Ламмелю организацию всего разведывательного дела и связи.

Цель и задача:

1. Как можно скорее установить связь из Зельба с организационными бюро в Чехословакии.

2. Сбор показаний и сообщений беженцев и курьеров, направление их служебным инстанциям рейха и прессе для контроля и использования.

Осуществление. Для этого создаются:

а) "Центральное бюро" в Зельбе;

б) бюро в Гофе, Вальдзассене и Дрездене;

в) в дальнейшем будут созданы бюро и в других местах.

Руководство "Центральным бюро" в Зельбе принимает на себя в качестве начальника штаба д-р Вальтер Бранд, бюро в Гофе - Рудольф Дутль и д-р Эрнст Черны, бюро в Вальдзассене - Рудольф Занднер и Антон Лангханз, в Дрездене инженер Вольфганг Рихтер. Связь "Центрального бюро" с НСДАП, ее подразделениями и органами рейха поручается д-ру Фрицу Кельнеру. Руководитель пресс-бюро - д-р Вильгельм Зебековски.

Рихард Ламмель"5.

Донесения из шпионского центра партии судетских немцев в Зельбе служили основой для диверсий. Их отправляли в штаб-квартиру Генлейна в замке Дондорф, неподалеку от Байрёйта. Осенью 1938 года адмирал Канарис приезжал туда почти через день, чтобы получить информацию и отдать новые приказы о диверсиях6.

При изучении фамилий агентов в документе, обнаруженном в архиве, становится более понятным, почему Лахузен так старался, чтобы его специалисты по диверсиям остались неназванными. В качестве руководящих функционеров реваншистского "Землячества судетских немцев" в ФРГ продолжали вести подрывную деятельность против ЧССР Вальтер Брандт, Фриц Кельнер, Вильгельм Зебековски7.

Через месяц после аннексии так называемой Судетской области приказом Гиммлера Карл Герман Франк с 1 ноября 1938 года был "принят в [эсэсовские] охранные отряды"8 и одновременно назначен бригадефюрером СС, что соответствовало чину генерал-майора вермахта.

На процессе над главными военными преступниками в Нюрнберге Франк умолчал о своей деятельности по заданиям управления ОКВ "Заграница/абвер" и, будучи связан инструкциями, сохранил тайну вплоть до казни9.

"ОСТФОРШЕРЫ"* СТАНОВЯТСЯ
СПЕЦИАЛИСТАМИ ПО ДЕМОРАЛИЗАЦИИ

Еще за несколько лет до нападения гитлеровской Германии на Польшу начала Второй мировой войны абвер II стал систематически увеличивать свой кадровый состав для усиления

действий по деморализации других народов, организации идеологических, материальных и другого рода диверсий в наиболее важных районах. Штольце, как непременный участник этих действий, писал в своих показаниях:

"Проблема офицерских кадров встала и в других отделах абвера, несмотря на то что они находились в более выгодном положении, так как были созданы ранее и имели в своем распоряжении хорошо вышколенный костяк. Речь шла в первую очередь об использовании бывших офицеров разведывательной службы.

* Реакционные псевдоученые, под видом "изучения Востока" ("остфоршунг") занимавшиеся шпионской и подрывной деятельностью против восточноевропейских стран, а затем и против Советского Союза.

Для абвера I особенно подходили:

- офицеры, длительное время находившиеся за границей, у которых там были хорошие связи, особенно с вооруженными силами соответствующей страны;

- офицеры с просто хорошими зарубежными связями;

- офицеры, которые прежде занимались изучением вооруженных сил иностранных государств;

- офицеры военно-экономической разведки из экономических кругов, у которых были тесные связи с военной промышленностью иностранных государств;

- офицеры, сведущие в области зарубежной военной промышленности.

Абвер III придавал особое значение бывшим криминалистам.

Для абвера II подходили:

- офицеры - специалисты взрывного дела, т. е. саперы;

- знатоки национальных меньшинств.

Кадровый состав абвера пополнялся иногда (в порядке компенсации нехватки офицеров), после соответствующего отбора, офицерами запаса. Из их числа в абвере II служили:

- профессор Кох, руководитель Института Восточной Европы" в Бреслау10,

- профессор Оберлендер, руководитель "Союза германского Востока",

- д-р Маркерт, управляющий делами "Общества изучения Восточной Европы"11,

- Каппе, член заграничной организации гитлеровской партии в США12.

Чтобы не создалась ситуация - особенно неблагоприятная во время войны, - при которой не хватало бы молодых кадров, абвер II сначала провел учения офицеров запаса. Затем в 1942 году, уже

во время войны, в Бранденбурге была создана школа абвера II под руководством майора Фебека, в которой молодые офицеры получали теоретические знания и практические навыки для работы в абвере II".

ПОСЛАННИК ФОН КИЛЛИНГЕР
ТРЕБУЕТ УДАРНЫЕ ОТРЯДЫ

Политическая и промилитаристская подрывная деятельность все прочнее становилась составной частью германской экспансионистской политики. Об этом говорит, например, массированная инфильтрация в Румынию агентов управления ОКВ "Заграница/абвер". Причем гитлеровские генералы, дипломаты и фюреры СС действовали рука об руку.

Германской военной машине требовалось гарантированное снабжение румынской нефтью. Ни в малейшей степени не считаясь с международным правом, ОКВ без колебаний приказало 10 октября 1939 года создать в Румынии фашистскую организацию для охраны нефтяных месторождений13. Но форсированное осуществление этого приказа натолкнулось на некоторые трудности: управление ОКВ "Заграница/абвер", которое должно было на чужой территории "защищать" транспортировку нефти по Дунаю, еще не имело в Бухаресте ни своего отделения, ни "Военной организации"14.

В дело рьяно включился со своими противоречащими международному праву предложениями нацистский посланник в Румынии барон Манфред фон Киллингер. В совершенно секретном донесении имперскому министру иностранных дел Иоахиму фон Риббентропу и абверу II от 14 апреля 1940 года он, в частности, заявлял:

"...Наряду с уже принятыми организацией Канариса и СД абверовскими мерами, а также мерами, упомянутыми в моем предыдущем докладе, я все же вношу еще и следующее предложение, которое обсудил со всеми влиятельными органами:

1. Обучить и иметь в боевой готовности ударные отряды из "фольксдойче" под командованием германских офицеров. Необходимо примерно 10 таких командиров, которых должен предоставить абвер Канариса.

2. "Дунайскому пароходному обществу" немедленно привести в готовность стоящий в Вене на приколе и в бездействии пассажирский пароход в качестве учебного судна для подготовки рулевых и лоцманов по Дунаю. Команду обеспечивает "Дунайское пароходное общество". В качестве обучающихся на борту будут находиться 60 человек из СД (шесть групп по девять человек и одному командиру в каждой).

В случае необходимости проведения акций эти группы будут

распределены по находящимся поблизости буксирам, участвующим в акциях. Иное размещение наступательных групп на буксирах или с целью обеспечения свободного пути по Дунаю исключено. На учебном судне можно будет одновременно проводить обучение морскому делу и наступательным действиям.

Подготовка парохода должна быть обеспечена абвером Канариса, группы дала бы СД.

Более подробное предложение будет направлено Канарису мной и влиятельным представителем абвера в ближайшие дни.

ф[он] Киллингер"15.

Абвер II под началом Лахузена и Штольца, а также абвер III вместе с СД осуществили это предложение. Исполнителем была специальная часть "Бранденбург" в тесном взаимодействии с агентурными командами СД. Начальник румынской сигуранцы* полковник Морозов одобрил акцию.

Румыния была и остается второй после СССР нефтедобывающей страной в Европе. Гитлеровская Германия нуждалась для своей военной машины в стратегически важном сырье, однако, так как румынские нефтяные источники были освоены с помощью английских концернов и английского технического персонала, она опасалась, что со стороны Великобритании будут предприняты какие-либо акции вредительства. Конкуренция принимала военные формы, и германский империализм пустил в ход отряды своей секретной службы. Они снова выступили авангардом следующего за ним вермахта. Штурмбаннфюрер СС майор Вильгельм Хёттль, он же Вальтер Хаген, комментирует: таким образом, "создавался прецедент, который в будущем приобрел неожиданное значение: требования защиты от диверсий стали причиной и оправданием посылки германских войск в Румынию... Уже в октябре 1940 года в Бухарест прибыли первые части вермахта под командованием генерала кавалерии Эрика Ханзена. Постепенно численность германских войск, служивших образцом [для румынской военщины], была увеличена примерно до двух дивизий. Они являлись постоянным фактором силы..."16

ЧУДО-ОРУЖИЕ ДЛЯ ШПИОНОВ И ДИВЕРСАНТОВ

Управление ОКВ "Заграница/абвер" не жалело ни сил, ни денег, чтобы оснастить своих агентов совершенными для того времени средствами шпионажа и диверсий. Письменные показания полковника Штольце дают возможность заглянуть в эту сферу, которая тщательно сохранялась в тайне:

"Из средств передачи донесений наиболее удовлетворяющее всем требованиям - радио. Рацию лучше всего было замаскировать под обычный радиоприемник, благодаря чему

наличие антенны, необходимой для передатчика, не привлекало внимания. Особые трудности возникали с маскировкой антенны, так как по техническим причинам (длина волны) она иногда должна была быть довольно большой. Разумеется, непременным условием маскировки рации была ее возможность принимать обычные радиопередачи. Технические данные такого рода раций мне неизвестны. Но я припоминаю демонстрацию одной радиофирмой радиосерванта с проигрывателем, который при помощи нескольких винтиков мог быть быстро приспособлен для приема и передачи шпионских сведений.

Изготовлял абвер и рации, помещавшиеся в маленьком чемодане. Их преимущество состояло в том, что можно было постоянно менять места выхода в эфир, а потому запеленговать их было трудно, особенно если передача или прием велись, например, из леса. Эти рации представляли собой упрощенный вариант ранцевой рации, находившейся на вооружении войск.

Были, я помню, и другие передатчики, которые для маскировки встраивались в стену и включались какой-нибудь тоже замаскированной кнопкой или клавишей. Разумеется, настраивать рацию надлежало незаметно. Лучше всего это получалось тогда, когда у агента был свой дом.

Вспоминаю один такой случай в отделении абвера в Дрездене. Его резидент (т. е. лицо, которое постоянно находится в стране-объекте этого отделения абвера, в данном случае - в Чехословакии, руководит группой агентов и передает своему отделению полученные от них сведения) получил через судето-немецкий банк определенную сумму денег на постройку небольшого дома. С помощью другого доверенного лица абвера, электротехника по профессии, при строительстве дома в стену вмонтировали рацию. Клавишу включения замаскировали под обычный электрический выключатель. Было это в 1936 году.

Во время войны агентов оснащали переносными радиоаппаратами на батареях.

Агенты (если они не были задействованы группой сразу) сначала проходили теоретический курс обучения. Его вели техническая группа абвера в Берлине и опытные в диверсионном деле абверовцы из отделений абвера, абвер-команды и отряды абвера в полевых условиях в лагерях. Затем следовал практический курс. Как в теории, так и на практике особое значение придавалось умению агента самому изготовлять взрывчатые средства из тех материалов, которые можно было свободно купить в стране пребывания. [...]

Во время войны были завербованы восемь бывших американских граждан немецкого происхождения для работы

против Соединенных Штатов. Их обучала техническая группа абвера в замаскированном под небольшое крестьянское хозяйство лагере Квенцзее около Бранденбурга. Здесь были оборудованы учебные помещения и небольшая лаборатория. Практические занятия (например, взрыв железнодорожных рельсов) тоже проводились на территории лагеря. Так как к лагерю примыкал учебный полигон, взрывы не привлекали внимания населения, и секретность сохранялась. Весь период обучения эти лица жили и питались в Квенцзее". [...]

Техническое оснащение нацистских диверсантов со временем становилось все более совершенным и коварным.

ДИВЕРСИОННЫЕ АКЦИИ В ЕВРОПЕ, АФРИКЕ И США

Под девизом "Пощады не давать, самим пощады не ждать!" начали действовать отряды диверсантов-взрывников. Объектами их действий стали Англия и Ирландия, Франция, Северная и Южная Африка, США...

Приказы диверсантам исходили от полковника Эрвина Штольце, который, находясь под следствием, показал:

"Объекты диверсий определял не только абвер II, но и, в отдельных случаях, компетентные органы, руководствуясь тактическими или военно-экономическими соображениями. Среди объектов диверсий были, например, склады продовольствия в Англии.

Задания абверу исходили главным образом от:

а) Верховного главнокомандования вермахта - в первую очередь по линии связи с руководителями национальных меньшинств с целью разложения вооруженных сил страны-объекта;

б) отдела ведения торговой и экономической войны (диверсии против военной промышленности противника, особенно в отношении проявлявшихся "узких мест" в ней).

Абвер II имел право вносить предложения лишь в том случае, если его агент досконально знал объект или по своим данным особенно подходил для совершения диверсии. [...]

Не всегда агент выполнял задания под своим именем. Фальшивые же документы должны были выдержать любой контроль и проверку. Если агент был из числа "рейхсдойче", то трудностей с их изготовлением не возникало, так как паспортный отдел германской полиции по ходатайству абвера мог сделать любой германский паспорт. Правда, поначалу полицей-президиум в Берлине не учел немаловажное обстоятельство - то, что обычно паспорта выдавались соответствующим полицейским участком. Это могло повредить агенту. Изготовить паспорта других стран было гораздо труднее".

Затем Штольце внес в протокол допроса по памяти следующие факты:

"Взрыв железнодорожного виадука.

Швейцария поставляла Англии агат, имеющий важное значение для производства взрывателей снарядов зенитных орудий, а через фирму "Эрликон" - готовые взрыватели для них. Поскольку диверсии на швейцарских заводах по политическим соображениям считались нецелесообразными, абвер II в 1940 году получил задание уничтожить железнодорожные составы, шедшие через Францию в Испанию. Объектом диверсий стал железнодорожный виадук около Аннемасс в неоккупированной части Франции, в районе, вплотную примыкавшем к границе.

Диверсанты были снабжены фотоснимками, картами, планами местности и взрывчаткой. Пройдя учебную подготовку, они тайно перешли демаркационную линию и осуществили операцию.

Действия против Англии.

Отделение абвера II в Осло примерно в 1943 году завербовало двух норвежцев для диверсий в Англии. После спецподготовки они под видом врагов Германии были посажены в следственную тюрьму, откуда "бежали", "примкнув" к норвежскому движению Сопротивления. [...] Был объявлен их "розыск", но, как и рассчитывал абвер, норвежское движение Сопротивления переправило обоих в Англию.

Аналогичную игру провело в 1943 году отделение абвера в Брюсселе. Сотруднику абвера II удалось внедриться через агентов в бельгийское движение Сопротивления, центр руководства которого находился в Англии. С ведома абвера III были осуществлены намеченные в Англии акты диверсий против некоторых работающих на Германию бельгийских фирм, причем без какого-либо ущерба для них, но в Англию было сообщено об успехе операции. Игру подкрепили соответствующие сообщения в печати и полицейские "розыски" злоумышленников. Абверовцы, участники диверсии, при содействии бельгийского и связанного с ним французского Сопротивления были переправлены в Испанию, а оттуда морем в Англию, где им предстояло осуществить ряд диверсий.

Аресты в Ирландии".

Когда Штольце писал о случае, который излагается дальше, он не знал, что в архиве фашистского министерства иностранных дел сохранились секретные документы о том же эпизоде войны. Они касаются Ирландии. Во время Второй мировой войны гитлеровская Германия всеми силами старалась использовать в своих интересах определенные антибританские группировки с

целью ослабления Англии.

В этой связи имеет смысл обратиться к архивному секретному документу, переданному германским посланником в Ирландии Эдуардом Хемпелем по телеграфу в Берлин:

"Сов. секретно

№ 269 от 24.05

Дублин, 24 мая 1940 г.

Получен: 25 мая

Ирландское радио передало сегодня вечером подробное сообщение об аресте ирландца Хельда. При обыске у него дома обнаружены планы ирландских портов, оборонительных сооружений, радиоаппаратура, 20 тыс. долларов, секретные шифры, парашют неизвестного типа, знаки различия германских ВВС, немецкие ордена периода Первой мировой войны, военные фуражки, черные галстуки немецкого пошива. Все это найдено в комнате, где проживал немец Бранди, который будто бы приехал в воскресенье и попросил сдать ему квартиру. По показаниям Хельда, незадолго до обыска он исчез. Бранди родственник жившего здесь, но недавно умершего немца с той же фамилией. Считаю, что Бранди заподозрили здесь в шпионаже... Прошу как можно скорее указания..."17

Уже на следующий день взволнованный дипломат Хемпель шлет в министерство иностранных дел следующую депешу:

"Супруга преподавателя Берлинского университета арестована в связи с подозрением в укрывательстве Бранди. Таким образом, инцидент оборачивается против нас, а также опровергает все комбинации насчет английских интриг. [...] Опасаюсь резкого ухудшения нашего положения здесь, на что намекает, в частности, опубликование всех подробностей инцидента. Поскольку Стюарт общалась с нами, лично я тоже нахожусь под большой угрозой. Опасаюсь также неосторожных высказываний Стюарт в письмах. Использование инцидента в Англии и США неизбежно. Бранди, кажется, еще не схвачен"18.

Штольце обрисовал эту ситуацию так:

"В 1940 году над Ирландией был сброшен парашютист - офицер люфтваффе. Однако спуск его не остался незамеченным, поэтому офицер вынужден был бездействовать и скрываться. Через германское посольство в Ирландии и через министерство иностранных дел ему удалось дать о себе знать. Он просил абвер II об эвакуации на подводной лодке или самолете. Но все планы вывоза его (например, на гидроплане с одного из ирландских озер) были нереальны. Это говорит о том, что эвакуировать доверенное лицо или агента - даже из не воюющей страны - было почти невозможно".

Вероятные последствия этой провокации против нейтральной Ирландии побудили помощника статс-секретаря, начальника политического отдела министерства иностранных дел д-ра Эрнста Вёрнемана 3 июля 1940 года положить на стол рейхсминистру Риббентропу следующий документ:

"Хельд - ирландский подданный и один из активистов Ирландской республиканской армии. В апреле этого года прибыл из Ирландии в Германию и представил известный господину имперскому министру иностранных дел по описаниям Везенмейера план "Артус", предусматривающий высадку германских войск в Северной Ирландии. Абвер не высказал Хельду своего мнения насчет плана. Хельд вернулся в Ирландию.

Вскоре германский офицер Бранди, доверенное лицо, приземлился в Ирландии на парашюте. При себе у него были средства связи, довольно большая сумма денег в долларах, секретные шифры, полученные от абвера адреса Хельда и госпожи Стюарт как доверенных лиц, у которых он в случае необходимости мог найти убежище. Затем Бранди недолго жил в квартире Хельда, спрятав там снаряжение, знаки различия германских ВВС, германские награды времен Первой мировой войны и другие военные атрибуты, планы ирландских портов и оборонительных сооружений. Потом он исчез.

Каким образом удалось обнаружить улики в квартире Хельда, подробно здесь неизвестно. Возможно, что в связи с систематически проводимыми обысками в домах членов ИРА; но возможно также, что здесь имело место предательство. Дал ли Хельд при аресте компрометирующие показания и какие именно, тоже неизвестно.

Как следует из донесения посланника Хемпеля, найденные у Хельда вещи, немецкое производство которых очевидно, привлекли к себе пристальное внимание ирландского правительства и породили опасения, что это предвестники высадки германских войск на территории ирландского свободного государства...

О репрессивных мерах в ответ на арест не может быть и речи, ибо Хельд - ирландский подданный, и, кроме того, нельзя показать заинтересованность Германии в данном инциденте. О чем через господина статс-секретаря доводится до сведения господина рейхсминистра.

Вёрнеман"19.

Этот документ вновь свидетельствует о том, как гитлеровское министерство иностранных дел старалось покрыть операции секретной службы.

Далее полковник Штольце описывает заброску агентов в

Африку:

"Операция "Вайсдорн" ("Боярышник").

Цель операции - установление контакта с движением (в ЮАС) "Оссева-Брандваг" и активизация его20.

[...] Незадолго до вступления в войну США из одного из французских портов, сохраняя маскировку, отбыла парусно-моторная яхта с агентом-южноафриканцем на борту. Команда яхты была специально подобрана и состояла из опытных моряков. Курс пролегал вдали от морских путей, без захода в порты. Агент был высажен в запланированном месте. Яхта вернулась обратно.

Сама операция оказалась успешной и оправдала затраченные на нее силы и средства. Даже при ее неудаче потери были бы терпимы.

Операция "Хай" ("Акула").

Эта диверсионная акция была предпринята против английского тылового снабжения на североафриканском побережье после начала германского отступления. Диверсионная команда, состоявшая из 4-5 немецких солдат во главе с молодым офицером, снабженная взрывчаткой, была доставлена из Греции на подводной лодке. Высадилась в сумерках с надувной лодки, которую подводная лодка после проведения операции должна была забрать. Взрыв удался. Однако группу обнаружили и после короткого боя взяли в плен. Подводная лодка смогла вовремя уйти. Ее потеря никоим образом не оправдывалась бы достигнутым успехом.

Операции против Америки.

Вопреки историческим фактам в западногерманской литературе о Второй мировой войне постоянно утверждается, будто управление ОКВ "Заграница/абвер" перед вступлением США в войну строго придерживалось директивы не предпринимать в Соединенных Штатах никаких диверсионных действий. Например, Герт Буххайт еще в 1966 году так пытался завуалировать истину:

"В отличие от абвера I абверу II до объявления Германией войны Соединенным Штатам запрещалась какая-либо деятельность в США... Поэтому подготовительные меры абвера II для диверсий против США в случае войны практически ограничивались лишь так называемой мексиканской базой"21.

Однако эта фальсификация опровергается документами. Приведем показание весьма хорошо посвященного в эти дела полковника Эрвина Штольце:

"Если требовалось внедрить доверенное лицо в какую-либо страну, то еще до вступления ее в войну надо было предусмотреть для него такую деятельность в соответствии с образованием и

способностями, которая давала бы ему достаточный доход. В США до вступления в войну абвером II были внедрены несколько агентов. Насколько я помню, один из них открыл коммерческое агентство и разъезжал по штатам, посещая заодно важные для его диверсионной деятельности места и вступая в контакт с различными слоями населения. Такой бизнес не вызывал в США подозрений..."

Дата официального объявления гитлеровской Германией войны США - 11 декабря 1941 года. Но провалы агентов говорят о том, что управление ОКВ "Заграница/абвер" перешло к ведению подрывной войны в США задолго до этой даты.

Телеграмма ответственного за действия абвера в США посланника I класса д-ра Ганса Томсена22:

"Срочно Вашингтон, 21 мая 1940 г., 20 час. 48 мин.

Сов. секретно Получено: 22 мая, 18 час. 20 мин.

№ 979 от 21.5

Господину статс-секретарю

На телеграмму № 79 от 27.1

[...] После того как мне стало известно о новых признаках деятельности агентов вермахта в США, я в результате тщательного изучения установил следующее:

Агент фон Хаузбергер недавно получил через Португалию задания от майора Остена23: вступить в контакт с определенными американскими гражданами немецкого происхождения и обучить их диверсионному делу. Однако вскоре он установил, что рекомендованные лица для намеченной цели совершенно непригодны. Не исключено и участие провокаторов. Круг лиц расширяется, что влечет за собой повышение опасности разоблачения. Мое мнение: деятельность агентов должна начинаться только в случае серьезной угрозы. [...]

1917 год показывает, что американское общественное мнение по вопросу о вступлении в войну в значительно меньшей степени подогревалось подводной войной Германии, нежели мнимыми или действительными актами диверсий. Если факт такого рода станет известен американскому правительству, то ему будет легко нажить на нем огромный политический капитал. [...]

Агенту Хаузбергеру полностью ясна опасность его действий, но он выполняет приказ вышестоящих органов. Вполне вероятно, что американские власти уже установили за ним слежку, поскольку всячески стараются вскрывать инциденты подобного рода или в случае необходимости создать их. Американскую общественность систематически держат в состоянии возбуждения сообщениями о германской агентурной деятельности и о "пятой колонне" в Соединенных Штатах и Мексике. Даже успешная

деятельность агента вермахта в случае войны никоим образом не отвечает тому политическому ущербу, ликвидировать который будет нельзя [...] Экономический ущерб для США будет минимальным, учитывая огромную производственную мощь Соединенных Штатов Америки [...]

Поскольку я располагаю сведениями о деятельности и других агентов (например, барона Майделя), считаю срочно необходимым, чтобы вермахт вообще отказался от всякой агентурной деятельности в США. Заранее благодарен за принятые меры.

Томсен"24.

На следующий день Томсен продолжил доклад статс-секретарю министерства иностранных дел:

"До сих пор я полагал, что деятельность агентов вермахта в Соединенных Штатах, согласно приказу, должна начаться только после разрыва отношений или объявления войны.

Однако в действительности происходит другое, и это видно, например, из заявления одного из агентов, который, мучимый сомнениями в отношении целесообразности своих действий, поделился ими с чиновником генерального консульства в Нью-Йорке. [...]

Речь идет об агенте Бергмане, проживающем в Нью-Йорке. В прошлом директор кинофирмы в Вене, ссылается на знакомство с генеральным консулом Видеманом25, с которым хочет вступить в контакт, чтобы побудить его вмешаться. Настоящая фамилия Бергмана мне неизвестна. Видеман по описанию личности агента (отличительный признак - протез) сходства не установил.

Бергман пришел к убеждению, что акции, которые он должен совершить согласно приказу, дадут противоположный результат, а его помощники непригодные для дела болтуны. Целью его разговора с Видеманом должно быть:

1) освободиться от выполнения заданий,

2) немедленно приостановить все диверсионные акты.

Он считает, что вступление Америки в войну в случае раскрытия его деятельности неизбежно и что материальный ущерб, который он в лучшем случае сможет причинить американской военной экономике, ничтожен.

У меня нет оснований сомневаться в том, что акты диверсий в Соединенных Штатах уже начались. Насколько велика агентурная сеть, сказать не могу, но, судя по эпизодам с Хаузбергером и Бергманом, речь идет о регулярной организации.

Если моей главной задачей является всеми имеющимися в распоряжении средствами не допустить вступления Соединенных Штатов в войну и сохранить те немногие ценные связи, которые у

нас еще есть, то в результате вышеописанной деятельности агентов вермахта эта задача будет просто сорвана. Их деятельность - самый верный путь привести Америку к активным действиям на стороне врага и уничтожить последние остатки симпатии к Германии. Какой-либо политической или военной пользы я в ней усмотреть не могу...

Томсен"26.

Управление ОКВ "Заграница/абвер" заслало в США и другого агента под видом религиозного деятеля. И он тоже, ища помощи, пришел в вашингтонское посольство. Томсен снова обратился к статс-секретарю министерства иностранных дел бригадефюреру СС барону Эрнсту фон Вайцзеккеру, но на этот раз отнесся к действиям агентов более положительно:

"Сов. секретно Вашингтон, 20 июня 1940 г. 8 час. 03 мин.

№ 1237 от 20. 6 Получено: 21 июня, 7 час. 55 мин.

Господину статс-секретарю.

Ко мне явился мнимый протестантский пастор Веткло из Дуденхофена близ Вецлара и заявил, что по заданию окружного командования ОКВ в Висбадене он под номером 1406 недавно прибыл сюда на клипере. Выдавая себя за представителя Рейнского миссионерского общества, он должен завербовать доверенных лиц. Якобы по указанию из Висбадена просил совета посольства насчет приобретения или сборки коротковолнового передатчика; в случае конфликта с американскими властями просил поддержки со стороны посольства.

Прошу телеграфного указания, соответствуют ли эти данные фактам. Повторяю, что всякий радиообмен недавно запрещен властями, ввиду опасности действий "пятой колонны" введен строгий контроль над всеми радиопередачами".

Далее Томсен упоминал об американском гражданине "Эдди Дюнзере из Фельдкирхе (Австрия), который 14 мая якобы был направлен ОКВ через Геную в Соединенные Штаты. Дальнейшие указания ОКВ он будто бы должен получить от агента в одной из нью-йоркских пивных. Однако, поскольку тот не явился, Дюнзер растерялся и обратился в официальное представительство. Прошу указаний.

Если германские военные органы не могут отказаться от такого способа добывания разведданных, то они должны, особенно в нынешних условиях, при всех обстоятельствах удерживать агентов от установления связи с полицией и германскими заграничными представительствами.

Томсен"27.

Таким образом, доказано, что агенты гитлеровской Германии действовали в США еще до объявления войны.

Позже управление адмирала Канариса после тщательного отбора и обучения направило в Нью-Йорк еще восемь диверсантов.

Полковник Штольце писал об этом:

"Восемь доверенных лиц, бывших граждан США, с помощью немецких кругов в Соединенных Штатах должны были осуществить диверсионные акты против "узких мест" в американской промышленности. Подготовка и обучение производились в специальном лагере абвера на озере Квенцзее около Бранденбурга. Затем две группы по четыре человека в каждой были высажены на [американском] побережье с подводной лодки. Поскольку одна из групп из-за слишком шумного поведения диверсанта натолкнулась на американский береговой патруль, можно предположить, что в ней находился предатель или американский контрагент. Примерно через 14 дней после высадки все восемь агентов и их сообщники были арестованы".

ДИВЕРСИОННЫЕ ЦЕЛИ В ПЛАНЕ "БАРБАРОССА"

Своей кульминации подрывная деятельность управления ОКВ "Заграница/абвер" достигла в период интенсивной подготовки гитлеровской Германии к нападению на СССР. В планах фашистского блицкрига большое место уделялось шпионажу и диверсиям.

Гитлер приказал доложить ему лично всеобъемлющую концепцию германских специалистов в этой области, которые уже столь успешно применяли в подрывной деятельности тактику троянского коня. Все говорило о том, что адмирал Канарис и его присные приложат все силы, лишь бы, так сказать, блеснуть своим "мастерством".

Полковник Эрвин Штольце 25 декабря 1945 года подробно изложил эту концепцию. Приводим полный текст его заявления28:

"В марте или апреле 1941 года полковник Лахузен вызвал меня в свой кабинет и сообщил, что вскоре предстоит вооруженное нападение на Советский Союз. В связи с этим он приказал мне дать оценку всех материалов о Советском Союзе, которыми располагал абвер II, с точки зрения успешной диверсионной деятельности против СССР.

Лахузен предупредил, что сообщение о подготовке нападения на Советский Союз должно держаться в строжайшей тайне.

Затем я получил от Лахузена указание сформировать под моим руководством особую группу. Ее кодовое наименование "А", она предназначалась исключительно для подготовки диверсионной деятельности в советском тылу и его

деморализации.

Одновременно Лахузен ознакомил меня с приказом штаба оперативного руководства вермахта, содержавшим директивы о подрывной деятельности на советской территории после нападения Германии на Россию. Приказ был подписан фельдмаршалом Кейтелем, завизирован генералом Йодлем (или по поручению Кейтеля генералом Варлимонтом - точно не припомню), в нем впервые употреблялось слово "Барбаросса". В дальнейшем все приготовления к войне против Советского Союза обозначались кодовым названием "план Барбаросса".

В приказе указывалось, что для поддержки молниеносного удара по Советскому Союзу абвер II должен с помощью сети доверенных лиц направить подрывную работу, ведущуюся против России, на разжигание национальной ненависти между народами СССР. В порядке выполнения приведенных выше указаний Кейтеля и Йодля я установил связь с находившимися на службе абвера украинскими националистами и членами других националистических групп.

В частности, я лично дал главарям украинских националистов Мельнику (кодовая кличка Консул I) и Бандере указание немедленно после нападения Германии на Россию организовать на Украине провокационные путчи с целью ослабить тыл советских войск, а также оказать влияние на мировое общественное мнение, раздувая якобы происходящее разложение советского тыла.

Абвером II были также подготовлены особые отряды для подрывной деятельности в советских Прибалтийских республиках. Германским агентам в Литве было, например, дано задание захватить железнодорожный туннель и мосты близ Вильнюса. В Латвии диверсионные отряды должны были захватить мосты через Западную Двину. Все захваченные стратегически важные объекты должны были охраняться нашими диверсионными отрядами от разрушения и удерживаться до подхода регулярных германских войск.

Одновременно я вместе с Лахузеном начал формирование и укомплектование личного состава команд и отрядов абвера II при германских группах армий и армиях, сосредоточенных на восточных границах Германии. Их задачей были организация и осуществление диверсионной деятельности в тылу советских войск.

Мне также известно, что отделения абвера в Кенигсберге, Варшаве, Кракове и "Военная организация" в Финляндии в связи с подготовкой нападения на Россию получили от руководителя абвера адмирала Канариса указание предельно усилить

шпионскую деятельность против Советского Союза.

Вблизи Варшавы абвер создал в конце мая 1941 года особое отделение так называемый "штаб Валли" для обеспечения войск, предназначенных к вторжению в СССР.

Кроме того, для диверсионных действий на советской территории была сформирована в 1940 году специальная часть - учебный полк особого назначения "Бранденбург 800", который подчинялся непосредственно начальнику абвера II Лахузену. В его задачу входили захват важных в военном отношении объектов - мостов, туннелей, предприятий - и удержание их до подхода авангардных войск вермахта. В нарушение международных правил ведения войны полк, состоявший преимущественно из "фольксдойче", имел в большом количестве обмундирование и оружие вражеских государств для маскировки своих операций.

В период подготовки нападения Германии на Россию полк "Бранденбург" тоже обеспечивался предметами обмундирования и оружием Красной Армии; формировались отдельные отряды из немцев, владевших русским языком.

Вот в общих чертах все, что я могу сказать о мерах абвера II к моменту нападения на Советский Союз. Должен добавить, что обо всем этом было доложено адмиралом Канарисом фельдмаршалу Кейтелю и, по мнению Лахузена, утверждено им.

Из числа других мер высшего командования по осуществлению плана "Барбаросса" мне известно совещание представителей всех видов вооруженных сил, состоявшееся в начале мая (1941 г.) в Крампнице, около Потсдама, под председательством заместителя начальника штаба оперативного руководства вермахта генерала Варлимонта. На совещании присутствовали: сотрудники Варлимонта, начальник отдела пропаганды вермахта полковник (позже генерал) фон Ведель, представители абвера, в частности полковник Рудольф, полковник Лахузен и я, представители видов вооруженных сил (имена не припомню). Варлимонт от имени генерала Йодля предложил разработать наиболее эффективные меры маскировки готовящегося нападения на Советский Союз.

В ходе обсуждения участники совещания пришли к выводу, что лучше всего замаскируют подготовку к нападению на Советский Союз мероприятия по осуществлению плана "Морской лев", т. е. плана высадки на побережье Британских островов. С этой целью предусматривалось перебазирование значительной части германского военно-морского флота в порты на французском и немецком побережье Северного моря, а также сосредоточение соединений люфтваффе на французских авиабазах.

Сосредоточение крупных соединений германских войск на германо-советской границе должно было быть истолковано как отвлекающий маневр в связи с мероприятиями по плану "Морской лев".

Выработанные на этом совещании предложения были доложены Кейтелю и Йодлю, а ими - Гитлеру. От Лахузена я узнал, что в общем и целом план был утвержден Гитлером к осуществлению.

Показания написаны мною собственноручно.

Штольце".

КОМАНДЫ УБИЙЦ ДЕЙСТВУЮТ
С СУШИ И С ВОЗДУХА

При нападении гитлеровского вермахта на Советский Союз абвер II активизировал действия сети своих агентов. Важнейшие из этих действий, планировавшиеся и подготавливавшиеся централизованно, полковник Штольце, находясь в советском плену, охарактеризовал так:

"Операция "Эрна".

Речь шла о выброске на парашютах 15 эстонских офицеров под командой германского зондерфюрера Шварце с целью создания боевой группы в тылу Красной Армии.

Операция северо-восточнее Ленинграда.

По указанию отделения абвера "Остланд" (в Риге) был сброшен отряд агентов-парашютистов с заданием установить связь с литовцами и латышами, находившимися северо-восточнее Ленинграда, и подстрекать их к бунту. Оружие должно было быть сброшено с самолетов по получении радиограммы об установлении контакта. Радиограмма в абвер гласила, будто командир отряда после высадки уговаривал агентов сдаться Красной Армии. Он и его сторонники были ликвидированы, остальные агенты просили дать подкрепление и оружие. Так как возникло сомнение в подлинности радиограммы, последовал сдержанный ответ, и радиограммами занялся сотрудник абвера, готовивший этот отряд. Отсутствие условного сигнала в радиограммах убедило абвер II, что советская контрразведка сорвала операцию и старается захватить еще больше агентов с оружием. Операция была прекращена.

Операция "Закаспийская железная дорога".

Планировалось взорвать Закаспийскую железную дорогу в двух местах пересечения ее с реками (мосты).

Для проведения этой операции [...] отделение абвера "Остланд" нашло агента, прошедшего летную подготовку в ВВС. Едва успел самолет подняться с аэродрома близ Риги, как, несмотря на своевременное уведомление, был обстрелян

зенитками аэродрома и сбит. Виновный в этом офицер был предан военному суду и наказан.

Операция "Шамиль".

Была задумана с целью охраны нефтяных месторождений, в особенности нефтеочистительных заводов в Майкопе и Грозном от разрушений в случае отступления Красной Армии.

Диверсионная группа состояла из переодетых в советскую военную форму немецких солдат и агентов из пленных в соотношении 1:2 и насчитывала 20-25 человек. Командовал лейтенант Ланге. Обучение проводилось в специальном лагере. Заброска парашютистов состоялась примерно за 3-8 дней до ожидавшегося вступления германских войск.

[...] Техническое оснащение и вооружение группы было тщательно продумано. Кроме оружия, продовольствия, высокогорного снаряжения и топографических карт у группы были палатки и коротковолновая рация для связи с германскими командными органами.

При подготовке этой операции впервые возникла мысль вооружать подобные группы бесшумным огнестрельным оружием и винтовками, позволяющими вести прицельный огонь в темноте. Опыты с арбалетами к успеху не привели. Испытания же других видов оружия к тому времени закончены не были.

М а й к о п.

Отряд из 8-10 человек под командой унтер-офицера был сброшен с двух самолетов ночью. С точки зрения абвера, начало операции было неудачным: неправильно определено место выброски, из-за чего диверсанты и парашюты со снаряжением приземлились слишком далеко друг от друга и от сброшенного оружия. Германские войска не могли обеспечить соответствующей охраны, и красноармейцы взорвали объекты. В германских частях диверсантов приняли за советских шпионов и арестовали. С большим трудом им удалось избежать расстрела.

Г р о з н ы й.

Отряд в 15-20 человек под командой лейтенанта Ланге был выброшен с двух самолетов лунной ночью. Уже в воздухе диверсанты были обстреляны советскими частями. Тем не менее по приземлении образовались две группы. Но в группе Ланге не оказалось рации, так как парашют с ней не смогли разыскать. Из радиограммы другой группы, полученной штабом группы армий, было очевидно, что она пыталась разыскать следы группы Ланге, но тщетно. Группе Ланге все же удалось примкнуть к кавказским бандам, с помощью которых Ланге намеревался выполнить задание. Произошли небольшие стычки с советскими частями. От лазутчика Ланге узнал, что германские войска приостановили

свое продвижение и начали отступать. Поэтому он решил отказаться от выполнения задания и, переодевшись в штатское, пробиться на позиции германских войск. Его русские агенты по собственному желанию остались на месте. Ланге с двумя-тремя солдатами удалось добраться до передовой линии германских войск. От другой группы никаких радиограмм больше не поступало, и о судьбе ее ничего не известно.

Операция "Мурманская железная дорога".

Цель диверсии - нарушить главную линию снабжения Красной Армии на Севере - Мурманскую железную дорогу. Предполагалось, что отряд под командованием зондер-фюрера Шварце, абверовца из "Военной организации" в Финляндии, появится летом 1942 (или 1943 года) в зоне дороги под видом охотников. Отряд был сформирован из военнопленных - уроженцев данной местности - хороших охотников и мастеров одиночного боя. Забросить и эвакуировать отряд должен был самолет. Предусматривалось оставить диверсионный отряд на длительное время в тылу противника.

Старт был дан в Финляндии. Но финский истребитель, не информированный об операции, в поздних сумерках принял этот самолет за вражеский и обстрелял его. Не дотянув до места вылета, самолет упал. Весь экипаж погиб.

Операция "Смоленск".

Когда германскому командованию поступили первые сообщения о явном намерении Красной Армии перейти в контрнаступление на смоленском направлении, командование абвера II при группе армий "Центр" получило задание диверсионными актами как можно чаще выводить из строя железнодорожную сеть, полукругом огибавшую Смоленск с востока. Диверсантские группы часто доносили с мест о своих успехах, но проверить правдивость их сообщений было невозможно".

25 ноября 1936 года фашистская Германия и Япония заключили "Антикоминтерновский пакт" в целях борьбы за установление мировой гегемонии. В подрывной войне против Советского Союза их секретные службы действовали в тесном контакте29. Это относилось как к шпионажу, так и к диверсиям. Полковник Штольце, в частности, признал:

"Начало сотрудничеству с японцами положил руководитель управления абвера Канарис совместно с японским военным атташе Ошимой30. В 1935 или 1936 году по приказу адмирала Канариса я должен был информировать генерала Ошиму о положении в Австрии согласно данным абвера... Мне известно о сотрудничестве абвера I с офицерами японского атташе, когда

референтом абвера I-Ост являлся Баун31, т. е. после возвращения генерала Ошимы в Берлин уже в качестве японского посла. Вспоминаю о приеме у японцев, на котором Баун после долгой беседы с одним из японских офицеров сказал мне: "Я добился этого. Они идут вместе с нами".

После возвращения генерала Ошимы в Берлин в 1938 году в качестве японского посла адмирал Канарис вновь установил тесную связь с ним и поручил сначала капитану Гроскурту, тогдашнему начальнику абвера II, а затем подполковнику Лахузену, его преемнику, сотрудничать с японцами в сфере абвера II. Состоялись различные переговоры абвера II, представляемого Гроскуртом, Лахузеном и мной, с японскими офицерами. Результатом было заключение между Канарисом и Ошимой примерно следующего соглашения:

а) Руководство контрреволюционными украинцами в Европе - дело абвера II. Но японцы будут информироваться о состоянии дел.

б) Японцы со своей стороны активизируют связи на Дальнем Востоке с украинскими поселенцами в "зеленом углу" (район юго-западнее Владивостока, пограничный с Кореей и Китаем. - Ю.М.).

в) Работа против СССР на европейско-азиатской границе, на Кавказе, будет вестись совместно.

Японцы участвовали в финансировании Хайдара Бамата, германского агента (на Кавказе. - Ю.М.). Руководство им, как и выплата ему денег, находились в германских руках. Однако японцам предоставлялось право получать информацию о его деятельности непосредственно от него самого. Продолжали ли японцы работать с Хайдаром Баматом после прекращения абвером II отношений с ним, не знаю".

Итак, историческими фактами является то, что готовые на все агенты абвера наносили удары в спину народам Европы и Азии, Африки и Америки. Планы и сроки их действий точнейшим образом согласовывались с фашистской захватнической программой, с намерением германского империализма установить "новый порядок" в Европе и во всем мире. Управление ОКВ "Заграница/абвер" направляло подрывные легионы, не считаясь ни с международным правом, ни с закрепленными в межгосударственных договорах положениями, ни с дипломатическими осложнениями, ни даже с кодифицированными правилами ведения войны. Нацистские планы мирового господства, провозглашенные Гитлером в его "Майн кампф" и уточненные ОКВ в военном отношении, должны были "освятить" преступные методы и средства. Нельзя упускать из виду и следующее: нацистские агенты, затаившись в указанных

им районах, выжидали подходящего момента еще задолго до начала собственно военных действий.

СВИДЕТЕЛЬСТВА
ИЗ ЦАРСТВА НЕСГОРАЕМЫХ ШКАФОВ
АБВЕРОВСКИЙ ПАРТНЕР ГЕСТАПО

Многие люди задумывались над тем, как стало возможно, что фашистской Германии удалось столь долго более или менее маскировать свои форсированные приготовления к агрессии, в значительной мере сохранить в тайне свои планы нападения на другие страны.

Нацистам потребовались плотная сеть контроля, система мер по сохранению тайны, а также множество вместительных несгораемых шкафов. Все это означало устранение, а как правило и физическое уничтожение в Германии подлинных патриотов, коммунистов, демократов, пацифистов и лиц, преследуемых по расовым мотивам, из всех тех органов, которые двигали вперед вооружение и тайно готовили войну. Со временем в ее подготовку были вовлечены сотни, тысячи, миллионы немцев, будь то посредством "Закона о всеобщей воинской повинности" от 21 мая 1935 года в качестве солдат, будь то в качестве рабочих на заводах боеприпасов и в кузницах "чудо-оружия", будь то в качестве служащих в различных ведомствах и учреждениях. Абвер, гестапо и Служба безопасности (СД) согласованно и неустанно еще плотнее смыкали кольцо молчания.

Оглядываясь назад, нельзя, однако, не отметить, что позиция империалистических кругов Европы и Северной Америки весьма содействовала сохранению в тайне становившихся все более опасными приготовлений фашистов к войне. Эти круги публично выражали недоверие к антифашистским разоблачениям, не придавали им должного значения и длительное время явно не желали реально оценить опасность войны.

Человек, которому в решающей фазе подготовки вермахтом фашистской агрессии было поручено жестокое подавление немецких патриотов (нацисты называли их "опасными государственными преступниками"), а затем и антифашистских сил в оккупированных странах и который командовал комплексом контрразведки, происходил из среды милитаристского юнкерства. Родился 18 июля 1896 года в прусском гарнизонном городе Потсдам, звали его Франц Эккард фон Бентивеньи.

Выбор профессии не был для него проблемой. Восемнадцати лет, по окончании реального училища, добровольно отправился на фронт в качестве фанен-юнкера. Через год погиб его отец, кайзеровский кадровый офицер, подполковник. Но ни это, ни

личные впечатления от сражений, поглощавших людей как пушечное мясо, не смогли отвратить двадцатилетнего фанен-юнкера от избранной им офицерской карьеры.

Уже в 1916 году фон Бентивеньи получил во 2-м гвардейском полку полевой артиллерии лейтенантские погоны. Затем почти три десятилетия вплоть до подписания акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии в ночь на 9 мая 1945 года - непрерывно служил в кайзеровской армии, рейхсвере и вермахте, накопив большой военный опыт.

В 1931 году Бентивеньи завершил генштабистскую подготовку в министерстве рейхсвера. С 1936 по 1944 год служил в военной разведке и абвере. В 1936 году майор фон Бентивеньи стал Ic, т. е. начальником разведотдела, штаба XII военного округа в Висбадене, а осенью 1938 года офицером генерального штаба. После короткой службы в штабе 2б-й пехотной дивизии весной 1939 года, одновременно с производством в чин подполковника генерального штаба, началась его служба в качестве начальника абвера III в управлении ОКВ "Заграница/ абвер". Насчет своей тогдашней функции фон Бентивеньи, находясь в предварительном заключении, многозначительно засвидетельствовал:

"Абвер III был подчинен управлению ОКВ "Заграница/абвер" и имел следующие задачи:

1. Обеспечение контрразведывательной охраны вермахта и всех причастных к секретным делам учреждений рейха и военной промышленности. Воспитание всех "носителей тайны" в вермахте, имперских и земельных органах, на военных предприятиях, а через них и солдат таким образом, чтобы секретные дела всех учреждений вермахта оставались скрытыми от зарубежных разведывательных служб (профилактическая контрразведывательная защита).

Далее, в системе германского рейха абвер должен был разрабатывать принципиальные положения по сохранению военной тайны гражданскими властями, имевшими доступ к военным тайнам (высшие имперские органы, обер-президенты, правительственные президенты, земельные советники), а также военными предприятиями и с помощью уполномоченных абвера обеспечивать контроль за осуществлением этих положений.

2. Сбор шпионских данных о работе иностранных разведслужб, если она была направлена против учреждений вермахта. Цель: обезвреживание действующих агентов и выявление тех разведорганов, от которых они получили задание. При этом желательной была дезинформация иностранных разведслужб (военный контршпионаж).

3. Определение в случаях государственной измены, содержал ли выданный иностранной разведке материал военную тайну или нет.

Во время войны к этому добавились следующие задачи:

4. Изучение заграничной почты и заграничных телеграмм (в обоих направлениях).

5. Регулирование в тесном сотрудничестве с ОКХ выдачи личных документов для контингентов военных секторов на границах с оккупированными областями".

Аристократ Бентивеньи изображается в мемуарной литературе на Западе как некий безупречный джентльмен. "Фон Бентивеньи - офицер до кончиков пальцев, прекрасно знающий свое ремесло", - пишет о нем Герт Буххайт. Но он вынужден признать, что именно Бентивеньи "более других начальников отделов приходилось постоянно сотрудничать с исполнительными органами (т. е. с гестапо и кровавыми судьями. - Ю.М.) и СД"1. Бывший абверовец Оскар Райле причисляет Бентивеньи вместе с генерал-лейтенантом Пикенброком к тем "лицам, которые наряду с Канарисом знали о секретных планах и делах абвера более всего"2.

В действительности же "ремесло" Бентивеньи заключалось в терроре против всех противников военной политики гитлеровской клики, в том, чтобы бросать под топор палача и обрекать на петлю как можно больше активных антифашистов, борьба которых угрожала агрессивным и аннексионистским планам нацистов. Бентивеньи в интересах гитлеровского режима руководил теми, кто совал свой нос в частные письма и телеграммы. Он стал некоронованным властителем бесчисленного количества несгораемых шкафов, таивших в своих недрах тайное тайных нацистского рейха. С начала 1940 года Бентивеньи, не считаясь с человеческими жертвами, ревностно помогал проводить в жизнь ужесточенный лично Гитлером приказ о сохранении тайны. В одной из своих записей Бентивеньи обрисовал обстоятельства появления этого приказа, принесшего драконовские наказания, а зачастую и смерть многим немецким солдатам и офицерам:

"В начале января 1940 года (т. е. еще до начала наступления гитлеровской Германии на Западе) произошел инцидент, вызвавший особую нервозность в штаб-квартире фюрера. Речь шла о вынужденной посадке вблизи Намюра в Бельгии самолета с двумя офицерами связи ВВС, имевшими при себе план сосредоточения войск для кампании на Западе. Их самолет, вылетевший из Мюнхена в Кёльн, из-за плохой видимости сбился с курса, оба офицера связи попали в плен. На допросе один из них сумел схватить лежавший на столе план, который он не смог вовремя уничтожить, и бросить в печку. Однако бельгийский офицер успел вытащить документ. На основании этого инцидента Гитлер издал в январе 1940 года так называемый "Основополагающий приказ" о сохранении военной тайны. Говорили, что он лично продиктовал этот приказ".

Последовательная в фашистском духе деятельность Бентивеньи получила одобрение со стороны начальника штаба ОКВ фельдмаршала Кейтеля, а в конечном счете, и Гитлера.

Признание выразилось во внеочередных повышениях в чине и награждениях. В июне 1941 года Бентивеньи уже носил полковничьи погоны. После покушения на Гитлера (20 июля 1944 года) каждый офицер вермахта перед повышением в чине неоднократно подвергался проверке с точки зрения его политической благонадежности в духе клятвы верности Гитлеру. В отношении Бентивеньи никогда ни малейших сомнений не было: уже в августе 1944 года, после проведенной гестапо и СД "чистки" генералитета вермахта от "ненадежных элементов", он получил чин генерал-майора. Незадолго до того принял командование 81-й пехотной дивизией на советско-германском фронте. Будучи командиром этой дивизии, входившей в состав группы армий "Курляндия" и разбитой Красной Армией, Бентивеньи (его еще в конце января 1945 года произвели в генерал-лейтенанты) угодил в плен. К тому времени грудь его украшали 11 орденов, восемь из них он получил после нападения Германии на СССР. Среди них были и ордена союзных в то время с гитлеровской Германией режимов.

В Советском Союзе против Франца Эккарда фон Бентивеньи было начато следствие. Одно из первых показаний бывшего генерала, представленное Международному военному трибуналу в Нюрнберге 11 февраля 1946 года, сыграло определенную роль в доказательстве факта долговременной подготовки нападения вермахта на Советский Союз3.

Как особо опасный преступник Бентивеньи в апреле 1952 года, с зачетом предварительного заключения с мая 1945 года, был приговорен Верховным Судом СССР к 25 годам заключения. В октябре 1955 года Советский Союз передал его ФРГ как неамнистированного военного преступника. В ФРГ его приняли как "позднего возвращенца из плена" и сразу выпустили на свободу. Он получил из государственной казны значительную сумму и генеральскую пенсию. В 1958 году умер в Висбадене в возрасте 61 года.

КАК НАБИРАЛИСЬ ДИВИЗИИ ГИТЛЕРОВСКИХ ДИВЕРСАНТОВ

Управлением ОКВ "Заграница/абвер" и другими секретными службами гитлеровской Германии было задействовано самое меньшее 25-30 тысяч профессиональных и полупрофессиональных агентов4. Только в одной лишь сфере адмирала Канариса уже к началу Второй мировой войны насчитывалось до 4 тыс. офицеров5.

Генерал фон Бентивеньи, находясь в предварительном заключении, подробно описал, с какими требованиями и принципами подходило шпионско-диверсионное ведомство

фашистской Германии к "покупке" подходящих лиц:

"Следует различать вербовку агентов в пределах границ германского рейха, в нейтральных странах, на завоеванных территориях, в сфере боевых операций.

В пределах германского рейха наиболее простой являлась вербовка в приграничных округах. Здесь предоставлялись следующие возможности:

а) привлечение агентов из числа проживающих в приграничных округах национальных меньшинств. Пример: в 1936-1939 годах в Восточной Померании отделением абвера в Штеттине [ныне - Щецин] агентов вербовали из лиц польской национальности, проживавших вблизи польской границы;

б) привлечение агентов из кругов приграничного населения соседней страны - объекта разведки. Таких лиц зачастую могли указать германские таможенные чиновники или служащие полиции. Наибольшие возможности находить агентов открывало "малое приграничное перемещение" населения. Например, в 1937 году отделение в Висбадене получало имена (французов) от чиновников германской таможенной службы;

в) привлечение агентов из кругов немецкого населения внутри германской "приграничной зоны" (15 км в глубину от границы). Эти лица могли пересекать границу соседней страны с "малым приграничным документом" и действовать там в ограниченном районе. Во время войны, ввиду более строгих положений о въезде и выезде, затрагивавших и "малое приграничное перемещение" в нейтральные страны, применение этого метода было затруднено, если не полностью бесперспективно:

г) привлечение из кругов немецкого приграничного населения таких агентов, которые хорошо знали бы приграничные условия и не останавливались перед тем, чтобы переходить "зеленую границу" (т. е. минуя открытые для перехода границы места) с целью посетить иностранного агента, находящегося вблизи или по ту сторону границы. Например, отделение абвера в Кенигсберге имело доверенных лиц в Литве, с которыми поддерживало связь таким способом (уполномоченным на это сотрудником отделения абвера в Кенигсберге был тогда капитан Крибиц). Этот метод успешно применялся в мирное время и мог использоваться в начале [Второй мировой] войны в отношении нейтральных стран (например, Голландии, Бельгии и Литвы);

д) на контрольно-пропускных пунктах пограничной полиции в "главных пунктах перехода" внимательно просматривались списки лиц, часто пересекающих границу. Во время войны агенты

вербовались зачастую из этого круга. Они обладали ценным преимуществом: их профессия служила хорошим прикрытием. Этот метод применялся главным образом во время войны, например, отделением абвера в Штутгарте. [...]

Абвер III тоже часто указывал своим местным отделениям на лиц, пригодных для шпионских целей. Такая возможность появилась после того, как в Берлине при РСХА было создано "Центральное бюро выдачи виз". Офицер абвера III (подполковник Тауссен) находился в нем постоянно и мог получать информацию обо всех лицах, которым выдавались визы. [...]

Вербовать агентов в нейтральных зарубежных странах было труднее, так как офицер абвера, внедренный в германскую дипломатическую миссию, ни в коем случае не имел права обнаруживать себя. Поэтому вербовать агентов должно было опытное доверенное лицо, по возможности имеющее подданство данной страны.

В большинстве нейтральных стран Европы управлением "Заграница/абвер" перед войной, примерно с 1936 года, и во время войны были созданы так называемые "Военные организации" (КО). Они были замаскированы в составе германских дипломатических представительств в соответствующих странах. Офицеры абвера имели для маскировки дипломатические ранги (например, советники посольства). [...]

В занятых [оккупированных] областях агентов вербовали тоже из гражданского населения и, как правило, доверенные лица.

В районах военных действий, так же как и в партизанских районах, агентов вербовали при помощи абверкоманд ранее задействованные агенты из числа лиц гражданского населения. При этом они использовали местные и полевые комендатуры".

Если сравнить террористический режим гитлеровской Германии с паутиной, которой он опутал народы и страны, то увидим, что почти центральное место в ней занимало управление ОКВ "Заграница/абвер": от него расходились и в нем сходились все нити. Практически не было такого органа вермахта или нацистской партии, а также и государственного учреждения, которые не поддерживали бы контактов с абвером адмирала Канариса. [...]

ВОЙСКО "ВОЙНЫ В ТЕМНОТЕ"

Бентивеньи, один из главных участников рекрутирования войска агентов для тайной войны, весьма подробно систематизировал многолетний опыт, приобретенный им в секретной службе ОКВ. В показаниях он писал:

"Основная масса агентов абвера вербовалась из определенных кругов населения Германии и государств, против которых работала ее секретная служба".

Далее он описал различные категории агентов и их использование отделами абвера. Это, в частности, германские и иностранные таможенные и полицейские пограничные служащие; лица различных профессий из кругов немецкого и иностранного приграничного населения; национальные меньшинства в иностранных государствах, находящиеся в напряженных отношениях с основной нацией этого государства; солдаты иностранных вооруженных сил; лица, едущие за границу под прикрытием служебной деятельности, коммерсанты, журналисты, артисты, проводники спальных вагонов. Во время войны к ним добавились иностранные военнопленные и лица из числа населения захваченных областей. [...]

В отношении вербовки агентов из числа советских военнопленных, - писал Бентивеньи, - я хотел бы заметить, что, с моей точки зрения, расход сил на отбор, обучение завербованных агентов, а также численность ни в какой мере не соответствовали весьма малым, на мой взгляд, результатам".

ФРАНКО - СВОЙ ЧЕЛОВЕК АБВЕРА

Фашистская Испания, пережившая гитлеровскую Германию. олицетворялась диктатором Франко. Однако долгое время оставалось в значительной мере неизвестным, каким же образом родившемуся в 1892 году честолюбивому колониальному офицеру удалось войти в историю Испании. Карьера Франко неразрывно связана с германским империализмом и его аппаратом секретных служб. При изучении политической карьеры "генералиссимуса", который повелел звать себя "каудильо" (глава государства. - Ю.М.), исследователь обнаруживает его заявление о готовности работать на Иберийском полуострове и в Северной Африке в качестве доверенного лица сначала на германского кайзера, затем на рейхсвер и, наконец, на управление ОКВ "Заграница/абвер". Его завербовал еще во время первой мировой войны и задействовал против Англии и Франции лично Канарис6. В 1936 году гитлеровская клика сочла, что наступил момент выдвинуть Франко на политическую арену и вместе с ним предпринять государственный переворот на юге Пиренеев.

О том, как и кто из главарей германских агентов активизировал тогда Франко в агрессивных целях Германии и Италии, могут поведать посвященные в это свидетели. В 1946 году бывший атташе вермахта в Испанском Марокко полковник Ганс Ремер7 обратился к советскому правительству с заявлением о Франко как агенте германской службы шпионажа8:

"Чтобы иметь ясное представление о режиме Франко, необходимо создать себе правильное мнение о личности самого Франко.

Роль Франко в испанской воине в основном была определена военной помощью Германии; она же явилась основой режима, названного его именем.

Адмирал Канарис, начальник абвера ОКВ ("Заграница/ абвер"), был в Германии тем лицом, благодаря которому именно Франко был предназначен на роль вождя контрреволюции в Испании. Для этого Канарису удалось заручиться в Германии поддержкой Геринга, и благодаря своему личному влиянию в Риме он добился вооруженной помощи фашистской Италии.

Являясь военным атташе в Танжере, где я находился с весны 1942 до лета 1944 года, я, Ремер Ганс, получил возможность заглянуть за кулисы возникновения испанской гражданской войны и получить ясное представление о выдвижении Франко как агента абвера.

Сведения по этому вопросу я получил в результате моего близкого сотрудничества во время работы военным атташе с двумя уполномоченными абвера, а именно с немцем по фамилии Ниман в Лас-Пальмасе (Канарские острова) и с Лангенгеймом в Тетуане (Испанское Марокко).

По этому вопросу я имею возможность сообщить следующие факты.

После смерти праворадикального вождя испанской молодежи Сотело на Пиренейском полуострове начались революционные волнения. Один старый испанский генерал, который должен был стать во главе контрреволюции, погиб при перелете его в Испанию из Португалии, куда он был в свое время выслан9.

Для Канариса и его людей это было подходящим моментом и поводом для использования своего ставленника Франко и для того, чтобы проложить ему путь к руководству контрреволюцией.

В то время Франко являлся главнокомандующим на Канарских островах, куда он был отправлен испанским правительством в связи с его общеизвестными реакционными взглядами. До этого в течение некоторого времени он был начальником пехотной школы в Сарагосе.

Гарнизон Канарских островов находился полностью под его влиянием; в июле 1936 года он объявил своему офицерскому корпусу о своем намерении стать во главе контрреволюционных сил Испании. На этом собрании присутствовал сотрудник абвера - торговый служащий Ниман, который работал в германской фирме почетного консула Зауэрмана в Лас-Пальмасе. Оба немца уже давно жили на островах и постоянно использовали свое

положение для проведения политической разведки для Германии.

С начала гражданской войны Канарис сделал их штатными уполномоченными абвера. В течение всей мировой войны, начавшейся в 1939 году, Ниман и Зауэрман оставались на этих должностях. Зауэрман маскировал свою разведывательную работу официальной консульской деятельностью... Ниман сам вел всю практическую работу разведки.

Когда я был на Канарских островах в августе 1942 года, Ниман показал мне в лесу у Санта-Крус место, где Франко в 1936 году провозгласил в присутствии своих офицеров контрреволюционное восстание в Испании.

Для осуществления своих политических и военных планов Франко необходимо было переехать в Марокко. Марокканские войска были преданы ему с давних времен, когда он командовал ими во время колониальной войны в 1924-1926 годов. Опираясь на эти войска, он должен был завоевать Испанию и установить там военную диктатуру. Франко находился в тесной связи с немецкими представителями Зауэрманом и Ниманом в Лас-Пальмасе (с последним он был даже дружен), а также и с двумя другими немецкими коммерсантами из Санта-Крус (один из них был Ране, фамилия другого мне неизвестна), которые в начале гражданской войны и в течение всей Второй мировой войны были штатными уполномоченными абвера. Ниман перевез Франко в Марокко, с тем чтобы дать ему возможность возглавить здесь вооруженную контрреволюцию. В Лас-Пальмасе в то время находился самолет германского общества "Люфтганза", который Ниман конфисковал при помощи Зауэрмана и на котором лично перевез Франко в июле 1936 года в Тетуан (Испанское Марокко). Об отлете Франко в Марокко Зауэрман сообщил в Берлин.

Ниман по прибытии в Марокко с Франко передал последнего проживавшему там германскому коммерсанту Лангенгейму, который являлся уполномоченным абвера в Марокко. Лангенгейм, который был женат на дочери богатого русского эмигранта Линкачева, исполнявший наряду со своими торговыми делами обязанности германского консула, поддерживал в дальнейшем связь с Франко.

Лангенгейм немедленно послал в Берлин сообщение о прибытии Франко. Его донесения в абвер всегда пользовались доверием и вниманием, так как он уже давно давал сведения по Марокко и благодаря своему положению богатого коммерсанта располагал прекрасными связями.

В Марокко Франко нашел поддержку верховного комиссара Марокко Бейгбедера10, согласного со взглядами Франко, и его войска были собраны в горах плоскогорья Кетама, примерно в 80

километрах восточнее Тетуана.

Франко отправил одного из своих офицеров в Германию, с тем чтобы просить там о помощи для его военного выступления. Лангенгейм лично сопровождал этого уполномоченного Франко в Берлин к Канарису в том же немецком самолете, с которым Франко и Ниман прибыли из Лас-Пальмаса в Тетуан.

Уполномоченный Франко привез из Берлина принципиальное согласие Германии на поддержку Франко в качестве главы контрреволюционной Испании и на оказание ему военной помощи. Одновременно Канарис поручил Лангенгейму руководить работой [отделением] абвера, в котором начал работать и его младший сын Гейни. Лангенгейм (отец) исполнял эти обязанности до прибытия полковника Рекке в 1939 году, его сын работал в абвере и в 1943 году был выслан из Марокко по требованию англичан.

Первым официальным лицом Германии, которого Канарис заинтересовал своим агентом Франко, был Геринг. Небольшими группами Геринг направил в Марокко примерно две эскадрильи транспортных самолетов, замаскированных под самолеты гражданской авиации, которые должны были перебросить марокканские соединения Франко в Севилью. В Севилье испанский генерал Кейпо де Льяно создал предмостное укрепление в качестве плацдарма для захвата всей Испании.

С немецкой стороны переброской марокканских войск из Кетама через Гибралтарский пролив в Севилью руководил капитан германской разведки Хейнихен из управления Канариса в ОКВ.

В 1938 году Хейнихен вновь работал в центральном управлении разведки и контрразведки ОКВ под руководством Канариса.

Перебросив марокканские войска Франко на Пиренейский полуостров, Канарис этим самым доказал, что Франко располагает на континенте достаточными силами для того, чтобы начать свой поход, имея шансы на успех.

Во всех событиях в Испании Канарис в дальнейшем принимал активное участие как путем частых личных поездок туда, так и путем заблаговременного назначения уполномоченных абвера в Испании из числа бежавших бывших испанских немцев; например, он назначил в Испанию бывшего германского консула Рюггеберга из Барселоны, который в начале гражданской войны работал в абвере (отдел разведки), и его сына, который работал в Северной Испании. Будущий начальник абвера в Марокко Рекке тоже работал в то время таким уполномоченным в Испании, так же как и будущий вице-консул в Танжере Геритц. Канарис оказал

влияние при выборе кандидатуры политического представителя Германии у Франко. Германский дипломатический представитель у Франко Фаупель был ставленником Канариса11. В 1930 году он уже имел однажды аналогичное задание в Перу.

Дальнейшее развитие практической военной помощи со стороны Германии в основном шло за счет германских военно-воздушных сил. Под верховным руководством Геринга при ОКВ в Берлине был создан особый штаб для проведения в Испании германской военной интервенции, во главе которого сначала стоял генерал Вильберг (в связи с этим штаб назывался штаб "В"), позднее его возглавлял генерал Енеке. Этот особый штаб "В" оказывал влияние на военные операции. Создав "легион Кондор" под командованием генералов Шперле, Рихтгофена и Фолькмана, он посылал авиасоединения, которые должны были вначале поддержать наступление шедших с юга Испании войск Франко.

В целях маскировки на пароходах организации "Сила через радость" штаб "В" отправлял оружие для Франко, посылал немецких инструкторов для обучения неопытных войск Франко современным методам ведения войны, а также направил в Испанию немецкие части всех родов оружия для непосредственного участия в наземных боях.

Командиром этих сухопутных войск был назначен будущий германский военный атташе при Франко подполковник барон фон Функ12. Кроме того, посылались соединения германского военно-морского флота для охраны морских коммуникаций, по которым отправлялось оружие для Франко.

С целью создания в Испании внутриполитического режима, соответствующего интересам нацистской Германии, "заграничная организация НСДАП" и сама национал-социалистическая партия командировали к Франко большое количество пропагандистов и инструкторов-консультантов.

Геринг, в качестве уполномоченного по четырехлетнему плану, создал во франкистской Испании германские промышленные организации, которые подготовляли вывоз испанского сырья в качестве компенсации за военную помощь, оказанную Германией Франко, - например, для этих целей было создано общество "Хисма" и представительство Бернгарда.

Приведенные факты неопровержимо доказывают, что режим Франко был создан благодаря Германии. Дело не только в том, что Франко мог сделать свою карьеру при помощи германского оружия, - Франко с самого начала являлся агентом германской военной разведки - абвера.

По заданию этой разведки он выступил на мировую арену летом 1936 года с целью окончательного утверждения

фашистской диктатуры в Испании; в качестве агента абвера в тесном сотрудничестве с руководителем абвера Канарисом он действовал также и в течение всей захватнической войны Германии в 1939-1945 годов".

Генерал-лейтенант фон Бентивеньи, принадлежавший к числу самых доверенных лиц Канариса, находясь в предварительном заключении, дал следующие показания о сотрудничестве германской секретной службы с Франко:

"Все германские воинские части отправлялись в Испанию в условиях строгой секретности. Они грузились на военные суда германского военно-морского флота в германских портах (например, в Штеттине) и только по выходе в море узнавали, что их отправили в Испанию, а значит, на войну. Солдаты, следующие отдельно от частей, прибывали в испанские порты на судах германского торгового флота под видом гражданских лиц с соответствующими документами. Каждый солдат был обязан держать свое пребывание и действия в Испании в тайне даже от родных.

Об этом я узнал в 1936-1939 годах из разговоров с офицерами штаба XII военного округа в Висбадене (от майора фон дер Шевалери, от полковника фон Функа), из бесед с офицерами абвера III в ОКВ (например, с полковником Роледером, майором авиации Мейер-Ветерлингом), а также в 1941 году - от офицера связи с итальянской разведывательной службой в Риме полковника Хельфериха.

От полковника Роледера в 1939 году я узнал подробнее об организации германской контрразведки в Испании. Одновременно с отправкой германских воинских частей в Испанию там был создан и абверовский отдел (контрразведка), руководил которым майор Роледер, а одно время - майор авиации Гаухе. Перед абвером III стояли задачи: а) разведывательное обеспечение действующих на испанской территории германских войск и тех испанских воинских частей, которые в тактическом отношении были подчинены германским; б) контршпионаж.

Для осуществления этих задач было учреждено местное отделение абвера (с резиденцией в Бургасе или Саламанке) с несколькими подчиненными ему органами при действующих на фронте высших германских военных инстанциях. В распоряжении майора Роледера находились, в частности, капитан Хайн, капитан Фридерици и криминаль-секретарь Гензеровски. Отделение абвера тесно взаимодействовало с испанской разведывательной службой (фашистов. - Ю.М.).

Об организации отдела абвер I [в Испании] я детально не информирован. Знаю только, что в нем сотрудничал капитан-

лейтенант Ленц (он же Зоммер).

Франко как государственный руководитель Испании был посажен в седло обеими фашистскими державами - Германией и Италией и потому был их "должником". Во время Второй мировой войны он не только соблюдал благожелательный нейтралитет по отношению к ним, но и поддерживал Италию и особенно Германию многочисленными действиями, которые никак нельзя назвать нейтральными.

Показной нейтралитет Франко отразился в следующих известных мне акциях.

В основе предоставления Германии преимущественного права на эксплуатацию ценных рудных месторождений (ртути, сурьмы) в южной части Испании - поддержка Германией Франко во время гражданской войны.

Созданная в Испании еще до начала войны "Военная организация" (КО) внутри германских дипломатических представительств в ходе войны с ведома испанского генерального штаба была значительно усилена. Мне известно, что перед войной были внедрены: а) руководитель КО капитан-лейтенант Ленц (Зоммер) - в германское посольство в Мадриде; б) консул Рюггеберг, штатный сотрудник абвера II - в германское генеральное консульство в Барселоне; в) один из офицеров абвера I - в Тетуан (Испанское Марокко); он тесно сотрудничал с верховным комиссаром этой колонии.

С началом войны руководство КО в Мадриде было расширено за счет внедрения еще нескольких офицеров абвера I, II и III. В первую очередь речь шла об офицерах службы абвера I вооруженных сил Германии (сухопутные войска, авиация). Все ли офицеры абвера, в частности абвера II, были известны испанскому генеральному штабу, не знаю. Во время войны в сфере абвера III в Мадриде действовал майор Хайн, который сотрудничал с соответствующей испанской секретной службой. В конце 1942 года Хайна сменил полковник фон Роршайд, который поддерживал контакт с испанской службой III. Во время войны было создано отделение абвера III в германском консульстве в Сан-Себастьяне. Им руководил зондерфюрер Гензеровски, тоже поддерживавший контакт с испанской спецслужбой.

Вскоре после начала войны испанский генеральный штаб предоставил абверу возможность постоянно следить за проходом морских судов через Гибралтарский пролив и за судами, находящимися в порту Гибралтара. Отдел абвера I занял дом в Альхесирасе, с крыши которого велось наблюдение при помощи оптических приборов. Насколько мне известно, такой наблюдательный пункт абвера I действовал и в Танжере. Для того

чтобы оперативно передавать результаты ежедневных наблюдений (например, командным органам трех видов вооруженных сил), шифровальный отдел (отдела связи вермахта. - Ю.М.) во главе с полковником Кемпфом создал в Испании радиосеть, которая, насколько я знаю, тоже была известна испанской секретной службе. Независимо от германских наблюдательных пунктов испанцы имели собственные наблюдательные станции.

Однако в 1943 году германский наблюдательный пункт пришлось свернуть из-за протеста Великобритании испанскому правительству. В дальнейшем абвер получал сведения от испанских наблюдательных пунктов, так что практически передвижения судов через Гибралтарский пролив были известны германскому командованию.

Как сообщил мне в 1943 году в конфиденциальном разговоре начальник управленческой группы "Заграница" адмирал Бюркнер, действовавшие в Атлантике германские подводные лодки постоянно снабжались горючим в открытом море кораблями германского торгового флота, приданными германскому военно-морскому флоту. Такой способ заправки увеличивал радиус действия подводных лодок и давал им возможность не прерывать преждевременно свои операции ради пополнения запасов горючего на базе. Из разговора с Брюкнером я узнал, что базой для части торгового флота Германии являлись испанские порты. Отсюда суда снабжения могли относительно безопасно достигать условленных мест встречи с подводными лодками в открытом море (что при выходе этих судов из портов, захваченных германским военно-морским флотом, например, на западном побережье Франции, было бы невозможно).

Для блокирования Средиземного моря Гитлер запланировал нападение на Гибралтар в удобный момент. Для этой операции предназначалась группа армий генерал-полковника Бласковица, которая в 1941-1942 годах была размещена на территории Южной Франции вблизи испанской границы. Но прежде следовало провести разведку в Испании. Был создан разведывательный штаб во главе с генерал-майором Ландом (начальником штаба группы армий Бласковица), включавший минимально необходимое число офицеров важнейших родов войск.

Разведка практически проводилась летом 1941 года Все участники рекогносцировки были в штатском. Я узнал о ней только благодаря тому, что мой отдел должен был предоставить необходимые паспорта и получить в министерстве иностранных дел и в испанском генеральном консульстве в Берлине въездные и выездные визы с обозначением профессий, служащих

прикрытием. С автомашины производилась рекогносцировка путей подхода моторизованных войск, мест сосредоточения наступающих частей, которые находились в состоянии боевой готовности. Изучались возможности использования авиации, ведения наблюдения, оборудования артиллерийских позиций, а также позиций для тяжелого пехотного оружия. Можно с уверенностью предположить, что германский штаб вступил в контакт с испанским генштабом, чтобы получить разрешение на рекогносцировку. Но в любом случае было необходимо сохранять ее в тайне от населения.

В этой связи я должен упомянуть о беседе, состоявшейся между тогдашним полковником Матцки13 и адмиралом Канарисом в его кабинете в Берлине уже после того, как Гитлер отказался от своего намерения напасть на Гибралтар. Матцки, военный атташе в Токио, был назначен обер-квартирмейстером IV в генеральный штаб сухопутные войск (в который входили отделы ОКХ "Иностранные армии Запада" и отдел военных атташе. - Ю.М.) и по этой причине явился в 1942 году к Канарису. Матцки выразил сожаление по поводу того, что отказались от нападения на Гибралтар. Канарис возражал: нападение на Гибралтар привело бы к одновременному вступлению Испании в войну на нашей стороне. Последствия были бы непредсказуемы, так как Испания неизбежно попала бы в трудное продовольственное положение, а Германия не смогла бы взять на себя ее снабжение продовольствием в течение необозримой по продолжительности войны.

Задача организации абвера II в Испании состояла в том, чтобы диверсионными средствами обезвреживать заходившие в испанские порты корабли вражеских государств. По донесениям абвера II, эти операции будто бы имели успех, т. е. корабли вражеских государств, на которых германскими диверсантами были установлены заряды со взрывателями замедленного действия, взрывались за пределами испанских портов. Деятельность абвера II держалась в тайне и Испанией.

Мне известно, что из всей германской верхушки только Канарис поддерживал контакт с Испанией при любой возможности. В ходе гражданской войны в Испании он делал все, чтобы действиями абвера поддерживать Франко. С другой стороны, создание в Испании во время Второй мировой войны по его инициативе учреждений абвера следует отнести за счет хороших отношений, связывавших его и с начальником испанской секретной службы. По моим подсчетам, Канарис посещал Испанию минимум четыре раза в год, но оставался там всего на два-три дня, каждый раз бывая у начальника испанской секретной

службы".

Историку остается добавить, что с помощью своего доверенного человека - Франко - гитлеровский вермахт не только испытывал на испанской территории виды нового оружия и тактические методы, но и обеспечил своим молодчикам приобретение военного опыта. Абвер ОКВ впервые осуществил здесь диверсионные акты14 (командовал ими капитан секретной службы Гроскурт15). Нацистская стратегия "пятой колонны" впервые была применена в Испании. Вообще термин "пятая колонна" возник именно в сентябре 1936 года, когда франкистские наемники наступали на Мадрид четырьмя колоннами и генерал Мола хвастливо грозил, что "пятая колонна" обеспечит падение Мадрида изнутри.

ЧЕРЕЗ "ЗЕЛЕНУЮ ГРАНИЦУ"

Управление ОКВ "Заграница/абвер" применяло для маскировки своих агентов и доставки их к месту действий самые различные способы. В этом офицеры секретной службы без ограничений использовали все ветви государственного аппарата гитлеровской Германии. Таможенники открывали шлюзы агентам на "зеленой границе", полиция пачками изготовляла фальшивые паспорта, министерство иностранных дел пристраивало лжедипломатов, гестапо поставляло людей с транспортов смерти для агентурного использования, государственная почта оперировала подложными адресами. Короче, система шпионажа была тотальной уже задолго до того, как колченогий министр пропаганды Геббельс провозгласил "тотальную войну".

В обширных показаниях фон Бентивеньи освещается и эта сторона уголовной деятельности военной ветви секретной службы нацистской Германии:

"В общем и целом нашим агентам германского и иностранного подданства при выполнении ими заданий за границей давалась надежнейшая гарантия маскировки. Поэтому германская секретная служба особенно охотно вербовала лиц именно этого круга. В других случаях агенты внедрялись в те фирмы, которые имели свои представительства за рубежом или выполняли там их задания. Несколько примеров. В Швейцарии выезжавшие в Испанию и Португалию представители фирм "ИГ-Фарбен" и "Сименс" получали в 1940 и 1941 годах (вероятно, и позже) от экономического отделения абвера I шпионские задания в области военной промышленности. Этот факт известен мне из бесед с полковником Роледером16 и руководителем КО в Берне капитаном Майсснером. Для разведки на Балканах абвером I использовалась торговля табаком. Так, два известных германских табачных оптовика (я думаю, это были братья) имели виллы в

Салониках и являлись доверенными лицами абвера I. В 1942-1943 годах они поручали своим подвизавшимся в торговле табаком помощникам в Турции вести разведку против Советского Союза для экономического отделения абвера I".

На допросе 28 мая 1945 года фон Бентивеньи рассказал о проведении абвером особой шпионской акции против США:

"Что касается США, то до начала войны против них велся главным образом экономический шпионаж, исходной базой которого служили германские посольства в южноамериканских государствах. После вступления США в войну с Германией использование агентов в США активизировалось. В 1943 году Канарис через Швейцарию и Испанию заслал в США под видом беженцев от нацистского террора семерых евреев. Эта операция имела кодовое наименование "Семеро черных".

Бентивеньи письменно изложил принципы оснащения и заброски агентов:

"Оснащение агентов для действий за границей должно было отвечать двум главным требованиям: в любом случае сохранять избранную маскировку и предоставить агентам такие технические средства, чтобы они могли оперативно сообщать данные.

Решающую роль для маскировки играли те личные документы, которые выдавались агентам. Выбор этих бумаг зависел от официальной причины поездки. Имелись следующие возможности:

1. Агент ехал за границу по своим служебным или профессиональным делам и мог при этом выполнить данное ему задание. Это было самой надежной маскировкой. Агент отправлялся за границу с подлинным паспортом, который он в большинстве случаев уже имел ранее или получил вновь. Визу он тоже получал сам.

2. Агент выезжал за границу не для служебной деятельности. В таких случаях для поездки он должен был найти прикрытие, например: отдых, посещение выставки, спортивных соревнований или т. п. Агент (германский подданный) ехал со своим туристским паспортом зеленого цвета, визу для которого он должен был получить сам, или же паспорт ему вручали в отделе абвера.

3. Во время войны при ужесточенных условиях получения визы, которые касались и всех союзных с Германией государств, подобные обоснования были невозможны. Поэтому для получения отметки соответствующего германского органа (окружного полицейского управления) или визы соответствующего иностранного дипломатического представительства нужно было назвать приемлемую причину, без которой данный агент вызывал

подозрение в шпионаже у иностранного представительства. Например: "Совещание в экономическом отделе германского посольства", "Поездка по заданию имперского министерства экономики по делам "Сименс" с целью совещания с ее представителем в Берне". В таких случаях агенту выдавался паспорт коричневого цвета. В паспорт могла вноситься настоящая или вымышленная фамилия. Получение паспорта с отметкой обеспечивал абвер III, отделение "С4" при соответствующем полицейском органе в Берлине. Отметки делало и министерство иностранных дел. Затем паспорт предъявлялся служащим ОКВ или через министерство иностранных дел иностранному дипломатическому представительству (для получения визы).

Абвер III во время войны снабжал такими служебными паспортами не только агентов всех трех отделов абвера - I, II и III, но и лиц, выезжавших по заданию вермахта, если ОКВ или какой-либо вид вооруженных сил обращались к абверу III с соответствующей просьбой.

4. Агенты-иностранцы могли по каким-либо причинам не воспользоваться своим паспортом для выезда (скажем, потому, что истек срок годности или агент не хотел, чтобы в его паспорт вносились отметки и визы). В таких случаях (например, для граждан южноамериканских государств, направляемых через Швейцарию в Испанию или Португалию) абвер I изготовлял фальшивые паспорта.

5. Каждому агенту, переправлявшемуся через "зеленую границу", в зависимости от характера задания выдавались настоящие паспорта или "малые пограничные удостоверения", годные для "малого пограничного передвижения". В таких случаях виза была поддельной, так же как и отметки о выезде или въезде. Изготовлением поддельных паспортов и других документов занималось VI управление РСХА.

В зависимости от характера задания, избранной маскировки и страны, в которой агент должен был выполнять задание, он получал также необходимые денежные средства с учетом соответствующих валютных положений. Если агент нуждался в более крупных суммах, ему выдавалось специальное разрешение на вывоз валюты, которое оставалось у германских таможенников на границе. Большая сумма денег могла вызвать подозрение у иностранной таможни, поэтому агенту приходилось либо провозить деньги нелегально, либо получать их в так называемом "пункте U" в нейтральной или вражеской стране. Такие пункты были созданы абвером I еще в мирное время и во взаимодействии со специальной группой центрального отдела обеспечивались деньгами.

Если агент должен был передавать радиодонесения, в его снаряжение входила агентурная рация. При официальном переходе границы брать ее с собой было почти всегда невозможно. Поэтому он должен был получить рацию уже за границей также в "пункте U".

В необходимых случаях агенты получали химикалии для изготовления чернил. Их надо было хорошо замаскировать (например, под таблетки аспирина).

Если агент должен был делать фотоснимки, в его снаряжение включался фотоаппарат величиной с зажигалку. В зависимости от ситуации агент должен был либо провозить его нелегально, либо получать за границей в "пункте U". Оснащением проживавших за границей агентов занимались офицер абвера или главные доверенные лица, а также "пункты U".

Подготовленные в Германии агенты могли попадать в страну, где им надлежало выполнять задания, различными способами.

1. Официальный переход государственной границы через главный контрольно-пропускной пункт или другие пункты по железной дороге, на автомашине или пешком.

2. Полет на германском или иностранном пассажирском самолете.

Для обоих указанных способов требовались безупречные документы.

3. Незаметный переход так называемой "зеленой границы", т. е. государственной границы вне официальных контрольно-пропускных пунктов. Этот способ часто применялся как в мирное время, так и во время войны на границах с нейтральными странами, например на востоке - на германо-чехословацкой, германо-польской, германо-литовской границах, а также и на западе - на германо-французской, германо-бельгийской и германо-голландской границах.

Этот метод специально использовался в мирное время, например, при работе в приграничной полосе иностранных государств или же когда агент, несмотря на наличие требуемых документов, в результате слишком частого перехода границы через официальные контрольно-пропускные пункты мог привлечь к себе внимание иностранных пограничных служащих. Применялся он и в тех случаях, когда необходимые документы не могли быть быстро изготовлены; если надо было переправить через границу аппаратуру, о которой ни в коем случае не должно было быть известно пограничной охране (например, агентурная рация).

Во время войны дополнительно:

4. На военных фронтах - проникновение агентов на

территорию противника через передовую линию в наиболее подходящих местах территории своей страны. Выбор места производился офицером разведки штаба армии в тесном взаимодействии с офицером передовой части.

5. Заброска радиоагентов и диверсантов с самолетов в тыловой полосе противника. Для этого в распоряжении абвера I имелась эскадрилья "Гартенфельд"17.

6. При отступлении германских войск оставлялись агенты, которые должны были выполнять задания в тылу советских войск.

7. Высадка агентов с подводных лодок иди парусных судов (применялась абвером I в отношении Великобритании, США и на западноафриканском побережье).

Абвер поддерживал связь с агентами за границей при помощи следующих технических средств.

1. Посылка писем почтой. Отправленное агентом из-за границы письмо направлялось по условному адресу в Германии или нейтральных странах.

В качестве условных адресов выбирались:

а) действительные адреса частных лиц, т. е. письмо шло к доверенному лицу за границей или в Германии;

б) ложные адреса частных лиц, т. е. письмо имело вымышленные адрес и местное почтовое отделение, вымышленного адресата. Обычно в адресе указывался дом, в котором находилось учреждение или жили многие квартиросъемщики. Это письмо сразу же передавалось государственной почтой местному отделению абвера;

в) абонементный почтовый ящик.

Письмо, посланное агентом по условному адресу в нейтральной стране, доставлялось доверенным лицом, проживавшим по этому условному адресу ("пункт U"), "Военной организации" (КО), которая затем через специального курьера пересылала письмо в Германию.

Содержание писем носило личный или деловой характер. Секретный текст писался химическими чернилами. Изготовленные во время войны отделом абвера в "ИГ-Фарбен" чернила нового образца считались способными выдержать любую проверку почты. Маскировочный текст, например с растром, применялся редко. Если речь шла о донесениях большего размера, то они маскировались под книгу. Подобным образом поступали донесения из Англии в Лиссабон к доверенному лицу абвера I под псевдонимом С.Н.В., которым руководил майор фон Кремер-Ауэнроде из КО Португалии.

2. Телеграмма как средство быстрой доставки кратких сообщений. Текст обусловливался заранее и имел определенное

значение. Этот способ передачи применялся редко.

3. Почтовая открытка с заранее обусловленным видом. Например, снимок ратуши мог означать: "Я прибыл на место". Во время войны этот вид посланий в Германию применяться не мог, так как было запрещено пересылать за границу в обоих направлениях открытки такого типа.

4. Самым лучшим и быстрым способом связи с агентом был радиообмен. Агентурные рации изготовлялись лабораторией радиогруппы абвера I. При необходимости использовались трофейные рации.

Так называемые передовые пункты связи радиогруппы абвера I принимали радиопередачи агентов в твердо обусловленные часы. Такие замаскированные пункты связи имелись почти во всех военных округах. Радиолаборатория абвера I и центральный пункт радиосвязи находились в Штансдорфе близ Берлина.

5. Радиоагентам-парашютистам периодически сбрасывали аппаратуру и продовольствие.

6. Микрофотография. Доверенные лица в любом случае могли провезти через границу (например, под ногтем пальца) довольно обширные сообщения".

ЖЕРТВЫ КОНТРРАЗВЕДКИ

Одной из главных задач абвера III в тесном взаимодействии с гестапо и Службой безопасности18 было выявлять в захваченных гитлеровской Германией странах борцов антифашистского Сопротивления и "обезвреживать" их. На этом участке секретного фронта тоже шла ожесточенная борьба между германскими агрессорами и их жертвами, борьба не на жизнь, а на смерть, в которой абвер III не останавливался ни перед чем. При помощи изощренно продуманных акций контршпионажа он постоянно стремился внедрить своих агентов во французское, бельгийское, голландское партизанское движение, позже - в американскую секретную службу, заманивая их разведчиков в смертельные ловушки.

Процитируем относящиеся к этому вопросу воспоминания фон Бентивеньи:

"По сообщению местного отделения абвера английская разведывательная служба примерно в начале 1942 года сбросила на парашютах в Голландии радиоагентов, снабженных рациями. Нескольких радиоагентов схватили, и их удалось перевербовать. Радиоигрой руководил офицер абвера III подполковник Гизкес. У английских шпионов было задание сообщать о передвижении [германских] войск. Характер передававшихся "двойниками" сообщений был таков, что у английской разведслужбы не возникло никакого сомнения в подлинности передач. В течение

последующих месяцев отделение абвера затребовало от английской разведки новых радиоагентов. Они прибывали, им сбрасывали продовольствие, диверсионное снаряжение, оружие и боеприпасы. Агенты должны были войти в контакт с голландским движением Сопротивления. Инструкции об установлении связей с ним давал "двойникам" гестаповский центр в Голландии. По истечении некоторого времени удалось руководить одновременно десятью радиоиграми. Таким образом было захвачено большое количество диверсионных материалов, в том числе несколько тонн взрывчатки, несколько тысяч единиц оружия (пистолетов, автоматов19 и много боеприпасов)".

Такая серия радиоигр получила у отделения абвера в Голландии кодовое наименование "Нордполь" ("Северный полюс")". Руководил операцией кроме подполковника Германа Гизкеса20 штурмбаннфюрер Йозеф Шрайэдер21 (он же д-р Мабузе). Минимум 47 из 54 заманенных в ловушку британских агентов и нидерландских участников Сопротивления - они известны поименно - были убиты нацистами22.

Несмотря на эти жертвы, движение Сопротивления в странах Европы ширилось. Тысячи патриотов, не щадя своей жизни, добывали для вооруженных сил антигитлеровской коалиции сведения о нацистских оккупантах и вели важную разведывательную деятельность против СС и вермахта. Абверу III с его приказами о сохранении тайны и планами контршпионажа неизбежно приходилось терпеть поражения, так как его шпионская деятельность не могла укрыться от глаз и ушей миллионов антифашистов тех стран, которым угрожал германский фашизм. Война на "тайном фронте" была беспощадной.

Вернемся теперь к записям фон Бентивеньи. В них говорится:

"Отделению абвера во Франции, тесно сотрудничавшему в сфере абвера I и III с КО Испании и Португалии, удалось раскрыть в северной части страны крупную шпионскую организацию. Представитель абвера в КО Португалии капитан Крамер примерно в конце 1941 года перевербовал агента по фамилии Герман, задействованного английской разведывательной службой. Герман работал на внедренного в посольство Великобритании в Лиссабоне офицера английской разведслужбы и, как ловкий, с виду безупречный человек, пользовался его полным доверием. Сам Крамер с течением времени установил с Германом весьма хорошие личные отношения. Герман был родом из Вены, но покинул Австрию по неизвестным мне причинам - из-за каких-то махинаций, а вероятно, и шпионажа. Работу на Германию он обосновывал тем, что надеялся вернуться в Вену,

если будет доказано, что он хорошо послужил Германии во время войны.

Герман проинформировал Крамера о персональном составе посольства, его жизни и делах, о заданиях английской разведывательной службы своим агентам во Франции. Какую именно роль сам Герман играл при офицере английской разведки, мне неясно. Вероятно, он был главным доверенным лицом и руководил другими агентами, может быть, даже во Франции. Возможно также, что он должен был разведать деятельность находившихся в Португалии и Испании отделений абвера и, как и прежде, "сидел на двух стульях" (т. е. вел шпионаж одновременно как для Англии, так и для гитлеровской Германии. Ю.М.). Однако верить в последнее Крамер не желал. Герман, как он сам утверждал, имел постоянный доступ в кабинет своего английского начальника. Однажды, это было в 1942 году, Герман явился к Крамеру и сообщил, что видел в кабинете офицера английской разведслужбы многочисленные донесения о германских военных сооружениях и войсках во Франции. Тогда Крамер дал Герману задание попытаться любыми средствами установить, откуда эти сведения. Спустя некоторое время Герман смог дать адрес в Париже, откуда велись радиопередачи. Отделение абвера во Франции было поставлено об этом в известность (абвером III). Крамер тоже связался с ним и обсудил с представителем абвера III в Париже майором Райле23 полученные сведения.

Отделению абвера во Франции удалось внедрить своего доверенного человека в тот орган в Париже, из которого, по данным Германа, велись шпионские передачи. Через некоторое время выяснилось, что это была действительно шпионская организация, которая работала на тайную голлистскую организацию. Агент абвера во Франции установил, что в центр ее, находившийся в Париже, стекались многочисленные письменные донесения крупной шпионской сети в Северной Франции. Отделение абвера предоставило этой организации возможность действовать и дальше до тех пор, пока его агент не узнал адреса большинства работавших в Северной Франции агентов, а также промежуточных инстанций и не сообщил эти адреса в Париж. На это дал свое разрешение командующий германскими войсками во Франции, которому подчинялось отделение абвера. В начале 1942 года полиция безопасности арестовала 80-100 человек. У многих из них были найдены новые шпионские донесения, кроки военных сооружений. Всех этих лиц потом передали СД в Германии на основании приказа Гитлера (зима 1942/43 г.) гласному управлению имперской безопасности, согласно которому все

лица, схваченные во Франции по подозрению в шпионаже (на другие страны, насколько мне известно, приказ не распространялся), должны были немедленно доставляться в Германию. Аналогичный приказ поступил командующему войсками во Франции от юридического отдела вермахта и от штаба оперативного руководства ОКВ".

ПЛАН "БАРБАРОССА" - СТРОЖАЙШАЯ ТАЙНА

Агрессия гитлеровской Германии против Советского Союза готовилась в обстановке исключительной тайны. Согласно положенной в основу действий ОКВ стратегии блицкрига сохранение тайны представляло весьма важную предпосылку военных успехов, которых предполагали достигнуть благодаря внезапности действий на будущих театрах войны, заранее всесторонне разведанных шпионскими методами. Управление ОКВ "Заграница/абвер" должно было прикрыть нацеленное на войну сосредоточение всех видов вооруженных сил вермахта в еще небывалом дотоле масштабе. Кроме того, концентрация войск происходила вдоль советской границы, на территориях партнеров фашистов по войне или же в ранее оккупированных гитлеровской Германией областях, где уже разгоралась национально-освободительная борьба. Вот почему ведомство Канариса в течение многих месяцев чрезвычайно интенсивно занималось тем, что обеспечивало плану "Барбаросса" строжайшую тайну как в целом, так и в деталях.

Человеком, в руках которого сосредоточивались все касавшиеся этого вопроса полномочия и нити, был фон Бентивеньи, произведенный перед нападением на Советский Союз за свои "заслуги" в полковники генерального штаба.

Представители советского обвинения на Нюрнбергском процессе Международного военного трибунала предъявили следующее документальное доказательство24:

"Показания

генерал-лейтенанта гитлеровской армии Франца фон Бентивеньи - бывшего начальника абвера III германской военной разведки и контрразведки

от 28 декабря 1945 г.

О подготовке Германией военного нападения на Советский Союз впервые я узнал в августе 1940 года от руководителя германской разведки и контрразведки адмирала Канариса. В неофициальной беседе, происходившей в служебном кабинете Канариса, он сообщил мне, что Гитлер приступил к проведению мероприятий для осуществления похода на Восток, о котором он объявил еще в 1938 году в своем выступлении на берлинском совещании гауляйтеров.

Далее Канарис сказал мне, что теперь эти замыслы Гитлера начали принимать реальные формы. Видно это хотя бы из того, что дивизии германской армии в большом количестве перебрасываются с запада к восточным границам и, согласно специальному приказу Гитлера, размещаются на исходных позициях предстоящего вторжения в Россию.

В конце нашей беседы Канарис предупредил меня о чрезвычайной секретности его сообщения о планах подготовки нападения на Советский Союз.

Далее, примерно в октябре 1940 года Канарис также в одной из неофициальных бесед рассказал мне, что фельдмаршал Браухич и генерал Гальдер по приказу Гитлера разработали общий план подготовки войны против Советского Союза.

О том, что все мероприятия, касающиеся подготовки нападения на СССР, будут носить условное наименование "план Барбаросса", Канарис тогда не говорил мне. Это условное наименование стало мне известно несколько позже из других источников.

Из проходивших через мои руки служебных документов было видно, как постепенно, в развитие плана, о котором мне сообщил Канарис, производилась дальнейшая переброска войск на восток и близ германо-советской границы создавались материальные базы с большими запасами продовольствия, горючего, боеприпасов и другого военного имущества.

В связи с этим я еще в ноябре 1940 года получил от Канариса указание активизировать контрразведывательную работу в местах сосредоточения германских войск на германо-советской границе.

Согласно этому указанию мною тогда же было дано задание органам германской военной разведки и контрразведки "Абверштелле", "Кёнигсберг", "Краков", "Бреслау", "Вена", "Данциг" и "Познань" усилить контрразведывательную работу.

Таким образом, с ноября 1940 года я, не будучи еще официально извещен о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом, фактически включился в подготовку к этой войне.

Официально о подготовке Германией войны против Советского Союза я был поставлен в известность в конце января или в начале февраля 1941 года на одном из очередных совещаний у Канариса. В конце совещания Канарис предложил остаться начальникам отделов и сообщил нам, что, согласно сведениям, полученным им от фельдмаршала Кейтеля, Гитлером отдан приказ о подготовке германских вооруженных сил к войне с Советским Союзом и назначен срок окончания этой подготовки - начало мая 1941 г.

В связи с этим сообщением Канарис предложил начать подготовку к нападению на Советский Союз и по линии абвера, в соответствии с конкретными заданиями, которые будут даны каждому из начальников отделов персонально.

Одновременно Канарис предупредил об исключительной секретности сообщения.

На этом секретном совещании присутствовали: начальник иностранного отдела и одновременно заместитель Канариса адмирал Брюкнер, начальник абвера I полковник (ныне генерал) Пикенброк, начальник абвера II полковник Лахузен, начальник центрального отдела и одновременно начальник штаба Канариса полковник Остер и я - Бентивеньи.

В мае 1941 года полковник Остер, придя ко мне в кабинет, передал мне для сведения письменный приказ оперативного отдела генштаба, предписывавший разработать мероприятия по усилению контроля за работой телефонно-телеграфной связи с нейтральными странами и междугородной внутри Германии.

На приказе имелся гриф "во исполнение плана "Барбаросса".

Передавая приказ, полковник Остер объяснил, что план "Барбаросса" охватывает собой все мероприятия, связанные с подготовкой Германией войны против Советского Союза.

Приказ был подписан заместителем начальника оперативного штаба Верховного главнокомандования генералом Варлимонтом.

По своему служебному положению я не имел возможности ознакомиться с самим планом "Барбаросса", однако несмотря на это содержание его мне было известно по отдельным устным и письменным донесениям служебного и внеслужебного характера. Донесений этих было много, и восстановить их сейчас в памяти я не могу, но мне было известно, что план "Барбаросса" предусматривал военную, экономическую и политическую подготовку Германии к войне против СССР.

Что касается руководимого мною абвера III, то я в марте 1941 года получил от Канариса следующие установки по подготовке к проведению плана "Барбаросса":

а) подготовка всех звеньев абвера III к ведению активной контрразведывательной работы против Советского Союза, как-то: создание необходимых абвергрупп, распределение их по боевым соединениям, намеченным к действиям на Восточном фронте, парализация деятельности советских разведывательных, а также и контрразведывательных органов;

б) дезинформация через свою агентуру иноразведок в части создания видимости улучшения отношений с Советским Союзом и подготовки удара по Великобритании;

в) контрразведывательные мероприятия по сохранению в

тайне ведущейся подготовки к войне с Советским Союзом, обеспечению скрытности переброс войск на Восток.

В мае 1941 года подготовка и проведение всех указанных мероприятий, касавшихся участия военной контрразведки в реализации плана "Барбаросса", были мною в основном закончены, о чем я лично в присутствии Канариса доложил фельдмаршалу Кейтелю. Проделанная мною работа Кейтелем была одобрена.

Показания написаны мною собственноручно.

Бентивеньи".

КРАЖА ДОКУМЕНТОВ

Характерными для детально запланированного и подготовленного нападения гитлеровской Германии на СССР были также и те акции управления ОКВ "Заграница/абвер", которые касались быстрого и тотального охвата важных фондов трофейных документов и картотек. При этом речь шла в первую очередь не только о том, чтобы оперативно захватить материалы руководящих политических органов подвергшихся нападению государств, но и выявить поименно тех лиц, которые, как потенциальные противники гитлеровской Германии, подлежали немедленному аресту и, как правило, уничтожению. Среди верхушечных ведомств нацистской Германии, например Главного управления имперской безопасности и министерства иностранных дел, посылавших команды для широко задуманной кражи документов, отдел абвера III играл особую роль, поскольку, следуя за фашистскими штурмовыми войсками, мог первым проникать в заранее тщательно разведанные и внесенные в списки центральные органы и архивы подвергшейся нападению страны и первым наложить на них лапу.

Генерал-лейтенант фон Бентивеньи обрисовал несколько таких акций.

"Временно сформированные отделениями абвера на Востоке незадолго до начала польской кампании команды получили 31 августа 1939 года приказ произвести во всех известных еще с мирного времени отделениях польской разведки вдоль германо-польской границы обыски с целью захвата их материалов. Отделению абвера в Вене было приказано немедленно отправить на Варшаву отряд майора Шмальшлегера, усиленный частями отделения абвера в Бреслау, чтобы обеспечить захват там разведывательного материала 2-го бюро (польского генерального штаба, которое занималось разведкой, шпионажем и действиями секретной службы. - Ю.М.). Конфискация материала в остальных филиалах польской разведки проходила под руководством пограничных отделений абвера и отделений в Кёнигсберге,

Штеттине, Берлине и Бреслау.

Если даже польским учреждениям частично и удалось уничтожить или скрыть материал их разведывательных служб, то отделения абвера все же смогли собрать вполне достаточный материал. Команда майора Шмальшлегера после занятия Варшавы установила, что польское 2-е бюро полностью эвакуировано. Однако спустя несколько дней обширный материал польского генерального штаба (там был материал не только 2-го бюро) был найден абверовцами в форте Легионов, около Варшавы, погружен на грузовики или, упакованный в ящики, отправлен по железной дороге в Берлин, где был передан "отделу использования материалов Востока".

Опыт польской кампании, - писал далее Бентивеньи, - научил, что абверкоманды должны быть подчинены АОК (командованиям армий. - Ю.М.).

В ходе кампании на Западе, соответственно этому, абверкоманды были подчинены 1с/АО (офицеры абвера. - Ю.М.) армий. При отделе ОКХ "Иностранные армии Запада" находился представитель абвера III подполковник фон Розенберг. Абверкоманды произвели обыск в известных по линии абвера III французских и бельгийских разведслужбах и доставили обнаруженный материал в Мюнстер, в "отдел по обработке материалов Запада", подчиненный мюнстерскому отделению абвера. "Улов" был незначительным по ценности, так как разведслужбы Парижа и Брюсселя заранее уничтожили или вывезли свой секретный материал. Абвер заполучил в 1941 году картотеку французского министерства внутренних дел, занимавшую целый этаж, тактические материалы с командных пунктов противника и др. Эти материалы остались у 1с/АО. Абверкоманды конфисковали (при нападении на Югославию. - Ю.М.) в Белграде многочисленные документы 2-го бюро югославского генерального штаба. Документы были переданы в Вену в "отдел использования материалов Юго-Востока".

В компетенцию 1с/АО абвером III был передан розыск лиц, обвиняемых в шпионаже против Германии. Часть из них удалось разыскать и арестовать. Они были переданы в руки полиции безопасности. [...]

В течение 1941 года абверкоманды занимались как охватом советских архивных документов, так и обеспечением сохранности письменных материалов на бывших русских командных пунктах. Последние представляли большой интерес для 1с/АО с командно-тактической точки зрения. Однако пригодных и интересных для секретной службы материалов при большом его объеме было сравнительно мало".

ОХОТНИКИ НА ПАРТИЗАН

За пять месяцев до нападения на Советский Союз Канарис приказал создать штабы "Валли I", "Валли II" и "Валли III". За этими кодовыми наименованиями скрывались специальные разведывательные органы абвера I, II и III. Шпионско-диверсионные и подрывные задания для выполнения на германо-советском фронте они получали как от управления ОКВ "Заграница/абвер", так и от шпионско-подрывного отдела ОКХ "Иностранные армии Востока". Штабам "Валли" были подчинены так называемые команды и отряды фронтовой разведки. Штаб "Валли I" был сформирован в польском городе Сулеювеке, а затем передислоцирован в Винницу на Украине. Наступление Красной Армии заставило гитлеровцев перебазировать штаб осенью 1943 года сначала в Нойхоф в Земландии, потом в Восточную Пруссию в район Штраусберга (1944 г.) и наконец в Баварские Альпы (1945 г.).

Канарис и тогдашний полковник фон Бентивеньи назначили начальником штаба "Валли III" воинствующего антикоммуниста подполковника Шмальшлегера. О нем фон Бентивеньи дал следующие показания:

"Подполковник Шмальшлегер, Гейнц, - офицер Первой мировой войны, первоначальный род войск - кавалерия; владелец матрасной фабрики (во время войны переведена на производство санитарных носилок). В абвере с 1935 или 1937 года, как офицер запаса поступил в отделение абвера в Вене референтом III. Во время войны с июня 1941 года - начальник "Валли III", в этой должности руководил действиями абверкоманд III на Восточном фронте; проверенный опытный офицер..."25

Шмальшлегер - кровавый предводитель сыщиков и охотников на партизан. При участии его штаба "Валли III" были организованы бесчисленные преступления против человечности и убиты тысячи советских и польских патриотов и партизан.

В записях генерал-лейтенанта фон Бентивеньи есть несколько страниц о конкретной антисоветской деятельности штаба "Валли III":

"Перед штабом "Валли III" с начала похода на Восток стояла задача лишь общей обработки трофейных письменных материалов. Со временем в задачу штаба "Валли III", который следует рассматривать как передовой пункт абвера III (группа III), входило:

а) заботиться о распространении опыта абверкоманд, приобретенного в полосе действий армий, давать соответствующие указания;

б) обеспечивать спецподготовку командиров абверкоманд, их

вспомогательных органов и пополнение".

Подробно осветив структуру штаба "Валли III" на конец 1943 года, фон Бентивеньи продолжал:

"Общий результат обработки материалов был виден на картах, периодически изготовляемых чертежной группой. Карты давали наилучшее представление о работе абверкоманд. Они ясно показывали предположительный центр тяжести советской контрразведывательной деятельности. Важно было нанести на карту не место захвата [советского] разведчика, а объект его разведки. Разумеется, карта давала лишь некоторое представление о действительных устремлениях советской контрразведки, ибо, по всей вероятности, выявлена была лишь довольно малая часть советских разведчиков26, и, кроме того, отряды абвера работали неодинаково. На основании нанесенных на карту центров [советской] контрразведывательной деятельности, а также используя другие материалы, которыми располагал отдел "Иностранные армии Востока", можно было делать выводы о наступательных намерениях советских войск. Начальник штаба "Валли III" в 1943 году неоднократно докладывал мне, что, по сообщениям возглавлявшегося генералом Геленом отдела "Иностранные армии Востока", который он время от времени посещал, результаты обработки, проделанной "Валли III", постоянно совпадали с остальными разведывательными данными. Поэтому обработка материалов группой III вносила особенно ценный вклад в оценку противника отделом "Иностранные армии Востока".

Кроме абверкоманд во время Восточного похода против Советского Союза по линии группы III работали главным образом отделения абвера в Софии, Румынии, КО на Ближнем Востоке и в Финляндии. Работа в Финляндии велась в контакте с финской разведслужбой и действовавшими на финляндской территории отрядами абвера III".

Поистине, складывается впечатление, будто абвер III занимался только кабинетной и картографической деятельностью. Однако фразы Бентивеньи могут ввести в заблуждение лишь поверхностного читателя. Ведь исторические факты показывают нечто иное: каждый флажок, воткнутый в карту в штаб-квартире "Валли III", был результатом коварства, изощренности или неслыханных пыток. Порой один росчерк пера в "Валли III" означал беспощадное истребление целого партизанского отряда. В "Валли III" прилежно наносились на карту те безымянные советские, польские и немецкие герои-антифашисты, которые, попав в руки абверовских офицеров вермахта "по подозрению в шпионаже", были расстреляны,

повешены или живыми закопаны в землю. Среди них многие из 80 тысяч убитых польских борцов Сопротивления и 1409 тыс. убитых в Белоруссии партизан и гражданских лиц27.

КОГДА "ЗВЕЗДА" АБВЕРА ЗАКАТИЛАСЬ

После того как гитлеровская Германия вторглась в Польшу и придвинула сферу своего империалистического господства непосредственно к границам СССР, подрывная атака против его народов ужесточилась. Управление ОКВ "Заграница/абвер" усилило сговор с контрреволюционными националистами и предателями Родины. Абвер реактивизировал также агентурную сеть буржуазной Польши в Западной Украине и Западной Белоруссии1. Результаты скоро сказались: с октября 1939 года по декабрь 1940 года советские пограничные войска задержали в западных военных округах примерно 5 тысяч агентов, находившихся на германской службе, и обезвредили много террористических приграничных банд.

Воздушный шпионаж гитлеровской Германии с началом Второй мировой войны концентрировался на западных областях СССР. Самолеты-шпионы Геринга и Канариса с октября 1939 года до июня 1941 года, вопреки международному праву свыше 500 раз нарушали воздушное пространство СССР2. Из признаний агентов абвера следует: их задания состояли в том, чтобы разведать оборонительные сооружения, места дислокации войск, базы военно-морского флота и аэродромы в советских приграничных округах и подготовить диверсионные акты. О тогдашней ситуации на западных границах СССР в шеститомной "Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945" говорится: "Еще задолго до нападения Германии советским пограничникам пришлось вступить в настоящую войну с гитлеровской агентурой"3.

ПРОБА СИЛ ИЗ ЗАСАДЫ

В сентябре 1940 года Верховное главнокомандование вермахта с целью нападения на СССР начало увеличивать свои военные силы на германо-советской границе. Круг генералов, посвященных тогда в план "Барбаросса", был до предела сужен. Но среди избранных, т. е., с гитлеровской точки зрения, вполне надежных лиц, находился весь штаб управления ОКВ "Заграница/ абвер". Из признаний генералов Пикенброка и Бентивеньи, тогдашних начальников абвера I и абвера III, видно, что аппарат Канариса уже с августа 1940 года был вполне определенно нацелен на подготовку к нападению на Советский Союз. Абвер наращивал свои шпионские и дезинформационные акции против него. Он делал это при полной поддержке и неограниченной помощи всей государственно-монополистической системы

гитлеровской Германии.

О том, как действовал абвер в эти годы, в "специальной" литературе, изданной на Западе, в частности в ФРГ, говорится, например, следующее: "Первую фазу можно назвать фазой блицкригов. Военное руководство смогло использовать отличные результаты проведенной абвером разведки вражеских государств... Тогда донесения и доклады абвера еще имели значение и оперативно учитывались высшим военным командованием, тогда Гитлер еще испытывал определенную симпатию к адмиралу, излагавшему ему свои суждения тихим голосом, зачастую заговорщическим тоном. К тому же в области секретной разведывательной службы фюрер был полным дилетантом, а СД еще не имела возможности сообщать весомые и обоснованные данные. Время до 1941 года, т. е. примерно до захвата Крита, было тем единственным периодом войны, когда управление "Заграница/абвер" могло планомерно и относительно без помех по собственному усмотрению использовать свой аппарат"4.

Иными словами, Канарис и его подручные чувствовали себя тогда на вершине власти: в результате успехов блицкрига на Западе они считали свою "тотальную" концепцию подрывной деятельности непревзойденной и применимой повсюду. Уже с того времени задействованный примерно на 80 процентов против Советского Союза кадровый, финансовый и материально-технический потенциал абвера использовался в максимальной степени.

Эта подрывная активность не осталась не замеченной органами советской контрразведки. Уже в 1940 году они зарегистрировали на оккупированной гитлеровской Германией территории Польши вблизи границы с СССР 95 разведывательных и переправочных пунктов5. В том же году советские органы государственной безопасности арестовали в районе Львова направленных управлением ОКВ "Заграница/абвер" главарей террористической группы ОУН. С января 1940 года до конца марта 1941 года было раскрыто 66 резидентур германской разведки, разоблачено 1596 германских агентов, из них 1338 - в западных областях Украины и Белоруссии, а также в Прибалтике6. Радиус действий военного атташе германского посольства в Москве, пойманного с поличным при выполнении шпионских операций, был значительно уменьшен7.

Мужество и стойкость советских пограничных войск, защищавших территорию СССР от проникновения гитлеровской агентуры, доказывает не в последнюю очередь тот факт, что в феврале 1941 года за проявленные доблесть и героизм в борьбе с

вражескими лазутчиками были награждены орденами и медалями 384 пограничника8.

Нет никакого сомнения в том, что управление ОКВ "Заграница/абвер" прочно занимало в планировании и подготовке нападения на Советский Союз руководящее место. При этом надо не упускать из виду некоторые главные даты, чтобы иметь возможность хронологически сопоставить с синхронно осуществлявшимися шпионскими операциями9.

31 июля 1940 года - решение верхушки германской военщины осуществить блицкриг против СССР;

1 августа 1940 года - решение главного командования сухопутных войск (ОКХ) о первом варианте плана войны против СССР;

6-12 декабря 1940 года - разработка ОКХ директивы № 21 - плана "Барбаросса";

18 декабря 1940 года - директива № 21 - план "Барбаросса" о нападении на СССР утверждена Гитлером.

Из мемуаров высокопоставленного собеседника адмирала Канариса, одного из начальников гиммлеровской секретной службы - Вальтера Шелленберга стало известно, что результаты шпионской деятельности гитлеровской Германии были весьма поверхностны, имели много пробелов, да к тому же являлись противоречивыми. "Во время совместных верховых прогулок по утрам, - писал об этом времени Шелленберг, - мы с Канарисом невольно вновь и вновь заговаривали о предстоящей войне с Россией... Обмениваясь информацией, спорили прежде всего насчет производственной и транспортной мощи России. На основании соответствующих материалов я считал, что количество производимых русской тяжелой промышленностью танков гораздо больше предполагаемого Канарисом; русские выступят и с поразительными конструкторскими новинками. [...] Канарис же, ссылаясь на то, что располагает на сей счет верными данными, утверждал, будто индустриальный центр вокруг Москвы связан с богатыми сырьевыми месторождениями на Урале всего лишь одной линией железной дороги. На основании агентурных донесений я придерживался противоположного мнения"10.

Так два начальника секретных служб гитлеровской Германии, восседая на копях, координировали свои секретные "познания", вершиной которых явился поистине продиктованный манией величия план разгромить Советский Союз силами гитлеровского вермахта, СС и сателлитов всего за восемь недель!

Однако не следует думать, будто такие сомнительные данные были добыты только использованием поредевших групп второсортных шпионов. В управление ОКВ "Заграница/абвер"

стекались, особенно в те месяцы, все каналы "научной" стратегической разведки гитлеровской Германии и ее сателлитов.

Фашистская разведка, как отмечают советские исследователи, пыталась использовать в своих интересах и легальные каналы: внешнеторговые, экономические и внешнеполитические учреждения. Целью было собрать сведения об экономическом потенциале Советского Союза, в частности о его военной промышленности (мощность, районирование, "узкие места"), об индустриализации в целом и отдельных ее крупных центрах, о нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, энергетических системах СССР и путях сообщения, источниках промышленного сырья, а также другие важные в военно-экономическом отношении данные. Для координации акций самых различных ведомств по экономическому шпионажу был создан штаб специального назначения "Россия". "Институт геополитики", насчитывавший более тысячи научных сотрудников (историков, экономистов, статистиков и др.), тщательно анализировал поступавшие материалы и вместе с управлением экономики и вооружения штаба Верховного главнокомандования вермахта и военной разведкой готовил различные обзоры и справочники (например, о европейской части России и Прибалтике, географический и этнографический материал о Белоруссии, исследования о промышленности и железнодорожном транспорте СССР)11.

Но как доказано жизнью, ни опытные супершпионы, ни высокооплачиваемые "советологи" и предсказатели из германских "остфоршеров" оказались не в состоянии хотя бы приблизительно верно предугадать (не говоря уж о том, чтобы разведать!) всестороннюю оборонительную силу Советского Союза.

Кольцо абсолютного молчания, которое, согласно приказу, должен был создать абвер III вокруг мер по осуществлению плана "Барбаросса", тоже оказалось иллюзорным. В начале сентября 1940 года начальником штаба верховного главнокомандования вермахта были даны следующие указания12:

"Верховное главнокомандование

Штаб оперативного руководства

Отдел обороны страны № 33264/40

Содержание: материалы для разведывательной службы.

Согласно: документу III отдела управления военной разведки за № 398/40 от 26.8. 1940 оперативному отделу генерального штаба сухопутных войск № 150231/40 от 2.9. 1940.

Управлению военной разведки и контрразведки.

В ближайшие недели концентрация войск на Востоке значительно увеличится. К концу октября необходимо добиться

положения, указанного на прилагаемой карте.

Перегруппировки у [границ] России ни в коем случае не должны создавать впечатления, что мы подготавливаем наступление на Восток. В то же время Россия должна понять, что в генерал-губернаторстве, в восточных провинциях и в протекторате находятся сильные и боеспособные немецкие войска, и сделать из этого вывод, что мы готовы в любой момент и достаточно мощными силами защитить наши интересы на Балканах против русского вмешательства.

В работе собственной разведки, как и в возможных ответах на запросы русских, следует руководствоваться следующими основными принципиальными положениями.

1. Маскировать общую численность немецких войск на Востоке по возможности распространением слухов и известий о якобы интенсивной замене войсковых соединений, происходящей в этом районе. Передвижения войск обосновывать их переводом в учебные лагеря, переформированием и т. п.

2. Создавать впечатление, что основное направление в наших перемещениях сдвинуто в южные районы генерал-губернаторства, в протекторат и Австрию и что концентрация войск на Севере сравнительно невелика.

3. Преувеличивать состояние и уровень вооружения соединений, особенно танковых дивизий.

4. Распространять соответствующим образом подобранные сведения для создания впечатления, что после окончания Западного похода противовоздушная оборона на Востоке серьезно усилилась и что зенитная оборона всех важных объектов укрепляется за счет трофейной французской техники.

5. Работы по улучшению сети шоссейных и железных дорог и аэродромов объяснять необходимостью развития вновь завоеванных восточных областей, ссылаясь при этом на то, что они ведутся нормальными темпами и служат главным образом экономическим целям.

В какой мере отдельные подлинные данные, например о нумерации полков, численности гарнизонов и т. п., могут быть переданы абверу для использования их в контрразведывательных целях, решает главное командование сухопутных войск.

За начальника штаба

Верховного главнокомандования Йодль".

С осени 1940 года до июня 1941 года органы государственной безопасности СССР уже располагали полученными из различных источников весьма точными данными о сосредоточении на границе с СССР армии численностью в 4 миллиона человек, о состоянии фашистских планов нападения. Основательное

изучение архивных документов "показывает осведомленность советской разведки о намерениях фашистской Германии"13.

СНОВА В АВАНГАРДЕ АГРЕССИИ

Первые шесть месяцев тяжелого по своим последствиям 1941 года проходили под знаком непрерывных действий абвера, готовившего нападение на СССР. "С приближением войны активность гитлеровской разведки усиливалась, говорится в "Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945", - менялся характер задач и состав вражеской агентуры. Начиная с января 1941 года засылались преимущественно высококвалифицированные агенты, снабженные портативными радиостанциями. Количество вражеской агентуры, задержанной или уничтоженной пограничными войсками, в первом квартале 1941 года увеличилось в 15-20 раз по сравнению с первым кварталом 1940 года, а во втором квартале 1941 года - в 25-30 раз по сравнению со вторым кварталом 1940 года... С января 1941 года и до начала войны имело место 152 нарушения границы немецко-фашистскими самолетами"14.

Теперь шпионам давались задания производить разведку отдельных объектов, имевших специфическое и весьма важное значение для оперативных планов.

Заместитель начальника отдела абвер II полковник генерального штаба Штольце, по его показаниям, получил первый приказ о развертывании антисоветской диверсионно-подрывной деятельности только в марте - апреле 1941 года. На самом же деле уже в апреле 1941 года вблизи Августова в Белоруссии была захвачена при переходе границы диверсионная группа из 16 человек, которая, в нарушение международного права, была одета в форму саперных войск Красной Армии; 11 из них убиты, 5 взяты в плен.

Диверсионные действия активизировались особенно в последнюю неделю перед нападением на СССР. "С 15 июня 1941 года германское командование приступило к переброске на территорию СССР большого количества банд, диверсионно-разведывательных групп и диверсантов-одиночек, которые имели задание с началом военных действий разрушать линии телеграфно-телефонной связи, взрывать мосты и железнодорожное полотно на основных коммуникациях советских войск, уничтожать воинские склады и другие важные объекты, захватывать в тылу Красной Армии железнодорожные и шоссейные мосты и удерживать их до подхода передовых частей германской армии.

В самый последний момент перед нападением Германии, в

ночь с 21 на 22 июня 1941 года, гитлеровская разведка на ряде операционных направлений перебросила через границу наземным и воздушным путем значительное количество мелких диверсионных групп, участники которых были переодеты в гражданское платье и в форму военнослужащих Красной Армии"15.

В первой половине июня 1941 года в обстановке строжайшей секретности подчиненные в оперативном отношении управлению военной разведки и контрразведки ОКВ ("Заграница/абвер") офицеры Ic штабов групп армий и армий вступили в сговор с созданными специально для нападения на Советский Союз командами убийц из эсэсовской СД. Один из элементов лживой тактики "хроникеров абвера" состоит в том, что ими просто-напросто замалчивается совместная подготовка абвером и СД военных преступлений и преступлений против человечности. Во главе с группенфюрером СС Райнхардом Гейдрихом СД заранее создала специальные оперативные "айнзацгруппы" и "айнзацкоманды" в целях массового убийства партийных и советских работников, уничтожения евреев, интеллигенции, всех советских патриотов, которые мужественно вставали на борьбу против фашистских захватчиков. Было решено, что эти группы и команды должны постоянно действовать заодно с соответствующими штабами и органами абвера.

Осужденный позднее в Нюрнберге военный преступник Вальтер Шелленберг так обрисовал это зловещее сотрудничество: "Я посоветовал ему (Канарису. Ю.М.) все же переговорить с Гейдрихом. Моя инициатива привела к беседе между ними, результатом которой явилось совместное совещание при участии 1c/AO (начальников разведотделов штабов армий. - Пер.) и как можно большего числа офицеров Ic групп армий II армий наряду с командирами участвующих частей полиции и СД ("айнзацгрупп" и "айнзацкоманд"). Насколько я помню, совещание это состоялось в первой половине июня; наряду со специальными докладами на нем в общих чертах освещался весь оперативный план кампании... Канарис и Гейдрих решали специальные вопросы в тесном контакте с командами полиции безопасности и СД и так называемыми абверовскими отрядами военной секретной службы"16. Таким образом, Канарис, будучи в курсе запланированных преступлений, по собственной инициативе помогал создавать предпосылки для централизованной деятельности всех фашистских секретных служб.

Процесс этот завершился в предпоследнем году Второй мировой войны и привел к слиянию в кадровом и организационном отношении их центральных руководящих

органов, т. е. управления ОКВ "Заграница/абвер" с Главным управлением имперской безопасности, которому подчинялась СД. Общее для них фанатическое стремление к разгрому СССР уже не позднее 1941 года в значительной мере отодвинуло на задний план мелкое соперничество и престижные амбиции.

Основательно подготовленные и детально проинструктированные офицеры абвера были готовы ринуться на Советский Союз. Подполковник Оскар Райле вспоминает: "В первые недели июня 1941 года управление "Заграница/абвер" направило сформированные команды фронтовой разведки в три группы армий "Север", "Центр" и "Юг", между тем как отряды в дисциплинарном и оперативном отношении были подчинены штабам армий. В течение дня 21 июня 1941 года штабы армий выдвинули команды фронтовой разведки вперед, в боевые порядки танковых дивизий и разведбатальонов. 22 июня, между 1 и 2 часами ночи, управление ОКВ "Заграница/абвер" получило от команд фронтовой разведки донесение о том, что они заняли исходные позиции. В 3 часа утра пожар войны против Советского Союза был зажжен... По всему Восточному фронту команды фронтовой разведки двинулись вперед вместе с танками, авангардами полевых войск и штурмовыми саперными частями... Поначалу германские дивизии, несмотря на ожесточенное сопротивление советских войск, продвигались вперед, а вместе с ними - и фронтовые разведывательные команды"17.

Созданный в начале 1941 года под кодовым названием "Валли", центральный штаб шпионажа и диверсий против Советского Союза ожидал новых донесений, трофейных документов и сообщений об успехах диверсантов и убийц.

АБВЕР НА ПУТИ К БАНКРОТСТВУ

Временным военным успехам гитлеровского вермахта, а тем самым и управления ОКВ "Заграница/абвер" было суждено кончиться еще в 1941 году Быстро выявилось, сколь роковой была слепая вера гитлеровской клики, особенно аппарата Канариса, в продиктованные их ненавистью к СССР ложные прогнозы. Не прошло и восьми недель после нападения на Советский Союз, как начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер уже записывал в военном дневнике: "В начале войны мы рассчитывали на сопротивление примерно 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем их уже 360"18. Гитлер в беседе с одним из дипломатов причитал: "Когда мы вступали в Россию, я ожидал, скажем, 4 тысячи русских танков, а встретил 12 тысяч"19. И уже к началу четвертого квартала 1941 года Гитлер как верховный главнокомандующий вермахта вынужден был признать, "что он, возможно, вовсе не начал бы вторжения, если

бы ему было заранее известно все то, с чем немцам пришлось столкнуться в России"20.

Однако при историческом анализе было бы ошибочное относить осуществлявшийся германским фашизмом кровавый "Дранг нах Остен" только за счет весьма неправильной информации руководящей верхушки гитлеровской Германии о Советском Союзе. Решающим фактом остается то, что при оценке реального соотношения сил, на которую представители германского империализма в принципе никогда не были способны, они в данном случае допустили самые тяжкие ошибки и просчеты. Германская военная разведка недооценила неодолимую силу и героизм советского народа, растущую боевую мощь Красной Армии. "Немецкая разведка не располагала сведениями о производственных мощностях военной промышленности Советского Союза, не имела информации о новых видах военной техники (танков, самолетов, артиллерии и стрелкового оружия), не располагала секретными топографическими картами СССР... Единственно, чего смогла добиться немецко-фашистская разведка, - это собрать довольно полную информацию о советских войсках, расположенных в Прибалтике, Западной Белоруссии и Западной Украине, то есть на глубине первых наступательных операций"21.

Таким образом, гитлеровские генералы секретной службы не имели реального представления о состоянии Советской страны и ее вооруженных сил и не смогли дать своему верховному командованию обширные достоверные данные. Это, в свою очередь, вынуждало их усиленно использовать против СССР агентов и диверсантов всех категорий, что и привело к той фазе деятельности абвера, которую шпионский писака Буххайт именует "наступательной импровизацией"; по его словам, она длилась с середины 1941 года до поражения гитлеровского вермахта на Волге на рубеже 1942-1943 гг.22.

В чем же состояла эта "наступательная импровизация"? Принципиально прежде всего в том, что массовым использованием шпионов и наделенных особыми полномочиями следователей для допросов военнопленных, а также еще более тесным взаимодействием с гиммлеровской СД абвер пытался заткнуть бреши в шпионской деятельности. Поэтому управление ОКВ "Заграница/абвер" почти не могло проводить на других фронтах шпионские операции крупного размаха, или же они срывались. Чем яснее становилось, что фашистская Германия уступает в военном отношении Советскому Союзу и создававшейся антигитлеровской коалиции в целом, тем больше абверовское ведомство делало ставку на эффект широко

задуманных подрывных и диверсионных действий, на разлагающую деятельность формируемых "пятых колонн". Но хотя фашистская система секретных служб ввела в действие в 1942 году вдвое больше агентов, нежели в 1941 году (около 10 тысяч!), "в 1942 году немецкая разведка в отличие от 1941 года была уже не в состоянии снабжать фашистское командование (стратегически приемлемыми. - Ю.М.) сведениями о группировке советских войск и их оперативных намерениях"23. За первые шесть месяцев 1943 года число абверовских шпионов увеличилось по сравнению с 1942 года еще примерно вдвое: их новое пополнение поступало из 60 школ и учебных центров.

Органы государственной безопасности СССР, которым с 29 июня 1941 года была поручена борьба против фашистских агентов в районах фронтового тыла, наносили абверовцам поражение за поражением. Например, в Белоруссии было выявлено 6 тысяч агентов; из 150 шпионских и диверсионных групп (по 3-10 человек в каждой) "абверкоманда 104" с октября 1942 года за последующие 12 месяцев вернулись только две, да и те без успеха. "Всего за 1942 год было обезврежено несколько тысяч вражеских агентов и диверсантов"24. Постепенно были уничтожены 226 фашистских диверсионных и шпионских агентурных групп, а также 2110 агентов, заброшенных на парашютах в советский тыл25. Советская контрразведка все больше проникала в антисоветские шпионские органы, все быстрее распознавала их планы, овладевала этими планами и разоблачала абверовцев. В конечном счете "основные силы немецко-фашистской разведки, как и основные силы германской армии, были разгромлены на советско-германском фронте. Советско-германский фронт явился главным фронтом Второй мировой войны не только с точки зрения вооруженной борьбы, но и с точки зрения борьбы с огромной машиной гитлеровской разведки"26. Для пресечения подрывной деятельности фашистских агентов и диверсантов советским органам государственной безопасности удалось реализовать огромные потенциальные возможности социалистического государства. Советские чекисты несли на себе главную тяжесть борьбы против вражеской разведки накануне и во время войны. Из поединка с нею не на жизнь, а на смерть они вышли победителями.

Канарис, обреченный с 1941 года на безуспешность в принципе всей его деятельности, попытался использовать свое влияние для того, чтобы вбить политический клин между союзниками по антигитлеровской коалиции - западными державами и Советским Союзом. Сподвижник Гитлера вдруг превратился в "западника". "Чем дольше длилась война, - писал

позже его биограф, - тем отчетливее ощущал Канарис, что продолжение ее таит в себе опасность для всего западного мира..."27 В интересах монополистических кругов Германии Канарис и его подручный генерал-майор Остер вступили в тайный сговор с англо-американской реакцией28. Их конкурентами были некоторые круги СД в Главном управлении имперской безопасности. В конечном счете Канарис и Остер потерпели поражение. Служба безопасности нанесла им удар. Для нее они, кроме того, были в конце войны лицами, знавшими многие "тайны рейха" и его преступления. Это стоило им жизни.

Полностью доказанные воинствующие антикоммунистические взгляды и нацистский образ действий Вильгельма Канариса не помешали одному из гамбургских иллюстрированных журналов, поистине достигнув вершины фальсификации истории Второй мировой войны, высказать абсурдное предположение, будто Канарис "выдал Москве планы германского наступления (на Москву. - Ю.М.)"29. Такие нелепые утверждения имеют целью отвлечь внимание от подлинных причин сокрушительных поражений гитлеровской армии на советско-германском фронте.

С 1943 года, когда гестапо натолкнулось на осуществлявшиеся через Ватикан контакты Остера с англичанами и американцами, отстранение высших чиновников от руководства управлением ОКВ "Заграница/абвер" стало фактом. И тогда обанкротившиеся генералы шпионажа и диверсий попытались спастись с тонущего корабля: "нырнуть" во фронтовые команды. Недовольное ими Верховное главнокомандование вермахта теперь стало придавать значение "новому гарнитуру"30. Пикенброк, Лахузен и Бентивеньи были вынуждены один за другим расстаться со своими постами начальников соответственно абвера I, II и III, и отправиться на германо-советский фронт в качестве командиров войсковых частей.

Там Пикенброку и Бентивеньи пришлось поднять руки вверх перед советскими войсками, и они были опознаны. Что касается адмирала Канариса, то в 1944 году он принял руководство "Особым штабом торговой и экономической войны", т. е. фашистским подрывным органом (располагался в Айхе, около Потсдама). Западногерманский историк Карл Бартц правильно подчеркивает: "Канарис не испытал на себе, как другие генералы, брань и позор"31. В феврале 1944 года управление "Заграница/ абвер" в целях окончательной централизации и усиления эффективности системы секретных служб было слито с эсэсовским Главным управлением имперской безопасности. Абверовские офицеры и агенты были, как это против воли

признают даже в ФРГ, "распределены между гестапо и СД"32.

ИСЧЕЗНУВШИЕ ДНЕВНИКИ

Точно установлено, что отдельные руководители управления ОКВ "Заграница/абвер" вели дневники - служебные либо личные, - но, как правило, нерегулярно. Значение их едва ли можно переоценить. Ведь в них, в конечном счете, с учетом глобальной сферы действий этого управления и наличия широко разветвленных конспиративных связей его аппарата, как, пожалуй, ни одним другим органом, фиксировались самые секретные государственные тайны гитлеровской Германии. В данном случае они должны были представлять собой гроссбухи, в которых по-военному лаконично и с соблюдением высшей степени секретности указывалось, когда, где и кем планировалась, тайно готовилась и затем, при постоянном нарушении международного права, велась нацистской Германией Вторая мировая война.

Историк Карл Бартц так охарактеризовал ту роль, которую играл начальник управления ОКВ "Заграница/абвер" адмирал Вильгельм Канарис: "Когда... в 1938 году было ликвидировано имперское военное министерство и создано верховное главнокомандование (вермахта. - Ю.М.) во главе с Кейтелем, Канарис со своим абвером сначала подчинялся лишь Кейтелю, а потом только самому Гитлеру и больше никому. Как самый старший по чину из начальников управления ОКВ, он даже являлся заместителем Кейтеля. Это означало сосредоточение гигантской власти в руках человека, который и осведомлен был обо всем, как почти никто другой... Отношения между Канарисом и Гитлером многие годы были весьма хорошими"1.

Канарис бесчисленное множество раз лично совещался с Гитлером, с высокими и высшими чинами НСДАП и офицерского корпуса СС, с нацистскими шефами министерства иностранных дел и военного атташата, с генералами вермахта и полиции, с банкирами, крупными судовладельцами и "вервиршафтсфюрерами" монополий. Записи этих бесед, которые, учитывая их характер, в большинстве случаев велись с глазу на глаз, не только имели бы огромную доказательную силу для современных исторических исследований, но и послужили бы тяжким обвинительным материалом против нацистских военных преступников перед Судом народов. Часть таких записей не мог сделать никто, кроме самого Канариса. В комментариях к "Дневнику военных действий ОКВ" в данной связи отмечается: "Разумеется, начальник управления ОКВ "Заграница/абвер" адмирал Канарис совещался с Гитлером без свидетелей. Подробности этих бесед до сих пор остаются неизвестными"2.

Таким образом, самые шкурные интересы авторов абверовских дневников, а также в принципе и всех нацистских персон требовали, чтобы записи подобного рода ни в коем случае не попали в руки союзников по антигитлеровской коалиции. Отданный в 1945 году приказ надежно и полностью уничтожить все оперативные документы, карты и архивы органов секретной службы тем более должен был относиться к многостраничным дневникам управления шпионажа и диверсий.

Автор настоящей книги более двух десятилетий вел интенсивные розыски не только документов абвера вообще, но и этих дневников или, по меньшей мере, того, что от них осталось. Вот что удалось установить в результате этих поисков.

В ПЕПЕЛ ПРЕВРАТИЛИСЬ ДАЖЕ МИКРОКОПИИ

Дневник адмирала Канариса должен был состоять из шести скоросшивателей. О том, как он велся, известно следующее: "Дневник существовал лишь в одном экземпляре. До лета 1939 года Канарис писал его собственноручно, а затем его печатала на машинке секретарша3 под диктовку, без копий" 4.

Скоросшиватели I-V, которые якобы охватывали материалы с 1938 до 1942 года, и шесть тетрадей отчетов о различных поездках Канариса были в начале апреля 1945 года обнаружены в несгораемом шкафу одного из бункеров запасного командного пункта ОКХ "Цеппелин" в Цоссене. Генерал пехоты Вальтер Буле, случайно наткнувшийся на эти документы, услужливо передал их командиру эсэсовской охраны Гитлера в Берлине бригадефюреру СС, генерал-майору полиции Гансу Раттенхуберу, который служил в штабе рейхсфюрера СС Гиммлера и одновременно являлся начальником имперской службы безопасности. 6 апреля 1945 года скоросшиватели с дневником Канариса уже лежали на столе начальника Главного управления имперской безопасности обергруппенфюрера СС Эрнста Кальтенбруннера5.

Но еще задолго до того Канарис, находившийся с 23 июля 1944 года в следственной тюрьме по делу о заговоре 20 июля 1944 года, сообщил гестапо и СД о местонахождении этого дневника и даже помог им в поисках, о чем на допросах говорил совершенно откровенно6. На основе показаний, данных впоследствии суду уполномоченными по поискам и просмотру дневника Канариса штандартенфюрером СС Вальтером Хуппенкотеном и криминаль-комиссаром Зондерэггером, было установлено:

"Имеющие важное значение дневники Канариса были найдены только в 1945 году и переданы главному управлению имперской безопасности. Они состояли из отдельных напечатанных на машинке листков и охватывали период с 1939

по 1942 год. 3 февраля 1945 года здание главного управления имперской безопасности было разрушено бомбежкой, поэтому его оперативный штаб переместился в барак в Ванзее, в район действий воздушного флота "Рейх". Начальник гестапо Мюллер жил в доме на окраине этого района. Около середины апреля 1945 года туда явился офицер СС Раттенхубер и передал начальнику гестапо свою находку. Это были скрепленные в черной папке примерно 2 тыс. машинописных страниц дневников Канариса, продиктованных им от первого лица..."7

Скоросшиватель VI, записи в котором начинались с марта 1943 года и кончались июлем 1944 года и, таким образом, на пять месяцев превышали время пребывания адмирала в должности начальника управления ОКВ "Заграница/абвер", был найден и конфискован гестапо еще в июле 1944 года в возглавлявшемся тогда Канарисом штабе торговой и экономической войны, который размещался около Потсдама. Однако материал из этого скоросшивателя, охватывавший несколько дней после совершенного 20 июля 1944 года покушения на Гитлера, не был использован гестапо против Канариса. Даже Герт Буххайт вынужден был признать: "Страницы, напечатанные его секретаршей на машинке, содержали... весьма мало обвинительного материала и были недостаточны для изобличения адмирала как государственного изменника" 8.

От одного из свидетелей на процессе Хуппенкотена (в Мюнхене в феврале 1951 года) стало известно, что произошло дальше с указанными 12 томами документов. В одном сообщении о показаниях гестаповца Ксавера Зондерэггера из главного управления имперской безопасности говорится: "20 апреля 1945 года после военно-полевого суда (над Канарисом 9 апреля 1945 года в Флоссенбюрге. - Ю.М.) он (Зондерэггер) по приказу начальника управления группенфюрера СС Мюллера9 распорядился изготовить в управлении имперской криминальной полиции микрофильмы 12 томов (содержавших от 80 до 200 страниц машинописного текста каждый) и сдать их в секретариат Кальтенбруннера. На следующий день Кальтенбруннер лично уничтожил шесть томов, а остальные шесть с отчетами Канариса о поездках передал Хуппенкотену, который хотел их уничтожить вблизи Цель-ам-Зее в Австрии. О дальнейшем местонахождении микрофильмов ни Зондерэггер, ни Хуппенкотен дать показания не смогли".

Штандартенфюрер СС Вальтер Хуппенкотен в 1944-1945 гг. возглавлял группу IVA ("Борьба с левой и правой оппозицией и саботажем, абвер, противники по мировоззрению, особые случаи, превентивный арест") в IV управлении (гестапо) Главного

управления имперской безопасности. Кстати, он являлся непосредственным начальником палача евреев оберштурмбаннфюрера СС Адольфа Эйхмана.

Западногерманский историк Герхард Риттер после 1945 года пытался найти следы упомянутых микрофильмов. Тщетно! И ему тоже пришлось констатировать: "С дневников (Канариса. - Ю.М.) в имперском криминальном управлении были сняты микрофотокопии. Пленки хранились в двух металлических коробках. Но в неразберихе, вызванной прорывом обороны Берлина (имеется в виду панический страх, охвативший эсэсовских главарей перед наступающей Красной Армией. Ю.М.), удалось проявить только некоторые. Затем весь материал был сожжен, частично немедленно Зондерэггером, а частично несколькими днями позже по приказу Кальтенбруннера Хуппенкотеном поблизости от замка Миттерзиль в Австрии, чтобы ничто, написанное Канарисом, не попало в руки потомков". Акция уничтожения около Миттерзиля была совершена в начале мая 1945 года, т. е. непосредственно перед безоговорочной капитуляцией гитлеровской Германии12. Оказалось, что сделанные "лейкой" фотокопии тоже полностью сожжены в конце войны13.

ЗАПИСИ КАНАРИСА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ БАСНИ

Ныне почти не осталось в живых (кроме некоторых лиц, дающих необъективные свидетельства) никого из тех, кто действительно мог ознакомиться тогда с папками документов Канариса или снять с них микрокопии, не говоря уж о тех, кто смог бы воспроизвести их в деталях устно. Таким образом, для политических спекулянтов и неофашистских борзописцев возникла благоприятная ситуация. Полностью утерянные, а лучше сказать, преднамеренно уничтоженные генералами вермахта, СС и полиции и их сообщниками записи Канариса причисляются в реваншистской и фальсифицирующей историю профашистской литературе к числу наиболее часто цитируемых "первоисточников". Под таким углом зрения возникли и продолжают возникать и по сей день политические басни о шпионско-диверсионном управлении ОКВ.

Возьмем в качестве доказательства книгу биографа Канариса К.Г. Абсхагена. Она построена на лживой аргументации, определяющей весь характер подобных публикаций: "Достойно глубокого сожаления, что тот документ, который сам Канарис предназначал для выяснения своего образа действий, а именно его ведшийся с величайшей тщательностью дневник, более не существует. После отстранения Канариса от руководства абвером весной 1944 года большая часть его записок была надежно

спрятана одним из его офицеров в деревне. Испытывая понятную тревогу, как бы в результате пыток и шантажа они не попали в руки гестапо и не послужили бы основанием для преследования, вдова этого офицера, который сам тоже пал жертвой заговора 20 июля 1944 года, уничтожила эти тома документов после провала попытки переворота"14. Тем самым Канарис - совершенно незаслуженно - задним числом производится одним из его бывших офицеров в "хрониста" определенных кругов антигитлеровской оппозиции.

Какими несостоятельными "аргументами" оперируют подобные авторы, видно из следующего. Так, Бартц приходит к выводу: "Часто звучащее утверждение, будто г-жа Канарис или г-жа Гроскурт (речь идет о жене полковника генерального штаба Гельмута Гроскурта, являвшегося до 1939 года начальником абвера II. - Ю.М.) сожгли дневники адмирала, - это вымысел"15. Отсюда недалеко уж и до лживого утверждения, будто дневник Канариса - это нелегально написанная главная книга противников Гитлера! Но против этого говорит тот факт, что ведь именно сам Канарис сообщил гестапо и Службе безопасности о существовании своих записей, а это - если бы утверждение Абсхагена отвечало истине, - вне всякого сомнения, означало бы для него самоубийство.

Но и этого мало. Имеется весьма компетентное показание о подлинном характере дневника Канариса. Оно было дано проживающим во Франкфурте-на-Майне бывшим вице-адмиралом Леопольдом Бюркнером - самым старшим по чину после адмирала офицером в управлении ОКВ "Заграница/абвер", который являлся его заместителем и в течение многих лет был начальником отделения (с 1941 года - управленческой группы) "Заграница". Итак, Бюркнер (который за свою фашистскую надежность еще в мае 1945 года был награжден "Рыцарским крестом к Кресту за военные заслуги с мечами") подчеркивает, что "адмирал в течение всей своей бурной жизни всегда что-то записывал, но был весьма осторожен"16.

Дальнейшие показания Бюркнера подтверждают действительное содержание шести скоросшивателей с записями Канариса. Согласно им, отделение "Заграница" "примерно в начале 1940 года получило и до февраля 1944 года выполняло задание постоянно давать материал для военного дневника управления "Заграница/абвер"17. "В большинстве случаев, - подчеркивал Бюркнер, - речь шла о записях бесед с генерал-фельдмаршалом Кейтелем или генерал-полковником Йодлем и сообщениях особого рода из иностранной прессы. Можно вполне предположить, что три отдела абвера (т. е. абвер I, абвер II и

абвер III. - Ю.М.) действовали одинаковым образом и поставляли львиную долю материалов"18.

Таким образом, становится ясно, почему нацисты хотели быть уверенными в том, что эти записи уничтожены до последней страницы. Ведь гитлеровский генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил, и генерал-полковник Альфред Йодль, начальник штаба оперативного руководства и оперативного отдела ОКВ, ко времени уничтожения этого дневника уже стояли в списке главных военных преступников, составленном антигитлеровской коалицией. После того как Международный военный трибунал в Нюрнберге вынес им смертный приговор, их (даже без учета еще более отягощавшего их вину дневника Канариса) повесили в ночь на 16 октября 1946 года.

А ГДЕ ЖЕ ДРУГИЕ ЗАПИСИ?

Создается впечатление, что начальники отделов и групп управления Канариса тоже (пусть в ограниченном масштабе) вели дневники. По крайней мере так утверждают вице-адмирал Бюркнер, генерал-майор Лахузен-Вивремонт, генерал-майор Остер, а также полковник генерального штаба Гроскурт. Во всяком случае, записи эти представляют собой (имея в виду компетентность их авторов и с хронологической точки зрения) прежде всего фрагменты. Но типично то, что именно и как именно исчезло или же утаивалось от мировой общественности сначала в гитлеровской Германии, а затем в ФРГ. Это в основном:

1. "Военный дневник" шпионской группы "Заграница" управления ОКВ "Заграница/абвер", который, согласно признаниям Бюркнера, был сожжен им лично перед его бегством из кавалерийского училища сухопутных войск в Крампнице19.

2. "Военный дневник абвера II", чаще называемый "дневником Лахузена", оригинал которого исчез во время Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками.

3. Так называемые "документы Остера" - генерал-майора Ганса Остера, который до 1943 года являлся начальником отдела "Z" (центрального отдела. Ю.М.) управления ОКВ "Заграница/ абвер". Они попали в руки гестапо и, по всей вероятности, полностью были уничтожены в конце войны.

4. "Дневник подполковника Гельмута Гроскурта за 1938 - 1940 годы", т. е. за тот период, когда его автор являлся (до 1939 года) начальником абвера II, а затем был офицером связи абвера с главным командованием сухопутных войск в Цоссене20. Продолжая быть недоступным для большинства историков, дневник хранится в закрытом архиве мюнхенского Института современной истории21.

В последнее время в ФРГ все чаще упоминается именно "дневник Лахузена", причем делается это обычно с неуклюжей профашистской тактикой. Мне удалось выяснить, что он тоже находится в Мюнхене в архиве Института современной истории и доступен лишь некоторым особо избранным историкам (например, старому фашисту и бывшему абверовцу Герту Буххайту)22.

Ошибочно полагая, что руководство этого института все-таки заинтересовано в предоставлении своих архивных фондов для необходимого изучения истории Второй мировой войны, я еще в 1966 году обратился с письменной просьбой дать мне ознакомиться с этими фондами, на что получил следующий ответ:

"Ваше письмо от 8. 02 мы с благодарностью получили. Имеющийся у нас так называемый "дневник Лахузена" представляет собой не оригинал или фотокопию оригинала, а не сверенную с подлинником машинописную копию, которую нас попросил изготовить один из журналистов, освещавших процесс в Нюрнберге. Оригинал до сих пор не обнаружен, так что возможности сличить мы не имели. Дневник используется в институте лишь с оговорками и с величайшей осторожностью, а потому выдача его во временное пользование и тем более передача посторонним лицам принципиально отвергается.

Сожалеем, что по этой причине не можем быть Вам полезны".

Итак, вице-адмиралу Бюркнеру мы обязаны указанием на то, что "львиная доля" уничтоженного дневника управления ОКВ "Заграница/абвер" была составлена из материалов, предоставлявшихся абвером I, абвером II и абвером III.

Чтобы завершить облик этого управления и помочь создать общее представление о характере и масштабах его операций по подготовке Второй мировой войны и в ходе ее, возникла необходимость хронологического описания соответствующих событий. Отсюда закономерно вытекала, как результат изучения, определенная реконструкция того дневника, о котором шла речь. Особое значение автором этой книги придавалось охвату главным образом централизованно руководимых шпионских и диверсионных акций гитлеровского вермахта в период с 1938 года до весны 1944 года. С этой целью был использован весь досягаемый фактический материал, добытый автором в процессе многолетней работы.

Однако далеко не все преступления абвера гитлеровского вермахта выявлены.

Объем настоящей книги допускает перечисление лишь самых основных событий, притом в "телеграфном" стиле. Оно дано в

специальном разделе (см. с. 175-203). Характером самого материала объясняется то, что в хронологии событий имеются отдельные пробелы.

ПРИГОВОР УПРАВЛЕНИЮ ОКВ "ЗАГРАНИЦА/АБВЕР"

Показания гитлеровских главарей шпионажа Пикенброка, Лахузена-Вивремонта, Штольце и фон Бентивеньи, сохранившиеся подлинные документы и, не в последнюю очередь, хронология основных шпионских и диверсионных акций гитлеровской Германии в процессе подготовки и во время Второй мировой войны служат дополнительными обличающими доказательствами преступной деятельности управления ОКВ "Заграница/абвер", его офицеров и агентов. А потому звучит просто насмешкой, когда виновные в военных преступлениях генералы, адмиралы, офицеры, а также и "десятки тысяч агентов"23 дают в послевоенной Западной Европе свидетельства такого рода: [...] отделы этого управления "действовали без каких-либо политических закулисных причин и планов переворотов. Необходимо сказать, что [...] большинство офицеров абвера, а также иные его служащие несли свою службу вполне корректно и выполняли свой долг, как предписывалось. Приговоры абверу дают понять, что там действовали упорно и в духе верности"24.

Неофашистские хвалебные гимны преступной "когорте Канариса", которая в течение многих лет вела политическую и военную игру ва-банк в пользу гитлеровской Германии, вызывает возмущение у любого честного человека. Биограф Канариса К.Г. Абсхаген тоже пытается распространить ту же версию, будто глава абвера всего лишь выполнял свой долг. "Начиная от Канариса и кончая последним техническим работником и сотрудником как внутри страны, так и за границей, все без исключения принадлежавшие к этой организации были людьми, любящими свое отечество и готовыми служить ему всеми силами"25. Итак, всех, кто служил в секретной службе нацистской Германии, объявляют чистейшими и безупречнейшими суперменами: суровыми, но твердыми, стоящими вне политики, повинующимися долгу и любящими отечество!

Зададим же сим "песнопевцам" несколько вопросов.

Разве каждый в отдельности служащий управления ОКВ "Заграница/абвер" не приносил клятву верности лично Гитлеру? Разве не офицеры абвера и их агентурные своры устраивали фанатическую охоту на политических и военных противников гитлеровской Германии как внутри страны, так и за ее пределами? И разве не абверовцы многие годы усердно, "корректно" и послушно выполняли волю того человека, о

котором даже сами буржуазные историки вынуждены порой говорить: "Перед нарушениями международного права Канарис никогда не останавливался"26?

Если сегодня в реваншистской литературе аппарату Канариса и делаются какие-либо упреки, то только за его относительную и все возраставшую неэффективность в реализации далеко идущих агрессивных целей Гитлера. Это подтвердил, например, в 1969 году и Г. Буххайт, отнеся управление ОКВ "Заграница/абвер" к категории "инструмента", "которому несколько тысяч офицеров и сотрудников посвятили себя с полной отдачей, хотя, к сожалению (! - Ю.М.), зачастую и безрезультатно"27.

Но что означало такое безоговорочное повиновение? Разве не заключалась мнимая любовь рьяных пособников агрессии к "отечеству" в том, что они в результате своей иллюзорной политической, экономической и военной оценки реального соотношения сил привели немецкий народ на грань гибели и оставили после себя Германию, полную развалин? Разве не зиждется эта "корректность" именно на том, что для абверовцев "отечество" было тождественно рейху Гитлера и Геринга, владениям Круппа и других монополистов, усеянному концлагерями террористическому государству Гиммлера и Гейдриха?

Остается упомянуть еще о "суровости", а иначе говоря, о той жестокости, которая выражалась в беспощадной борьбе против всех противников нацизма с целью их физического уничтожения, осуществления античеловечной внутри- и внешнеполитической программы гитлеровского государства. Даже один из западногерманских иллюстрированных журналов, бросая ретроспективный взгляд на офицеров абвера, был вынужден констатировать, что их "масса осталась верна (нацистскому. - Ю.М.) режиму"28. Эта "суровость" и эта "верность Нибелунгов" привели к многократному и многообразному участию управления "Заграница/абвер" в том комплексе преступлений, в котором позднее обвинялось все Верховное главнокомандование вермахта Международным военным трибуналом в Нюрнберге. Сотрудники Канариса также несут вину за:

- преступления против мира,
- военные преступления и преступления против военнослужащих и военнопленных противника,
- преступления против человечности.

Именно войско шпионско-диверсионного управления ОКВ "Заграница/абвер" активно участвовало в планировании и подготовке агрессивных войн и военных действий в нарушение международно-правовых договоров, соглашений и заверений.

Более того, оно, как правило, при помощи своих особых частей и спецкоманд открывало путь противоречащим международному праву нападениям гитлеровской Германии на другие государства. Именно абвер участвовал в планировании и осуществлении агрессивных действий германского фашизма против Австрии, Чехословакии, Польши, Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Дании, Норвегии, Югославии, Греции, Советского Союза, США и Италии.

Именно абвер своими преступными методами преднамеренно нарушал кодифицированное военное право и правила ведения войны.

В ходе борьбы против политических противников гитлеровского режима, а особенно против партизан абверовцы совершали тяжкие злодеяния против гражданских лиц, преступления против человечности. Они не только полностью одобряли те планы и действия, результатом которых являлись эти преступления, но и приказывали осуществлять их.

Командование управления ОКВ "Заграница/абвер" принадлежало к числу руководителей, организаторов, подстрекателей и пособников осуществления гитлеровской Германией планов агрессии и заговора против мира. Все эти преступления подлежали, на основе закона № 10 союзнического Контрольного Совета в Германии, расследованию, а сами преступники - справедливому осуждению. Советский Союз, как это, не в последнюю очередь, показывают судебные дела Пикенброка, фон Бентивеньи и Штольце, строго придерживался международного права, требующего наказания военных преступников.

Но в результате позиции, занятой в Международном военном трибунале представителями западных держав в 1945-1946 годах, принципиально осудить в приговоре деятельность ОКВ и генерального штаба как преступную не удалось. Тем актуальнее звучит внесенное 1 октября 1946 года официальное Особое мнение члена Международного военного трибунала от СССР генерал-майора юстиции И.Т. Никитченко, которое по существу своему полностью относится и к офицерскому корпусу абвера.

"Руководители германских вооруженных сил были отнюдь не просто офицерами, достигшими определенных ступеней военной иерархии. Они являлись прежде всего сплоченной группой, которой были доверены наиболее засекреченные планы гитлеровского руководства. Представленные доказательства полностью подтверждают, что военные руководители вполне оправдали это доверие и были убежденными сторонниками и ревностными исполнителями гитлеровских планов... Факт

совершения ими тягчайших преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности не только не отрицается, но специально подчеркивается в приговоре..."29

Тем самым был вынесен приговор и офицерскому корпусу управления ОКВ "Заграница/абвер". Однако должных выводов из этого факта не было сделано ни в трех тогдашних западных оккупационных зонах, ни в возникшей позже Федеративной Республике Германии. Отягощенные виной гитлеровские генералы и офицеры, в том числе и многие из управления ОКВ "Заграница/абвер", были назначены тогда на командные посты в бундесвере или получили высокие пенсии. Продолжала в изобилии издаваться реваншистская литература, в том числе и писания бывших абверовцев.

Вот уже много лет в Арользене, небольшом курортном городке (округ Кассель), регулярно собираются по-военному организованные члены действующего в ФРГ "Традиционного союза солдат и офицеров танкового корпуса "Гроссдойчланд" вместе с "Союзом бранденбуржцев". На их сборищах все еще предводительствует старый фашист, майор гитлеровского генштаба Адольф Метцнер - в 30-е годы он организовал "пятую колонну" в Чехословакии. Не случайно именно эти элементы и им подобные являются возмутителями покоя на нашем континенте.

В этой книге приведены показания гитлеровских генералов шпионажа и диверсий. Многие их проекты, планы, операции и преступления в течение десятилетий оставались, а частично и по сей день остаются тайной. Но и то, что стало известно, неопровержимо свидетельствует о преступной деятельности абвера - этой организации шпионажа и диверсий.

ХРОНИКА ОСНОВНЫХ ПРЕСТУПНЫХ АКЦИЙ
ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ И КОНТРРАЗВЕДКИ (АБВЕРА)
ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ. 1934-1944 гг.*

1934

2 января

Органы абвера министерства рейхсвера на основании распоряжения гитлеровского правительства составили "Памятку о борьбе против шпионажа и измены" в целях обеспечения засекречивания и маскировки военного производства в Германии.

1935

Институт восточноевропейской экономики в Кёнигсберге по заданию абвера активизировал экономический и военный шпионаж в восточноевропейских государствах. Абвер приступил к созданию секретных баз в Болгарии, Румынии, Турции, Иране, Афганистане, Китае и Японии. Главная цель - антисоветский шпионаж.

Абвер усиливает свою агентурную сеть в демилитаризованной Рейнской области.

1 января

Начальником абвера назначен капитан I ранга Вильгельм Канарис.

Февраль

Секретные переговоры Канариса с начальником секретной службы хортистской Венгрии. Достигнута договоренность о сотрудничестве главным образом против Чехословакии, а также государств Восточной и Юго-Восточной Европы.

21 мая

На основании фашистского закона в Германии введена воинская повинность и создан вермахт.

* Печатается с сокращениями.

1936

Канарис впервые посетил Эстонию, где вел специальные переговоры с начальником генерального штаба армии и начальником 2-го отдела (военная секретная служба). Достигнута договоренность об обмене шпионскими сведениями о Советском Союзе.

Абвер зафиксировал первые шпионские успехи своей агентурной сети в Северной, Центральной и Южной Америке, а также в разведывательной деятельности против вооруженных сил США.

"Заграничная организация НСДАП" начала охват немцев, проживающих за границей, с целью предоставить их в случае мобилизации в распоряжение прежде всего абвера.

Январь

Абвер с помощью завербованного польского майора генерального штаба (кодовая фамилия - Марковский) проник в генеральный штаб польской армии и через него стал получать сведения о структуре, дислокации и вооружении польских вооруженных сил, а также данные о районах их развертывания в случае мобилизации.

7 марта

Гитлеровский вермахт занял демилитаризованную Рейнскую зону. Все агенты абвера в Западной Европе получили задание следить за реакцией армий и военно-морских флотов соседних стран на занятие Рейнской зоны.

Май

В Праге обезврежена германская сеть военного шпионажа.

Июнь

Начальник 2-го отдела (военная секретная служба) эстонской армии полковник Маасинг посетил Канариса в Берлине. Абвер

получил от буржуазного эстонского правительства согласие использовать территорию Эстонии для шпионажа против СССР.

Переговоры Канариса в Риме с начальником итальянской секретной службы полковником Роаттой о помощи предстоящему франкистскому путчу в Испании.

15 июля

В Мадриде схвачен германский военный шпион Эберхард Функ. При нем найдены подробные схемы испанских аэродромов и мадридских военных объектов, складов боеприпасов.

18 июля

Начало фашистского путча в Испании и национально-революционной войны испанского народа.

25 июля

Гитлер по рекомендации Канариса издал директиву об осуществлении секретной операции "Цауберфойер" ("Волшебный огонь") - о поставках Франко военных самолетов и помощи германскими летчиками.

Начало германо-итальянской интервенции в Испании.

Август

Канарис вновь совещался в Риме с начальником итальянской секретной службы полковником Роаттой о германо-итальянской интервенции в Испании.

1 декабря

Секретные переговоры Канариса в Риме по поручению имперского военного министерства с Муссолини и генерал-майором секретной службы Роаттой о форсировании германо-итальянской интервенции в Испании.

Усиление абвером своих шпионских организаций, действующих против Чехословакии. Совместно с австрийской и венгерской секретными службами осуществлялся перехват всех кабельных линий из Чехословакии и обратно в целях подслушивания телефонных разговоров и перехвата телеграмм, затрагивающих Германию, Австрию и Венгрию,.

21 декабря

Абвер скоординировал со Службой безопасности (СД) гитлеровской партии задачи внутри Германии и за ее пределами. С целью разделения обязанностей и установления взаимодействия совместно выработаны "10 заповедей". Их основное содержание:

1. Абвер, СД и гестапо должны тесно взаимодействовать в осуществлении политики гитлеровского правительства и нацистской партии как внутри страны, так и за границей.

2. Военный шпионаж - задача исключительно абвера. Гестапо должно без промедления передавать результаты военного

шпионажа и шпионские сведения, а также их источники соответствующему региональному отделению абвера. Контршпионаж - задача тоже исключительно абвера.

3. Политический шпионаж и политическая разведывательная служба являются компетенцией СД.

4. Расследование государственно-политических и уголовных дел, а также исполнительные действия (арест, ведение следствия и т. д.) во всех случаях государственной измены - задача гестапо. В таких случаях абвер должен передавать гестапо все добытые сведения и материалы.

1937

Канарис совещался в Вене с начальником разведывательного отдела австрийского федерального министерства обороны.

Канарис и Пикенброк посетили буржуазную Эстонию в целях большей активизации и координирования антисоветского шпионажа.

Канарис поставил на службу абверу контрреволюционную Организацию украинских националистов (ОУН).

Дислоцирующееся в Стаакене командование особой части ВВС "Ровель" приступило к ведению воздушного шпионажа против Советского Союза посредством замаскированных под транспортные самолеты "Хе-111".

2 января

Канарис по заданию имперского военного министерства вновь провел секретные переговоры в Риме с Муссолини о продолжении германо-итальянских военных действий в Испании.

2 февраля

По указанию гауляйтера Вильгельма Бале, начальника "Зарубежной организации НСДАП", в каждой стране, где есть филиалы НСДАП, значительно расширяется агентурная сеть абвера.

Осень

Канарис получил от Гитлера разрешение вести против Великобритании неограниченные шпионские операции.

В Шанхае создан пункт наблюдения за импортом и экспортом важных в военном отношении товаров в крупных портах Восточной Азии.

5 ноября

Гитлер довел до сведения имперского военного министра, имперского министра иностранных дел и главнокомандующих сухопутными войсками, военно-воздушными силами и военно-морским флотом секретные стратегические планы нападения на различные страны.

1938

Канарис и Пикенброк снова посетили Эстонию в целях форсирования скоординированной деятельности секретных служб обеих стран против Советского Союза.

Вербовка и обучение абвером банд украинских националистов в лагере на озере Химзее (в районе Берлина), а также в Квенцгуте (около Бранденбурга) для осуществления вредительских и диверсионных акций в Польше и СССР.

Провал поддерживавшейся абвером попытки путча национал-социалистов в Чили.

По решению Советского правительства закрыты консульства гитлеровской Германии в Ленинграде, Харькове, Тбилиси, Киеве. Одессе, Новосибирске и Владивостоке, служившие базами антисоветского шпионажа и подрывных действий.

Февраль

Распространяя слухи о крупных передвижениях войск в пограничных областях Баварии и имитируя их усиленным радиообменом, абвер пытался оказать давление на австрийское правительство.

12 марта

Гитлеровская Германия аннексировала Австрию.

Начало деятельности (после встречи с Канарисом) подполковника австрийского генштаба фон Лахузена-Вивремонта в абверовском центре в Берлине.

В Вене создан оборудованный самой новейшей аппаратурой центр радиошпионажа против стран Восточной и Юго-Восточной Европы.

22 апреля

Генеральный штаб сухопутных войск приступил к стратегическому планированию нападения на Чехословакию - план "Грюн" ("Зеленый").

10-11 мая

Провал организованного нацистами и бразильскими фашистами путча в Бразилии.

Июнь

Между генерал-майором японской секретной службы, военным атташе в Берлине Хироши Ошимой и абвером при посредничестве германского министерства иностранных дел заключено соглашение об обмене шпионскими сведениями и координации разведывательной деятельности против СССР.

Сентябрь

Переговоры Канариса через начальника отдела ОКВ "Иностранные армии" полковника генерального штаба фон Типпельскирха с венгерским генеральным штабом, имевшие античехословацкое содержание.

19 сентября

При поддержке абвера в Чехословакии сформирован и начал действовать в качестве диверсионной части "Добровольческий корпус судетских немцев".

1-10 октября

Вступление гитлеровского вермахта при поддержке "Добровольческого корпуса судетских немцев" в отторгнутые от Чехословакии пограничные области.

17 декабря

ОКВ издало директиву "Ликвидация оставшейся части Чехии".

1939

15 марта

Гитлеровская Германия завершила аннексию Чехословакии. В оккупированной Праге создано отделение абвера.

22 марта

Фашистская Германия осуществила аннексию Мемеля [Клайпеды].

3 апреля

Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) разработало план нападения на Польшу - план "Вайс" ("Белый").

Июнь

Правительство Франции сообщило о раскрытии широко разветвленной шпионской сети, в деятельности которой

участвовали агенты абвера.

В Бельгии раскрыта абверовская сеть военного шпионажа.

Июль

Канарис и Пикенброк посетили Эстонию с целью дальнейшей активизации шпионажа против Советского Союза.

Август

Абверовскнй майор Шмальшлегер в ходе военных приготовлений против Польши расширил сеть радиоагентов.

В глубь польской территории для захвата стратегически важных объектов, а также для осуществления шпионажа и диверсионных актов заброшены диверсанты из "Боевого союза Эббингхауз". Их задача - разрушение важных транспортных сооружений с целью воспрепятствовать сосредоточению польских войск и ослабить их сопротивление.

Банды украинских контрреволюционных националистов и так называемые "фольксдойче" на территории Польши оснащены оружием и снаряжением для подрывных действий. Часть вооружения контрабандно переброшена в Польшу из Румынии.

17 августа

Канарис получил от СД задание обеспечить эсэсовцев польским военным обмундированием для запланированного с целью развязывания войны провокационного нападения на немецкую радиостанцию в Глейвице (Гливице).

25 августа

Команда абвера перешла польскую границу, захватила Яблунковский перевал и стратегически важные железнодорожные сооружения.

31 августа

Гитлер издал директиву № 1 о вооруженном нападении на Польшу.

В ночь перед началом агрессии против Польши абвер тайно перебросил через польскую границу под видом шахтеров и рабочих 5 тысяч диверсантов, в большинстве своем говорящих по-польски, с заданием захватить металлургические предприятия, фабрики, электростанции и приграничные мосты.

1 сентября

Нападение гитлеровской Германии на Польшу. Начало Второй мировой войны.

4 сентября

На следующий день после объявления Великобританией и Францией войны гитлеровской Германии в Англии арестовано около 400 германских шпионов.

Антибританские акции абвера II концентрируются на:

а) контрабандной доставке взрывчатки в Великобританию с

целью осуществления диверсионных актов на предприятиях английской военной промышленности;

б) диверсиях против английских судов в нейтральных портах.

Октябрь

До середины 1941 года абвер вел систематическую деятельность на границе с СССР с целью создать и использовать широко разветвленную шпионскую сеть.

9 октября

Гитлер издал директиву № 6 - о подготовке нападения на Францию через территорию Люксембурга, Бельгии и Нидерландов.

Приказ Канариса, согласованный с начальником военной секретной службы Румынии, тайно осуществить захват румынского нефтедобывающего района (нефтяных скважин, нефтеочистительных заводов, цистерн и нефтеналивных судов).

18 октября

Управленческая группа ОКВ "Зарубежные сообщения" и абвер преобразованы в расширенное управление ОКВ "Заграница/ абвер".

3 ноября

Полковник кавалер Оскар фон Нидермайер представил ОКВ разработку "Политика и ведение войны на Ближнем Востоке". В ней содержатся предложения о подрывных действиях гитлеровской Германии на Ближнем и Среднем Востоке.

23 ноября

На секретном совещании Гитлер дал генеральному штабу ориентировку на составление дальнейших агрессивных планов.

30 ноября

Начало финляндско-советского конфликта. Тайная "Военная организация" в Финляндии управления ОКВ "Заграница/абвер" при помощи секретной службы финляндской армии ведет шпионаж против СССР.

8-9 декабря

Переговоры Канариса в Бухаресте с начальником румынской секретной службы Морозовым о расширении замаскированной охранной части абвера II в румынском нефтедобывающем районе.

Форсирование абвером шпионажа против СССР с территории оккупированной Польши. Заброска на территорию СССР банд украинских контрреволюционных националистов с целью военного шпионажа. Большинство из них сразу же обезврежено советскими органами госбезопасности.

Подготовка абвером совместно с отделом ОКВ "Пропаганда среди вооруженных сил противника" кампании по деморализации французских войск.

1940

По приказу управления ОКВ "Заграница/абвер" активизируется воздушный шпионаж против Советского Союза.

В рамках приготовления к агрессии против Советского Союза предпринимаются попытки создать в тылу Красной Армии "пятую колонну". В связи с этим в Кракове формируется отряд численностью 2 тысячи человек, в Варшаве - "Украинский легион", в Луккенвальде - батальон "Украинские борцы".

Шпионаж в целях осуществления операции "Феликс" (захват Гибралтара с помощью специально направленного в Испанию "штаба Гибралтар").

Канарис произведен Гитлером в адмиралы.

Фон Бентивеньи совещается в Бухаресте с румынской военной секретной службой.

13 февраля

Канарис доложил в ОКВ генералу Йодлю о новых результатах воздушного шпионажа против СССР, полученных специальной эскадрильей "Ровель".

1 марта

Подполковник абвера Вагнер получил от Канариса задание создать в Болгарии антисоветскую тайную "Военную организацию" (КО).

1 апреля

Канарис дал своему управлению инструкции по нападению на Данию и Норвегию - план "Везерюбунг" ("Везерские учения").

8-9 апреля

Абвер II в плане подготовки нападения на Данию провел операцию "Сан-Суси": ночью его подразделения просочились из Северного Шлезвига через границу и захватили главное шоссе, железнодорожные мосты.

Действия абвера против Норвегии: обер-лейтенант Кемпф по агентурной рации с германского парохода "Видар", стоящего в порту Осло, направил фашистскую флотилию в фиорд Осло.

9 апреля

Гитлеровская Германия напала на Данию и Норвегию.

Май

В посольстве США в Лондоне разоблачен агент абвера шифровальщик Тайлер Кент. Он успел передать управлению ОКВ "Заграница/абвер" как минимум 1500 микрокопированных секретных депеш.

2 мая

Абвер силами "бранденбуржцев" начал операцию "Моргенрёте" ("Утренняя заря") вдоль французской, бельгийской, люксембургской и голландской границ.

9-10 мая

В авангарде гитлеровского вермахта отряды абвера и диверсионные части "бранденбуржцев" вторглись в Люксембург, Бельгию, Нидерланды и Францию.

Абверовцы захватили Шельдский туннель около Антверпена. 5200 переодетых под беженцев германских диверсантов просочились через линию фронта бельгийских, французских и английских армий в тыл. В детских колясках и повозках или под матрасами они везли пулеметы и взрывчатку для диверсионных актов. С целью дезинформации английских войск с самолетов сброшены макеты пулеметов, имитирующие выстрелы, а в Арденнах - манекены на парашютах.

В Гааге агенты абвера из местного населения направили ударные армейские отряды к резиденции королевы, квартирам министров, штаб-квартире главнокомандующего нидерландскими войсками и другим важным объектам.

В Люксембурге агенты в штатском разрушили линии телефонной связи н захватили важные объекты, в частности главную электростанцию, обеспечили быстрое продвижение гитлеровского вермахта к Маасу и через Арденны.

Во Франции: поджоги объектов агентами абвера. Снаряжение для диверсий и оружие им сбрасывалось на парашютах.

10 мая

Нападение гитлеровской Германии на Нидерланды, Бельгию и Люксембург план "Гельб" ("Желтый") и Францию.

Адмирал Канарис и фон Бентивеньи в оккупированном Люксембурге.

30 мая

Команды "браденбуржцев", замаскированные под голландских, бельгийских и французских беженцев, захватили в Париже французские секретные архивы.

20 июня

В оккупированном Париже отделение абвера захватило секретные французские архивы в таком объеме, что для вывоза их потребовались целые железнодорожные составы. Среди захваченных документов - центральная картотека и архивные фонды.

Конец июля

Абвер приступил к активному шпионажу в неоккупированной части Франции, в Северной Африке, на Пиренейском полуострове и в Англии. Предпринимаются усиленные попытки доставить диверсантов в Англию морским путем.

Июль

На территории вошедшей в состав СССР Литвы до мая 1941

года обезврежено 75 германских шпионских групп, ведших шпионско-диверсионную деятельность в целях подготовки нападения на СССР.

Абвер участвует в попытке фашистского путча в Чили.

19 июля

Канарис приказал усилить антибританский шпионаж и диверсионные действия в связи с запланированным вторжением на Британские острова - план "Зеелёве" ("Морской лев").

21 июля

Поездка Канариса в Испанию с целью форсировать сосредоточение войск и уточнить возможности нападения на британскую военную базу Гибралтар.

21-22 июля

Руководство гитлеровской Германии начало разработку плана войны против Советского Союза.

Август

ОКВ поставило перед управлением "Заграница/абвер" задачи по подготовке войны против СССР. Канарис информировал об этом начальников отделов.

1 августа

Для осуществления диверсий в ходе запланированного вторжения в Англию создано особое формирование "Бранденбург".

2 августа

Канарис доложил начальнику ОКВ Кейтелю и командующему фашистской люфтваффе Герингу о результатах шпионажа против британской военной базы Гибралтар. Для выполнения этой задачи создан специальный разведывательный штаб.

9 августа

Приказ ОКВ о подготовке района сосредоточения войск для нападения на Советский Союз (приказ "Ост").

15 августа

В Берлине создан штаб оперативного руководства "бранденбуржцами" для осуществления единого командования ими.

26 августа

Приказ ОКВ управлению "Заграница/абвер" об усиленной маскировке сосредоточения войск гитлеровского вермахта против Советского Союза.

30 августа

Беседа Канариса в Берлине с германскими военными атташе с целью поставить перед ними конкретные шпионские задачи, особенно перед военным атташе в Москве и военными атташе в граничащих с Советским Союзом государствах.

В ходе экономической и политической экспансии на Юг и особенно приготовлений к агрессии против СССР гитлеровский вермахт перебросил в Румынию новые "учебные части".

Руководитель секретной "Военной организации" (КО) в Болгарии подполковник Вагнер назначен управлением ОКВ "Заграница/абвер" офицером связи с генеральным штабом царской Болгарии.

4 сентября

Генерал Антонеску установил в Румынии фашистскую диктатуру.

10 сентября

Канарис доложил штабу оперативного руководства вермахта о поездке в Румынию и выразил уверенность в надежности фашистского диктатора Антонеску.

27 сентября

Германия, Италия и Япония подписали агрессивный Тройственный пакт.

Октябрь

"Батальон Баулера" управления ОКВ "Заграница/абвер" переименован в "Учебный полк особого назначения "Бранденбург 800".

12 октября

Вступление войск вермахта в Румынию.

Ноябрь

Директива Канариса абверу III о тщательной маскировке концентрации германских войск на германо-советской границе.

Обсуждение в управлении "Заграница/абвер" возможности убийства французского генерала Вейгана по приказу начальника ОКВ Кейтеля. По словам Канариса, Кейтель опасался, что М. Вейган создаст при помощи уцелевших частей французской армии центр сопротивления в Северной Африке. Приказ Кейтеля осуществлен не был.

Подготовка абвером II широко задуманного антибританского саботажа в Южной Африке - операция "Вайсдорн" ("Боярышник").

19 ноября

Разработка ОКВ планов одновременного нападения на британский Гибралтар (операция "Феликс") и на Грецию (операция "Марита").

20 ноября - 24 ноября

К фашистскому пакту трех держав присоединились фашистские правительства Венгрии (20 ноября), Румынии (23 ноября), Словакии (24 ноября).

25 ноября

Доклад Канариса штабу оперативного руководства

вооруженных сил о переговорах в Мадриде и о новых шпионских данных об обороне побережья Испании и Гибралтара, а также островов в Атлантике.

3 декабря

Заявление Франко о готовности к нападению на британский Гибралтар в начале февраля 1941 года

4 декабря

Поездка Канариса по поручению Гитлера в Мадрид для завершения переговоров с испанским правительством о запланированном нападении на британский Гибралтар и о вступлении Испании в войну.

6 декабря

ОКВ разработало директиву № 21 (план "Барбаросса"). ОКВ поручило Канарису добиться от Франко согласия на переход (или перелет) франко-испанской границы частями вермахта с целью подготовки нападения на британский Гибралтар 10 января 1941 года и согласия на размещение германских батарей тяжелой артиллерии на Канарских островах, в частности на острове Тенерифе.

8 декабря

Сообщение Канариса из Испании о том, что Франко уклоняется от ответа на вопрос о вступлении Испании в войну. Приказ Гитлера: шпионаж против британского Гибралтара продолжать, нападение отложить.

13 декабря

Директива № 20 о нападении на Грецию (операция "Марита").

18 декабря

Гитлер подписал директиву № 21 о нападении на Советский Союз (план "Барбаросса"). Приготовления к агрессии приказано закончить к 15 мая 1941 года.

23 декабря

Указание Гитлера и Кейтеля управлению ОКВ "Заграница/ абвер" убить в Северной Африке бывшего верховного главнокомандующего вооруженными силами Франции М. Вейгана.

Конец 1940 г.

В лагере Нойхаммер около Лигница для запланированного нападения на СССР сформирован батальон "Нахтигаль" ("Соловей").

Внедрение шпионов - офицеров управления "Заграница/ абвер" в созданные на территории Франции и во французских колониях в Северной Африке так называемые комиссии по перемирию (например, в Касабланке, Алжире и Тунисе).

В Танжере разместились филиал абвера и абверовские

отряды для шпионажа и выполнения диверсионных задач в Северо-Восточной и Северной Африке.

В Анкаре (Турция) создана секретная "Военная организация" на Ближнем Востоке. Ее задачи - организация шпионажа и диверсий в странах Ближнего Востока и Северной Африки.

Создание на территории Мексики баз для шпионажа и диверсий против США. Первые действия агентов абвера.

Действия абвера III против бельгийского и французского антифашистского Сопротивления.

Декабрь 1940 г. - март 1941 г.

Органы государственной безопасности СССР раскрыли 67 баз абвера. За этот же период обезврежено 1596 германских агентов, из них 1338 в западных областях Украины и Белоруссии, в Прибалтийских республиках.

1941

Январь

Канарис на совещании начальников отделов абвера уточнил дату нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

31 января

Директива ОКВ о начале сосредоточения войск для нападения на СССР.

11 февраля

Войска гитлеровской Германии высадились в Ливии.

15 февраля

Гитлер подтвердил директиву, согласно которой до 16 апреля 1941 года должны быть проведены акции по дезинформации СССР с целью замаскировать сосредоточение и развертывание войск фашистского вермахта для войны против Советского Союза.

Март

Приказ Канариса абверу об усилении шпионажа против Советского Союза.

Формирование абвером фронтовых разведывательных органов (кодовое наименование: штаб "Валли" I, II и III).

1 марта

Присоединение монархо-фашистского режима Болгарии к Тройственному пакту Германии, Италии, Японии.

Войска вермахта вступили в Болгарию.

11 марта

Штаб оперативного руководства вермахта дал задание управлению ОКВ "Заграница/абвер" дезинформировать советского военного атташе в Берлине с целью отвлечь внимание от передвижений германских войск близ границы Советского Союза.

21 марта

Фон Бентивеньи доложил штабу оперативного руководства

вермахта об особых мерах абвера III по маскировке передвижений войск вермахта, направленных против Югославии и СССР.

24 марта

Совещание с участием Канариса, Бюркнера, Пикенброка, фон Лахузена, Штольце и представителей министерства иностранных дел о продолжении подрывной деятельности в арабском регионе.

Секретный документ Канариса "Запланированные мероприятия управления ОКВ "Заграница/абвер" на Ближнем Востоке" о расширении шпионской сети (с центрами в Турции, Египте, Сирии и Ираке), форсировании антибританского саботажа и провоцировании антибританских выступлений в Палестине, Трансиордании и Ираке.

27 марта

Директива № 25 о нападении на Югославию.

28 марта

Фон Лахузен при содействии отделения абвера II в Будапеште организовал тайную переброску оружия через венгеро-югославскую границу для вооружения "пятой колонны" в Югославии. Диверсионные команды "бранденбуржцев" проникают в Югославию и Грецию.

31 марта

Как итог многолетнего воздушного шпионажа при помощи спортивных, транспортных и специальных самолетов абвер представил ОКВ полный свод географических карт Ближнего Востока. При этом особое внимание уделено заморским военным базам Великобритании (Суэцкий канал, военные гавани, форты в пустынях, аэродромы и т. п.) и другим стратегически важным объектам (центрам нефтедобычи, нефтеперегонным заводам, нефтепроводам и т. п.) в Турции, Трансиордании, Палестине, Ираке и Иране.

Апрель

Канарис посетил Испанию.

Операция "Хуммер III Норд" - диверсионные акты на расположенных в Северной Англии предприятиях авиационной промышленности, военных заводах, продовольственных складах, нефтехранилищах и железнодорожных линиях.

6 апреля

Нападение гитлеровской Германии на Югославию и Грецию. Диверсии абвера против этих стран.

25 апреля

ОКВ издал директиву № 28 о нападении на остров Крит - операция "Меркур" ("Меркурий").

27 апреля

Расширение агентурной сети абвера в Греции.

28 апреля

В США арестованы 42 агента управления ОКВ "Заграница/ абвер". 18 из них признали себя виновными в шпионаже. Ими разведано 29 выпускаемых типов самолетов, добыты сведения о производственной мощности авиационной промышленности США, планы производства армейской винтовки типа "М-1", а также данные о военной промышленности и поставках оружия в другие страны.

30 апреля

Приказ Гитлера о нападении на Советский Союз 22 июня 1941 г.

Май

В Варне, Бургасе, Пловдиве, Свиленграде созданы филиалы секретной "Военной организации" в Болгарии.

20 мая

Гитлеровские войска высадились на остров Крит.

24 мая

Усиление абвером посредством тайной организации антибританского шпионажа и диверсий в Индии.

25 мая

ОКВ информировало военную секретную службу Финляндии о предстоящем нападении на СССР.

1 июня

Для подготовки нападения на Советский Союз управление ОКВ "Заграница/абвер" отдало приказ создать три подчиненные ему "команды фронтовой разведки" для группы армий "Север", "Центр" и "Юг".

Операция "Эрна" - заброска из Финляндии в прибалтийский регион эстонских шпионов, радиоагентов и диверсантов.

Заброска в СССР агентов из числа украинских националистов. Задача составить или уточнить поименные списки советских граждан, подлежащих уничтожению.

10 июня

Совместное заседание высших чинов абвера, СД и полиции. Утверждена система террористических мер на советской территории сразу же после ее оккупации. Договоренность Канариса с обергруппенфюрером СС Гейдрихом о взаимодействии абверовских отрядов с "айнзацгруппами" и командами СД и полиции безопасности после нападения на СССР.

ОКВ издал директиву № 32 - "Подготовка к периоду после "Барбароссы".

14 июня

Последние распоряжения ОКВ о нападении на Советский Союз.

18 июня

Дивизии первого эшелона вермахта заняли исходные позиции для нападения на СССР.

Диверсионный батальон "Нахтигаль" дислоцируется в районе Пантоловице близ советской границы.

21 июня

Для руководства всей шпионско-диверсионной фронтовой деятельностью против СССР приведен в боевую готовность "штаб Валли".

"Фронтовые разведывательные команды" групп армий "Север", "Центр" и "Юг" заняли исходные позиции для агрессии против СССР. Диверсанты, одетые в советскую военную форму, захватывают автомашины частей Красной Армии и используют их для переброски агентов. Их задача - вторгнуться на советскую территорию на 50-100 км впереди частей гитлеровского вермахта, осуществляя шпионаж и диверсии в тылу Красной Армии.

Диверсионный отряд "бранденбуржцев", в нарушение международного права переодетый в советскую военную форму, углубился ночью на 20 км советской территории, чтобы захватить стратегически важный мост через реку Бебжу у Липска и удерживать его до подхода танковых частей гитлеровского вермахта.

22 июня

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз (план "Барбаросса").

Действуя повсюду в авангарде вторгающихся в Советский Союз частей гитлеровского вермахта, "бранденбуржцы" совершают ряд жесточайших диверсионных акций против советских пограничных городов, воинских частей и населения. Специальные "фронтовые разведывательные команды" абвера II стремятся захватить военные и другие секретные материалы до их уничтожения советскими органами.

25 июня

Диверсионный батальон "Нахтигаль" вступил во Львов.

26 июня

Финляндия объявила войну Советскому Союзу. Финская военная разведка предоставила шпионские данные управлению ОКВ "Заграница/абвер".

29-30 июня

По указанию управления ОКВ "Заграница/абвер" и используя составленные абвером списки, батальон "Нахтигаль" совершил во Львове массовые убийства.

Лето

Лахузеном-Вивремонтом, генералом Райнеке и начальником

гестапо обергруппенфюрером СС Мюллером разработаны меры по осуществлению приказов об обращении с советскими военнопленными (комиссарам Красной Армии, коммунистам - смерть).

Действия абвера III против партизанского движения, возникающего во всех временно оккупированных областях Советского Союза.

Шпионские действия абвера в Иране, Афганистане, Аргентине, Боливии, Перу.

1-17 июля

Диверсионная часть "Нахтигаль" продолжила массовые злодеяния на советской территории. В лесу около Винницы при попытке прорваться в расположение одного из штабов Красной Армии и захватить его диверсанты были почти полностью уничтожены. Остатки "Нахтигаля" расформированы.

Сентябрь

Создание отделений абвера в захваченных Каунасе, Риге, Таллине, Вильнюсе и Минске.

Парализовано пассажирское сообщение на авиалинии Лиссабон - Нью-Йорк, осуществляемое североамериканской авиакомпанией "Атлантик-клиппер". Исполнитель - тайная "Военная организация" в Португалии.

11 сентября

Из секретного документа имперского министра иностранных дел обергруппенфюрера СС фон Риббентропа адмиралу Канарису:

"Как до сих пор, так и в дальнейшем следует оказывать ОКВ любое возможное содействие по внедрению сотрудников абвера в органы внешней службы министерства иностранных дел..."

Действия абвера против организации антифашистского Сопротивления "Свободная Дания".

Директива Гитлера управлению ОКВ "Заграница/абвер" об усилении диверсий и вредительства с целью срыва поточного выпуска самолетов в США.

11 декабря

Гитлеровская Германия и Италия объявили войну Соединенным Штатам Америки.

Конец 1941 г.

Центр тяжести усилий управления ОКВ "Заграница/абвер" после провала блицкрига против СССР перенесен на советский тыл.

Штаб "Валли III" усиленно пытался внедрить своих агентов в советское партизанское движение.

1942

Приказ Гитлера управлению ОКВ "Заграница/абвер" всемерно

поддерживать финские службы радиошпионажа (донесения финской военной секретной службы способствовали операциям против морских конвоев).

Тайная "Военная организация" в Болгарии совместно с болгарской полицией и зондерфюрером Кляйнхампелем создала специальный орган по борьбе с болгарскими партизанами.

Диверсионной команде "бранденбуржцев", в нарушение международного права переодетой в советскую военную форму, было поручено захватить крупный мост в районе Пятигорска и удерживать его до подхода танков гитлеровского вермахта.

Во время подготовки наступления на Демьянск абвер забросил в советский тыл примерно 200 агентов, задача которых - перерезать железнодорожные линии Бологое - Старая Русса и Бологое - Торопец. Диверсанты вскоре были обезврежены.

Действия абвера III против растущего партизанского движения в Польше.

Переговоры Канариса в Париже с военной секретной службой о действиях против Англии.

Январь - ноябрь

Органы государственной безопасности СССР на Северном Кавказе обезвредили 170 шпионов и диверсантов, засланных абвером I и II.

21 января

Начало контрнаступления гитлеровских войск в Северной Африке.

29 января

Операция "Салям" - заброска абвером радиоагентов в тыл британских войск в Северной Африке.

Апрель

Операция "Устав" - приказ Гитлера управлению ОКВ "Заграница/абвер" убить французского генерала Жиро, бежавшего из заключения в крепости Кёнигштайн на Эльбе, близ Дрездена.

Разработка плана операции "Пасториус" - диверсионных акций по ослаблению военного производства в США. Намеченные объекты: электростанция в Теннесси-Воллей, алюминиевые заводы, завод криолита (Филадельфия), заводы в Огайо, шлюзы на реке Огайо (Цинциннати и Сент-Луис), Пенсильванское железнодорожное депо (Ньюарк) и "Готхолз-Бридж" в Нью-Йорке.

8 апреля

Переговоры Канариса в Риме с Муссолини.

20 апреля

Указание Гитлера управлению ОКВ "Заграница/абвер" о диверсионных актах на дорогах стратегического значения Камерун - Судан с целью сорвать снабжение англо-американских

войск в Египте.

26 апреля

Диверсионная операция "Хуммер V Норд" против Англии. Провал операции.

15-18 мая

Совместное совещание в Праге начальников отделов абвера, СД и полиции безопасности (гестапо и криминальная полиция). Основной вопрос - "Программа из десяти пунктов", в которой в духе тотальной войны разграничены сферы деятельности и задачи внутри и вне Германии.

16 мая

Подготовка операции "Мёве" ("Чайка") I и II - диверсионных актов против английской военной промышленности. Определен исходный пункт заброски парашютистов - Тронхейм (Норвегия).

Начало операции "Граукопф" ("Старец") на германо-советском фронте в зоне группы армий "Центр". Более двух третей агентов абвера уничтожены Красной Армией, остальные в панике разбежались.

26-28 мая

Начало операции "Пасториус": доставка в США на подводной лодке первой диверсионной группы абвера II, состоящей из четырех человек. За ней последовала вторая. Пункт отправления - Бордо (Франция).

Конец мая

Нота протеста Великобритании испанскому правительству по поводу установки, обслуживания и использования инфракрасной шпионской аппаратуры управления ОКВ "Заграница/абвер" на испанской территории для наблюдения за движением кораблей в Гибралтарском проливе.

14-20 июня

Операция "Пасториус" продолжается: высадка диверсантов (главарь первой группы агентов - Даш, второй - Керлинг) на побережье США.

20 июня

Провал операции "Пасториус": все восемь диверсантов абвера II арестованы и преданы суду.

29 июня

Канарис и фон Лахузен-Вивремонт получили выговор от Гитлера за провал операции "Пасториус".

Лето 1942 г. - начало 1944 г.

Абверу II в Гааге удалось через радиоагентов внедриться в нидерландское движение Сопротивления и британскую секретную службу радиоигра "операция Нордполь" ("Северный полюс").

Август

В нефтедобывающем районе г. Грозный, в тылу Красной Армии, сброшена на парашютах диверсантская группа "бранденбуржцев" под командой обер-лейтенанта Ланге с заданием захватить нефтеочистительные сооружения. Группа почти полностью уничтожена еще до приземления.

В США вынесены приговоры восьми диверсантам абвера II. Шестеро из них казнены на электрическом стуле, два агента получили: один - 30 лет, другой - пожизненное тюремное заключение.

Осень

Наступление вермахта на Кавказе и разработка абвером II плана внезапного захвата английских нефтепромыслов в Иране и Ираке.

Канарис и Бюркнер инспектируют органы абвера в оккупированном Париже. Секретные совещания Канариса в Испании.

Октябрь

Указание Гитлера управлению ОКВ "Заграница/абвер" о диверсиях в порту Тулона, где стоят французские военные корабли.

Конец октября

Из Лиссабона в управление ОКВ "Заграница/абвер" поступило шпионское донесение о переговорах бывшего генерала итальянской секретной службы Каброни с западными союзниками по поводу разрыва блока Италия - Германия.

Ноябрь

Провал диверсионной операции в Тулонском порту.

10 ноября

Расширение служб и действий абвера в Лионе, Марселе, Тулузе и Лиможе.

Декабрь

"Учебный полк особого назначения "Бранденбург 800" абвера II преобразован в дивизию особого назначения "Бранденбург 800", подчиненную непосредственно управлению ОКВ "Заграница/ абвер".

26 декабря

Переговоры Канариса и Лахузена-Вивремонта в Мадриде, в частности с генералом Муньесом Грандесом, о вступлении Испании в войну.

Конец 1942 г.

Злодеяния диверсионного карательного батальона "Бергман" под командой Теодора Оберлендера на Кавказе.

Конец декабря 1942 г. - 1944 г.

Абвер I и II совместно с РСХА, его VI управлением и СД

активизировали антибританскую и антисоветскую подрывную деятельность в Иране.

1943

На германо-советском фронте действовали в общей сложности 130 разведывательных органов и более 60 специальных школ по подготовке агентов управления ОКВ "Заграница/абвер". В тыл советских войск заброшено 19 крупных групп диверсантов. 15 из них разоблачены еще до того, как они успели приступить к выполнению своих задач, остальные схвачены несколько позже.

18 февраля

Геббельс провозгласил "тотальную войну".

22 февраля

Канарис и Бентивеньи обсудили - в связи с казнью антифашистов брата и сестры Шолль - в мюнхенском отеле "Регина" с начальником РСХА обергруппенфюрером СС Эрнстом Кальтенбруннером вопросы дальнейшей координации действий управления ОКВ "Заграница/абвер" и Главного управления имперской безопасности.

Апрель

Активизация действий тайной "Военной организации" в Болгарии и абвера против болгарской народно-освободительной армии.

7 мая

Канарис заверил ОКВ в подлинности сообщения британской секретной службы (в действительности дезинформационного), согласно которому главный удар англо-американских войск в 1943 году должен быть направлен на Сардинию (Италия) и Пелопоннес (Греция), и о проведении на Сицилии и Додеканезах в начале лета наступлений. В соответствии с этим ОКВ приняло ошибочные решения.

9 мая

Командир 4-го полка "бранденбуржцев" заключил с Михайловичем договор о совместных действиях против НОАЮ. На основании этого секретного соглашения создан "Черногорский легион", подчиненный "бранденбуржцам". Соглашение одобрено штабом оперативного руководства вермахта.

13 мая

Капитуляция фашистской группы армий "Африка". Действующие в Северной Африке "бранденбуржцы" вопреки капитуляции переправились через Средиземное море в Южную Италию.

Главные силы "бранденбуржцев" переброшены на Балканы для борьбы против растущего партизанского национально-

освободительного движения.

Июль

Действия абвера III против основанного на территории СССР антифашистского национального комитета "Свободная Германия".

25 июля

Во время государственного переворота в Италии арестован Муссолини. Управление ОКВ "Заграница/абвер" распространило свою деятельность на Италию.

30 июля

Конспиративная встреча в Венеции Канариса с начальником военной секретной службы Италии генералом Аме. Заверение генерала в том, что итальянское правительство полно решимости "при твердом государственном руководстве продолжать войну всеми средствами, а мирные переговоры (сепаратные итальянские. - Ю.М.) не намечаются", ввело Канариса в заблуждение.

30 августа

Секретный приказ ОКВ организовать в Северном Тироле боеспособную "Самозащиту".

Сентябрь

Абвер III усилил действия против словацкого антифашистского Сопротивления.

1 сентября

Совместная акция абвера II, СД и РСХА по доставке нескольких групп агентов-парашютистов в различные части Ирана. Цель - нападение на военные транспорты союзников, разрушение железных и шоссейных дорог.

9 сентября

Иранское правительство объявило войну гитлеровской Германии.

Октябрь

В Ленинграде советскими органами безопасности обезврежена группа диверсантов; вскоре в подземном укрытии на одном из кладбищ арестован главарь агентов фон Штаркман.

8 октября

Официальное требование Испании ограничить агентурную деятельность Германии на испанской территории.

1944

Январь

Активные действия абвера III против итальянского партизанского движения.

1 января

Сформированы "фронтовые разведывательные команды" 306, 307, 313 и 314 из числа сотрудников абвера III, находившихся во

Франции, Бельгии и Нидерландах.

12 февраля

Секретный приказ Гитлера:

"1. Создать единую германскую секретную службу сбора и доставки донесений. 2. Руководство этой германской службой сбора и доставки донесений поручаю рейхсфюреру СС. В тех случаях, когда это затрагивает военную разведку и службу абвера, рейхсфюрер СС и начальник штаба ОКВ принимают необходимые меры с взаимного согласия".

7 марта

На секретном совещании в штабе оперативного руководства вермахта генерал-майор Пфульштайн, как командир дивизии особого назначения "Бранденбург 800", и новый начальник абвера II фон Фрайтаг-Лорингофен получили инструкции по проведению совместно с СС и СД операции "Троянский конь". Речь шла о проникновении в Венгрию диверсантов и о подготовке авиадесантной операции с целью внезапного захвата Будапешта. Руководителем назначен генерал-майор фон Пфульштайн.

19 марта

Операция "Маргарете I". Части дивизии особого назначения "Бранденбург 800" под командованием генерал-майора фон Пфульштайна вторглись в Венгрию. Совместно с командами абвера они захватили в Будапеште все стратегически важные объекты и арестовали венгерских руководящих лиц. Цель операции - еще сильнее мобилизовать против СССР союзную с гитлеровской Германией Венгрию во главе с Хорти.

20 марта

Действия абвера III против венгерских антифашистов.

Весна

В Фрейбурге (Брейсгау) организовано военное училище "бранденбуржцев" для подготовки к диверсионным действиям в Италии.

Май

Совещание начальника секретной "Военной организации" в Финляндии и Эстонии капитана 2-го ранга Целлариуса с офицерами финской военной секретной службы. Цель - не допустить приготовлений Финляндии к заключению перемирия с СССР.

25 мая

Реорганизация управления ОКВ "Заграница/абвер". Аппарат абвера I, II и III включен в Главное управление имперской безопасности (РСХА), и в кадровом отношении оно слилось со Службой безопасности (СД) и гестапо. Отдел "Заграница" и оперативные части абвера I и II переданы в ОКВ как отдел

фронтовой разведки и контрразведки.

Значительная часть "бранденбуржцев" влилась в истребительные части под командой оберштурмбаннфюрера СС Отто Скорцени. Диверсионная дивизия особого назначения "Бранденбург 800" в течение года преобразована в мотопехотную дивизию "Бранденбург" и в качестве "Боевой группы Кюльвайн" использовалась для борьбы против партизанского движения на Балканах. В конце сентября по приказу Гитлера она была включена в состав танкового корпуса "Гроссдойчланд" ("Великогермания").

1983